

ВИКТОРИЯ

ПЛАТОВА

Странное
происшествие
в сезон дождей

Annotation

В этом доме всё странно, как и сама влажная, паркая Камбоджа, в которой он находится.

Он забит странными африканскими артефактами. Хозяйка дома Даша́ тоже странная. Никто не знает, откуда она берет средства на безбедное существование. Вот ее муж Шон, который напивается так, что его невозможно разбудить. Вот подруга Анн-Софи, которая знает о хозяйке такое, что заставляет ее умирать от зависти. Вот журналист Ян, которому лучше держать язык за зубами. А вот случайная гостья в этом доме – русская Дарлинг с тяжелой бронзовой статуэткой бенинского леопарда. И этой статуэткой кто-то сильный и жестокий нанес хозяйке смертельный удар в висок.

Полиция. Допросы. Затуманенные взгляды подозреваемых. Всё очень, очень странно в этом доме...

- [Виктория Евгеньевна Платова](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Виктория Евгеньевна Платова

Странное происшествие в сезон дождей

© Платова В. Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

КВАРТЕТ

– ...Для начала нам придется соблюсти некоторые формальности, Тео. Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с покойной?

– Это... это было много лет назад... Теперь и не вспомнить сколько.

– Место тоже вылетело из головы?

– Бенин. Это был Бенин. Или Сенегал? Одно из двух. Но это точно была Африка.

– Я уже понял. Куда бы мы ни двинулись в этом деле, мы обязательно упремся в Африку, коленями или носом. Вы-то что там забыли, в Африке?

– В ту пору у меня был творческий кризис. Я искал вдохновения, много путешествовал... И Африка оказалась мне идеальным местом для отправной точки романа. Но там я заболел желтой лихорадкой и погиб бы, если бы не она.

– Покойная?

– Когда вы говорите так, мне становится плохо. Голова идет кругом...

– «Убитая» будет звучать лучше? «Убиенная»? «Жертва преступления»? Может быть, «труп»?

– Прекратите!..

– Я всего лишь хочу, чтобы вы не забывали: это не светская беседа. Любое слово может обернуться против вас. Так что будьте осторожны и постарайтесь не врать мне.

– Я понимаю, да... Все же это был Бенин. Маленькая страна, чрезвычайно милая и добросердечная. У меня остались о ней самые приятные воспоминания.

– Несмотря на лихорадку?

– Вы не поверите, но я до сих пор благословляю болезнь, от которой чуть не умер. Когда я лежал в бреду, мне открылись многие

вещи, суть вещей. Это пригодилось мне впоследствии для написания романа...

– *Которым все здесь зачитываются?*

– Да? Я не знал этого, но польщен. Кстати, у меня есть еще несколько авторских экземпляров... Они наверху, в чемодане. И мне было бы приятно подарить один из них вам...

– *Э-э... Что ж, буду признателен, хотя я не особый любитель чтения. Но вернемся к покойной. Вы сказали – она выходила вас. Она что, была врачом? Сестрой милосердия?*

– Нет, конечно. Она просто проявила участие, взяла меня к себе в дом.

– *Подобрала на улице, что ли?*

– Практически. Недуг сразил меня во время поездки по саванне, в сезон дождей. Сопровождавший меня местный пройдоха испарился сразу же, причем с моим рюкзаком. Мне еще удалось добраться до какой-то богом забытой деревни... Все остальное я помню плохо, сплошной черный провал. Очнулся я только в ее доме, в отдельной комнате с кондиционером. Чистая постель, тишина – я был спасен. И спасен ангелом. Потому что, когда она появилась, когда вошла в комнату, я так и подумал – вот он, мой ангел, с короткими волосами... И это самое прекрасное воспоминание в моей жизни.

– *Роман, конечно, закрутился сразу же? Учитывая не совсем обычные обстоятельства встречи.*

– Учитывая не совсем обычные обстоятельства встречи, я назвал бы это любовью с первого взгляда. Мы провели вместе несколько месяцев – и это были лучшие месяцы, да.

– *И чем же вы занимались все эти месяцы? Кроме того, чем обычно занимаются мужчина и женщина?*

– Мы много разговаривали, совершили несколько поездок по континенту. Ей хотелось показать мне настоящую Африку, Африка всегда была ее любовью.

– *А в процессе этих ваших разговоров вы выяснили, каким ветром ее туда занесло? Чем она там занималась, кроме спасения белых мужчин от желтой лихорадки?*

– Для меня это не было столь существенно...

– *Что, даже никаких предположений не строили?*

– Ну... в средствах она стеснена не была. Полагаю, их происхождение связано с ее исторической родиной, с Россией. Но подробностей она избегала, а я не настаивал. Возможно, если бы наши отношения продлились чуть дольше...

– *Кто был инициатором разрыва?*

– Легко догадаться... И нужно знать ее... Никто бы добровольно не оставил такую женщину.

– *Не стесненную в средствах?*

– О господи, разве в этом дело? Просто все закончилось так же внезапно, как и началось. Однажды она просто исчезла. Во время очередной нашей поездки, я уже не помню куда именно... Какое-то время я еще пытался искать ее, но безрезультатно...

– *А ее дом? Ваша комната с кондиционером и чистым бельем тоже испарились?*

– Конечно, я первым делом бросился туда, но дом уже сдавался в аренду. Мне пришлось вернуться в Европу...

– *И больше вы не посещали Африку?*

– Нет.

– *Затаили злость на вашу бывшую возлюбленную?*

– Нет-нет, что вы! Я был опечален, страшно расстроен, но никакой злости не было... После Африки я наконец-то начал писать. А потом встретил Магду, и она стала моей женой.

– *Вы никогда не рассказывали своей жене о покойной?*

– Видите ли... мы с Магдой встретились в тот момент, когда мне было особенно тяжело. Депрессия и все такое...

– *Это было связано с вашим африканским любовным приключением?*

– Лишь отчасти. Скорее эти проблемы лежали в плоскости творчества. В плоскости признания общественной значимости творчества...

– *Жаждали прославиться?*

– Хотел быть услышанным, так будет точнее. Поначалу ни одно издательство не принимало мой роман, рукопись постоянно возвращалась... Я снова дорабатывал ее – и снова она возвращалась. Было от чего прийти в отчаяние. Я начал пить и всерьез задумывался о самоубийстве. Ситуация стала критической, и тогда один из приятелей

посоветовал мне хорошего психолога. Психоаналитика. Им и оказалась Магда. Конечно, будучи пациентом, я рассказал ей об Африке.

– *И как она отреагировала?*

– Вполне профессионально. Она помогла мне выбраться из эмоционального тупика, за что я был очень ей признателен.

– *Настолько, что решили жениться?*

– Все было совсем не так примитивно, как вам кажется. Сначала мы просто общались как врач и пациент, а потом, когда курс был закончен, я пригласил ее в ресторан. И она согласилась, хотя психоаналитики обычно избегают таких вещей. Профессиональная этика...

– *Стало быть, профессиональной этики она не придерживалась?*

– Нет-нет, просто уже тогда она относилась ко мне по-дружески, а потом стала больше чем другом. Она даже оставила профессию, чтобы быть рядом со мной и поддерживать меня. Вместе мы добились многого, и я очень ценю свою жену. И благодарен ей.

– *Картинка просто идиллическая. Насколько я понял, с прошлой любовью было покончено?*

– В известном смысле – да.

– *То есть не совсем «да»? «Да» с некоторыми оговорками?*

– Магде я благодарен за свою нынешнюю жизнь. Которая была довольно ясной и упорядоченной... до сегодняшнего утра.

– *Зачем же вы приехали сюда, если ваша жизнь таким замечательным образом вошла в колею? Да еще притащили за собой жену.*

– Это было спонтанное решение. Теперь я понимаю, что ошибочное. Но когда пришло письмо... мне захотелось снова увидеть ангела...

– *Что это было за письмо?*

– Его и письмом-то не назовешь. Маленькое сообщение, оставленное на моем официальном сайте.

– *Вы сразу поняли, что это письмо от покойной?*

– Конечно. В период близости, даже если эта близость была недолгой... у двух любящих людей возникает свой собственный языковой код...

– *Нельзя ли несколько упростить формулировки?*

– Хорошо... Тогда, в Африке, у меня было имя, придуманное ею. И в том сообщении оно всплыло снова. С припиской «иногда я скучаю по тебе».

– *Этого оказалось достаточно, чтобы сломя голову понестись на другой конец света?*

– Этого оказалось достаточно, чтобы написать ответное письмо.

– *Покойная ответила вам?*

– Да... Мы вступили в переписку, из которой я узнал, что она больше не живет в Африке, а осела здесь.

– *Она сообщила вам, что у нее теперь есть семья?*

– Вскользь. Написала только, что вышла замуж, вот и все.

– *А вы сообщили ей, что женаты?*

– Не сразу...

– *Почему?*

– Это сложно объяснить...

– *Что, снова захотели замутить с ней роман, как тогда, в Африке?*

– Я был рад, что она нашлась.

– *И даже не поинтересовались, почему она исчезла?*

– Если бы я вздумал интересоваться, она бы решила, что я до сих пор страдаю. Что чувство еще не изжито. А так мы начали общаться как старые друзья, объединенные чуть сентиментальными воспоминаниями. И сюда я приехал в качестве друга.

– *Она пригласила вас?*

– Она написала, что ей было бы приятно мое присутствие на маленьком семейном торжестве.

– *И вы согласились приехать?*

– Да. Мне захотелось снова увидеть ангела.

– *И ваша жена не была против ангельского свидания?*

– Вот черт, конечно же, была. В свое время она наслышалась о моей африканской истории достаточно, чтобы возненавидеть ее виновницу.

– *Возненавидеть?*

– Э-э... Я неправильно выразился. Речь не о ненависти – скорее о боли. Хотя после того, как я перестал быть ее клиентом, а она сложила с себя полномочия моего психоаналитика, мы не вспоминали об

Африке. Как будто ее и вовсе не существовало. Естественно, Магда расстроилась, когда я сообщил ей о предстоящей поездке...

– *Так ли уж необходимо было ей об этом сообщать? Тем более что речь шла уже не об Африке, а о вашем визите сюда.*

– Вы не понимаете... Мы с Магдой не расставались ни на один день с тех пор, как поженились. Так что мой внезапный отъезд выглядел бы труднообъяснимым.

– *Разве сложно придумать вескую причину для отъезда? Вы же писатель!*

– Магда слишком проницательна, да я и не мог врать ей.

– *Проще было сделать ей больно?*

– Сделать ей больно? У меня и в мыслях подобного не возникало.

– *И все же вы решились на эту поездку?*

– Мне захотелось снова увидеть ангела.

– *Ваша жена тоже была не прочь на него посмотреть?*

– Я ехал сюда как друг. И вовсе не собирался, как вы выразились, мутить роман. И взял с собою Магду только затем, чтобы она убедилась в чистоте и невинности моих намерений. И не строила ненужных догадок, и не мучилась неоправданной ревностью.

– *Имелся и другой способ продемонстрировать жене чистоту и невинность: отказаться от поездки вовсе. Оставить прошлое прошлому. Странно, что вы о нем не подумали.*

– Я ведь сказал вам, что сожалею. Этот визит был ошибкой.

– *Но теперь уже ничего не изменишь. Ваша жена очень ревнива? И как далеко она способна зайти в своей ревности?*

– На что это вы намекаете?

– *Просто спрашиваю. Мы с вами всего лишь воссоздаем картину происшедшего, не стоит так нервничать.*

– Посмотрел бы я на вас, окажись вы на моем месте... Что же касается ревности... Я слишком уважаю свою жену, чтобы давать ей повод усомниться в моей порядочности.

– *Разве? Очевидцы утверждают обратное. Вы все время вертелись возле покойной, наплевав на жену. И в какой-то момент она не выдержала, бедняжка. Публично заявила, что желает смерти своей сопернице.*

– Чушь. Магда – человек тонкой душевной организации. Деликатнейшее существо, которое скорее направит гнев и раздражение

на себя саму, чем на кого-либо еще.

– У вас что – две жены?

– Не понял?

– Приехавшую с вами женщину никак не назовешь деликатной. Вы постоянно ссорились, и эти ссоры слышал весь дом. Она... не дура выпить?

– После того, что Магда пережила со мной... она ненавидит алкоголь.

– И тем не менее в последние пару дней ее никто не видел трезвой. За исключением тех моментов, когда она пребывала в душевном расстройстве. Скажите, она никогда не страдала галлюцинациями и помрачением сознания?

– Никогда.

– А на почве неумеренного потребления алкоголя?

– Повторяю вам еще раз: Магда не пьет.

– Не стоит врать мне в мелочах, выгораживая жену. Иначе я подумаю, что вы врете и по более существенным поводам.

– Например?

– Например, относительно характера ваших отношений с покойной. Вы приехали сюда, чтобы попытаться все вернуть?

– Нет! Я приехал как друг!

– Несколько раз вы уединялись с ней, и это очень не нравилось вашей жене. Не поэтому ли Магда стала прикладываться к бутылке?

– Беседы тет-а-тет вел не только я. О любом из гостей можно сказать то же самое. Даже об этой русской соплячке, уж не знаю, откуда она взялась...

– А с кем-нибудь из присутствующих здесь вы не были знакомы раньше?

– Нет.

– Никогда не пересекались? Не слышали имен?

– Нет.

– А ведь эти люди составляли определенную часть жизни покойной. Так же, как и вы.

– Больше, чем уже сказал, я вам не скажу.

– Какое впечатление они на вас произвели?

– Это касается и членов семьи?

– Да.

– Ее нынешний муж – жалкое ничтожество. Тряпка и истерик. Непонятно вообще, почему она выбрала его...

– *А не вас? Это вас задевало? Это выводило из себя?*

– О чем вы?

– *Или это вселило в вас мысль, что на фоне тряпки и истерика вы будете выглядеть намного выигрышнее? Потрясали, поди, своим свежеезданным романом?*

– Глупости...

– *Хотите, я скажу, как все было? Вы решили возобновить отношения, а когда вам отказали, впали в ярость и...*

– И?

– *Все закончилось именно так, как закончилось. Убийством вашей бывшей возлюбленной. Того самого ангела, на которого вы хотели взглянуть.*

– О боже... Нет! Я любил ее. Я никогда не переставал ее любить... Не было дня, чтобы я не вспоминал о ней.

– *А она и думать о вас забыла. Как о любовнике, разумеется. Вы устраивали ее в качестве друга, но это совсем не устраивало вас. Совсем.*

– Оставьте свои фантазии при себе! И если уж на то пошло... я терпеть не могу детей. Даже если они тихонько сидят в уголке. Даже если заперты в кладовке за съеденное варенье. Даже если спят в своей комнате десятью этажами выше... Тогда, в Африке, мы были на десять лет моложе. И мы были свободны. А теперь оказалось, что у нее есть дети. Один из них – чернокожий с такими дикими глазами, что лучше в них не смотреть. А вторая – настоящее исчадие ада, маленькая злобная тварь. Она доводила Магду до исступления своими шалостями, которые никак не назовешь детскими.

– *Что же вы не уехали сразу? Предпочли остаться в этом детском аду?*

– Мы и собирались уехать. После поездки в храмовый комплекс... Да, я не буду отрицать, мне было приятно вновь погрузиться в воспоминания. Мне было приятно вновь увидеть своего ангела, она почти не изменилась за прошедшие десять лет. И да, я позволил себе легкий флирт, достаточно невинный.

– *Достаточно невинный для убийства?*

– Я скажу вам как мужчина мужчине... Если я на что-то и рассчитывал, то всего лишь на еще одно маленькое приключение. Возможно, на поцелуй, сорванный украдкой. В качестве легкой компенсации за причиненные когда-то страдания.

– *Сорвали?*

– Нет. Оказалось, что мне вовсе не нужен новый виток отношений. И что я слишком стар для адюльтера. И уж тем более для серьезных отношений с женщиной с двумя детьми... Подумайте сами, зачем мне было ее убивать?

– *Ну хорошо... Допустим. В частных беседах с вами она не выражала никакого беспокойства? Возможно, ее что-то тревожило?*

– Нет. Она выглядела умиротворенной.

– *Она делилась своими планами на будущее?*

– Нет.

– *Что она рассказывала о своей жизни здесь?*

– Она говорила лишь о том, что скучает по Африке.

– *И вы не поинтересовались, что заставило ее уехать оттуда?*

– Если бы она захотела, сказала бы мне сама. Но она не захотела, а я не стал настаивать.

– *Что вы можете рассказать об инциденте во время фейерверка?*

– Это была некрасивая сцена. Этот идиот, ее муж, напился и попытался устроить скандал. Кажется, даже ударил ее. Но все быстро закончилось.

– *А потом?*

– Потом мы играли в игры... Интеллектуальные шарады и прочую чепуху для домашнего пользования. Но было очень мило.

– *Ваша жена не принимала участия в этой вечеринке?*

– Нет. У нее случился... м-м... небольшой нервный срыв. Еще до фейерверка и игр в саду. Ничего серьезного, но некоторое время мне пришлось провести с ней. Я успокоил ее, как мог...

– *А потом отправились веселиться в сад?*

– Только тогда, когда она немного пришла в себя и заснула.

– *Кроме вашей жены, еще кто-то отсутствовал?*

– Русская. Честно говоря, я думал, что она убралась отсюда вместе со своим спутником.

– *Вы видели, как он покинул дом?*

– Тот странный русский? Нет. Мне лишь сказали, что он ушел. Неприятный тип.

– *А покойная не объяснила вам, кто он такой?*

– Она лишь представила нас друг другу. Имени его я не запомнил, но, слава богу, это и не понадобилось в дальнейшем.

– *В вашей ситуации все совсем не слава богу... Вам знаком этот предмет?*

– Не знаю... Не думаю. Он похож на множество вещей, которые есть в доме. Вы ведь осматривали дом и могли в этом убедиться. Но я в них не вглядывался, во все эти вещи. В них есть что-то пугающее. Что-то неправильное. И они не должны находиться рядом с людьми... Живыми людьми. Иначе может случиться какая-то беда...

– *Она уже случилась.*

– Да-да, конечно. Она уже случилась, я просто не могу до сих пор в это поверить...

– *Сдается мне, что вы поверили в это раньше, чем она произошла. Вам знакомо имя Мик?*

– Нет.

– *Покойная не упоминала о нем?*

– Никогда. У нее не было привычки разбрасываться именами.

– *Скажите-ка мне... Если бы покойная была ангелом...*

– Она и есть ангел...

– *Если бы покойная была ангелом, каким бы ангелом она была?*

Отвечайте не задумываясь.

– Падшим...

* * *

...Поцеловать саксофон – все равно что поцеловать девушку. Даже проще, во всяком случае – безопаснее. А все потому, что инструмент не оттолкнет тебя, как оттолкнула бы девушка, если бы ты по какой-то причине ей не понравился. Или не понравился без всяких причин. О да!.. В случае с саксофоном совершенно исключены такие малопривлекательные вещи, как:

пощечина;

ироническая улыбка (или саркастическая улыбка, или улыбка сожаления, что ты не Орландо Блум, не Брэд Питт, не Джонни Депп); гримаса, исполненная брезгливости; обидно-скользкое, слегка подрагивающее плавниками словцо. Архипелаг слов, коралловый риф слов. Расшибить лоб об эту твердую субстанцию не очень-то приятно.

Что еще? Пожалуй, что ничего.

Девушки не особенно изобретательны в выражении чувств, они вообще не особенно изобретательны. Не то что саксофоны! Хороший саксофон в хороших руках может творить самые настоящие чудеса. Тут и возникает главная проблема.

Неразрешимая.

Руки Кристиана не слишком хороши.

Ничего криминального в них нет, все пальцы на месте, ногти растут в правильном направлении и с полагающейся им скоростью. Волосков на руках ровно столько, сколько и должно быть у среднестатистического молодого человека, не больше и не меньше. Имеется живописный короткий шрам неясной этимологии – между большим и указательным пальцем (на правой). Имеется родинка, похожая на запятую или кошачий хвост (на левой). И шрам, и родинка довольно милы, по утверждению двоюродной сестры Кристиана, чье мнение ровным счетом ничего не значит. Руки Кристиана можно назвать красивыми, и все же они не слишком хороши. То есть они были бы хороши для девушек (из тех, кто не заморачивается отсутствием сходства с Джонни Деппом); они были бы хороши для животных, которые любят ласку, – собак и даже кошек с хвостами в форме миляги-родинки. Возможно, для младенцев и fashion-фотографов.

Но только не для саксофона.

Между саксофоном и руками Кристиана не существует взаимопонимания. Это убивает. Ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Тем не менее Кристиан все еще жив. И все еще мечтает стать саксофонистом, хотя иначе чем бесплодной эту мечту не назовешь. А есть и другие мечты, клинически глупые, но тоже связанные с саксофоном. Например, в один прекрасный день заснуть и проснуться с другими руками. Черными афроамериканскими руками, способными сотворить чудо с одним отдельно взятым инструментом. В комплекте с

черными руками идут губы и легкие, перед которыми не устоит ни один сакс. И синкопированное, склонное к головокружительным импровизациям сердце. Кристиан точно знает: ничего из этого набора ему не заполучить – никогда, ни при каких условиях, разве что придется заложить душу дьяволу. Кристиан согласился бы и на это, но сукин сын дьявол до сих пор обходил его стороной. Из чего следует немедленный клинически глупый вывод. Даже несколько, возведенных в третью или пятую степень идиотизма, выводов:

- дьявол не ездит в автобусах, в которых обычно ездит Кристиан;
- дьявол не вьет гнезд на ветке метро, по которой обычно перемещается Кристиан;
- дьявол не пьет кофе в кофейнях, в которых обычно пьет кофе Кристиан;
- дьявол не посещает кинотеатры, которые обычно посещает Кристиан.

Еще можно было бы упомянуть тренажерные залы, но Кристиан не занимается спортом, и единственный знакомый ему тренажер стоит в комнате его двоюродной сестры. Сестра использует тренажер в качестве вешалки, и потому его поджарое тело вечно скрыто юбками, блузками, колготками со стразами и лифчиками телесного цвета.

Кристиан, разживись он костлявым, хорошо продуманным механизмом для сжигания калорий, поступил бы точно так же.

Неизвестно, как бы поступил дьявол; его логика остается за гранью понимания Кристиана, как логика любого первоклассного, нет... *выдающегося*, гениального джазмена, если у джазменов вообще имеется в наличии логика.

Все гении алогичны, джазмены не исключение.

А дьявол и есть джазмен. Трубоч, как Майлз Дэвис. Или пианист, как Chucho Вальдес. Или саксофонист, и тут можно вспомнить сразу трех Кристиановых любимцев: Чарли Паркера, Сонни Роллингса и Гато Барбиери, и сам волшебный инструмент, договориться с которым Кристиану не удастся, несмотря на все старания... Да.

Дьявол – саксофонист, в этом нет никаких сомнений.

Фронтмен умопомрачительного квартета из падших ангелов, каждому из которых уготована своя сольная партия, и справляются они с ней блестяще – не то что бескрылый, лишенный импровизационного дара Кристиан. И квартет никогда не станет квинтетом —

никому и в голову не придет пригласить Кристиана.

В команде лихих джазменов всегда будет на одного человека меньше, чем ему бы страстно хотелось. И этот никому не нужный человек – сам Кристиан. *Минус-Кристиан* — именно так он и привык думать о себе. В те редкие минуты, когда не мечтает о судьбоносной встрече с дьяволом-саксофонистом, об афроамериканских руках, легких и сердце и, конечно же, о саксофоне – самой упрямой, самой надменной, самой несговорчивой вещи на свете.

И самой желанной.

– Ты просто извращенец какой-то, – страдальчески морщась, говорит ему двоюродная сестра, чье мнение равным счетом ничего не значит. – Психопат. Займи себя хоть чем-нибудь. Начни встречаться с девушками.

– Сразу с несколькими или можно ограничиться одной? – Кристиану не слишком-то нравится, когда его называют психопатом и тем более извращенцем, но...

Сестра – единственный человек, способный целую минуту продержаться в пыточной, где Кристиан терзает свой саксофон, третий по счету (два предыдущих как не оправдавшие ожидания были тайно захоронены на задворках городского кладбища домашних животных).

– Одна в твоём случае не поможет. Или это должна быть такая девушка...

– Какая?

– Та-акая... Нет... Та-а-а-акая...

– Какая-какая? – дурашливо вопрошает Кристиан. И тут же сам начинает строить предположения: – Она должна быть потрясающе красива? Или обладать чем-то таким, чем не обладают другие девушки? Хвостом, например. Вот!.. Она должна быть... русалкой? Работать в дельфинарии?

– Русалки не работают в дельфинариях. – Двоюродная сестра Кристиана, в отличие от самого Кристиана, трезво смотрит на жизнь. – И я вообще не уверена, что они существуют.

– Вот видишь! Ты предлагаешь мне начать встречаться с той, кого не существует.

– Не думаю, что это будет для тебя проблемой.

– Почему же?

– Потому что ты всегда пытаешься заполучить то, чего не существует.

– Не существует в принципе?

– Не существует лично для тебя. Не предусмотрено. Не отпущено.

Вот так.

Ясно как божий день, о чем идет речь: о таланте. О даре, которого Кристиан лишен напрочь, – играть на саксофоне. Если сложить минуты, проведенные сестрой в пыточной (она же гостиная в квартирке Кристиана), получится что-то около получаса. Вполне достаточно, чтобы понять: Кристиан бесталанен – бесталанен безнадежно, беспросветно; поднапрягшись, можно было бы извлечь еще с пару десятков слов из того же синонимического ряда. Но эти самые точные.

А Кристиан любит точность.

Его математические способности всегда поражали учителей, и он продвинулся бы чрезвычайно далеко, если бы сосредоточился именно на них. Положительно, Кристиан бы блистал на небосклоне фундаментальной науки, соответствующее его способностям место сейчас занимает Марс. Как вариант – Сириус, самая яркая звезда. Сириус и Марс не спят глаза, но об их существовании знают все, кто дает себе труд пялиться на звездное небо.

А пялятся на него почти все, время от времени, рано или поздно.

Кристиан не такой, он «не почти все», запрокидывать голову не в его правилах, да и встреча с собой-Марсом или с собой-Сириусом выглядела бы не слишком впечатляюще. Другое дело – встреча с собой-афроамериканцем. Гениальным джазменом, из-за спины которого добродушно щурится саксофон. Нет, не так: саксофон улыбается радостной, начищенной до блеска улыбкой. Еще бы ему не радоваться: ведь он оказался в руках гения. И все чрезвычайно довольны друг другом: саксофон – Кристианом, Кристиан – саксофоном, и публика – ими обоими.

Публика вообще пребывает в диком восторге, не трансформируясь при этом в стадо оголтелых тупых овец, как это частенько случается на концертах рок- и поп-исполнителей. Да и «дикий восторг» не совсем точное определение. Джазовая публика сдержанная (во всяком случае, именно такой она видится Кристиану), джазовая публика умная. Немного расслабленная, немного рефлексирующая, ощущения толпы

не возникает никогда. Напротив, каждый человек, пришедший послушать Кристиана, высвечивается, как в волшебном фонаре. Каждый человек отстоит от другого на довольно большом расстоянии: этого расстояния, этого пространства хватает на то, чтобы, никому не мешая, разместить мысли, чувства, ассоциации и – возможно – воспоминания.

Джаз – музыка воспоминаний.

И многого другого тоже, но воспоминаний прежде всего. Воспоминаний приятных, щемящих, немного грустных – как конец лета, венчающийся слепым дождем.

А если особенно вспоминать нечего (подобно случаю с самим Кристианом, чья жизнь похожа на уныло-однообразную жизнь звезды Сириус, какой она предстает перед земными, не вооруженными телескопом Хаббла наблюдателями) – можно предаться мечтам. Воспоминаниям о будущем. О том, что еще не случилось, но обязательно случится.

С Кристианом, например, может случиться девушка. Не обязательно русалка. Но подошла бы и русалка, если она, конечно, любит джаз. Любить джаз – необходимое и достаточное условие. Любить джаз – все равно что любить самого Кристиана. А уж Кристиан сумел бы отблагодарить ее за любовь, он умеет быть благодарным!

Даже двоюродной сестре, не способной выносить его музыкальные экзерсисы дольше минуты. Но и за эту минуту он признателен. Мелкие подарки, плюшевые игрушки, купленные со скидкой парфюмерные наборы – это ли не выражение признательности? А однажды, когда вместо одной минуты она задержалась в его комнате на целых три, Кристиан повел ее ужинать в дорогой ресторан, специализирующийся на морепродуктах.

Не оттуда ли возникла тема с русалкой?

Все может быть, но своей гипотетической девушке он подарил бы нечто большее, чем игрушки и гели для душа, идущие в комплекте с лосьонами. Он подарил бы ей музыку. Для такого торжественного случая у Кристиана заготовлена речь. Которую он обязательно произнесет перед своей публикой, когда станет афроамериканцем и гениальным джазменом.

«Я посвящаю эту композицию той, – скажет Кристиан, – которая осветила мою жизнь светом слепого дождя, идущего в самом конце лета. Это легкий свет, прозрачный, желтоватый, хотя лучше назвать его песочным. Когда я впервые увидел эту девушку, мое сердце тоже стало песочным. Оно превратилось в замок из песка, и замок ждет свою владелицу».

«Замок из песка» – именно так и будет называться вещь, которую Кристиан исполнит под занавес своего триумфального выступления.

Жаль, что она еще не придумана.

С другой стороны, хорошо, что не придумана, – иногда Кристиан сомневается в названии. Всем известно, что человек, строящий замки из песка, иногда похож на праздного мечтателя, неспособного отличить реальность от вымысла и непрочно стоящего на ногах. Как материал, из которого можно вылепить жизнь, песок не очень-то надежен.

Эту – довольно щекотливую – тему с песком не мешало бы обсудить с кем-нибудь, кто обладает трезвым и практическим умом. Из всех немногочисленных знакомых Кристиана подобным умом могут похвастать лишь двоюродная сестра и Шон, самый близкий друг. Но говорить с сестрой Кристиану не хочется (насмешливой жалости не избежишь), а Шон слишком далеко.

Шон вот уже несколько лет живет в Камбодже, чье коренное население вряд ли когда-либо слышало о джазе. Шон тоже не относится к числу его горячих поклонников, он вообще далек от музыки. Но и человеком *нетворческим* его не назовешь.

Шон – фотокорреспондент и оператор-документалист.

Ни одного репортажа, снятого Шоном, Кристиан не видел, его двоюродная сестра тоже. В ее воспоминаниях Шон так и остался праздным парнем, лишь болтающим о головокружительной карьере, которая поджидает везунчика Шонни за соседним углом, стоит только миновать перекресток. Время от времени двоюродная сестра вспоминает о Шоне – и тогда Кристиану начинает казаться, что язык у нее раздваивается и с него капает яд.

В последний раз яд капал аккуратно на тарелку с креветочным салатом – во время исторического ужина в ресторане морепродуктов.

– Ну а как там поживает твой дружок? – стараясь выглядеть равнодушной, спросила двоюродная сестра.

– Какой? – Кристиан напустил на себя еще большее равнодушие.

– Как будто у тебя так много дружков! Я имею в виду этого жалкого хвастунишку Шона, кого же еще!..

– А-а... Наверное, хорошо.

– Наверное? Только не говори, что не поддерживаешь с ним связь.

«Поддерживать связь» – слишком громко сказано, учитывая, что Камбоджа настолько далека от всего на свете, что выглядит мифической. Почти не существующей. Но Шон иногда присылает Кристиану электронные письма средней величины, в которых почти нет Камбоджи и реалий, связанных с Камбоджей, но есть сам Шон.

Везунчик Шонни, уже свернувший за угол, за которым его поджидает, то и дело поглядывая на часы, головокружительная карьера.

Больше всего Кристиану – верному другу и доброму малому – хочется, чтобы Шон не опоздал на встречу. Но из писем Шона ничего невозможно понять. Состоялось ли судьбоносное свидание или было перенесено ввиду загруженности перекрестка, отделяющего фотокорреспондента и оператора-документалиста от цели.

Шон много работает – это ясно из писем.

Шон любит свою жену и маленькую дочь – это ясно из писем.

Шон никогда не вернется на родину – это ясно из писем.

Возможно, это не ясно самому Шону, но Кристиан – совсем другое дело. Кристиан видит вещи и обстоятельства такими, какими они еще не сложились, но вот-вот сложатся. Или сложатся в отдаленной перспективе. Это видение, а лучше сказать, предчувствие – побочный эффект заброшенного черт знает куда (в угоду несговорчивому и деспотичному саксофону) математического дара. Предоставленный сам себе, дар выстраивает причинно-следственные цепочки, целиком состоящие из цифр разной степени упитанности. Цифр так много, что уследить за ними нет никакой возможности, иногда в их стройные ряды вклинивается какой-то мелкий предмет наподобие обгрызенного колпачка от шариковой ручки, точилки для карандашей, пуговицы, ластика со слоном, сигаретного фильтра... Ненужный хлам, он тем не менее является составной частью математической формулы.

Ненужный хлам всегда сопровождает неизвестное, которое нужно найти.

Замени ластик со слоном на скрепку – и формула сразу же примет другой вид. И повлияет на другие формулы. Или вообще потянет за собой новые. От этой смехотворной детали (ластика, скрепки) в конечном итоге зависит результат. При ластике он был бы одним. При скрепке – прямо противоположным. Справедливости ради: мелкие предметы из не поддающихся осмыслению Кристиановых формул не всегда ничтожны.

Временами встречается нечто оригинальное.

Ценное.

Едва ли не антикварное.

Так было в случае с дурацкой подсознательной проекцией жизни Шона. Там фигурировала почтовая марка. Вернее, несколько марок, но только одну Кристиану удалось разглядеть в мельчайших подробностях. На марке была изображена морская раковина нежно-зеленого цвета с перламутровыми внутренностями. Вряд ли раковина называлась **CAMBODIA**, но это было единственное слово, которое понял Кристиан.

В отличие от большинства мелких предметов, гнездящихся в формулах Кристиана, марка с раковиной имела вполне реальное происхождение. Она украшала собой бандероль, которую Шон прислал около года назад. В бандероль был вложен фотоальбом, отпечатанный типографским способом, и все фотографии в нем принадлежали Шону.

Любая из них способствовала бы головокружительной карьере – именно так подумал тогда Кристиан, ведь фотографии чудо как хороши. Или хороши те, кто на них изображен? Хороши на взгляд Шона, субъективный и объективный одновременно. Вооруженный камерой, Шон смотрит на этих людей с субъективным обожанием и не менее субъективной нежностью. Обожание и нежность с максимально возможными предосторожностями вручаются Кристиану, стороннему наблюдателю. Кристиан проникается ими, как проникся бы любой тонко чувствующий человек, – и они становятся фактором объективным.

Так и есть, эти два существа из фотоальбома никого не могут оставить равнодушным.

За ними хорошо просматривается вечная, как мир, история. Несколько историй. История превращения обыкновенной, немного

усталой женщины в богиню. История превращения плода в младенца, а младенца – в маленькую девочку. История любви.

Впрочем, у любви здесь нет никакой истории.

История (любая история) предполагает наличие завязки, кульминации и развязки. Завязка – если она и была – оказалась вынесенной за рамки альбома. И любой его открывший имеет дело лишь с кульминацией, которая никак не желает заканчиваться.

Везунчик Шонни влюблен.

Кристиан видел своего друга разным, но никогда не видел таким безнадежно влюбленным, а посмотреть есть на что. Женщина из альбома похожа на восхитительный пейзаж – это первое, что приходит на ум. Второе, прямым вытекающее из первого: пейзажем можно восхищаться, но им нельзя обладать. И третье, ниоткуда не вытекающее: Шон никогда не любил двоюродную сестру Кристиана, хотя они и встречались около двух лет и даже всерьез подумывали о свадьбе.

Шон сбежал накануне обручения.

Без всяких объяснений, без телефонного звонка, без мужественного прощального письма в три строчки. *«Хорошо еще, что все случилось не перед алтарем»*, – подумал тогда Кристиан; хорошо, что дело не дошло до вручения кольца (кольцо было куплено, они выбирали его вместе с Шоном, и это было дорогое кольцо).

Кристиан ни секунды не злился на Шона, разве что на пустоту, которая заняла место его лучшего друга. У пустоты не существовало даже адреса, по которому можно было бы отправить кольцо. Деньги-то потрачены, и это деньги Шона, а кольцо осталось у Кристиана. До сих пор лежит в кухонном шкафу, в жестянке из-под миндального печенья.

Кристиан старается не наткаться на него. Старался – до тех пор пока не получил первое письмо от Шона: полгода спустя после его бегства. Ни слова о двоюродной сестре, ни слова о внезапном исчезновении, ни слова о том, где он сейчас. И – хотя письмо не было прощальным, совсем наоборот – в нем были все те же три строчки:

«Привет, Крис!

У меня все пучком, дела идут великолепно, а что твой саксофон? Надеюсь, ты уже укротил этого

мерзавца? Шон, твой потерянный друг, если ты еще не забыл меня».

Кристиан пару дней размышлял над ответом (слишком много он хотел сказать Шону), и в результате появилось вполне адекватное:

«Привет, Шон!
Я не забыл тебя. Что делать с кольцом?»

Еще через три дня от Шона пришли идиотские инструкции относительно кольца:

«Отдай его первой девушке, которая тебе понравится».

Везунчик Шонни имеет над Кристианом странную власть, так было всегда. Что бы ни делал Шон, какую бы глупость или – хуже того – низость он ни совершил, Кристиан всегда найдет ему оправдание. Слава богу, низостей почти не случалось, если вынести за скобки прискорбный случай с двоюродной сестрой. Но и здесь Кристиан посочувствовал скорее Шону, а не сестре. А ведь он любит сестру, он привязан к ней... Выходит, что к Шону он привязан больше? Или это обыкновенная мужская солидарность? Если и так, это не объясняет природу зависимости от Шона. Даже существующего непонятно где и являющегося Кристиану исключительно в электронном виде. Вот и тогда Кристиан последовал идиотским Шоновым инструкциям. Несколько дней он бродил по городу в поисках девушки, которой можно было бы с легким сердцем отдать кольцо. Сидел в кофейнях и пабах, посетил вечеринку кислотного джаза, посетил фотовыставку «Боди-арт: вчера, сегодня, послезавтра» (работ Шона там не оказалось), посетил два железнодорожных вокзала, аэропорт и зоопарк; проторчал полдня в местах массового скопления туристов, но...

Девушка так и не нашлась.

То есть не нашлась та самая девушка для кольца, а вообще девушек было много. Сотни, может быть, тысячи красивых, хорошеньких и так себе. И не то чтобы они не нравились Кристиану. Нравились. Но не настолько, чтобы круто изменить жизнь кольца.

«Пусть пока остается в жестянке», – решил для себя Кристиан, а Шону послал письмо следующего содержания:

«Ничего не получилось, Шон. Наверное, девушка, которая бы мне понравилась, еще не родилась. Или живет совсем в другой стране, и мы никогда не увидимся. Не лучше ли продать кольцо? А деньги я вышлю тебе, если ты сообщишь адрес. Твой друг Кристиан».

Ответ Шона, свалившийся в электронный ящик ровно через две недели, озадачил Кристиана. До сих пор Шон не проявлял себя как философ и поэт, а тут...

«Она найдется, Кристиан, вот увидишь. Даже если окажется русалкой с иностранным паспортом, которая любит джаз. Самое правильное в этой ситуации – просто подождать. Твой друг Шон».

Вот интересно, откуда это Шон пронюхал о русалке, он экстрасенс? Ровно час Кристиан чувствовал себя не слишком уютно. И ощущение, что Шон (неожиданно увеличившийся в размерах до ацтекской пирамиды) разглядывает его сквозь лупу, как какого-нибудь муравья, не проходило до тех пор, пока Кристиан не вспомнил: русалка неоднократно всплывала на поверхность в разговорах с сестрой; шуточная тема, которую можно развивать сколь угодно долго и в разных направлениях. И не исключено, что русалку (как гипотетическую пассию Кристиана) сестра обсуждала и с Шоном в период их вялотекущего романа. И не исключено, что сам Шон подбросил сестре идею с русалкой.

Не слишком сложная формула с одним неизвестным (миниатюрный русалочий хвост, похожий на хвост рыбки анчоус), но джаз!..

Русалка, которая любит джаз, – легкая эротическая фантазия самого Кристиана, он не делился с ней ни с кем.

Шон – экстрасенс. Или просто – лучший друг. И от того, что он уехал куда-то, лучшим другом он быть не перестал. Только лучшим друзьям позволительно прогуливаться в голове Кристиана и сбивать

палкой обрывки его мыслей, как сбивают соцветия на кустах. У Шона это получается виртуозно, даже в электронном виде.

Кристиан не в состоянии злиться на Шона и поэтому злится на себя, на обрывки своих мыслей, докатившиеся до Шона: соцветия могли бы быть и посимпатичнее. Ирисы и лотосы, а не какая-нибудь шизофреническая белладонна.

Последующий диалог Шона и Кристиана (прогулки с палкой по кустам) растягивается на несколько месяцев:

«У меня есть собака и две кошки. Я хочу, чтобы они жили вечно. Твой друг Шон».

«Это какие-то особенные собака и две кошки? Редкой породы? Никто не живет вечно. Твой друг Кристиан».

«Да, они особенные, и порода тут ни при чем. Твой друг Шон».

«А зачем тебе, чтобы они жили вечно? Если они будут жить вечно, а ты умрешь, – кто позаботится о них? Если некому будет позаботиться – они начнут страдать. Ты ведь не хочешь, чтобы они страдали? Твой друг Кристиан».

«Если они будут жить вечно, то и у других появится шанс. Твой друг Шон».

«У других собак и кошек? Или я чего-то не понимаю? Твой тупой друг Кристиан».

«Я просто грущу, потому что пес болеет. Он старый. Твой сентиментальный друг Шон».

«Надеюсь, что твоя собака выздоровеет. Как ее зовут? А с кошками все в порядке? Твой друг Кристиан».

«Ама́ку. Пса зовут Амаку. Ему лучше. С кошками тоже все в порядке. Твой друг Шон».

«А с тобой? Ты ничего не рассказываешь о себе, я даже не знаю, где ты. По-моему, это неправильно. Твой друг Кристиан».

Вопрос Кристиана повисает в Сети на долгие месяцы: наверное, не стоило спрашивать Шона о его нынешнем месте обитания, в этом есть какая-то тайна. Неужели Шон совершил что-то настолько противоправное, что теперь вынужден скрываться?

Чушь и бессмыслица. Шон – отличный парень, все его авантюры невинны, во всех его начинаниях присутствует здоровое зерно, ни грамма плесени, ни капли болотной воды. И потом, когда скрываются – не заводят пса и двух кошек, это было бы глупо. Недальновидно. Невозможно тратить силы на грусть по поводу болезни какого-то пса, если находишься в бегах.

Все силы уходят на другое.

С псом тоже не все ясно. У пса странное имя – Амаку, оно похоже на африканское. Везунчик Шонни окопался в Африке?.. Жаль, что Кристиан не успел спросить у Шона относительно кошачьих кличек (вдруг они тоже африканские?) – тогда бы все встало на свои места.

Еще кое-что не дает покоя Кристиану: возраст Амаку.

Любовь к братьям меньшим никогда не была отличительной чертой Шона. У него и мысли не возникало завести домашнее животное – и вот пожалуйста, он оказался владельцем пса. Не щенка, а взрослой, даже старой собаки. Откуда взялся этот Амаку? Каким образом ему удалось занять в не склонном к сантиментам сердце Шона такое место, которое не каждый человек займет?

«Твой sentimentalный друг Шон», ну надо же! Кристиан заинтригован.

Нет, он не думает о Шоне постоянно (постоянно Кристиан в состоянии думать лишь о неподатливом саксофоне), но сны его вдоль и поперек исчерчены линейными уравнениями. Самый назойливый из снов выглядит так: Кристиан стоит у доски с мелом в руках – и пишет, пишет. Мел крошится, от него то и дело отваливаются куски, цифры выходят уродливыми и корявыми.

Таковыми же уродливыми оказываются и сами уравнения, в них нет ясности, легкости и красоты; Кристиан вот-вот схлопочет «неуд», все старания – псу под хвост.

И Кристиан даже знает, как зовут этого пса, но от этого не легче.

Одного пса недостаточно.

Есть еще две кошки, можно привлечь и их, но ведь изначально речь шла о линейном уравнении (данность сна)! А с кошками оно

может трансформироваться в квадратное, или даже кубическое, или вообще обзавестись свинским трансцендентным числом на манер десятичного логарифма. А при таком раскладе решение уравнения с целыми коэффициентами невозможно в принципе – это математическая бессмыслица, *чертовы кошки!*..

Чтобы перестать топтаться у доски и крошить мел, Кристиану явно чего-то не хватает.

И это «что-то» наконец приходит – без всяких ухищрений и дополнительных усилий с его стороны: в виде бандероли с наклеенными на нее марками-раковинами. Марок не меньше десятка, все они повторяют друг друга, так что можно вести речь именно об одной марке. Об одной раковине. Остальное тоже представлено в единственном экземпляре:

у Шона один фотоальбом;

у Шона одна женщина-модель;

у Шона одна всепоглощающая страсть и другой не будет никогда.

Шон попал в западню любви, выхода из которой нет, но – даже если бы и был – кто станет его искать? Все только и мечтают о том, чтобы угодить в любовный капкан (Кристиан не исключение), но счастье улыбается лишь единицам.

Шонни и впрямь везунчик!

У него самая ослепительная жена на свете. У него самая красивая на свете дочь. Две его кошки совершенны, его собака состарилась так же благородно, как состарились великие актеры Голливуда. Как состарились апостолы Петр и Павел.

И по мере того как Кристиан переходит от одной альбомной фотографии к другой, проясняется скрытый смысл коротких *sadness*^[1] монологов Шона: дело вовсе не в кошках, которым Шон желает вечной жизни, дело не в псе по имени Амаку. Их возможная вечность – всего лишь испытательный полигон. Модель. Проекция. Вечная жизнь животных все же короче вечной жизни людей. А именно этого страстно жаждет Шон: вечности для своих любимых существ, женщины и ребенка. И вечность здесь не синоним бессмертия, как может кому-то показаться.

Вечность – синоним безопасности.

С ними ничего не должно случиться. Ничего, что привело бы к страданиям и смерти.

Вечная жизнь исключает такие неприятные вещи, как разбиться в машине, вылетев на встречную полосу; погибнуть в авиакатастрофе; отравиться угарным газом; сгореть за считанные месяцы от неизлечимой болезни. Тот, кому уготована вечная жизнь, никогда не станет жертвой разбойного нападения, жестокого изнасилования, техногенной или природной катастрофы.

Неужели Шон так наивен?

Он просто влюблен, ничем другим не объяснишь мечты о семейном Эдеме, который – во всей своей тихой красе – предстает на фотографиях. Следов самого Шона в Эдеме не обнаруживается (оно и понятно, летописец Шон бродит с фотоаппаратом у изгороди, на границе кадра). Но и женщины с девочкой и их священных животных вполне достаточно.

У женщины странное для Кристианова уха имя **DASHA**, так гласят подписи.

Стоя на границе кадра, где-то рядом с невидимым Шоном, Кристиан успевает заметить, что любимая женщина его друга не так уж молода. Ей далеко за тридцать, может быть, к сорока, она намного старше – и Шона, и Кристиана. «Старше навсегда», как выразилась бы склонная к цинизму двоюродная сестра. Этот факт тем не менее совершенно бесполезен, ни в одну формулу его не воткнешь. Кристиан входит в снимки *Dasha*, как входят в море: только поначалу вода кажется холодной, но к этому быстро привыкаешь. Только поначалу мелькает глупая мыслишка о возрасте, но потом...

Кристиан ощущает покалывание в пальцах и легкую боль в сердце.

Он очарован, сбит с ног, сражен наповал; в жизни своей он не видел женщины прекрасней. Вот кому он без колебаний отдал бы кольцо – *Dasha*, жене своего лучшего друга. Если бы... Если бы она не была женой его лучшего друга. Если бы он просто встретил ее на улице, в пабе, на вокзальном перроне, в зоопарке, куда бы она заглянула, чтобы показать дочке семейство муравьедов; в местах массового скопления туристов... О да, взгляд Кристиана сразу же выдернул бы *Dasha* из толпы – так разительно отличается она от всех других людей.

Как инопланетянка, как... русалка.

У всех хрестоматийных русалок длинные густые волосы необыкновенной красоты. У *Dasha* тоже, но на этом сходство с русалками заканчивается.

У *Dasha* прелестные маленькие ноги, а никакой не хвост.

Прелестные маленькие ноги не омрачены никакой обувью. Вот почему встреча Кристиана и *Dasha* невозможна ни в пабе, ни на вокзальном перроне, ни в любом другом месте.

В родном городе Кристиана никто не ходит босиком.

Конечно, в летний сезон среди миллионов жителей обязательно найдется сотня босоногих фриков. Оранжевых буддистских монахов, сильно адаптированных к местности. Простаков-туристов с натертыми до кровавых мозолей пятками. Престарелых хиппи. Только что потерявших работу яппи: снятые ботинки идут в комплекте со снятыми галстуками и носками, засунутыми в карманы. Кристиан несколько раз видел таких молодых людей и даже прошел за одним парнем пару кварталов. Так, на всякий случай, слишком уж несчастным он выглядел, того и гляди с собой покончит. Но ничего из ряда вон парень не совершил, и Кристиан оставил его в спортивном баре накачиваться водкой. Под присмотром как минимум десятка человек.

Несмотря на некоторые странности в стиле jazz, у Кристиана добрая душа.

В жизни своей он не совершил ни одного поступка, которого можно стыдиться. Он всегда был преданным другом, заботливым сыном, чутким и внимательным братом. И просто человеком, неспособным пройти мимо обиженного ребенка, бездомного пса, плачущей женщины. И не его вина, что лучший друг покинул его, мать умерла от рака, не дожив и до пятидесяти, а двоюродная сестра слишком цинична, чтобы по достоинству оценить чуткость. Не его вина, что рядом с обиженными детьми, бездомными псами и плачущими женщинами оказываются совсем другие люди. На полкорпуса опережающие слишком уж медлительного и деликатного Кристиана.

Вот и Шон оказался рядом с *Dasha*, хотя при других обстоятельствах...

Ну нет, другими обстоятельствами здесь и не пахнет. Чтобы встретить ее, нужно было как минимум уже иметь девушку, а затем

отказаться от нее, покинуть одну страну и всплыть совсем в другой. Теперь Кристиану известно и название этой – другой – страны, оно увековечено на марках с раковиной: Cambodia.

Камбоджа.

Кристиан пытается смоделировать хотя бы одну ситуацию, при которой он мог оказаться в Камбодже, но ничего утешительного на ум не приходит. А все потому, что такой ситуации не существует в принципе. Кристиан не волонтер, не миссионер, не авантюрист, не проповедник. Он не путешественник, коллекционирующий впечатления; не турист; не археолог; не историк; не лингвист; не спецкор крупной телекомпании, чьи офисы разбросаны по всему миру. И еще масса всяческих «не», частокором окружающих умозрительную Камбоджу, не дающих прорваться к ней. Даже будь Кристиан самым настоящим джазменом (о, несбыточная мечта!) – и тогда визит туда выглядел бы проблематичным. В Камбодже не проводятся джазовые фестивали.

Либо они очень локальны. Малозначительны.

Не то что храмовый комплекс Ангкор-Ват (Кристиан вычитал о нем в Интернете). На фотографиях Ангкор-Ват выглядит грандиозно, хотя и не трогает сердце Кристиана. Маленькие ступни *Dasha* — вот что волнует его. Клубящиеся, как грозовые облака, волосы *Dasha* — вот что волнует его. Ее совершенная фигура, даже во время беременности она не переставала быть совершенной. *Dasha* не позировала Шону голой, как это принято в среде знаменитостей: всего лишь несколько сменяющих друг друга платьев спокойных расцветок – бледно-розовое, оливковое, фисташковое. Больше всего беременная *Dasha* напоминает Кристиану волшебный лес, в недрах которого прячется купол маленького Ангкор-Вата. Кристиан рассматривает снимки днями напролет, доводя себя едва ли не до религиозного экстаза. Как бы ему хотелось затеряться в волшебном лесу!.. Прильнуть губами к ступням, коснуться руки, коснуться волос.

Как бы ему хотелось стать псом по имени Амаку (пес тоже имеется на фотографиях). Кристиан не в состоянии определить породу, но собака большая, лобастая, с массивным костяком и толстыми лапами. Две кошки, наоборот, грациозны и тонки. Длинные ноги, клиновидные морды и большие уши выдают ориенталов – шоколадного и мраморного окраса.

Пес и ориенталы очень привязаны к волшебному лесу, они не отходят далеко, на любом из снимков обязательно найдется кошка или собачий хвост. Почти на любом, исключая портреты *Dasha*. Их пять, у каждого – свое название, Кристиан запоминает их с лету:

- сандал
- мпинго
- бальса
- туласи
- тамаринд.

Единственное знакомое ему слово – *сандал*. Что-то связанное с благовониями, но если посмотреть на предмет шире – возникнет дерево. Одно из тех, что образуют волшебный лес по имени *Dasha*. Так и есть: сандал – дерево, в диком виде оно встречается на острове Ява и на Тиморе. Тамаринд и бальса – тоже деревья, но на Тиморе их не сыщешь, нужно отправляться в Судан, Гану или вообще в Латинскую Америку. Мпинго (после недолгих и отнюдь не математических вычислений) трансформируется в африканское черное дерево, чья плоть имеет чрезвычайную ценность. И лишь *туласи* при ближайшем рассмотрении оказывается не деревом – кустарником, базиликом. Никаких противоречий с остальными представителями флоры здесь нет, и кустарнику не возбраняется расти в волшебном лесу. Тем более что это не просто базилик – а священный базилик.

Ocimum sanctum.

Не приправа к пище (одна лишь мысль об этом святотатство), а растение, обвивавшее Голгофу.

Туласи – самый грустный портрет. Наверное, именно такой была *Dasha*, когда они встретились с Шоном. В ее лице слишком много печали, слишком много тайн, которые она не успела спрятать, или у нее не было сил спрятать, или ей было совершенно все равно, увидит ли кто-нибудь эти тайны или нет. Дверь в тайны распахнута настежь, но рассмотреть, что там, в глубине, мешает плотная москитная сетка, выкрашенная в ярко-голубой.

Глаза у *Dasha* именно такого цвета.

Нестерпимо голубые.

А грозовые облака волос – светло-русые.

Dasha не камбоджийка, не кхмерка. И уж точно не родилась там, где произрастает африканское черное дерево мпинго. Ее родина

трагически не совпадает с родиной сандала, бальсы и тамаринда. Ее родина – намного севернее, возможно, это Скандинавия. На этом настаивают светло-русые волосы, но глаза... Нестерпимые, нереально яркие глаза это опровергают. У двоюродной сестры Кристиана было несколько подруг из Скандинавии – шведки или норвежки, Кристиан так и не запомнил, хотя (по просьбе сестры) провел с ними целый день: в ознакомительном туре по городу. Шведки или норвежки не отличались особым рвением в изучении достопримечательностей, то и дело норовили засесть в баре с литровыми пивными кружками, и выкурить их оттуда было довольно проблематично. Кроме того, шведки или норвежки оказались слишком громкими, слишком грубоголосоными – настолько, что к концу тура у Кристиана разболелась голова. Кажется, их было трое, но у него сложилось впечатление, что он сопровождает целую хоккейную команду. Причем в полной амуниции, разве что без коньков.

Амуниция – конечно же, метафора.

Не на пустом месте родившаяся, впрочем. Залетные подруги сестры так плотно сбиты, что немедленно возникает ощущение: под бледной кожей скрываются хоккейные трусы с майками, наколенники, налокотники и даже вратарские щитки. К тому же члены импровизированной скандинавской сборной то и дело посылали невидимые шайбы в лицо Кристиану. На каждой из шайб выгравировано по вопросу, иногда – очень личному, иногда – абстрактно-непристойному; иногда личное и непристойное смыкались, и Кристиан ощущал вполне конкретную резкую боль в переносице. Под вечер к раскалывающейся голове добавились еще и переносица, и ноющая челюсть, – а все потому, что Кристиан не способен толком защититься от неудобств, которые несет с собой назойливое человеческое любопытство.

И ему совершенно нечего рассказать о себе.

А то, о чем бы хотелось рассказать, – слишком интимно. Первому встречному такое не доверишь. Никому не доверишь. Разве что *Dasha*.

Вот кому бы Кристиан вручил собственную душу – *Dasha*, совершенно неизвестной ему женщине. Жене его друга Шона, не камбоджийке, но и не скандинавке тоже. *Dasha*-туласи (печальной), *Dasha*-сандалу (замершей в ожидании чего-то волнующего), *Dasha*-мпинго (хозяйке Эдема). Бальса и тамаринд (каждый на свой лад)

заставляют Кристиана вспомнить слова, которые ему бы и в голову не пришло применить к себе самому:

умиротворение и покой.

Впрочем, в сердцевине бальсы есть что-то еще. Что-то такое, что не умещается в одном слове. Это искусно спрятанный в древесных волокнах обрывок *предыстории покоя*, напрямую связанный с тайнами за москитной сеткой. Как будто *Dasha* во все лопатки бежала от них, через страны, через континенты; бежала так быстро, что пес по имени Амаку едва поспевал за ней, а два ориентала – шоколадного и мраморного окраса – обязательно бы потерялись, если бы *Dasha* не взяла их на руки. Какую-то часть пути они сидели смирно, но потом начали волноваться и даже оцарапали *Dasha* — и вовсе не потому, что захотели причинить ей боль.

Меньше всего они хотели бы причинить ей боль, они просто волновались и были обескуражены происходящим, вот у *Dasha* и остались шрамы на предплечьях – от кошачьих когтей. Короткие и легкие. Наверное, шрамов было бы больше, если бы *Dasha* не остановилась. Не наткнулась на везунчика Шонни. Не рухнула в его раскрытые объятия. И не получила бы так нужную ей передышку, а умиротворение и покой пришли чуть позже.

Или чуть раньше, но именно в тот момент, когда Шон увидел *Dasha* и влюбился в нее, – и здесь разрыва во времени не существует. Потому что, увидев *Dasha*, в нее нельзя не влюбиться, тотчас же, сию минуту, сию секунду.

Так, во всяком случае, кажется Кристиану, об этом же говорит присланный Шоном фотоальбом.

Кристиан так долго думал об этой встрече, случившейся в Камбодже или где-нибудь еще, что она даже приснилась ему. Вообще-то Кристиану редко снятся сны, в которых так или иначе не присутствуют формулы.

В том сне формул не было, ни одной.

Но были *Dasha*-туласи, Шон (чье лицо постоянно ускользало), оба ориентала, безыскусные тамаринд и бальса – никак не связанные с *Dasha*, а такие, какими Кристиан впервые увидел их на картинках из Интернета. Храм Ангкор-Ват, неподвижный, мрачноватый, совсем не фотографический, а скорее гравюрный. И девочка.

Крошечная. Лет трех или около того, дочь Шона, родившаяся в Камбодже, где все они осели – вместе с животными, вместе с любовью.

Кристиан никогда не интересовался жизнью маленьких детей, он и близко к ним не подходил (прекраснодушные мечты утешить плачущего ребенка так и остались мечтами), но... Эта девочка – совершенно особенная, ведь она не только дочь Шона, но и дочь *Dasha*. Тот самый купол храма, спрятанный в волшебном лесу. Девочку зовут не менее загадочно, чем мать, – Умала`ли, на фотографиях из альбома она выглядит сущим ангелом.

В том странном сне и самому Кристиану удалось приобщиться к ангельскому. Как будто бы он (во снах все возможно!) и был Умалали: недолго, какие-то мгновения, но их оказалось достаточно, чтобы почувствовать легкую тревогу. И беспокойство: мутноватое и скругленное по краям – как бутылочное стекло, долго пролежавшее в морской воде. Природу беспокойства выяснить так и не удалось – Кристиан снова стал собой. И уже в этом качестве его настигли совсем другие чувства: грустная влюбленность в *Dasha*, которая никого не тревожит только потому, что не в состоянии принести вреда. Следующим на очереди было еще одно перевоплощение —

самое непонятное и пугающее.

Кристиан так и не смог понять, в кого именно он перевоплотился, но уж точно не в двух ориенталов и не в пса по кличке Амаку. И не в бальсу с тамариндом, чьи ветви намертво переплелись, сузив пространство сна до размеров склепа. До сих пор у Кристиана было довольно расплывчатое представление о склепах, одно он знал точно: это не слишком веселое место. Наверное, оно больше бы соответствовало беспомощной грустной влюбленности, но... Перевоплотившись в кого-то еще, Кристиан чувствует ярость, обиду и злость. Объекты, на которые направлены эти малопочтенные эмоции, постоянно меняются: Шон, *Dasha*, и даже малютка Умалали, и даже кошки; лишь бальсе с тамариндом ничто не угрожает. Они ведь деревья, и испытывать к ним любовь невозможно... Так и есть – любовь! Ярость, обида и злость густо замешены на любви. Ничего общего не имеющей с грустной и какой-то ненатуральной (фотографической) влюбленностью Кристиана.

Кто может испытывать такие странные и двусмысленные чувства?..

Сон этого не проясняет, и после него у Кристиана остается ноющая тоска. Она падает в его рыхлую, размягченную душу подобно семени и прорастает там, пуская корни. В надежде выкорчевать сорняк (ни с чем другим, кроме вредоносного сорняка, тоска не ассоциируется) Кристиан пишет письмо Шону. Вполне нейтральное, но исполненное дружеского любопытства: *«Тебя окружают прекрасные женщины, Шон, и они достойны того, чтобы твой далекий друг Кристиан знал о них чуть больше, чем до сих пор. Кристиан вообще хочет хоть немного узнать о твоей нынешней жизни, в этом ведь нет ничего предосудительного, не так ли?»*

Ничего предосудительного, именно так.

И сквозящее между строк Кристианово восхищение развязывает Шону язык: ответное письмо – самое длинное и обстоятельное из всех полученных. Из него Кристиан узнает, что *Dasha* — русская (а совсем не скандинавка), что они познакомились в Гане (вот интересно, что Шон делал в Гане? и что делала там русская *Dasha?*), что это была любовь с первого взгляда (о, везунчик Шонни!) и что везунчик счастлив, безмерно счастлив и не перестает благодарить бога за эту встречу. Как не перестает благодарить бога за Умалали – имя принадлежит стране, в которой они встретились, отец зовет ее Ума, а мать – Лали, с ударением на последнем слоге —

Лали`

Лали – их гордость, их радость, она очень умненькая девочка и хорошенькая до невозможности, с Шоном она бойко болтает по-английски, с *Dasha* — по-русски. Она отлично ладит с кошками, пес Амаку боготворит ее, и камбоджийская прислуга тоже, они считают ее одним из воплощений Белой Тары. И не слишком прилежному христианину Шону льстят эти преувеличения, без всякой деликатности вырванные из буддистского контекста.

Кто такая Белая Тара?

Кристиан снова обращается к Интернету и находит миллион восемьсот тридцать одно упоминание о ней – женщине-бодхисаттве, исцеляющем и приносящем удачу божестве. Ум Кристиана не настолько гибок, а память не настолько хороша, чтобы запомнить все характеристики. Некоторые и вовсе отвергаются им по причине явной

нелепости: у настоящей Тары семь глаз, по одному на ступнях и ладонях, плюс еще один во лбу, а Лали – самая обычная девочка, без всяких анатомических отклонений. Поисковых запросов за месяц относительно богини – не меньше ста тысяч. Примерно столько же раз Кристиан ловил себя на мыслях о матери Лали, в переложении на количество минут в часах и часов в сутках выходит, что Кристиан думает о *Dasha* постоянно.

Магистральная мысль: именно этой женщине, единственной из всех, он подарил бы кольцо. Но Шону, его лучшему другу, знать об этом совсем не обязательно. Кристиан не собирается посягать на семейный Эдем, он не способен на вероломство, всего лишь – на грустную влюбленность издалека. О которой даже нельзя никому рассказать. Двоюродная сестра – едва ли не единственный его собеседник – только покрутила бы пальцем у виска: «*Ты в своем репертуаре, братец, не нашел ничего умнее, чем влюбиться в фотографию. И, кстати, откуда она у тебя, эта фотография?..*»

Подобного гипотетического вопроса и боится Кристиан. Ведь надо знать его двоюродную сестру: она обязательно докопается до истины, выудит у простодушного Кристиана всю правду о фотографии. И вряд ли ей понравится новое знание о Шоне, когда-то бывшем ее женихом. А теперь ставшем мужем совсем другой женщины. Затухшая было ненависть к Шону разгорится с новой силой и автоматически перенесется на самого Кристиана, жалкого предателя. Если это случится – кто будет слушать его джазовые импровизации?

Лучше уж молчать.

Но и молчать не получается. Чувство к *Dasha*, несмотря на эфемерность, слишком велико, оно не может уместиться в смехотворно маленькой емкости по имени Кристиан, оно требует выхода. И выход находится, такой же нелепый, как и сама жизнь Кристиана, – в переложении на саксофоны, одиночество, бесплодные мечты стать афроамериканцем и массу упущенных возможностей добраться хотя бы до какой-нибудь страны, необязательно Камбоджи.

Кристиан сканирует портрет *Dasha*-туласи, предварительно уменьшив его до размеров, способных поместиться в бумажник.

Первый шаг сделан, за ним следует второй: поиски людей, которые могли бы приобщиться к красоте его возлюбленной и по достоинству оценить ее.

Кристиан начинает с того самого бара, где оставил когда-то босоногого яппи. Почему, кстати, он бросил парня, на лице которого было написано явное желание расстаться с жизнью? Потому что посчитал, что теперь с ним ничего не случится: тамошний бармен показался ему надежным человеком, дурного он бы не допустил. Так и есть – бармен из тех людей, что способны выслушать любую, даже самую отчаянную исповедь. И дать пару дельных советов. Или просто сочувственно помолчать, иногда это важнее.

Прежде чем раскрыть карты (раскрыть бумажник с фотографией), Кристиан проводит в баре несколько вечеров, один из которых знаменуется победой «Манчестер Юнайтед» над «Ньюкаслем», а бармен – фанат «Манчестера». Кристиан равнодушен к футболу, но, оказавшись поблизости от бармена, поддерживает разговор как может. И даже пропускает стаканчик за здоровье Пола Скоулза, полузащитника.

Ни одного мяча в матче с «Ньюкаслем» Скоулз не забил.

Но он любимчик бармена и участвовал во всех трех голевых атаках. И к тому же скромняга, настоящий труженик, преданный клубу и собственной семье. Он не дает интервью и редко подписывает рекламные контракты – не то что молодые дешевки, которые и звездами-то стали по недоразумению. Вот если бы Пол заглянул сюда...

«*Было бы здорово*», – соглашается Кристиан, было бы здорово, если бы Пол заглянул сюда. Было бы здорово поговорить с этим классным парнем о вечных ценностях. О семье – ведь Кристиан тоже женат. И его жена – самая красивая женщина на свете, – *хотите взглянуть на нее?*..

Он не чувствует никаких угрызений совести, доставая из бумажника портрет *Dasha*, запаянный в кусок прозрачного плексигласа. Наоборот, его захлестывает восторг. Кристиан знал, знал, что все будет именно так: сначала бармен бросит на карточку равнодушный взгляд, потом равнодушие уйдет, и его брови поползут вверх, а рот округлится в восхищении.

– Красивая, – подтверждает бармен, не спеша отдавать фотографию. – Очень красивая.

– Да. Она прекрасна.

– Даже слишком хороша.

«Слишком хороша для тебя» – написано на лице бармена, и это портит настроение Кристиану. Но не настолько, чтобы перестать говорить о *Dasha*.

– Она русская.

– Да что ты! И где же вы познакомились?

И на это у Кристиана заготовлен ответ:

– Я был на гастролях в России. Я саксофонист, играю джаз...

– Вот как? И что Россия?

– А что – Россия?

– Она тебе понравилась?

– Ну... – К этому вопросу Кристиан не готов. – У меня было мало времени, чтобы по-настоящему узнать ее...

– А времени, чтобы жениться, хватило?

– Это была любовь с первого взгляда.

– Да... – Бармен все еще пялится на фотографию, и это начинает беспокоить Кристиана. – Пожалуй. Первого взгляда вполне достаточно. Говорят, в России очень холодно. И все пьют чистый спирт, чтобы согреться.

– Спирт мне не предлагали, – как может, выкручивается Кристиан.

– Но женщины там и впрямь красивые. Особенные.

– Особенные, да.

– Может быть, у твоей девушки...

– Жены!

– Жены... есть подруга? Такая же очаровашка... Для старика Даррена. Даррен – это я.

– Очень приятно. А меня зовут Кристиан.

– А ее? – Бармен щелкает плоским ногтем по фотографии. Жест не слишком почтительный, и Кристиан едва сдерживается, чтобы не отнять снимок самым бесцеремонным образом. Вдали от куска плексигласа он чувствует странное волнение, готовое вылиться в детскую истерику: еще бы, ведь посягают на самую большую драгоценность в его жизни.

Что, если бармен не вернет фотографию?..

– Даша. Ее зовут Даша. Ударение на последнем слог.

Насчет ударения Кристиан не совсем уверен.

– Красивое имя. Необычное. Так как насчет подруги?

Есть ли у *Dasha* подруги? У нее есть Шон и маленькая Лали, две кошки, пес по имени Амаку и еще кто-то. Кто-то из сна, он бродит по опушке волшебного леса, время от времени надламывая ветки; думать о нем неприятно. Куда проще и безопаснее думать о самом слове «подруга». Ни с чем особенным оно для Кристиана не ассоциируется, за исключением скандинавской сборной по хоккею, сплошь состоящей из шумных и бессмысленных товаров его двоюродной сестры. Таких существ *Dasha* уж точно никогда бы не потерпела рядом с собой, вывод: подруг у нее нет.

– У нее есть кошки. Две. То есть... у нас есть кошки.

– Кошка вряд ли меня утешит. – Бармен скалится в такой широкой улыбке, что становятся видны бледно-розовые десны. Ничуть не менее неприятные, чем мысль о таинственном персонаже из сна. – Интересно все же, почему она выбрала именно тебя?

– Кошка?

– Твоя девушка.

– Жена.

– Да... Что такого она, – тут старик Даррен снова сверяется с фотографией, – в тебе нашла?

Большому мальчику Кристиану давно пора бы знать, что все бармены – хорошие психологи. Даррену и пяти минут не понадобилось, чтобы засомневаться в правдивости истории, завернутой в плексиглас. Кристиан чувствует, как кровь приливает к щекам; при других обстоятельствах он поступил бы по своему обыкновению – ретировался, прикрываясь, как щитом, извинительной улыбкой («забудьте все, что я вам говорил, это была шутка»). Подобное случается всякий раз, когда его ловят на мелкой лжи – настолько мелкой и безобидной, что так и тянет раздавить ее, как гусеницу. С ложью покрупнее – генерируемой совсем другими людьми, правительствами и целыми государствами – ни одна подошва не справится, ничья. И возникает чувство неудовлетворения, требующее выхлопа. Тут-то и подворачивается микроскопическая ложь гусеницы-Кристиана, размазать ее – святое дело. До сих пор Кристиан ловко уходил от расправы, он и сейчас бы слинял, оставив недопитую кружку с пивом, но фотография...

– Она любит джаз, – ляпает Кристиан первое, что приходит в голову.

– И что?

– А я саксофонист, я его играю.

– Я помню. И что?

– Ну... Сначала ей понравилась моя музыка... А потом мы познакомились поближе, и оказалось, что я тоже ей понравился...

– Ну да, ну да... – Перекладина Дарренова рта выглядит такой твердой, что, взбреди Кристиану вскочить на нее как на подножку, он удержался бы на ней без труда. – Должно быть, ты очень хороший... э-э... саксофонист.

– Примерно такой же, как Пол Скоулз. Только он полузащитник, а я вот – играю джаз.

Сравнение со знаменитым футболистом, о существовании которого он и не подозревал еще десять минут назад, кажется Кристиану вполне уместным. Лучшего способа донести до поклонника «Манчестер Юнайтед» мысль о собственной значимости в мире джаза нет. Задача не в том, чтобы сопоставить масштабы, а в том, чтобы оценить их, – и на это способен любой, даже самый тупорылый футбольный фанат. Если, конечно, разговаривать на понятном для него языке.

И вероятность быть уличенным во лжи практически отсутствует: джазмены не рекламируют товары и услуги и не появляются на телеканалах *Sky Sports* и MUTV. Во всяком случае, ни одного анонса по этому поводу не было.

– А не хотел бы сыграть здесь, у нас? – неожиданно спрашивает Даррен.

– В спортивном баре?

– В день, когда не будет матча... Охота послушать музыку, из-за которой красивые женщины влюбляются в таких парней, как ты.

Последняя фраза бармена вытягивается в сознании Кристиана на многие мили: она похожа на дорогу, идущую вдоль побережья. С разными, иногда взаимоисключающими ландшафтами: там, где речь идет о музыке, дорога испещрена живописными скалами с островками девственного (мпинго? тамаринд?) леса. Там, где речь идет о красивых женщинах, и вид соответствующий – бескрайняя водная гладь и ослепительной чистоты белый песок. На нем просматриваются вещи, которые только красивым женщинам и могут принадлежать: легкие шарфики, полотняные сумки, соломенные широкополые шляпы,

потерянные браслеты... И лишь в вотчине парней, подобных Кристиану, все мрачно и загажено, как на радиоактивной свалке; между ржавыми бочками бегают крысы, а озерца протухшей воды фосфоресцируют недобрым светом.

Бармен явно или совершенно бессознательно оскорбил Кристиана, унизил его до положения крысы, ведь крысы не нравятся никому. Даже играющие на саксофоне.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сухо говорит Кристиан. – Играть джаз здесь.

– Я только предложил. И раз уж не здесь, то где можно тебя услышать? Ты ведь выступаешь не только в России?

Затевая пасторальную и безобидную на первый взгляд историю с карточкой *Dasha*, Кристиан и не предполагал, что она заведет его так далеко. Что одной-единственной ложью не обойдешься, что к ней необходимы пристройки, настилы и пандусы из другой лжи. Желательно сверхпрочной, водонепроницаемой, противоударной и еще черт знает какой, созданной из редко встречающихся в природе материалов по самым современным технологиям.

– Не только, – соглашается Кристиан, чувствуя, как соскальзывает в бездну. – В Европе я выступаю тоже.

– Наверное, и диски есть?

– Да. Как раз недавно вышел диск.

– Подаришь? Раз уж мы почти друзья?..

Когда это они успели стать друзьями? – вшивый бармен из вшивого третьесортного заведения откровенно издевается над Кристианом. Глумится.

Не забывая при этом ощупывать цепким взглядом его лицо.

– Я возьму? – наконец-то решается Кристиан, заноса руку над стойкой и протягивая ее к фотографии *Dasha*.

– Да-да, прости. И то правда – такую женщину как-то не хочется выпускать из рук.

– Я знаю. Но это – моя женщина.

Простота, с которой последняя фраза вываливается изо рта, кружит Кристиану голову: на секунду он чувствует себя летательным аппаратом, парящим над водной гладью, над белым песком. Еще хранящим память, но *не обо всех красивых женщинах* — только об одной.

К забытому браслету прибавляются небрежно брошенное на песок платье (фисташкового цвета), цепочки собачьих, кошачьих и детских следов. Особенно хорошо они просматриваются у полосы прибоа, где песок достаточно тверд. Следы хаотичны; местами сплетаются, чтобы тут же отдалиться друг от друга: словно собака, кошки и ребенок метались по берегу в поисках... чего? *кого?*

Той, кто оставил платье фисташкового цвета.

Странное дело, в хаосе следов неожиданно обнаруживается некая система. Если присмотреться, то можно легко обнаружить контуры созвездий Большой Медведицы и Волопаса. Эти созвездия – единственные, которые Кристиан в состоянии различить на звездном небе. Наверняка обнаружили бы и другие, знай он звездный атлас получше.

До сих пор эта проблема нисколько не волновала его, но теперь...

Теперь Кристиану кажется, что его астрономическое невежество мешает ухватить что-то очень важное. Какое-то послание, адресованное летательному аппарату.

Женских следов на берегу нет. Мужских, впрочем, тоже.

Как будто взрослые оставили маленького ребенка и беззащитных животных.

Ушли или уплыли в неизвестном направлении – и так и не вернулись. И у них должны были быть веские причины, чтобы не вернуться. Так, во всяком случае, понимает жизнь Кристиан (не лживая гусеница, а летательный аппарат): никто не вправе оставлять детей и животных в одиночестве. Без поддержки, без участия.

Впрочем, чуть поодаль – если приглядеться – заметны еще одни отпечатки на песке: самые неприятные из тех, что Кристиан когда-либо видел.

В этих четких оттисках подошв на первый взгляд нет ничего необычного. Кроме того, что они наполнены копошащейся субстанцией: слизи, кольчатые черви, морские блохи, мелкие обломки раковин-аммонитов, спутанные водоросли, тина с железной сердцевиной из крошечных медуз. И чем пристальнее Кристиан вглядывается в содержимое оттисков, тем быстрее их определения сменяют друг друга: *неприятный – отвратительный – тошнотворный...*

Так можно додуматься до того, что под вполне безобидными с практической точки зрения кольчатыми червями скрывается ад.

В отличие от множества других следов, эти два слепок с подошв – единственные. Кажется, что они появились из небытия да так и застыли, спешить им некуда.

Остается лишь запоздало испугаться за судьбу ребенка и домашних питомцев (вдруг они подходили к этой мерзости?) и тут же успокоить себя —

нет, не подходили.

Будь на то воля летательного аппарата, он бы задержался здесь на подольше, чтобы проследить за драматическими событиями на пляже и защитить при случае всех тех, кто нуждается в защите, но... Странное видение, уложившееся в несколько секунд, заканчивается: перед Кристианом – все та же барная стойка и Даррен.

И фотография *Dasha* в руках, наконец-то Кристиан с ней воссоединился!..

– Заходи почаще, – говорит Даррен, даже не удосужившись пересчитать деньги, которые Кристиан бросил на прилавок. – Заходите оба. Я буду рад.

– Оба?

– Ну да, оба. Ты и твоя девушка.

– Непременно.

Из бара Кристиан выходит с мутным осадком на душе: не из-за вранья о *Dasha*, неожиданно оказавшегося тяжелым испытанием, – из-за пляжного видения. Избавиться от него не получается на протяжении последующих нескольких дней. Кристиану повсюду мерещатся черви и слизи; даже в самых безобидных местах – на манер пластикового стаканчика или картонной упаковки для гамбургеров. Разношенные до состояния невесомости кроссовки тоже доставляют массу хлопот: ни с того ни с сего они начинают натирать ноги. Боль неявная, но беспокоящая: как будто в обувь набился песок. Микроскопические осколки раковин-аммонитов.

Устав бороться со старыми кроссовками, Кристиан меняет их на еще более старые, еще более безотказные; эти, ныне заброшенные в дальний угол шкафа «найки», он носил пару лет не снимая – и ни одного нарекания не возникло.

Кристиан возлагает на старичков большие надежды, которым, впрочем, не суждено сбыться: неприятные ощущения не проходят.

Но и не усиливаются.

И если даже к этому можно привыкнуть, то к червям привыкнуть не получается. Как не получается выбросить из головы песчаную историю: она мучает Кристиана. Не сама по себе, а тем, что каким-то образом связана с *Dasha* и теми, кто окружает ее. Доведенный едва ли не до отчаяния, Кристиан пишет Шону письмо, состоящее из одной фразы:

«Все ли у вас в порядке?»

Ответ приходит гораздо быстрее, чем обычно, уже через несколько часов:

«Почему ты об этом спрашиваешь?»

Дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос! Если бы Шон ограничился коротким «у нас все замечательно, Лали подрастает, и животные чувствуют себя хорошо», Кристиану стало бы намного спокойнее. Только это и требовалось от Шона – написать о том, что Эдем не претерпел никаких видимых изменений, что его границы незыблемы и никто не покушается на раз и навсегда заведенный порядок дня. Порядок заботы и нежности, порядок любви. Но Шон не сделал этого, вот стервец!.. Ответное письмо Кристиана намного длиннее: чтобы скрыть смущение, он раздражается пространными комментариями о жизни в Камбодже – не самой удобной, не самой уютной стране. Все сведения выужены в Интернете и касаются тяжелого для европейцев климата, малярийных комаров, москитов, атакующих незащищенные участки кожи; воды (чудовищного качества), мусора, который вываливается прямо на улицы (Кристиан лично видел несколько десятков фотографий и может дать ссылку на все это безобразие). Отдельным абзацем следуют медицинские рекомендации: в некоторых случаях помогает такое проверенное средство, как хинин, употребляет ли семейство Шона хинин?..

И снова ответ приходит незамедлительно («*Не будь дураком!* ☺»), и снова Кристиан не находит в нем того, чего так жаждал найти: успокоения.

Наверное, Кристиан повел себя неправильно; но не в письмах к Шону, а чуть раньше, когда оказался в роли летательного аппарата. Нужно было рассмотреть пляж повнимательнее, и не только пляж, а и

море, и дюны, примыкающие к пляжу (разве там были дюны?). Нужно было провести аэрофотосъемку с возможностью последующего увеличения снимков – возможно, возникли бы новые детали. Но видение было слишком мимолетным, и надеяться на его повторение...

☺

Хотя почему бы и не понадеяться?

* * *

ТРИО

– *Магда, Магда, Магда... Как вы себя чувствуете, Магда?*

– А как может чувствовать себя человек, вляпавшийся в такую историю? Отвратительно. Проклинаю тот день, когда приехала сюда...

– *Да уж. Лучше бы вам было остаться дома. Быть может, тогда бы не произошло то, что произошло.*

– Вы о чем?

– *Об убийстве, леди, о чем же еще.*

– Вряд ли мое присутствие или отсутствие могло хоть как-то на него повлиять. Я никогда не знала эту женщину, я впервые увидела ее несколько дней назад. И... можно я не буду изображать скорбь по поводу смерти совершенно незнакомого мне человека?

– *Конечно. Вы даже можете выразить радость и удовлетворение. Ведь ваша соперница мертва.*

– Соперница? Не смешите.

– *Разве ваш муж не рассказывал о покойной, когда впервые попал к вам на прием? Наверняка он был не в лучшем состоянии, ведь его бросила женщина, которую он любил...*

– Ну да... Так я и знала...

– *Знали, что он любил ее?*

– Он не любил ее! Это было сродни болезни – тяжелой, хотя и не опасной для жизни. Слава богу, Тео выздоровел...

– *Вы уверены?*

– Как бы то ни было, вируса, который отравлял его кровь, больше нет.

– Я бы посоветовал вам следить за словами. Для вашего же блага. Здесь есть люди, которые слышали, как вы откровенно желали покойной смерти.

– Надеюсь, вы не думаете, что это я... совершила убийство?

– У вас был мотив.

– Не было у меня никакого мотива! Неприязнь была, глупо это отрицать. Но мотива не было.

– Знавал я дамочек, которые ни перед чем не останавливались, чтобы убраться! На куски их рубили, растворяли в кислоте, а потом невинно хлопали глазами, утверждая, что они здесь совершенно ни при чем.

– Если бы я даже что-то задумала... Бред, конечно, но допустим... Стала бы я озвучивать свои планы в присутствии других людей? Тем самым навлекая на себя ненужные подозрения? Я же не дура...

– Нет, Магда, вы не дура. И размышляете вполне здраво. Вам не откажешь в ясности ума. И почему только все здесь твердят мне о каком-то помрачении, которое настигло вас как раз накануне убийства? А?

– Мне бы не хотелось это обсуждать...

– Придется. Также вам придется объяснить, что вы делали в кустах рядом с местом преступления. Где, собственно, вас и обнаружили. И мне хотелось бы, чтобы это объяснение было исчерпывающим.

– Я не помню, как оказалась там. Это исчерпывающий ответ?

– Ровно настолько, чтобы зацелкнуть наручники на ваших запястьях. Попробуете еще раз?

– Боже мой... С самого начала все пошло ужасно. С первой минуты в этом доме мне хотелось покинуть его.

– Из-за бывшей пассии вашего мужа?

– Не только и не столько... С этим я бы еще могла справиться... Сам дом угнетал меня... Вы же видели весь этот антураж. Этих каменных истуканов, эти деревянные фигуры с раскрытыми ртами... Того и гляди всосут тебя, если не будешь осторожен. И знаете что? Они ведь меняют свое местоположение...

– Кто?

– Истуканы. И выражение лиц меняют тоже. Я наблюдала это каждый день.

– *Вы преувеличиваете.*

– Нисколько. Стоит лишь приблизиться к ним, как сразу начинаешь чувствовать: что-то не так. Возникает шум в ушах, какие-то неясные голоса...

– *Голоса?*

– Да. Я старалась не прислушиваться к ним, но... Они слишком навязчивы. Неприятны. Как насекомое, заползшее в ухо.

– *И что же нашептывали вам эти голоса? Убить хозяйку каменных истуканов?*

– Опять вы за свое! Они были неясными, эти голоса. Какое-то странное сочетание звуков. Ужас и тоска – вот что они вселяли. Я говорила об этом Тео. Но он посоветовал мне унять воображение.

– *А кому-нибудь другому вы говорили?*

– Не помню. Может быть. Все эти дни я была как в тумане.

– *От алкогольных паров?*

– Тео не хотел мне помочь. Он был глух к моим страданиям. Я не виню его... И все же... Он вел себя как последняя сволочь. Единственной, кто проявил участие, была эта забавная французская мадам, исследовательница пустынь. Кажется, на второй день нашего здесь пребывания она сказала, что я выгляжу неважно. А как можно выглядеть по-другому, если просыпаешься в одной постели с дохлятиной?

– *Вы имеете в виду мужа?*

– Я имею в виду мертвых рептилий. Ящериц. Я обнаружила их, сунув руку под подушку. Омерзительное ощущение. Теперь оказывается, что этот фокус проделала маленькая вонючка. Хозяйская дочь. Она третировала меня...

– *Почему?*

– Откуда же мне знать почему? Она достойная дочь своей матери. Здесь всё достойно хозяйки. Всё и все. Африканское кладбище и вся эта живность, кошки, собака... Вы ведь сами видели, что устроила здесь одна из кошек...

– *Зато собака никому больше не угрожает. Вы всегда носите мужские рубашки?*

– Нет, конечно.

– *По-моему, в них жарковато. И они... как-то не по размеру.*

– Они легкие и удобные, других Тео не признает. Весь мой запас чистых футболок неожиданно подошел к концу... Зато Тео прихватил сюда целый гардероб.

– *Может, этихдохлыхящерицдевчонкаподбросилаему,аневам?Может,ейненравилось,чтокакой-точужоюдядькаволочитсязаеематерью?*

– Может, но ящерицы валялись у меня под подушкой. Француженка посоветовала отнестись ко всему философски. Сказала, что это стихийное бедствие нужно просто пережить. И я была согласна пережить... и суку-хозяйку, и выходки ее дочери, и надменную физиономию ее сына, и... черт с ними... даже этих африканских уродов. Но по отдельности. А всех вместе... Это было чересчур. Особенно выкопанная из могил деревянная и каменная нечисть.

– *Никому, кроме вас, она не досаждала? Никто больше не слышал голосов?*

– Я не знаю. Тот молодой парень, приятель мужа хозяйки... он тоже выглядел подавленным. Он как будто все время к чему-то прислушивался.

– *Вы говорили с ним об этом?*

– Лишь однажды. До этого я с ним и парой слов не перекинулась, так – махали друг другу рукой издали, улыбались при встрече: на кухне, в саду или за обеденным столом. Но вчера утром, когда я относила в стирку грязные вещи... в тот маленький домик, где стоят стиральные машинки... я увидела его. Он сидел в углу, на корточках, положив голову на колени. Я окликнула его, и он испугался. И глаза у него были несчастные. Он сказал, что дом его напрягает. Что он не может находиться там долго.

– *И это все?*

– Мы немного поговорили об Африке, куда бы не хотели попасть ни он, ни я. На этом все и закончилось. Ужасно чувствовать себя никому не нужным персонажем, чье присутствие только терпят.

– *Отчего же вы не уехали?*

– Тео было не вытащить отсюда.

– *Поэтому вы скандалили и напивались?*

– Тео было наплевать. Ему было наплевать на нашу поездку в Англию, а ведь там его ждали на презентации книги. Вместо этого он

примчался сюда. За какие-то несколько дней он все забыл. Для него существовала только эта ведьма.

– *А вы не преувеличиваете?*

– В том, что она ведьма? Нисколько. Она управляет здесь всем – людьми, вещами и животными.

– *Собакой и двумя кошками?*

– Это не единственные кошки. Есть еще одна.

– *Я видел только двух.*

– Все видели двух. Кроме меня. И, возможно, этого парня.

– *А вы не поинтересовались у хозяйки, что это за третья кошка ошивалась здесь? Это же легко проверить.*

– У меня не было желания разговаривать с ней. Ненавижу фальшивое радушие и показную доброжелательность. И абсолютно холодные и мертвые глаза в комплекте с доброжелательностью. Ей вроде бы все равно, как реагируют на нее остальные, но стоит только хоть кому-нибудь отвлечься... на другого человека или что-нибудь менее существенное... она тут как тут. И глаза сразу оживляются... Две раскаленные кочерги, вот что такое ее глаза! Так и норовят ткнуть тебя и прожечь кожу до кости. Оставить рубец на долгую память.

– *То есть если бы покойная была... скажем, предметом... она была бы раскаленной кочергой?*

– Почему? Вы невнимательно слушаете. Я говорила всего лишь о ее глазах. У вас странный метод ведения допроса.

– *А у вас богатое воображение. От природы? Или развилось само, в процессе употребления горячительных напитков? Или это были не только напитки?*

– Что вы имеете в виду?

– *Вы знаете, о чем я. В этой тихой заводи полно юных натуралистов, шпионящих друг за другом. Все что-то видели, слышали и случайно находили.*

– Быть может, общими усилиями им удастся найти и убийцу?

– *Не исключено. Вы ведь не присутствовали на фейерверке в саду?*

– Нет. Я почувствовала себя неважно и осталась в доме.

– *Который вы так ненавидите?*

– Ну хорошо... Я расскажу вам, как было дело. Я расскажу вам то, что помню. А помню я не так уж много – все из-за виски. Когда эта

престарелая француженка утешала меня и советовала отнестись ко всему философски, мы пропустили с ней по стаканчику. После виски мне немного полегчало, чувство тревоги стало не таким острым. Конечно, злость на Тео никуда не делась, и я решилась повторить алкогольный опыт.

– *Вдвоем с француженкой или сами?*

– Кое-кто к тому времени уже пристроился к столам с выпивкой, так что это не было похоже на «надираться в одиночестве».

– *Когда же вам полегчало окончательно?*

– Когда я высказала вслух все, что думаю об этой стерве. Мне сразу стало лучше. Намного, намного лучше. Мы еще поболтали с русской, а потом я отправилась в дом, за виски.

– *Решили выпить еще?*

– Решила избавиться от остатков дурного настроения. И от этой напыщенной свиты уродов заодно. Мне никого не хотелось видеть. Даже Тео. Мне хотелось заснуть и...

– *Не проснуться?*

– Проснуться в другом месте. Жаль, что это было невозможно.

– *Но попытаться стоило?*

– Мое пребывание здесь и так сплошные попытки. Принять ситуацию, обуздать ситуацию, пустить ситуацию на самотек... Вот и тогда я попыталась прорваться на кухню, к хозяйскому бару, но кухня уже была оккупирована ведьминым муженьком и его приятелем. Первый жаловался на жизнь, второй пытался его успокоить.

– *Жаловался на жизнь?*

– Он был в бессильной ярости. Оказывается, ведьма и его скрутила. Лишила воли и самостоятельности. Единственное, что ему оставалось, – проклинать собравшееся здесь светское общество.

– *Так уж и проклинать?*

– Это был всплеск неконтролируемой ревности ко всем. Даже своего приятеля он обвинил в тайных симпатиях к ведьме. Неприятный жалкий разговор жалких людишек.

– *Но вы его с удовольствием подслушали?*

– Без всякого удовольствия. И... я не подслушивала. Меня хватило ровно на минуту, а потом я отправилась в холл на первом этаже.

– *К каменным истуканам, которых вы так ненавидите?*

– М-мм... Мне показалось, что я видела там несколько бутылок... Где-то в доме, помимо кухни, был целый арсенал бутылок...

– *И как? Арсенал обнаружился?*

– Обнаружился старший сын этой суки-хозяйки. Он стоял у мерзкой зулусской лодки... той, что служит здесь журнальным столиком. И вертел в руках сверток.

– *Сверток?*

– Скорее это была какая-то коробка в подарочной упаковке. Перевязанная лентой. Мы улыбнулись друг другу, а потом я вспомнила, что видела спиртное на террасе второго этажа. В общем, туда я и направилась.

– *И оставались там?*

– Да. Какое-то время... А потом я слышала шаги на лестнице. Как если бы кто-то тихонько поднимался и этот кто-то... был не один.

– *Не один?*

– Не один, не двое, не трое...

– *Целая команда? Делегация врачей без границ?*

– Мне трудно объяснить. Шаги двоились. Человек и эхо его шагов. Но это оказался вовсе не человек.

– *Кто же?*

– Кот.

– *Тот самый? Третий в списке, которого никто не видел, кроме вас?*

– Он был огромным. Ужасным. И он приближался ко мне.

– *Понятно. Сколько вы выпили до того, как он появился?*

– Это не имеет никакого значения...

– *Сдается мне, что как раз имеет. Он намеревался напасть на вас?*

– Он намеревался убить меня.

– *Бедная Магда... Как же вы спаслись?*

– А как обычно спасаются? Бегством. Это-то как раз я помню слабо, все было как в кошмарном сне.

– *Или как в наркотическом бреду?*

– Все было как в кошмарном сне... Я пыталась спастись от этого чудовища, я хотела вернуться туда, где есть люди... для этого нужно было всего лишь добраться до лестницы. Но она не приближалась ни

на сантиметр, какие бы усилия я ни совершала. Она так и оставалась недоступной.

– *А кот?*

– Он дышал мне в спину.

– *Мог напасть, но не напал?*

– Его логика ускользала от меня так же, как и лестница, куда я так хотела попасть. Это был бег по кругу или бег на месте... Как в кошмаре. Вам снятся кошмары?

– *Нет. Совесть моя чиста, оттого и сплю я без сновидений. Чем закончились эти игры в кошки-мышки?*

– В какой-то момент на меня обрушилась чернота. А потом... Потом я пришла в себя... Почему-то – в этой самой комнате, где мы находимся сейчас. Хотя я не помню сам момент проникновения... Нет, не помню. И... здесь была русская девчонка, которая появилась вместе с типом в Бриони. Она и привела меня в чувство окончательно.

– *Вот как? Она проявила к вам особенное участие?*

– Это было просто участие.

– *Русская была подругой покойной?*

– Я не знаю, чьей подругой она была. Может быть, того типа в Бриони. Мне ничего не известно о ней. Неизвестно даже больше, чем обо всех остальных. Кажется, она добрый человек. Она, во всяком случае, выслушала меня. Я попросила ее сходить за Тео, и она согласилась.

– *Привела к вам мужа?*

– Он пришел один. Он все-таки пришел. И снова я умоляла его уехать. Но он сказал, что это было бы невежливо, что побег с праздника невозможен. Мы... поссорились. Он ушел, а я осталась в своей комнате. Кажется, даже заснула, ведь этот проклятый кот вымотал меня, полностью лишил сил.

– *На этот раз кошмары вам не снились?*

– Ничего не снилось. Как и вам. Что вы видите, когда просыпаетесь?

– *Потолок и лампу с вентилятором, если лежу на спине. Окно, часы и телефон, если лежу на боку. А вы снова увиделидохлых ящериц?*

– Нет.

– *Кота?*

– Я увидела Тео.

– Ну да, вашего мужа. Об этом я как-то не подумал...

– А я подумала, что вечеринка наверняка закончилась. И что сейчас глубокая ночь, потому что в комнате было темно. А потом... потом я подумала, что с Тео что-то не так.

– Что именно?

– Его тело... Его как будто подменили... Так мне показалось в темноте. Он лежал рядом, и прикоснуться к нему не составило бы труда. Я и прикоснулась...

– И?..

– Эффект был такой, как если бы я прикоснулась к дереву или камню. Как если бы рядом оказался истукан, перебравшийся сюда с первого этажа. И он не дышал. И я подумала о скульптурах – вдруг это живые люди? А ведьма околдовала их, и они покрылись корой, окаменели. Знаете, как бывает в сказках? Подобного ужаса я не испытывала никогда...

– Успокойтесь, Магда. Ваш муж жив и здоров. Вы и сами это знаете.

– Да. Да... Но тогда, ночью, я испугалась... Ведь он не дышал. Я закричала, бросилась вон из комнаты... Я хотела найти хоть кого-нибудь, позвать на помощь, но дом как будто вымер.

– Странно. Вам бы даже не пришлось ломиться в закрытые двери, чтобы кого-то отыскать. Как минимум два человека постоянно были под рукой.

– Я понимаю, это звучит дико... И вы вправе не поверить мне... Вы вправе посчитать меня сумасшедшей... Но я не смогла приблизиться ни к одной двери – так же, как накануне вечером. И я уже не понимала, явь ли это или продолжение кошмара.

– Но до лестницы вы все же добрались?

– Да.

– Спустились вниз? Это всего лишь два пролета. Смелее, Магда.

– Да.

– И снова не обнаружили никого, кто мог бы вам помочь?

– Я обнаружила... кота. Это опять был он, я узнала его по глазам. Желтые глаза, висящие в темноте. Он поджидал меня.

– Так-так. Вы, должно быть, закричали? Люди всегда невольно вскрикивают, когда сталкиваются с чем-то ужасным.

– Наверное, я закричала. Да. Больше я ничего не помню.

– Удивительно, что никто не слышал вашего крика. Вообще какого-либо крика. И почему только люди глохнут в самый неподходящий момент? Вы можете объяснить это? Как профессиональный психолог? Вы ведь профессиональный психолог?

– Вы не верите мне. Я знала, что так и будет. Не стоило и начинать весь этот разговор.

– Стоило всего лишь сказать правду, а не придумывать сказки. Даже если бы вы честно признались в том, что просто нажрались таблеток и залакировали все это алкоголем, – я поверил бы вам больше. Как вы вышли из дома? Как оказались на улице?

– Я не помню...

– Почему вы были перепачканы землей?

– Я не помню...

– Это вы убили хозяйку?

– Я не помню... Нет! Я не убивала, нет!.. Я сама едва не стала жертвой... Вы не понимаете. Она не просто женщина – она ведьма. Что она делала в Африке? Почему перевезла сюда всю эту мертвечину? Оставайтесь здесь на ночь – и вы все поймете... Я не удивлюсь, если дом убьет нас одного за другим.

– Пока убит только один человек, так что не будем бежать впереди поезда. И убит он совсем не домом. Взгляните-ка... Вам знакома эта вещь? Магда?.. Что с вами, Магда?..

* * *

...Состояние, в котором пребывает Кристиан, теперь можно охарактеризовать одним словом: *одержимость*. Вернее, это целый букет из разного рода одержимостей – нелепый, исполненный плохо сочетаемых фрагментов, странно пахнущий. Держать его в руке – неловко, выбросить – жалко, ждать увядания – бессмысленно.

Букет одержимостей не вянет, напротив – становится все пышнее, отравляя сознание Кристиана навязчивым, отдающим восковой мертвечиной запахом: то ли лилий, то ли лотосов (оба цветка можно встретить в Камбодже).

Кристиан одержим мыслями о *Dasha*.

Кристиан одержим мыслями об опасности, которая может угрожать *Dasha*, – истинной или мнимой, не важно. Важно, что она смертельна.

Кристиан одержим пляжным видением.

Кристиан одержим омерзительной биомассой, просочившейся в реальность прямиком из пляжного видения.

Кристиан одержим идеей его повторного возникновения.

Он возлагает большие надежды на сны (что есть сон как не интерпретация подсознательных страхов, фобий и грез?) – но раз за разом его надежды не оправдываются. Вместо искомого и такого желанного ландшафта и даже вместо привычных формул в его снах фигурирует черная школьная доска. Доска преследует Кристиана из ночи в ночь и поначалу кажется всего лишь пустотой, черной дырой, наказанием за дневное безрассудство.

За посягательство на чужую жену, за жалкое детское вранье.

Ведь по вечерам – а иногда и днем – Кристиан продолжает врать. Теперь он экипирован намного лучше, чем при лобовом столкновении с Дарреном (спортбар хитрого негодяя Даррена Кристиан обходит десятой дорогой). Теперь в его арсенале – истории про Россию, истории про Москву, чей фундамент покоится на вечной мерзлоте, – все они выужены на форумах, посвященных путешествиям. Несколько русских слов и целых фраз, худо-бедно переведенных при помощи онлайн-переводчика. Кристиан больше не позиционирует себя гениальным джазменом, он вообще старается не упоминать о саксофоне – он тот, кем является на самом деле: курьер небольшого non-fiction издательства, на случай, если его спросят о профессии.

Но обычно не спрашивают.

О Москве и о России не спрашивают тоже. Вяло интересуются *лишь Dasha* («действительно, красавица, хотя мой идеал – Анджелина Джоли»). Оживление наступает только в конце беседы (обычно короткой) – когда Кристиан предлагает заплатить за выпитое собеседником спиртное из своего кармана. В благодарность собеседник задерживается подле Кристиана еще на пять-семь минут – тогда и наступает звездный час Кристиановой лжи, ее кульминация.

В эти пять-семь минут случайный знакомый, чей рот плотно заткнут кляпом благодарности, выслушивает историю любви Кристиана и *Dasha*, где фигурируют экзотические страны Гана и

Камбоджа (причем Гана – в прошедшем времени, а Камбоджа – в настоящем и, возможно, будущем). В ней имеются животные, собака и две кошки; стоит ли вводить в пасторальный сюжет Лали, Кристиан еще не решил. Конечно, имеется соблазн представить малышку собственной дочерью, чтобы ввести бурный поток страсти к женщине в более спокойное русло привязанности к семье, но...

Это было бы уже чересчур.

Случайных знакомых Кристиан выбирает по наитию, заранее отметая слишком молодых людей (кто в юности станет слушать про чужую любовь, когда и от своей не знаешь куда деться?). К крепким одиноким мужчинам средних лет он тоже не подсаживается – из боязни быть неправильно понятым или нарваться на агрессию: у одиноких мужчин средних лет, как правило, сложные отношения с женщинами. Остаются сентиментальные старики обоих полов и скучающие дамочки около сорока. Достаточно невыразительные, а порой и откровенно некрасивые, чтобы привлечь внимание Кристиана на свой счет. То есть поначалу они так и думают – до того, как Кристиан оглоушивает их заранее приготовленной фразой о своей жене.

Надо видеть, как загораются глаза этих дамочек: загораются и тут же гаснут, ведь им никогда не стать главными героинями, пусть и на один вечер, – главная героиня всегда *Dasha*. И нужно отдать должное дамочкам – они умеют держать удар. После секундного отчаяния они привычно берут себя в руки и цепляют на физиономию снисходительную, участливую улыбку. Поначалу не особенно искреннюю; искренней ее делает простодушное замечание Кристиана: «Вы очень похожи на мою жену, позвольте угостить вас?»

После того как согласие получено, Кристиан вынимает из бумажника фотографию и сует ее в нос дамочке. Ход почти беспроблемный: неоспоримая красота *Dasha* выступает зеркалом, в котором занюханное, стертое существо должно увидеть себя в новом свете.

И оно видит.

Боковым зрением оно также видит самого Кристиана: милого молодого человека, забавного, с хорошими манерами, с обезоруживающей мягкой улыбкой. Героя романтической комедии или

мелодрамы со счастливым концом. Полюбившего по сюжету женщину старше себя и сумевшего сделать ее счастливой.

Кристиан в состоянии проследить ход мыслей дамочек, ничего экстраординарного в нем нет: если уж повезло этой женщине и если эта женщина похожа на меня (ох уж эти зеркала!) – значит, когда-нибудь повезет и мне. Значит, и для меня найдется милый, забавный мужчина – с хорошими манерами, с обезоруживающей мягкой улыбкой.

Нужно только подождать.

«Нужно только подождать, и все сложится» – это утверждает и Кристиан, всем своим видом. Всей своей историей – с массой счастливых концов, со счастливыми – сытыми и ухоженными – животными, которые собрались жить вечно. И любовь Кристиана тоже будет жить вечно.

Да, дамочки – самый благодарный слушатель. После бесед с ними, после исповедей, в которых нет ни слова правды, кроме имени их главной героини, Кристиан испытывает легкое головокружение и покалывание в пальцах. Наверное, то же самое испытывал бы начинающий наперсточник, которому удалось сорвать куш на городском рынке – и остаться непойманным. Параллель с более серьезными преступлениями неуместна, ведь вранье Кристиана никому не приносит зла. Даже наоборот – оно дарит надежду тем, кто уже отчаялся и разуверился в себе.

«Вы потрясающая женщина, и все у вас будет хорошо, вот увидите», – именно этими словами Кристиан завершает все свои беседы, всегда.

Почти всегда.

За исключением одного-единственного случая в ничем не примечательном пабе, где он познакомился с Русской.

То есть это потом стало ясно, что собеседница – русская, а вначале все шло по накатанному сценарию: Кристиан привычно выцепил из толпы искомый объект – женщина за тридцать, одиноко сидящая за столиком в углу. Неброский макияж, джемпер глуховатых коричневых тонов и темно-рубиновая тяжелая шаль, небрежно брошенная на плечи. Ни одной яркой, запоминающейся детали – ни в лице, ни в одежде, – как раз то, что нужно.

Именно так и подумал Кристиан, подсаживаясь к незнакомке с бокалом пива и фисташками, – и ошибся. Уже потом, сотни раз прокручивая в голове эту встречу, он пытался понять, в чем именно заключалась ошибка. Наверное, в том, что он вообще подошел к проклятому столику, клюнув на невзрачный прикид и некоторое число пустых рюмок. Не слишком большое, чтобы считать сидящую за столиком налакавшейся вдрызг алкоголичкой. Но и не маленькое. В самый раз для женщины, которая переживает кризис среднего возраста. Или утрату возлюбленного. Или то и другое вместе.

Рюмок было четыре.

– Вы позволите? – спросил Кристиан.

Женщина откликнулась не сразу. Она окинула Кристиана цепким трезвым взглядом, не очень-то вяжущимся с выпитыми рюмками.

– Смотря что, – произнесла она, когда осмотр был закончен.

Странный акцент. Очень сильный, но обаятельный. Как будто каждое из произнесенных слов завернуто в обертку из плотной бумаги и перевязано ленточкой. Вечная история о том, как копеечная, купленная в китайском супермаркете безделица путем нехитрых манипуляций становится самым настоящим рождественским подарком.

– Для начала – угостить вас, – немного смутившись, промямлил Кристиан.

– А потом?

– Потом? Э-э-э...

– Впрочем, какая разница, что будет потом. – Женщина откинулась на спинку стула и улыбнулась улыбкой, подходящей под определение «брезгливая». – Валяйте, угощайте. Только пиво я не пью.

– Виски?

– Водку. Я пью водку.

Ну да, водка.

Маленькие рюмки – водочные, он должен был понять сразу. Будь они повыше и поуже, с остатками соли по краям – сошли бы за рюмки для текилы.

– Грустите? – осторожно поинтересовался Кристиан, когда водка была принесена.

– Умираю от тоски. – Женщина постучала по рюмке кончиками пальцев, но пить не стала. – У вас тоскливая страна.

– А ваша собственная? Не такая... тоскливая?

– Моя? Тоже тоскливая.

Самое время взяться за сказочку о *Dasha*, с развеселыми Ганой и Камбоджей в анамнезе, самое время!.. Но Кристиан почему-то медлил. Теперь и незнакомка казалась ему подарком, завернутым в плотную бумагу и перевязанным ленточкой – темно-рубиновой, под цвет шали. А подарки, как известно, бывают всякими, иногда – неприятными. Как бомба с часовым механизмом, закамуфлированная под детскую игрушку.

– Как тебя зовут?

– Шон, – неожиданно для самого себя выпалил Кристиан. И надолго замолчал.

Никогда раньше он не вводил Шона в повествование, он был тем, кем был, – Кристианом. Джазменом (почти правда, учитывая затяжные позиционные войны с саксофоном). Курьером (чистая, дистиллированная правда, без всяких примесей). Хорошим парнем (еще одна правда, сродни курьерской). Тогда при чем здесь Шон?

Шон – муж *Dasha*, вот при чем!..

– Значит, Шон. И чем ты занимаешься, Шон?

– Я... фотограф. Да. Фотограф. Еще немного оператор, но больше фотограф.

– Надеюсь, ты не станешь предлагать мне посетить твою фотостудию?

– Нет...

– И не станешь лепить, что я потрясающе фотогенична?

– Ну... – Кристиан почувствовал себя загнанным в ловушку. Сказать правду, сказать, что фотогеничностью от незнакомки даже не пахнет, означало бы поставить крест на цели, ради которой и была затеяна все беседа.

Ведь фразу «Вы очень похожи на мою жену» после констатации нефотогеничности уже никуда не воткнешь.

– Промолчал – и на там спасибо, – заметила незнакомка. – Кстати, меня зовут Анна. Все принимают меня за немку. Иногда – за чешку. А ты что скажешь?

– Я не знаю. Но вы и не шведка.

– Не шведка, да. Почему ты решил, что я не шведка?

– Шведки похожи на хоккеистов...

– А ты знаком со всеми шведками?

– Только с некоторыми.

– А я? На кого похожа я?

Здесь бы Кристиану и пришилить темно-рубиновую шаль эпохальным «Вы очень похожи на мою жену». Самое логичное, самое безупречное продолжение, плывущее прямо в руки – без всяких усилий, без всяких натяжек. *Ну, давай же, не будь остолопом, что ты медлишь?..*

– В сборную по хоккею вас бы не взяли, – после небольшой паузы дипломатично ответил Кристиан.

– Я туда и не стремлюсь, но это не ответ.

– Хорошо. Вы похожи на... детскую игрушку.

– Только не говори, что на Барби. Иначе меня стошнит.

– Нет-нет... Просто на игрушку. С бомбой внутри. Знаете, такая маленькая бомба внутри. Маленькая, но мощная. С часовым механизмом. Обычное дело в практике террористов.

– Ты забавный. – Впервые женщина посмотрела на Кристиана с неподдельным интересом. – Значит, игрушка. Игрушка для мальчиков или для девочек?

– Это имеет значение?

– Определенно да.

– Я не знаю... Может быть, та, что нравится мальчикам и девочкам одинаково.

– Очень, очень забавный... Мальчикам и девочкам нравятся плюшевые медведи. Но я бы предпочла зайца... Мне нравятся зайцы.

– С очень длинными ушами. – Кристиану неожиданно стало весело. – А еще подойдут волчки, калейдоскопы и лото...

– А вот и нет! Как можно засунуть бомбу в лото? Остановимся на зайце.

– Пусть будет заяц, если уж вы питаете к нему такую любовь...

– Расскажи о себе, Шон.

Именно в этот момент Кристиан впервые испугался. По-настоящему. И его страх не имел ничего общего со страхом перед Дарреном, мелким и несерьезным. Вернее, тогда речь шла всего лишь о боязни разоблачения. И о неловкости, которая может последовать за разоблачением.

Но здесь...

Кристиан неожиданно почувствовал себя стоящим в коридоре какого-то подземелья – таком узком, что плечи почти касаются стен. Только на первый взгляд гладких, но стоит пошевелиться, сделать шаг вперед, к спасительному выходу, как из них тотчас выскочат ножи, тесаки и колья. Единственная их цель – искромсать плоть, не оставить на ней живого места. Наверное, это уже случалось с теми, кто попадал в адский коридор до Кристиана: под ногами хлюпает жижа красного цвета.

Темно-рубинового, если быть совсем точным.

– ...Да нечего особенно рассказывать...

– Вот как? У тебя нет ни одной истории?

– Ни одной стоящей.

– Но при этом ты подсаживаешься к незнакомой женщине в баре. Угощаешь ее водкой...

– А что в этом особенного? Вы мне понравились. Вы выглядели грустной...

– И ты решил меня развлечь?

– Ну...

– Не имея ни одной стоящей истории про запас?

В логике Анне не откажешь, и это нисколько не приближает Кристиана к выходу из подземелья. Скорее отдаляет.

– Ты действительно забавный парень, Шон. Ты милый, но у тебя неверная установка.

– У меня нет никакой установки.

– Но есть проблемы, ведь так?

Не очень-то она похожа на психоаналитика, эта странная женщина Анна. И не такая простушка, какой показалась Кристиану на первый взгляд. И его выводы относительно внешней непривлекательности Анны оказались ошибочными. Нет, ее по-прежнему не назовешь красавицей, но в ней есть что-то совсем другое. Что-то, что дороже красоты. Человеческая значительность, что ли? До сих пор Кристиану не приходилось встречать таких женщин, таких людей. Представить ее в роли богини (Белой Тары) не составило бы труда. Или в роли основательницы тоталитарной секты, чьи последователи с восторгом вырубают непроходимые джунгли, чтобы построить храм в ее честь. Или в роли игрушечного зайца с длинными ушами, внутри которого спрятана бомба.

Не стоило Кристиану протягивать руки к зайцу, но дело сделано.

– ...Проблемы с девушками, – не унимается Анна. – Я права?

– С чего вы взяли? У меня нет проблем с девушками.

– А я думаю, что есть. Иначе бы ты не подсел к одинокой малопривлекательной женщине, которая старше тебя.

– Я не считаю вас малопривлекательной...

– Я тоже так не считаю. – Быстрая улыбка на лице Анны полна иронии. – Но речь сейчас идет о тебе. Я хорошо знаю мужчин такого сорта, как ты, поверь.

– И что же это за сорт?

– Миляги. Добряки, не совершившие в жизни ни одного дурного поступка...

– Никогда бы не подумал, что не совершать дурных вещей – преступление. – В душе Кристиана неожиданно начинает закипать злость на всезнайку Анну.

– ...ни одного дурного поступка. Но и хорошего тоже. Потому что они вообще не совершают поступков. Любой поступок требует усилий, а как раз на это они и не способны. Так и бредут по жизни – с атрофированными мышцами. Атрофированной душой.

Больше всего Кристиану хочется уйти (уже сейчас Анна стоит десятка Дарренов, и это не предел), но он продолжает сидеть; видимо, его мышцы и впрямь атрофировались. И продолжают терять эластичность – прямо на глазах.

– Хочешь уйти? – Анна подмигивает Кристиану и залпом опрокидывает рюмку. – Я не держу тебя...

– Я обещал заплатить за вашу водку.

– Это можно сделать и у стойки.

– И все же я останусь. Если вы не возражаете.

– Хочешь еще что-нибудь услышать о себе? Или о женщинах? Тебя ведь интересует именно это – женщины. Тебе бы хотелось понять их. Но разбираться самому долго и иногда опасно. Гораздо удобнее получить интересующие тебя сведения со стороны. От таких, как я. Одиноко сидящих в баре. Всегда готовых поболтать с милым мальчиком. О жизни, о любви, о... О чем еще болтают мужчина и женщина?

– Об одиночестве?

– Об одиночестве и зайцах с длинными ушами. Женщины очень похожи на этих зайцев: у каждой внутри спрятана та самая штукавина... С часовым механизмом. Это первое, что ты должен усвоить. Правда, срабатывает она не всегда.

– Это второе, что я должен усвоить?

– Да.

– А... в каких случаях она срабатывает?

– Вот этого я не скажу. Не стану облегчать тебе жизнь.

Она блефует, вот стерва!.. Хочет казаться умнее, чем есть на самом деле. Распускает перья перед Кристианом. Окажись с ней рядом какой-нибудь другой мужчина, не такой наивный, не такой покладистый, совершивший пару-тройку дурных поступков и нисколько в этом не раскаивающийся... Окажись с ней рядом кто-нибудь из великих черных джазменов или даже Пол Скоулз, легендарный полузащитник, – разговор получился бы совсем иным.

Если бы они вообще захотели с ней разговаривать.

Но и у Кристиана кое-что имеется, и в свете этого «кое-что» узкий тоннель в подземелье оборачивается совсем другой стороной. Это не Кристиана заманили в ловушку – она придумана им самим, вот такая, с жижей под ногами, со стенами, которые кажутся гладкими лишь на первый взгляд. И светлое пятно впереди – вовсе не выход, а вход.

Кристиан поджидает жертву у входа. Жертвы всегда случайны, и на этот раз ему попала темно-рубиновая шаль. Потом, когда все будет закончено, Кристиан сможет, если захочет, снять со стен пару ниток и унести с собой в качестве трофея. Но для начала нужно дождаться, пока жертва будет повержена. Исполосована выскочившими из стен орудиями смерти. Их острые края беспощадны, как острия ножей-серборезов. Интернет-ссылка на кошмарные в своей простоте и палаческой эффективности серборезы когда-то выбила Кристиана из колеи и долго не давала покоя, терзая воображение, – неужели сейчас удастся избавиться от них? Хотелось бы, вот только речь не о серборезах.

Совершенно другом – о фотографии *Dasha*.

Это ее края беспощадны. Палачески эффективны. Это они не оставят на теле жертвы ни одного живого места. Стоит только им показаться из стены (из портмоне Кристиана) – и жертве останется жить не больше минуты.

Сравнение с *Dasha* убьет ее.

Но Кристиан не торопится. Напротив, заманивает Анну все дальше и дальше в подземелье: своим идиотическим простодушием и мнимой покорностью.

– ...Вообще-то я мечтаю стать джазовым музыкантом, – доверительно сообщил он. – Знаменитым саксофонистом. Я играю на саксофоне, да.

– И как?

– Что – как?

– Получается?

– Пока не очень. Совсем не получается. Но я стараюсь... – Впервые за вечер он сказал правду. Самую настоящую правду, гораздо более сокровенную, чем даже та, что его зовут Кристиан, что он работает курьером, что он был хорошим сыном и – до самого последнего времени – вполне надежным другом.

– Не думаю, что у тебя что-нибудь получится, – неожиданно заявила Анна.

«Стерва, – тоскливо подумал Кристиан. – Вот стерва!..» Мало того что она блефует, так еще и играет не по правилам. По неписаным правилам великовозрастных дурнушек, в которых сказано, что дурнушка должна поддерживать мужчину в любом его начинании. *Быть лояльной* — только так можно рассчитывать на снисходительное мужское внимание. Лояльность и понимание изо всех сил – вот тот магический кристалл... тот фильтр, густо замазанный вазелином: сквозь него мужчина начинает видеть дурнушку в ином свете. Почти красивой, ведь способность и готовность понять, поддержать и оправдать, если нужно, смягчает черты. И вносит существенные поправки в образ.

Кристиан не собирается выспрашивать у Анны, почему это она решила, что его мечта недостижима. Начать выспрашивать означало бы опосредованно признать правильность вывода. Он поступит иначе. Сделает то, что хотел; что давно нужно было сделать. И будет долго и с наслаждением смотреть, как под острыми краями фотографии *Dasha* расплзается не только малопривлекательная плоть Анны. Но и все ее теории относительно самого Кристиана.

– Странно, но моя жена думает по-другому.

– Жена? – Анна приподняла бровь. – Так ты женат?

- Уже несколько лет, и счастливо.
- Вот как?
- Да. И моя жена – самая прекрасная женщина на свете.
- Вот как?

Как в замедленной съемке, Кристиан вынул из портмоне фотографию *Dasha* и положил ее перед Анной. И за секунду до этого – едва лишь он сообщил о своем счастливом браке – за фасадом лица Анны ощущались какие-то неясные подвижки. Насмешливость сменило недоумение, недоумение – плохо скрытая досада; ей не хватило доли секунды, чтобы придать чертам относительное равновесие. Именно в этот крошечный промежуток времени Кристиан и запихнул фотографию.

Эффект превзошел все ожидания.

Фасад рухнул, обдав Кристиана клубами несуществующей строительной пыли, и уже сквозь нее он увидел малоаппетитные внутренности дома по имени Анна. Отклеившиеся обои, отсыревшую штукатурку, обветшавшую мебель; хлам, который даже вещами назвать трудно. Неужели на Анну так подействовала красота другой женщины?.. Жалкая завистница, корчившая из себя царицу мира и всячески пытавшаяся унижить Кристиана, унижена сама.

Что ж, справедливое возмездие свершилось.

Но что-то мешает Кристиану сполна насладиться произведенным эффектом. Что-то подсказывает: не вовремя он воспользовался серборезом-фотокарточкой. И последствия его опрометчивого поступка могут быть самыми непредсказуемыми. А сюжет с подzemельем, где он уже почувствовал себя хозяином, снова оборачивается к нему своей темной и опасной стороной. Да и Анне удалось взять себя в руки, и лицо ее обрело именно те очертания, к которым Кристиан успел привыкнуть. Почти те же, последним успокоился ходящий ходуном рот. Но, прежде чем вытянуться в безмятежную линию, он успевает исторгнуть из себя:

- Не может быть...
- Вы о чем?
- Вот черт, это бред какой-то...
- Вы о чем? – Кристиан проявляет совершенно неуместную настойчивость.
- Да нет, все в порядке. Просто подумала. Значит, это твоя жена?

– Да.

– И давно... вы женаты?

Как давно женаты *Dasha* и настоящий Шон? Несколько лет, которых хватило на Гану, Камбоджу и появление Лали. И если Лали сейчас года три или около того... Ну да, в четыре-пять лет вполне можно уложиться...

– Около пяти лет.

– Не скучаешь в браке?

– С ней не соскучишься.

– Это верно. С ней точно не соскучишься. – В голосе Анны звучат странные нотки, совершенно непонятно, к чему их можно отнести. На всякий случай Кристиан решает отнести их к безусловной и неоспоримой красоте *Dasha*.

– Но дело не в том, что она не дает скучать. А в том, что она...

– ...прекрасна? – К Анне снова возвращается ее насмешливость, правда, теперь она выглядит несколько вымученной. И смотрится смешно – как пятилетняя девочка, нацепившая мамины туфли. Этого нельзя пропустить, и Кристиан позволяет себе снисходительную улыбку.

– Можно подобрать и другие слова, – говорит он. – Но это – самое точное.

– Она ведь не англичанка?

– Нет. Ни за что не угадаете...

– Почему же? Она русская.

Никто из прошлых собеседников Кристиана – всех этих грустных поблекших женщин, невинных старух и благообразных стариков – не проявлял такой пронизательности. Но Кристиана это совсем не восхищает, напротив, он чувствует неприятное посасывание под ложечкой.

– Как вы догадались?

– Ничего удивительного. Я сама русская. Хотя меня принимают и за немку, и за чешку. И соотечественников я узнаю всегда.

Кристиан потрясен новым откровением Анны, и это потрясение так же неприятно, как и посасывание под ложечкой. Лучше бы Анна оставалась немкой. Или чешкой.

– Просто поразительно, – после непродолжительного молчания выдавливает из себя он.

– Просто сбивает с ног. Можно подобрать и другие слова. Но эти – самые точные. И где вы познакомились со своей русской?

– Вам вправду интересно?

– Очень.

Когда-то наскоро сочиненная для Даррена история про джазовые гастроли в Москве с Анной не пройдет. Если она русская, тотчас же поймает Кристиана на вранье. И это вранье подведет под монастырь всю историю с женитьбой. И выставит Кристиана дураком. Или вообще человеком настолько мелким и незначительным, что ничего по-настоящему интересного с ним произойти не может, остается лишь довольствоваться небылицами.

– Я встретил ее в Гане. В Африке. Я снимал там небольшой репортаж...

– А она?

– Она?.. Э-э-э...

Действительно, что русские забыли в Гане? То же, что и все остальные, – *ничего*. Представить себе человека, отправившегося в Африку не на сафари, для Кристиана затруднительно. А всякие селебритис и прочие посланцы доброй воли не в счет. Эти в любую дыру сунутся, лишь бы укрепить свою популярность. И усыновят кого ни попадя, лишь бы ослабить бремя налогов на свои нехилые миллионы.

– Скажем, она оказалась там по обстоятельствам личного характера. – Еще никогда Кристиан не подбирал слова так тщательно. – Это были не самые веселые обстоятельства, и о них мне не хотелось бы распространяться...

– Ну да, ну да... А потом вы вернулись сюда?

– Не совсем.

– «Не совсем» – это как?

– Мы переехали на другой континент. В Юго-Восточную Азию...

– Очень похоже на правду... – В голосе Анны слышится грусть, легкая сентиментальность. Это лежит на поверхности, но ощущение такое, что где-то там, под толщей вод, скрыты и другие эмоции. И снова Кристиана охватывает сосущее чувство тревоги.

– Похоже на правду? Это и есть... правда.

– Не сомневаюсь. Русские вечно рефлексируют по поводу родины, но если уж листок сорвался с ветки... Обратный он не прилипнет. Юго-

Восточная Азия – это Гонконг? Тайвань? Сингапур?

– Камбоджа.

– Никогда там не была.

Это известие – самое радостное за последние четверть часа. При прочих равных Кристиан знает о Камбодже намного больше, чем положено знать среднестатистическому европейцу. И здесь есть где разгуляться и при желании втюхать странной русской множество сведений, выловленных в Сети. Украсить рассказ эмоциями, которые (возможно) переживали *Dasha*, настоящий Шон, их дочь Лали и даже две кошки-ориентала. В последнее время Кристиан так часто думал о Камбодже, что влезть в шкуру живущих там не составит особого труда.

– А между тем это очень интересная страна. Посетите при случае.

– Не думаю, что он представится.

Теперь Кристиану кажется, что он полностью овладел ситуацией и играет первую скрипку в разговоре. Играет роль человека молодого, но уже успевшего посмотреть мир и составить о нем свое собственное мнение. И не только о мире – о жизни, о любви, о женщинах, ни капли не похожих на зайцев с длинными ушами. Женщины Кристиана, вернее, одна-единственная женщина больше похожа на волшебный лес с укрывшимися под его сенью сокровищами. Всеми, какие только можно представить.

– А мы полюбили эту страну. Мы с женой...

– Как ее зовут? Или я уже спрашивала об этом?

– Ее зовут Да-ша.

Кристиан намеренно разделяет короткое имя на две равные части, где ни одна не доминирует над другой. Пусть Анна услышит его именно так, как захочет сама. Как ее – русскому – уху будет привычнее.

– И что же было после Камбоджи?

– Ничего. Мы осели там, и думаю, что надолго. Здесь я по делам, связанным с работой. Но скоро возвращаюсь обратно.

– К ней?

– Да. Я очень скучаю... Но мне было приятно познакомиться с вами.

– Мне тоже. Вы даже представить себе не можете – насколько. А... можно где-нибудь посмотреть ваши репортажи?

Ну вот. Начинается. Та же фигня, что и с Дарреном. *Та же срань*, как сказала бы двоюродная сестра. У новоиспеченной лжи Кристиана такое же мягкое подбрюшье, что и у старой, когда он был не фотографом и немного оператором, а джазменом-гастролером. Очень-очень мягкое подбрюшье, достаточно зубочистки, чтобы проткнуть его насквозь. Достаточно пластикового ножа, чтобы провести полостную операцию и извлечь осклизлый комок фантазий на тему женитьбы и путешествий по континентам.

Кажется, Шон что-то писал о своей работе. Вспомнить бы – что...

– Иногда они появляются на Би-би-си. Но не слишком часто. Я бы сказал – изредка. Камбоджа – не магистральное направление, как вы понимаете.

– Ты не очень-то амбициозен.

– Нет нужды, – выдыхает Кристиан, поняв, что Анна вовсе не собирается дожимать тему с репортажами до упора и уже тем более – проводить полостную операцию. – Самая красивая женщина и так со мной.

– В таком случае я была бы осторожнее. Очень легко потерять то, что имеешь. И не факт, что то, что принадлежит тебе сегодня, будет принадлежать всегда.

Уж насчет этого Анна может не волноваться: *Dasha* никуда не денется, разве что Кристиан потеряет бумажник. Но он вовсе не собирается терять бумажник, не такой он человек!.. За всю жизнь у Кристиана и носового платка не пропало; ничего не было забыто в автобусе или кафе, носочные пары счастливо находят друг друга после стирки, и, обнаружив одну перчатку, можно с уверенностью сказать, что другая где-то рядом.

– Я и так предельно осторожен. И всегда держу пальцы скрещенными.

– Но сейчас ведь нет? – улыбается Анна.

Сейчас – точно нет. Сейчас Кристиан постукивает ладонью правой руки по бумажнику. А большим и указательным пальцем левой тербит мочку уха. Слишком много ненужных движений для уверенного в себе и абсолютно счастливого человека.

– Вы меня поймали.

– О нет! Если бы я действительно захотела это сделать, то...

– Что?

Снова это дурацкое посасывание под ложечкой. Да кто она такая – Анна? И почему Кристиан никак не может приспособиться к ней, и почему ее доброжелательность и легкая сентиментальность пугают больше, чем откровенные насмешки? Потому что они несвойственны ей в принципе – ни доброжелательность, ни сентиментальность. Это такая игра, она сродни игре Кристиана в обладание самой прекрасной женщиной на свете. Захочет Анна – и вытащит откуда-то из своих глубин сентиментальность, обернутую в плексиглас. А не захочет... Лицо – каких тысячи, если не вглядываться пристально. К тому же чуть тронутое следами увядания. Заретушировать их – плевое дело, но Анна не разменивается на плевые дела. Об этом можно догадаться, если решишься-таки вглядеться в Анну пристально. Под определенным, лишенным сентиментальности углом. Тогда и проступят вещи, обычно спрятанные от посторонних глаз.

У Анны хорошо натренированные губы, хорошо натренированные веки, да и подбородок пребывает в отличной спортивной форме. Все вместе и каждый по отдельности они могут выразить любую эмоцию. Или – наоборот – скрыть эмоцию, подменить ее другой, в зависимости от обстоятельств. И губы, и веки, и подбородок кажутся Кристиану разведчиками, работающими под прикрытием в чужой, враждебной стране. Они никогда не расслабляются, хотя и могут выглядеть расслабленными. Они всегда держат в уме массу сверхзадач для данного конкретного момента. В случае с Кристианом Анна играет роль случайной посетительницы бара, у которой выдался свободный часок, или день, или ничем не заполненный год, – так почему бы не провести его в обществе милого молодого человека?.. Выпить за его счет, поболтать и расстаться навсегда, не утруждая себя воспоминаниями?

Да нет же, нет! – Анна и есть случайная посетительница. Случайная знакомая. Она могла бы и не называть своего имени – и ничего в течении их беседы не изменилось бы. Никаких новых истин, требующих копирайта и ссылок на первоисточник, она не открыла.

– ...Если бы я действительно захотела поймать тебя – ты не заметил бы этого. Или заметил бы позже, когда ничего уже нельзя изменить.

– Звучит как угроза. – Кристиан пытается улыбнуться. Наверняка со стороны его улыбка выглядит жалкой и вымученной. Настоящий

инвалид, в спарринг-партнеры губам Анны его собственные губы не годятся.

– Я бы назвала это предупреждением. Не стоит рассказывать о сокровенных вещах первому встречному. Ведь неизвестно, кто окажется рядом в следующий раз.

– А... кто может оказаться?

– Не так важно. Люди не очень доброжелательны в сути своей. Кто-то взглянет косо, кто-то позавидует, кто-то посмеется... А человеческое счастье – штука весьма зыбкая и чувствительная к внешним факторам. К постороннему вмешательству, пусть и опосредованному. Мне пора, Шон. Приятно было с тобой поболтать.

– И вам удачи.

– Это лишнее. Удача и так на моей стороне. Всегда. И сегодня тоже. Сегодня, пожалуй, даже больше, чем когда-либо.

– У вас был хороший день?

– Хороший день. И хороший вечер – благодаря тебе. Ты меня развлек. Ты помог мне увидеть перспективу. А это редко кому удается.

– Все у вас будет хорошо, Анна. Вот увидите!

– Даже не сомневаюсь в этом.

После ухода Анны Кристиан еще полчаса сидит в баре, тупо глядя на опустевший стул. И стараясь прогнать мысли – одну мрачнее другой. Несмотря на прощальное «ты помог мне увидеть перспективу», ему кажется, что он повел себя неправильно. С самого начала. Или с того момента, как назвал себя Шоном. Или с того момента, как вынул фотографию. Решено: он прекращает все эксперименты по навязыванию окружающим своего липового счастья. Это нечестно – ни по отношению к *Dasha*, ни по отношению к его другу Шону, ни по отношению к самому себе. *Ничего страшного не случилось*, убеждает себя Кристиан. Никогда не поздно остановиться. Тем более что новая встреча с Анной исключена в принципе.

Он очень надеется, что Анна сделает то же самое, что намеревается сделать он: забыть об этом вечере. Забыть обо всех сказанных словах. Насчет Анны Кристиан даже не сомневается: в темно-рубиновой шали полно складок, в которых его дурацкий образ затеряется на веки вечные. Превратится в пыль. И если Анне придет в голову провести инспекцию складок – когда-нибудь, когда шаль в силу

сезонных факторов отпадет за ненадобностью, – она просто сдует пыль, нимало не заморачиваясь ее происхождением.

Но прежде чем начать новую, кристально честную жизнь, нужно вытравить из сознания саму Анну. Жаль, конечно, что она назвала ему свое имя. Слишком универсальное, чтобы его не запомнить. Уложить в голове имя «Шон» тоже легче легкого. Достаточно вспомнить Шона Коннери, Джеймса Бонда на все времена. *Как же звали того парня? – как лучшего в киноистории агента 007.* Остается надеяться, что Анна не слишком любит фильмы про шпионов.

Пять пустых рюмок из-под водки все еще стоят перед Кристианом, назойливо напоминая: она все-таки была. Существовала в реальности. Сидела рядом. Все рюмки одинаковые – узкие и высокие, с толстым пятидюймовым дном, ну почти одинаковые. Кроме одной – в ней что-то лежит. Кусок фольги или мелкая монета. Или скрепка, из тех, что частенько являются Кристиану во сне.

Ни то, ни другое, ни третье.

Кольцо.

Не из тех, что дарят женщинам на обручение, ни капли не похожее на то, что не нашло свою хозяйку и теперь лежит у Кристиана в ожидании лучших времен. Вряд ли его можно купить и в ювелирном – оно старинное.

Достаточно выудить его из рюмки, чтобы понять это.

Узкий обод потускневшего серебра обрамляет монету не больше двух дюймов в диаметре. Номинала на монете нет – есть только миниатюрный мужской профиль. Стертый, но не настолько, чтобы совсем не разглядеть его. От профиля веет античностью, какой она всегда виделась Кристиану, – должно быть, и монета античная.

Кольцо явно самодельное, на нем нет даже пробы; но его создатель – будь он ювелир или просто ремесленник – хорошо знал свое дело. И соорудил не просто симпатичную штукуну, а вещь, от которой трудно оторваться. Во всяком случае, Кристиану не хочется выпускать кольцо из рук, он то и дело подносит безделушку к глазам, стараясь разглядеть во всех подробностях. Серебряная часть кольца иссечена мелкими царапинами, обратная сторона монеты подернута зеленцой: бронзу давно не чистили, если вообще чистили хоть когда-нибудь. В глазах Кристиана это несомненный плюс. Минус – кольцо не налезает ни на один палец, хотя пальцы Кристиана достаточно тонки.

Попытка пристроить его к мизинцу тоже терпит крах, дальше первой фаланги дело не движется.

Ну конечно – это ведь женское кольцо!

Кольцо Анны.

Случайно соскользнувшее в водочную рюмку. Кристиан пытается вспомнить руки Анны (были ли на них еще какие-нибудь кольца или перстни), но оказывается, что ничего, кроме темно-рубиновой шали и джемпера глуховатых коричневых тонов, он не запомнил. Как не запомнил в подробностях ее лица: *оно не очень-то привлекательное*, вот и все. Так что же он думал о лице Анны в течение всего вечера? Оно попеременно было некрасивым, значительным, искаженным иронической гримасой, небрежным и... похожим на разведчика, работающего под прикрытием в чужой, враждебной стране. Целая шпионская сеть – вот каким привиделось ему это лицо!..

Ни одно действие разведчика не бывает случайным.

Выходит, что Анна оставила этот огрызок античности с умыслом? Чтобы именно он, Кристиан, подобрал его? Да нет, он ведь мог просто не заметить кольца! Подняться с места и покинуть бар вместе с Анной или чуть позже. Никто не заставлял его заглядывать в пустые рюмки – а он взял и заглянул.

Как поступил бы порядочный человек в случае, если бы к нему попала ценная вещь? Уж точно не присвоил бы ее, а обратился (к примеру) к бармену. С просьбой вернуть эту вещь забывчивому клиенту, если пропажа будет обнаружена.

Но сонная физиономия бармена, колышущаяся над стойкой, не внушает Кристиану никакого доверия: прощелыга еще тот, хуже Даррена, ничего святого, даже на футбольного болельщика он не похож.

Кристиан готов повесить на бармена еще дюжину собак, лишь бы скрыть абсолютно приземленное желание завладеть чудо-кольцом. Он уже забыл, что дал себе слово не вспоминать об Анне, а наличие кольца делает эту благую идею невозможной. Оно навеки останется «кольцом Анны». Мелкой деталью, завалившейся за косяк, отчего дверь в воспоминания всегда будет закрыта неплотно.

Ну и пусть, страдальчески морщась, уговаривает себя Кристиан, в конце концов воспоминание об Анне не самое дурное. Намного более симпатичное, чем память об импровизированной шведской «Тре

Крунур». Не лишенное элегантности и ореола романтики. Жаль только, что носить его нельзя, но всегда можно найти выход. Распаять и подогнать по размеру. Повесить на цепочку, наконец, – где-то у него валялась цепочка, подарок двоюродной сестры. Или цепочку дарила мать за несколько лет до смерти? Отыскать бы ее, но даже если она не отыщется – не беда. Всегда можно купить что-нибудь недорогое и подходящее случаю.

Так он и сделает.

Если, конечно, Анна не вернется в течение... В течение ближайших пятнадцати минут, именно эта цифра вертится в голове Кристиана. Пятнадцать минут – тот максимум, который имеет смысл тратить на ожидание, когда ты не влюблен. При влюбленности верхнего временного предела не существует. И хорошо, что он не влюблен в Анну. А влюблен в женщину, чья эфемерность делает бессмысленным любое ожидание.

Жди он хоть всю жизнь или даже стань великим джазменом – фотографическая *Dasha* не кинется к нему в объятия.

Странное дело, Кристиан больше не чувствует горечи относительно этого прискорбного факта. Скорее наоборот – облегчение.

Пятнадцать минут прошло, Анна так и не вернулась за кольцом, а снаружи Кристиана поджидает дождь, который можно назвать отрезвляющим. Фотография в бумажнике уже не кажется ему средоточием всех чувств и приютом для неумехи-сердца. Теперь она будто уличает Кристиана в преступлении: как всегда – не особенно тяжком, но на этот раз – постыдном; единственный способ откреститься от него состоит в уничтожении улики.

Что Кристиан и делает, придя домой. Он прячет свой недавний фетиш в огромный пакет с фотографиями из категории «трэш муви». Слишком незначительными, чтобы занять место в семейном альбоме, *необязательными*. Летописи дурацких вечеринок, на которые Кристиана никогда не приглашали (как в этом случае он возник на снимках – загадка); репортажи с пикников, где роль Кристиана гораздо менее масштабна, чем роль штопора или пластиковой посуды. Видовые снимки сомнительных достопримечательностей; никому не известные интерьеры с никому не известными дальними родственниками. Давно выросшие дети, давно умершие старики и

животные, есть даже потертый снимок с концерта какой-то рок-группы. Изображение настолько смазано, что лиц участников не разглядеть. Надпись на обратной стороне гласит: «05.07.1969. Rolling Stones». Под довольно сдержанной надписью обнаруживаются сердечки и едва различимый отпечаток губ.

«Роллинг стоунз», вот удивление так удивление! Кристиан не видел этого снимка раньше, должно быть, он принадлежал его покойной матери. Но в 1969 году она еще не была его матерью, а была пятнадцатилетней девчонкой, так что все шесть сердечек и отпечаток поцелуя вполне оправданны. Странно, Кристиан и понятия не имел, что в юности его мать фанатела от «Роллингов», она всегда казалась ему спокойной, рассудительной и даже холодной женщиной. Если и так, то фотография многое объясняет: все ее сердца, какие только были, мать отдала «Роллингам», и Кристиану мало что досталось.

Наверное, Dasha будет неудобно рядом с командой Мика Джаггера, рассуждает Кристиан в своем обычном идиотическом ключе. Не потому, что Мик Джаггер так уж плох, вовсе нет. Просто провести на рок-концерте вечность – не слишком заманчивая перспектива. А вот респектабельное, хотя и немного заброшенное побережье в районе Брайтона (в пакете обнаружилось и оно) вполне подойдет.

Оставив *Dasha* в Брайтоне, под присмотром Королевского павильона и в шаговой доступности от сувенирных и антикварных лавчонок, Кристиан закрывает пакет и успокаивается.

Наконец-то!

Все улики уничтожены, от любовной горячки и следа не осталось, и даже если в дверь с минуты на минуту позвонит Шон, Кристиан встретит его широко распахнутыми объятиями. Без мелкотравчатых низких тайн, небрежно заткнутых за пазуху. И не придется постоянно держать в поле зрения бумажник: как бы он не выпал в самый неподходящий момент – не выпал и не раскрылся, явив Шону и всему миру заодно вороватую душонку Кристиана.

Отныне *Dasha* будет только той, кем и является на самом деле: женой Шона. Достойной почтительного восхищения, без всяких примесей иных чувств явно психопатического характера.

Умиротворенный, Кристиан отправляется спать в надежде не видеть никаких тревожащих снов. Зато другие сны, легкие и ясные,

будут только приветствоваться. Но, вопреки ожиданиям, вопреки тому, что он снова стал простодушным, искренним парнем, Кристиан упирается во сне в черноту. В школьную доску – абсолютно мертвую, какой она и была все эти дни. Одна несчастная запись, или пара цифр, или хотя бы окружность могли прояснить предмет, но нет ни записей, ни цифр, ни окружности. И лишь на самом излете сна доска неожиданно оживает. Невидимый мел чертит по поверхности какие-то штрихи, они складываются в профиль. Профиль кажется Кристиану смутно знакомым, он уже видел где-то и этот нос, и линию губ: слишком нежную, чтобы принадлежать мужчине. Но и абсолютно женским профиль не назовешь, а мел между тем не думает останавливаться. Он набрасывает все новые и новые линии, полукружья и спирали. Из спиралей вырастают раковины, которые тоже знакомы Кристиану, но тут различий не возникает. Раковины – точная копия марочных раковин с присланной Шоном бандероли. Единственное различие: те раковины были нежно-зелеными, с вкраплениями перламутра. Совершенно безопасные. Эти же – черно-белые, они постоянно движутся, а их оцетинившиеся края становятся все острее. В считанные секунды поглотив профиль, раковины начинают поглощать сами себя. И в конечном итоге остается лишь одна, самая большая, идеально и во всех подробностях выписанная.

Почти объемная.

Именно в этой фазе сон Кристиана трансформируется в кошмар, а раковина, перестав быть раковиной, обретает черты гигантской винтовой лестницы без перил. Спротивляться бесполезно, и вот уже Кристиан, влекомый неодолимой силой, скользит по ней вниз. На ходу пытаюсь сообразить, кем же он является в этом скольжении: песчинкой, микроорганизмом или – самим собой, тонущим в водовороте событий, которые происходили явно не с ним. Если вообще происходили.

Кристиан опускается ниже и ниже, прямым в бездну, но, вопреки всем законам, движение не убыстрится, а замедляется. И теперь уже можно в подробностях увидеть то, что еще мгновение назад было всего лишь тенью, цветовым пятном, скоплением ярких точек. Первыми проступают корни и стволы деревьев, перепутанные между собой, – неперенная часть интерьера затерянных в джунглях камбоджийских храмов. Сквозь древесную вязь Кристиан видит *Dasha*: прекраснейшая из женщин улыбается ему нежной улыбкой. И

эта улыбка совсем не радует Кристиана. Наверное, из-за того, что губы, с которых она слетает, фиштаккового цвета, и это не спишешь на губную помаду, а...

О господи!

Dasha укрыта темно-рубиновой шалью, никогда ей не принадлежавшей, – но это и не шаль, слишком она подвижна, слишком быстро меняет свою конфигурацию. Стекает вниз тонкими струями и отдельными каплями. Если поначалу за ними еще можно было разглядеть платье (светло-оливковое, как на одной из фотографий), то теперь не видно и его. Тело *Dasha* исчезает в красной пелене.

Фиштакковые губы – мертвы.

Красное на светло-оливковом – кровь.

Кристиан даже не успеваеа ужаснуться этому факту: *Dasha* заслоняют от посторонних глаз гибкие и тонкие стволы. А потом в их просветах возникает Шон – точно такой, каким запомнил его Кристиан, ничуть не изменившийся. В их последнюю встречу на Шоне была рубашка поло с эмблемой Хенлейской королевской регаты – она и сейчас на нем. Разве что сама эмблема претерпела некоторые изменения, и это касается букв на вензеле. Вместо заглавной Н и зеркально отражающихся друг в друге R Кристиан видит совсем другое: две D и A. Буквы увеличиваются в размерах (их плоть уже неотличима от плоти деревьев), и Шон скрывается за ними, как и *Dasha*. Последнее, что видит Кристиан, – ветки, растущие прямоком из глазниц Шона.

После увиденного Кристиан готов к еще более неприятным и апокалиптическим картинам, но... Больше ни одной смерти (если это действительно были смерти) его кошмаром не запланировано. И последующие витки спирали сопровождают лишь предметы, никак между собой не связанные: фотоаппарат с длиннофокусным объективом, детские рисунки, фигурки неизвестных Кристиану божеств; части старинных каменных фризов, почти неотличимые по сюжетам и исполнению от детских рисунков; блокноты, раскрытые посередине: они испещрены записями и столбцами зачеркнутых слов. Миниатюрная железная дорога – радость и отдохновение всех мальчиков во всех странах; смятые купюры, смятые жестяные банки из-под кока-колы и джина; целая гроздь часов разных модификаций: время, которое они показывают, тоже разное.

Венчает всю эту свалку нужных и не очень вещей собственный саксофон Кристиана. Необъезженный жеребец, третий по счету. Возможно, с двумя первыми Кристиан поступил не лучшим образом, зарыв их в землю, но ему бы и в голову не пришло причинить им боль.

Тело третьего саксофона вопиет о перенесенных пытках. Оно сплющено и помято, мундштук поврежден, часть клапанов вырвана с мясом: и этот оскал смерти – самый ужасающий.

Он и есть нижняя точка бездны, куда наконец-то прибывает Кристиана.

Здесь тихо.

И в самый последний момент, когда барабанные перепонки уже готовы лопнуть от навалившейся тишины, возникают неясные шорохи. Вздохи, посвистывание, легкий шум, как будто дождевые капли ударяют в листву, – и даже голоса. Неясные вначале и похожие на детский лепет, они приближаются, хотя не становятся четче. Оттого и понять, о чем хотят сказать ему голоса, Кристиан не в состоянии. Лишь одно он знает точно: хороших вестей голоса не несут.

Проснувшись в холодном поту, Кристиан еще долго лежит неподвижно, переживая недавний кошмар. И чем больше он думает о нем, тем яснее становится: кто-то там, наверху, по чьему ведомству проходит весь ночной *entertainment*, ошибся.

Это не его сон.

Сны Кристиана, какими бы они ни были, всегда упорядоченны. Стройны. Математически выверены. Делятся сами на себя без остатка. Конечно, и в них случаются такие казусы, как десятичные дроби, мантиссы, бесконечно большие и бесконечно малые величины, но чисел после запятой всегда не больше трех. А если и возникают какие-то предметы, то их возникновение подчинено строгой логике и всегда работает на результат.

Деревья, прорастающие из Шона, ни к какому результату не ведут. И дурацкие банки из-под кока-колы!.. На одну из них (в качестве логарифма) еще можно было согласиться скрепя сердце, но их было гораздо больше чем одна. И вид у банок – самый плачевный, ничего общего с чистенькими скрепками, ластиками и точилками, населяющими сны Кристиана.

Это ошибка, сон не по адресу, убеждает себя Кристиан, стараясь выбросить из головы детали кошмара. И на какое-то время ему удается

избавиться от навязчивых корней и вездесущих веток, но ровно до того момента, когда приходит очередное письмо от Шона.

«Приезжай как получится, но не позднее конца следующей недели. У нас маленькое семейное торжество, и твое присутствие не помешало бы. Твой друг Шон».

Письмо повергает Кристиана в замешательство. Легко сказать «приезжай», когда речь идет о паре автобусных остановок или о соседней ветке метро. Но в условии задачи фигурирует Камбоджа, а это совсем другой конец земли, утомительные часы авиаперелета, а еще нужно раздобыть билет. Да и стоит этот билет немало, исходя из расстояния до Юго-Восточной Азии. А ужасы климата? А малярийное проклятье, а гнилая вода? И с каких это пор присутствие Кристиана так желанно на неизвестном ему семейном торжестве? Все эти годы Шон и его семья прекрасно обходились без Кристиана и справляли праздники тоже.

Что изменилось теперь?

Ответ, если он и существует, недоступен Кристиану, а Шон между тем проявляет совершенно не свойственную ему активность.

«Ты уже взял билет?» — вопрошает второе письмо, отправленное через сутки после первого. Странно, что Шон даже не поинтересовался относительно планов самого Кристиана, хочет ли тот вообще лететь в чертову Камбоджу. И как совместить гипотетическую поездку с работой Кристиана, пусть и бросовой, но все же позволяющей держаться на плаву?..

К третьему письму Шон прозревает:

«Если у тебя затруднения с деньгами – ничего страшного. Я готов оплатить поездку. Просто возьми билет в один конец и ни о чем не беспокойся. Очень тебя жду. Твой лучший друг Шон».

Началось!.. Шон, несмотря на пятилетнее отсутствие в жизни Кристиана, не потерял навыков манипулирования им. Словосочетание «лучший друг» ко многому обязывает, от него не отмахнешься, как от «приятеля» или просто «друга». В нем есть известная эксклюзивность, оно исполнено доверительности и надежды на понимание. То, что должен уяснить Кристиан: если уж лучший друг тебя о чем-то просит, отказать ему невозможно.

«Ты не против, если я возьму с собой саксофон?» — это и есть закамуфлированное согласие на поездку, которое Кристиан дает спустя

еще сутки.

«Бери что угодно. И сообщи точное время прилета, я встречу тебя в аэропорту».

Стоило только решиться на поездку, как у нее сразу же образовалась масса преимуществ. Во-первых, Кристиан увидит экзотическую страну, о которой в другой ситуации даже и помыслить не мог. И Ангкор-Ват перестанет быть просто картинкой, скачанной из Интернета: ведь есть немаленький шанс посетить его и даже сфотографироваться на фоне главного храмового комплекса. Раньше Кристиан и не помышлял о дальних путешествиях, но теперь его одолел туристический зуд: что еще брать в дорогу, кроме саксофона?

Что-нибудь необременительное из одежды (в Пномпене его будут поджидать вечные камбоджийские +30). Фотоаппарат, парочку чистых блокнотов, куда можно будет заносить умные мысли относительно края земли. Удобную обувь, медицинские препараты, способные защитить от инфекций; MP3-плеер с коллекцией джазовых исполнителей. Лететь придется долго, а еще две пересадки – в Йоханнесбурге и Гонконге, и джаз поможет скоротать время.

Кристиана немного страшит встреча с *Dasha*, но лишь немного. Останься он сочинителем небылиц, страха и неловкости было бы больше. Теперь же все в порядке, *Dasha* — русская жена его друга. При желании он найдет темы для разговора и с русской, опыт общения с ее соотечественниками уже есть. Его близкая подруга Анна...

Стоп-стоп.

Анна не подруга – случайная знакомая, с которой он провел всего лишь час в таком же случайном баре, и абсолютно комфортным этот час не назовешь. Стоит только вспомнить об Анне – как в сердце моментально вонзаются острия ножей-серборезов. Стоит только забыть, как самодельное кольцо тут же возвратит к действительности: существование Анны – факт, и от него не отделаешься. Теперь Кристиан носит кольцо на цепочке, которую не снимает даже в душе. Каждое утро он встречается с кольцом (и – опосредованно – с Анной) во время бритья, рутинная процедура длится на несколько минут дольше, чем обычно. А все потому, что Кристиан пристально рассматривает себя в зеркале. Удивительно, но кольцо придает образу Кристиана шарм. Намекает на нечто значительное. Экзотическое.

Это отметила даже двоюродная сестра.

– Занятная штукавина, – сказала она. – Где раздобыл?

– Э-э-э... Подарок. Одной... знакомой.

– У тебя появилась девушка?

– Не то чтобы... Просто знакомая.

– Просто знакомые не дарят колец. Ну-ка, рассказывай.

В редкие моменты допросов с пристрастием двоюродная сестра напоминает Кристиану таксу, пытающуюся выудить барсука из норы. Тот же азарт, та же неудержимость и готовность караулить жертву часами. Вот и сейчас, наматывая круги обычного, ничего не значащего разговора с парфюмерно-кулинарно-глянцевым уклоном (генерировать другие сестра не в состоянии), она нет-нет да и вернется к мифической «девушке Кристиана».

– Твоя девушка хотя бы симпатичная?

– Она не моя девушка...

– А фотография у тебя есть? А когда ты нас познакомишь?

– Не вижу поводов для знакомства.

– Была бы девушка, а повод найдется.

– Ты не поняла. Я не вижу поводов в принципе.

– И очень зря, дорогой братец. В таком важном деле, как девушка, не помешал бы взгляд со стороны. С твоей стороны – ведь я всегда на твоей стороне.

– Спасибо, конечно, но...

– Не забывай, что я твой самый близкий человек с тех пор, как умерла тетя Джейн... И я в какой-то мере ответственна за тебя. Во всяком случае, могу дать пару дельных советов.

– Относительно девушек?

– Относительно того, как заморочить голову девушке настолько, чтобы она не поняла: ты – идиот.

– Выходит, ты на стороне идиота?

Отличительное свойство такс: пропускать мимо ушей вопросы, непосредственно не касающиеся выдворения барсука из норы.

– Надеюсь, ты еще не мучил ее своим саксофоном.

– Нет.

– Замечательно. Лучше вообще спрятать его от греха подальше. Займи ее чем-нибудь более приятным. Когда вы останетесь наедине.

– Чем, например?

– Займи ее любовью.

– Э-э-э... В прикладном смысле?

Дружба с «Тре Крунур» не прошла для его двоюродной сестры даром. Шведки практичны и лишены сентиментальности, это распространяется на все, включая отношения между мужчиной и женщиной. Любовь тождественна сексу, если отбросить ненужные виньетки, кремовые розочки и голубей на открытках, единственное достоинство которых —

они не гадают на голову.

– ...В самом прикладном, ты правильно понял, Кристиан. Себя ты можешь занять тем же самым, и времени на глупости не останется.

Под глупостями сестра подразумевает его столетнюю войну с саксофоном, что же еще!.. Ну и дура, а Кристиан собирался рассказать ей, что улетает из страны, и даже раздумывал о подарке для нее. Что-нибудь из ювелирных украшений – в Камбодже, по всеобщему утверждению, можно найти хорошие камни по бросовой цене. Но теперь он и не заикнется о предстоящем путешествии, а такса пусть сторожит пустую нору, если ей нейдет.

Но выдержать линию до конца Кристиану так и не удалось. Уже приехав в аэропорт, зарегистрировавшись на рейс и сдав в багаж рюкзак, он вдруг подумал о том, что устал от камбоджийской авантюры. Между тем как она еще даже не началась. Никакой радости от предстоящего Кристиан не испытывает, а легкое волнение можно отнести только к перелету, ведь самолеты иногда разбиваются. Смешно, если его самолет (South African Airlines) возьмет и не долетит до пункта назначения, развалится на части где-то над Тихим океаном. Кому в таком случае посвятить преждевременную Кристианову кончину, самую бессмысленную из всех возможных? Шону с его электронными спекуляциями на тему вечной дружбы? *Dasha*? Кристиан почему-то уверен: о его существовании *Dasha* узнает ровно в тот момент, когда Шон отправится встречать его в Почентонг^[2]. Или чуть раньше, но ровно настолько, чтобы успеть приготовить комнату для гостей.

Если с Кристианом что-то случится, никто и ухом не поведет. Никто не расстроится, просто примут к сведению, что Кристиана больше нет. И тут же забудут об этом, ведь место, которое Кристиан занимает в жизни других людей, не слишком велико. Всего лишь эпизод, связанный то ли с джазменом, то ли с фотографом и немного

оператором – абстракцией, пустышкой. Единственный человек, кто по-настоящему огорчится, – двоюродная сестра.

Но ее мнение ничего не значит.

И надо все же быть поласковой с таксой.

Мучимый запоздалым раскаянием, Кристиан тут же набирает телефон сестры:

– Привет, дорогая. Просто хотел сказать, что я люблю тебя. Надо бы видеться чаще...

Пауза на другом конце длится ровно три секунды:

– Она тебя бросила и ты снова одинок?

– Вовсе нет. Я улетаю, и некоторое время меня не будет в стране. Не думаю, что долго. Но смена обстановки необходима. Разобраться в себе, понять, что делать дальше.

Вот черт, Кристиан вовсе не хотел лгать, но... Все получается само собой, ложь вытекает из него, как по желобу. По рукотворному руслу, очищенному от мутной каменистой правды. Сказать правду означало бы вытащить на поверхность Шона, а это уж точно не понравится сестре.

– И куда ты собрался лететь?

Невинный вопрос тут же трансформируется в хищника, готового порвать в клочья травоядную и парнокопытную ложь Кристиана. Сказать или не сказать о Камбодже? Назвать другую страну, равноудаленную и от Камбоджи, и от туманной родины? Из равноудаленного на ум Кристиану приходит только Огненная Земля, да еще мыс Горн (учитывая плотность тамошнего населения, скрыться от зубов хищника вряд ли получится). Камбоджа, как и правда, все же предпочтительнее. Но если сестра узнает о Шоне и Камбодже постфактум? Обиды будет на всю жизнь.

– Думаю, э-э-э... в Таиланд.

– Думаешь или и впрямь в Таиланд?

– Ага. В Таиланд. Я уже в аэропорту.

– Ты какой-то странный, Кристиан. Тебя даже на пикник за город не вытащить, а тут вдруг – Таиланд. Не самое лучшее место, чтобы разбираться в себе. Или ты решил заняться секс-туризмом?

Типичные мысли одинокой эмансипированной девушки, находящейся под сильным шведским влиянием. Но прослыть секс-туристом лучше, чем прослыть предателем сестры и

клятвопреступником. Когда-то давно, когда Шон ее бросил, сестра взяла с Кристиана клятву вычеркнуть подлеца из жизни так же, как вычеркнула она. Теперь и не вспомнить, что именно ответил Кристиан.

Скорее всего – согласился с предложенными условиями.

– Как карта ляжет, сестренка.

– ...Я беспокоюсь за тебя. Будь осторожен, Кристиан. И обязательно позвони, когда доберешься до места.

– Конечно.

– И все-таки странно...

– Что ты имеешь в виду?

– Эта внезапная поездка. Она как-то не вяжется с тобой. Что все-таки случилось?

– Ничего.

– Мне не нравится эта идея.

– Какой бы она ни была – я уже в аэропорту.

– И тете Джейн она бы не понравилась.

Спорный тезис, учитывая, что все шесть сердец покойной матери были отданы «Роллингам», тем еще хулиганам, авантюристам и подрывателям основ.

– Может быть. Мне пора, дорогая. Целую тебя.

– И я тебя. Будь осторожен и не привези дурную болезнь.

– Постараюсь.

Путив таксу по ложному следу, Кристиан не чувствует никакого удовлетворения. Теперь она начнет переживать за самолет, в котором его не будет. И за поступки, которые он даже не думает совершать. Уже в салоне, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Кристиан принимается рассматривать попутчиков. Несколько молодых людей – по виду мелких клерков, родители с детьми, влюбленная парочка, группа китайцев, группа африканцев, католический священник с постной физиономией... Ничего особо выдающегося, никто не тянет на протезе высших сил, следовательно, с ними, как и с Кристианом, может случиться все что угодно.

Где-нибудь над Тихим океаном.

Ровно так думает Кристиан до момента, пока не замечает мужчину, сидящего в соседнем ряду. Мужчине слегка за сорок, он облачен в такой же деловой костюм, что и желторотые клерки. Почти такой же, только ткань существенно дороже, да и сидит костюм

намного лучше. Впрочем, на таких типах «намного лучше» сидит все что угодно. Несколько секунд Кристиан наблюдает за аккуратно постриженным затылком, затем в поле зрения попадает профиль мужчины – жесткий и притягательный, похожий на профили всех голливудских красавцев одновременно. Диапазон профессий, которыми может владеть мужчина, чрезвычайно широк – от наемного убийцы до посла по особым поручениям, в порядке эксперимента решившего лететь экономклассом. Диапазон навыков – еще шире. Таким типам не нужно приписывать себе несуществующие подвиги, наоборот – им надо прилагать усилия, чтобы спрятать от посторонних глаз уже совершенное.

На секунду Кристиан чувствует себя частью массовки, в то время как мужчина – несомненно, главный персонаж. Секретный агент, агент влияния, двойной агент, тройной. Вряд ли он выйдет в Йоханнесбурге, но Гонконг вполне может оказаться конечной точкой его маршрута, учитывая окопавшиеся там *Триады*. Крупицы знаний о триадах Кристиан почерпнул из азиатских боевиков, ни один из которых не был досмотрен до конца. Это и не важно, как не важно, на чьей стороне выступает мужчина из соседнего ряда. Важно, что он вообще есть.

И его смерть, если она существует, всегда персонифицирована, одинока и ослепительна в своей эксклюзивности. Она совсем не то, что безликая авиакатастрофа с двумя сотнями случайных жертв. Оказаться в числе этих двух никчемных сотен – против правил, исповедуемых агентами влияния, такой поворот сюжета невозможен в принципе. Следовательно, и за судьбу «Боинга» теперь можно не переживать – двигатели не откажут, перебои с подачей топлива исключены, как и разгерметизация салона.

С таким пассажиром самолет обязательно долетит до пункта назначения.

Мгновенно успокоившись, Кристиан начинает размышлять о «дипломате», лежащем на коленях у мужчины. Это весь его багаж или просто ручная кладь? Скорее всего, весь. Такие типы путешествуют по жизни налегке, они не обременяют себя вещами, женщинами и домашними животными. Всем тем, с чем по той или иной причине жалко расстаться. Всем тем, что пробивает брешу в идеально отлаженном механизме. Плоский, геометрически безупречный

«дипломат» смотрится намного выигрышнее чехла для саксофона. Слишком расслабленного, слишком мягкого, с массой округлостей и дополнительным карманом, куда свалены никчемные фантазии, не подтвержденные кредитками.

Нет, Кристиану вовсе не хочется стать обладателем «дипломата» – ни на секунду. Слишком беспокойной оказалась бы в этом случае его жизнь. Слишком от многого пришлось бы отказаться. Возможно, для ярко выраженных самцов такие потери несущественны, но не для Кристиана. В его планах на жизнь значатся одна женщина, одно домашнее животное и минимум перелетов через океан. А вещей, необходимых ему, так много, что ни в один «дипломат» не запихнешь.

И не стоило бы Кристиану так откровенно пялиться на соседа из противоположного ряда. Тот почувствовал взгляд и обернулся: абстрактный голливудский профиль сменило вполне конкретное лицо с жесткими, как будто процарапанными иглой чертами. И глаза под стать, такие же царапающие. У Кристиана тут же возникло чувство, что с него сдирают кожу заживо, снимают скальп.

– Хочу позвать бортпроводницу, – промямлил Кристиан, хотя никто не требовал от него объяснений. – Вы не знаете...

– Кнопка наверху.

– Спасибо...

Ну вот, теперь нужно придумывать, что бы сказать проводнице, чтобы вызов не выглядел комичным. Справиться относительно длительности полета? Попросить воды? Попросить спортивную периодику? Сосательную конфетку вкупе с одиозным пакетиком для рвотных масс?..

Спортивная периодика подойдет.

Если все пройдет гладко – Кристиан и взгляда в сторону незнакомца не бросит. Будет думать о Камбодже.

И о таинственном семейном торжестве. Зачем-то же его туда пригласили... Зачем?

ДУЭТ

– ...Итак, молодой человек...

– Вы можете звать меня Кристианом.

– *Итак, Кристиан. Для начала расскажите-ка мне, как вы попали сюда и что связывает вас с обитателями этого дома?*

– Все просто. Мы с Шоном – старинные друзья...

– *Вы познакомились в Африке?*

– Почему в Африке? Вовсе нет.

– *А вы когда-нибудь были в Африке?*

– Никогда.

– *А с женой вашего друга вы были знакомы раньше?*

– Нет. То есть Шон писал мне, что женился. И что счастлив в браке. Я был рад за него. Шон – мой самый близкий друг. И я был рад за него, очень рад.

– *Вы это уже говорили.*

– Да, простите.

– *А Шон, случайно, не рассказал вам, своему самому близкому другу, почему они уехали из Африки?*

– Нет. Он предпочитал не говорить об этом.

– *А о чем он предпочитал говорить? О том, что счастлив в браке?*

– Да. Еще... он хотел, чтобы животные жили вечно.

– *Какие животные?*

– Собака и две кошки. Но так не бывает. Все животные умирают рано или поздно.

– *С людьми случаются вещи и похуже.*

– Да. Бедный Шон... Не знаю, как он сможет все это пережить.

– *Значит, он любил свою жену?*

– Да.

– *И отношения у них были самыми безоблачными?*

– Он любил свою жену. А если вы насчет того случая, во время фейерверка...

– *И насчет него тоже. Но не только. Он ведь жаловался вам, что в последнее время все шло наперекосяк? Что отношения разладились?*

– Э-э... Я не хотел бы это обсуждать.

– *Придется.*

– Он сказал, что они с женой несколько отдалились друг от друга в последнее время. Но ведь это иногда случается? Кризис в семейных отношениях?

– *Они собирались расстаться?*

– Нет, что вы! У Шона и в мыслях не было расставаться с женой, он очень ее любит. Ее и маленькую дочь. Они – смысл его жизни, какое уж тут расставание...

– *Он ревновал ее к находящимся здесь мужчинам?*

– Он... Он был немного недоволен теми знаками внимания, которые ей оказывали. Но старался держать себя в руках...

– *Не очень-то хорошо у него это получалось. К вам он тоже ревновал покойную?*

– Ко мне?! Глупости... Почему у меня должны быть виды на жену друга? Это непорядочно. Я бы никогда себе этого не позволил, никогда...

– *А хотелось, признайтесь?*

– Не в чем мне признаваться! Такой поворот событий совершенно исключен, совершенно!

– *Ну мало ли... Судя по всему, покойная действовала на окружающих прямо-таки мистическим образом...*

– Я-то здесь при чем? Она не в моем вкусе, и она намного старше... Она просто жена моего друга – так я к ней и относился.

– *Не нужно нервничать, Кристиан.*

– С чего вы взяли, что я нервничаю?

– *Зачем Шон пригласил вас сюда, да еще в период сложностей в семейной жизни?*

– Ну о том, что есть сложности, я узнал только здесь. Наверное, ему не хотелось оставаться одному среди бывших... э-э... друзей его жены, которых он даже не знает толком. Я приехал, чтобы поддержать его.

– *Помочь разобраться в происходящем?*

– Вряд ли бы я мог в чем-то помочь. Скорее поддержать. Это самое точное слово, да.

– *Вы разговаривали с женой Шона об их семейных проблемах?*

– Нет. Это было бы неэтично.

– *А вы вообще разговаривали с ней?*

– В каком смысле?

– *Ну какой-нибудь личный разговор. За чашкой утреннего чая, в отсутствие других гостей.*

– Нет, нет. Мы не оставались наедине, если вы это имеете в виду...

– *А что вы вообще можете сказать о покойной?*

– Здесь есть люди, которые давно ее знают. Наверное, правильное было бы спросить у них.

– *Разве у вас не сложилось собственного мнения о ней?*

– Она – любимая женщина моего друга. Этого достаточно, чтобы относиться к ней с симпатией.

– *Вы так и относились?*

– Да.

– *Несмотря на страдания, которые она причиняла вашему другу?*

– Ну... Я не знаю... Она была обаятельным человеком. Который не может не нравиться. Собственно, мне показалось, что все здесь немного влюблены в нее...

– *Наверное, и голову ей раскрыли от большой любви... Вы считаете ее красивой?*

– Все считают ее красивой.

– *А вы?*

– Ну... Наверное. Я как-то не задумывался над этим.

– *Она не в вашем вкусе, да. Чем вы занимаетесь у себя на родине?*

– В каком смысле?

– *В смысле профессии.*

– Э-э... Вообще-то я курьер...

– *Наркокурьер?.. Это шутка.*

– Я работаю в одном маленьком издательстве, но...

– *Ваша поездка сюда – довольно затратное мероприятие. А на зарплату курьера не особенно разгуляешься.*

– Не понимаю, какое отношение имеют мои доходы к произошедшему здесь.

– *Никакого. Просто подумал, что поддержка друзей иногда обходится нам очень дорого. Во всех смыслах. Вы не замечали, покойная не конфликтовала ни с кем из гостей? Может быть, мелкие ссоры, разговор на повышенных тонах? Или наоборот.*

– Наоборот – это как?

– *Тихая склока где-нибудь в укромном уголке.*

– Нет. Я стараюсь не заглядывать в укромные уголки этого дома.

– *Он ведь вам не нравится, дом.*

– Не то чтобы...

– *Вы сами говорили об этом Магде, писательской жене. Кстати, что вы думаете о ней?*

– О Магде? Ничего. Мне лишь показалось, что она здесь самая несчастная. Еще несчастнее Шона. Что она здесь не совсем в своей тарелке. Может быть, она хороший человек, но... Лучше, когда ее нет на горизонте.

– *Для кого лучше?*

– Наверное, для всех.

– *Вам лично она мешала?*

– Нет, но она странная. Все время говорила что-то о кладбищах, ведьмах и вудуизме.

– *Вы поддерживали эти разговоры?*

– Не то чтобы... Она, конечно, несла чушь. Но кое с чем я был согласен. Здесь слишком много вещей, место которым совсем не в жилище. Это угнетает, особенно по ночам. Даже спокойно заснуть получается не всегда.

– *Но сегодня, как ни удивительно, почти ни у кого не было проблем со сном. Все спали как убитые и ни за что не хотели просыпаться.*

– Это не совсем так.

– *Вы ведь были в числе первых, кто обнаружил тело?*

– Но я не был самым первым.

– *А перед рассветом вы не слышали никаких посторонних шумов?*

Может быть, крика?

– Детского?

– *Детского или какого-то другого.*

– Я слышал детский крик, от него я и проснулся. Но это случилось не ночью, а утром.

– *Ранним утром?*

– Было уже светло.

– *И вы не вышли посмотреть, в чем там дело?*

– Ну... я посчитал, что в доме есть кому разобраться с плачущими детьми.

– *Почему в таком случае вы решились выйти позже?*

– Потому что крик не умолкал. Я спустился вниз... Ну а остальное вы знаете.

– *Значит, ночью все было спокойно?*

– Ну да. Насколько вообще может быть спокойно в таком доме. Посторонние шумы все равно присутствуют. Дождь, работающие кондиционеры, какие-то скрипы и вздохи...

– *Шепоты, голоса?*

– Голосов я не слышал.

– *Кто-нибудь ходил по этажу?*

– Если бы я обращал внимание на всех, кто ходит по этажу...

– *Слишком много людей?*

– Да.

– *Вы с кем-нибудь столкнулись, когда вышли из комнаты сегодня утром?*

– Поначалу нет. Но внизу я встретил мальчика.

– *Сына хозяйки?*

– Да. Мы вышли из дома вместе. И прямо на пороге столкнулись с русской. Остальное вы знаете.

– *Что вы можете сказать об этой русской?*

– Она милая. Довольно неглупая. Жаль, что ее не было этой ночью в саду.

– *Но и без нее вечеринка удалась?*

– В общем – да.

– *Если не считать инцидента с вашим другом во время фейерверка.*

– О нем все быстро забыли. Это не испортило праздника.

– *Да?*

– Почти не испортило.

– *Что же тогда испортило праздник вам?*

– Мне?

– *Свидетели утверждают, что покойная позволила себе неллицеприятное высказывание о вас, и вы расстроились.*

– Нет, что вы!..

– *А они утверждают, что на вас лица не было.*

– Они ошибаются. Мы просто играли в одну милую игру, что-то на манер интеллектуальной шарады. Рискованные вопросы задавались, не спорю. Но никто никого не оскорблял...

– *Что ж, вам виднее. Скажите мне, Кристиан... У вас ничего не пропало? Какая-нибудь ценная вещь?*

- Н-нет... Почему вы спрашиваете?
- *Мало ли... В доме есть дети, и они не отличаются примерным поведением.*
- Нет-нет, дети совершенно замечательные. Мы с ними отлично ладим. Если вы имеете в виду саксофон...
- *Я не имею в виду саксофон.*
- Ну хорошо... У меня ничего не пропадало... И... даже появилось лишнее. Сегодня утром. В пижамном кармане. Я не знаю, как там оказалась эта вещь... Но она мне точно не принадлежит.
- *Что это за вещь?*
- Вот, возьмите... Я хотел отдать вам ее сразу...
- *Ключ?*
- Забавный, да? Я таких никогда не видел.
- *Осталось только выяснить, что он открывает. Вы не в курсе?*
- Нет.
- *Может быть, дверь, за которой прячется убийца?.. Ну-ну, не бледнейте, это всего лишь шутка...*

* * *

...Дарлинг, несмотря на свои неполные двадцать семь, – выдающаяся личность. Так утверждают все, кто время от времени посещает ее френд-ленту в ЖЖ. Подобных посетителей наберется с три десятка, но постоянно пасущихся – человек пять. А самый постоянный – некто *paolo_maldini*, забавный тип, скрывающийся за аватарой юного японского камикадзе. Аватара слишком мала, чтобы рассмотреть Паоло в подробностях, но общий наивно-нервный абрис впечатляет. Как впечатляет таинственность Паоло, о котором Дарлинг известно все – и ничего. «Все» относится ко вкусам Паоло (незаметно и исподволь ставшим и вкусами Дарлинг), его философски-ироническому взгляду на жизнь, его пристрастиям в еде, литературе, музыке и прочим важным, но мало что определяющим вещам.

«Ничего» относится к личности самого Паоло. С тех пор как его самолетик спикировал в журнал Дарлинг, прошло два года, но она до сих пор не знает, как по-настоящему зовут Паоло, откуда он, чем занимается и сколько ему лет. Ведь не может же он и в самом деле

быть камикадзе, увернувшись от войны, попавшим во временную воронку и вынырнувшим в русском Интернете. И не где-нибудь, а в Дарлинговой жежешечке. Почему был выбран именно ее журнал, при наличии в Сети миллиона других журналов, рациональному объяснению не поддается. Но факт остается фактом: нигде больше Паоло не засветился. Достаточно открыть поисковик, чтобы в этом убедиться.

В собственном журнале Паоло имеется лишь одна запись двухлетней давности. Вернее, не запись, а странное словосочетание «Рей-Сен». И все. Ни тебе объяснений, ни тебе развернутых характеристик, ни тебе настроения дня («снег, дворники, немного грустно»), ни тебе подходящего случаю трека (Фрэнсис Лей – Plus Fort Que Nous) – ничего такого, что проливало бы свет на Рей-Сен.

И на Паоло заодно.

Наверное, Дарлинг излишне романтична (что простительно девушке), но в Рей-Сене она находит множество самых причудливых оттенков бытия. Не говоря уже о дворниках, снеге, грусти, Фрэнсисе Лее и любимом папочке, корабельном коке, – последний раз он выходил на связь из Норвегии. А до этого – из немецкого Киля. А до этого... Если ставить флажки в тех местах, где побывал папочка за всю свою долгую корабельную жизнь, то карта мира окажется зататуированной, как последний байкер. На своем сухогрузе он огибал даже мыс Горн, который вполне сопоставим с Рей-Сеном по суровой ослепительности. Впрочем, Рей-Сен гораздо масштабнее: он способен поглотить и мыс Горн, и все остальные мысы, острова и материки – настолько он велик. Так, во всяком случае, кажется Дарлинг из болотистой питерской заводи. Так ей хочется думать: где-то там – где волны стоят стометровой стеной – таинственный и всемогущий Рей-Сен охраняет папочку, прикрыв его прозрачным куполом для надежности.

Но не исключен и другой вариант, не отменяющий, впрочем, прозрачной рей-сеновской сути. Рей-Сен – стекло на наручных часах Паоло-камикадзе. Бесконечно большие и бесконечно малые величины подменяют друг друга с легкостью, и в этом тоже состоит прелесть *незнания*.

Вот именно: Дарлинг не желает знать, что есть Рей-Сен на самом деле. Хотя одного клика в Гугле или Яндексe было бы достаточно,

чтобы картина прояснилась и выплыли ссылки, опрокидывающие рейсеновскую сказку мордой в грязь.

Наверняка это что-то не очень важное для мировой истории.

Что-то мелкое и незначительное на манер пустой сигаретной пачки или аппликации на рубашке поло. Нет уж, лучше оставаться в счастливом неведении, ведь сигаретная пачка, а тем более аппликация, не защитят папочку и его сухогруз.

Счастливое неведение длится вот уже два года. Зато многие другие вещи получили свое объяснение не в последнюю очередь благодаря Паоло. Хаос, до того царивший в девичьей голове, сменила упорядоченность. Общечеловеческие и культурологические ценности внесены в предварительно очищенный от более ранних наслоений череп. Каталогизированы и расставлены по местам. Конечно, Дарлинг еще пытается сохранить крохи самостоятельности и даже – в пику Паоло – почитывает женские любовные романы в метро. Вместо обязательных к детальному изучению Томаса Манна и Умберто Эко. Но стоит только Паоло прознать об этом (по каким-то неразличимым простому человеческому взгляду блохам в Дарлинговых постах), как он мгновенно активизируется. Направляет свой маленький отважный самолетик прямо в кормовую часть эсминца со звучным именем «Глупость Дарлинг». И еще ни разу не обходилось без повреждений обшивки (*«Не будь идиоткой!»*), преждевременной гибели корабельного зенитного комплекса (*«Caution! Кретинизм заразен!»*) и взрыва парового котла (*«Афишировать примитивность вкусов – некошерно!»*). Конечно, Паоло никогда не прибегает к столь унижительным для Дарлинг комментариям, он действует намного тоньше. Несколько иронических замечаний, суть которых ясна только посвященным; несколько вроде бы абстрактных реплик – больше всего они напоминают Дарлинг хорошо тренированных сторожевых псов, не дающих свернуть с прямой дороги к совершенству. И стоит только ей присесть на обочине (надо же когда-то и отдохнуть от работы над собой), стоит лишь свернуть в манящий свежей листвой орешник дурновкусия – как псы тотчас же являются и щерят зубы:

Вставай и иди, Дарлинг, вставай и иди.

Будь умницей, и тебе воздастся.

Самое удивительное, что со стороны псы вовсе не выглядят короткошерстными клыкастыми надзирателями, способными тяпнуть

за икры. Напротив – они лучшие друзья Дарлинг. И сам Паоло смахивает на воздыхателя, а его комментарии – на изысканный флирт. Наверное, именно так и думают завсегдатаи Дарлинговой жежешечки и те, кто заглядывает в нее лишь время от времени, оглашая окрестности громким воплями «Вы мне нравитесь, мадемуазель! Френжу!».

Или – «Вы симпатяга!»

Или – «Вы чудный малыш!»

Или – «Зашла в твою ЖЖ, и захотелось здесь остаться. Ты не против?»

И только Паоло ни о чем не спрашивал с самого начала. Взял и остался. И теперь, спустя два года, Дарлинг больше всего боится, что он уйдет. Как и пришел – не объясняя причин. Не объясняя ничего.

Если бы кто-то сказал Дарлинг, что она немного влюблена в виртуального Паоло, она бы фыркнула, смешно сморщив нос. Побарабанила бы кончиками пальцев по клавиатуре и выдала бы что-нибудь из подстрочника Паоло (*«Не будьте идиотами!»*).

Но в глубине души согласилась бы с вердиктом. Да-да, она влюблена. Немного. Чуть-чуть. Самую малость. Как бывала влюблена в актеров второго плана, чья мученическая полукриминальная смерть всегда остается незамеченной; как бывала влюблена в таких же эпизодических персонажей из собственной жизни: курсантика в метро, фотографа из ателье «Кубик», расположенного в ближайшей подворотне, двух барменов с одинаковым именем «Сергей» на бейдже; компьютерщика, приходившего чинить ноутбук. Любовь к курсантику длилась ровно один перегон – от «Петроградской» до «Черной речки». Любовь к фотографу – ровно столько, сколько длилась шенгенская фотосессия с последующей обработкой снимка на визу в фотошопе. Любовь к двум барменам была самой настоящей long-drink: в одном случае Дарлинг заказала мохито, а во втором – симпатичный коктейль В-52, плюс романтически-долгое разжевывание мяты и рассасывание льда. С компьютерщиком же мог возникнуть самый настоящий роман, если бы он сумел реанимировать ноутбук. Но парень оказался совсем не таким зубодробительным мастером, каким виделся Дарлинг, и ноут благополучно издох у него в руках. А вместе с ноутом отбросила коньки так и не начавшаяся любовь. Дарлинг тогда расстроилась – исключительно из-за ноута, потому что из-за несбывшихся чувств она

не расстраивается никогда. И инстинктивно избегает отношений, в которых можно утонуть, как в речном омуте. Ее удел – бродить по мелководью, сторонясь глубин.

Глубины души – не исключение.

Единственный человек, с кем Дарлинг время от времени обсуждает Паоло, – ее младшая сестра Лерка. В отличие от Дарлинг, двадцатилетняя Лерка никакой не романтик. Скорее циник. Прекрасно знающий, что именно ей нужно в жизни. У Лерки и список заготовлен, и первым номером в списке идет удачное замужество. Фоторобот потенциального мужа составлен в мельчайших подробностях, вплоть до рода занятий (олигарх из сырьевой отрасли, на худой конец – крупный чиновник или владелец сети супермаркетов). Потенциальный муж должен быть не старше сорока (правда, в период ПМС, когда на кукольной физиономии Лерки вскакивает одинокий прыщ, возрастная планка волшебным образом поднимается до сорока трех). Потенциальный муж не должен храпеть, разбрасывать носки, пивные банки и запонки с бриллиантами и отлучаться из дома на уик-энд под предлогом бильярда, утиной охоты или сауны с друзьями. Потенциальному мужу не возбраняется читать «Спорт-Экспресс» за ужином и биржевые сводки за завтраком, а все остальное подлежит обсуждению. И может послужить основой для брачного контракта.

В контексте кого-нибудь другого все эти праздные мечты выглядели бы откровенной дурью, но только не в Леркином. Дарлинг свято уверена, что рано или поздно (но не позднее тридцати) сестра добьется своего. Заполучит сырьевого олигарха. Или даже крупного партийного функционера с прицелом на президентство. Лерка – она такая. Хорошенькая до невозможности. С жемчужными зубами, способными перекусить шею всем остальным претенденткам на кусок олигархического мяса. Со стальным позвоночником и такой же стальной волей. А еще Лерка не боится глубин в их самом что ни на есть прикладном понимании. Глубин и высот. Несмотря на свой юный возраст, она вполне профессионально занимается дайвингом, альпинизмом и горными лыжами. И почти не тратит время на Интернет, за исключением разговоров по скайпу с Дарлинг – каждую третью пятницу месяца. Скайп – вещь вынужденная, поскольку Лерка живет в Сочи, куда семья перебралась из-за маминой астмы. И лишь Дарлинг осталась в Питере, в родовом гнезде у метро «Горьковская».

Сначала потому, что нужно было закончить учебу в университете, а потом...

Дарлинг совсем не прельщают Сочи – вот и получилось «потом».

Дарлинг считает Сочи слишком приземленным городом. Где не случается чудес, а могут случиться лишь популярные актеры в плавках с логотипом «Кинотавра». Там наверняка могут случиться и олигархи, но на олигархов Дарлинг наплевать. И на их культовые бриллиантовые запонки – тоже. Ей нравятся совсем другие вещи и совсем другие мужчины. Чьих черт толком и не разглядишь в сумраке. Чьи черты не так уж важны – важно лишь общее от них ощущение.

Ощущение тайны.

Камикадзе из маленького самолетика – именно такой.

– Ну и как там твой интернет-хмырь? – всякий раз спрашивает Лерка в третью пятницу месяца. – Еще не слился?

– Ну и как там твой сырьевой олигарх? – всякий раз эхом откликается Дарлинг. – Еще не возник на горизонте?

Леркин горизонт до сих пор чист: ни одной нефтяной платформы, ни одной прогулочной яхты размером с «Титаник», ни одного приводнившегося самолета президента. А на такую мелочь, как утлые катамараны, раздолбанные водные велосипеды и моторки местной шелупони, она внимания не обращает. Но честно сообщает сестре, что за время ее трехнедельного отсутствия в скайпе было получено двадцать предложений сходить в киношку, тридцать одно – в ночной клуб, не менее семи – руки и сердца и не менее трех – посетить Египет по горящей путевке «все включено».

Египет Лерка видела в гробу, тем более что менять на него Сочи – все равно что менять шило на мыло, только конченые недоноски могут подкатывать к девушке с таким непристойным предложением. А в свете предстоящей зимней Олимпиады сочинские котировки вообще взлетят в стратосферу, в то время как «сраный Ебипет» так и будет прозябать в жалких ионосферных слоях. Вообще, все Леркины ожидания самым иррациональным образом связаны именно с Олимпиадой, тогда-то уж точно на сочинский берег, прямиком из великосветских и нефтяных глубин, выйдут тридцать три наикрутейших бизнес-богатыря. Возможно, их будет больше, возможно, несколько меньше, но один точно достанется Лерке. Со

всеми потрохами, плюс бриллиантовые запонки и культовые часы «Улисс Нардин» в варианте Limited Edition.

Трехнедельные достижения Дарлинг куда как скромнее: несколько бизнес-ланчей с коллегами по работе мужского пола, два виртуальных подарка, одна ссылка на замшелую стинговскую песню Mad About You, а в ночные клубы Дарлинг не ходит принципиально. Да и в кино до последнего времени ходила исключительно с лучшей – еще школьной – подругой Кокориной по прозвищу Коко. Но теперь место подле Коко, которое законно и в любом кинотеатре принадлежало Дарлинг, оказалось занятым мужчиной.

Мужем.

Не далее чем месяц назад мелкотравчатая предательница Коко скоростно выскочила замуж за обрусевшего грека с пафосным именем Вассилис. Неизвестно, что именно привлекло Коко в этом неотесанном мужлане: возможно, наличие туманных дальних родственников в почти мифическом городе Коринф. Возможно, такое же туманное и отдаленное сходство с ее любимым актером Джонни Деппом. Возможно, умилительная привычка Вассилиса ковыряться в ухе ключом от старенького «Альфа-Ромео». Но, скорее всего, Коко просто осуществила свою старую мечту стать мужней женой. Отличие этой мечты от грез Лерки состоит в том, что личность мужа не имеет принципиального значения. Достаточно того, что он просто есть.

Захлопнув за собой крышку семейного гроба, Коко напрочь позабыла о своей подруге: ни одного звонка, ни единой эсэмэски, как будто и не было пятнадцати лет дружбы, развеселых девичников, посиделок в Ботаническом саду и ста килограммов сожранного в кинотеатрах попкорна. У Дарлинг еще оставалась надежда на традиционный шопинг по воскресеньям (не станет же Коко таскаться по примерочным с недоделанным греком!), но и она не оправдалась. Очевидно, как шопинг-компаньон Вассилис не в пример интереснее. И ему удалось обогатить дремучую Коко новым знанием: в примерочных можно не только натягивать на себя шмотки, но и целоваться. Или чего похуже, о чем высококонравственная Дарлинг предпочитает не думать.

Ну и черт с тобой, предательница Коко!..

Дарлинг могла бы назвать Вассилиса «базилевсом», но упорно называет его «василиском». В первом случае Коко умилилась бы, во втором – обиделась: кому приятно оказаться женой чудовища с телом

змеи, головой петуха и взглядом, испепеляющим все живое? К счастью, Коко недоступны такие видовые тонкости. Коко – примитивная самка, как и большинство женщин, которых хлебом не корми – дай только бросить свою жизнь под ноги мужчинам.

Дарлинг совсем не такая. Совсем.

Даже полюбив, она не стала бы отказываться от своей собственной жизни, в которой найдется место всему, а не только носкам горячо любимого муженька. Дарлинг ценит личное пространство и никому не позволит захламлять его. Мухи – отдельно, котлеты – отдельно, хотя она и не ест котлет. За исключением тех, что приготовил искусник-папочка.

Теме вечного женского раболепия перед мужчиной посвящен ее гневный пост в ЖЖ. Пристроившись у кормовой зенитной батарее, Дарлинг ожидает самолетик Паоло – с подвешенными к фюзеляжу дискуссионными бомбами, но самолетика все нет и нет. Лишь на вторые сутки появляется лишенный обычного блеска коммент:

«Чем так откровенно завидовать чужому счастью – лучше постригись».

«В монахини?» — оперативно реагирует Дарлинг.

«Можно и в монахини, но для начала просто постригись. А сменить круг общения ты всегда успеешь».

«И как же мне постричься?»

«Кардинально».

«Это совет или руководство к действию?»

Ни то и ни другое, уверяет Дарлинг Паоло, – всего лишь взгляд на устройство мира из-за цветущих веток сакуры. Ха-ха, как бы не так!.. До сих пор ни одно его замечание не оставалось незамеченным; вползая в чуткое ухо Дарлинг, оно благополучно окукливалось и проходило все полагающиеся случаю метаморфозы. А что уж там получалось на выходе, какая диковинная бабочка или – наоборот – покрытое хитиновым панцирем насекомое-мутант...

Чаще получают бабочки.

Так одно брошенное вскользь упоминание о группе Samarabalouf заставило Дарлинг прошерстить все пиратские сайты в поисках ее альбомов. И однажды утром Дарлинг проснулась фанатичной поклонницей свинга. Затем из-за спины разудалых смешных французику показавшаяся монументальная фигура Жанго Рейнхардта и

не менее монументальное окружение Джанго, растянувшееся по дуге Париж – Новый Орлеан. И однажды утром Дарлинг проснулась фанатичной поклонницей джаза. Конечно, и здесь не обходится без курьезов. Паоло нравится Элла Фитцджеральд? Что ж, Дарлинг примкнет к сторонникам Ширли Хорн, ничуть не менее гениальной. Паоло снисходительно относится к европейскому джазу? Именно его Дарлинг и будет слушать в ближайшие двести лет, без перерыва на полдник и здоровый сон. А есть еще джаз-фламенко, который Дарлинг открыла для себя совершенно самостоятельно. А есть еще расслабленный, но такой симпатичный фьюжн, и мускулистый би-боп, и кул джаз: от него у Дарлинг мерзнет кончик носа, и она чувствует настоятельную необходимость уткнуться этим самым носом в чей-то свитер. Специальный свитер для конца осени или начала весны, и чтобы он немного пах табаком, и ванилью тоже.

Интересно, носят ли летчики-камикадзе такие специальные свитера?

Спросить об этом у Паоло никак не представляется случая; вечно он все портит в самый последний момент – ехидной репликой или колким замечанием. Вот и теперь идиотский совет постричься, а ведь Паоло даже не знает, как выглядит Дарлинг! В подражание Паоло она никогда не выкладывала своих фотографий, а на аватарах последовательно представала:

- Фаиной Раневской;
- Розовой Пантерой из мультфильма;
- английской актрисой Тильдой Суини, чей inferнальный облик сносит башню капитальнее, чем облик любой голливудской красотки;
- банкой арахисового масла;
- японской гейшей с гравюры Утамаро – в пару к летчику-камикадзе;
- кольцами Сатурна (не продержавшимися и двух дней ввиду их унылой безыдейности);
- сироткой Понетт из одноименного фильма.

Над горестной судьбой Понетт Дарлинг обливалась слезами всю прошлую зиму и даже выдала на-гора целую серию постов о детском восприятии смерти близкого человека. Не то чтобы посты были как-то по-особенному философичны – но они были искренними, исполненными самого настоящего чувства. Французская малютка

Понетт, сама того не подозревая, принесла в копилку Дарлинг еще с десяток френдов: таких же сентиментальных, как она сама. Отягощенных ранними потерями, но получившими взамен нечто гораздо более ценное: опыт горя, который делает любую человеческую жизнь небесмысленной. Так однажды выразился Паоло, правда, совсем по другому поводу. А по поводу Понетт... Он не нашел ничего лучше, чем присоветовать Дарлинг (если уж ей так хочется поплакать) еще один слезоточивый фильм. На этот раз – про собаку. «Хатико», вот как он назывался.

У собак собственное представление о смерти близкого человека, но влезть в собачью шкуру еще труднее, чем в шкуру шестилетней девочки Понетт. Так что публично анализировать верность пса породы акита-ину Дарлинг не стала, ограничившись абсолютно приватными рыданиями в темноте кинотеатра и троекратным прослушиванием саундтрека к фильму.

Дарлинг тоже исповедует принципы верности. Даже своим волосам.

Длинные, светло-русые – они едва ли не единственная ее ценность. И всех своих немногочисленных парней она ловила исключительно на волосы, так они хороши. За всю жизнь Дарлинг кардинально стриглась всего лишь раз, и то не добровольно. Когда ей было четырнадцать, ее обкорнала семилетняя Лерка – прямо во сне. До сих пор Дарлинг во всех подробностях помнит ужас того утреннего пробуждения: еще перед сном волосы были при ней, лежали смирнехонько на подушке – и вот пожалуйста, их нет! А есть голова в чудовищных проплешинах и жалкие клочки рядом с кроватью. На истошный крик Дарлинг прибежала испуганная мама, по косвенным уликам моментально вычислившая виновника. И пока Дарлинг билась головой о зеркало в ванной, вооруженная офицерским ремнем мама рыскала по дому в поисках «дрянной девчонки и божьего наказания, она меня в могилу сведет!». Перемазанная клеем «Момент» Лерка обнаружилась в кладовке, где при свете папочкиного карманного фонарика пыталась присобачить Дарлинговы роскошные пряди к своим жидким косицам. Стоически выдержав пятиминутную порку, Лерка заявила, что нисколечко, ни на ноготок не жалеет о содеянном. И что ее сестра Дашка – жадина-говядина и вообще дура, а она, Лерка, напротив, самая настоящая принцессочка. А принцессочкам волосы

всяко важнее, чем каким-то там Дашкам, тем более что у Дашки скоро вырастут новые, а Лерке и старые бы подошли, и никому бы не было обидно. И все бы радовались, и были бы чрезвычайно довольны друг другом, и в воскресенье пошли бы в ЦПКиО есть сахарную вату.

Будь дома папочка, он нашел бы слова утешения для безутешной Дарлинг, и доходчиво объяснил бы Лерке всю изменчивость ее поступка, и успокоил бы грустную маму. Но папочка был далеко, в своих морях, у берегов Новой Зеландии, – так что из скандала пришлось выпутываться самим. И хотя Дарлинг дала себе слово, что не будет разговаривать с Леркой до конца жизни, хватило ее ровно на неделю, да и волосы стали потихоньку отрастать. Еще неделю дулась сама Лерка, но в конце концов оттаяла и она – как же иначе, все принцессочки славятся великодушием.

Странно, что этот – весьма примечательный – случай из детства не получил своего отражения в ЖЖ. Наверное, имеет смысл изложить его сейчас: вот и получится изысканный и полный несомненных художественных достоинств ответ на нелепое предложение Паоло изменить внешний облик.

Дарлинг все еще думает, как бы половчее изложить историю в деталях, когда от Паоло приходит эта судьбоносная ссылка. С короткой припиской: *«Давно хотел вас познакомить»*. Пройдя по ссылке, Дарлинг обнаруживает плакат с парочкой большеголовых мультяшных придурков, еще более нелепых, чем легендарная Розовая Пантера. Во всяком случае, гораздо менее обаятельных.

A BOUT DE SOUFFLE – вот что написано на плакате. В верхней его части. В нижней, прямо под ногами придурков, расположились три имени:

Jean-Luc Godard

Jean-Paul Belmondo

Jean Seberg.

Исходя из крупности десуффле-шрифта, легко понять, что это и есть ключ к плакату. Трех минут, проведенных в Гугле, вполне достаточно, чтобы узнать главное: A Bout de Souffle – никакая не мультяшка, а культовый фильм 1959 года, с которого началась французская новая волна. Ссылок на него не меньше, чем на суперраскрученный «Аватар».

А может, даже больше.

Конечно же, Дарлинг слышала о Годаре и даже успела поскучать на парочке его (чересчур концептуальных) фильмов. А душка Бельмондо и вовсе друг их семьи, любимый папочкин актер. Каждый раз, возвращаясь из рейса, он обязательно просматривает «Чудовище», а уходя в рейс – «Великолепного», чтобы плавать было веселее. Интересно, какому кретину пришла мысль изобразить восхитительного Жан-Поля в виде мультяшки? Папочке уж точно не понравился бы этот плоский рисованный тип в шляпе. Он бы вообще никому не понравился!..

То же можно сказать о втором рисованном типе, в футболке с короткими рукавами и штанах-дудочках, – наверное, это и есть Jean Seberg. На сей раз не Жан – Джин.

Джин – девушка. Актриса.

Американская, как утверждает всезнайка Интернет. Он же выдает Дарлинг кучу изображений Джин – не рисованных, а настоящих.

Настоящая Джин застаёт Дарлинг врасплох – *предупредить надо, господин камикадзе!*.. Стоять на пороге настоящей Джин – все равно что стоять на пороге удивительного открытия. Стоять на пороге настоящей Джин – все равно что стоять на пороге двери, ведущей в преисподнюю. Сутки напролет Дарлинг открывает для себя Джин. Девушку-актрису, проснувшуюся знаменитой в пятьдесят девятом. Женщину-актрису, которой не очень-то везло после пятьдесят девятого. Ни в жизни, ни в кино. Сутки напролет Дарлинг продирается сквозь Джин, осколки ее исполненной трагедий жизни больно ранят. Джин – не крошка Понетт, не верный пес Хатико, отделаться от нее потоком очищающих слез не получится, как ни старайся. В этом потоке не утопишь агентов ФБР, устроивших самую настоящую охоту на нее. И террористов из «Черных пантер», сосавших из нее деньги. А всему виной... Господи, ну разве сочувствие к чернокожим и чувство неизбежной вины перед ними могут быть виной? Джин прекраснодушна и хрупка, как цветок, несмотря на ее паранойю, боязнь темноты, психиатрические клиники, алкоголизм и пристрастие к наркотикам. Несмотря на самоубийство в сорок один. Дарлинг леденеет не от самого факта самоубийства – возможно, оно и было избавлением для Джин, и даже скорее всего. Но от того, что произошло потом, не избавиться, ведь Джин нашли не сразу. А только через одиннадцать дней – в машине на окраине Парижа. Ее

полуразложившееся тело было завернуто в старое одеяло. Укутано в старое одеяло. Наверное, прежде чем накачаться алкоголем пополам со снотворным, Джин почувствовала, что замерзает, и ей захотелось тепла. Не человеческого, а просто тепла. И чтобы не холодел кончик носа, как у Дарлинг, когда она слушает кул джаз. А может, Джин не хотела, чтобы ее нашли, вот и спряталась под одеялом, прежде чем умереть. А может, она хотела, чтобы ее искали не здесь, а там – в пятьдесят девятом. И чтобы искали не ее, а сногшибательную годаровскую предательницу Пат.

Предательница Пат – совсем не то, что мелкотравчатая предательница Коко. Предательство Пат – экзистенциально (это словечко нежно любит Паоло). Жаль только, что за это экзистенциальное киношное предательство настоящей Джин пришлось расплачиваться своей собственной жизнью.

Потрясенная этой жизнью, а еще больше – смертью, Дарлинг тут же начинает придумывать альтернативную историю, в которой триумфальный пятьдесят девятый длится и длится. И нет ни того страшного пыльного автомобиля, ни одеяла, ни снотворного, растворенного в алкоголе. Как было бы здорово, если бы Годар объявил Джин своей единственной музой и дал письменное обязательство работать только с ней!.. Как было бы здорово, если бы для Джин нашелся десяток режиссеров, не менее талантливых, чем Годар, и они бы снимали ее без продыху!.. Как было бы здорово, если бы в ту последнюю ночь ей встретился папочка!..

Теоретически это возможно, в роковом для Джин семьдесят девятом ему как раз исполнилось двадцать пять, и он был самым настоящим красавцем, о чем свидетельствуют десятки снимков в пяти альбомах «Мои путешествия». А семейное предание гласит, что, когда папочка с делегацией советских моряков посетил одно африканское племя, вождь предложил ему в жены свою дочь. Папочка, конечно, благородно отказался, но сам факт!.. Сам факт внушает уверенность: Джин бы оценила его мужскую красоту по достоинству.

А что касается разницы в возрасте...

Джин относится к той потрясающей и немногочисленной категории женщин, кого не смущает разница в возрасте. Им вообще плевать на возраст, тем более что последний муж Джин был едва ли не моложе двадцатипятилетнего папочки. Один из тех бессмысленных

любовников, в чьих бессмысленных объятиях она пыталась спастись, – а этот оказался еще и вполне осмысленным негодяем и подлецом. И сосал из нее деньги не хуже подонков из «Черных пантер». Но дело совсем не в разнице в возрасте, а в том, что она была расстроена, разбита и глубоко несчастна. Вот тогда бы и пригодился папочка! Он сумел бы отвлечь ее от грустных мыслей. Папочка – он такой: забавный и мудрый, все на свете знающий и умеющий, отличный собеседник, неподражаемый рассказчик и благодарный слушатель. С папочкой суровая мама становится мягкой и податливой, как воск. И каждый день, проведенный ими вместе, наполнен любовью, и мама (совсем не красавица и вовсе не актриса, а работник среднего медицинского звена) чувствует себя... как Джин! Периода триумфа пятьдесят девятого.

А в семьдесят девятом, если бы папочка оказался рядом с автомобилем Джин на окраине Парижа (советские моряки заглядывали и туда!), он бы аккуратно стукнул в стекло. И, дождавшись, пока Джин его опустит, сказал бы в своей неподражаемой манере: «*Your navigation lights are not visible*»^[3]. Или: «*Please rig pilot ladder on port board side*»^[4]. Или... Впрочем, совершенно не важно, что сказал бы папочка. Главное, что Джин обязательно увидела бы протянутую ей руку помощи и ни за что не оттолкнула бы ее. Она начала бы разговаривать с папочкой из простого любопытства (советские моряки все же большая редкость в Париже семьдесят девятого). А потом – очень быстро, едва ли не с первых минут – между ними возникло бы доверие. И Джин почувствовала бы себя защищенной, как чувствуют себя защищенной мама и они с Леркой, – даже если папочка находится далеко, в своих морях. А когда он рядом... Да что уж говорить! Достаточно закрыть глаза и покачиваться на волнах любви и нежности, исходящих от него. Эти волны убаюкают любого. Они бы убаюкали и Джин – без всякого снотворного. Да и снотворное бы не понадобилось. И ночь закончилась бы совсем не так, как она закончилась на самом деле... И снова вернулся бы полный солнца и надежд пятьдесят девятый. И Джин была бы спасена.

Все это бредни.

Дешевое сочинительство. Одна не случившаяся ночь и не случившаяся встреча ничего не изменили бы, но на всякий случай

Дарлинг спрашивает у папочки в скайпе: где он был в самом конце августа семьдесят девятого года.

В районе Мартиники. Они шли на Мартинику с грузом листового железа, после минутной паузы сообщает папочка (у него феноменальная память на события и даты).

Мартиника слишком далека от Парижа, да и в Париже нет портов, способных принять крупнотоннажные папочкины корабли, – изменить прошлое невозможно.

На могиле Джин нет фотографии, фотографии там не особенно приняты. Только имена, только имя: **Jean Seberg**, так – вкривь и вкось, неверным детским почерком – могла бы написать не слишком прилежная третьеклассница Лерка. Зато у Дарлинг все в порядке с каллиграфией, жаль, что Джин нельзя написать письмо. Хотя на серой могильной плите изредка появляются конверты, придавленные для верности камешками. Должно быть, в конвертах лежат письма, адресованные Джин; признания в любви, которой ей так не хватало при жизни. Забавные истории, которые могли бы ее развеселить, хотя бы ненадолго. Вряд ли они обращены к полуразложившемуся телу из машины. Они обращены к сумасшедше красивой предательнице Пат, которой никогда не будет старше двадцати одного.

Дарлинг тоже мечтает о дружбе с Джин из пятьдесят девятого.

Джин – не Коко, представить ее на сеансе очередной 3D-галиматьи в дурацких пластиковых очках невозможно. Но с ней можно пить кофе в пустых кофейнях, путешествовать на междугородных автобусах без всякого плана в голове (от машин лучше держаться подальше); гулять по кромке зимнего моря, кормить чаек, кормить белок и – молчать. Дружба с Джин – молчание, черно-белое, как и *A Bout de Soufflé*.

А еще с ней можно мерить очки – даже в безнадежно дурацких пластиковых 3D (в которых ее нельзя представить) она будет хороша. С ней можно мерить мужские шляпы – и не найдется ни одной, которая не пошла бы коротко стриженной Джин.

Дарлинг вовсе не собирается носить мужские шляпы, но она собирается... О да, постричься! Мысль о расставании с длинными волосами теперь не пугает ее. Исполненная бесстрашия, она отправляется в ближайший к дому салон и, вытащив из сумки

отсканированную фотографию Джин, говорит первому подвернувшемуся под руку мастеру:

– Вот так. Постригите меня вот так.

– Напрасно, – флегматично заявляет мастер, сорокалетняя тетка, по виду – намного более счастливая, чем Джин в последние годы жизни. – На твоём месте я бы сто раз подумала, прежде чем расстаться с такими шикарными волосами.

– Я уже подумала, и именно сто раз. Стригите.

Несмотря на легкую заторможенность и общую раскоординированность движений, тетка справляется с головой Дарлинг на твердую пятерку. И даже пытается наладить с Дарлинг душевный разговор во время стрижки.

– Что, какая-нибудь сволочь тебя бросила? – щелкает ножницами, спрашивает она.

– Нет. Никто меня не бросал. С чего вы взяли?

– Из жизненного опыта. По себе знаю: когда какая-нибудь сволочь тебя бросает, постричься – вторая мысль, которая приходит тебе.

– А первая?

– Известное дело – покончить с собой. Тут главное – пропустить первую мысль и сосредоточиться на второй. Учти на будущее.

По мере того как голове становится все легче и легче, Дарлинг включает в альтернативную историю Джин еще и эту хабалистую тетку. Как было бы здорово, если бы Джин в минуту отчаяния заглянула не в салон красоты *high*-класса, а в самую говенную, случайно подвернувшуюся *de coiffure*^[5] на два кресла, где таким теткам самое место. Наверняка у тетки нашелся бы мешок абсолютных истин для Джин и два мешка простых, ободряющих слов...

Все это *бредни*.

Но стрижка тем не менее получается отличной. Под занавес жрица филировочных ножниц сдувает мелкую пыль волос с затылка Дарлинг, и обе они несколько минут смотрят в зеркало, изучая результат.

– По-моему, неплохо, – говорит тетка.

– По-моему, здорово, – вторит ей Дарлинг.

– Тебе идет. Удивительно. Прямо другой человек вылутился, надо же! Теперь сможешь вертеть сволочами, как сама захочешь, уж поверь.

– Сегодня и начну.

Ничего подобного Дарлинг делать не собирается, да и кто такие «сволочи»? Мужчины, кто же еще. Дарлинг не считает мужчин сволочами, но и не особо доверяет им. Просто принимает к сведению, что они есть и время от времени возникают в ее жизни. Перемены, которые они несут с собой, несущественны; нет никого, кто бы удивил ее по-настоящему. За исключением Паоло, разумеется. Но Паоло и не мужчина вовсе, фантом.

Интересно, как на ее новый облик отреагирует фантом?

В нарушение всех неписаных правил и традиций Дарлинг выкладывает свои фотографии в Интернете – теперь остается только ждать комментариев. И они появляются, но совсем не от Паоло (на что втайне надеялась Дарлинг). От других юзеров мужского пола, чьи неуклюжие и глупые комплименты сродни приставаниям в трамвае. Обычно такие приставания ни к чему не ведут, разве что на время повышают самооценку. *«Так вот ты какой, северный олень!»* — общая реакция на ту, которая до сих пор была всего лишь миллионной копией Тильды Суини, крошки Понетт и даже колец Сатурна. Все находят Дарлинг «вэри секси» и провозглашают девушкой года, и девушкой Бонда, и девушкой на миллион долларов. Дарлинг, в подцепленной от Паоло отстраненно-саркастической манере, просит немедленно выдать искомый миллион и даже обещает сообщить номер расчетного счета в банке. Но все интересуются лишь номером телефона, а юзер из Омска *zayatz masya* и вовсе предлагает встретиться в ближайшую субботу в любом удобном для Дарлинг (но обязательно романтическом) месте.

Дарлинг предлагает городской музей политической истории. И еще музей восковых фигур, она как раз туда собирается. В ближайшую субботу.

Но в ближайшую к ближайшей субботе пятницу на горизонте неожиданно нарисовывается Коко, о которой Дарлинг ничего не слышала со времен торжественной регистрации брака с Вассилисом в ЗАГСе Адмиралтейского района.

– Нужно встретиться, – без всяких преамбул заявляет Коко по телефону. – И чем скорее, тем лучше. Дело на миллион долларов.

– И ты туда же! Если все будет продолжаться такими темпами, я куплю себе остров к следующему Рождеству.

– Не исключено, – хмыкает Коко в трубку. – Жду тебя завтра в «Ноа» в семь вечера. И большая просьба не опаздывать.

Кто бы говорил! Уж точно не Коко, еще ни разу на памяти Дарлинг никуда не пришедшая вовремя. Все часы в доме Коко спешат ровно на 23 минуты, но и это не спасает. Не меньше пятнадцати самолетов улетали без нее. Не меньше двух десятков поездов показывали ей свой хвост. Чтобы не завалиться на сеанс к середине фильма, Дарлинг вечно врет относительно его начала – в диапазоне от сакральных 23 минут до часа. Как показывает практика, час предпочтительнее.

– Завтра не получится. Завтра у меня на повестке дня музей восковых фигур.

– Музей придется отменить.

– Это вряд ли. У меня там назначена встреча.

– С кем?

– Понятия не имею, – честно признается Дарлинг. – Возможно, это последний романтик города Омска.

– Господи, ну где ты их только находишь?

– Там же, где и ты. На помойке.

Конечно же, Дарлинг имеет в виду Интернет-помойку. Это потребует разъяснений, если Коко вдруг надумает обидеться. Но Коко не обижается, из чего Дарлинг делает вывод: она действительно нужна подруге завтра, не позднее семи. Нужна, кровь из носу, – интересно, что такого могло произойти? Уж не рассталась ли она с Василисом?

– У тебя все в порядке? – осторожно спрашивает Дарлинг.

– Более чем. И у тебя будет, если забудешь на романтиков. Так я тебя жду?

– Я подумаю, что можно для тебя сделать.

– Просто пообещай, что придешь.

– Ну... Хорошо. Считаю, что ты меня уговорила.

Конечно, можно было еще покочевряжиться и припомнить Коко ее недостойное поведение относительно самой близкой подруги. Но Дарлинг великодушна и снисходительна к пустоголовым мужним женам – кто бы мог подумать!.. И еще заинтригована: ни разу вечно расслабленная Коко не проявляла такой настойчивости.

Так или иначе, но ровно в семь она толкает дверь кофейни «Ноа» на Каменноостровском, где они с Коко прозаседали не один вечер, болтая об общечеловеческих ценностях (инициатива Дарлинг) и сравнительных характеристиках блондинов и брюнетов (инициатива

Коко). В сумке у Дарлинг лежит «Хазарский словарь», в наушниках без всякого музыкального сопровождения резвятся киты Атлантики; можно было прихватить еще с десяток японских кроссвордов, чтобы скрасить ожидание Коко. В том, что та опоздает, Дарлинг несколько не сомневается.

Но Коко (вот удивление так удивление!) уже сидит за их любимым столиком в углу. И не одна, а с греческим пейзажником Вассилисом, традиционно ковыряющим в ушах ключом от машины. Такого поворота событий Дарлинг никак не ожидала.

– Вот видишь! – радостно сообщает Коко Вассилису. – Она пунктуальна! И вообще – очень обязательный человек. Она то, что нам нужно, уж поверь.

– Угу, – мычит Вассилис без всякого энтузиазма.

– Не знала, что у нас вечеринка на троих. – Дарлинг едва скрывает раздражение. – Предупреждать надо.

– Упс!.. Ты постриглась! Очуметь, здорово! Ты другая совсем... Та-акая... Тебе очень идет. Прямо... девушка на миллион долларов.

– Я в курсе.

– Правда она красивая? – взывает Коко к мужу.

– Угу.

– Не «угу», а для представительских целей это важно! А еще – она умная. У нее не башка, а компьютер. Бизнес-английский – раз. Просто английский – два. А еще французский... С французским отдельная история. Французский она стала учить из-за одного поэта... Этого, как его...

– Превера, – не выдержав, подсказывает Дарлинг. – И перестань говорить обо мне в третьем лице. Да еще всякий вздор. Я пока не умерла, и пафосные некрологи мне ни к чему.

– Почему это вздор? – Коко обидчиво морщит губу. – Разве про этого... Превера – неправда?

Не вся правда. Когда-то Паоло обмолвился, что, если хочешь понять птиц – всех птиц, которые только есть на свете, – без Превера никак не обойтись. Птицы Дарлинг не волновали никогда, она даже не думала о них, но туг почувствовала настоящую потребность приобщиться. Ничего из птичьей затеи не вышло, зато Дарлинг навсегда полюбила Превера. Грустного старика, в силках которого не билось ни одной птицы – только неразделенная любовь.

– Вот скажи, стал бы ты так напрягаться из-за французских стихов? Ведь нет же, правда?

– Нет, – с готовностью подтверждает Вассилис.

– И я нет. Мне стихи вообще ехало-болело, особенно французские. Но если приспичит – их можно и в переводе почитать. А она взяла и язык выучила. О чем это говорит?

– О чем? – по инерции спрашивает Вассилис, хотя на физиономии у него написано: «Это говорит о том, что девушка мается дурью».

Нет ни одной причины, чтобы Дарлинг стала относиться к мужу Коко лучше.

– ...что она целеустремленная. По всем показателям – наш вариант. Ты согласен?

– Угу.

– Тогда иди звони.

Вассилис послушно кивает нечесаной головой и, на ходу вынимая телефон из заднего кармана джинсов, направляется к выходу. Стоит ему только исчезнуть за дверью, как Дарлинг тут же накидывается на Коко:

– Теперь объясни мне, что за балаган ты тут устроила?

– Подожди, ты еще будешь мне в ноги кланяться за этот балаган, – раздуваясь от чувства собственной значимости, с апломбом заявляет Коко. – И вообще, заткнись и не мешай мне устраивать твою судьбу.

– Может быть, я как-нибудь сама о ней побеспокоюсь?

– Может быть, но не в этот раз. Хочешь всю жизнь просидеть в своем вшивом банке?

– У тебя есть альтернатива?

– Еще какая! – Коко наклоняется к Дарлинг, делает круглые глаза и сообщает заговорщицким шепотом: – Брат Вассилиса ищет личного помощника.

– Бог в помощь. Я-то тут при чем?

– При брате Вассилиса, если не будешь тупить. Он, между прочим, крупный финансист. И что-то там еще, я в подробности не вдавалась. Много ездит по миру, завтракает в Лондоне, обедает в Сингапуре. Хочешь завтракать в Лондоне?

– Завтракать в Лондоне – дорогое удовольствие. Я не потяну.

– О тебе и речи нет. Тянуть будет Костас.

– Брат твоего мужа? – уточняет Дарлинг.

– Угу. – Вот оно, дурное влияние василиска, раньше Коко не прибегала к таким непрошибаемо-глупым междометиям. – Между прочим, отличный мужик. Слегка за сорок, но душка! Он тебе понравится.

– Погоди... А личный помощник – это, случайно, не то, о чем я грешным делом подумала?

– Не надо грязи! – взвизывает Коко. – Личный помощник – это личный помощник. Будешь заниматься его текущими делами, организовывать встречи, организовывать поездки... наверное...

– А куда делся предыдущий личный помощник?

– Предыдущий вышел замуж. Э-э-э... Вышла. Понятное дело, что никакой муж терпеть не будет постоянные командировки. Мужья – они страшные собственники.

– Тебе виднее.

– И вот еще что. Костас не женат.

– Ну и зачем ты мне это говоришь?

– На всякий случай. В том смысле, что если у вас что-то там наклонится... Знай, я не буду против! Только за, тем более что выглядишь ты просто офигенно. Стрижка чудовая, дашь координаты мастера?.. Нет, было бы здорово, если бы у вас все срослось... Дружили бы семьями, а на уик-энд все вместе выбирались бы на Майами...

– Минуя Лондон и Сингапур? Я не согласна.

– А на финансиста согласна? Он сейчас приедет, между прочим...

– Может, ему сразу подъехать в ЗАГС, где я буду ждать его в подвенечном платье? А потом мы улетим на Майами. Все вместе, как ты и хотела.

Жаль, что в сумке лежит тонюсенький «Хазарский словарь», а не увесистый том какого-нибудь Умберто Эко: Дарлинг с трудом подавляет в себе желание треснуть Коко чем-нибудь тяжелым по башке. Не преследуя при этом никаких особенно кровожадных или человеконенавистнических целей. Ей просто хочется, чтобы Коко заткнулась. И перестала нести пургу, какую обычно несут все *just married*, озабоченные устройством судьбы своих несчастных (как они думают) незамужних и неженатых друзей. Мир, по осоловевшей от супружеского счастья Коко, довольно примитивен, всякой твари в нем должно быть ровно по паре: к любой Барби пришпилен Кен, к любому

астронавту – космонавт, к таможеннику – контрабандист, к кофе – сливки, к врачам без границ – медсестры без дипломов, к скучающим богатым сучкам – водопроводчики... И вся эта огромная колышущаяся масса должна оголтело любить друг друга и с периодичностью раз в три секунды обмениваться кольцами.

– Ты не поверишь, но я скучала по тебе. И по твоим шуточкам, – хохотнув, заявляет Коко.

– Конечно, не поверю, ни разу. Могла бы и позвонить, если так уж скучала...

– Ты бы тоже могла позвонить.

– Как-то не хотелось отвлекать тебя от супружеских обязанностей.

– Правда он душка?

Коко всегда проявляла завидное постоянство в определениях: герои ее многочисленных романов были душками, и никак иначе. Черноземный Вассилис похож на душку меньше всех: меньше, чем даже мутноватый дилер из автосалона «Пежо», с которым Коко таскалась прошлой весной. Тот хотя бы использовал ключи от машины по прямому назначению.

– Он просто лапушка. Кстати, куда это запропастился наш лапушка?

«Лапушка» появляется ровно через минуту.

– Ну что? – интересуется у Вассилиса Коко. – Приедет?

– Будет минут через двадцать, если не застрянет в пробке.

Двадцать минут проходят в непрерывном и бессмысленном щебетанье Коко (будь Коко птицей, Превьер не посвятил бы ей ни строчки). Не особенно разговорчивый Вассилис изредка вставляет свои универсальные «ага» и «угу», а Дарлинг и вовсе не участвует в разговоре. Она размышляет о неведомом ей финансисте Костасе. Брат грека тоже должен быть греком, никем иным, но воображение почему-то рисует Дарлинг опереточного цыганского барона. В шелковой косоворотке, атласной жилетке, штанах в мелкий вельветовый рубчик и реликтовых плисовых сапогах. На голове Костаса лихо сидит мягкая фетровая шляпа с заткнутым за туюлю пером фазана; висящие на брюхе часы-луковица каждые пятнадцать минут исполняют первые такты популярной цыганской песни «Ай, да-ну, да-ну, да-най», а в руках... В покрытых шерстью руках Костаса обязательно должна оказаться плетеная корзина, набитая сложенными в пачки самыми

ходовыми валютами мира – ведь он же финансист! Что именно финансирует Костас – не совсем ясно. Должно быть, наркотрафик, оттого все его карманы полны расфасованного по пакетикам героина. Ухмыляясь золотозубой улыбкой, Костас ввалится в «Ноа» не один. С ними припожалует цыганский ансамбль песни и пляски, штук шесть привокзальных гадалок и два ручных прямоходящих медведя. Ромы будут бить себя по ляжкам и рвать гитарные струны, медведи – реветь и требовать безалкогольного мохито, а гадалки – приставать к посетителям с традиционным «Ай, бриллиантовые, не совру ни слова, всю правду скажу!»...

Надо бы увековечить этот сраный лубок в ЖЖ.

...Финансист Костас входит в «Ноа» через полчаса, и Дарлинг сразу же понимает, что никакого поста в ЖЖ не будет. И есть немаленькая угроза, что и сам ЖЖ, ее любименькая жежешечка, может потерять актуальность.

Теперь, после появления Костаса, она кажется Дарлинг чем-то несерьезным и глупым. Прибежищем картонных героев, от нечего делать примеряющих картонные маски. Картонные герои стоят на цыпочках и изредка подпрыгивают и пытаются взгромоздиться на плечи других героев, таких же картонных, – только бы их заметили. А Костасу вовсе не нужно становиться на цыпочки – никогда, ни при каких обстоятельствах. Достаточно просто войти, кивнуть присутствующим, сесть в кресло и мельком взглянуть на часы.

Ulysse Nardin.

Культовые «Улисс Нардин», а никакая не луковица в подбрюшье. Лерка бы с ума сошла. Впрочем, мысль о Лерке исчезает, едва возникнув. Как и мысль о несчастной жежешечке. Как и мысль о том, что между двумя греческими братьями нет ничего общего. Голова Дарлинг пуста, как школьный класс в самом начале лета. Или в его середине.

Составленные друг на друга парты стоят в углу, стулья вывезены, окна без штор – и лишь на доске еще виднеется нестертая надпись: **«ОН МОГ БЫ СПАСТИ ДЖИН».**

Он – мог бы.

Все дело в значительности Костаса: мужской и человеческой. Все дело в его безупречности. Именно так, он безупречен. Безупречен его костюм (явно пошитый на заказ, а не купленный), безупречны дорогие

туфли, безупречна белая рубашка, и галстучная заколка безупречна тоже. Под циферблатом часов «Улисс Нардин» спят астролябии, секстанты и компасы с морским ударным «а» – *компа́сы*, но представить его капитаном шхуны – невозможно. Как невозможно представить матадором, автогонщиком, карточным шулером, медиамагнатом, политиком, успешным архитектором или просто плейбоем. Живое воображение Дарлинг бессильно перед отражающим светом белой рубашки, так что утечки инсайдерской информации не предвидится.

Придется довольствоваться тем, что доступно глазу.

Трудно сказать, красив Костас или нет. Скорее нет, но миллионы женщин отдали бы все, чтобы такой человек оказался поблизости. Миллионы минус Дарлинг, она чувствует себя восхитительно свободной. Какой еще никогда не была. Или какой была бы с Джин, примеряющей шляпы. Никакого волнения, никакого покалывания в затылке и легкого шума в ушах (именно с шума в ушах и покалывания начинались все ее мало-мальски сто́ящие романы), – бедолага Коко, не видать тебе Майами!.. При хорошем раскладе они с Костасом могли бы подружиться. Но Дарлинг не настолько глупа, чтобы не понимать: такой расклад ей не обломится. Ни при каких обстоятельствах. Между мелкой сошкой из нотариальной конторы и мужчиной, чьи туфли стоят два ее месячных оклада, нет ничего общего.

– Итак, – произносит Костас, глядя Дарлинг в переносицу.

– Это Дарья, – произносит Вассилис, глядя в переносицу брата. – Я тебе о ней говорил.

Больше всего Дарлинг боится, как бы чертов василиск не сморозил что-нибудь лишнее. Например, что она близкая подруга его жены Коко. Это было бы самым провальным резюме из всех возможных. Странно, что это так ее волнует, ведь еще пять минут назад она и не помышляла о притязаниях на место личного помощника. И странно, что ее ноздри улавливают легкий запах табака и ванили. Никаких предпосылок к ванили нет.

– Дарья. Отлично. Меня зовут Костас. Хотите работать у меня?

Дарлинг так и подмывает выдохнуть: «Хочу». Но... как это будет выглядеть со стороны?

– Я бы хотела знать, каковы условия. И насколько предложенный вариант совпадает с профилем моей нынешней работы. – Не бог весть

какая удачная стилистическая конструкция, вот проклятье! К тому же Коко больно пинает ее ногой под столом: *«Не будь идиоткой!»*

– Вы работаете в нотариате?

– Да.

А еще я с пониманием отношусь к летчикам-камикадзе, но это к делу не относится.

– Мне нужен человек с хорошим знанием английского. Коммуникабельный, но не чуждый рутинной работы. Достаточно мобильный, поскольку речь идет о частых зарубежных командировках. Пунктуальный. Способный принимать быстрые решения. Нюансы можно оговорить позже. Что скажете?

То, что происходит в следующую секунду, иначе чем помутнением сознания, не назовешь. Во рту Дарлинг толчется несколько полагающихся случаю фраз: нейтральных, но призванных продемонстрировать начатки необходимого для зарубежных командировок и рутинной работы интеллекта. Но вместо них выползает одна-единственная:

– Вы могли бы спасти Джин.

– Что?

Еще не поздно остановиться. Коко с такой силой жмет на ногу Дарлинг, что вот-вот ее раздавит. Да и застегнутые на все пуговицы фразы никуда не делись: они так и стоят за перегородкой губ – с электронными ключами от офисных помещений. И только фразе про Джин никакие ключи не нужны, она свободно пройдет везде.

– Вы могли бы спасти Джин.

Вассилис разочарован. Коко страшно разочарована и едва не плачет. Но Дарлинг совершенно наплевать, что там думает парочка окольцованных имбецилов. По большому счету ей плевать и на то, что сделает сейчас Костас. Разочарование – слишком сильная эмоция для людей, подобных ему. Потеря пары миллионов долларов – вот разочарование. Потеря активов в одной из развивающихся стран – вот разочарование. А микроскопическая Дарлинг и разочарование финансиста Костаса несовместимы. Скорее всего, он пожмет плечами и теперь уже откровенно посмотрит на часы. И попрощается так же, как и поздоровался, – легким кивком головы.

Но вопреки ожиданиям Костас не уходит. Он смотрит на Дарлинг в упор. И Дарлинг ничего не остается, как уставиться на Костаса с той

же пристальностью. Теперь между Костасом и Дарлинг протянулся мост или скорее улица: та самая, черно-белая, из финала A Bout De Soufflé. Минута-другая – и по ней начнет свой долгий-долгий, бесконечный побег Мишель, преданный сумасшедше красивой Пат. Но пока улица пуста, на ней только дома и автомобили, и среди них нет ни одного пыльного.

Ни одного.

– Жду вас завтра в десять у себя в офисе. Василис заедет за вами. Эта стрижка вам очень идет.

– Да. Я знаю.

– И вот еще что... – Голос Костаса остается таким же ровным, как и секунду назад. – Я не мог бы спасти Джин.

– Я знаю. Да.

– Проводи меня, – поднимаясь, говорит Костас брату.

И Дарлинг с Коко снова остаются одни. Коко шумно втягивает носом воздух, отпивает большой глоток кофе и только после этого решается посмотреть на Дарлинг.

– Что это было? – наконец спрашивает она.

– А что?

– Что это ты тут устроила? Какая еще, на фиг, Джин?

«Пора вас познакомить» не пройдет. Коко вовсе не обязательно знать, кто такая Джин. В мире по Коко, где всякой твари по паре, неприкаянной Джин места не найдется.

– Никакая. Так просто. Психологический тест, вот и все.

– А со стороны выглядело как полная бредятина. Корпоративные тренинги, да?

– Именно.

– Вообще-то я тебя убить была готова. И убила бы, если бы ты со своими примочками пролетела мимо кассы. Такой шанс нельзя упускать, ты хоть понимаешь?

– Пока нет.

– Когда поймешь – с тебя... Чего бы такого с тебя содрать?

– Йогуртовый торт с вишенкой, – подсказывает Дарлинг.

– Нет-нет-нет! – пугается Коко. – Торты исключены. Я теперь мужняя жена и должна следить за фигурой. Привезешь мне какой-нибудь пиздельфонс из Лондона или Сингапура. Или откуда-нибудь еще. У тебя теперь весь мир в кармане.

«Пиздельфонс» – любимое словечко Коко, в тот же синонимический ряд могут быть воткнуты «штученька» и «бздына». Они означают что-то очень маленькое, но, несомненно, ценное, блестящее и дорогое. В понятии Коко, разумеется. Иногда пиздельфонс примыкает к штученьке, и получается кольцо с бриллиантом, сапфировые серьги или золотой браслетик. Альянс пиздельфонса и бздыны классом пониже: серебряные цепочки, кулоны из оникса и глупейшие нефритовые черепашки – именно оттуда.

– Штученьку или бздыну? – уточняет Дарлинг на всякий случай.

– Исходя из судьбоносности момента – штученьку. Скажешь, нет?

– Ты все-таки меркантильная сучка, Коко.

– Я твой добрый ангел. Нет, ты скажи, как тебе Костас? Правда, классный мужик? Одна харизма чего стоит, я уж не говорю о его личном состоянии...

– Список Форбса отдыхает?

– Не будем впадать в крайности, но человек он не бедный. На свадьбу подарил нам «BMW»-седан, вот это штученька...

Ну вот, теперь Вассилис будет ковырять в ушах ключом от «BMW»-седана, на общем состоянии ушных раковин это скажется мало.

– Что же не «Майбах»?

– «Майбах» он подарит тебе, если будешь слушаться тетю Коко и не включать городскую сумасшедшую, как ты любишь. По-моему, ты ему понравилась. Стопудово, понравилась!.. Обычно он проверяет соискателей до седьмого колена, а потом еще назначает испытательные сроки в тысячу лет. А тут – и трех минут не прошло. И пожалуйста – тебя ждут в офисе.

– Я смотрю, ты хорошо о нем осведомлена. И что он за человек? Давай колись.

Дарлинг даже откидывается в кресле, готовясь выслушать эпическую историю финансиста Костаса от начала до конца, но Коко неожиданно сникает:

– Да я толком ничего о нем знаю. И Вассилис, кстати, тоже. Они ведь родные только по отцу, и до прошлого года Вассилис вообще не знал о его существовании. Костас сам его нашел. Но в общем, нам всем, похоже, повезло. Это я знаю точно. А-а... Вот, вспомнила! Он окончил универ, как и ты. Долго жил в Европе, потом вернулся... У

него был свой банк, но в дефолт он накрылся медным тазом. И Костас вроде бы уехал куда-то в Азию, лет на пять. Потом снова вернулся, организовал парочку компаний, потом продал их, потом нашел Вассилиса... Я не знаю точно, чем он занимается сейчас, может, снова организовывает компании. Или даже целые холдинги... Круто, да?

– Впечатляет. Особенно в том месте, где брат нашел брата. Сюжет, однако. Индийское кино.

– Иди в жопу, – без всякой злости советует Коко.

Вернувшийся Вассилис выглядит несколько удивленным. Не говоря ни слова, он протягивает Дарлинг сложенный вчетверо листок бумаги. Не говоря ни слова, Дарлинг разворачивает его:

«Оклад \$2000 плюс премиальные, на случай, если вы решите передумать. Надеюсь, что нет».

Все дело в пустой черно-белой улице, а не в ней самой: Дарлинг почему-то уверена в этом. Любое другое объяснение выглядело бы банальной пошлостью – в стиле тех романов, которые она изредка читает в метро. Привлекательный мужчина средних лет, не стесненный в средствах и не обремененный семейными обязательствами, положил глаз на юную простушку и решил приблизить к себе... Впрочем, не так уж она юна: почти двадцать семь – солидный возраст. Уже не предательница Пат, но еще и не Джин, которую никому не удалось спасти. Рассказать бы кому-нибудь об этом странном человеке Костасе. Рассказать бы о нем Паоло, но – странное дело – Дарлинг больше не чувствует потребности делиться своими переживаниями ни с Паоло, ни с верной жежешечкой. Эсминцы и линкоры меняют дислокацию. Уходят из территориальных вод. Летчики-камикадзе, усыпанные лепестками сакуры, тоже могут возвращаться домой.

Всем спасибо.

Наверное, правильно бы было закрыть жежешечку именно этой фразой, озадачив не только Паоло, но и последних романтиков Омска, а заодно Томска и Новосибирска. Но тогда начнется игра в вопросы и ответы, понаблюдать за которой соберется некоторое количество праздных зевак. Игра не слишком долгая и призванная подтвердить истину, с которой никто не хочет мириться:

рано или поздно забывают всех.

Чаще – рано, иногда – поздно, если тебе повезло оказаться незаурядной личностью. Плата за незаурядность, как правило,

слишком высока. Так было с Джин и с другими – говорили ли они об этом с Паоло? Наверное, нет – иначе бы Дарлинг запомнила.

Чтобы потом благополучно забыть.

...На следующее утро, без трех десять, Дарлинг, сопровождаемая василиском, входит в офис Костаса на Конногвардейском бульваре. Наличие феерического брата несколько примирило Дарлинг с существованием мужа Коко, и она была даже не прочь поболтать с ним в дорожных пробках (о Костасе, о ком же еще!), но из него и слова не вытащишь. «Ага» сопровождает любое ее замечание, «угу» – любое предположение. И лишь припарковавшись, Вассилис позволяет себе вполне самостоятельное: «Удачи».

– Как я выгляжу? – спрашивает Дарлинг.

– Нормально.

– Нормально для человека, который хочет получить работу, или нормально для девушки?

– Просто нормально.

– А сама я нормальная? Как ты думаешь?

– Э-э-э... Какая разница, что я думаю? Разве тебе не все равно?

– Все равно. Но хотелось бы услышать что-то ободряющее.

– Угу. Ты странная.

– Точнее, у меня не все дома?

После секундного колебания Вассилис выдает самый исчерпывающий ответ:

– Угу.

– Так и думала, что ты это скажешь. Ты очень меня поддержал. Спасибо.

Кабинет Костаса, вопреки ожиданиям, вовсе не поражает воображение Дарлинг. Он не так огромен, как принято изображать в долгоиграющих отечественных сериалах. И к тому же совершенно не обжит. Во всяком случае, она не находит ни одной вещи, которая хоть как-то утепляла бы его. Нет ни личных фотографий, ни самых простеньких безделушек, только несколько картин на стенах. Картины заслуживают того, чтобы приглядеться к ним повнимательнее, но Дарлинг совершенно сознательно отводит взгляд и сосредотачивается на добротной кожаной мебели, огромном пустом столе с сиротливо стоящим на нем монитором. И, наконец, на самом Костасе.

А с картинами она разберется потом.

Сегодняшний Костас отличается от вчерашнего только цветом рубашки: на этот раз она бледно-голубая.

– Итак... Дарья. Перейдем к делу сразу?

Нет, для начала можем сходить в зоопарк. Конечно, ничего такого Дарлинг не говорит, две тысячи плюс премиальные из записки выглядят слишком уж соблазнительно. Кабинет финансиста и, по непроверенным сведениям, создателя холдингов разной величины – это не жежешечка, так что никаких вольностей, никаких колкостей, никакого выпендрежа. Молчать и слушать, а лучше – внимать с крайней степенью почтительности.

– Да. Перейдем к делу сразу.

– Вы окончили университет?

– Юридический факультет. Работаю помощником нотариуса.

Звучит омерзительно и навевает скуку. До сих пор Дарлинг не задумывалась, как затрапезное «помощник нотариуса» выглядит со стороны. Как банка с заплесневевшими огурцами, позабытая в холодильнике.

– Не слишком успешная карьера. – Легкая улыбка, взбежавшая на лицо Костаса, кажется Дарлинг иронической. И зачем только было писать записки с тремя нулями? Чтобы затем ткнуть человека носом в его несостоятельность?

– Я не амбициозна. Мне двадцать семь, я всего лишь помощник нотариуса, и я не амбициозна.

– Ну хорошо... Василис сказал мне, что у вас отличный английский.

– Мне он сказал, что у меня не все дома. Но английскому это не мешает.

Ну вот, началось!.. Еще утром, едва сунув в рот зубную щетку, Дарлинг дала себе слово не пороть чепухи на собеседовании (утреннюю встречу с Костасом она рассматривала именно как собеседование). Привычка отпускать малопонятные шуточки не раз подводила ее при устройстве на работу: так, сразу после универа было потеряно место юрисконсульта в одной небольшой, но перспективной компании. Стезя адвоката по гражданским делам (о которой страстно мечтала оторванная от реальности мама) тоже оказалась непроходимой. Но что поделать, если любой официоз вводит Дарлинг в ступор и она начинает вести себя не совсем адекватно? Вот и сейчас,

когда хлебная должность была уже почти в кармане, одна дурацкая фраза может все испортить. Или не все и есть еще шанс?.. Если в ближайшие пять секунд Костас не укажет ей на дверь, она постарается быть паинькой и больше не лажаться.

– ...Вот как? – Костас приподнимает бровь. – Забавно. Что, терпеть не можете собеседования?

– Ненавижу, – честно признается Дарлинг. – Всегда их проваливаю.

– Тогда считайте, что мы разговариваем как друзья.

– Это проблематично, но я постараюсь.

– Обязанности несложные, но круг их достаточно широк. Бронирование гостиниц, бронирование билетов, деловая переписка, подготовка встреч. Мой распорядок полностью ляжет на ваши плечи, и проколов быть не должно. Вы будете сопровождать меня в поездках, так что готовьтесь к частым командировкам. Что еще?

– Вы не спросили, страдаю ли я аэрофобией.

– Да, действительно. Летать придется много. В основном – летать. Надеюсь, с этим у вас все в порядке?

– С этим – да.

– Заграничный паспорт?

– Да.

– Отлично. В ближайшую неделю вам сделают Шенген...

– Шенген? – снова не выдерживает Дарлинг и закатывает глаза. – Не спятить бы!

– Приступить к работе можете уже сегодня. Через полчаса подъедет Ольга, мой бывший помощник. Она любезно согласилась ввести вас в курс дела. Гардероб тоже придется менять согласно дресс-коду. Ольга вас проконсультирует. Если возникнут вопросы...

– Уже.

– Слушаю.

– Вот эти картины... Мне бы хотелось знать имя художника.

– Увлекаетесь живописью?

– Нет. Но эта мне как раз нравится.

– Это Саорин, испанец. И мне он тоже нравится.

Дарлинг не сильна в определении стилей. Первое, что приходит на ум, – фотографический гиперреализм. На всех четырех картинах, развешанных по кабинету, нет людей. Только вещи. Отжившие свой

век, навсегда забытые и брошенные умирать. В отличие от быстроразалагающейся плоти – человеческой, животной, растительной – плоть вещей так легко сдаваться не намерена. Она изо всех сил хранит иллюзию жизни. Возможности жизни, проглядывающей сквозь паутину и пыль. Мотоцикл без заднего колеса; аптечные пузырьки в навесном шкафчике без дверцы; банки с высохшей краской, стопки писем и старых газет, Дарлинг снова думает о Джин. С ней мог бы случиться мотоцикл, еще хранящий элегантность линий, с ней могли случиться письма; а в одной из пожелтевших, истрепанных газет наверняка отыскалось бы хоть одно упоминание о ней.

– Наверное, его еще можно отреставрировать. Мотоцикл, нет? Снять ржавчину, покрасить заново. Поставить колесо. Я бы так и сделала.

– А я бы оставил все как есть. Так лучше, поверьте.

– Как называется эта картина? С мотоциклом?

– «Иллюзии Хесуса Галиано».

– А кто такой Хесус Галиано?

– Не знаю. Может быть – вы. Может быть – я.

Лишенная всяческого чувства субординации, Дарлинг с удовольствием поболтала бы с Костасом об иллюзиях. Иллюзия, что все еще можно исправить, так же далека от истины, как иллюзия, что ничего исправить невозможно в принципе. Истина, как обычно, лежит где-то посередине. Время от времени принимая ту или иную сторону.

В зависимости от момента.

А вот строить иллюзии насчет Костаса и вовсе не следует. Это стало ясно из знакомства с Ольгой, оказавшейся симпатичной и дружелюбной девахой лет тридцати. К тому же глубоко беременной. Огромный живот, к которому она время от времени прикладывала руку, вовсе не мешал ей в течение нескольких часов посвящать Дарлинг в тонкости будущей работы. А в самом финале Дарлинг была вручена тоненькая тетрадь, значение которой она смогла по достоинству оценить гораздо позже. На двенадцати страницах в школьную клетку было собрано все, что касалось привычек и пристрастий Костаса. С таблицами, диаграммами и примечаниями, выделенными красным. Дарлинг была так потрясена царским подарком, что немедленно пригласила Ольгу на кофе.

К кофе Ольга заказала бутылку шампанского.

– А малышу не повредит? – осторожно поинтересовалась Дарлинг.

– Малышке. У нас будет девочка. Вот она, кстати, и требует этого проклятого поила. А я его терпеть не могу. У меня вообще от него изжога, но что поделаешь. Все лучшее – детям.

Дарлинг приуныла было, готовясь к артиллерийской канонаде из ахов, охов, присюсюкиваний и пришепетываний, но умница Ольга тотчас же свернула детскую тему:

– Тебе, я думаю, неинтересен весь этот предродовой бред. Тебя интересуется Костас, так?

– Наверное, ему было жаль потерять такого человека, как ты... – Никогда еще Дарлинг не была так искренна в признании заслуг другого человека.

– Сожаление – слово не из его репертуара. Думаю, что даже досады он не испытывал. Костас не затрачивается на подобные пустяки, просто направляет силы на поиски оптимального варианта решения проблемы. Видимо, ты показалась ему оптимальным вариантом.

– Скажем, у меня были рекомендации.

– Рекомендации для него ничто. Рекомендации он может принять к сведению, но выводы сделает сам. Иногда – самые неожиданные. Он хороший психолог. И хороший физиономист. Это неудивительно для людей его уровня. Удивительно, что при прочих равных он выберет человека... Как бы это поточнее выразиться... Человека-воспоминание.

– Не поняла.

– Ну вот... Так я и знала. – Ольга закусила губу и побарабанила пальцами по краю стола. – Сейчас попытаюсь объяснить. Он отдаст предпочтение человеку, который в состоянии напомнить ему что-то из прошлой жизни.

– Другого человека?

– Не думаю. То есть это, конечно, может быть и человек. Прикинемся блондинками и решим, что это может быть женщина, которую он любил. Хотя мне кажется, что такой вариант исключен, Костас не сентиментален и живет сегодняшним днем. Но есть вещи, которые он может с удовольствием вспоминать. У каждого есть такие вещи. Моменты, когда он был счастлив, или что там понимается под

счастьем?.. Так вот, если ты войдешь в этот счастливый пейзаж из прошлого без проблем и хорошо в него вступишь... Впрочем, ты, видимо, уже вписалась.

Невозможно представить себя в пейзаже жизни Костаса. Разложить его на составляющие еще труднее, чем вынуть астролябии и секстанты из-под циферблата часов «Улисс Нардин»: просто потому, что и секстанты, и астролябии в них ненастоящие.

Иллюзия Хесуса Галиано.

Джин – не иллюзия. Вчера, в «Ноа», когда Дарлинг упомянула Джин и Костас откликнулся, – ей на секунду показалось, что они понимают друг друга. Говорят на одном языке, малопонятном для непосвященных. Но таких языков может быть тысячи, для каждого свой, а пейзажей – еще больше. И пейзаж с Джин не назовешь счастливым. Или ключевым словом, доминантой ландшафта было не «Джин», а – «спасти»?..

– А как в его пейзаж вписалась ты?

– Как фрик, – рассмеялась Ольга. – История трехлетней давности, но я иногда ее вспоминаю. Я была фриком с синими волосами и амбициями начинающего писателя.

– Значит, ты пишешь?

– Нет. Теперь нет. Сначала я рассталась с синим цветом волос, а потом уже и с амбициями.

– Надеюсь, это временно. Мне кажется, ты бы смогла... Определенно. Ты интересный человек и...

– Не напрягайся, – остановила Дарлинг Ольга. – Ты ведь и понятия не имеешь, какой я человек. И если уж так хочешь мне понравиться, чтобы получить лишний гигабайт информации о Костасе...

– Мне бы хватило и пары мегабайт.

– Тогда тем более не напрягайся. Ты мне нравишься по определению, потому что он выбрал именно тебя. Значит, было за что. Хотя ты совсем не фрик.

– И даже не начинающий писатель, – подтвердила Дарлинг.

– Я отношусь к Костасу с симпатией... Черт возьми, я люблю Костаса! Как босс он идеален, как собеседник бывает очень интересным, если не занят работой и может позволить себе полчаса на расслабон. Но такое случается редко. Он показался тебе симпатичным

человеком, с которым можно построить симпатичные отношения? По-человечески доверительные и все такое?

– Ну... в общем, да.

– Забудь об этом. Он никогда не посягнет на твое личное пространство и потребует того же от тебя. Как показывает опыт – ты не будешь знать о нем больше, чем узнала в первую встречу. Ты можешь строить уйму версий относительно его жизни, но он и пальцем не пошевелит, чтобы подтвердить хотя бы одну. Или опровергнуть. И у него нет слабостей. Нет ничего, к чему бы он был искренне привязан.

– Так не бывает.

– Бывает.

– А семья?

– Пустой звук. – Ольга залпом осушила бокал шампанского и тут же наполнила его снова. – Я даже не знаю, был ли он когда-нибудь женат, но романов в последние три года у него не было точно.

– Ты как будто сожалешь.

– Только о том, что мне не удалось увидеть его чем-то взволнованным. Выбитым из привычной колеи, хоть ненадолго. Уж не знаю, какой должна быть женщина, чтобы задеть его.

– Возможно, женщиной из прошлого, нет?

– Возможно, но это всего лишь твоя версия...

– ...которую никто не подтвердит и никто не опровергнет. Я уяснила.

– Отлично. Он любит азиатскую кухню и останавливаться в одних и тех же номерах одних и тех же отелей. Список отелей я тебе передала... Он любит летать самолетами одних и тех же авиакомпаний, они тоже есть в списке. Столик, который ты зарезервируешь ему в ресторане, обязательно должен быть в глубине зала – так, чтобы имелся полный обзор. Архитектура и достопримечательности его не интересуют, зато интересуют антикварные лавки.

– Он коллекционер?

– Я не знаю. На моей памяти он не сделал ни одной покупки, хотя мы посетили не меньше сотни подобных заведений.

– И что же вы там делали?

– Понятия не имею. Видимо, рассматривали ассортимент. Каждый день он заучивает по одному слову из разных языков.

– Зачем?

– Опять же – не имею понятия. В этом заучивании нет никакой системы. Я, во всяком случае, ее не обнаружила. Раз в год он исчезает на несколько дней. Куда – я не знаю. Во всяком случае, в этот период времени он обходился без меня.

– И когда... ждать его исчезновения?

– Особенно ждать не советую. Все равно это происходит неожиданно, без всякой привязки к сезону. Звонить ему в этот период не нужно, да и без толку. Он отключает телефоны. Во всем остальном Костас довольно предсказуем. Сигары H. Urmann он выкуривает с коньяком «Шабасс», и ни с каким другим. Сигары Punch идут в комплекте с коньяком «Камю Кюве». «Шабасс» с «Упманном» – не самый хороший знак, это означает, что в делах наметилась запендя и у Костаса пока нет решения проблемы.

– А «Камю»?

– «Камю» с «Панчем», запомни! Это символ победы над трудностями. Когда увидишь «Камю Кюве» поблизости от Костаса, пыхающего сигарой, знай – он в хорошем расположении духа. И можно подкатить к нему с животрепещущим вопросом повышения зарплаты.

– Срабатывает?

– Нет. Но попытка не пытка. У меня не получилось – вдруг у тебя получится? Дальше... Если вы летите одним рейсом, не рассчитывай на место рядом. Костас всегда оттягивается в бизнес-классе, а ты, соответственно, будешь прозябать в экономе. За исключением полетов на частных самолетах.

– Такое тоже бывало?

– Пару раз. Ничего сверхвыдающегося.

Отпив еще пару глотков шампанского, Ольга потянулась к сумке, вынула из нее связку ключей и положила на стол перед Дарлинг.

– Это ключи от его квартиры.

Ничего особенного в ключах не было: один длинный, ригельный, один от английского замка, еще один с двумя бородками и совсем крошечный – видимо, от почтового ящика.

– Ключи? Зачем мне ключи от его квартиры? Надеюсь, это не...

– Ну-ну, не стоит обольщаться. И ты невнимательно слушала. – Ольга насмешливо улыбнулась. – Костас не заводит романов, и его дом вовсе не похож на гнездышко для романтических встреч. Просто иногда он настолько занят, что приезжает в аэропорт непосредственно к регистрации на рейс. Твоя задача – собрать ему тревожный чемоданчик. В тетради есть список необходимых вещей и предметов. Он совсем небольшой, его можно запомнить с одного прочтения. Твоя задача – вовремя метнуться к нему домой и упаковать все нужное. В дорожный саквояж – он стоит в гардеробной, справа от двери, вторая полка снизу. Длинный ключ – от нижнего замка. Тот, что покороче, – от верхнего. Маленький ключ от почты, тебе он вряд ли понадобится...

– А этот? С бородками? – спросила Дарлинг, подбросив на руке неожиданно тяжелую связку.

– Этот? Хороший вопрос. Возможно, это ключ от его души. Костаса, я имею в виду.

– Романтично...

– Бесперспективно, так будет точнее. Замка к нему я не нашла. И двери к замку тоже. Я даже не уверена, что она существует.

– Ты сожалеешь?

– О том, что ее не существует?

– О том, что ты ее не нашла.

Было бы совсем неплохо подружиться с темноглазой умницей Ольгой, но тогда бы пришлось постоянно разговаривать. Искать двойные и тройные смыслы в самых простых и незамысловатых фразах. Чувствовать себя второстепенной героиней ненаписанной книги, потому что главной всегда будет Ольга. Интересно, сколько френдов в ее ЖЖ? Наверняка на несколько порядков больше, чем у Дарлинг.

– Я была влюблена в Костаса ровно три дня. Потом это прошло. Любовь – это узнавание многих вещей про себя самого. А с Костасом ты не узнаешь ничего нового.

– Странно. Я всегда думала, что смысл как раз в узнавании другого человека.

– Честно? Я бы ничего не хотела знать о нем. Ничего личного. Ничего, что выходит за рамки отношений начальник – подчиненный. Вдруг он окажется Синей Бородой?

Еще пять (пятнадцать) френдов в гипотетический ЖЖ начинающего писателя: тезис о Синей Бороде всегда вызывает нездоровый ажиотаж.

– Ну... К Синей Бороде все-таки прилагается дверь, нет?

Ольга посмотрела на Дарлинг, Дарлинг посмотрела на Ольгу – и обе рассмеялись, совершенно синхронно.

– Тебе не кажется, что мы похожи на двух дур? – сквозь смех спросила Ольга.

– Точно. На двух напыщенных идиоток, – сквозь смех подтвердила Дарлинг.

– Давай прикинемся блондинками, что ли?

– Хотела предложить тебе то же самое.

– Без дураков – у тебя наступают хорошие времена. Не жизнь, а картинки в калейдоскопе, каждый раз разные. Через пару месяцев ты взвоешь, через полгода втянешься. Через год тебе захочется повеситься от кочевой жизни, но все это можно пережить. Главное, проснувшись утром, побыстрее вспомнить, в какой ты стране и на каком континенте. Это получается не всегда.

– Н-да... Ну а положительные моменты во всем этом кошмаре имеются?

– Один. Но он все искупает. Ты увидишь мир!..

* * *

...Все получается именно так, как предсказывала Ольга.

До встречи с Костасом в послужном списке Дарлинг числились Турция с Коко, двухнедельный пляжный отдых в Египте с Леркой и мамой (ненавистница Египта Лерка права голоса тогда не имела в силу малолетства), одиночный заплыв в испанский Аликанте и несколько демисезонных приграничных Финляндий. И Прага на католическое Рождество с бывшим одноклассником Сережей Палочкиным, безответно влюбленным в Дарлинг со школьных времен. Дарлинг согласилась на Прагу исключительно из-за того, что Коко, уже побывавшая там, все уши прожужжала ей, *какая это сказка, а не город*. В Праге все пошло не так, как ожидали оба: Сережа провел пять тоскливых дней в обществе конченной динамистки, Дарлинг провела

пять тоскливых дней в обществе сексуально озабоченного урода, и оба остались крайне недовольными друг другом. Не получивший желаемого Сережа слился в канун Рождества уже православного, оставив Дарлинг наедине с зубодробительной истиной: терпение иссякает и у безответной любви, и лучше бы до этого не доводить. Иначе, случайно забредя на интернет-страницу своего бывшего воздыхателя, прочтешь о себе столько гадостей, что мало не покажется.

Ах да, еще было побережье Хорватии, где Дарлинг умудрилась наступить на морского ежа, и глубокий порез на ступне давал о себе знать еще месяц после возвращения.

Турция, Коста-Брава, Финляндии, сексуально озабоченная Прага и морской еж находились друг от друга на весьма почтительном расстоянии, а с Костасом... С Костасом время и пространство ужались до размеров несерьезного летнего топики, где (в качестве аппликации) напоздали друг на друга Андорра, Германия, Туманный Альбион, остров Корсика; Гибралтар и Куала-Лумпур, Мехико и Токио, идущие в одной связке (такие варианты перемещений в пространстве, без залета в родные пенаты на *помыться-побриться-переодеться* тоже существуют). А в швейцарском Берне Дарлинг успела побывать целых три раза – и это всего лишь за первые месяцы работы!..

– Вы международный человек-загадка, – сказала однажды Дарлинг Костасу, когда они ожидали посадки на очередной рейс.

– Все проще, чем вы думаете, – ответил Костас. – Я всего лишь оказываю консультационные услуги в финансовой сфере, а такие услуги нужны всегда. И везде.

– Я тоже оказывала услуги... правда, это были совсем не мировые финансы. Но мои услуги тоже были нужны всегда. И везде. Хотя и оплачивались они не в пример хуже.

– Вся разница в масштабе, Дарья. И потом... Открою вам большой секрет – я хороший переговорщик. А они – на вес золота.

– По биржевому курсу?

– По его ментальной стоимости.

Масштаб Костаса пока еще труднопредставим, а ведь последние полгода Дарлинг видит его гораздо чаще, чем кого-либо в своей жизни. Она видит его почти каждый день, за исключением редких выходных. И тех случаев, когда он отправляется в полет один, такое тоже бывает.

Для этих краткосрочных отлучек (они длятся не больше шести-восьми часов) нет необходимости бронировать гостиницы и согласовывать графики встреч с принимающей стороной; единственное, что требуется от Дарлинг, – постоянно быть на связи.

За полгода у Дарлинг скопилась целая стопка визиток, от которых ее меркантильная сестра Лерка надолго впала бы в ступор. Или даже в травматический шок: сплошь директора компаний, главы концернов и прочих вялотекущий топ-менеджмент. Из соображений личной безопасности Дарлинг ничего не рассказывает Лерке о своей новой работе и новом работодателе – иначе бы та просто задушила ее вопросами относительно Костаса. Вытянула бы все, что Дарлинг успела узнать о нем, и это в лучшем случае. В худшем – уже через день она была бы в ненавистном Питере. Села бы на хвост Дарлинг с требованием тотчас же познакомить ее с беспривязным богатеньким буратино. Не нужно большого воображения, чтобы представить себе поведение Лерки при таком знакомстве; и, представляя это, Дарлинг загодя сгорает от стыда и неловкости за сестру. Дешевый флирт с мелодраматическими эффектами и сочинская напористость, помноженная на умопомрачительное мини... Нет уж, лучше не доводить до греха!.. И Лерка ведь совсем не такая: в своем естественном состоянии, без оглядки на мечту захомутать олигарха, она вполне вменяемый человек, неглупый и добрый, с чувством юмора, отработанным на миллионе бесперспективных воздыхателей. Отважный дайвер, отважный альпинист и просто лучшая сестра, какую только можно пожелать. А быть свидетелем превращения отважного дайвера в тупорылую охотницу за чужими миллионами Дарлинг вовсе не улыбается.

Лучше уж молчать в тряпочку.

Но молчать и поддерживать образ великомученицы из нотариальной конторы становится все труднее. Еще и потому, что скайповая пятница может прийтись на другой часовой пояс, другую часть света или авиаперелет – и тогда сеанс связи обязательно сорвется. А этого страшно не любят ни мама, ни Лерка, воспитанные в духе традиционного папочкиного: «родные люди всегда должны быть в поле зрения друг друга, они единственная ценность, которая у нас есть». К тому же Лерка вдруг начинает проявлять чудеса наблюдательности.

– Что-то тебя не видно в Инете, – в последний раз заявила она. – Раньше не вытащить было, а сейчас вообще не появляешься...

– Ну почему же... Появляюсь.

– Вчера сунула нос в твой журнал. Тебя там полгода не было! С чего бы это?

– Ну... нет настроения писать, вот и все.

– А раньше писала вне зависимости от настроения.

– А сейчас надоело.

– Ну-ну...

– И дел по горло. На работе завал.

– Завал в твоём клоповнике? Не смейся. Мама на днях ходила к нотариусу, одну несчастную бумажку заверить. Так они там еле руками шевелят.

– Так то Сочи. А это Питер. Две большие разницы.

– А по-моему, так никакой разницы нет. Везде одни и те же толстожопые канцелярские крысы.

– Спасибо! Я тоже тебя люблю.

– Я не о тебе. – Сестринское чувство все же не чуждо Лерке. – Я в принципе. А как там поживает твой инет-хмырь?

«Неплохо было бы рассказать об этом Паоло», когда она подумала так? Неделю назад, может быть, две. К чему относилось «неплохо»? К какой-то сценке с уличными музыкантами из Берна? Или это была толпа забавных ортодоксальных евреев, оккупировавших зал выдачи багажа? Только где – в Лондоне или во Франкфурте-на-Майне? При желании можно восстановить в памяти аэропорт. А заодно – и побудительный мотив мысли о Паоло. Но дело совсем не в мотиве: она думает о летчике-камикадзе все реже и реже. Разве что – о куполе рейсена, призванном сохранить папочку от всех превратностей судьбы где-то там, в Мировом океане. Паоло тоже не проявляет себя, ни единой реплики за все время, ни одного «беспокоюсь молчанием»; еще полгода назад Дарлинг посчитала бы такую ситуацию трагичной, но сейчас она чувствует только облегчение.

– Нормально поживает.

– Да? Его тоже не видно. Забурились в личную переписку? По аськам шляетесь?

– Именно. А как поживает твой сырьевой олигарх?

– Жду со дня на день. На белом коне, с аксельбантами и розой в петлице, – хохочет Лерка по ту сторону монитора. – Нет, ты все-таки странно себя ведешь. Забыла про день рождения тети Нади, не поздравила даже. Она обиделась, между прочим.

Вот проклятье! У старшей маминой сестры было ДЭРэ, неделю назад, когда они с Костасом летали как раз во Франкфурт. Обычно Дарлинг отмечалась телефонным звонком, а тут прошляпила, чего отродясь не бывало. В отличие от отвязной Лерки, Дарлинг – эталон внимательности и предупредительности, и заставить ее изменить многолетнюю линию поведения может лишь форс-мажор...

Костас и есть форс-мажор.

– Они теперь только это и обсуждают, мама с теткой. Как ты лажанулась. Думают, что у тебя там что-то происходит.

– Ничего у меня не происходит.

– Мама вот даже всплакнула вчера.

– С чего бы это?

– Переживает, вот с чего. Думает, а вдруг у тебя там какое-то крушение... Жизненное. Мало ли... Говорит, что тебе нужно переезжать в Сочи, чтобы под присмотром...

– Идиотизм.

– Конечно. А тетка грешит на здоровье. Мол, у тебя с ним не все в порядке...

– В каком месте?

– Ну ты же знаешь, что Надин во всем видит происки глистов и неоперабельного рака...

– Неоперабельная глупость еще хуже. Так ей и передай.

– Сама передашь. Заодно и с ДЭРэ поздравишь. Лучше позже, чем никогда.

– Лучше никогда, чем бред выслушивать.

– Нет... Ну я тоже думаю, что у тебя там что-то происходит. Ты и выглядеть стала по-другому...

– Ничего не по-другому. Это скайп искажает мой привычный облик.

– А раньше, представь себе, не искажал. Вот сдам сессию и прикачу в ваше сраное болото...

Только этого не хватало! Последний раз Лерка неосмотрительно заглянула в Питер позапрошлой зимой и нарвалась на крещенские

морозы, снежные завалы и беспросветную темень, после чего торжественно поклялась, что живьем видит этот злосчастный город в последний раз. И отныне для проявления сестринской любви будут использоваться совсем другие поляны, например, та же Красная, где бывали и президент, и премьер-министр, *вэлкам Сочи, Питер – досвидос!* И вот пожалуйста... Должно быть, у застигнутой врасплох Дарлинг было не очень счастливое выражение лица, и Лерка сразу насторожилась:

– Ты как будто бы не рада, что я приеду, а?

– Почему... Я рада.

– Ни капельки. Мне и самой не улыбается переть в вашу дерьмовую прорубь, но... Надо же с ним наконец познакомиться.

– С кем?

– С твоим парнем. У тебя кто-то появился, и это серьезно. Печенкой чую, а она меня никогда не подводила. Я же твоя сестра, и меня не проведешь. Кто он?

– Никто.

– Ну это понятно. Исходя из твоих дурацких вкусов, социальный статус у него ниже плинтуса. А такие меня не интересуют, ты же знаешь. Так что не бойся, я его не отобью.

– Я и не боюсь.

– Ну он хоть симпатичный? – На фарфоровом, ничем не замутненном личике Лерки отразилась титаническая работа мысли. – О, я поняла! Твой безумный интернетчик наконец материализовался! Нет?

Спорить с Леркой бесполезно, лучше уж сразу принять ее реальность и постараться ей соответствовать.

– Сдавай свою сессию, а там посмотрим.

– Очень бы хотелось... Посмотреть.

После недолгих раздумий Дарлинг решила не отговаривать сестру: получив вежливый отказ, та припрется из принципа. Ничто так не выводит ее из себя и не побуждает к действию, как твердое «нет». Лучше уж спустить все на тормозах и вообще забыть обо всех Леркиных измышлениях относительно перемен в ее жизни.

Перемены слишком глобальны, чтобы обсуждать их с кем-либо.

Их можно было бы обсудить с Ольгой и получить пару изумительных по глубине, хотя и совершенно бесполезных советов. Но

тот разговор в кафе оказался единственным, больше они не встречались, даром что обменялись телефонами и адресами электронной почты. Наверняка Ольга уже родила прелестную девочку, возится с ней сутками напролет и думать забыла не только о Дарлинг, но и о Костасе, в которого была влюблена ровно три дня.

Сама Дарлинг не была влюблена в Костаса ни секунды, даже нелепому курсантику с перегона «Петроградская» – «Черная речка» повезло гораздо больше, чем финансовому консультанту всех времен и народов. Девлюбленность Дарлинг удивляет ее саму, ведь в Костасе есть то, что она всегда тщетно искала в мужчинах:

ощущение тайны.

Конечно же, это не тайна Синей Бороды. Достаточно было один раз побывать в его доме, чтобы убедиться в этом. Случай представился примерно через месяц после начала работы, и Дарлинг с некоторым трепетом открыла дверь большой квартиры на Канале Грибоедова: сейчас она увидит ту часть жизни Костаса, которая до сих пор была скрыта от нее.

На изучение обстановки у нее ушло не более минуты, просто потому, что изучать было особо нечего. Стандартный набор бытовой техники, стандартный набор кожаной мебели, плазменный телевизор на стене, дизайнерский стеклянный стол и такие же стулья. Были еще обитый кожей комод в колониальном стиле и небольшое старинное бюро в углу. Комод и бюро слегка диссонировали с общим хайтечным пафосом, но совсем не утепляли сюжет квартиры. На девственно-чистых поверхностях не было ни пылинки, на них вообще ничего не было: ни тебе безделушек в виде дорогого пресс-папье, каминных часов со сценами охоты или сигаретницы. Ни тебе самурайского мечакатаны на подставке, ни тебе коллекции ножей, ни тебе коллекции вин – ничего, что могло бы выдать пристрастия хозяина, тайные или явные. Впрочем, Дарлинг и понятия не имела о мире мужских привязанностей и удовольствий, но точно могла сказать, чего не хватает ей как женщине: фотографий и милых экзотических вещиц, привезенных с разных концов света. Как женщине, не чуждой интеллекта, Дарлинг не хватило таких же интеллектуальных штрихов: в квартире отсутствовал не то что книжный шкаф – полка с книгами. Одного отдельно взятого тома чего угодно – пусть и английского

разговорника для обслуживающего персонала пассажирских судов – тоже не наблюдалось.

Зато был Саорин.

Не четыре полотна, как в рабочем кабинете Костаса, – три. Два в гостиной и одно в спальне, напротив кровати. На всех трех картинах по-прежнему умирали вещи, пусть и не так эффектно, как мотоцикл-иллюзия Хесуса Галиано. И все же во всех этих пыльных бутылках, ржавых банках, обрывках ткани и старых расползшихся башмаках жизни было больше, чем в стерильном быту Костаса.

Да и существовал ли он, этот быт?

Дарлинг почему-то не могла отделаться от ощущения, что квартира обманывает ее, только прикидываясь человеческим жилищем. На самом же деле это всего лишь фантом, плохая декорация... Или, наоборот, слишком хорошая декорация, в которой можно сыграть все что угодно. Просто Костас еще не решил, что именно ему играть.

И для кого.

Побродив по пустому гулкому дому, она наконец нашла подтверждение того, что здесь все-таки живут: туалетные принадлежности, махровый халат и слегка влажное полотенце в ванной, аккуратная стопка *Financial Times* на полу в туалете; запас коньяка и сигар. Коньяком была заставлена нижняя полка сервировочного столика, стоящего на кухне: три бутылки *Samus Cuvee* против одной *Chabasse X. O.* (соотношение один к трем выдавало в Костасе оптимиста и везунчика). Сигарных коробок оказалось две, но победительных сигар *Punch* было выкурено на порядок больше, чем упадочных *H. Urmann*.

Сунув нос в бюро, оказавшееся незапертым, Дарлинг обнаружила там несколько совершенно одинаковых толстых блокнотов, от начала до конца испещренных столбцами цифр. И лишь в одном не оказалось ни одной цифры, зато фигурировали города, самые разные – от Мадрида до Каракаса и Токио. Некоторые из них были зачеркнуты, против других стояли жирные вопросительные знаки.

Закончив инспекцию, не приблизившую ее к пониманию Костаса ни на сантиметр, Дарлинг переместилась к непосредственной цели своего визита – гардеробной, из которой нужно было изъять дорожный саквояж.

Саквояж был не тяжелым, но оставлял чувство приятной для путешественника наполненности. А когда Дарлинг (проклиная себя за излишнее любопытство) попыталась щелкнуть замками – не тут-то было!

Замки не поддались, оставив Дарлинг в неведении, что же там скрывается внутри. Наверное, ничего такого, что могло бы заинтересовать таможеню, решила она про себя: все в рамках правил прохода через зеленый коридор. А ее-то как раз интересовало то, что выходит за рамки!.. Оставив в покое саквояж (не взламывать же его, в самом деле), Дарлинг переключилась на изучение гардеробной. Во встроенных шкафах висело около десятка деловых костюмов; несколько десятков рубаш, отличающихся друг от друга лишь расцветкой – в гамме от бледно-песочного до василькового. Еще несколько костюмов подходило под определение «яхтенные», еще несколько – «костюмы для гольфа». К костюмам для гольфа прилагались светлые и легкие кожаные мокасины, к яхтенным – такие же легкие и кожаные, но темные. Были еще образцово-показательные кепки-капитанки с якорями и названиями неведомых Дарлинг яхт-клубов. И чистенькие, ни разу не надеванные бейсболки. Вся обувь – от мокасин и кроссовок до дорогих туфель из крокодиловой кожи – тоже производила впечатление только что принесенной из магазина. Ни единого скола на идеально чистых подошвах, ни единой потертости, ни одной царапины.

Вместо того чтобы стать объемным, образ Костаса переместился в плоскость. Теперь он казался Дарлинг не живым человеком, а картинкой из life-style журнала. Фигурой, которая никогда не отбрасывает даже тени. В той жизни, которую проповедовали туфли и костюмы из гардеробной, ровным счетом ничего не происходило. Ни один парус не был поднят, ни один мяч не попал в лунку.

Но ведь дело обстоит совсем не так!

В той жизни Костаса, к которой Дарлинг имеет самое непосредственное отношение, события и страны сменяют друг друга постоянно; она ни секунды не стоит на месте, она пребывает в постоянном движении. И это движение со временем только убыстряется.

Наверное, вся его прошлая жизнь в какой-то момент сошла с дистанции, не выдержав бешеного ритма, предложенного Костасом. А

сохранить при себе ее материальные свидетельства он не посчитал нужным, бедный, бедный Костас!..

В самом минорном расположении духа Дарлинг покидает квартиру: теперь ей жаль Костаса и хочется сделать для него что-нибудь приятное, выходящее за рамки профессиональных обязанностей. Будь он ребенком, она повела бы его в цирк. Будь он подростком, она купила бы ему самый навороченный смартфон, но ужас состоит в том, что Костаса невозможно представить ни ребенком, ни подростком. Ни даже юношей, мечтающим о мотоцикле «Харлей-Дэвидсон». Он – только то, что есть сейчас: импозантный мужчина средних лет, человек мира, светлая голова.

Конечно же, Дарлинг так ничего и не придумала насчет «сделать приятное», а через два с половиной часа они уже летели в Берлин: босс, как и положено, – в бизнес-классе, а его личный помощник – в экономе.

Ее никогда не напрягали перелеты, какими бы длинными они ни были, совсем напротив: Дарлинг считала их отличным поводом, чтобы упорядочить мысли. К чему бы они ни относились. С упорядочиванием дело обстояло не слишком гладко – и все потому, что ни одна мысль Дарлинг относительно того или иного человека, события или явления не была конечной. Обязательно вылезали другие, наматываясь друг на друга; вот и получался огромный бесформенный клубок, в котором и концов не найдешь. А если и найдешь, то это окажутся вовсе не те концы, которые нужны в данный конкретный момент.

В один из таких конкретных моментов разношерстные и скачущие, как блохи, мысли так достали Дарлинг, что она волевым усилием решила ограничить их свободу: отныне все будет разворачиваться в рамках заданной на авиаперелет темы. Костас – так Костас, глобальное потепление – так глобальное потепление. Сложные отношения между мужчиной и женщиной – значит, только они, и не стоит приплетать сюда мысли о психологии собак породы лабрадор, мысли о содержании витамина В в растениях-афродизиаках, а также – если бы она, Дарлинг, была кошкой, то кому из знаменитостей ей бы хотелось принадлежать?

Французской актрисе Анук Эме, вот кому!

Но на выходные можно навещать не слишком удачливую и абсолютно недооцененную американскую актрису Минни Драйвер. Быть же кошкой Джин... никогда! Примерять мужские шляпы специально для кошки – такое не придет в голову даже ей. Зато Дарлинг приходит в голову все что ни попадя – для этого и нужны разумные ограничения.

Тема берлинского авиаперелета звучала лаконично: *сны Дарлинг*.

В последнее время сны Дарлинг стали претерпевать качественные изменения. Во-первых, ей перестал сниться папочка, хотя обычно он фигурировал едва ли не в каждом сне. Обычно папочка проплывал мимо разворачивающихся во сне событий на своем огромном сухогрузе. Если случался кошмар, то сухогруз папочки выглядел самым настоящим «Летучим голландцем» с закопченными бортами и полусгнившим такелажем. Если сон был симпатичным, то и папочкин сухогруз старался соответствовать: белоснежный корпус, гирлянды флажков от носа до кормы и трубы, выкрашенные в цвета национального флага РФ (иногда это была Шри-Ланка, иногда – Антигуа). Но папочка, вне зависимости от жанра сновидений и флага, под которым шел, оставался улыбчивым и доброжелательным, как и положено моряку старой, еще советской закалки. Он будто бы посылал Дарлинг сигнал: *все в порядке, Дашура, ничего не бойся, это всего лишь сон, и я с тобой*.

Теперь же папочка исчез вместе со своим кораблем и улыбкой. Как исчезли все остальные персонажи, густо населявшие сны Дарлинг: знакомые, полужнакомые и вовсе не знакомые ей люди, странные (в основном вьющиеся) растения, диковинные животные.

Теперь ей снились какие-то многоэтажные, растянувшиеся на километры математические формулы, что было совсем уж дичью: по алгебре у Дарлинг всегда была тройка, не трансформировавшаяся в двойку только благодаря усилиям верного Палочкина. Первым, что Дарлинг выкинула из головы после окончания школы, оказалась алгебра, а заодно ее постылые сводные сестрицы – физика с химией. И не было никаких предпосылок к тому, что они вернуться снова. И вот пожалуйста – вернулись, да еще не одни. В любой формуле из нынешних снов Дарлинг всякий раз спрятана какая-нибудь вещьца, иногда совершенно незначительная, будь то почтовая марка (она в

жизни не собирала почтовых марок), кольцо (она в жизни не носила колец) или пуговица.

Бывают и вещи покрупнее, самая примечательная из них – кот. Вернее, котов два, оба похожи друг на друга, как близнецы, и оба ненастоящие. Они сделаны из железа, и это очень качественная и очень красивая работа, а никакой не ширпотреб. Коты в отличие от единовременных пуговиц и даже кольца являлись Дарлинг несколько раз, заслоняя вытянутыми хвостами какие-то буквенные элементы формул. И именно после этих безобидных кошачьих маневров она просыпалась в холодном поту и еще долго лежала в постели, не в силах пошевелиться и унять сердцебиение. Ни один прошлый кошмар не шел ни в какое сравнение с этим новым кошачьим кошмаром Дарлинг.

Так что, устроившись поудобнее в самолетном кресле и прикрыв глаза, она принялась размышлять о двух хвостатых железных братцах из сна. Очевидно, подсознание шлет ей какие-то импульсы, которые она пока еще не в силах считать. Очевидно, подсознание пытается предупредить ее о возможной опасности – вот только какой? Ей нужно держаться подальше от котов? От всех котов, включая самых обычных, живых, а не только железных? Еще можно рассмотреть котов как предмет культа, как статуэтки из сумрачных курганов и гробниц, – означает ли это, что Дарлинг стоит опасаться культовых сооружений? Или ей нужно избегать людей, чьи имена и фамилии так или иначе связаны с котами? Тогда под нож пойдут все Котовы, Котеночкины, Котковы и Кисины. Женщин и девушек с именем Екатерина тоже придется послать подальше и никогда не иметь их в друзьях: усеченная Екатерина – это Кэт, и хорошо, что Лерку зовут Леркой, а маму – Люсей, а Коко всегда была Светланой Сергеевной. Фамилия Костаса – Цабропулос, ничего кошачьего на первый взгляд. На русский взгляд. Но как будет «кот» по-гречески, Дарлинг и понятия не имеет. Надо бы выяснить и это. Далее на повестке дня – все семейство кошачьих. Тигры, львы, снежные барсы и гепарды с леопардами. Вероятность быть загрызенной львом ничтожна, но все же она существует. А вдруг ей подвернется какая-нибудь дрянь со звучной фамилией Львов?

Серийный маньяк, в свободное от своих маньяческих подвигов время работающий в охранной фирме «Барс»?

Или навороченный джип с изображением тигра (аэрография) собьет ее непосредственно на пешеходном переходе?..

Ужас нечеловеческий.

Еще более ужасна сама Дарлинг, предающаяся таким несуразным фантазиям.

Окончательно запутавшись в потоке ассоциаций а la кэт, Дарлинг переключилась на формулы: и какого только рожна ей снятся формулы и что из них следует? Самое удивительное, что формулы не вызывают у Дарлинг никакого протеста, и есть ощущение, что стоит ей лишь слегка напрячься, как она тотчас поймет их суть.

И здесь есть три возможных варианта: либо она в одной из своих прошлых жизней была математиком Гауссом, либо кто-то наверху (тот, кто отвечает за ночную сторону жизни) постоянно путается и посылает ей сны совсем другого человека. Либо...

Она идиотка.

Без присмотра Паоло, держащего ее в постоянном тонусе, в не самых крепких мозгах Дарлинг начали происходить какие-то изменения.

Еще секунда – и Дарлинг погрузилась бы в бесплодное самокопание, но рядом с ней неожиданно возник Костас. До сих пор он никогда не покидал свой бизнес-класс, чтобы взглянуть, что там поделявает Дарлинг во время полета, – быть может, потому, что места рядом с ней всегда были заняты. Но сегодня Дарлинг повезло: на строенных креслах она восседала одна.

– Не помешаю? – спросил Костас.

– Нет.

Усевшись рядом, он прикрыл глаза и скрестил руки на груди. Подумав секунду, Дарлинг сделала то же самое. Так, в полном молчании, они просидели минут десять, после чего Костас все же снизошел до диалога:

– Ну как, Дарья? Уже привыкли?

– В целом да.

– А в частности?

– Над этим я как раз работаю. Но для полноты картины мне нужно знать одну вещь...

– Какую?

– Как будет «кот» по-гречески?

– Кот?

– Ну да. Самый обыкновенный кот, не аллегорический.

– Неожиданный вопрос. – Костас в задумчивости поскреб идеально выбритый подбородок. – Не уверен, что знаю ответ, но, кажется... Гатос. Да. Гатос.

Ну вот, насчет греческого кота можно успокоиться, «гатос» и близко не тождествен «цабропулосу», но остается имя.

Имя. Как же она сразу не сообразила? Если вытащить из имени Костаса амортизирующую «с», первые три буквы будут выглядеть вполне однозначно.

– А зачем вам понадобился «кот» по-гречески?

– Ну... Иногда меня посещают всякие ерундовые мысли. Про этого кота, например. Или про ключ. Зачем носить в связке ключ, которым ничего нельзя открыть?

– Это раздражает?

– Это просто неудобно.

На земле между Костасом и Дарлинг всегда существует дистанция. Подчиненный не приближается к боссу ближе чем на полметра. Он видит босса исключительно в фас, в крайнем случае – в профиль и никогда – со спины. Расстояния в полметра достаточно, чтобы отдать саквояж, протянуть прозрачную папку с документами и посадочным талоном; с расстояния в полметра не упустишь ни одного слова из фразы «Вы международный человек-загадка». Все, абсолютно все будет услышано. Несмотря на шум от постоянно работающих мощных фильтров на границе полуметровой зоны. Фильтры работают со стороны Дарлинг: ведь это ей приходится постоянно думать, не нарушает ли она субординацию, задавая тот или иной вопрос. Высказывая то или иное мнение.

Костас, впрочем, никогда не интересовался ее мнением, а в остальном он превосходный босс, не самодур и сторонник демократии.

Теперь сторонник демократии находится от Дарлинг гораздо ближе, чем обычно. Полметра ужались до сантиметра или даже нескольких миллиметров, а местами расстояния и вовсе не существует: их предплечья соприкасаются. Неизвестно, что чувствует Костас, но Дарлинг чувствует неловкость. Легкое неудобство. И совершенно ясно, что неловкость и неудобство не разовьются ни в

волнение, ни в перебои в работе сердца, ни в ожидание чего-то романтического.

– Простите, Дарья. Каждый раз забываю его снять. Знаете что? Снимите его сами.

– И что с ним делать потом?

– Отдадите мне.

Дарлинг может повернуть эту операцию прямо сейчас: вынуть из сумочки связку, отстегнуть ключ с двумя бородками – и все, тема будет исчерпана навсегда. Но вместо этого она говорит:

– Это какой-то важный для вас ключ?

– Нет. Вы сделали то, о чем я вас просил?

Просьба, которую Костас озвучил неделю назад, касается нескольких антикварных магазинчиков в Берлине. Дарлинг должна была выудить из Интернета адреса лавок, где торгуют «аутентичными вещами». Определение выглядело слишком уж расплывчатым, совсем не в духе Костаса, и, мысленно повертев его со всех сторон, она решила уточнение:

– А аутентичные вещи – это что?

– Вам объяснить значение слова «аутентичный»?

– Я примерно понимаю, но хотелось бы конкретики. Может быть, вы ищете святой Грааль, откуда мне знать?

– Святой Грааль я не ищу.

– Копье судьбы?

– Копье судьбы давно найдено другими. А вещи, которые меня интересуют, менее масштабны. Скажем, африканское декоративно-прикладное искусство. Латиноамериканское. Мелкая скульптура. Амулеты. Предметы культа.

– Надеюсь, это не связано с вудуизмом, – фыркнула Дарлинг.

– Вы суеверны?

– Нет, но фильмы ужасов не мой жанр. Как раз потому, что там частенько толкуются вудуисты.

Костас улыбнулся, но как-то неуверенно и грустно:

– Нет, это не связано с вудуизмом.

– Если вас интересует какой-то определенный предмет, проще будет найти его в каталогах.

– Если бы его было проще найти в каталогах, я бы его давно нашел.

Со стороны все это выглядело как «принеси то, не знаю что» или как если бы Костас вообще побаивался озвучить, что конкретно ему нужно. Между африканским и латиноамериканским, даже по мнению непросвещенной Дарлинг, слишком много различий, да еще эти таинственные «предметы культа»! Что это за предметы такие и что это за культы, и не попортят ли они к чертовой матери фэншуй? Обращение к Интернету особого утешения не принесло: большинство культов африканского и латиноамериканского разлива оказались языческими, тесно связанными со смертью и окруженными частоколом из оскалившихся черепов. Чем думать об этих черепах, лучше сосредоточиться на вполне невинном декоративно-прикладном искусстве и мелкой скульптуре, способной безболезненно вписаться в любой интерьер.

Составив список из пары десятков выплывших по ссылкам адресов, Дарлинг потусовалась еще на форумах антикварной направленности, после чего из двадцати адресов осталось только три, но зато верных. Без дешевых сувенирных вкраплений и с таким заоблачным ценником, что сомнений в подлинности товара уже не оставалось.

– ...Так вы сделали?

– Да. Нашла даже местечко, где продается вполне аутентичная исповедаля конца семнадцатого века. Дуб, хорошее состояние и разбирается для транспортировки. Это можно считать предметом культа?

– Кукла – вряд ли. А еще какие варианты?

– Три адреса, которым вроде бы можно доверять. Два в районе Шарлоттенбурга...

– Отпадает, – неожиданно заявил Костас. – Я уже бывал в районе Шарлоттенбурга, и неоднократно. Ничего интересного для меня там нет.

Дарлинг была так уязвлена, что поначалу даже не нашлась что ответить. Если уж Костас так хорошо разбирается в вопросе, то мог бы и не заставлять ее выполнять лишнюю и бессмысленную работу. Интересно, со своей прежней помощницей он проделывал те же трюки?

– А третий?

– Что?

– Третий адрес.

– Даже не знаю, имеет ли смысл... Лавка на Вильгельмшавенерштрассе. Называется «Мали Ба». Кажется, это район Тиргартена. Подойдет?

– Что-то я не слышал о стоящих антикварных магазинах в районе Тиргартена...

– Поискать другие варианты?

– О'кей, – после секундного раздумья сказал Костас. – У нас будет несколько свободных часов в Берлине. Один из них мы сможем потратить на вашу «Мали Ба».

– Никакая она не моя... Просто прочла о ней несколько интересных отзывов в Интернете...

– И как?

– Феерически. Именно то, что нужно.

Это было вовсе не то, что нужно. И третьим в списке Дарлинг значился совсем другой адрес, пройдя по которому они обнаружили бы гору аутентичных вещей из Центральной и Восточной Африки, возможно даже – «штученок». Именно об этом адресе имелись самые хвалебные отзывы, а не о дурацкой «Мали Ба» на не менее дурацкой и почти не выговариваемой вслух Вильгельм-умри все живое-шавенер-крепись, Дарлинг! – штрассе-уфф. В которой наверняка нет ничего, кроме псевдовинтажных поделок *made in China*, индийского наспех сляпанного ширпотреба и отпечатанных на плохой бумаге дао-брошюр. «Мали Ба» была спонтанной мезью Дарлинг, о которой она тотчас же пожалела. Но не откатывать же все назад!

– А зачем вам там я, Костас? Я не любитель антиквариата и совсем в нем не разбираюсь...

– У вас другие планы на эти несколько часов в Берлине?

– Мы ведь после Берлина сразу же летим в Пномпень, так?

– Исходя из нашего графика – именно так.

– Хотелось бы эти два часа потратить на уточнение всех деталей камбоджийского вояжа. Заглянуть в Интернет, проверить кое-какую информацию. И еще... Прикупить пару полагающихся случаю шмоток. В этом Пномпене жара за тридцать и сезон дождей. Хочу оторвать себе резиновые сапоги, вот!

– Бросьте, Дарья. За полгода я вас хорошо изучил. Вы не из тех, кто, отправляясь в дорогу, не уточнил все мельчайшие детали. А в

резиновых сапогах вам будет жарко. Дело ведь совсем не в сапогах?

– О'кей. Вы меня поймали. Дело не в сапогах и не в Интернете. Вообще-то, хотелось бы посмотреть на знаменитого медведя Кнута из местного зоопарка. Давно об этом мечтала.

Известие о медведе озадачило Костаса.

– И насколько он знаменит?

– По популярности приравнивается к Роберту Дауни-младшему. А поскольку Дауни я, по понятным причинам, вряд ли увижу... То хотелось хотя бы медведя.

– Это сильный аргумент...

– Еще бы!

– Вот что. Возможно, я покажусь вам навязчивым, но... вынужден настаивать, чтобы мы поехали на эту... – тут Костас пощелкал пальцами.

– Вильгельмшавенерштрассе, – подсказала Дарлинг.

– Именно. Все дело как раз и состоит в том, что вы не любитель и не разбираетесь. В антиквариате, я имею в виду. Вы новичок, Дарья. А новичкам везет...

– Везет. В подкидного дурака.

– Не только. Собственно, поэтому я и попросил вас найти адреса. Выбрать те, которые вам... именно вам понравятся. Выбор может быть самым иррациональным... Спонтанным...

– Да уж, – вздохнула Дарлинг, вспоминая сумасшедшее количество проштудированных материалов.

– ...Но именно этим он и ценен. Обычно я называю это перстом судьбы.

Интересно, сколько раз в этом качестве выступала ее предшественница Ольга? И насколько опыт оказался удачным? Видимо, не очень, если (по словам Ольги) Костас так ничего и не купил.

– Не обижайтесь.

– Я не обиделась, с чего вы взяли?

– Обиделись.

– Хорошо. Я обиделась на то, что вы прокатили мое предложение с исповедальной. Так пойдет?

– Принято. Исповедальной мы займемся в следующий раз.

– А медведь?

– Если успеем – заглянем и к медведю. Или проще будет выписать для вас Роберта Дауни-младшего?

«Костас все же милый», – решила про себя Дарлинг. И вовсе не заслуживает быть обкуренным сомнительного качества благовониями. Будет правильно сказать ему, что пошутила насчет этой дурацкой лавки, не стоит тратить на нее и минуты. Есть и другие, есть другая – невыносимо аутентичная и стопроцентно африканская! С другой стороны, Костас не в первый раз в Берлине и наверняка изучил здесь все вдоль и поперек. И первыми в списке изученных как раз и окажется все невыносимое и стопроцентное. А «Мали Ба», выскочившая из Дарлинг совершенно случайно, как раз и проходит по разряду спонтанности. Ну и что, что визит будет провальным? Всегда можно спихнуть провал на то, что перст судьбы оказался кривоватым. И что в правиле «новичкам всегда везет», как ни печально, существуют исключения.

...К медведю Кнуту они так и не попали.

Зато путешествие в «Мали Ба», поначалу не обещавшее ничего хорошего, оказалось неожиданно занятым. Дарлинг потом долго пыталась соотнести их с Костасом реальность с реальностью этой странной лавчонки, но всякий раз получалось, что никаких общих точек соприкосновения нет. И при этом она не могла отделаться от удивительного ощущения, что, приди они туда по отдельности, толку было бы больше. Вдвоем они только мешали друг другу быть самими собой и увидеть то, что просто невозможно было не увидеть. Еще один плохо перевариваемый вывод состоял в том, что чертова лавка неуловимо напомнила Дарлинг бесполезный бородатый ключ со связки. Знать бы еще, какую дверь она открывает. И во что!..

Реальная же дверь «Мали Ба» навеяла на Дарлинг уныние, равно как и витрина, украшенная стеклянными шарами на подставках. Один из таких шаров подарила как-то Дарлинг напрочь лишенная вкуса Коко: в нем, в окружении отвратительного вида крабов, креветок и морских звезд, сидела не менее отвратительная Русалочка с ярко-синим хвостом и ярко-красными губами, заползающими на нос и подбородок. Товар, как водится, был склепан в Китае, причем артелью китайских слепых. Потому как объяснить, почему ни одна краска не попала в нужный контур, можно было только врожденной слепотой производителя. Стоило потрясти шар, как откуда-то сверху на

Русалочку и ее монструозное окружение начинало падать подобие снега (и откуда только снег в глубинах океана?). Дарлинг возненавидела шар сразу же и даже попыталась сбегать его хоть кому-нибудь. Но от шара отказались все, даже обычно безотказный Сережа Палочкин. После этого Русалочка со товарищи навсегда исчезла в недрах мусоропровода, а Дарлинг заработала плохо изученную фобию – боязнь стеклянных рождественских шаров.

Конечно же, шары из витрины «Мали Ба» выглядели поприятнее, но не намного. К тому же от них за версту несло пошлятиной, а еще выцветший китайский фонарик над дверью...

– Упс, – сказала Дарлинг, стоя на противоположной стороне улицы и изучая безыскусный фронтон «Мали Ба», встроенный в четырехэтажный жилой дом с островерхой крышей. – Кажется, в этот раз новичку не повезло.

– Мы еще не были внутри. – Несмотря на явный провал миссии, Костас не терял присутствия духа.

– Думаю, и заходить не стоит. Товар лицом. Я сожалею.

– А я нет. Может, рискнем, раз мы уже приехали?

– Может, медведь?

Видимо, Костас питал к медведям еще большую нелюбовь, чем Дарлинг к стеклянным шарам: шумно выпустив из ноздрей воздух, он направился к двери «Мали Ба» и скрылся за ней. При этом в глубине – тихонько и вполне предсказуемо для такого рода мест – звякнул колокольчик.

Дарлинг ничего не оставалось, как двинуться следом.

Внутренности лавчонки, насквозь прокуренные сандалом, полностью оправдали все самые худшие опасения: стойка с дисками для релакса, две стойки с эзотерической литературой, два прилавка с этнодреденью (амулеты, четки, медные кольца, шары баодзинг в плохо склеенных коробках, бусы из псевдокораллов и фальшивого жемчуга). Еще один прилавок был отведен под – как утверждала косо написанная от руки табличка – ароматерапию.

Эта самопальная табличка добила Дарлинг окончательно.

К тому же куда-то исчез Костас.

Зальчик был небольшим, и спрятаться в нем не представлялось возможным – разве что скрыться за шторой в самом дальнем углу. Но представить, что эстет Костас даже близко подойдет к этому

плюшевому темно-красному безобразию, испещренному желтыми иероглифами, у Дарлинг не получилось.

– Эй? – негромко произнесла она, на ходу соображая, на какое из приветствий могут откликнуться невидимые хозяева. – Хэлло! Хай! Гутен таг!..

Последнее, видимо, возымело действие, и за ее спиной послышался легкий шорох. Какое-то неуловимое движение. Дарлинг едва не вскрикнула и резко обернулась: перед ней стоял молодой человек невыразительной наружности, в черных джинсах, таком же черном свитере и кожаной жилетке. Попытки зафиксироваться на его лице ни к чему не привели: оно постоянно ускользало, как если бы парень в джинсах стоял за стеклянной дверью, по которой изо всех сил лупят капли дождя.

– Гутен таг! – повторила Дарлинг, с ужасом понимая, что на этом ее познания в немецком заканчиваются, а универсальное «Гитлер капут!» в данном конкретном случае и вовсе не применимо.

– Гутен таг, – ответил парень, склонив голову набок.

Промаявшись молчанием еще секунд десять, она наконец-то вспомнила о спасительном английском, черный свитер живо откликнулся, и дела пошли веселее.

– Я могу вам чем-то помочь? – поинтересовался парень.

– Мой... э-э... – тут Дарлинг поняла, что классифицировать Костаса в плоскости подметной лавчонки будет несколько затруднительно. – Мой друг зашел сюда несколько минут назад. Я его ищу.

– Вы русская?

То же, что и везде: русские распознаются безошибочно, за какими бы шмотками, макияжем и очками от Гуччи ни маскировались.

– Ну да, – пробормотала Дарлинг себе под нос. – Матрешка, Путин, вечная мерзлота. Вы меня поймали.

– Привет. – Парень широко улыбнулся.

– Водка, балалайка, очи черные. А еще у нас угрюмые физиономии. Привет. У вас есть магниты на холодильник? С видами вашего прекрасного города?

– У нас нет магнитов на холодильник. Сувенирами мы не торгуем.

– Жаль. Все, что здесь продается, можно купить и у нас, в вечной мерзлоте. А берлинские магниты – нет.

Холодильник Коко залеплен магнитами сверху донизу. Сочинский холодильник Лерки и мамы залеплен магнитами снизу доверху. Гроздь магнитов висят на холодильниках большинства приятелей Дарлинг. Инспирированная ею магнитная дискуссия в жежешечке, неожиданно перешедшая в философскую и мировоззренческую плоскость, продлилась полторы недели и оставила ненавистника магнитов Дарлинг в меньшинстве. В полном и тотальном одиночестве. Даже Паоло не пришел ей на помощь – очевидно, замешкался с навешиванием бомб на свой самолетик-самоубийцу и опоздал к раздаче. Сдались ей эти магниты!..

Не сдались. Но Дарлинг почему-то не нравится этот парень за мутным стеклом. То, что происходит с его лицом, в корне неправильно. Нечестно. Лицо юлит и ускользает, ухватиться за него не получается, вот Дарлинг и злится.

– Но вам ведь не нужны магниты.

– Мне нужен мой друг. Он зашел сюда и...

– Хотите чаю?

– Чаю?

– Отличный марокканский чай. Мы всегда предлагаем его посетителям.

– А если я соглашусь на ваш чай, вы скажете, куда подевался мой друг?

– Идемте.

Стойки с эзотерической литературой не представляют никакой опасности. Нитки фальшивого жемчуга не выглядят удавками, в надписи «АРОМАТЕРАПИЯ» нет ничего настораживающего. И котов из сна здесь тоже нет.

– Ну хорошо.

Как и предполагала Дарлинг, марокканский чай скрывался за шторой с иероглифами. Там же нашел приют еще один зальчик – гораздо меньше первого, но намного интереснее. Лишенный окон, он освещался двумя кожаными лампами с выцветшим растительным орнаментом. Сюда не проникал вездесущий сандал, смесь ароматов была тоньше: табак, сдоба, книжная пыль, жженный сахар, ладан, цветочная вода. И еще что-то, что держало в узде и ладан, и табак. Это «что-то» не поддавалось никакой классификации, оно не было запахом человека или запахом вещей, хотя вещей здесь оказалось множество.

Непонятно для чего предназначенные диковинные механизмы, старинные граммофоны и шарманки, пустая птичья клетка внушительных размеров, похожая на замок – с готическими шпилями, балкончиками и балюстрадами; множество мелкой скульптуры, но вовсе не той, о которой говорил Костас. В основном – фигурки святых из старого, насквозь изъеденного древооточцем дерева. На стенах разместились гобелены, сюжеты которых, ввиду ветхости ткани, можно было трактовать как угодно. Но львиную долю пространства занимали часы.

Напольные и настольные, огромные и совсем крошечные, часы в стиле барокко и позднего рококо, часы-парусники и часы-соборы, с многофигурными композициями на фронтонах, с мозаичными, перламутровыми, латунными вставками. Ни одни часы не повторяли друг друга, лишь одно в них было общим.

Неправильным и противоестественным.

Отсутствие стрелок.

В какой-то мере это компенсировалось присутствием Костаса. Дарлинг застала его за разглядыванием витрины, где вперемешку лежали несколько старинных книг, несколько таких же старых кинжалов, жестяная коробка с пуговицами, жестяная коробка с монетами и портсигар.

– Вот вы где, – обрадовалась Дарлинг. – А я уж подумала, что вы потерялись навсегда.

– Я подумал то же самое. Где вы были? Успели навестить медведя?

– Успела напроситься на чай.

– А я успел его выпить.

Только теперь Дарлинг заметила в руках Костаса маленький темно-зеленый стакан, украшенный арабской вязью.

– Вообще-то я зашла сразу после вас.

– Неужели? А я уже битых полчаса пытаюсь договориться с хозяином об одной вещи. Может быть, у вас получится...

– Полчаса?

– Ну двадцать минут, какое это имеет значение?

Для того чтобы перейти улицу сразу после того, как Костас исчез за дверью «Мали Ба», и минуты не потребовалось. А сколько минут она провела в первом зале? Пять, пусть семь – с учетом болтовни с

парнем. Из сложенных вместе чисел никак не выходило двадцать, и Дарлинг почувствовала легкое беспокойство. В силу профессии и образа жизни у ее босса отлично развито чувство времени, он не мог ошибиться. И этот арабский стаканчик!..

– Который вообще час? – спросила Дарлинг, и Костас, машинально отогнув рукав пиджака, поднес руку к лицу. Вот если бы на Ulysse Nardin тоже не оказалось стрелок, как и на всех остальных часах! Это потянет на мистический пост в жежешечке, хотя Дарлинг и не особый поклонник мистицизма. Интересно, как отреагировал бы Паоло, без страха сующий голову во временные петли? Наверняка прислал бы пару уничижительных ссылок на дешевую масскультно-окультурную макулатурку...

– Без пятнадцати четыре. Вы опаздываете?

Значит, с часами Костаса все в порядке. И чехарда со временем, насторожившая Дарлинг, тоже имеет свое объяснение. Не связанное с мистикой, а вполне реальное. Нужно только немного пораскинуть мозгами – и оно найдется.

– Самолет в двадцать десять. У нас как минимум полтора часа в запасе.

– Я не собираюсь торчать здесь полтора часа. – В голосе Костаса появились нотки недовольства. – Я просто хочу купить эту вещь и уйти.

– Какую именно?

– Вот эту.

Вещь лежала вовсе не на открытом прилавке – она пряталась среди фигурок святых. Проследив за взглядом Костаса, Дарлинг обнаружила... кота с острым вытянутым хвостом. Странно, что она не заметила его раньше; теперь кот просто лез в глаза и ни на секунду не оставлял в покое. Довольно компактный и небольшой по размеру, он казался тяжелым: наверное, потому, что был сделан из металла. Металла необычного, почти кружевного. Дарлинг сразу поняла, что это штученька из штученок, дивная вещица, не имеющая ничего общего с безделушками, призванными украшать интерьер. Ни о каком украшательстве и прочих вспомогательных функциях и речи быть не может – скорее наоборот: возникнув в каком-нибудь пространстве, железный кот тотчас подомнет его под себя. Или сожрет его со всеми потрохами.

Ни клочка не оставит. Ни от людей, ни от предметов, ни от картин Саорина. Не об этом ли персонаже антикварной лавки нашептывали Дарлинг ее ночные кошмары?

– Ну как? – спросил Костас, не спуская глаз с кота.

– Загляденье. А в чем, собственно, проблема?

– Проблема в том, что хозяин не хочет с ним расставаться.

– Набивает цену?

– Вообще не говорит о цене. Просто отказывается его продавать, и все.

– И навыки хорошего переговорщика не помогли?..

Нужно кончать с этим, нужно смело двинуться навстречу своим кошмарам, – как и завещал сводный хор классиков психоанализа, – чтобы убедиться, что кошмары не стоят выеденного яйца. Руководствуясь этими соображениями, Дарлинг обогнула прилавок с кинжалами и вплотную приблизилась к полке, где стояло железное загляденье. Таблички «DO NOT TOUCH!»^[6] она не обнаружила и потому совершенно спокойно сняла кота с полки.

Он и вправду оказался тяжелым, но это была приятная, успокаивающая тяжесть: как будто ты держал в руке вещь, способную защитить тебя от всего на свете. Главное – не расставаться с ней ни на миг; именно это и почувствовала Дарлинг – жгучее желание никогда не расставаться. Тем более что вблизи кот оказался еще обаятельнее: его неизвестному создателю удалось воплотить в неподатливом металле массу тончайших нюансов кошачьей пластики. И несмотря на то что кот был весьма условным – он улыбался. Он был рад встрече с Дарлинг. Вернее, это Дарлинг показалось, что кот улыбается. В следующую секунду его настроение может измениться, и тогда...

Тогда ты сто раз пожалеешь, что вообще встретился с ним.

Именно это и произошло – в следующую секунду. Сначала Дарлинг почувствовала странный запах, давно забытый, связанный с детством. Тогда, в детстве, упав с велосипеда, она сильно разбила коленку и долго не могла подняться и лежала, свернувшись клубком на земле. Земля попала в рану, смешавшись с кровью: вот тогда и возник этот запах смешанной с кровью земли. Тошнотворный и пугающий. Он преследовал Дарлинг до самого дома, забивая все другие запахи и не давая дышать. И счастье, что в доме ее ждал папочка. Папочка обработал рану, залил ее спасительной зеленкой и наложил

спасительную повязку. И прогнал гнусный запах, который вовсе не хотел уходить, а так и норовил навеки поселиться на губах и в носу.

Теперь кровь, смешанная с землей, вернулась, и рядом не было папочки.

И не было никого, кто мог бы защитить Дарлинг. Не от абстрактного ощущения кошмара, а от того, что спрятано внутри кота. Железо вдруг перестало быть железом – теперь это были стебли какого-то растения, переплетенные между собой. Не настолько плотно, чтобы не увидеть сквозь них сполохи нежного фисташкового цвета, густо заляпанные красным. Чтобы не увидеть контуры, отдаленно напоминающие контуры фигуры. Женской фигуры. Да, это определенно была женщина! Крохотная, не больше насекомого, она висела внутри древесного купола, широко раскинув руки, – и в этих неподвижных тонких руках не ощущалось биения жизни.

Это не Джин.

И не ее смерть – чужая, но не менее страшная. Не менее несправедливая и отчаянная, навсегда ранящая сердца тех, кто соприкоснется с ней. В ушах у Дарлинг стоит легкий звон, затем он сходит на нет и исчезает вовсе – чтобы уступить место неясным шепотам. Поначалу неясным, и только потом возникает слово. Одноединственное и незнакомое Дарлинг.

Маву.

«Мавумавумавумаву» — повторяют шепоты на все лады, то усиливаясь, то затихая. Уши Дарлинг набиты маву, уши Дарлинг – все равно что сетки с плотно утрамбованными в них садовыми улитками. Улиточные домики мокры от росы, на них налип песок, и в каждом из них живет маву. Еще мгновение – и голова Дарлинг, сама превратившаяся в сетку с улитками, взорвется.

– ...Ваш чай.

– Что?

Все закончилось так же быстро и неожиданно, как и началось. В руках у Дарлинг – металлический кот, а не древесная история чьей-то гибели.

Кот по-прежнему улыбается, в его животе зияет дыра (и когда только Дарлинг успела перевернуть кота брюхом кверху?), а рядом с дырой приклеен ценник:

€150

И это еще не все, под ценником виднеется еще один клочок несорванной бумажки: «**Cotonou, rue du Renouveau, 3...**».

Цифра за тройкой почти не просматривается, она погребена под ста пятьюдесятью евро, но и без того Дарлинг ничего не хочет знать о ней.

– Ваш чай. – Вернувшийся хозяин держал в руках маленький блестящий поднос с таким же, как у Костаса, стаканчиком. Только красным.

– А-а, да. Спасибо.

Под пристальным взглядом парня в жилетке Дарлинг поставила кота обратно на полку, взяла стаканчик и сделала первый глоток. Чай оказался горячим, но не обжигающим, с сильным привкусом мяты и очень сладким.

– Поговорите с ним. Относительно... – Костас дернул подбородком в сторону кота. – Быть может, вам он не откажет.

Хоть бы отказал!..

У Дарлинг нет времени на то, чтобы отговорить Костаса от покупки, – да и какие аргументы она может привести? Кот плохо пахнет? Внутри кота спрятана чья-то пугающая тайна? Чья-то смерть, подлинная или мнимая? Кот уже являлся ей во снах – и все эти сны были кошмарами. Костас и слушать ее не станет, наоборот – любая попытка разубедить в целесообразности обладания вызовет лишь удвоенное желание обладать. Удешаженное. Такова человеческая природа, и Костас никакое не исключение. Вот если бы он не знал английского! Тогда можно было бы мило поболтать с хозяином о всяких пустяках, о погоде, о том, как прекрасен Берлин транзитом, – и выдать всю эту дребедень за безрезультатный торг с хозяином.

Но Костас знает английский. И неплохо подкован в немецком; разноязычных слов, которые он заучивает каждый день, наверняка хватит, чтобы произнести: «Мне нужна эта вещь, и она будет моей». Как бы извернуться, чтобы дать понять Костасу, что Дарлинг на его стороне, и в то же время дать понять хозяину, что она – на его?

Что сделала бы Джин?

Небрежная красавица Джин уломала бы хозяина в течение пяти секунд и получила кота совершенно бесплатно. Она ни за что не отказалась бы от тайны.

– Ваш кот продается?

– Кот?

– Вот этот. Железный.

– Это не железный кот. Это бронзовый бенинский леопард. И он не продается.

Вот как! Кот оказался леопардом, но сути дела это не меняет. Если подумать – леопард еще опаснее кота, а прилагательное «бенинский», очевидно, относится к его родине – Бенину. Кажется, это где-то в Африке, в самом ее сердце, сухом и выжженном, а может, на берегу океана. Африка омывается океаном или даже двумя. Точнее мог бы сказать Паоло – с самолета обзор лучше. Возможно, он смог бы разглядеть и хозяина лавки: за то время, что парень готовил чай, конкретики в его лице не прибавилось.

– А что, бенинские леопарды чем-то отличаются от других леопардов?

– У меня есть брошюра об искусстве Бенина. Стоит всего три евро. Там вы все прочтете о леопардах. И о многом другом.

– Замечательно. А сколько стоит этот... бронзовый леопард?

– Я же сказал: он не продается.

– Странно... У него на брюхе ценник.

– Эту вещь я купил для себя.

– И при этом не отклеили бумажку? А... святые продаются?

– Святой Франциск – тридцать евро. Святой Януарий – тридцать евро. Святой Каспар, покровитель путешественников, – тридцать пять. Святая блаженная Августина – сорок. Все скульптурные миниатюры датируются серединой и концом девятнадцатого века, крашеное дерево.

– Н-да... – пожала плечами Дарлинг. – Недорого нынче стоит святость. Значит, вы купили леопарда для себя? А почему тогда он стоит на полке с вещами, которые продаются? Вы вводите в заблуждение потенциального покупателя.

– Это бесплодная дискуссия, – вежливо заметил хозяин «Мали Ба». – Если я сейчас уберу леопарда с полки, можно будет считать ее закрытой?

– Я дам вдвое больше указанной цены. – Дарлинг вовсе не собиралась говорить этого, но почему-то сказала.

– Святая блаженная Августина была бы хорошим приобретением.

– Значит, вы не продадите леопарда?

– Нет.

Ее босс может быть доволен: Дарлинг сделала все, что могла. Старательно торговалась, ловила продавца на мелких несоответствиях и уличала в откровенной лжи, но выше головы не прыгнешь. Иногда нужно и отступить, а не доводить ситуацию до абсурда и угроз вызвать *Polizei*, если клиент не хочет угомониться.

Конечно же, Костас не был доволен.

Мельком обернувшись, Дарлинг была потрясена переменами в его лице, обычно исполненном значительности – мужской и человеческой. Казалось, что жесткий и властный каркас, поддерживающий это непроницаемое лицо, в одно мгновение треснул и развалился. И на волю вырвались эмоции, которые больше приличествовали бы ребенку, а не взрослому мужчине. Отчаяние, ярость, надежда... Надежда на всех богов сразу, а больше всего на нее, Дарлинг: *давай, девочка, ты же можешь решить эту проблему, не разочаровывай меня!..*

– Можно вас? – Дарлинг понизила голос до шепота и взяла хозяина «Мали Ба» за рукав. – На секунду. Это очень важно.

Парень пожал плечами, но повиновался, и оба они отошли в дальний угол зальчика, под сень огромных кабинетных часов с корпусом из красного дерева.

– Я соврала, – прошептала Дарлинг. – Этот человек не мой друг. Он мой босс. Очень влиятельный человек. И ему зачем-то нужен ваш бенинский леопард. Он за ним по всему миру гоняется, уж не знаю почему. Наверное, это очень ценная вещь, и найти ее здесь... Это было чудом, понимаете?

– Это отличная вещь. Но она не обладает той ценностью, которую вы ей приписываете.

– Да я вообще ее в гробу видела...

– Что?

– Черт, простите... Это русская идиома. Означает всего лишь то, что лично мне эта вещь не нужна. Ни за цену, указанную на бумажке, ни бесплатно. Лично мне он не нравится, ваш леопард. Лично я считаю, что держать при себе такие вещи опасно. Мало ли... Но он, мой босс... Он считает по-другому. Ведь это не единственный такой леопард в мире?

– Нет.

– То есть в природе они встречаются частенько?

– Не очень часто. Но встречаются.

– И это не музейный экспонат?

– Нет.

– Вот! И вы как человек знающий... – тут Дарлинг решила подольститься к парню. – Не какой-нибудь любитель, а профессионал... Легко можете разжиться другим. Таким же, и даже лучше. А этого... Продайте мне этого чертова леопарда. Иначе он меня уволит.

– Кто?

– Мой босс. Эти русские боссы – кошмарные люди. Кровожадные и все такое.

– Он плохой человек? – В голосе парня послышалась заинтересованность, и Дарлинг на секунду задумалась: а не слишком ли далеко она зашла?

– Ну человечинной он не питается... Нет, я не могу сказать, что он плохой человек. Просто он терпеть не может обломов.

– Обломов?

– Русская идиома. Когда не получаешь того, что очень хотел бы получить, – это и есть облом. Он хочет эту бронзовую кошку, я хочу сохранить работу. И только вы не хотите пойти нам навстречу... Разве не облом?

– Я соврал, – неожиданно сказал парень. – Я мог бы его продать. Кому угодно. Но не могу продать его именно вам.

– Мне? – опешила Дарлинг. – Со мной что-то не в порядке?

– Не вам. Ему. Вашему боссу.

Если до сих пор он говорил тихо, то сейчас и вовсе шелестел – так, что Дарлинг приходилось напрягать слух, чтобы понять, о чем там лепечет антикварный строптивец. И, наверное, она что-то поняла неправильно: не может же нормальный человек вот так, за здорово живешь, отказаться от прибыли, пусть и небольшой, в сто пятьдесят евро? Или парню просто не понравился ее босс? – такое тоже возможно. Глубокая антипатия, возникшая совершенно на пустом месте, – примерно такая же, как стойкая Дарлингова идиосинкразия на мужчин ее подруги Коко вообще и на ее мужа, несчастного Вассилиса, в частности. А ведь Вассилис не сделал ей ничего дурного. И глупо

отрицать, что качества, присущие тебе, не смогут воплотиться и в другом человеке.

– Он так вам не понравился?

– Напротив, ваш босс производит приятное впечатление...

– Тогда в чем же дело? Продайте ему этого проклятого леопарда – и дело с концом.

– Проклятого, да. Это вы верно заметили. Им не стоит встречаться, ни к чему хорошему это не приведет.

– Кому встречаться?

– Вашему боссу и бенинскому леопарду. Я много лет торгую артефактами и научился кое в чем разбираться...

Много лет, ну надо же! Хозяин в худшем случае – ровесник Дарлинг, и все эти псевдомузейные экспонаты, его окружающие, – они милые, забавные и, безусловно, местами интересные, но совсем не артефакты. Немецкий врунишка! Его стертая и покосившаяся физиономия – от вранья, ни от чего другого. Врунишке было скучно с самого утра на его маловразумительной Вильгельмшавенерштрассе, вот он и решил поразвлечься.

– Интуиция, да? – улыбнулась Дарлинг.

– Я предпочитаю называть это внутренним зрением. Для кого-то другого эта вещь была бы совершенно безопасной, но вашему боссу она принесет только беду. Им не стоит встречаться, поверьте.

Ни для кого эта вещь не будет безопасной – разве не об этом кричали ее кошмары? Стоило только взять в руки бронзовое чудище, как кошмары тотчас же воплотились в жизнь, пусть и иллюзорную. И здесь Дарлинг была полностью на стороне торговца мнимыми артефактами. Но в самый последний момент дух противоречия, заставлявший ее читать любовные романы вместо больших и серьезных книг, неожиданно дал знать о себе.

– Может быть. Но они уже встретились.

Ничего не изменилось – ни в обстановке, ни в освещении, ни в фигуре парня, ни в фигуре Костаса, уныло подпирающего полку с граммофонами где-то на заднем плане. Но Дарлинг вдруг почувствовала холод, пробежавший по ногам. Затем он поднялся выше – к животу, к грудной клетке – и наконец застыл на уровне подбородка. Еще секунда – и губы скует льдом, и она больше не сможет произнести ни слова. Никогда.

– Да, – неожиданно согласился парень. – Вы правы. Они встретились, и ничего уже не изменишь. Вы предлагали двойную цену?

Холод отступил, и вместе со способностью говорить к Дарлинг вернулась ее обычная снисходительная ирония. А ситуация, до того казавшаяся абсолютно неразрешимой и пугающей, на поверку обернулась самым обыкновенным, хотя и не лишенным интриги торгом.

– Теперь хотите тройную?

– Нет. Я отдам леопарда за его цену. Сто пятьдесят евро. Но вы еще вспомните, что я вам говорил о нем.

– Я могу передать ваши слова моему боссу?

– Конечно. Если он к ним прислушается, то...

– Он не прислушается, но я передам. Вы еще что-то говорили о святой блаженной Августине. Может, мы и ее прихватим? В качестве противовеса грядущим напастям?

– Августина не поможет, – вздохнул парень. – Но для вас... Именно для вас, фройляйн, у меня есть одна вещь... которая точно вам понравится.

– Надеюсь, это не часы. – Костяшками пальцев Дарлинг постучала по корпусу из красного дерева, и он глухо откликнулся.

– Это не часы.

Придерживая Дарлинг за локоть, оракул с Вильгельмшавенерштрассе подвел ее к витрине с кинжалами и фолиантами. И вынул из нее портсигар.

– Серебро. Тысяча девятьсот тридцать девятый год. Очень редкая вещь и замечательно сохранилась. Всего лишь двести евро, но вам отдам с двадцатипроцентной скидкой.

Ах ты прохиндей!..

Дарлинг не выдержала и рассмеялась. Если до сих пор в ней еще шевелились остатки малопонятного и иррационального страха, то теперь они исчезли полностью. И весь пыльный мирок «Мали Ба» предстал в своем истинном свете: пафосной лавчонки, чей таинственный блеск мгновенно тускнел, стоило направить на него луч истины. А истина заключалась в том, что врунишкой был не только хозяин, но и весь его антикварный (тут Дарлинг мысленно поставила кавычки указательным и средним пальцами обеих рук) товар. Часы

собраны с помоек, куда были выкинуты за ненадобностью. Диковинные приборы вынесены под покровом ночи из химических и физических кабинетов школ и скомбинированы друг с другом на скорую руку; морские инструменты куплены за бесценок у пьяной матросни в доках Гамбурга; фигурки святых клепались на прошлой неделе и были искусственно состарены при помощи какой-нибудь сильнодействующей инсектицидной дряни. Древние фолианты...

– Вам стоит взять его в руки...

– Я не курю, и портсигар мне без надобности.

– Это может быть хорошим подарком. Для вашего мужчины, если он курит.

Если он вообще есть!

– Я предпочитаю некурящих мужчин.

– На месте женщин я бы не слишком доверял некурящим мужчинам. Они скучны.

Вот ведь скотина, сукин сын, идущий вразрез с магистральной линией Всемирной организации здравоохранения! К каким только уловкам не прибегнешь, лишь бы продать свое неликвидное и некондиционное дерьмо!.. И хорошо бы побыстрее закончить этот балаган, прихватить злополучного леопарда и убраться отсюда к чертовой матери. Дарлинг уже собиралась призвать на помощь Костаса, когда что-то прохладное скользнуло ей в руку.

Портсигар!

Скотина и сукин сын прибег к самому постыдному из всех существующих приемов. Дарлинг открыла было рот, чтобы возмутится, и... тут же закрыла его. И снова открыла, чтобы выпустить из себя исполненное восхищения:

– Вау!..

Вау — это еще было мягко сказано и даже приблизительно не отражало ту гамму чувств, которая охватила Дарлинг. Восторг и ожидание чего-то необычного, чудесного и захватывающего; всего того, что может в корне изменить жизнь. И как только она жила до встречи с этой волшебной вещью? — с этой шту-у-ученькой, с этой королевой штученок или, лучше сказать, королем.

Портсигар был тонким, ослепительно блестел и излучал какую-то неведомую Дарлинг, но абсолютно положительную энергию. «Милый позитивчик», сказала бы Коко, хотя слово «милый» меньше всего

отражало суть этой потрясающей вещи. По бокам крышка портсигара была украшена затейливым растительным орнаментом, а центр занимало изображение какого-то ближневосточного пейзажа. Две пальмы, маленькая, но очень выразительная фигурка верблюда с двумя седоками – на переднем плане. От заднего (с домами и мечетями) его отделяла река. То, что это именно река, а не пустое серебряное пространство, было понятно по черненому перевернутому отражению домов и мечетей. И еще – по фелюге с поднятым парусом. Фелюга тоже отбрасывала тень на серебряную реку и летела вперед, подгоняемая мистралем, или как там называются переднеазиатские ветра? Самум, джейхан? Дарлинг все же больше нравится мистраль. В самом этом слове скрыты нежность и обещание чего-то чудесного. К этому чудесному и летит сейчас фелюга, и Дарлинг явственно слышит, как хлопает парус на ветру.

Но и это было не все.

На оборотной стороне портсигара она обнаружила некое подобие карты. Сирия (SYRIA), Ливан (LEBANON), Ирак (IRAQ) и та часть суши, которая теперь принадлежит Израилю. Но на карте никаких упоминаний об Израиле не было, там фигурировала PALESTINE, а самый низ карты занимала SAUDI ARABIA. Страны отделялись друг от друга весьма условными, прочерченными пунктиром границами. Реки Тигр и Евфрат представляли собой змеящиеся и довольно тонкие сплошные линии. Двумя сплошными было выделено Средиземное море. А линии потолще, идущие через всю карту и образующие некое подобие треугольника, показали Дарлинг чем-то похожими на маршрут. Маршрут экспедиции или каравана с точками, которые делили прямые на почти равные отрезки. Все точки были подписаны одной из трех букв: либо «Т», либо «Н», либо «К», и каждой полагалось число. Так Дарлинг обнаружила *T.1*, *H.5* и *K.3*.

А щелкнув тугой застежкой, наткнулась еще на три буквы: **J.S.A.**

В отличие от таинственных первых, с «J.S.A.», выгравированных в левом верхнем углу под крышкой, все было понятно: они представляли собой инициалы самого первого владельца чудо-портсигара. Мистическим образом они совпали с инициалами Джин, а последнюю букву ошеломленная Дарлинг тут же приспособила под определения.

Admirable^[7] – могло быть одним из них. Или amazing^[8]. Или – astonishing^[9]. Или вообще – долгое и вполне самостоятельное «а», как возглас восхищения.

Курила ли Джин? Ответ положительный.

А у некурящей Дарлинг даже на секунду закружилась голова от страстного желания обладать портсигаром. А уж чем его наполнить, она придумает потом. Оставались мелочи – уточнить у хитрована-продавца точную стоимость портсигара и завершить наконец затянувшийся процесс купли-продажи.

– Пожалуй, я прислушаюсь к вашему предложению и куплю этот портсигар. Карты принимаете? – поинтересовалась Дарлинг самым независимым тоном.

– Только наличные.

– Вот черт... У меня нет таких денег...

– Проблема, да?

– Погодите.

Не выпуская портсигара из рук, Дарлинг двинулась к Костасу, безропотно ожидающему исхода мероприятия с покупкой. «Безропотно» – именно это слово сейчас больше всего подходило ее энергичному и вечно занятому шефу, чей день расписан по минутам. Любая, самая незначительная задержка выводила его из себя, а тут – пожалуйста! – стоит и не жужжит и готов ждать хоть до второго пришествия рейса на Пномпень. Похоже, он вообще забыл, что существует этот Пномпень и дела, с ним связанные... *Эк скрутило бедолагу!..*

– Ну что? – спросил Костас, когда Дарлинг приблизилась.

– Все в порядке. Пришлось, конечно, поднапрячься, но он ваш. За скромную сумму в сто пятьдесят евро наличными... вы можете получить его немедленно.

– Вы чудо, Дарья! – Глаза Костаса влажно заблестели. – Не знаю, как вас благодарить...

– Зато я знаю. И вы можете отблагодарить меня прямо сейчас.

– Конечно. Что нужно сделать?

– Ну... одолжить мне немного денег. Карты здесь не принимают, как оказалось. А я вам сразу же верну всю сумму. У ближайшего банкомата.

– Даже не обсуждается!..

За всеми перипетиями, связанными с портсигаром и бенинским леопардом, Дарлинг совсем позабыла про куда-то подевавшиеся двадцать минут, но на выходе из «Мали Ба» снова вспомнила о них. В тот самый момент, когда Костас, прижимая к груди сверток с драгоценной кошкой, мельком взглянул на часы.

– Почти опаздываем. Промурыжил нас, старый черт!

– Погодите... Кто старый?

– Да хозяин! Но оно того стоило...

– Разве? – От неожиданности Дарлинг замедлила шаг и едва не споткнулась. – Разве он старый? Мне так не показалось. Напротив, довольно молодой.

– Вы шутите?

– Нисколько. Черные джинсы, черная рубашка, черный кожаный жилет. Мы говорим об одном и том же человеке?

– Черный кожаный жилет, – подумав, согласился Костас. – Других жилетов там не было. У вас странные представления о мужском возрасте.

– У меня вообще странные представления о мужчинах.

Развивать тему хозяина «Мали Ба» Дарлинг не решилась, иначе можно было влезть в такие дебри, из которых не выведут ни святая Блаженная Августина, ни святой Каспар, покровитель путешественников. Даже не закрывая глаз, она могла легко представить фигурки святых. И часы, и любой из механизмов, и морские приборы (привет от пьяной матросни). Таково было свойство памяти Дарлинг: запоминать всякую дребедень и потом мысленно воспроизводить ее во всех подробностях. Даже то, что не успело проявиться при визуальном контакте, всплывало потом перед внутренним взором. Как на фотографии. Вот чем изредка занималась память Дарлинг: проявкой снимков в темной фотолаборатории. И лишь снимок странного парня с Вильгельмшавенерштрассе оказался безнадежно загубленным. Так что вступать в полемику с Костасом, не имея на руках никаких доказательств, не имеет смысла: пусть его – старый черт так старый черт.

Вместо этого Дарлинг снова начала обнюхивать выпавшие из ее сознания двадцать минут – куда-то же они подевались? И что это за шутки со временем в берлинском районе Тиргартен? Что, если за то время, что они провели в «Мали Ба», сменился день, сезон и целый

век? А мама, Лерка и Коко с Вассилисом безнадежно постарели или того хуже... И только за бороздящего океаны папочку Дарлинг была относительно спокойна.

С папочкой не случится никакой беды. Никогда, *о, где же ты, Паоло, брат мой?* Отважный путешественник по времени, может быть, ты все объяснишь?..

Но и без Паоло все было ясно: ничего криминального, ничего сверхъестественного не произошло. Берлин оставался Берлином, Вильгельмшавенерштрассе – Вильгельмшавенерштрассе, не слишком широкой, тихой улочкой, усаженной деревьями, где старые островерхие дома соседствовали с более современными, без всяких архитектурных изысков кирпичными коробками. Даже строительная выгородка наискосок от антикварной лавки оказалась на месте. И урна со смятой банкой кока-колы, лежащей поверх всего остального мусора. Банку Дарлинг уже имела счастье лицезреть, перед тем как зайти в «Мали Ба», и новая встреча с ней успокоила окончательно: все что угодно, но мусор в Берлине убирается регулярно и никто не станет ждать день и целый сезон. И – тем более – век.

– Возможно, он и старый черт, – сказала Костасу мгновенно повеселевшая Дарлинг. – Но он просил вам передать, чтобы вы были осторожны с этой штукой. С леопардом.

– В каком смысле? – удивился Костас.

– В самом прямом. От этой вещи жди беды, вот что он мне заявил. Дословно.

Костас не ответил, только улыбнулся. Он не проронил ни одного слова в такси и лишь на подъезде к аэропорту, когда Дарлинг уже отчаялась вывести его хоть на какой-нибудь разговор, бросил небрежно, глядя в пространство перед собой:

– Я фаталист, Дарья. Все случилось именно так, как случилось. Как должно было случиться. И не без вашей помощи.

– Я сожалею.

– Не о чем сожалеть. Помните, я говорил вам, что новичкам всегда везет? Так и получилось. Я благодарен вам. Что же касается сказанного вами...

– Не мной. Я просто попыталась донести до вас мысль, которую мне озвучили...

– Не важно. Не будет никакой беды. Потому что все беды, которые могли произойти, – уже произошли.

– И впереди, как говорится, их ждала только радость? – не к месту сыронизировала Дарлинг.

– Впереди их ждала только смерть, – парировал Костас, улыбнувшись. – Но, как вы сами понимаете, такого с нами не случится по определению. Лучше скажите, зачем вам портсигар. Вы же не курите. Или я ошибаюсь?

Костас так и не взял деньги за портсигар, хотя Дарлинг и пыталась всучить ему вытасченные из банкомата сто шестьдесят евро. «Считайте это моим подарком. Небольшой премией за безупречную работу. Мне нравится работать с вами», – сказал он. После недолгих препирательств Дарлинг отступила, заметив, что не стоит все же так баловать персонал, иначе он расслабится и потеряет хватку, а портсигар, так и быть, пойдет в зачет 8 Марта.

– Тогда уж лучше дня рождения, – внес небольшую поправку Костас. – Когда у вас день рождения?

– Он уже прошел, а следующий будет не скоро. Я, пожалуй, скажу, зачем мне понадобился портсигар. После того как вы скажете, зачем вам кот... эээ... бенинский леопард. Это связано с каким-то воспоминанием, да?

Похоже ли это на вторжение в личное пространство, которое так не любит Костас? Скорее всего, да. Но на правах победительницы и главного укротителя бронзовых леопардов Дарлинг имела права на такую вольность.

– Нет. – Ни один мускул не дрогнул в лице Костаса. – Ни с каким воспоминанием это не связано. Просто существуют бесполезные вещи, которыми очень хочется обладать. И чем бесполезнее вещь, тем неукротимее желание. Кстати, это не только к вещам относится...

– А еще к чему?

– Ко всему.

– Наверное, вы правы. Во всяком случае, это объясняет портсигар. Для некурящего человека он совершенно бесполезен. Но именно это я и почувствовала, когда взяла его в руки, – неукротимое желание...

– И что же вы будете делать?

– С неукротимым желанием?

– С портсигаром.

- Ну... Есть масса вариантов. Объявлю его семейной реликвией с вековым стажем. Придумаю для него историю позабористее...
- И кому собираетесь рассказывать?
- Была бы история, а кому рассказать – найдется.

* * *

Все было не совсем так, как пыталась представить Дарлинг. Нет, насчет страстного желания обладать она не соврала. Но и не считала кусок восхитительного серебра абсолютно бесполезной для себя вещью. Совсем напротив, с тех пор как они покинули «Мали Ба», ее не оставляло ощущение чего-то экстраординарного, что вот-вот должно произойти, – и портсигар сыграет в этом не самую последнюю роль. Собственно, об этом она и думала весь долгий, с двумя пересадками, перелет из Берлина в Пномпень. Его условно можно было разделить на две части, и водораздел проходил где-то над океаном – где (возможно, именно сейчас!) проплывал папочка на своем сухогрузе. Первую часть рейса Дарлинг окрестила для себя романтической. Вторую – сюрреалистической. В романтической части ей в голову лез самый настоящий бред, простительный, впрочем, для молодой незамужней девушки. Экстраординарное, которое вот-вот свалится ей на голову, несомненно, связано с мужчиной. И не просто с мужчиной, а с мужчиной ее жизни. Пусть он пока и носа не казал в персональную вселенную Дарлинг, но где-то же он существует! Одна мысль об этом приятно холодит пальцы и корни волос.

Мужчина ее жизни обязательно будет курящим.

Иначе к чему портсигар?

Мужчина ее жизни будет курить не банальные сигареты с фильтром (в портсигар их не впижнешь!) и не сигары, как Костас (в портсигар их не впижнешь тем более, и к тому же они вонючие). Он будет курить самокрутки! Или изысканные пахитоски темно-шоколадного цвета. Момент судьбоносной встречи воображение выдать отказалось, и Дарлинг сосредоточилась на личности предполагаемого героя. Ему не больше тридцати – тридцати пяти (тех, кому за сорок, пусть выпасает Лерка), он не обязательно красив, но очень умен, со слегка мрачноватым и даже парадоксальным чувством

юмора; он без запинки может произнести словосочетание «большой адронный коллайдер» и – самое главное! – знает, что это такое, как функционирует и как устроено изнутри. Он искренне считает, что за высокую идею можно и умереть, он умеет управлять автомобилем, яхтой, стадом слонов, небольшим коллективом ленивых яппи, своими эмоциями и эмоциями других людей. Он много путешествует, но не вынужденно, как Дарлинг, а совершенно свободно. Он атеист (Дарлинг с молодых ногтей исповедует антиклерикализм), но в минуту релакса может обратиться к вечным буддистским ценностям. Вещи, которые ему необходимы, поместятся в среднего размера рюкзаке; в путешествиях он обходится свитером, курткой из кожи буйвола, шарфом, сочиненным из вьетнамского молельного коврика, старыми джинсами и низкими сапогами. Их голенища достаточно широки, чтобы впихнуть туда походный складной нож и культовый японский блокнот Midori – ох уж этот Midori, голубая мечта Дарлинг! Съёмные блоки, масса прозрачных кармашков, фирменная резинка, перетягивающая плоть Midori, фирменный хвост, на который можно насадить бусинки, камешки с дыркой и прочие пиздельфонсы, а кармашки!.. Кармашки так и ждут марок, монет, билетов на гениального *trumpet*-юнца Кристиана Скотта, которому пророчат славу Майлза Дэвиса. В пару к Midori можно приспособить плоскую жестяную коробку с картиной Гогена на крышке: раньше в ней хранились плитки шоколада, а теперь хранятся двенадцать цветных карандашей и два простых, очень мягких – для путевых заметок и зарисовок. Коробку Дарлинг уже подготовила...

Стоп-стоп.

Она отвлеклась и думает о карандашах и ужасно харизматичном *diary travel*, а надо бы думать о мужчине своей жизни!

Итак, сапоги. Сапоги он носит не всегда, только в путешествиях. А в свободное время он работает – иначе откуда возьмутся деньги на путешествия? Он может быть переговорщиком и финансовым гением, как Костас; собственно, это один из возможных вариантов знакомства: Костас и мужчина ее жизни столкнутся нос к носу в переговорной, на шестидесятом этаже какого-нибудь бизнес-центра, и мужчина ее жизни сделает Костаса. Закатает в асфальт, изуродует, как бог черепаху. Фигурально выражаясь, конечно. И это будет сигналом: посторонись, Костас, пришли молодые львы!

Наверное, не стоит быть столь жестокой к Костасу. Костас – прекрасный человек. Немного странный, что удивительно для людей, делающих серьезный бизнес. И насчет его бизнеса у Дарлинг, несмотря на полгода работы, не сложилось цельного впечатления. Кто он на самом деле? Коко назвала его финансистом, что не совсем правда. Финансовый консультант очень высокого уровня и такого же уровня переговорщик – но как эти два совершенно разных вида деятельности могут сочетаться в одном человеке? Должно быть что-то третье, равноудаленное от первого и второго. И равноприближенное тоже. Он работает на правительство? Участвует в играх больших компаний? Готовит тайные сделки, суть которых известна лишь очень узкому кругу посвященных? Тогда как в его орбиту попала Дарлинг, девушка, пришедшая с улицы, с рекомендациями двух остолопов под мышкой? А вдруг девушка, пришедшая с улицы, окажется шпионом, пришедшим с холода? Задумывался ли Костас об этом? С другой стороны, от нее требуется немного: организовывать и упорядочивать график Костаса и делать его поездки максимально комфортными. А список волшебных телефонов, который есть у Дарлинг, – это не список Форбса и не список Интерпола, а номера гостиниц, авиакомпаний, частных транспортных агентств. С этим справится любая подруга любых остолопов, если у нее есть хотя бы начатки мозга и памяти. И хоть немного развито чувство времени и ответственности. Костасу подошла бы должность серого кардинала, вот! Или должность Эйнштейна, потому что весь огромный массив информации он держит в голове. И, видимо, голова Костаса намного больше, чем кажется на первый взгляд, если там нашлось место Хесусу Галиано с его иллюзиями и бронзовому бенинскому леопарду. И все же Костас – прекрасный человек. В нем нет ничего, что раздражало бы или вызывало отторжение, и он не заслуживает быть закатанным в асфальт. Он заслуживает молодого друга, с которым можно завоевать мир. Ну и Дарлинг окажется поблизости, и Костас познакомит их...

Господи, какая только фигня окольными путями не проберется в голову на высоте десять тысяч метров! Пересмешник Паоло, летающий намного ниже, разнес бы Дарлинг в пух и прах, да еще прислал бы ссылку на какой-нибудь высоколобый арт-хаус: чтобы Дарлинг путем несложных манипуляций вышла именно туда, куда ей и

надлежит выйти, – к форуму озабоченных поисками мужа идиотов. *Прощай, самец!* и *Здравствуй, грусть!* ага.

По мере удаления от Европы романтическая многоактовка сменилась сюрреалистической. Где мужчина ее жизни сгинул на просторах портсигарной карты, где-то между таинственными К.2 и Т. 4, очевидно, загрызенный бенинским леопардом.

А к оставшейся без всякой моральной поддержки Дарлинг вернулась сосущая тоска: правильно ли она поступила, выцарапав статуэтку у несговорчивого хозяина «Мали Ба»? И в какой момент он перестал быть несговорчивым? Когда Дарлинг сказала «Они уже встретились». Тогда-то и стало понятно, что ничего не изменишь и глупо пытаться предотвратить то, что предотвратить невозможно. Кажется, Костас сказал, что он фаталист. Если подумать, то с самого начала от истории пованивало фатализмом: «Мали Ба» не значилась в списках Дарлинг, она запомнила адрес совершенно случайно. И озвучила его, когда обиделась на Костаса. А если бы не обиделась?

Цепочка причин и следствий все равно заканчивается на леопарде.

В нем нет ничего ужасного. Его невозможно даже откупорить, как ящик Пандоры. Внутренняя дырка в брюхе ничем не заткнута, и иррациональное зло (если и сидело там когда-то, скрючившись) уже давно выбралось на волю. Оставив после себя гибель какой-то женщины и странное, все время повторяющееся слово. Совершенно непонятно, была ли эта гибель в действительности или ее никогда не существовало – как и женщины с раскинутыми руками. Или женщина не просто существовала – она существует. И то, что увидела Дарлинг, еще не произошло.

Жаль, что она так и не увидела лица несчастной. Оно ускользнуло, как и лицо парня в кожаной жилетке, которого Костас обозвал старым чертом. Не может же Дарлинг теперь шарахаться от всех женщин, как шарахалась от котов, на поверку оказавшихся бенинскими леопардами. Не может же бежать ко всем женщинам, размахивая корабельным сигнальным флажком «Впереди полоса тумана!». Полоса тумана стоит как раз перед Дарлинг. И сколько ни подпрыгивай, как ни суши голову – все равно не увидишь, что в нем спрятано.

...В Пномпене шел дождь.

Тропический ливень, закончившийся, впрочем, еще до того, как темнолицые кхмерские таможенники шлепнули Дарлинг и Костасу

визы в паспорта. Уже в очереди к таможенной стойке Дарлинг начала превентивно изнемогать от жары и влажности, хотя в здании аэропорта работали кондиционеры. Единственное, чего она хотела, – поскорее добраться до гостиницы, залезть под душ и простоять в нем сопоставимое с недавним авиаперелетом время. Понятно, что ничего из этого не получится, максимум, что удастся урвать, – жалкий час, а потом снова нужно будет заниматься Костасом. А до этого – связаться с неким Денисом Ильичом, представителем принимающей стороны (и что только русская сотовая компания забыла в этой Камбодже?). Дарлинг уже звонила ему перед вылетом из Берлина, и время контрольного звонка было назначено сразу же по прилете в пункт назначения.

На звонок никто не ответил (телефон оказался вне зоны доступа) – и такой прокол случился первый раз за все полгода работы. Но по-настоящему испугаться Дарлинг не успела: Денис Ильич, собственной персоной, стоял у выхода. С унылой, от руки написанной табличкой:

MR. TZABROPYLOS

MRS. ZARUBINSKAYA

Проклятый идиот! В четырех словах – уйма ошибок!.. Мало того что фамилия Костаса в латинском варианте переврана до невозможности, а всего лишь требовалось написать Tzabropoulos, так еще и некольцованная Дарлинг оказалась замужней миссис: *плохо, ой как плохо работают наши представители в регионах!..*

Сам «проклятый идиот» тоже никак не вытягивал на Mr.: ему было не больше двадцати трех – двадцати пяти. При других обстоятельствах Дарлинг посчитала бы его симпатичным, но только не сейчас. Сейчас ее раздражала смуглость Дениса Ильича, его черные, залитые гелем волосы с маленьким ирокезом, вышедшим из моды полгода назад; его дешевый светло-серый костюм, его узкий галстук, его белые кроссовки (интересно, кто присоветовал ему пристегнуть к деловому костюму? – наверное, еще один проклятый идиот из числа его местных идиотических друзей). Но больше всего Дарлинг раздражало то, что Денис Ильич не ответил на звонок. И пусть и на пару минут, она – в глазах Костаса – оказалась не на высоте.

– Приветствую дорогих гостей на земле дружественной Камбоджи! – пробубнил Денис Ильич и поднял сжатую в кулак руку.

Проклятый идиот, как и было сказано.

– Вы не ответили на звонок, – вместо приветствия сказала Дарлинг раздраженным тоном.

– Пустяки. Телефон разрядился. Держите табличку, а я возьму ваш багаж.

– Замечательно, – прошипела Дарлинг.

– Значит, едем в «Интерконтиненталь Пномпень»?

– Хотелось бы...

– Мне бы тоже. – Идиотизм Дениса Ильича возростал в геометрической прогрессии. – Пять звезд – это богато...

Дарлинг мельком бросила взгляд на Костаса: как-то он отреагирует на пномпеньского клоуна? – но лицо босса было непроницаемо. Или он думал о чем-то своем, далеком и от клоуна, и от Пномпеня, и от самой Дарлинг? Но была немаленькая вероятность, что он в любую секунду опустится на грешную землю и торжественная встреча ему не очень-то понравится. И Дарлинг, ухватив Дениса Ильича за рукав пиджака, увлекла его чуть вперед.

– Ты дурак? – очень вежливо спросила она.

– Не понял?

– Тебе было отправлено письмо с точным указанием фамилий? А ты что нацарапал на своей прокламации?

– Не понял.

– Фамилии были написаны неправильно.

– Обе?

– У тебя проблемы с памятью и орфографией. Это хоть понятно?

– Ну мы же нашлись?

Прошибить Дениса Ильича было невозможно, и Дарлинг затрясла головой в бессильной ярости:

– Я сожалею только о том, что для встречи не нашлось никого другого. Кроме тебя. Более вменяемого. И такие прически теперь не носят, ясно?

– А... какие носят? – Денис Ильич нисколько не обиделся на обвинение в невменяемости. – Меня, кстати, Денис зовут. А тебя?

– Дарья Александровна. И не иначе.

– Ну какая же ты Александровна? – Денис Ильич оценивающе посмотрел на Дарлинг. – А вы сюда надолго? Готов показать город и вообще... И что ты делаешь вечером? Могли бы сходить в какое-

нибудь приятное местечко. Я здесь уже год, успел все изучить... Тоска, если честно... Ну так как? Насчет вечера?

– Он занят.

– Папиком? Ага...

Дарлинг с трудом подавила желание треснуть Дениса Ильича по башке его же жалкой картонкой. Хотя нет, картонкой можно просто надавать по морде. А потом одолжить у Костаса его священного леопарда и треснуть по башке уже леопардом, целясь непосредственно в ирокез. Но, пока Дарлинг размышляла о сладкой мести, Денис Ильич остановился, отпустил ручку ее чемодана и бросил:

– Погоди, я сейчас...

Измученной Дарлинг осталось только наблюдать, как проклятый идиот быстрым шагом отдаляется от нее. Приближаясь в то же время к двум молодым людям, вышедшим из здания аэропорта. Один из них – блондин в белой рубашке без рукавов и легких полотноных штанах – был налегке. За спиной второго болтался тощий рюкзак, а в руках – странной формы сумка, очертания которой отдаленно напомнили Дарлинг саксофон.

Обменявшись рукопожатиями с блондином, Денис Ильич перекинулся с ним парой фраз, затем сунул клешню его спутнику и спустя несколько секунд вернулся к Дарлинг, ее чемодану и подошедшему Костасу.

– Мой близкий приятель, англичанин, – сообщил Денис Ильич. – Встречал друга из Лондона. Я просто не мог не поздороваться. Мы, европейцы, здесь держимся друг друга.

– Нам, европейцам, хотелось бы побыстрее добраться до гостиницы. Это возможно?

Проклятый идиот начал серьезно досаждать Дарлинг, да и на непроницаемом до сих пор лице Костаса стали проявляться признаки плохо скрытого раздражения.

Дурной знак.

– Да, конечно. Моя машина на стоянке. Это здесь, рядом.

Стоянка и впрямь оказалась недалеко, за кавалькадой экзотического вида крытых маленьких повозок, крепившихся к мопедам. Но Дарлинг все же успела оттащить Дениса Ильича на несколько метров от Костаса:

– Знаете что, Денис Ильич?..

– Пока нет.

– Мы знакомы пять минут, а вы меня уже достали. И поверьте, я сделаю все, чтобы наша сегодняшняя встреча вышла вам боком.

– Не понял?

– Значит, так. Больше ты не произнесешь ни слова. До самой гостиницы. Молча сели, молча доехали, молча вышли. Уяснил?

Денис Ильич шумно втянул носом воздух, но ничего не сказал, только быстро кивнул головой в ответ.

Первыми, кого Дарлинг увидела на стоянке, были те самые двое англичан. Блондин грузил в багажник зеленого потрепанного «Лендровера» вещи своего приятеля. Сам приятель обнаружился тут же, у раскрытой настежь дверцы переднего пассажирского сиденья. Он стоял, намертво вцепившись в нее, не сводя глаз с женщины, облокотившейся на капот. Женщина небрежно курила, выпуская из ноздрей две тонкие полоски дыма, и это было чертовски красиво.

Мужчина ее жизни будет курить именно так, время от времени выпуская аккуратный дым из ноздрей, это будет смотреться поэтично. На фоне какой-нибудь лаосской пагоды или монгольской юрты. *Монгольская юрта* была последней, о чем успела подумать Дарлинг. Потому что в следующую минуту она с пугающей ясностью осознала: женщина у «Лендровера», в черной футболке и мешковатом джинсовом комбинезоне... Эта женщина —

Джин.

Джин. Но не Джин из пятьдесят девятого. А Джин, близко, почти вплотную подошедшая к пропасти семьдесят девятого. Очень взрослая Джин, с очень взрослыми, отросшими волосами, – о дружбе с ней не может быть и речи, но это совсем не важно. Важно то, что она спаслась, что нет того страшного пыльного автомобиля – какой марки был автомобиль? Дарлинг не помнит, или никогда не знала, или никогда не задумывалась, но точно не «Лендровер»! Этот «Лендровер» – самый настоящий увалень, неопасный, вполне надежный, полный людей, дурацких молодых англичан; слишком молодых и слишком дурацких, чтобы умереть в их присутствии...

– Э! – прокричал Денис Ильич Дарлинг в самое ухо. – Слышишь... Слышите, что я говорю? Белый «Фольксваген Гольф»! Наша машина.

Белый «Фольксваген» стоял сразу же за «Лендрровером», а это означало, что ей придется пройти мимо Джин. Приблизиться к Джин, и... Если проклятый идиот – близкий приятель англичанина, то он наверняка знает и Джин.

– Кто это? – срывающимся шепотом спросила Дарлинг у Дениса Ильича.

– Кто?

– Та женщина. У «Лендропера». Кажется, там твои приятели... Англичане.

– А-а... Это его жена. Моего друга. Она русская. Крутейшая тетка... Она... О-о-о... – Тут Денис Ильич закатил глаза. – А что?

– Ничего.

Джин никогда не была теткой, ты, проклятый идиот! Джин была кем угодно, только не теткой. Но это и не Джин. Двойник Джин, но не Джин. Она русская, она замужем за парнем, который много моложе ее, и это тоже похоже на Джин.

Но это не Джин.

Сколько ни уговаривай себя, но заставить не пялиться на *не-Джин* невозможно. Скорей бы сесть в чертов «Фольксваген Гольф», и уехать в чертову гостиницу, и встать под душ. И смыть с себя не только перелет, но и это наваждение. Только бы Денис Ильич не задержался у «Ропера» и не вступил в беседу с русской, они знакомы, они – европейцы в чужой азиатской стране, а европейцы должны держаться друг друга, или... Что там он говорил?..

Но Денис Ильич вел себя как паинька, он лишь махнул рукой женщине в комбинезоне, и она ответила ему быстрой улыбкой, вот и белый «Фольксваген», сейчас все закончится, все...

Но ничего не закончилось.

Даже тогда, когда Денис Ильич сунул чемодан Дарлинг в багажник, уселся на водительское место и завел мотор. Даже тогда, когда Дарлинг распахнула пассажирскую дверцу.

Ничего не закончилось, потому что Костас остановился у машины англичан, как будто налетел на невидимое препятствие. Непреодолимое.

Он стоял против *не-Джин* и смотрел, смотрел, смотрел на нее. Смотрел не отрываясь, как она курит, как выпускает из ноздрей бестрепетные и бесстрастные струи, и эта немая сцена убила Дарлинг.

Не потому, что выглядела взятой напрокат из дешевой мелодрамы, а потому, что правдивее ее не было ничего на свете.

Именно так настигает человека любовь.

Серийный убийца, не имеющий ни жалости, ни снисхождения, равнодушный к мольбам жертв. Можно сколько угодно цепляться за прошлую жизнь, но прошлой – понятной и размеренной – жизни уже не будет.

Теперь Дарлинг видела только этих двоих, все остальное скрылось во влажном тумане. Туда же провалились все без исключения звуки. Кроме голосов Костаса и этой женщины.

– Примерно так я все и представлял себе, – сказал Костас. – Здравствуй.

– Здравствуй, Костас.

– Ты не изменилась.

– Ты тоже не очень изменился. Немного постарел, но мужчинам это даже идет.

– Только не твоим мужчинам.

– Я знала, что ты скажешь именно это.

– Тогда ты должна знать, что я скажу после этого.

– Не стоит, Костас. Мы закончили разговор двенадцать лет назад.

– Мы даже не начинали его толком. Ты никогда не хотела слушать.

Ты не хотела услышать...

– Прошу тебя, не начинай снова.

– Примерно так я и представлял себе. Мы не виделись чертову уйму лет, но разговариваем так, как будто вчера расстались.

– Мы расстались двенадцать лет назад.

– Ты. Ты рассталась.

– Какое это имеет значение?

– Для тебя – никакого. Для тебя мало что имеет значение.

Надеюсь, что сейчас это не так.

– Люди не меняются, Костас. Они могут постареть, но они не меняются.

– Я искал тебя.

– Напрасно.

– Я искал тебя. Но всегда знал, что, если мы встретимся... когда-нибудь... это будет случайная встреча.

– Тогда зачем искал?

- Надо же было чем-то занять себя.
- Только не говори, что это единственное, чем ты занимал себя эти годы. Ты преуспел, как я посмотрю.
- Я всегда был удачлив.
- Да. Ты с девушкой? Хорошенькая...
- Это не моя девушка.
- Жаль. И эта стрижка ей идет.
- А ты отрастила волосы.
- Уже давно. Наверное, тебя ждут? Нельзя заставлять хорошенькую девушку ждать. Даже если это не твоя девушка. Знаешь, сколько приходит нелепых мыслей, когда ждешь?
- Знаю. Случаются даже опасные. Кто эти двое сопляков?
- Мой муж и его приятель.
- И давно... ты замужем?
- Какое это имеет значение?
- Твой муж, наверное, неудачник, потому ты его и выбрала. И что ты делаешь в этой дыре?
- То же, что и во всех остальных дырах. Живу как мне вздумается.
- Это было невыносимо. И невыносимо жалок был Костас – в своих попытках заставить эту женщину отнестись к нему хотя бы с дружеским участием. Умница Ольга оказалась за тысячи миль от истины, как и все писатели, пусть и начинающие: где-то там, в бесконечных океанах, где плывет папочкин сухогруз. Костас не искал людей, чем-то похожих на его воспоминания, – потому что эта женщина (*не-Джин, не-Джин!*) не была воспоминанием ни секунды.
- Ты всегда жила как тебе вздумается, ни с кем не считаясь.
- Ты знал об этом с самого начала.
- Но я надеялся... что со мной будет по-другому.
- С чего бы? Ты не лучше всех остальных.
- А этот сопляк, твой муж? Он лучше?
- Нет. И он такой же, как и все.
- Тогда почему он? Я не понимаю...
- Тебя ждут.
- Который из них? Который из них твой муж? Они смотрят на тебя одинаково.
- Одного из этих двоих я вижу впервые в жизни.

– Это ничего не меняет. Впервые или нет. Я помню про завтрашний день.

– Если я скажу, что мне приятно, что ты не забудь, – ты уйдешь?

– Но тебе ведь все равно. Так что нет смысла уходить.

– Мы не можем стоять здесь вечно. Нам тоже пора. Мне все равно, но заставлять нервничать незнакомых тебе людей невежливо.

– С каких это пор ты стала переживать за других людей?

– Даже не начинала. Но мелодрама не мой жанр. Тем более на автостоянке, при некотором количестве зрителей. Полагаю, что я не единственная, кто не в восторге от этой мизансцены.

Только сейчас Дарлинг заметила, что с неба немилосердно льется очередная порция тропического ливня. Но ни Костас, ни женщина этого не замечали. Вернее, не замечал только Костас, а женщина лишь подыгрывала ему. До тех пор, пока не подскочил блондин и не распахнул над ней купол оранжевого зонта.

– Спасибо, Шон, – сказала она по-английски, даже не сочтя нужным представить мужчин друг другу.

Так они и стояли втроем, а был еще четвертый, приклеившийся к пассажирской дверце «Лендровера», и была Дарлинг, оглушенная происходящим, и Денис Ильич, в нетерпении барабанивший пальцами по рулю.

Слышал ли он то, что слышала Дарлинг? Она очень надеялась, что нет. В магнитоле хрипел ненавистный Дарлинг Гарик Сукачев, и это был тот уникальный случай, когда она готова была назвать Гарика своим любимым исполнителем.

– Ну что такое? – бросил в пространство Денис Ильич. – Мы уже не торопимся в гостиницу?

– Сейчас.

Дарлинг оторвалась от «Фольксвагена Гольф» с единственным желанием прекратить все это. Вернуть Костасу Костаса: уверенного в себе мужчину средних лет, международного человека-загадку, легко перемещающегося по странам и континентам, блестящего переговорщика, аналитика, финансиста, владельца бенинского леопарда, немного сентиментального любителя живописи в стиле фотографического гиперреализма, ироничного красавца, от одного взгляда которого земная ось почтительно сдвигается на пару

сантиметров. И просто прекрасного человека, который не заслуживает такого с собой обращения.

Вопрос лишь в том, захочет ли сам Костас прекратить все это.

– Костас! Нам пора, – сказала Дарлинг, приблизившись к троице под тропическим ливнем. – Встреча через два часа, а еще нужно добраться до гостиницы.

Костас даже не обернулся в сторону Дарлинг, как будто не слышал ни одного ее слова. А может, и впрямь не слышал? Вместо него отреагировала женщина:

– Гостиница, конечно, «Интерконтиненталь»?

– Да, – машинально ответила Дарлинг.

– Это недалеко. Вы доберетесь за десять минут. Представь нас, Костас.

Кажется, Костас не сразу сообразил, что от него требуется. Но потом все же выдал из себя:

– Это... Дарья. Мой личный помощник.

– Неужели Дарья?

Женщина рассмеялась, запрокинув голову. И это был удивительный смех – нежный, но и угрожающий одновременно. Смех с двойным и тройным дном. Смех-западня. Смех – резная шкатулка, открывать которую не стоит, потому что совершенно неизвестно, что там обнаружится – осиное гнездо, пауки или кобра, раздувшая капюшон. В первую секунду Дарлинг возненавидела этот смех. А во вторую поняла, что не может ненавидеть – ни его, ни женщину. И что бы ни сделала эта женщина, она будет права. А все остальные, даже Костас, – не правы.

Мучительница Костаса (или жертва Костаса) между тем достала из кармана сигаретную пачку и ловко выбила сигарету:

– Пожалуй, это известие стоит перекурить. Как ты думаешь, Костас?

Костас молчал. И Шон, бесплатное приложение к оранжевому зонтику, не проронил ни слова. Все в оцепенении наблюдали, как она прикуривает, как делает первую затяжку. Теперь и Дарлинг могла рассмотреть женщину – не тайком, а на вполне легальных основаниях. По праву знакомства, хотя Костас так и не сказал, кто она такая.

Впрочем, и так все ясно: женщина, которая отказывается быть воспоминанием.

Конечно же, это была не Джин. Но не менее красивая, чем Джин, и, несомненно, способная примерять мужские шляпы, и молчать в кофейне, и кормить чаек на берегу...

Нет, она не станет тратить время на чаек. И на людей тоже, разве что на шляпы.

И безумный конец Джин – не ее история. Или ее история, но тогда в той страшной машине окажется кто-то другой. Кто-то, кто хотел быть выслушанным ею. Услышанным.

Так в первую секунду подумала Дарлинг. А во вторую...

– Шон зовет меня *Даша*. Звучит несколько жеманно и не совсем по-английски... Да и не по-русски тоже, но... Мне нравится. Наверное, так и стоит меня называть – *Даша*. Во избежание путаницы. Вы не против, Дарья?

Вот оно что! Вот почему Дарлинг подсознательно смущала та легкая, почти неуловимая пауза, которую Костас делал всякий раз, называя ее по имени. Он как будто набирался сил. Как будто задерживал дыхание, как задерживает дыхание пловец, прежде чем нырнуть в океанскую волну. Именно на это надеялся Костас – на океанскую волну, которой невозможно противостоять. Но каждый раз он оказывался в стоячей воде на мелководье.

Все это время несчастная Дарлинг была мелководьем, даже не подозревая об этом.

– Костас говорил вам, что вы хорошенькая, Дарья?

Проклятье, как отвечать на этот вопрос? Хуже нет уничижительного «хорошенькая». Это не предполагает ничего, кроме скоропортящейся внешности. «Хорошенькая» бездумно бежит на длинной цепи посреди мусорной свалки, облаивая все то, что представляет истинную ценность. В устах *Даша* это совсем не комплимент, но и не вызов, не желание противопоставить банально симпатичную мордашку Дарлинг своей собственной зрелой неотразимости. Это всего лишь замечание вскользь, которое делают для того, чтобы тут же забыть; просто так обломанная и тут же выброшенная ветка. Кто будет помнить о ветке?

– А вам? Вам он такого не говорил?

– Нет. – *Даша* впервые посмотрела на Дарлинг со снисходительным любопытством. – Но думаю, это слово не совсем мне подходит.

– Вы не поверите, но то же самое я думаю о себе.

И снова *Даша* рассмеялась своим странным смехом-перевертышем:

– У вас удачная стрижка, Дарья. У меня была такая же. Очень давно, когда я могла позволить себе роскошь обидеться на слово «хорошенькая».

Она как будто издевается. Как будто не замечает Костаса, и Шона, и приятеля Шона. Как будто есть только она и Дарлинг, а раздавить и уничтожить Дарлинг – совсем не проблема. Всего лишь вопрос – не времени, нет, это можно было бы сделать немедленно, – выбора средства. *Даша* не преследует никакого умысла и вряд ли испытывает к Дарлинг неприязнь, даже подсознательную, – какую обычно испытывают стареющие женщины к юным безмозглым засранкам только потому, что они юные. Нет, Дарлинг не юна, она просто моложе. Неприязнь к «моложе» – диагноз затяжной хронической болезни, от которой невозможно оправиться. А можно только кочевать с этажа на этаж, из отделения интенсивной терапии в отделение реанимации, опускаясь все ниже и ниже, в преисподнюю старости. Но с *Даша* не срабатывает и этот фактор, убийственный для большинства женщин. И определение «стареющая» пробуксовывает, в *Даша* нет ничего от стареющей женщины; возраст – последнее, о чем можно подумать, глядя на нее. Дарлинг пытается найти бреши в крепостной стене, над которой развевается флаг с гордым именем *Даша*, – и не находит. Ни единой щели, ни одного уступа, за который можно уцепиться, чтобы, поднявшись наверх, переломить древко флага об колено. Остается лишь расшибить себе лоб об эту стену, как когда-то расшиб его Костас. Как теперь расшибает несчастный Шон, бледный и вымокший до нитки рядом со спасительным зонтом, под который его никто не пригласил.

Они все вымокли до нитки.

Все, кроме *Даша*, так и есть: она всегда выйдет сухой из воды.

И будет жить как ей вздумается.

– Дождь кончился, милый, – сказала *Даша* и щелчком выбросила окурок в ближайшую лужу.

«Милый», **my dear**, предназначено для Костаса, совсем не для Шона. Для Костаса, который – в лучшем случае – останется Костасом, но никогда не будет «милым». Шон здесь приманка, которой *Даша*

дразнит того, кто искал ее годы, но так и не нашел. Да нет же, не дразнит!.. Дразнить – умысел, а *Даша* не преследует никакого умысла, как и в случае с Дарлинг. Она бесстрашна, как ребенок, посадивший в банку насекомых и теперь раздумывающий, что бы такого с этими насекомыми сотворить: оторвать им лапки или сразу голову. И в этом нет ни капли эмоции, лишь любопытство экспериментатора. Отличие *Даша* от ребенка в том, что ребенок в состоянии поверить, что оторванную голову можно приставить обратно и все будет как прежде. И даже лучше прежнего. А если насекомых несколько (как сейчас, как сейчас!), головы можно специально перепутать, переставить местами. И посмотреть, что получится.

Ничего хорошего.

Ни один ребенок не знает этого. А *Даша* знает.

– Вы надолго в Пномпень, Дарья?

Она обращается только к Дарлинг, как будто и нет рядом никакого Костаса, и это так мучительно, что хочется плакать.

– Нет. Завтра днем мы улетаем. – Еще никогда мысль о предстоящем полете не приносила Дарлинг такого острого ощущения радости и безопасности.

– Прилететь из России на другой конец света всего лишь на сутки?

– Меньше чем на сутки. Такова специфика работы.

– Понятно. Очень жаль.

Дарлинг нисколько не жаль. Ни на волос не жаль, ни на мгновение. Но почему молчит Костас?

– Завтра у меня день рождения, – сообщает *Даша* с обезоруживающей, острой, как кинжал, улыбкой. – Ничего особенного, всего лишь сорок. Соберется небольшой круг близких друзей. И я была бы рада видеть вас...

– Меня? – Дарлинг совершенно сбита с толку. Экспериментатор *Даша* с ловкостью переставила их с Костасом насекомые головы и даже не заметила этого.

– Вас. И Костаса – на правах старого друга. Очень старого. Мы с Шоном были бы рады вас видеть, не правда ли, милый?

Даша дублирует последнее предложение на английском, и ее несчастный **my dear** рассеянно кивает, слабо понимая, что же на самом деле происходит.

– Я сожалею... и с днем рождения!

Дарлинг могла бы придумать фразу и поумнее, но что поделаешь, если на плечах у нее голова Костаса, в которой нет ни одной маломальски стройной и связной мысли. А те, что есть, в панике мечутся под черепной коробкой, отталкиваясь от ее стенок и пикируя вниз на торчащую арматуру «я сожалею». У «я сожалею» острые рваные края, и раны тоже получаются рваными, несовместимыми с жизнью, – неужели Дарлинг сожалеет? Так сильно, что готова умереть?

Дарлинг несколько не жаль. Ни на волос, ни на мгновение. Смертельно сожалеет Костас, но он все еще молчит.

– Ну что ж. – Снова эта острая улыбка – кинжал и укол обезболивающего одновременно. – В любом случае мне было приятно познакомиться с вами, Дарья. И повидать тебя, Костас. И мне действительно жаль, что наше знакомство было таким коротким. Но если вы надумаете еще раз посетить Пномпень – дайте знать. Я буду рада вас видеть в любое время. Шон, милый, дай Дарье визитку.

Англичанин послушно лезет в маленькую сумку, прикрепленную к поясному ремню. Несколько секунд роется там, вынимает наконец маленький плотный прямоугольник картона и протягивает его Дарлинг. Пальцы Шона мелко дрожат.

Какого черта! Зачем ей визитка мужа женщины, которую – о, как сильно надеется на это Дарлинг! – она больше не увидит. Которую постарается забыть, которую начнет забывать прямо сейчас, стиснув зубы и сжав кулаки.

– Это визитка моего мужа, но по ней вы всегда сможете найти и меня.

Дарлинг ни минуты в этом не сомневается: где *Даша* — там и дурацкий молодой англичанин с оранжевым зонтом, с махровым халатом на изготовку, с комнатными тапочками в зубах. Если бы Шон был собакой – какой бы собакой он был? Не кавказцем, не ротвейлером – той-терьером или карликовым пинчером, хотя по костяку больше напоминает борзую. Какой бы ни был – любой пес отличается преданностью хозяину. Хозяйке. А пес Шон демонстрирует еще и историческую той-терьерскую верность, бедняга.

– Удачного Пномпеня, Дарья. И тебе, Костас. И удачного полета завтра.

...Они молчали всю дорогу до отеля. Сидевшая на переднем сиденье Дарлинг то и дело заглядывала в зеркало над приборной панелью: как там Костас? Но зеркало пустовало – Костас забился в самый дальний угол. Еще оставалась надежда на Дениса Ильича – вот было бы здорово, если бы проклятый идиот разрядил обстановку своей болтовней.

Но и Денис Ильич как воды в рот набрал, он даже не комментировал (очевидно, под дамокловым мечом уже забытых Дарлинг угроз и санкций) мелькающий за стеклами городской пейзаж. От нечего делать она стала изучать визитку Шона, не слишком, впрочем, информативную:

SHEAN BARBER

photographer, cameraman

Далее следовал номер мобильного телефона. Все.

Оператор и фотокорреспондент, ничего удивительного, – чем еще заниматься англичанам в странах третьего мира, после того как их колониальная империя рухнула? Не важно, что здесь, в Камбодже, наследили французы: аборигенам совершенно все равно, кто высасывал из них соки – англичане, французы или примкнувшие к ним португальцы с испанцами. Это теперь они миссионерствуют, волонтерствуют, массово прививают население против малярии, желтой лихорадки и туберкулеза. И, отягощенные чувством вины за совершенное их предками, почтительно придерживают дверь в свой уютный европейский мир. Чтобы как можно большее количество аборигенов влезло туда и поплотнее там утрамбовалось.

А еще они снимают видовые зарисовки из жизни аборигенов, находя ее нищету не лишенной поэзии. Или – репортажи о нескончаемых военных переворотах. Шон, очевидно, в этом преуспел. Или – не преуспел? – *Даша* ведь не любит тех, кому повезло.

Мысли о *Даша* снова начинают одолевать Дарлинг: *Даша* и Шон, *Даша* и Костас, *Даша* и она сама; и получается так, что *Даша* существует отдельно от всех, за пеленой тропического ливня: ее можно разглядеть в мельчайших подробностях, но что-то важное – самое важное! – обязательно ускользнет. В четком, просвеченном до последнего штриха микрокосме художника Саорина ей делать нечего.

Чтобы избавиться от навязчивых мыслей о *Даша*, Дарлинг попыталась сосредоточиться на картинках за стеклами «Фольксвагена». Миниатюрные мусорные свалки прямо на грязных тротуарах; многоквартирные, трущобного вида дома – хаотично и без всякой системы чередующиеся со скрытыми за высокими заборами виллами. Цвет этих каменных заборов – преимущественно розовый и голубой, иногда они украшены позолоченными львами, больше похожими на собак.

«Фольксваген» двигался в потоке мопедов и тех самых маленьких крытых фиакров на мопедном ходу. Тротуары кишели людьми, занятыми самыми разнообразными делами: они толпились у жаровен с едой, у дверей бесконечных лавчонок, сидели на корточках у стен, перетаскивали подобие мебели, разливали по канистрам и полуторалитровым пластиковым бутылкам подобие бензина; а потом Дарлинг увидела пожилую женщину, по виду – англичанку или скандинавку. Она ехала на велосипеде, ловко лавируя в потоке мопедов и машин. Что делает здесь престарелая высушенная леди?

А что делает здесь *Даша*!

Живет как ей вздумается.

По мере приближения к «Интерконтиненталю» улицы становились чище, а ближние подступы к отелю и вовсе сверкали чистотой. Он оказался внушительных размеров высотным зданием, похожим на раскрытую книгу, с маленьким, усаженным пальмами парком перед фасадом. Попрощавшись с Денисом Ильичом, Дарлинг и Костас наконец-то остались одни.

Костас, казалось, снова стал самим собой – таким, каким привыкла видеть его Дарлинг. Спокойным, уверенным в себе человеком, *преуспевающим в этой жизни*. Костас оставался собой, пока они регистрировались у портье на ресепшне и получали ключи от номеров. Но все закончилось в лифте, когда Дарлинг, глядя на панель с мерцающими цифрами этажей, спросила:

– Что это было?

– Что? – не сразу ответил он.

– Там, на стоянке.

– То, что не входит в вашу компетенцию, Дарья. Этот вопрос я считаю закрытым.

Последующие два этажа прошли в полном молчании.

- Вот что. Завтра вы полетите одна.
- Но...
- Этот вопрос я тоже считаю закрытым.
- А вы? Останетесь здесь?
- Продлите мне гостиницу еще на сутки.
- Хорошо. А если суток окажется мало?
- Продлите на двое.
- А если и в двое не уложитесь?

Зачем она говорит все это? И до сегодняшнего дня Дарлинг не всегда соблюдала субординацию, но Костас относился к ее закидонам и вольностям снисходительно. Теперь снисходительностью и не пахнет: он с трудом сдерживает ярость. Если бы он мог – он бы ударил Дарлинг наотмашь, стер бы с ее лица глаза, которые видели *Даша*, уничтожил губы, которые говорили с *Даша*; единственное его желание – чтобы кончился этот лифт, и кончились ранящие его вопросы, и кончилась память Дарлинг о тропическом дожде на стоянке.

– Не ваше дело, уложусь я или нет.

– Отчего же не мое? Я пока еще ваш личный помощник и отвечаю за ваши перемещения в пространстве.

– Считайте, что вы уволены.

Такого поворота событий Дарлинг не ожидала. Лучше бы он и впрямь ударил ее. Это еще можно было понять, во всяком случае – объяснить. И сунуть в спасательный круг объяснения мальчика Костаса, которого настигла и ударила под коленки прошлая, но так и не изжитая любовь. А сейчас перед ней не мальчик – уязвленный самец. Отыгрывающийся за свое любовное фиаско на ком ни попадя. И он не смог бы спасти Джин не потому, что его не оказалось рядом. А потому что он слабый, слабый, слабый.

– Отлично. Значит, с сегодняшнего дня я уволена?

– С завтрашнего.

– И с завтрашнего дня я буду свободна?

– Абсолютно. Единственное, что от вас потребуется, – по приезде в Питер привести в порядок дела.

– Отлично, так я и поступлю. Когда вернусь в Питер. А пока как свободный человек... Ведь с завтрашнего дня я свободный человек?

– Абсолютно.

– Так вот. Как свободный человек я собираюсь принять приглашение вашей знакомой. И остаться здесь еще на день. Или на два. Или как получится. Вряд ли мне еще представится случай побывать в Камбодже, так что этот я намерена использовать на всю катушку.

Ну что-то ты теперь будешь делать, Костас Цабропулос?

– Но пока еще я ваш личный помощник, напоминаю: у вас встреча через два часа. Мой этаж. Всего доброго, Костас.

Выйдя из лифта, Дарлинг тут же едва не согнулась пополам от душившего ее нервного смеха. Сцена в лифте – это нечто! Видел бы ее папочка... Хотя нет, папочка бы не одобрил такие импровизации в общении с работодателем. Папочка – моряк, человек дисциплины и порядка, о-о-о, видел бы ее Паоло!.. Не признающий никаких авторитетов индивидуалист-камикадзе. Вот редкий случай, когда Паоло не стал бы таранить нелепый линкор Дарлинг, совсем напротив – покачал бы ему крыльями. Не-ет, она и вправду была хороша. Неотразима. Или – отразима в *Даша*: всего лишь за час две совершенно разные женщины уделали непрошибаемого Костаса. Совершили то, что и не снилось представителям крупных компаний. Пригласить бы их в лифт, пригласить бы их на автомобильную стоянку; жаль только, что в лифте поместятся не все!.. Пришлось бы запускать их в кабину порционно и повторять сцену, не слишком отходя от уже найденного драматургического решения.

Но и на этом все не закончится.

Уязвленному самцу еще придется прийти на поклон к Дарлинг: надо же как-то искать концы и выходить на связь с *Даша*. А все концы спрятаны в сумке Дарлинг, визитка-то у нее! Сколько времени понадобится Костасу, чтобы осознать эту истину, переломить себя и обратиться к ней за помощью? На переговоры, ради которых и затевалась поездка в Пномпень, он все же поедет, не конченный он дурак. В любом случае к вечеру, ночи или завтрашнему утру плод созреет и упадет к ногам торжествующей Дарлинг.

Плод созрел даже раньше, чем она могла предполагать.

Не успела Дарлинг выйти из душа, облачиться в махровый гостиничный халат и высушить волосы, как в дверь номера постучали. Открыв дверь, она обнаружила за ней Костаса.

– Я должен извиниться, – тихим и ровным голосом сказал он. – Я вел себя недостойно.

– Проходите. – Посторонившись, Дарлинг пропустила его в номер, и Костас прошел прямо к окну, за которым открывался вид на парк перед отелем, аккуратно постриженные прямоугольные газоны и целую цепь таких же прямоугольных прудиков.

За все время их короткого разговора он так и не обернулся, и Дарлинг в какой-то момент пришлось даже напрячься, чтобы поймать все слова, выскакивающие из-за его спины.

– Я вел себя недостойно, – снова повторил Костас. – В лифте.

– Проехали.

– И я прошу вас не относить произошедшее к себе лично.

Никто и не относит. Произошедшее можно отнести только к *Даша* — отнести и бросить под ноги. Положить к ногам, как и всю предыдущую жизнь Костаса Цабропулоса, о которой остается только догадываться.

– Позвольте мне ничего не объяснять вам.

– Хорошо.

Никаких объяснений не требуется, и так все понятно.

– И насчет увольнения... Я был не прав. Вы меня полностью устраиваете, и мне бы хотелось работать с вами и дальше...

– Устное распоряжение об увольнении отменяется?

– Считайте, что его не было вовсе. Но завтра я не лечу обратно.

– Это я уже поняла.

– Вы можете улететь и ждать меня в Питере.

– Знаете что, Костас? Мне бы тоже хотелось остаться. На правах личного помощника... И вот еще что... До сих пор я приносила вам удачу, разве нет? Вы же сами говорили, что новичкам везет. Так что вам лучше держаться поближе ко мне.

Теннисный мячик ответа завис над невидимой сеткой, отделяющей Дарлинг от Костаса. Она еще успела подумать о том, что единственный человек, к которому Костасу хотелось бы держаться поближе, – это *Даша*.

– Хорошо, – наконец согласился он. – Позвоните этому... английскому щенку. Договоритесь и уточните время. Мы поедем туда вместе.

«Щенок» – его единственный прокол. Все остальные эмоции Костасу удалось сдержать, правда, Дарлинг не видела его лица, а в оконном стекле отражается лишь светлое пятно, исчерченное пальмами, лужайками и одним из прудиков.

– Когда должна прийти машина?

– В шестнадцать пятнадцать по местному.

– Я буду ждать вас в холле в шестнадцать десять. Вечером вы можете быть свободны. Только... закажите мне бутылку коньяка в номер.

– Какого?

– «Шабасс».

«Шабасс» означает проблему, решения которой у Костаса нет.

– А если «Шабасса» здесь не найдется?

Даже если «Шабасса» не найдется во всей Камбодже и странах, граничащих с ней, проблема не рассосется сама собой. Теперь проблема *Даша* будет вечно преследовать его, хоть залейся чертовым «Шабассом». Хоть закупи завод по его производству, а заодно фабрику по производству сигар Н. Urmann.

– Достаньте его в другом месте. Купите.

– Хорошо. Я постараюсь.

...Свободный вечер Дарлинг начался со звонка Шону Барберу. Представившись, она сообщила ему, что Костас принимает предложение жены Шона, оно все еще в силе? Несколько секунд в трубке не было слышно ничего, кроме шороха и потрескивания, после чего последовал вопрос:

– Вы будете вдвоем?

– Да. К которому часу нам нужно подъехать и куда?

Еще через несколько секунд Шон выдал адрес, судя по голосу, с не очень большой охотой.

– Мы планируем начать в районе семи.

– Отлично, в семь. Всего доброго, Шон, до завтра.

Покончив с англичанином, Дарлинг тут же набрала Дениса Ильича.

– Ты, кажется, что-то говорил относительно вечера, – сказала она без всяких предисловий.

– У меня не занят, – радостно откликнулся проклятый идиот. – Вернее, было одно дельце, но ради тебя я могу его и задвинуть.

- Было бы неплохо.
- Тогда я заеду за тобой в отель. Или лучше сказать – за вами?
- Я буду одна.
- Круто! Когда подать машину?
- Давай через полчаса.
- Круто! Через полчаса буду как штык!..

Все это вовсе не было круто, и перспектива потратить пусть и небольшую часть своей жизни на идиота не прельщала Дарлинг, но... Денис Ильич – близкий приятель английской борзой и наверняка вхож в дом. Следовательно, он знает и *Даша*. И из него, при правильно рассчитанной стратегии, можно будет выдоить кое-какую информацию о семействе Барберов. Неполную и, скорее всего, не очень достоверную, но это лучше, чем ничего.

Через полчаса Дарлинг уже садилась в чисто вымытый (и когда только идиот успел подсутиться?) «Фольксваген» Дениса Ильича. Сам Денис Ильич тоже сиял не хуже своей таратайки. Вместо нелепого дневного костюма с галстуком на нем была цветастая гавайская рубашка навыпуск и длинные, по колено шорты со множеством карманов. И только кроссовки остались прежними. Теперь из них торчали белые махровые носки.

– Куда двинем? – спросила Дарлинг, набрасывая на себя ремень безопасности.

– В одно центровое место. Тебе понравится.

«Центровое место» оказалось уютным трехэтажным особняком в колониальном стиле на набережной Меконга. О Меконге, а заодно об особенностях Камбоджи вообще и Пномпеня в частности Дарлинг успела узнать по пути. Как и о мопедах с крытыми повозками – их Денис Ильич откомендовал «тук-туками». Все это вместе характеризовалось двумя словами – «полная шняга». Приехать сюда туристом и пошастать по местным достопримечательностям – еще туда-сюда, но жить здесь постоянно не у каждого хватит терпения и сил. До Пномпеня Денис Ильич успел пожить во вьетнамском Сайгоне, который нравился ему не в пример больше нынешнего места дислокации, хотя и тоже был шнягой.

- Но не полной? – уточнила Дарлинг.
- Нет. Просто шнягой.

Высказавшись в таком незатейливом ключе, Денис Ильич неожиданно переключился на сравнительные характеристики вьетнамок и кхмеров, и, по его словам, выходило, что вьетнамки намного раскованнее, а уж как партнерши... В Сайгоне у Дениса Ильича была одна цыпочка местного разлива, так она была та-акая кисонька, ну такая зая, *до полного крышесноса*.

– Что же ты не женился на своей зае?

– Дурак я, что ли? Я, что ли, старый хрен американец?..

– Значит, ты ее оставил?

– Ха! Это она меня оставила. Променяла как раз на старого хрена американца, ветерана вьетнамской войны. В Сайгоне это сплошь и рядом: как увидишь старпера-америкоса, та-акого всего – в коже, татуировках и джинсятине, и с бородой веником... Знай: где-то неподалеку от него всегда сыщется какая-нибудь местная цыпочка. А ведь дедуля этой цыпочки стопудово против старпера воевал в шестидесятые. Вот она – диалектика, единство и борьба противоположностей. Скажешь, нет?

– Действительно, диалектика, – вздохнув, подтвердила Дарлинг. – А как они все это объясняют?

– Кто?

– Ну там заи всякие, кисоньки?

– А, говорят, у них философия такая: что было – то было. Страница перевернута и навсегда закрыта. Ни хорошего не вспоминаем, ни плохого – жизнь с чистого листа. Вот как с таким народом дело иметь?

– Что же ты на родину не вернешься, если здесь все не слава богу?

– Что я, дурак, что ли? На родине та же шняга, только там еще и холод собачий. А я вот холодов не переносу, у меня от них сразу деятельность головного мозга прекращается...

У Дарлинг были сильные сомнения относительно наличия у Дениса Ильича головного мозга в принципе, но вслух она их не высказала. А ободренный ее молчаливым вниманием Денис Ильич продолжил поливать грязью пномпеньскую действительность («сплошная вонь и антисанитария, мать ее!»), местных жителей («вечно они бабло клянчат, ленивцы хреновы!»), правила дорожного движения («ты прикинь, их просто нет!»). В итоге сдержанного одобрения Дениса Ильича удостоилось только местное пиво «Ангор».

– Может, по нему тогда и хряпнем, по пивасику? За знакомство, а?

– Вообще-то, я не пью пиво.

– Жаль. А я тебя как раз пивом угостить хотел. Моя зая из Сайгона очень пиво любила, кстати...

В FCC, или Доме иностранных журналистов (именно так называлось центровое место), было полно народу – преимущественно европейцев. Большие и не очень компании, одиночки с ноутбуками, несколько десятков празднующихся туристов с фотоаппаратами и видеокамерами: последние группировались в основном на террасе третьего этажа, откуда открывался вид на набережную. Именно туда и привел Дарлинг Денис Ильич. Заказав себе противомалаярийный джин-тоник, она некоторое время наблюдала за ни на секунду не прекращающимся людским потоком и рассеянно слушала о планах Дениса Ильича на ближайшее будущее. Почему-то они были связаны с Австралией, куда тот собирался перебраться на ПМЖ в ближайшие пять лет. Австралия – это не говенная трущобная Азия, куда можно попасть лишь по работе или по недоразумению (одноразовые туристические варианты в расчет не берутся). Австралия – это рай земной со всеми удобствами, последнее прибежище чистого разума. И если Землю накроют-таки катаклизмы глобального масштаба, то спастись от них получится лишь в стабильной экологичной Австралии, затесавшись в группу половозрелых кенгуру.

– А этот твой приятель, англичанин... – Дарлинг постаралась, чтобы вопрос прозвучал как можно нейтральнее. – Чем он здесь занимается?

– Шон?

– Ну да, Шон.

– Точно не знаю. Вроде бы он снимает фоторепортажи для каких-то журналов. Собирался замутить большой кинопроект, но не срослось. А зачем тебе Шон?

– Ни за чем. Просто так. Просто интересный парень.

– По мне – так ничего особенного, хоть он мне и приятель. Типичный подкаблучник... Видела его жену?

– Тогда, на стоянке?

– Угу. Она его старше лет на десять... Вот как ты думаешь, кто по этому поводу должен убиваться?

– В каком смысле?

– Ну там ревность и все такое...

– Не знаю. По-разному. А что?

– А то, что он как раз по ней убивается, а не наоборот. Я как-то зависал с ним пару раз на пиве и траве, когда у них нескладушки в семейной жизни случались, – больно смотреть на человека.

– У них случались... нескладушки?

– Ну мне так казалось. Хотя Шон – он скрытный. Ничего особенно не рассказывает. А с ней я вообще едва знаком, хоть она и русская. Так – здравствуйте, мэм, до свиданья, мэм. Как-то раз здесь пересеклись – и опять же: привет – привет. А вообще в таких теток лучше не влипать. Выйдет боком.

– В каких это «таких»?

– По мне – так она конченная стерва. Хотя девчонка у них смешная получилась.

– Какая еще девчонка?

– Дочь.

Дарлинг едва не поперхнулась джином: вот это новость, у *Даша*, оказывается, есть дочь, причем от этого малахольного англичанина. Собственно, Дарлинг нет до этого никакого дела, но в таком случае Костасу можно только посочувствовать. Двое – еще не семья, не совсем семья, – так, некрепкий дом на сваях, но когда речь идет о троих... Бедный Костас!

– А вообще все неправильно, – неожиданно резюмировал Денис Ильич.

– Ты о чем?

– О Шоне и его жене. Вот каждый раз, когда я смотрю на них, прямо так и думаю: все неправильно.

– Это из-за разницы в возрасте? По-моему, ты узко мыслишь.

– Да не из-за разницы, и совсем не узко. Мне вообще по барабану чужая личная жизнь, если честно. Но когда я смотрю на них... Нет, неправильно! Неправильнее, чем старый хрен американец, который таскается с внучкой своего врага... Не монтируется. Она совсем не для него, эта тетка.

– Не для Шона? – уточнила Дарлинг.

– Ну да.

– А для кого?

– Ни для кого. Что она здесь делает – непонятно... Ни эта страна не монтируется, ни мужичок при ней... О-о, помяни черта – черт и выпрыгнет!

Возглас Дениса Ильича относился к двоим, появившимся на террасе: Шону и его другу, которого Дарлинг видела в аэропорту. В руках у обоих было по бокалу пива, а у Шона еще и блюдо с орешками. Порыскав глазами в поисках свободных мест и не найдя их, они двинулись было к парапету, где толпились пара десятков шумных китайцев с фотоаппаратами. Но, заметив Дениса Ильича, Шон резко изменил траекторию движения.

После короткого «Хай» и приветственного рукопожатия Шон поинтересовался, можно ли присесть и не помешают ли они беседе своим присутствием.

– Мы как раз собрались уходить, – на колченогом английском сообщил Денис Ильич, чем поверг Дарлинг в легкое замешательство. – Хочу показать гостье кое-какие прелести ночного Пномпеня.

Отправиться на поиски приключений с проклятым идиотом – этого она хотела сейчас меньше всего. И еще за несколько секунд до появления англичан раздумывала, как бы половчее от него отвязаться: вечер убит напрочь, а цель так и не достигнута – она знает о *Даша* и ее жизни здесь не больше, чем до джина с тоником. Разве что прибавилась дочь, чей отец сидит сейчас напротив и смотрит на Дарлинг в упор, как будто пытаюсь разглядеть за ее спиной фигуру другого мужчины. Костаса.

– Со мной вы уже знакомы, – сказал Шон. – А это мой друг Кристиан.

– Можете звать меня Крис, – тут же вклинился друг Шона.

– А я Дарья. Можете звать меня...

Можете звать меня Даша, а с ударениями разбирайтесь сами...

Нет, так не пойдет, одна *Даша* уже есть.

– Можете звать меня Дарлинг. Так меня зовут друзья в России.

Шон побарабанил кончиками пальцев по пивной кружке и посмотрел на Дарлинг с легкой иронической улыбкой:

– Мы же не в России. И мы не ваши друзья.

Отыгрывается за оранжевый зонт, и неприглядную сцену на стоянке, и последующий телефонный звонок, вот гад! Все, что требуется Дарлинг, – в течение секунды, максимум двух, сочинить

искрометный и не менее ироничный, чем улыбка Шона, ответ. Но ответить она так и не успела.

– ...но очень бы хотели ими стать! – Это Крис, какой же он миляга!

Если разобраться, Крис вовсе не был милягой: самый обыкновенный парень, каких тысячи, – не красавец и не урод. Из тех, чью внешность потом приходится восстанавливать в памяти годами, ступенька за ступенькой поднимаясь от подбородка к мягко очерченным губам и выше – к глазам, опущенным длинными ресницами... Единственное неудобство – большинство ступенек стерто, на них не удержаться, разве что...

Очень длинные ресницы. Длинные настолько, что определить за ними цвет глаз практически невозможно. Кажется, они все-таки светлые. А волосы – темные.

– Вы здесь надолго? – светски поинтересовался Крис.

– Думаю, на пару-тройку дней, не больше. Это деловая поездка. – Ничего смешного во фразе Дарлинг не было, но Шон не удержался и хмыкнул.

– Я собираюсь в Ангкор-Ват. Надеюсь отправиться туда с Шоном, но как раз завтра он не может.

– День рождения жены, сам понимаешь. Нужно готовиться.

– Конечно. Так что поездку в Ангкор придется отложить на потом и довольствоваться достопримечательностями Пномпеня. Не хотите присоединиться ко мне, Дарлинг? Если у вас выдастся свободное время и не будет никаких особенных планов.

– О планах я буду знать сегодня вечером, – секунду подумав, сказала Дарлинг. – Вообще это заманчивое предложение...

Теперь уже Шон и Денис Ильич хмыкнули синхронно.

– Я покину вас ненадолго...

Не то чтобы Дарлинг так уж сильно хотелось отправиться попудрить носик. Но заглянуть в зеркало хотелось точно. И еще – хоть несколько минут поразмышлять о Крисе, не отвлекаясь на него самого. Когда возникло это странное ощущение, что они давно знакомы? А они знакомы пять минут, если не считать фигуры у здания аэропорта, с рюкзаком и странной сумкой, напоминающей футляр для музыкального инструмента. Тогда Кристиан был всего лишь статистом, цветовым пятном, не больше. У «Лендровера» он стоял,

вцепившись в пассажирскую дверцу и пожирая глазами чужую жену. Дарлинг это нисколько не задевает, потому что ощущение давнего знакомства идет не оттого, что Крис смертельно понравился ей как мужчина, вовсе нет. В случае с Костасом это еще могло вызвать удивление: в нем есть все, чтобы девяносто восемь женщин из ста влюбились по уши (две оставшиеся не охваченными страстью – Дарлинг и *Даша*). В случае с Крисом это в порядке вещей – но что же ее мучает?

Они знакомы.

По каким-то неясным ей самой признакам; мельчайшим деталям, недоступным даже внутреннему взору, – но Дарлинг не может отделаться от мысли, что они знакомы. И это родственное знакомство, никакое другое. Как будто они с Крисом долгие годы были разлучены и теперь наконец встретились. Так и есть, очень похожее на правду слово найдено: они как близнецы!

Близнецы, которые в разных концах света совершают одинаковые поступки и видят одинаковые сны. Вернее, только то и делают, что заглядывают друг другу в сны и все там переставляют по своему усмотрению.

Насчет снов, конечно, преувеличение.

А насчет всего остального... У Дарлинг никогда не было братьев, только сестра Лерка. Все дело в папочке: папочка однолюб, для него всегда существовала одна женщина – мама. Но даже если предположить невероятное... Какую-нибудь случайную связь с роковыми последствиями в одном из миллиона портов, где бросал якорь папочкин сухогруз... Да нет же! Такую связь предположить невозможно, если только речь не идет о той давней истории в Африке. Что, если папочка согласился стать мужем дочери вождя, хотя бы на ночь? И роковые последствия не заставили себя ждать? Но тогда ее африканский брат не был бы близнецом, он был бы просто братом.

И он был бы черным, на худой конец – мулатом-полукровкой.

А Крис – белый, вот бы разглядеть его поближе! Но он прячется за длиннющими ресницами, как за садовой изгородью, видна только макушка – *не хотите присоединиться ко мне, Дарлинг?*

Ну да. Имеет смысл.

Она не сразу вернулась к Шону, Крису и Денису Ильичу: отойдя в дальний и неосвещенный угол террасы с видом на симпатичные и

такие же неосвященные особнячки, достала из сумки телефон. Вряд ли Костас ответит, исходя из его нынешнего шабасс-состояния, но попытаться стоит.

Костас ответил.

– Это Дарья, – сообщила Дарлинг. – Насчет завтрашнего вечера...

– Да?

– Все в порядке. Нас ждут к семи часам. Адрес я записала.

– Спасибо, Дарья. – Голос у Костаса был ровным, но каким-то пустым. Выпотрошенным. Как будто Костас провел десять деловых встреч кряду и все они закончились безрезультатно.

– Я еще хотела спросить. Завтра днем я вам не понадоблюсь?

– Нет.

– Тогда я отзвонюсь в районе шести и...

– Хорошо.

Теперь Дарлинг могла с чистым сердцем ответить «да» на предложение Криса и проникнуть наконец за садовую изгородь; остается только вернуться к столику.

Легкий шорох за спиной заставил ее вздрогнуть и обернуться. Шон! Интересно, как он нашел ее в темноте?

– Вы меня напугали, Шон.

– Это вы напугали меня.

– Я?

– Тот мужчина, с которым вы приехали. Он знаком с моей женой.

Он приехал сюда ради нее?

– Он приехал сюда по делам.

– И чтобы повидать ее?

– Не думаю, что это входило в его планы.

– Откуда вы знаете? Вы его девушка?

– Нет. Я его помощник.

– Одно другому не мешает. Вы его девушка?

– Нет.

– Пусть он держится подальше от моей жены. Так ему и передайте.

– Сами и передавайте. Я не вмешиваюсь в дела своего шефа. Тем более личные.

– Значит, вы не отрицаете, что он приехал сюда по личному делу?

– Господи ты боже мой! Это деловая поездка, сколько можно объяснять? Мы прилетели в Пномпень, пропади он пропадом, всего лишь на сутки.

– Не получается.

– Что «не получается»?

– Сутки заканчиваются до семи вечера завтрашнего дня.

– Обстоятельства изменились, вот мы и задерживаемся.

– Обстоятельства – это моя жена?

– Послушайте, Шон... Это всего лишь случайная встреча. Иногда так бывает... Люди не виделись много лет и не увиделись бы столько же. Если бы не случай. Ни вы, ни я не можем изменить того, что произошло...

– Значит, вы тоже считаете, что что-то произошло?

Хорошо, что Дарлинг не видит лица Шона – только светлое пятно с темными провалами глаз и рта. И еще она чувствует запах, непонятно откуда исходящий. Только бы не от англичанина! – до сих пор Шон казался ей приятным молодым человеком, деликатным, хотя и немного нервным. Его чувства лежат на поверхности, они ясны, и в них нет ничего отталкивающего. Шон просто хочет защитить свою семью, жену и маленькую дочь. И он ничего не хочет знать о прошлом *Даша*, что тоже вполне объяснимо. И когда это прошлое неожиданно вторгается в его жизнь, он реагирует именно так, как и положено деликатному и немного нервному человеку:

он боится.

Но запах, который чувствует Дарлинг, – это не запах страха.

Запах гниения, так будет точнее. Едва уловимый, он пробивается сквозь другие запахи: прибитой дождем земли, цветов, распаренного асфальта. Наверное, именно так пахло тело завернутой в одеяло Джин, но Дарлинг уже давно запретила себе даже думать об этом. И что там говорил относительно Пномпеня Денис Ильич?

Вонь и антисанитария.

Так и есть – гнилью и банальной мусорной вонью тащит с улицы, и Шон здесь совершенно ни при чем.

– ...Я не считаю, что нужно реагировать именно так.

– Я буду реагировать так, как считаю нужным. Пусть он держится подальше от моей жены, иначе...

Иначе что? Настучишь чужому русскому мужику фотоаппаратом по голове? Проткнешь его оранжевым зонтиком?

– Вам не кажется, что решать все же должна ваша жена, Шон? С кем ей общаться, а с кем – нет. Даже если они были знакомы когда-то... Теперь у вашей жены совсем другая жизнь. Жизнь с вами. И у моего босса... У него тоже своя жизнь, очень напряженная, поверьте. Его дни расписаны по часам...

– Вот как! И каким было расписание на завтрашний вечер?

– Каким бы ни было – теперь оно изменилось.

– Да. – Неожиданно Шон сбавляет обороты и ломается. – Я просто предупредил. И я буду рад видеть вас в своем доме, если по-другому не получается.

Черный провал рта становится шире, и Дарлинг жаль Шона до слез, надо бы поддержать его.

– На вашем месте я бы не стала так волноваться, Шон. Ничего страшного не произошло. Мой босс – чрезвычайно порядочный человек, поверьте. Его присутствие никому не причинит неудобств.

Порядочность – совсем не то слово, которое идет в связке с любовью, но других аргументов у Дарлинг нет.

– Хорошо.

...Остаток вечера прошел без происшествий, если не считать того, что Дарлинг все же удалось заглянуть Кристиану в глаза.

Они оказались светло-серыми.

Светло-серые глаза выплыли в момент прощания, уже после того, как был оговорен завтрашний день в Пномпене: Кристиан заедет за Дарлинг в гостиницу, и они вместе отправятся на прогулку, а все желающие (выразительный кивок в сторону Дениса Ильича) могут присоединиться. У мгновенно скучившегося Дениса Ильича тут же нашлись дела, и Дарлинг вздохнула с облегчением.

– Надеюсь, прогулка не будет опасной? – все же спросила она.

– Думаю, что нет.

– Волноваться не стоит, – подтвердил Шон. – Я снабжу Криса соответствующими инструкциями. И выдам подробный список достопримечательностей.

– Тогда до завтра?

– До завтра... Дарлинг!

Именно в этот момент она и увидела наконец светло-серые глаза Криса, смотревшие на нее в упор. Ничего особенного, с тем же успехом они могли быть и зелеными, и голубыми. Его взгляд тоже не был каким-то особенным и не нес никакой информации о самом Крисе. Он не был ни оценивающим, ни заинтересованным – скорее абсолютно нейтральным: молодой англичанин ищет компаньона для завтрашнего марш-броска по незнакомому азиатскому городу. Чтобы было веселее, чтобы было с кем поделиться впечатлениями в режиме реального времени, а не из каких-нибудь других соображений. Именно об этом и говорил взгляд, никаких планов непосредственно на Дарлинг у молодого англичанина нет.

Но что-то случилось, когда их взгляды встретились.

И снова это не имело никакого отношения к Дарлинг, к чему-то внутри Дарлинг. Но ощущение было таким, как будто появился дополнительный источник света. Все предметы, все люди, окружающие ее, стали объемнее, в них появилась масса новых оттенков. Вот Шон – мнение о нем менялось несколько раз за вечер, но только теперь Дарлинг увидела в нем доселе скрытую жесткость: этот человек в состоянии вырвать кости из собственного скелета и начать ими обороняться, если уж никакого другого оружия поблизости не нашлось. На Дениса Ильича в таком случае лучше вообще не смотреть, иначе есть риск нарваться на цыпочку из Сайгона, со смешком расстегивающую zipper на его сердце.

Еще можно понаблюдать за китайцами, но Дарлинг мало интересуют китайцы.

Ее интересуется Кристиан – видит ли он то же, что и она? Слышит ли?

Звуки тоже видоизменились, хотя основная гамма осталась прежней, сопутствующей любому ресторанчику: звон бокалов, шипение кофемашины, приглушенные голоса. В подшерстке этих голосов и перекатывается слабый детский голос, хотя детей здесь нет. Едва не срываясь, он зовет: «Мамочка! Мамочка!» – скорее бы она пришла, мамочка, черт бы ее драл. Наверное, ребенок потерялся на лестнице между этажами и теперь орет как оглашенный.

– Ребенок, – сказала Дарлинг. – Где-то плачет ребенок.

– Вы тоже слышите? – Кристиан наконец-то отвел взгляд и почесал переносицу. – Возможно, он потерялся. Надо сказать бармену.

- Вы о чем? – удивился Шон. – Какой еще ребенок?
- Где-то поблизости плачет ребенок. Разве ты не слышишь?
- Нет.

Теперь и Дарлинг перестала слышать тонкий надрывный плач. Ребенок успокоился. Увидел потерянную на минуту мамочку – и успокоился.

– Уже все в порядке, – сообщил Кристиан. – Видимо, мама обнаружилась. И кому только приходит в голову таскать маленьких детей по городу в такой поздний час?

– Видимо, англичанам, – вклинился доселе обиженно молчавший Денис Ильич. – Кстати, как поживает твоя дочка, Шон?

– Отлично. Ума поживает отлично. Теперь она увлеклась рисованием, и одной только бумаги ей не хватает. Рисует на стенах в саду. И кажется, у нее есть талант.

– Очень красивые рисунки, – подтвердил Кристиан. – Для трехлетней девочки. И очень необычные.

Завтра вечером она увидит их – и необычные рисунки, и их создательницу, трехлетнюю Уму, дочь *Даши* и Шона. Хотя... Лучше бы не видеть их или увидеть при других обстоятельствах, никому не приносящих неудобств и страданий. В эту секунду Дарлинг почти ненавидела Костаса, бесцеремонно вторгшегося в чужую жизнь со своей застарелой, никому не нужной любовью.

Но стоило ей вернуться в гостиницу, как ненависть прошла, уступив место надежде: вдруг Костас решил неразрешимую для него проблему? Подумал крепко и пришел к выводу, что незачем ворошить прошлое, что лучше оставить все как есть, а не возобновлять военные действия двенадцатилетней давности. Тем более что *Даши* ясно дала понять: второго шанса не будет.

Ну же, господин Цабропулос, включите логику!

Логично мыслящий Костас уже должен был позвонить и сообщить, что завтра днем они возвращаются домой и не принимают участия в празднике, на котором их не очень-то ждали. Но Костас не звонил.

Утром следующего дня он не проявился тоже, в отличие от Кристиана, приехавшего на пятнадцать минут раньше условленного срока.

Дарлинг застала его у выкрашенного в веселый зеленый цвет тук-тука разговаривающим с водителем. Кристиан тыкал пальцем в развернутую карту города, а водитель – маленький, похожий на подростка кхмер – кивал головой, соглашаясь.

– Мы поедem вот на этой этажерке? – вместо приветствия поинтересовалась Дарлинг.

– Это довольно удобная этажерка. – Кристиан встал на защиту зеленого тук-тука. – И самый распространенный здесь вид транспорта. После мопедов, разумеется. Я арендовал ее до трех часов дня, так что у нас целых пять часов на Пномпень.

– А она... не опрокинется? Вместе с содержимым?

– Вроде бы подобных случаев еще не было. Но я могу уточнить у тук-тукера...

– Как вы сказали? У тук-тукера?

– Водителя тук-тука логично было назвать тук-тукером, разве нет?

При слове «логично» Дарлинг вновь вспомнила о Костасе и помрачнела.

– Что-то не так?

– С чего вы взяли?

– Вы выглядите грустной. Плохо спали?

– Да нет, все в порядке. Куда мы направляемся?

– Значит, так. – Тут Крис вынул из нагрудного кармана рубахи новехонькую записную книжку и открыл ее на первой странице. – Во-первых, Королевский дворец. Затем Ват Пном, центральный буддистский храм. Национальный музей. Затем...

– Боюсь, за отведенное время мы не уложимся и в половину вашего списка. А вообще, я терпеть не могу всякие экскурсионные места.

– Я тоже их терпеть не могу, – неожиданно легко согласился Крис.

– Тогда к черту Королевский дворец.

– И Национальный музей?

– И его.

– А буддистский храм?

– Если только он окажется у нас на пути.

– Там выпускают птиц из клеток. Хотите выпустить птицу из клетки? А потом мы сможем просто погулять по городу.

– Вариант с птицей мне нравится.

– Тогда поехали. Это недалеко.

После первого перекрестка Дарлинг нашла тук-тук довольно милым средством передвижения, особенно для ничего не значащей дорожной беседы: Кристиан устроился на сиденье напротив, и теперь она могла разглядеть его при свете дня.

День не внес особенных корректив в облик Криса, но обнаружил мелкие подробности: короткий шрам между большим и указательным пальцем на правой руке. Родинка на левой, похожая то ли на запятую, то ли на кошачий хвост. Руки Криса чудо как хороши – им можно доверить нуждающееся в ласке животное или маленького ребенка, – интересно, ладит ли он с дочерью Шона?

Наверняка.

– Чем вы занимаетесь, Крис?

Дарлинг вовсе не интересно знать, чем занимается Крис, достаточно того, что коротких сапог с заткнутым за голенище *diary travel* «Мидори» у него нет. А есть всего лишь унылая записная книжка карманного формата, но нужно же с чего-то начинать!

Вполне невинный вопрос Дарлинг застаёт Криса врасплох. Пауза длится несколько томительных мгновений, как будто он взвешивает, стоит ли доверить малознакомой русской тайну или все же лучше оставить ее при себе.

– Я... работаю курьером. В одном маленьком издательстве в Лондоне.

Это лучший ответ из всех возможных. Из всех, когда-либо выслушанных Дарлинг от молодых людей. Крис не стал корчить из себя того, кем не является на самом деле, не стал изображать топ-менеджера маловразумительной IT-компании, журналиста-международника, профессионального игрока в покер или даже владельца того самого маленького издательства. Интересно, девушкам, которые ему нравятся, он делает столь же безыскусные признания?..

– Круто, – сказала Дарлинг по-русски.

– О! Я знаю, что такое «круто», – улыбнулся Кристиан. – Я немного изучал русский.

– Мы можем попрактиковаться...

– Нет-нет. Мне бы не хотелось практиковаться, мне бы хотелось просто говорить, понимая друг друга. Вообще-то я всю жизнь мечтал играть на саксофоне. Из этого пока ничего не получается, но я не

теряю надежды... Я люблю джаз и хотел бы быть поблизости от него. А вам нравится джаз?

– Ширли Хорн. Я без ума от Ширли. От Джанго, от Сонни. Еще, наверное, от Гато. И от Чучо Вальдеса, его руки – это нечто.

– Очень длинные руки... очень длинные пальцы.

– Длинные и прекрасные.

– Длинная и прекрасная музыка.

– Да...

Великие джазмены, живые и умершие, слетают с губ Дарлинг подобно птицам, никогда не знавшим клетки. Слетают – и усаживаются на поручнях сидений: сколько имен может выдержать маленький хлипкий тук-тук?..

– Моя сестра говорит, что мне трудно будет найти девушку.

У Кристиана есть сестра, вот как!.. Дарлинг немного огорчена: наличие сестры предполагает доверительные отношения с кем-то еще, не только с ней. Кто-то еще может свободно разгуливать по снам Кристиана и переставлять там все по своему усмотрению.

– Сестра-близнец?

– Почему? Просто сестра. Двоюродная. После смерти матери она почему-то считает себя ответственной за мою жизнь...

– Простите... Мои соболезнования.

– Вы не могли знать. А я давно это пережил. Мы никогда не были особенно близки. И она была суровым человеком.

Как и ее собственная. Суровая мама. Строгая мама. Мама, которой бы не понравилась курьерская должность в маленьком издательстве, хоть оно и находится в Лондоне. Если бы не миротворец-папочка, Дарлинг пришлось бы совсем худо...

– А ваш отец?

– Наверное, он где-то существует.

– Вот черт!.. Давайте тогда вернемся к сестре. Так будет безопаснее.

– Да.

– Так почему она считает, что вам трудно будет найти девушку?

– У меня высокие требования... Она должна любить джаз.

– Вот еще! Есть масса девушек, которые любят джаз. Это совсем не проблема, как вы могли убедиться.

– И она должна быть русалкой.

– Кем?

– Русалкой. Да.

Дарлинг не ослышалась – он так и сказал: «русалка». *Mermaid*.

– Девушка с рыбьим хвостом, я правильно поняла?

– Да.

– И никаких других вариантов?

– Ну...

– А если что-нибудь компромиссное? Работницу дельфинария, к примеру? Иначе вам не просто трудно будет найти девушку. Невозможно.

– Я думал об этом.

– И?

– Наверное, мне просто не хочется искать девушку.

– Искать девушек бессмысленно. Как и искать вообще что-либо.

На что-нибудь стоящее можно наткнуться лишь случайно. Вы давно дружите с Шоном?

– Он мой единственный друг уже много лет. Правда, в последнее время... с тех пор как он уехал из Англии, мы редко общаемся.

– С мужчинами это случается, когда они обзаводятся семьями... когда обзаводятся женами. У Шона очень интересная жена. Вот она... вполне могла бы оказаться русалкой.

– Вы же видели ее. Рыбьего хвоста у нее нет.

Кажется, Крис смутился: сжал поручни так, что побелели костяшки пальцев.

– А как они познакомились – Шон и его жена?

– Случайно.

– Вот видите! – Самое время подбодрить Кристиана, как и полагается сестре-близнецу. – Это подтверждает мою теорию насчет случайностей.

– Случайно, в Африке. А потом они перебрались сюда и, кажется, не собираются переезжать. *Даша* здесь нравится, а ему нравится все то, что нравится ей. И у них замечательная дочь...

– Маленькая художница. Ума.

– Это Шон зовет ее Ума. А мне больше нравится звать ее Лали. Сокращенное от Умалали. Это ее полное имя.

– Никогда о таком не слыхала.

– Оно африканское. *Даша* долго жила в Африке, она влюблена в Африку.

– И все же переехала сюда?

– Они переехали все вместе. Шон, *Даша*, Лали... А еще две кошки и собака. И Исмаэль.

– Исмаэль? Кто такой Исмаэль?

Кристиан хмурится, упоминание об Исмаэле не доставило ему никакого удовольствия. Но и не упомянуть о нем он не мог – видимо, это значимая фигура в семье Шона. Хотя и не такая значимая, как две кошки и собака, – недаром Кристиан поместил неведомого Дарлинг Исмаэля в самый конец списка.

– Ее приемный сын.

К дочери прибавился еще и сын! *Даша* не теряет времени зря, в отличие от одинокого волка Костаса Цабропулоса. Она успела обзавестись детьми – родными и приемными, молодым мужем и домашними животными.

И – Кристианом.

Кристиан – еще одна невинная жертва, брошенная на алтарь влюбленной в Африку русской женщины, в этом у Дарлинг нет никаких сомнений. Да и побелевшие костяшки пальцев это подтверждают, и вчерашняя сцена в аэропорту – даже Костас это заметил. Увлечься женой своего лучшего друга – тяжелое испытание для любого порядочного человека. Увлечься женой – означает возненавидеть мужа и лучшего друга по совместительству, а на это Кристиан не способен в принципе. Вот он и отыгрывается на приемном сыне *Даша* — ведь ненавидеть совершенно постороннего Исмаэля намного легче, чем Шона, которого знаешь много лет.

Хоть бы две кошки и собака не оказались в эпицентре этой подсознательной ненависти!

– Вам он не нравится.

– Кто?

– Этот... Исмаэль.

– Вчера он влез в мою комнату и без спроса вытащил саксофон.

Так и есть – в мягком футляре лежал именно саксофон, – интересно, зачем Кристиан приволок саксофон в Камбоджу? Выступить с сольным номером на дне рождения жены его лучшего

друга? Даром что играть на нем получается не очень, но для домашней вечеринки сойдет.

– И что он с ним сделал?

– Попытался выудить из него мелодию.

– Ребенок, дующий в саксофон. Представляю эту умильную картинку...

– Нет, вы не представляете, Дарлинг. Во-первых, не такой уж он ребенок. Ему лет четырнадцать, может быть, пятнадцать. И знаете что... У него получается.

– Получается что?

– Играть. – Кристиан страдальчески морщится. – Хотя Шон утверждает, что до этого он саксофон и в глаза не видел. Во всяком случае, никогда не приближался к нему.

– Вы, похоже, злитесь?

– Мне просто грустно. Совсем немного.

– Тогда подарите Исмаэлю этот саксофон, если уж он так ему понравился. Может быть, вы привезли его сюда именно для этого, как знать?

– Значит, все это правда. То, что я читал о вас. У русских широкая душа. Вот и сейчас русская девушка предлагает отдать вещь, которая мне дорога, какому-то сопляку... Кажется, мы приехали! Идемте выпускать птиц!..

Часть вторая

* * *

...Дом *Даша* находился на маленькой улочке неподалеку от Русского рынка – именно такой странный ориентир дал Шон в телефонном разговоре. Позже, во время прогулки по Пномпеню, Дарлинг пыталась выяснить у Кристиана, почему рынок называется Русским, но вразумительного ответа не получила: Крис мало интересуется рынками, и лучше бы Дарлинг спросить об этом у кого-нибудь более близко знакомого с местными реалиями.

Визит к птицам из буддистского храма Ват Пном оказался слегка подпорченным исчезновением Криса: не минутным, что было вполне объяснимо. Крис исчез на четверть часа и появился только тогда, когда Дарлинг искала свои мокасины в груди обуви перед храмом.

– Ну и куда вы запропали? Мы с птицами уже устали вас ждать, – сказала Дарлинг немного обиженным тоном.

– Простите. Мне просто показалось, что я увидел... знакомого. Я боялся потерять его из виду, потому и не успел вас предупредить, что отлучусь.

– Воистину, Пномпень – место встреч.

– Не было никакой встречи. Говорю же, мне просто показалось.

– И вы так долго выясняли – показалось вам или нет?

Вот черт, надо бы сбавить обороты. В конце концов, Крис просто случайный, хотя и симпатичный знакомый. А она ведет себя так, как будто жених оставил ее в одиночестве в первую брачную ночь. Со стороны это, должно быть, выглядит смешно и нелепо. И если Крис рассмеется ей в лицо, ничего удивительного в этом не будет.

Но Крис и не думал смеяться. Напротив, показался Дарлинг растерянным и испуганным чем-то: по лицу сбегали струйки пота, собираясь в большие капли на подбородке, а губы подрагивали и все не могли успокоиться – как если бы Крис хотел улыбнуться, но не мог вспомнить, зачем нужна улыбка.

– Что-то вы неважно выглядите, Кристиан.

– Все в порядке. Я плохо переношу жару и влажность, этот климат не для меня.

Птицы в маленьких клетках оказались ничем не примечательными, похожими на воробьев созданиями, чья свобода стоила доллар и одно загаданное желание. Дарлинг все не могла выбрать, на каком желании ей остановиться: пожелать себе встретить наконец настоящую любовь? Но со вчерашнего дня любовь повернулась к ней самой непривлекательной стороной, изрядно подпорченной плесенью страданий и ревности.

Затем она почему-то вспомнила детский плач в ресторанчике: не пожелать ли, чтобы рассеянные мамы никогда не теряли своих детей?.. Еще можно пожелать вернуться на родину как можно скорее и без всяких негативных последствий, а это означает, что сегодняшний вечер должен пройти относительно мирно. И побыстрее закончиться. Но это уж точно не зависит от желаний Дарлинг: вечер рано или поздно наступит и – рано или поздно – закончится, а уж что там выпадет в сухом остатке, одному богу известно. Еще можно пожелать, чтобы часы никогда не теряли своих стрелок, чтобы папочка не смел попадаться на глаза сомалийским пиратам и чтобы антикварные кошки были только антикварными кошками, а не ретрансляторами чужих смертей, вымышленных или настоящих. Еще можно пожелать, чтобы на Крису снизошло саксофонное вдохновение и чтобы трехлетняя Ума-Лали выросла в настоящую большую художницу...

Подумав, Дарлинг все же остановилась на папочке.

– Ну и что вы загадали? – поинтересовался Крис, когда дело было сделано и маленькая серая птичка, выпорхнув из клетки, растворилась в небесах.

– Чтобы один мой самый близкий человек избежал опасности.

– Вот как? А ему угрожает опасность?

– Не то чтобы... Но подстраховаться никогда не мешает.

Кажется, эта мысль понравилась Крису. Во всяком случае, настроение у него сразу улучшилось, даже пот, непрерывно стекающий с висков, мгновенно высох.

– Пожалуй, я тоже выпущу птицу.

В отличие от Дарлинг Кристиан не колебался ни секунды. Сунув деньги хитроватому владельцу птичьей тюрьмы, он крепко сжал

клетку, зажмурился, пошевелил губами, проговаривая что-то про себя, – и рывком открыл дверцу.

– А это сработает? – совсем по-детски поинтересовался он у Дарлинг, когда птица улетела.

– Должно сработать, – ответила Дарлинг. И, внимательно посмотрев на Крису, добавила: – Точно сработает. У меня такое уже было.

– С птицами?

– С птицами, да. В Куала-Лумпур. Там тоже практикуют такие... э-э-э... фокусы.

Из всего сказанного правдой был лишь Куала-Лумпур, но Кристиан уж очень хотел найти прямую зависимость между исполнением желания и выпущенной птицей. Интересно, что такого судьбоносного он загадал? Сто против одного, что это связано с кем-то из семьи Шона.

– Пообедаем где-нибудь? – После пернатого священнодействия к Кристиану вернулась его обычная спокойная рассудительность. – Шон дал мне пару адресов, где можно ознакомиться с местной кухней.

Местная кухня несколько не вдохновила Дарлинг, а ресторан и вовсе оказался тайским. Или индийским, с массой статуэток Будды и драконов, распаханных в самых разных углах, и симпатичной террасой, уставленной растениями в кадках и плосках. Именно на террасе они и устроились – прямо на полу, среди подушек; Кристиан нашел это по-азиатски аутентичным. В промежутке между супом (он показался Дарлинг чересчур пряным) и рыбой, запеченной в листьях латука, Крис неожиданно вернулся ко вчерашнему вечеру:

– Я думаю о том ребенке... который плакал вчера в ресторане... Вы ведь слышали?

– Да.

– Мне кажется, это была девочка.

– Возможно. Я не очень-то разбираюсь в маленьких детях, – вздохнула Дарлинг.

– Это точно была девочка.

– Какая разница, если все образовалось?

– Странно, что Шон не слышал плача. И ваш знакомый тоже.

– Они просто не придали этому значения.

– Да, конечно. Но я не видел там детей, когда мы спускались. Я внимательно смотрел.

– Наверное, к тому времени девочку уже увели. Ко всеобщей радости.

– Да. Наверное, так и было. – Крис потер подбородок, а потом сместил руку к переносице. – У вас бывает такое чувство, когда незнакомый человек... даже не знаю, как сказать... вовсе не кажется незнакомым. Словно он какая-то часть тебя самого. Очень важная часть, без которой мир не выглядит полным. Вернее, он что-то скрывает, и...

– Мир всегда что-то скрывает.

– Я понимаю. Наверное, я путано говорю.

– Почему же... Вы довольно ясно выражаетесь, Крис. Такое бывает.

– Это не относится к любви. К любовным отношениям.

Так и есть, Дарлинг не ошиблась. Вчера он почувствовал что-то сходное с тем, что почувствовала она сама.

– Да, такое бывает. Пусть и не связанное с любовью.

– У меня были не очень хорошие предчувствия относительно этой поездки. – Крис говорил очень тихо, но Дарлинг все равно его слышала. Она слышала бы его, даже если бы он просто шевелил губами, проговаривая слова про себя. – А у вас?

– Нет. Ничего такого. Во всяком случае, это не было связано с нашим сюда прилетом.

– Дурные сны?

– Почему вы спросили о снах? – насторожилась Дарлинг.

– Просто в последнее время мне снятся дурные сны. Наверное, глупо говорить об этом вам.

– А что думает ваша сестра?

– Говорить об этом ей еще глупее... Это никчемный разговор, простите. Вот и рыба!

Рыбу принес смуглый официант в черной свободной рубашке и штанах фиолетового цвета, едва достигающих до щиколоток. Фасон штанов заинтересовал Дарлинг, и она машинально начала прикидывать, как будут выглядеть штаны на ней, и с какими вещами их можно будет совместить, и куда в них отправиться, когда приемлемая комбинация найдется. Выходило, что в этих дурацких

штанах в Питере нигде особо не покрасуешься, разве что на пафосной свадьбе Коко и Вассилиса, чтобы подпортить им настроение своим фриковатым видом.

Но свадьба Коко и Вассилиса уже отшумела.

– О чем вы думаете? – неожиданно спросил Кристиан.

– О штанах нашего официанта. Интересный покрой. Как вы считаете, это аутентичная вещь?

Кристиан не ответил, лишь хмыкнул себе под нос и потянулся за соусом, позиционируемым в меню как **Cambodia magnificent sauce Amok**. В этот самый момент из нагрудного кармана его рубашки выпала вещь, поначалу показавшаяся Дарлинг чем-то вроде брелока. Брелок тихо шлепнулся рядом с тарелкой, мгновенно обернувшись кольцом на цепочке.

Это было довольно примечательное кольцо.

Вернее, впаянная в слегка потемневший серебряный каркас монета терракотового цвета. С того места, где сидела Дарлинг, разглядеть подробности кольца не представлялось возможным, и тем не менее это была «штученька». «Харизматичное антигуа», как иногда выражалась Коко об антикварных пиздельфонсах с историей, простирающейся во времени до Макиавелли, Лукреции Борджиа и, возможно, даже до Марка Аврелия. «Антигуа» и есть антиквариат, если кольцо вообще подпадает под категорию антиквариата.

Выждав минуту (Кристиан так и не заметил, что чудесная вещица выпала у него из кармана), Дарлинг сказала:

– А сейчас я думаю о кольце.

– О чем? – Кристиан так и застыл с куском рыбы в руке.

– О серебряном кольце с монетой вместо камня...

Слова Дарлинг произвели на Крису неизгладимое впечатление. Чего доброго, его сейчас снова бросит в пот, а это не самое приятное зрелище.

– Откуда вы знаете...

– Да ладно. – Дарлинг решила сжалиться над несчастным, сбитым с толку англичанином. – Ничего сверхъестественного. Оно просто выпало у вас из кармана, а вы не заметили.

Обнаружив кольцо, Кристиан снова сунул его в карман.

– Не самое лучшее место для такой вещи, – заметила Дарлинг. – Так вы снова его потеряете рано или поздно. А я не всегда буду рядом.

Очень интересная штукавина, необычная. Я такой никогда не видела.

– Ничего особенного.

– Тогда зачем носить его с собой, тем более в кармане?

– Забыл выложить, только и всего.

– Наверное, ценная.

– Я же сказал, ничего особенного.

Впервые за время их знакомства в голосе Кристиана зазвучали нотки раздражения, и Дарлинг почувствовала себя обманутой в лучших чувствах: и этот английский хмырь еще паял ей что-то про родственные души!..

Кристиан, тут же уловивший настроение Дарлинг, попытался выправить ситуацию:

– Не сердитесь.

– Я не сержусь, с чего вы взяли?

– Как-нибудь я расскажу вам... Не сейчас.

Ему было неприятно говорить о кольце, и «не сейчас» означало «никогда», и «как-нибудь» означало то же самое. Потому что никакого «как-нибудь» не случится, разве что Дарлинг отправится с оказией в Лондон, куда Кристиан ее вовсе не приглашал. Если бы это было его кольцо – он носил бы его на пальце, как делают все нормальные люди. А если кольцо принадлежало другому человеку? Девушке, к примеру, – очень похожей на русалку?.. Он хочет удержать при себе воспоминание о ней, посадив на цепь для верности, – вот для чего нужна цепочка!.. Надевать такое кольцо – верх идиотизма, мужские пальцы не очень-то хорошо чувствуют себя в женских кольцах, а иногда кольца элементарно не налезают. И даже большая любовь не в состоянии ничего с этим сделать – поможет только хирургическое вмешательство ювелирной мастерской.

– Скажите, Дарлинг, с вами бывало такое... Когда вы совершали поступок, может быть, не очень достойный, но относительно невинный.

– Мне кажется, недостойные поступки не бывают невинными.

– Я неправильно выразился. Речь идет о глупом поступке. Вы совершаете глупый поступок и тут же забываете о нем. Стараетесь забыть. А потом оказывается, что этот поступок тащит за собой самые непредсказуемые последствия.

– Последствия со знаком минус?

– Большой жирный минус, – подтвердил Кристиан.

– А... последствия уже наступили?

– Нет, но... Гипотетически и умозрительно – как поступили бы вы в таком случае?

– Если бы – гипотетически и умозрительно – оказалась на месте совершившего глупый поступок?

– Да.

– Большинство моих поступков иначе как глупыми не назовешь.

– Но как избежать дурных последствий?

– Не совершать того, что может к ним привести.

– Это хороший совет.

– Дарю, – улыбнулась Дарлинг.

Крис улыбнулся ей в ответ – чистой и немного смущенной улыбкой человека, не способного ни на один недостойный поступок. И поднял глаза на Дарлинг.

Их взгляды снова встретились, и снова ей показалось, что границы видимого мира расширяются, наполняясь новыми красками и новыми звуками, один из которых Дарлинг хотелось услышать меньше всего.

Детский плач.

Чертов ребенок опять звал свою исчезнувшую мать.

– Слышите? – Кристиан сморщился, как будто поскуливания ребенка доставляли ему боль. – Слышите, опять!

– Я не знаю...

– Почему его никто не заткнет!

Вскочив на ноги и едва не сбив официанта, копошащегося у столика с чистой посудой и столовыми приборами, он бросился вон из зала.

Плач прекратился через несколько секунд, но легче Дарлинг не стало.

– У вас все в порядке? – на хорошем английском поинтересовался вежливый официант.

– Да. Принесите, пожалуйста, воды.

Крис вернулся даже раньше официанта, и вид у него был подавленный.

– Ну что? – спросила Дарлинг. – Обнаружили источник?

– На первом этаже только несколько посетителей. И детей среди них нет.

– Может быть, ребенка уже увели? Я не вижу поводов для переживаний.

– Да, конечно. Давайте думать, что его увели. Успокоили и увели.

– А вы всегда так остро реагируете на детский плач?

– Нет. Нет, но именно этот мне не нравится. Он меня... убивает. Да, пожалуй, это самое точное слово – убивает.

– Вообще, дети плачут всегда. И по самым разным поводам. Не стоит впадать в отчаяние из-за капризов незнакомого вам ребенка.

– Вы думаете, это каприз? – Кристиан ухватился за фразу Дарлинг, как утопающий – за брошенный с берега канат.

– Уверена. – Дарлинг вовсе не была уверена, но и смотреть на муки англичанина ей не доставляло никакого удовольствия.

– Вы правы. Я веду себя как дурак, простите. А может, мне просто показалось... Но ведь вы тоже слышали?

– Теперь я не уверена...

– Хотите сказать, что мы оба страдаем слуховыми галлюцинациями?

– Нет, но... я думаю, что всему и всегда найдется разумное объяснение. Если хорошенько поискать.

– Ладно. Закроем тему.

Остаток обеда прошел скомканно. Кристиан так и не избавился от тревоги, хотя Дарлинг как могла развлекала его историями, связанными с ее передвижением по миру. Забавных оказалось немного, и тут она вспомнила о «Мали Ба» и эпической покупке бенинского леопарда. Услышав о статуэтке, Крис ненадолго оживился.

– Я бы не стал держать такую вещь дома, – заявил он. – Мало ли что может случиться – вдруг ему вздумается сожрать тебя однажды ночью?

– Вы шутите?

– Нисколько. Я как раз имею несчастье находиться в доме, где полно такой скульптуры. Днем еще куда ни шло... Днем все может показаться любопытным и познавательным – все эти африканские головы, фигуры, целые деревянные панно. Но ночь я едва пережил. Решил спуститься за водой на кухню и...

– На вас напала одна из голов?

– До этого не дошло, но в темноте они смотрятся угрожающе. Как можно жить среди всего этого – ума не приложу.

– Видимо, счастливо? – предположила Дарлинг.

– Видимо, да. Потому что никого это не напрягает – ни животных, ни детей, *ни Даша*. Шон говорил мне, что африканскую коллекцию она собирала много лет. Правда, еще он сказал, что кхмерские няньки Лали меняются с завидной периодичностью... Они тоже боятся скульптур.

– А сам Шон?

– Думаю, что и он не в восторге. Но вряд ли этот вопрос когда-либо поднимался. Шон не сделает ничего, что не понравилось бы его жене. Он согласился бы даже на ад, если бы ад стал ее очередным местом жительства.

– Мне показалось, что она вам нравится.

Щеки Кристиана вспыхнули, но ответил он не сразу.

– Она нравится мне. Мне кажется, она необычный человек. Но влюбиться в такую женщину я бы не рискнул.

Сукин сын! Выбить бы из тебя всю правду, сукин сын!.. Но правда, окопавшаяся за длинными ресницами Кристиана, была недоступна для Дарлинг. Там, в тени глубокого окопа, правда могла делать все что угодно: бриться перед осколком зеркала, чистить оружие, играть в кости, слушать по радио легкомысленный довоенный дуэт Лилиан Харви и Вилли Фритча. Но снаружи не просматривалось ровным счетом ничего, Дарлинг остается лишь строить предположения и догадки.

– Проще искать русалку. – Она не смогла удержаться от иронической улыбки.

– Да.

– И главное – безопаснее.

– Я как-то не думал о таких вещах. Хотя с этими скульптурами самое время задуматься. Они меня угнетают. Хорошо еще, что в доме полно людей.

– Детей и животных...

– Гостей тоже. У них сейчас просто столпотворение. Приехал какой-то греческий писатель, не думаю, что очень известный, – и тоже с женой. Еще один поляк из Варшавы – то ли телевизионщик, то ли журналист. Французская пара – эти самые забавные. Путешествуют по миру налегке и даже в доме спят в спальных мешках.

- И как только все смогли разместиться?
- Без проблем, дом-то огромный, вы сами увидите. Вы ведь тоже приглашены.
- Это было неожиданно.
- Тот мужчина, с которым вы прилетели...
- Мой босс, – поправила Дарлинг.
- Да. Ваш босс и *Даша*, они старые знакомые?
- Глупо было отрицать очевидное, и Дарлинг кивнула.
- Мне показалось, эта встреча не доставила ей удовольствия...
- Интересно, Кристиан решил прощупать ситуацию по просьбе своего друга или это его собственная инициатива?
- Мне бы не хотелось это обсуждать.
- Я понимаю, простите, – в очередной раз извинился Кристиан. – В любом случае я рад, что сегодня вечером увижу вас снова. Что будет хоть один человек, с которым приятно поговорить. Вообще-то я не очень люблю дни рождения, особенно малознакомых мне людей. Как-то по-дурацки себя чувствую на них.
- Надеюсь, этот будет исключением. – Дарлинг послала Крису подбадривающую улыбку. – Исключением из всех правил.
- Тогда она даже не подозревала, как близко от истины окажется...

* * *

...Начало улицы вовсе не предполагало, что в конце ее стоит особняк: двух- и трехэтажные дома с лавчонками и грязными, распахнутыми настежь гаражами сменялись многоквартирными пятиэтажными. В гаражах стояли старенькие мопеды, остовы малолитражек и плиты с кипящими на них замызганными кастрюлями. Но чаще попадались разделочные столы с грудями овощей. Тут же светились экраны телевизоров и висели гамаки (ни один из гамаков не пустовал, и взгляд Дарлинг то и дело натывался на чьи-то чумазые пятки). Очевидно, гаражи служили продолжением скрытых от глаз и переполненных людьми жилых помещений.

Какой-то старик смывал шлангом кровь с разделочного стола, на котором лежала неоципанная тушка курицы; ее более удачливые

сородичи бродили по улице, выклеывая остатки пищи из мусорных куч.

– Колумбийские трущобы, – вздохнув, сказала Дарлинг.

– Разве вы были в Колумбии? – Костас разжал губы впервые с того момента, как они сели в такси.

– Нет, но...

– Тогда зачем говорить о том, о чем вы не имеете ни малейшего представления?

– Хорошо. Пномпеньские трущобы. Так устроит?

– Я не думаю, что это трущобы.

– Что же это?

– Уклад жизни, и не нам его судить.

Со вчерашнего дня настроение у Костаса не улучшилось, но выглядел он неплохо. Костюм от Brioni, ослепительно-белая рубашка и дорогуший галстук, купленный в Берне за четыреста евро (Дарлинг сама видела ценник), – все это навевало мысли о великосветском приеме, но отнюдь не о банальном дне рождения. Или на великосветские приемы принято ходить в смокинге?.. Всю дорогу Дарлинг развлекала себя тем, что представляла Костаса в самых разных вариантах одежды: униформе пожарного, поварском колпаке, гидрокостюме с ластами, офицерском френче с шевронами, нашивками и аксельбантами и даже в трико воздушного гимнаста. Но всякий раз получалась рекламная картинка часов, туалетной воды и внедорожника «Порш Кайенн» последнего поколения. Где индивидуальность перемолота миниатюрными шестеренками и размазана по асфальту шипованной резиной.

Сохранивший внешний лоск Костас перестал быть самодостаточным, вот оно что!

За жалкие сутки он превратился в приложение к своему чувству, бесплодному и бесперспективному, по мнению Дарлинг.

– Это здесь, – сказала Дарлинг, сверившись с номером на глухой стене в два человеческих роста, выкрашенной в цвет кофе с молоком.

– Как я выгляжу?

– Стоимость галстука учитывать?

– Умеешь ты поддержать. – Впервые за время знакомства Костас обратился к ней на «ты», и это оказалось неожиданно приятно.

– Выглядите вы отлично. Прямо Пирс Броснан в зените карьеры.

– Слабо представляю, что ты имеешь в виду. Так что придется верить на слово.

– Все-таки нужно было купить цветы...

– Она не любит цветов.

– Мало ли... Вдруг полюбила за то время, что вы не виделись.

– Она не из тех, кто меняет привычки.

– Ну да. Проще поменять человека.

– Ты славная девочка, Дарья. Жаль, что...

– Что?

– Ничего. Без одной минуты семь. Не стоит заставлять хозяев ждать.

Интересно, что хотел сказать Костас? Что-то такое, что не заняло бы и оставшейся минуты, но над чем придется раздумывать всю оставшуюся жизнь? Вряд ли. Скорее всего, Дарлинг ожидал тяжеловесный комплимент в стиле костюма Brioni, а это требует чуть больше времени.

– Давайте уйдем, – неожиданно для самой себя попросила она.

Все из-за дурацкой кофейной стены, из-за потеков на ней. Они имели вполне реальное объяснение: что еще делать стенам в сезон дождей, как не намочать и не отторгать от себя куски штукатурки? Но Дарлинг все эти совершенно невинные на первый взгляд фактуры вдруг показали предвестниками запустения и тлена. От камня повеяло могильным холодом, в паутине трещин бились, затихали и мгновенно мумифицировались мелкие насекомые, а сама стена стала сочиться мутноватой коричневой жижой.

Еще можно было рвануть назад, к спасительным и таким понятным мусорным кучам, к благословенным кастрюлям и грудам овощей; к грязному асфальту, к влажному солнцу, к старым мопедам и гамакам с кхмерами – еще можно...

– Давайте уйдем. Ничего хорошего из вашей затеи не выйдет, Костас. Будет только хуже. Будет совсем плохо.

– Будет так, как будет.

Бросив это в лицо Дарлинг, Костас подошел к резным воротам и решительно нажал на кнопку звонка.

Стоило калитке в воротах отвориться, как страхи Дарлинг мгновенно улетучились и на смену им пришло чувство стыда за свой неуместный истерический выхлоп. Вместо заброшенного кладбища

(именно оно рисовалось воображению) их встретил просторный, уложенный плиткой двор с клумбой посередине. Слева высились две пальмы, а справа цвел огромными белыми цветами какой-то кустарник, наполовину скрытый уже знакомым Дарлинг «Лендрровером».

В глубине двора стоял двухэтажный особняк с колоннами и высокими стрельчатыми окнами. Через весь фасад второго этажа шла терраса, на которой Дарлинг заметила двоих: колоритного бородача в летней белой шляпе и белом же полотняном костюме и бритоголового парня в кожаной жилетке на голое тело. Бородач, отдаленно напоминающий писателя Эрнеста Хемингуэя, держал в руках бокал с вином, а бритоголовый сосал пиво из бутылки.

Не иначе как греческий писатель, подумала Дарлинг о бородаче. Что еще говорил о нем Кристиан? – «не очень известный». Впрочем, неизвестность писателя компенсировалась тщательно продуманным внешним видом, способным сразить наповал сотню-другую филологинь, критикесс и почитательниц малотиражной альтернативной прозы.

Бритоголовому можно было смело доверить культовый мотоцикл «Харлей-Дэвидсон», культовый самолет «Сесна» и культовый воздушный шар братьев Монгольфье. Сотня-другая домохозяек, скучающих мужних жен и пожирательниц масскультовой продукции мечтали бы обнаружить себя в объятиях такого мачо.

Жилетка и белая шляпа, на первый, поверхностный взгляд, вступали в явный диссонанс с костюмом Vgioni – но только на первый. И для жилетки с шляпой найдутся рекламные полосы, не только для Vgioni: самодостаточностью не пахнет и здесь. Здесь всю воняет неистребимым самцовым желанием произвести впечатление на как можно большее число женщин.

Или – на одну, которая стоит всех.

Впрочем, в следующую секунду Дарлинг и думать забыла о стоящих на террасе мужчинах. Навстречу им с Костасом шла *Даша*.

Теперь на ней был не комбинезон, а длинное, до щиколоток, струящееся платье совершенно невероятной расцветки: фиолетовые и нежно-розовые сполохи чередовались с зелеными, синими и бирюзовыми.

В тонких пальцах *Даша* держала зажженную сигарету, и Дарлинг вдруг подумала, что именно ей подарила бы свой берлинский чудо-портсигар – если бы представился случай.

– Рада видеть вас, Дарья, – пропела *Даша* низким грудным голосом. – Просто замечательно, что вы не улетели. Костас, ты слишком официален. Разве у нас намечается заседание Международного валютного фонда?

– Поздравляю, – прошелестел Костас и протянул имениннице небольшой аккуратный сверток. – Думаю, тебе понравится.

– Как мило. – Взяв подарок, *Даша* даже не удосужилась развернуть его.

– Может быть, откроешь?

– Не сомневаюсь, что это что-то чрезвычайно оригинальное. В последний раз ты подарил мне сапфировый браслет...

– Ты еще помнишь об этом?

– Я его потеряла. Через неделю после того, как мы расстались. Ты позволишь взглянуть на подарок позже?

– Конечно. Сегодня твой день, и ты вольна делать все, что захочешь.

– Я вольна делать все, что захочу, всегда. И сейчас я намерена ненадолго похитить у тебя твою очаровательную спутницу. А ты отправляйся к гостям, вон по той тропинке, мимо пальм. С Шоном ты уже знаком, а он представит тебя остальным... Идемте, Дарья!

Дарлинг и рта не успела раскрыть, как они уже шли по направлению к дому.

– Я говорила вам, что сегодня у нас планируется африканская вечеринка? – на ходу шепнула *Даша*.

– Нет.

– Сейчас подберем вам что-нибудь подходящее из моего гардероба.

– Но...

– Не переживайте, у меня масса ни разу не надеванных платьев. Возьмете любое, какое вам понравится.

В доме было сумрачно и прохладно: под потолком почти бесшумно работали вентиляторы. Взору Дарлинг предстала огромная, едва ли не стометровая гостиная, больше похожая на музейный зал. Две пары колонн, широкая дубовая лестница, ведущая на второй этаж;

кожаный диван, несколько кресел, несколько длинных низких столиков, шкуры на мраморном полу. И – огромное количество скульптур, панно и масок на стенах. Надо будет рассмотреть все это поподробнее, но в целом Кристиан не соврал: собрание артефактов может составить честь любому музею. В том, что это именно артефакты, у Дарлинг не было никаких сомнений: такие вещи не покупаются на рынках и в сувенирных лавках по случаю, за ними нужно предпринимать долгие и опасные экспедиции, шансы возвратиться из которых – пятьдесят на пятьдесят.

– Впечатляет, – задумчиво произнесла Дарлинг, разглядывая один из столиков: это была выдолбленная из цельного куска дерева лодка, покрытая стеклянной столешницей.

– Африка – моя любовь, – просто сказала *Даша*. – Давняя и, пожалуй, единственная. Я скучаю по Африке. Если бы могла – забрала бы ее с собой... Но это невозможно, увы.

– Разве для вас существует слово «невозможно»?

– Представьте себе... К черту «вы»! Давай на «ты». Не возражаешь?

– Нет. Давайте попробуем...

Даша неожиданно обернулась и ухватила Дарлинг пальцами за подбородок. Жест был нежным и властным одновременно, и от него у Дарлинг засосало под ложечкой.

– Мы же договорились! Ты.

– О'кей. Давай... попробуем.

Высвободившись из цепких пальцев хозяйки, Дарлинг судорожно вздохнула и только сейчас заметила легкое движение в глубине гостиной.

Пес.

О нем Кристиан тоже упоминал, вот только он не сказал, что это очень красивый пес. Порода Дарлинг неизвестна, но она в жизни не видела таких красивых псов. Светло-песочный окрас, идеальные пропорции, гордо посаженная голова, широкая грудь, мощные лапы и вытянутый струной хвост. Пес неслышно приблизился, повел ушами и беззвучно оскалил пасть с устрашающего вида клыками.

– Все в порядке, Амаку, – даже не обернувшись к псу, сказала *Даша*. – Все в порядке, успокойся. Это друг.

Друг!.. С каких это пор Дарлинг стала другом? Впрочем, возможно, это всего лишь кодовое слово, которое заставит собаку захлопнуть клыкастую пасть. И не предпринимать против Дарлинг никаких действий.

Пес приблизился к *Даша* и привычно сунул голову ей под руку.

– Это Амаку. – Хозяйка погладила пса между ушами. – Познакомься с нашей гостьей, Амаку. Она – друг.

Только теперь Амаку позволил себе обнюхать Дарлинг (это не заняло и пяти секунд) – и снова отошел под сень хозяйской руки.

– Серьезный пес...

– Одно из немногих существ, на которых я могу положиться.

– Очень красивый.

– Очень старый. Скоро он покинет нас, но лучше об этом не думать.

– Он не выглядит старым...

– Это ничего не меняет. – Лицо *Даша* осталось безмятежным, хотя она говорила о неутешительных вещах. – Идем, нам нужно многое успеть.

Сунув окурок в стоящую на стеклянной столешнице раковину, полную керамических бус, и положив рядом с ней так и не развернутый подарок Костаса, она прошла к лестнице. Дарлинг, еще раз оглянувшись на Амаку, последовала за ней. А пес лег у нижней ступеньки, положив голову на лапы. В нем было что-то, что смутило Дарлинг, показалось неправильным. И только преодолев пролет, она поняла: Амаку ни разу не залаял, он даже не рыкнул, увидев незнакомого человека.

– Он не подает голоса?

– Нет. Никогда. Он убивает бесшумно.

Даша засмеялась своим завораживающим смехом: теперь он состоял из мелких разноцветных камешков и солнечных зайчиков. Камешки полетели вниз – туда, где лежал грустный, разлученный с хозяйкой Амаку. А солнечные зайчики метнулись вверх, чтобы раствориться в потоке света, льющемся со второго этажа.

В противовес нижней гостиной, верхняя оказалась намного меньше. Скорее ее можно было назвать холлом – с диваном, несколькими тяжелыми резными комодами вдоль стен и плазменным телевизором на стене. По телевизору шел диснеевский мультфильм

«Русалочка», но звук отсутствовал. На полу, застеленном огромным персидским ковром, валялись игрушки.

В холл выходили двери пяти или шести комнат, но главную достопримечательность составляло огромное панорамное окно. За ним скрывалась терраса, которую Дарлинг уже видела со двора. Терраса была заставлена плетеной мебелью, а на круглом инкрустированном столике стояла целая батарея бутылок. На полу, чуть левее от входа на террасу, валялись два рюкзака и два скатанных спальника, а правее располагалась стойка с большим количеством радиоаппаратуры.

Африканского здесь было намного меньше, чем на первом этаже. И оно оказалось не в пример радостнее: пара домотканых гобеленов со стилизованными животными и охотниками с копьями, несколько больших, очень качественных фотографий саванны и овальный деревянный щит с геометрическим черно-белым рисунком – в простенке между двумя комнатами. Симметрично щиту у противоположной стены стояли большие напольные часы с маятником.

На террасе все еще маячили шляпа с жилеткой, и Дарлинг ждала, что *Даша* окликнет их. Но та прошла к дивану и нагнулась над ним. А потом поманила Дарлинг пальцем.

На диване, скрестив ноги по-турецки, сидела маленькая девочка в наушниках. Увидев мать, девочка потянулась к ней и обвила рукой за шею, но взгляда от экрана так и не отвела.

– Это Лали, моя дочь, – сказала *Даша*.

Ума. Лали. Умалали. Несмотря на африканское имя, Лали оказалась светловолосым белокожим и синеглазым ребенком ангельской внешности. До сих пор Дарлинг была равнодушна к детям, но Лали вызвала в ней чувство восторга и умиления. Правда, восторг и умиление через секунду оказались разбавленными еще одним чувством, плохо поддающимся классификации: самый красивый и самый преданный на свете пес, самый красивый на свете ребенок – *что возомнила о себе эта женщина?* А если добавить сюда мужчин, которые ищут ее десятки лет? И других мужчин, готовых драться за нее? И еще одних мужчин, готовых врать в глаза, что не влюблены в нее?.. И Дарлинг несколько не удивится, если две кошки *Даша* тоже окажутся совершенством.

Кошки дали знать о себе уже через секунду: они лежали на диване по обеим сторонам от Лали: умопомрачительной красоты и

грациозности ориенталы с миндалевидными и такими же синими, как у Лали, глазами, – есть от чего прийти в бешенство!..

– Не правда ли, ангел? – В голосе *Даша* не слышалось и ноты самодовольной материнской гордости за дочь. Все было сказано тем же тоном, что и недавнее «Он убивает бесшумно».

– Во всяком случае, очень похожа на ангела, – подтвердила Дарлинг, посчитав, что раздражение и – тем паче – бешенство неконструктивны. – Но я так подозреваю, что за ангельской внешностью те еще черти скрываются?

– Точно, – засмеявшись, подтвердила *Даша*.

– Вьет из тебя веревки?

– Не из меня. Но пущенных на веревки всегда в избытке. – Сказав это, *Даша* сняла наушники с головы дочери. – Лали, зачем ты сунула в кровать Магды и Тео двухдохлых ящериц?

– И паука, – по-прежнему не отрываясь от экрана, уточнила девочка.

– Значит, был еще и паук?

– Да.

– Твое счастье, что паука не нашли. Зачем ты сделала это?

– Мне не нравится Магда.

– Это не повод, чтобы травить ее пауками и ящерицами.

– Мне не нравится Магда.

– А Тео?

– Тео похож на додо.

– Понятно. Но Магда плакала. А Иса взял вину на себя, он ведь очень тебя любит. Мне придется наказать его. Ты считаешь это справедливым?

– Мне не нравится Магда.

– И из-за этого пострадает твой брат. Он не поедет завтра с нами, а он мечтал об этой поездке. Но если ты извинишься перед Магдой, невиновный не будет наказан.

– А виновный? – по-взрослому спросила Лали.

– Я подумаю, что сделать с виновным. После того, как он извинится.

Лали скрестила руки и надулась. А потом, так и не ответив, исподлобья уставилась на Дарлинг:

– Кто это?

– Это Дарья. Познакомься с Дарьей, Лали. Дарья наш гость, так что изволь быть хотя бы вежливой.

– Привет, Лали. – Дарлинг помахала девочке рукой.

– Привет! Ты русская. – Лали не спрашивала, а утверждала. Удивительный словарный запас для ребенка ее возраста, удивительное богатство интонаций. Впрочем, ничего удивительного: она дочь своей матери, только и всего.

– Да. Ничего не имеешь против?

– Моя мама русская. Я буду звать тебя Мо. Она останется у нас?

Вопрос был обращен к *Даша*, но Дарлинг посчитала нужным прояснить ситуацию сама:

– Не думаю, что останусь. Хотелось бы избежать вариантов сдохлыми ящерицами.

– Вот видишь, Лали! Никому не нравятся дохлые ящерицы.

– Мне нравятся. Больше, чем Магда.

– Если ты не извинишься перед ней, Иса не поедет с нами в Ангкор.

Сказав это, *Даша* вновь водрузила наушники на голову дочери и направилась к одной из двух окружавших щит дверей.

За дверью оказалась небольшая комната с письменным столом и книжным шкафом во всю стену. Но книг в шкафу не было вовсе: все полки за стеклом были отданы мелкой африканской скульптуре – деревянной, бронзовой, терракотовой и вырезанной из рога. Кроме того, Дарлинг успела разглядеть диковинные вещицы, очень похожие на амулеты. По стенам комнаты висели маски и целая коллекция копий вперемежку со старинным огнестрельным оружием. Венчали оружейную выставку два роскошных, инкрустированных перламутром арбалета.

И еще... Картина.

Она оказалась единственным живописным пятном среди декоративно-прикладного великолепия. И это был Саорин.

«Иллюзия Хесуса Галиано».

Картина в комнате *Даша* (или лучше назвать ее кабинетом?) была точной копией картины, принадлежащей Костасу!

– Саорин, – сказала Дарлинг.

– Да, – отозвалась *Даша*, возившаяся с дубовой панелью единственной ничем не занятой стены. – Это Саорин.

– «Иллюзия Хесуса Галиано».

– Ты и название знаешь?

– Да.

– Впрочем, чему я удивляюсь? Это ведь Костас тебя просветил?

– У него в кабинете висит точно такая же.

– Точно такая же? – *Даша* надменно приподняла бровь.

– Абсолютно.

– Не знаю, что там висит у Костаса, но эта картина – оригинал. Неужели он нашел испанца?.. Нашел и заказал копию. Или заказал ее кому-то другому, вот сукин сын!

И снова в голосе *Даша* не было ни малейшего намека на злость или раздражение. Она просто констатировала факт, попутно выискивая логику возникновения двух совершенно одинаковых картин.

– Костас утверждает, что оригинал как раз у него.

– Ты его любишь?

– Саорина?

– Костаса.

– В каком смысле?

– А в каком смысле женщина любит мужчину?

– Если в этом, то нет. Он всего лишь мой босс.

– И хороший?

– Отличный.

– Это в стиле Костаса – быть хорошим и даже отличным. У меня сводит скулы от одного воспоминания о нем.

– Я бы не хотела это обсуждать.

– Тогда займемся обсуждением платьев.

Даша наконец-то справилась с панелью, оказавшейся раздвижными дверями в гардеробную. Зайдя внутрь, она не глядя сняла с вешалок сразу с десятков платьев и бросила их к ногам Дарлинг:

– Выбирай.

Выбрать было из чего: все платья имели одинаковый фасон, но ни одно не повторялось в расцветке.

– Как тебе синее? – Незаметно для Дарлинг *Даша* стала руководить процессом подбора.

Синее платье с расходящимися концентрическими кругами цвета перламутра было и вправду великолепным.

- Пожалуй. Да.
- Примеришь?..

Пока Дарлинг переодевалась в гардеробной, она успела кое-что узнать о Лали.

– Лали не любит чужаков, – сказала *Даша*. – В лучшем случае она относится к ним нейтрально. И странно, что ты понравилась ей.

– С чего вы... ты взяла?

– Она придумала тебе имя. Теперь ты будешь Мо, и нам всем придется немного подвинуться, чтобы освободить для тебя место в ее мире.

– Всем – это кому?

– Мне, Исе и Шону. Амаку и кошкам.

– Исе?

– Это ее старший брат, Исмаэль. Ты еще с ним познакомишься.

«Ее старший брат»! *Даша* могла бы сказать – «мой старший сын», но почему-то не сказала.

– И с Магдой?

– И с ней.

– А кто такая Магда?

– Жена моего старого приятеля Тео. Я тоже от нее не в восторге. Терпеть не могу женщин, растворившихся в мужчинах без остатка.

Ну кто бы сомневался!.. Сама *Даша* — полная противоположность таким женщинам. Она и есть растворитель, по крепости не уступающий соляной кислоте: мужчины исчезают в нем до последнего атома, не остается ни саксофонов, ни часов «Улисс Нардин», ни кожаных жилеток, ни белых летних шляп.

– Вряд ли Лали терпеть не может Магду по тем же причинам, что и ты.

– Зато что касается тебя... здесь мы с Лали совпадаем полностью.

– В чем же?

– Ты понравилась нам с первого взгляда.

Как относиться к этим словам? Как относиться к странной симпатии, которую *Даша* не устает подчеркивать? Она провозгласила Дарлинг своим другом, и то, что это произошло в присутствии пса (всего лишь пса!), не имеет ровно никакого значения. Объяснение существует: *Даша* доигрывает партию с Костасом, отложенную на двенадцать лет, и Дарлинг – всего лишь пешка в этой игре. Но даже

если бы она была фигурой, слоном или ладьей, – кардинально ничего бы не изменилось. Объяснение существует, но оно не устраивает Дарлинг.

– Я, конечно, тронута, но...

– Просто ты очень похожа на нас. На меня и на Лали.

– Вить веревки из всех, кто под руку попадет? Кажется, именно этим вы и занимаетесь?

– Такое случается.

– А когда что-то идет не так, возникают дохлые ящерицы в кровати?

Даша смеется – и теперь это не камешки, не солнечные зайчики. Мелкие насекомые, которые впиваются в кожу, – гнус, мошкара. *Даша* смеется, но смех существует отдельно от нее, подобно дымовой завесе, призванной скрыть истинные чувства. Глаза ее остаются серьезными, и они ощупывают лицо Дарлинг, ища в нем поддержки. Сочувствия, участия. И это еще более странно, чем торопливое рукоположение в сан друзей.

– Что ты подумала обо мне? – спрашивает *Даша*.

– Когда?

– Когда увидела. Или чуть позже...

– Когда увидела тебя и Костаса? – уточняет Дарлинг.

– Да.

– Я не знаю, имеет ли смысл...

– Наверняка ты подумала что-нибудь нелицеприятное... Что-то вроде того, что я – сука. Холодноногая сука. Пошлая манипулянтка, разве нет?

Нет, Дарлинг думала совсем не об этом. А о том, что *Даша* похожа на Джин. Или нет, на Пат! На повзрослевшую и чуть состарившуюся предательницу Пат. Пат, быть может, и состарилась, но предательство не старится никогда. Оно полно сил, оно пребывает в оптимальном возрасте хорошо накачанных мышц; ягодицы предательства всегда упруги, живот подтянут, линия ног безупречна, ему впору выступать в мюзиклах. Не нравится стареть? – возьми в любовники предательство, и ты всегда будешь в форме.

– ...Нет. Ничего такого я не думала.

– Даже если и думала... Я совсем не такая.

Она подходит к Дарлинг, очень близко: до сих пор так близко подходили только те, кто позже оказывался с ней в одной постели. Мужчины. И ни одной женщины, если не считать мамы и Лерки, их быстрых размякших поцелуев при встрече-прощании: все они не особенно нежны друг с другом, нежность достается лишь папочке. *Даша* — не сестра, не мать и не мужчина, но она совсем рядом, складки их платьев соприкасаются, бирюзовые и фиолетовые сполохи пронзают синеву и тонут в перламутровых воронках; и она делает то же самое, что сделала ее дочь десять минут назад, — обвиняет Дарлинг рукой за шею.

Губы *Даша* накрывают беззащитное Дарлингово ухо:

– Я совсем не такая. Я намного хуже.

Дело сделано. Яд впрыснут. Неизвестно, когда он начнет действовать и каковы будут последствия, вот бы где пригодился прозрачный рей-сеновский купол — защитить себя от *Даша*. Которая уже успела отойти на безопасное — *женское* — расстояние. И теперь рассматривает Дарлинг и улыбается.

– Отпад! Тебе чертовски идет это платье. Знаешь, когда вечеринка закончится... я бы хотела подарить его тебе. На память.

– А что с подарком Костаса? – Голова Дарлинг слегка кружится (видимо, яд уже проник в череп), а ухо, в которое он был влит, предательски горит.

– А что с ним?

– Ты даже не посмотрела. Неужели не интересно?

– Нет.

– Ты могла бы... хотя бы из вежливости...

– Я ничего не делаю из вежливости. Но если ты настаиваешь...

Ты ведь знаешь, что там?

– Понятия не имею.

– Ну хорошо, посмотрим на обратном пути. Кстати, завтра мы собираемся в Ангкор всей компанией. Пять часов на корабле и два дня на храмы. Не хочешь присоединиться?

– Это зависит не от меня.

– Это зависит от тебя.

Господи, чего хочет от нее эта женщина? Единственное же, чего хочет Дарлинг, — исчезнуть. Покинуть этот огромный дом, вернуться в гостиницу, вернуться на родину. Издалека *Даша* и все с ней связанное

будут казаться милым приключением и со временем обростут никогда не существовавшими подробностями. Возможно, повзрослев еще на пару лет, Дарлинг возьмет на вооружение кое-что из арсенала *Даша*. Возможно даже, что она научится курить – только для того, чтобы небрежно тушить окурки в малоприспособленных для этого местах, *Даша* делает это с умопомрачительным изяществом. Все, что бы она ни сделала, – умопомрачительно, бедный Костас, бедный Кристиан, бедный Шон!.. Единственное, чего хочет Дарлинг, – остаться.

– Но Костас...

– К черту Костаса. Сейчас мы говорим о тебе.

– Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты поехала с нами.

– Но зачем?

– Немного попрактиковаться в русском. Я начинаю его забывать, а мне не хотелось бы... Мне не хватает его полутонов и его подтекстов.

– Это не объяснение.

– Ты напоминаешь мне саму себя двадцатилетней давности. Очень сильно напоминаешь. Я начинаю забывать ту себя, а мне не хотелось бы. Это – объяснение?

– Мне двадцать семь.

– Так да или нет?

– Все решает Костас.

– Думаю, это не будет большой проблемой.

...Вернувшись в холл, они не обнаружили Лали и кошек, зато нос к носу столкнулись с покинувшими террасу мужчинами. Теперь Дарлинг могла рассмотреть их в подробностях. Бородачу было явно за сорок, бритоголовый выглядел лет на пять-семь моложе.

– Знакомьтесь, – сказала *Даша*. – Эту чудесную девушку зовут Дарья. А это – Тео и Янек.

– Теодор. – Откликнувшийся глухим басом бородач поцеловал Дарлинг руку и добавил: – Писатель.

– Господи, Тео! – *Даша* засмеялась и дернула писателя за рукав пиджака. – Поверь, это слово магически действует только на твою жену.

– Ян. – Бритоголовый ограничился тем, что приложил руку к жилетке в области сердца. – Можно я не буду говорить, кто я? Сообщу вам об этом потом, в более неформальной обстановке.

– Хорошо, – согласилась Дарлинг.

– Идемте, нас, наверное, уже обыскались.

– Без тебя не начнут, дорогая, – хохотнул Тео и приобнял *Даша* за плечи.

Самый обычный дружеский жест, продлившийся чуть дольше, чем положено дружескому жесту. Неужели в список пострадавших следует добавить еще и писателя? А заодно и его жену – вот уж кто страдает совершенно невинно, да еще получает хвостами дохлых ящериц по лицу!

...Жена Тео оказалась милейшим и почти невесомым существом лет тридцати. Из ворота африканского платья (на этот раз зеленого цвета с пиктограммами черепах по подолу) трогательно торчали ключицы, над невысоким, но чистым лбом клубилось облако тонких волос, умело подведенный рот кривился в застенчивой улыбке, – в Магде не было ни одного изъяна. Решив про себя, что она красива, и отойдя от нее на два шага, Дарлинг попыталась вспомнить ее внешность – и не смогла. Зато еще одна гостья – четвертая, и последняя, из присутствующих женщин – чрезвычайно понравилась ей: вот уж кто удобно располагается в чужой памяти и даже спустя годы способен вызвать невольную улыбку.

Анн-Софи.

Анн-Софи не ограничилась только платьем: с ее шеи свисали несколько десятков жемчужных нитей и керамических плиток размером с ладонь. На обеих руках болтались абсолютно несочетаемые, но эффектные браслеты, а голову украшал тюрбан. Ей было далеко за сорок, но вела она себя как девчонка. Громко хохотала, много и с видимым удовольствием пила и отпускала фривольные шуточки, смысл которых был трудноуловим из-за чудовищной смеси английского и французского. Между архипелагами английского и французского курсировали крошечные фелюги и джонки непонятных Дарлинг словечек. Даже запомнив, воспроизвести их в точности было невозможно: ленивая европейская гортань Дарлинг оказалась совершенно не приспособленной для таких звуков, навевающих мысли о саваннах, сельвах, горных плато и до сих пор не исследованных джунглях где-нибудь в среднем течении Амазонки.

За спиной шумной Анн-Софи постоянно маячил ее тишайший муж со странным именем Зазу. Зазу был высок, худощав и отчаянно

некрасив. Некрасивость, впрочем, компенсировалась роскошными каштановыми волосами, мягко спадающими на плечи. И детским взглядом прозрачных зеленых глаз, в немом восхищении устремленным на жену.

Едва завидев Дарлинг, Анн-Софи бросилась к ней, как к родной, и со вкусом расцеловала в обе щеки.

– Манифиг! – протрубила она, ткнув Дарлинг пальцем в грудь. Затем палец переместился на кончик Дарлингова носа. – Манифиг!

Звания «манифиг» удостоились также оба запястья Дарлинг, после чего Анн-Софи ткнула пальцем в грудь уже себя и заявила:

– Манифиг!

Следующая реплика снова адресовалась Дарлинг:

– Вэри секси!

О себе Анн-Софи высказалась не менее безапелляционно: «Вэри, вэри секси!» А потом, обратив свой взгляд на *Даша* и понизив голос до театрального шепота, произнесла:

– Вэри дэнджорис!

«Очень опасная», еще бы!

Даша рассмеялась и, покачав в руке бокал с шампанским, протянула его в сторону Анн-Софи. А та, довольная произведенным эффектом, отошла к столику с закусками, подхватив на ходу малышку Лали.

– Забавный персонаж эта твоя подруга, – сказала Дарлинг, наблюдая, как перехваченная за живот Лали болтает в воздухе ногами и заливается смехом.

– Анн-Софи?

– Да.

– Я не могу назвать ее подругой. Мы обе ненавидим это слово. Анн-Софи – легенда. – *Даша* посмотрела вслед удаляющемуся тюрбану. – Не много найдется в мире женщин, подобных Анн-Софи.

– Что же в ней такого выдающегося?

– Анн-Софи – великая путешественница. Большой специалист по пустыням. Нет ни одной, где бы она ни побывала. Собственно, в пустыне мы с ней и познакомились много лет назад.

– В пустыне?

– В Сахаре. А сейчас они с Зазу направляются в Гоби...

Дарлинг пропустила «Гоби» мимо ушей; Сахара – вот что ее интересовало. Что *Даша* делала в Сахаре?

– Ты тоже специалист по пустыням?

– Нет. Просто подвернулся случай познакомиться с Анн-Софи, и я его не упустила.

Даша посмотрела на Дарлинг сквозь бокал с шампанским, давая понять, что тема с Сахарой закрыта.

– Пойду к гостям. Не скучай и не уходи далеко, я скоро вернусь.

Скучать Дарлинг не пришлось: ее тотчас же ангажировала Магда. В отличие от большинства присутствующих, умеренно употреблявших только легкий алкоголь, Магда уже успела накачаться виски. И была пьяна в хлам, правда, Дарлинг заметила это не сразу: Магда умела держать себя в руках.

– Ты русская, – заявила она Дарлинг.

– Отпираться бессмысленно. Что-то вроде того.

– И ты пришла с тем красавчиком в Бриони. Он тоже русский?

– Это имеет какое-то значение?

– Никакого. Он твой муж? Погоди-ка, я сама угадаю... Кольца у него нет, у тебя тоже... Он твой парень?

– Нет.

– Тебе повезло. Чертова стерва!..

– Я? – удивилась Дарлинг. – По-моему, мы недостаточно знакомы для таких выводов.

– Не ты. Ты здесь никто. Как, впрочем, и я. Она – проклятая стерва. Хозяйка. Как ее все зовут? *Даша*? Мерзость. Все здесь мерзость. Ее дети – мерзость. Девчонка вообще маленькая дрянь. Так бы и открутила ей голову. Видела хозяйского муженька?

Дарлинг еще не видела ни Шона, ни Кристиана, но все же сказала:

– Да.

– Английское ничтожество. Тряпка. Всего-то и достоинств что молодость. Наверное, потому она его и выбрала, чтобы он грел ей постель. Ненавижу старух, липнущих к молодым.

– Мне не показалось, что она липнет. И не такая уж она старуха.

– Старуха, – мстительно хихикнув, отрезала Магда. – Но одного ей мало. Ей надо захватить всех. Чувствует, что ее время уходит, – вот и решила ухватить то, что успеет.

– Что-то не похоже, чтобы ей было особенно это надо. – Дарлинг стали напрягать потоки желчи, изливающиеся изо рта Магды, но как их остановить, она не знала.

– Я здесь третий день и имела возможность наблюдать... Она ведьма!

– Ведьма? – Странно, что это простая и многое объясняющая мысль до сих пор не приходила Дарлинг.

– Африканская шаманка... или как там они называются? Видела, сколько дряни в ее доме? Не удивлюсь, если она по ночам совершает дьявольские обряды.

Ну да, ну да – при помощи паука и дохлых ящериц.

– Я бы не стала смотреть на ситуацию так мрачно...

– Вот еще! – Магда снова хихикнула, и только тут у Дарлинг закралось подозрение, что она пьяна. – Я смотрю на ситуацию не мрачно, а трезво. И я единственный человек, кто не потерял остатков разума... Если у тебя есть виды на этого парня... в Бриони...

– Нет никаких видов.

– Если они есть – уводи его отсюда. Будет лучше, поверь.

– Для кого?

– Для него, для тебя... Эта стерва ненасытна. Сожрет мужика и косточек не оставит. Может, он ей триста лет не нужен, но все равно будет жрать. Давиться и жрать, давиться и жрать...

Магда, как заведенная, повторила это еще несколько раз, не отрывая взгляда от своего мужа: *Даша* что-то шептала ему на ухо, а Тео так громко смеялся и так запрокидывал голову, что белая шляпа вот-вот готова была упасть. Она бы и упала, но в самый последний момент Тео удержал ее.

– Это твой муж? – Дарлинг доставило неожиданное удовольствие хоть чем-то подколоть неумную, осатаневшую от ревности Магду.

– К несчастью, да. Правда, теперь я ни в чем не уверена...

– Похоже, он не скучает.

– Я с самого начала не хотела ехать. Я говорила ему, что это плохая идея... Но он вел себя как одержимый. Отменил все дела, отменил презентацию своей первой книги в Англии, а ведь Англия – это не Греция, и такого успеха он ждал много лет.

– Поздравляю...

– Меня? – Магда судорожно опрокинула стакан, так что зубы стукнулись о его край, и влила в себя очередную порцию виски. – Наверное, лучше поздравить ее... Знаешь, каким было посвящение? «Моей единственной». И еще три высокопарные строчки, о которых я даже вспоминать не хочу.

– «Моей единственной» все искупает, – осторожно заметила Дарлинг.

– Искупает. Если это относится к тебе. Поначалу я так и думала. Единственная – я. Я была единственной, кто возился с ним все эти годы. Кто вытаскивал его из депрессий и алкоголизма. Кто заставлял писать и терпел унижения. Кто работал как ломовая лошадь, лишь бы писатель думал только о творчестве, а не о том, как бы не подохнуть с голоду. И вот, когда все пошло на лад, когда все образовалось... Почти... Когда вышла книга, когда права на нее купило одно британское издательство, пусть и небольшое. Когда ее издали на английском, пусть и маленьким тиражом. И вот, когда уже можно было перевести дух... Появляется эта стерва из его прошлой жизни... И все рушится, все рушится!

Последние, исполненные неподдельного отчаяния слова Магды резко контрастировали с улыбкой. Не вымученной – вполне натуральной: она даже могла показаться искренней, если бы не мелко подрагивающие кончики губ. Почему она улыбается? Не успела Дарлинг подумать об этом, как улыбка Магды сделалась еще шире, обнажив малопривлекательную щель между передними зубами – крупными, как фасолины.

Почему она улыбается?

Все ясно, Тео смотрит в их сторону.

Взгляд Тео не задержался на жене дольше секунды и снова вернулся к *Даша*.

– Проклятая стерва! – прошипела Магда. – Чтоб ты сдохла!

– Они просто разговаривают. – Дарлинг поморщилась.

– Эта сука ничего не делает просто так. Хочет унижить меня.

– Вы сами... сами себя унижаете...

– А ведь это еще не все, не все! Он послал ей книгу. Послал книгу с посвящением, которое принадлежит мне, и только мне!

– Наверное, она была не единственной, кому он послал свою книгу. Мне кажется, книги принято рассылать друзьям, в этом нет

ничего криминального.

– Она была единственной. И знаешь что? Я видела книгу. Она валяется на первом этаже, под этой кошмарной зулусской лодкой. Даже не распакованная.

Так и есть, *Даша* плевать на подарки, какими бы ценными они ни были. Теперь Дарлинг убедилась в этом окончательно. *Даша* всегда будет глуха к проявлениям чужих чувств, она просто не станет тратить на них свое неизвестно чем занятое время. И подарок Костаса... Они не нашли его, спустившись вниз, хотя Дарлинг целенаправленно подвела хозяйку к столику. *Даша* рассеянно предположила, что его, возможно, взял кто-то из домашних или утащила Лали, но Дарлинг может не волноваться. Рано или поздно подарок сыщется, всплывет. «В самом неожиданном месте», – добавила она и рассмеялась.

– А как ты узнаешь, что это именно подарок Костаса, ничей другой? – спросила Дарлинг.

– Я определю его по традиционной пафосной бессмысленности, маскирующейся под многозначительный подтекст.

Подарок рано или поздно сыщется, но с этой книгой... *Даша* явно перегнула палку. Даже если она не прочла в ней ни строчки – могла хотя бы спрятать подальше. Или, наоборот, небрежно оставить раскрытой на самом видном месте...

– Ведет себя как павлин. Распускает хвост перед этой дрянью. Вон, даже шляпу не снимает. Знаешь почему?

– Почему? – машинально спросила Дарлинг.

– У него намечается лысина! – Магда торжествовала. – Никогда он этим не заморачивался, ему было плевать. И откуда что взялось? Откуда взялась эта сука? Я ее убить готова!..

– Кого это вы готовы убить, Магда? – Голос за спиной Дарлинг раздался так неожиданно, что она вздрогнула. И резко обернулась.

Ян.

– И давно ты тут стоишь? – Магда закусила губу и тут же выпустила ее: на широко расставленных передних зубах остался ярко-красный след от помады. Зрелище было не из приятных, как будто Магда уже прокусила горло ненавистной ей соперницы и теперь сглатывает остатки крови.

– Только подошел.

– Ладно, пойду поищу виски.

Оставив Дарлинг и Яна, Магда направилась в сторону дома. Ян проводил ее взглядом и тихонько присвистнул:

– Шикарная диванная женщина!

– Почему диванная? – удивилась Дарлинг.

– Усыпляющая, – охотно пояснил Ян. – Мягкая, без всяких неожиданностей. Призванная служить мужчине, а не воевать с ним. Этому мудаку писателю сказочно повезло. Так кого она хотела убить?

– Никого. Это была фигура речи.

– Ну если она когда-нибудь решится убить своего мужа, я не удивлюсь. Уж слишком рьяно она ему служит.

– Это плохо?

– Это утомляет.

– Кого?

– Обоих участников действия. Ну а вы как здесь оказались? Я никогда не слыхал о вас раньше, Дарья. – «Дарья» Янек произносит как «Дариа», с ударением, слава богу, все в порядке.

– Я тоже ничего не слыхала о вас. Удивительное совпадение.

– Я всего лишь к тому, что здесь никто не появляется случайно.

– Мой босс оказался старым приятелем хозяйки...

– Знакомая история.

– Вы тоже старый приятель?

– Как и все здесь. Не важно, что никто из нас до этого не был знаком друг с другом. Достаточно того, что все мы знакомы с ней. Этого достаточно в принципе.

– Для чего?

– Для жизни.

Вот кто не казался Дарлинг сентиментальным – бритоголовый Ян. У него хорошее открытое лицо, с правильными чертами; просторный лоб, цепкие глаза профессионального игрока в покер... Играет ли он в покер? Без фанатизма, но может сорвать куш в казино; он самый настоящий друг Оушена, пятнадцатый или шестнадцатый по счету, а может, двадцать второй. Единственный, от кого зависит исход тщательно спланированной операции, если в последний момент он не взбрыкнет, по своему обыкновению. Польский гонор уже давно стал притчей во языцах. К тому же, кроме казино и америкашки Оушена (и в подметки не годящегося ни одному из поляков), есть еще харлеи, сессны и шары братьев Монгольфье. Если уж и представлять

абстрактного идеального мужчину рядом с *Даша*, то кандидатуры лучше, чем Янек, не найти.

Этим Дарлинг и занимается в последующие пять минут, пока Ян развлекает ее короткими историями из журналистской (он журналист, не вылезаящий из горячих точек) жизни. Где-то в промежутке между Суданом, Сомали и Восточным Тимором она мысленно пытается наклеить на подол африканского платья *Даша* аппликацию идеального мужчины. Того самого, с кем она могла бы почувствовать себя слабой, навсегда сложившей оружие женщиной.

Ничего из этих попыток не получается.

Харлеи, сессны и воздушные шары раз за разом терпят крушение, разбиваются о скалу по имени *Даша*. Она ни в ком не нуждается, пространство вокруг нее – самая настоящая пустыня, вот что нужно пристально изучать женщине-легенде Анн-Софи. Вот что, а не какие-то лилипутские Гоби с Сахарой. Даже крошке Лали – собственной дочери *Даша* — со временем придется преодолевать эти безводные, иссушенные пространства. Хорошо, что она еще слишком мала, чтобы это осознать.

– Вы и вправду не знаете никого из присутствующих здесь? – спросила Дарлинг у Яна.

– Теперь знаю. Но это знание последних нескольких дней. До этого я был знаком только с малышом Исмаэлем. Ну когда он еще был малышом. И с псом. Когда он был в силе.

– Он не лает.

– Я тоже ни разу не слышал его голоса. *Даша* считает это достоинством.

– Она сказала странную вещь: «Он убивает бесшумно».

– Наверное, у нее были основания так сказать.

– Вы... верите, что этот пес загрыз кого-то насмерть?

– При мне такого не случилось. Видимо, я застал относительно спокойный период ее жизни.

– Бывали беспокойные?

– Наверняка.

– Значит, вы не знаете точно.

– Могу только догадываться. Относительно *Даша* можно строить только догадки... Впрочем, об этом имеет смысл спросить у нашего писателя.

– Он знает ее лучше? – Дарлинг вовсе не хотела поддеть Янека, противопоставить Судан и Сомали харизматичной белой шляпе, скрывающей банальную лысину.

– Он может придумать ее лучше.

– Вы читали его книги?

– А были книги? Мне показалось, он из тех людей, которые всю жизнь пишут одну-единственную книгу. Или делают вид, что пишут. Лишь бы оправдать собственное безделье.

Один – ноль в пользу кожаной жилетки. Но нужно выслушать и противоположную сторону.

– Книги были. Во всяком случае, одна написана точно. Думаю, ее можно найти в доме, если поискать хорошенько.

– И *Даша*... – тут Ян сделал паузу и пристально посмотрел на Дарлинг своими цепкими, как верблюжья колючка, глазами, – читала ее?

– Не знаю.

– Я ни разу не видел ее с книгой. Исмаэль – тот читал всегда. Даже когда был маленьким. Вы уже познакомились с Исмаэлем?

– Нет. Но слышана о нем.

– Приемный сын, который лучше любого родного. Занятный парень. Немного странный, но занятный. Он очень привязан к семье. К тем, кого считает семьей. К *Даше* и маленькому демону Лали.

– А Шон?

– У них сложные отношения. Насколько я понял. Насколько мог увидеть, хотя увидеть можно не многое. Их внутренняя жизнь скрыта от глаз. Как называется книга нашего гениального писателя?

– Понятия не имею.

– Надо бы узнать у его жены и попросить авторский экземпляр. Так кого она хотела убить?

– Вы задаете этот вопрос второй раз.

– Она сказала – «ее». Речь шла о *Даше*! Вы ведь говорили о ней?

– А разве здесь говорят о ком-нибудь еще?

Помимо воли Дарлинг фраза получилась исполненной раздражения и легкой женской обиды на табун мужчин, гарцующих вокруг одной кобылы, в то время как поблизости пасутся еще несколько, ничуть не хуже. Или – хуже?..

– И вы, конечно, на стороне униженной и оскорбленной жены писателя? Женская солидарность, да?

– Нет никакой солидарности.

– Вы можете передать Магде, чтобы она не паниковала. Насколько я знаю, *Даша* никогда не возвращается к тем, кого однажды оставила...

– Да?

– Личный опыт подсказывает мне, что дело обстоит именно так.

– Пожалуй, вы правы. Пойду поищу несчастную и успокою ее.

Дарлинг уже давно хотелось улизнуть от поляка. В его спокойной и иронично-отстраненной манере говорить о *Даша* было что-то не менее угнетающее, чем в любовном помешательстве Костаса. Кстати, куда делся Костас? В поле зрения Дарлинг, в маленьком импровизированном садике с широким навесом (там стояли кресла, две плетеные скамейки, несколько столов и детские качели), с небольшим прудом, в котором плавали лотосы, находились *Даша*, Тео, Анн-Софи с верным Зазу и маленькая Лали. Магда не так давно скрылась в доме, остаются еще Шон с Кристианом, таинственный любитель чтения и саксофонов Исмаэль и —

Костас.

Странно, что он не принимает участия в дне рождения, на который так рвался. С другой стороны, это похоже на Костаса. Он не хочет сливаться с толпой, которая моментально уравнивает его в правах со всеми остальными. Он будет искать время и место, чтобы поговорить с *Даша* наедине, возможно даже, сейчас он наблюдает за происходящим из какого-нибудь укрытия. До стены дома, выходящей на садик, не больше пяти метров, в ней не меньше пяти окон. Имеет ли смысл искать его в доме? Имеет ли смысл вообще искать его?..

В дом Дарлинг возвращается совсем не той дорогой, которой пришла: она повторяет путь исчезнувшей в поисках спиртного Магды. Пройдя по дорожке из гладких обсидиановых плит, она сворачивает за угол и оказывается у задней стены дома, вовсе не такой пафосной, как фасадная. Слева остается небольшая пристройка, дверь в которую приоткрыта. За дверью стоят две стиральные машинки, кое-какой садовый инвентарь и железный шкаф, запертый на висячий замок. Тут же находится картонная коробка из-под телевизора Sony – в нее свалены старые игрушки Лали. То, что игрушки старые, понятно с первого взгляда: у большого плюшевого льва с корнем вырван глаз,

футбольный и волейбольный мячи сдуты, десяток Барби с оторванными конечностями вполне могли бы организовать свою собственную паралимпийскую сборную. «Маленький демон Лали» – именно так сказал о ней Янек. Маленький демон так же не церемонится с игрушками, как ее мать – с людьми. В коробке достаточно места, чтобы там поместились Костас с Янеком, и еще останется немного свободного пространства для книжки Тео.

Все же любопытно было бы узнать, как она называется. И заодно прочесть посвящение.

Задняя стена забора, к которой примыкал сарайчик для хозяйственных нужд, была глухой, если не считать маленькой запертой на щеколду калитки. Судя по всему, ею никто не пользовался: она была заставлена пластиковыми ящиками, нераспечатанными упаковками с джином и пивом и садовыми стульями, сложенными друг на друга. А сама заросшая паутиной щеколда оказалась еще и припорошенной какой-то странной субстанцией – то ли пылью, то ли пылью цветов.

В дом вела единственная дверь, обтянутая москитной сеткой. Толкнув ее, Дарлинг оказалась в небольшом полутемном предбаннике. Уже отсюда она слышала приглушенные голоса. Голоса были совсем рядом: достаточно пересечь предбанник, чтобы столкнуться с ними лоб в лоб. За предбанником виднелся широкий коридор, а ближайшая дверь оказалась дверью на кухню. Из нее и доносились голоса.

– Ты не можешь просидеть здесь весь вечер.

– Я не могу всех их видеть.

– Это неправильно.

– Неправильно набивать дом всеми этими уродами. Хватило бы и одного, чтобы испортить мне настроение на всю оставшуюся жизнь. А тут их целый набор.

– В конце концов, это ее день. И ты должен быть с ней, чтобы у... этих уродов не осталось никаких сомнений. Ее выбор – ты. А не они...

В конечном итоге *Даша* выбрала англичанина, следовательно, один из находящихся сейчас на кухне – Шон. И вряд ли он стал бы откровенничать с кем-нибудь, кроме своего друга Кристиана. Голоса принадлежали им, теперь у Дарлинг не осталось сомнений.

– Я чувствую, что все меняется... Все совсем не так, как было еще полгода... как было месяц назад. Я не знаю, как это началось и почему, но она... она меняется. И она больше...

В повисшей на несколько мгновений тишине Дарлинг услышала звук льющейся в стакан жидкости.

– Она больше не спит со мной.

– Вот черт... Погоди, в семейной жизни бывают разные периоды...

– Тебе-то откуда знать?

– Это не закрытая информация. Достаточно включить элементарную логику, чтобы понять, что так оно и есть. Ты говорил с ней об этом? Мне кажется, иногда нужно говорить честно о каких-то вещах...

– Нет. Не говорил.

– Значит, нужно поговорить.

– Пошел ты со своими советами...

– Я твой друг, и я на твоей стороне, Шон. А раньше... между вами случались недоразумения?

– Ты называешь это недоразумением?

– Как бы это ни называлось... не суть важно.

– Нет. Были трудные периоды. Когда мы уехали из Африки. Но это нельзя назвать просто отъездом...

– А чем?

– Я и сам не могу сказать точно... Как-нибудь потом, не сейчас... Не важно. И я не говорю с ней только потому, что боюсь услышать ответ. Пусть все остается как есть. Пусть хоть так... Я ударил собаку неделю назад. Я хотел ударить ее, а ударил собаку. Не знаю, как это вышло. Ведь я люблю этого чертова пса. Но что-то на меня нашло... Я хотел ударить ее, а собака здесь ни при чем. Хорошо еще, что никто не заметил, как я ее ударил.

– Пес относится к тебе нормально, я сам видел, так что не стоит переживать. Всякое бывает.

– Кого я ударю в следующий раз?

– Может, и не будет следующего раза...

– Если она оставит меня...

– Не оставит. У вас есть Лали.

– У нас еще есть собака и две кошки. И чертов Иса, хотя я люблю Ису. Нет... – Горлышко невидимой бутылки в руках невидимого Шона снова стукнулось о невидимый стакан. – Я терпеть не могу этого ревнивого уroda, но это ничего не меняет.

– В следующий раз можешь стукнуть его!

– Я подумаю, хотя думать я уже не в состоянии...

– Это шутка, эй!

– Если она оставит меня – это будет конец всему. Конец. Откуда взялся этот русский? Про всех остальных я еще могу понять... Они приехали, потому что она позвала. Но этот русский... Его никто не звал.

– Случайная встреча, такое бывает.

– Случайно можно встретиться в субботу днем в единственном на всю округу супермаркете. Но не в забытой богом стране на другом конце света. Нужно знать ее... Она ненавидит случайности. Мы даже из Африки уехали, чтобы избежать случайностей...

– Ты не писал об этом.

– Я о многом не писал. Откуда взялся этот русский? Ты же виделся сегодня с его девкой... Она должна была сказать...

Нужно прекратить подслушивать. Иначе узнаешь про Костаса и про себя массу гадких и неприятных вещей, что навсегда испортит впечатление от Шона. И от Кристиана заодно, а Дарлинг бы очень не хотелось разочаровываться во внезапно найденном брате-близнеце. Но как пройти незамеченной мимо кухни? Проще вернуться в садик, к гостям, приехавшим по первому зову *Даша*.

– Проклятье! Прикрой дверь, – неожиданно сказал Шон. – Не хватало еще, чтобы нас кто-то услышал...

Вот и выход из ситуации!

Дождавшись, пока дверь с мягким стуком захлопнулась, Дарлинг на цыпочках прокралась по коридору и, миновав еще пару плотно закрытых дверей, вновь оказалась в огромной африканской гостиной.

Костаса не было и здесь.

Зато где-то здесь должна быть книга. Магда упомянула зулусскую лодку – наверняка это и есть столик под импровизированной стеклянной столешницей.

...Пространство под стеклом было занято всяким необязательным хламом, который скапливается в любом доме: журналы, рекламные проспекты, диски, пара мотков цветной шерсти, одинокая маленькая кроссовка Лали, распечатанный блок сигарет, несколько мягких игрушек. Была даже теннисная ракетка, но следов книги не нашлось.

Закончив беглый осмотр, Дарлинг подняла голову и увидела Амаку. Бесшумно подошедший пес стоял в метре от нее и не выказывал никаких признаков беспокойства. Но стоило Дарлинг отдернуть руку и попытаться отойти от стола, как Амаку оскалил пасть.

Он убивает бесшумно.

«Убивает, а не пытается куснуть за ляжку. Не хватало быть загрызенной идиотом-псом в чужой стране и в чужом доме, полном людей», – с тоской подумала Дарлинг. Что толку в утверждениях *Даша*, что Амаку стар и время его почти вышло? Иногда и старики проявляют недюжинную силу, нечеловеческую. И хватают тебя за горло в страстном желании утащить тебя с собой – туда, откуда нет возврата. Может быть, попытаться вступить с Амаку в переговоры?

– Мы ведь уже виделись, Амаку. – Дарлинг пыталась говорить спокойно. – *Я* – друг. Помнишь?

– Он не тронет, – раздался голос позади нее. – Не бойтесь.

Вздрагнув от неожиданности и обернувшись, Дарлинг увидела мальчика, или скорее подростка, лет пятнадцати. И удивительным было не то, что он заговорил с ней на русском и без всякого акцента. А то, что он оказался черным. Не смуглым, не мулатом – настоящим африканцем. И это был самый красивый африканец из всех когда-либо виденных Дарлинг по телевизору, в кино, на ленте эскалатора в метро или на спорадических джем-сейшнах в питерском «Мюзик-Холле». Африканец был высок, почти на голову выше Дарлинг; тонок в кости, но при этом широкоплеч и идеально сложен. Его голову украшали демократичные растаманские дреды, что смягчало официальный и несколько чопорный костюм-тройку с затянутым под самое горло галстуком.

– Привет. – При виде черного спасителя-полубога Дарлинг облегченно вздохнула. – Собственно, я всего лишь искала одну книгу. Среди гостей есть писатель, ты, наверное, знаешь. Книга – его, и мне бы хотелось на нее взглянуть.

– Привет, – отозвался африканец. – Я Исмаэль. Но можно звать меня Иса.

Так вот он какой, приемный сын *Даша*, немного странный, но занятный. Преданный семье и отважно берущий на себя вину за

дохлых ящериц. Вот только никто не сказал Дарлинг, что Иса почти взрослый.

– А я Дарья.

– Я уже знаю.

– Ты, случайно, не видел моего друга? Он тоже русский... Костас.

– Он наверху, на террасе. Мы только что говорили с ним. А книгу взял я. Еще вчера. Если она нужна вам...

– Нет-нет, я просто хотела взглянуть на нее..

О чем разговаривать с почти взрослым мальчиком, очень красивым и разглядывающим тебя самым бесцеремонным образом? Он и не думает уходить, только смотрит и смотрит. И улыбается улыбкой, чем-то похожей на улыбку *Даша*. Разница лишь в том, что улыбка Исмаэля простодушна, в ней нет подводных течений, глубоких омутов и колючих морских ежей, об одного из которых Дарлинг когда-то поранила ногу.

– У тебя классная прическа...

– Вот и маме нравится. У вас тоже ничего.

– Спасибо.

О чем разговаривать с почти взрослым мальчиком, делающим ударение на слове «мама»?

– А почему ты не с гостями?

– А вы почему?

– Я мало кого знаю.

– Я тоже. Я не люблю гостей. Вы мамин друг?

– Не совсем. Скорее нет. Нет.

– Жаль.

– Ну почему... У твоей мамы и без меня много прекрасных друзей...

– Анн-Софи милая, да. И Зазу. Анн-Софи хочет, чтобы я увидел пустыни.

– Хорошая идея. А мама не против?

– Хорошая, и мама не против, но я уже видел пустыни. Ничего интересного в них нет. И в той книге, которую вы искали, – тоже.

– Ты ее уже прочел?

– До половины.

– Может, к финалу она станет занимательнее?

– Не думаю.

– Тогда какой смысл читать?

– Я всегда дочитываю книги до конца.

В голове у Дарлинг тихо гудит целый рой вопросов: чем занимается Иса сейчас (скорее всего, учится в школе) и чем собирается заняться в будущем. И про пустыни тоже. И про книги, которые он дочитывает до конца не из принципа, а просто потому, что они ему нравятся. И про африканскую коллекцию – кто-то же должен рассказать о ней Дарлинг в подробностях, познакомить с самыми выдающимися экспонатами. И про саксофон Криса – как так получилось, что он перекочевал в руки Исмаэля? И про музыку – какую музыку слушает африканец в Камбодже. И есть ли у него друзья, и есть ли у него девочка, а не только мама и Лали. И про пса – правда ли, что Амаку так опасен, как все о нем говорят. И про кошек – Дарлинг так и не узнала, как зовут кошек. И – самый главный вопрос, который волнует Дарлинг: как случилось, что африканский мальчик стал приемным сыном *Даша*, и как они встретились. Ведь *Даша* не принадлежит к голливудским звездам, которые пачками усыновляют несчастных сирот из стран третьего мира. Но как раз этот вопрос Дарлинг никогда не задаст, слишком он деликатен. Лучше уж о саксофоне и кошках.

– Говорят, ты играешь на саксофоне?

– Об этом уже говорят? – Исмаэль широко улыбнулся, показав ослепительно-белые зубы, и подергал себя за ухо. – Положим, я играю всего второй день. И это не то чтобы игра. Просто мне нравится.

– Ты занимался музыкой?

– Никогда. Просто мне нравится саксофон, вот и все.

– Вот и все? Так просто?

– Конечно. Оказалось, что мы понимаем друг друга. Это намного проще... – тут Исмаэль запнулся.

– Намного проще?

– ...чем понимать людей.

– Ты отлично говоришь по-русски.

– Моя мама – русская. Разве может быть по-другому?

По-другому и быть не может. *Мама, мама, мама* — для пятнадцатилетнего подростка он повторяет это слово слишком часто.

– Твоя мама – удивительный человек. Я рада, что мы познакомились. И у вас удивительный дом.

– Это что! Видели бы вы наш дом в Аккре!..

– Аккра?

– Это в Гане. А Гана – в Африке.

– Я знаю.

– Большой дом на берегу океана. Большой сад. Там было замечательно, лучше и придумать нельзя. Но нам пришлось уехать оттуда.

– Ты жалеешь?

– Нет. Ведь все осталось здесь. – Исмаэль приложил руку к сердцу.

– И почему же вам пришлось уехать?

– Так решила мама. А ее решения не обсуждаются...

– Потому что они самые правильные? Лучшие?

– Да.

– И вы перебрались сюда...

– Мы ждали Лали. Мама сказала, что для Лали здесь будет спокойнее.

Дарлинг удивлена. Она не много знает о Камбодже, но этого «не много» достаточно, чтобы понять: Камбоджа – не самое спокойное и благополучное место на земле. Даже оставив за скобками ее недавнюю кровавую историю; даже не рискнув приблизиться к рисовым полям, где частенько рвутся забытые с полпотовских времен мины... Нет, Камбоджа – совсем не та страна, где можно расслабиться.

– Почему же вы не уехали в Европу?

– У мамы сложные отношения с Европой.

– И с... Россией?

– О России мы не говорим. Это хорошая страна?

– Разная, как и любая другая.

– Там ведь идет снег, да?

– Такое случается.

– Я не видел снега. Ни разу.

– Ну у тебя все впереди.

– Если мы когда-нибудь переберемся в Россию...

До сих пор Исмаэль вызывал в Дарлинг только симпатию – когда же наступило раздражение и почему? Все дело в слове «мама», его слишком много, слишком. При этом Исмаэль вовсе не выглядит инфантильным маменькиным сынком, не способным на

самостоятельные решения. Каждое его «мама» – крошечный страховочный трос, которым он пытается поплотнее привязать к себе мать. Где-то рядом, на таких же канатах, болтаются другие люди, но Исмаэль должен первым взобраться на вершину и покорить ее. Он гибкий и сильный, он дочитывает до конца все книги и до конца идет за решениями родного ему человека, какими бы странными, эксцентричными или неправильными они ни были. Преданному сыну Исмаэлю будет непросто найти себе девушку: сравнения с матерью неизбежны, и вряд ли эти сравнения окажутся в пользу девушки. Бедняга Исмаэль!

– Не обязательно ждать переезда, вдруг его не последует? Но ты можешь приехать в Россию и один. Пусть не сейчас, а когда станешь взрослым.

– Я и так взрослый.

– Возможно, я неправильно выразилась...

– Вы правильно выразились. Но я не оставлю маму и Лали. Вдруг им понадобится моя защита? Мужчина ведь должен защищать тех, кого любит, разве нет?

– Так и есть. Но не стоит забывать, что ты не единственный мужчина. Есть еще Шон...

Упоминание о Шоне было явно неприятно Исмаэлю, и он даже не посчитал нужным скрыть эту неприязнь: дернул головой, как будто отмахиваясь от назойливой мухи, и снова ухватил себя за ухо.

– Шон? Мы бы вполне могли обойтись без него.

Наверное, именно так и выглядят «сложные отношения», о которых говорил Янек. *Пошел ты к черту* — вот и вся сложность. Что еще говорил завсегдатай горячих точек? «Их внутренняя жизнь скрыта от глаз» — как же, как же! Вываливать совершенно постороннему человеку семейные проблемы — скрытностью здесь и не пахнет.

– Ты, наверное, мог бы обойтись. Но твоя мать выбрала его. И Лали его дочь. Ты должен понимать это.

– Вы что — друг Шона?

– Нет. Я знаю о Шоне не больше, чем о тебе. Просто нужно стараться понять и других людей, каким бы непосильным делом это ни казалось.

Исмаэль молчал, но вовсе не потому, что обдумывал слова Дарлинг. Тема с Шоном, к несчастью, оказавшимся еще и отцом

маленькой Лали, тяготила его. Но как из нее выбраться, он не знал, что было простительно для мальчика. Дарлинг – совсем другое дело. Дарлинг – взрослый человек. Хотя и повела себя как дура, попытавшись навязать мальчишке, которого знает пятнадцать минут, свои представления о том, что хорошо, а что плохо. Надо как-то выбраться из этой общечеловеческой пафосной тухлятины.

– У вас замечательная коллекция.

– Да, мы перевезли ее сюда, хоть все наши знакомые ганийцы нас отговаривали.

– Почему?

– Они суеверны и даже к своим богам подходят на цыпочках. Они считали, что хотя бы несколько вещей из коллекции не стоит беспокоить. И что желательно им оставаться на своих местах, так будет лучше для них и для всех.

– Но вы с мамой не суеверны?

– Нет.

– И поэтому вся скульптура перекочевала за вами.

– Конечно. Мы ничего не забыли, ни одной вещи из Аккры. Мама никогда ничего не забывает.

– А кошки тоже путешествовали с вами?

– Да.

– Я до сих пор не знаю, как их зовут.

– Никак. Это же кошки. Кошки – не Амаку, и они вольны выбирать себе любые имена. Или не выбирать их вовсе. А если уж они выбрали имя, то обязательно дадут знать об этом.

– Пока не давали?

– Нет.

– А как зовет их Лали?

– Каждый раз по-разному. Она надеется, что кошки рано или поздно откликнутся на какое-нибудь из имен.

– И что случится после этого?

– Мама говорит, что случится нечто совершенно удивительное, если ты, конечно, угадаешь имя. Во-первых, кошка подарит тебе одну из своих жизней, ведь их у кошек намного больше, чем у людей. И еще одна жизнь обязательно пригодится, ведь случиться может всякое... Потом, кошка, если захочет, может открыть важные знания. О том, как проникать в суть вещей. И в человеческую суть тоже. Если ты

обладаешь этим знанием – любой человек окажется у тебя в кулаке. Повиснет на булавке, как бабочка. И уж ты сам решаешь – вытащить булавку или нет.

– И ты в это веришь?

Дарлинг неожиданно почувствовала холодок, пробежавший по спине. Насаживать людей на булавки, как бабочек, рассовывать по карманам спичечные коробки с самыми разнообразными энтомологическими экземплярами – разве не этим занимается *Даша*? Именно этим. Костас, Тео или Янек – взятые по отдельности, они производят впечатление самодостаточных и сильных мужчин, многого добившихся в жизни. Но, находясь в одном пространстве с *Даша*, они разом теряют свою силу. Ведут себя как марионетки в руках опытного кукольника. Дарлинг трудно представить, чтобы мужчина добровольно отказался от собственных планов и поставил под угрозу дело всей жизни только из-за прихоти женщины. Пусть и много значившей для него когда-то. Но именно это сейчас и происходит. Кто такая *Даша*? Она не знаменитость, не героиня таблоидов, не юная красавица-модель; в ней нет открытой, вызывающей сексуальности, которую Коко обозвала когда-то «портяночной»: из-за вони, которую она издает, поражая окрестности в диаметре пятисот метров. Кто такая *Даша*? Не иначе как женщина, угадавшая имя кошки. Сразу двух кошек. Что было потом – знают только кошки и она. Но в знании человеческой сути и умении манипулировать ею *Даша* не откажешь.

– И ты в это веришь, Иса?

– В эту сказку? – Исмаэль рассмеялся, довольный произведенным эффектом. – Нет, конечно. Но Лали очень любит ее слушать, поэтому мама и рассказывает ее на ночь. Сказка про кошек – чемпион среди всех остальных сказок. В детстве я ее тоже любил. И кошек тоже. Они всегда жили с нами.

– Те самые, которые живут и сейчас?

– Те самые.

– Они, наверное, очень старые? – Кошки вовсе не выглядели старыми, насколько их смогла запомнить и рассмотреть Дарлинг.

– Они были всегда. Я даже думаю, что они старше Амаку...

Пес, все это время спокойно лежавший у ног Исмаэля, поднял голову и наострил уши.

– Но Амаку сдает, а кошкам ничего не делается. Вот и выходит, что мамина сказка – не такая уж сказка...

– Или это какие-то специальные кошки. – Дарлинг заставила себя улыбнуться.

– Я тоже думал об этом. Кошки, которые всегда смогут нас защитить.

«Защитить». Это третье по популярности слово в лексиконе Исмаэля – после «мама» и «Лали».

– От чего?

– Мало ли от чего... Конечно, про кошек все неправда, кроме того, что я знаю их с детства. Но иногда просто здорово подумать, что есть что-то, что делает тебя неуязвимым.

Неуязвимость – вот о чем мечтает этот мальчик! А в этом доме уязвимы все, за исключением хозяйки.

– Я ведь тоже искал им имена. А потом бросил. Теперь это делает Лали.

– Меня она решила звать Мо.

– Значит, вы ей понравились. С этим уже ничего не поделаешь.

– Да. Я все же поищу своего друга, – сказала Дарлинг.

– Вас проводить?

– Не стоит. Лучше возвращайся к гостям.

– Мы ведь еще поговорим?

– Конечно.

– И вы немного расскажете мне о России?

– Обязательно. А ты мне расскажешь о вашей африканской коллекции.

– Идет.

* * *

Расставшись с Исмаэлем и Амаку, Дарлинг взлетела на второй этаж, но Костаса на террасе не обнаружила. Спуститься он не мог: лестница все время была в поле ее зрения, и никто не поднимался и не спускался по ней. Значит, Костас где-то здесь.

– Костас! – позвала она, не слишком, впрочем, громко. – Где вы, эй!..

Ответа не последовало.

Обойдя диван, Дарлинг обнаружила обеих кошек: теперь, в отсутствие Лали, они лежали, прижавшись друг к другу, среди диванных подушек. Появление Дарлинг несколько не взволновало их, лишь одна приподняла голову и слегка приоткрыла глаза.

– Ну привет. – Не удержавшись, Дарлинг прикоснулась к кошачьей мордочке кончиками пальцев. – Привет... Джин.

Произнесенное Дарлинг имя не произвело никакого эффекта, и глаза животного так и остались исполненными сонного безразличия.

– Паоло?..

И снова Дарлинг не достигла цели, да и сакральные имена кончились. В запасе, правда, оставались опереточные Коко с Вассилисом-василиском, но представить, что почти бессмертных созданий могут звать именно так, было невозможно.

Оставив кошек в покое, Дарлинг переместилась к дверям по правую сторону от террасы и по очереди приоткрыла их: детская с доминирующим фисташковым в цветовой гамме и спальня, решенная в спокойных бежевых тонах. По обилию фотографий на комодике и фотоаппаратуре, сваленной на кресло у двери, Дарлинг поняла, что спальня – хозяйская.

А к фотографиям стоило присмотреться повнимательнее.

Их насчитывалось около десятка, в основном художественные портреты. Главной героиней была Лали: сначала – непроявленная, в материнском животе (беременная *Даша* со снимка поразила Дарлинг своей нежной беззащитностью), затем – Лали-младенец в гордом одиночестве. Затем – на руках у Шона. Затем – на руках у Исмаэля, и это была единственная фотография Исмаэля. Ничего удивительного: фотографировал, скорее всего, Шон, а у них с Исмаэлем сплошное «пошел ты к черту!». Отсутствие Исмаэля компенсировалось присутствием всех остальных, включая Амаку и кошек. И Дарлинг вдруг подумала, что *Даша* могла бы быть чуть внимательнее к своему старшему – пусть и приемному – сыну. Чуть благодарнее ему за преданность. Наверняка он видел весь этот не совсем справедливый комодный иконостас, и это явно не укрепило его симпатии к молодому отчиму. А то, что двое мужчин в ее семье не ладят между собой, уже давно должно было обеспокоить *Дашу*.

Но она занята только собой. Своей игрой в спичечные коробки с насекомыми.

– Оказывается, он хороший фотограф. – Голос Костаса раздался так неожиданно, что Дарлинг вздрогнула.

– Я вас искала. Исмаэль сказал мне, что вы здесь...

– В супружеской спальне?

– Бросьте, Костас. Он сказал мне, что вы на втором этаже.

– Хотел побыть в одиночестве.

– Стоило ли приезжать сюда, чтобы побыть в одиночестве?

– Не стоило, ты права. Не стоило вообще приезжать. Теперь я это понимаю.

– Еще не поздно уйти.

– Поздно.

– Отчалим по-английски. Никто и не заметит.

– Она видела подарок?

Началось!..

– Я не знаю, – соврала Дарлинг.

– Вы же были вместе какое-то время.

– Недолгое. Я просто переоделась в это платье.

– Зачем?

– Африканская вечеринка, вы разве забыли?

– Меня никто не приглашал переодеться.

– Мужчин это не касается.

– И много их здесь?

– Не очень. Исмаэль милый, правда? Вы его знали раньше?

– Нет. Когда мы с ней встретились, не было никакого Исмаэля.

– Зато теперь он есть. И Лали. Изменить это невозможно. Давайте уйдем. Так будет лучше для всех.

– Нет.

– Хотите поговорить с ней? Вы ведь уже пытались, и ничего из этого не вышло...

– Меня интересуют те двое. Которые стояли на террасе, когда мы пришли сюда. Кто они?

Странно, что его интересуют Янек и Тео, а вовсе не Шон, нынешний муж *Даша*. Тягаться с ее настоящим – бесперспективно, каким бы смешным и нелепым оно ни казалось. Проще предъявить

счет прошлому. Другого объяснения внезапно возникшему интересу Костаса к товарищам по несчастью у Дарлинг нет.

– Тот, что в костюме и белой шляпе, – писатель.

– Ну надо же! Не иначе как лауреат какого-нибудь сраного Букера, или что там дают за романы века?

– Нобелевку, но я не отслеживаю...

– А второй, видимо, изобрел атомную бомбу? Возглавил экспедицию к обратной стороне Луны?

– Второй – журналист.

– Где она их только находит, этих клоунов?

– Наверное, там же, где и вас.

Это не просто нарушение субординации – самое настоящее хамство. Еще два дня назад Дарлинг и помыслить не могла о таких – более чем странных – отношениях с шефом. Но Костас сам виноват: из уверенного в себе мужчины он за сутки превратился в прыщавого подростка, переживающего драму крушения первой любви. И Дарлинг неприятно наблюдать за подобными метаморфозами. А когда вся эта камбоджийская муть закончится и они улетят домой (другого исхода не существует в принципе) – как продолжать работать с ним? Никто не забудет произошедшего здесь – ни Костас, ни Дарлинг. И она всегда будет напоминать ему о неприглядной истории собственной слабости. О наваждении, с которым он не смог или не захотел справиться. Дарлинг так и останется опасным свидетелем обвинения, и ей самой придется побеспокоиться о своей защите.

Уволиться – вот лучшее решение всех проблем. Так она и поступит.

– Я выгляжу точно таким же идиотом, как и они?

– Честно? Да. Разница только в нюансах.

– И каковы нюансы?

– Янек... тот, который возглавлял экспедицию к обратной стороне Луны, как вы изволили выразиться... идиот, смирившийся со своей участью. Писатель, его зовут Тео...

– Уволь меня от имен.

– Хорошо. Писатель – идиот, еще не потерявший надежды. Со стороны это выглядит смешно, но так оно и есть.

– Понятно. Нам действительно лучше уехать отсюда.

– Подождете меня здесь пять минут? Я переоденусь.

– Конечно. Иди.

Обойдя Костаса, стоявшего облокотившись на дверной проем, Дарлинг пересекла холл и оказалась в комнате с гардеробной. Без *Даша* все здесь выглядело по-другому. Самые обыденные вещи – кресло, стол у окна, книжный шкаф, казалось, забыли о своем первоначальном прикладном предназначении. Их линии потеряли четкость и теперь подрагивали в странном мареве, окутавшем комнату. Дарлинг показалось, что воздух здесь слишком сухой, что было совсем уж странно при тотальной азиатской влажности, да еще в сезон дождей. Судорожно вздохнув, она почувствовала, как легкие обожгло раскаленной струей, – и тут же возникли какие-то странные шепоты и вздохи.

Африканские штучки. Шаманские.

Даша — ведьма, ненадолго оставившая без присмотра свою алхимическую лабораторию, и теперь та живет так, как ей вздумается. И в этом случае на шкаф, где заперты амулеты и прочая магическая мелочь, лучше не оборачиваться. И на старинное оружие, развешанное по стене, тоже желательно не смотреть. Если все здесь не так, как кажется, и не то, за что себя выдает, – нет никаких гарантий, что любое из копий не сорвется со стены и не пришиллит Дарлинг к полу. Путь к панели, за которой пряталась гардеробная, занял у нее гораздо дольше времени, чем в первый раз. Но, когда панель была достигнута, оказалось, что открыть ее невозможно: не нашлось ни ручек, ни кнопок, ни рычагов. Неожиданное препятствие разозлило Дарлинг: уйти по-английски не получится. Добро бы речь шла только об одежде! В конце концов, можно было бы наплевать на замечательный летний костюмчик, стоивший Дарлинг кровных ста пятидесяти долларов. И уйти в этом долбаном африканском платье, тем более что оно вроде как подарено хозяйкой. Но в гардеробной осталась ее сумка с паспортом, телефоном, кошельком и электронным ключом от гостиничного номера.

– Вот черт! – выругалась Дарлинг вслух.

И почти сразу же услышала шорох, идущий от стола. Или скорее от наполовину зашторенного окна, перед которым стоял стол. В отличие от смутных астральных шепотов, которыми была наполнена комната, этот шорох был вполне реальным. И шел из вполне конкретного места.

– Кто здесь?

Ответа не последовало, но шорох повторился. И Дарлинг даже почудился всхлип или сдавленный стон.

– Эй? – снова повторила она.

И, набравшись мужества и в несколько шагов проскочив все саванны, пустыни и национальные заповедники оптом, отдернула одну из штор на окне.

За шторой, прямо на полу, скрючившись и вдавив в острые колени подбородок, сидела несчастная жена Тео.

– Магда? – удивилась Дарлинг. – Вы что здесь делаете? Вы в порядке?

Она была не в порядке. Далеко не в порядке. На мертвенно-бледном лице Магды застыло выражение неизбежного детского ужаса, возникающее лишь тогда, когда человек сталкивается с чем-то ирреальным и не принадлежащим грубому материальному миру. Плечи, руки и слипшиеся пряди волос мелко тряслись, а губы никак не могли исторгнуть из себя крик. Так и есть, Магде хотелось кричать, вопить что есть мочи, но на выходе получался лишь сдавленный стон.

Его-то и услышала Дарлинг.

– Давайте поднимайтесь.

Взгляд Магды наконец приобрел осмысленное выражение:

– Это ты, слава богу...

– Что случилось?

Магда приложила палец к губам, призывая Дарлинг говорить тише, и коротко хихикнула. Этот смешок не понравился Дарлинг, как и запах, идущий от Магды.

Алкоголь.

– Ты видела его? – прошептала Магда.

– Кого?

– Его... Кота.

– Ну конечно.

– Видела?

– Вообще-то их здесь два. Или две, я не знаю точно. Какой из них так вас напугал?

– Ты не поняла. Кот был один. Черный. – Губы Магды снова заходили ходуном. – Не-ет, ты не видела его... Иначе бы ты... Страшный черный кот. И он где-то поблизости.

Кошки из холла не были черными. А других кошек здесь нет. Неужели Магда допилась до чертиков... до котов?

– Здесь никого нет. Давайте руку, я помогу вам встать.

– Думаешь, я сумасшедшая?

– Думаю, что вы просто выпили лишнего. Вставайте, Магда.

– Но я видела его! – В голосе Магды сквозило неподдельное отчаяние. – Он был здесь. Стоял на твоём месте... Примеривался, как бы вцепиться мне в шею. И эти ужасные клыки, выпирающие из пасти... Два сверху и два снизу. И язык между ними, острый, как бритва.

– У котов не бывает клыков.

– А у этого были. Дьявольское отродье.

– Ну хорошо. – Дарлинг сочла за лучшее согласиться с существованием мифического кота. – Допустим, кот был. И собирался на вас напасть...

– Вцепиться в горло. Он метил мне прямо в горло...

– Почему же тогда не вцепился? Что его остановило?

– Я. Я его остановила. Я бросила в него бутылку...

Дарлинг оглянулась: пустая бутылка из-под виски и вправду валялась посреди комнаты, в небольшой лужице. Размер лужицы говорил не в пользу Магды и явно намекал, что большую часть содержимого бутылки она влила в себя. И если сейчас Магда заявит, что у кота имелся эскорт из двух дохлых ящериц, Дарлинг несколько не удивится. А диагноз можно ставить прямо сейчас: острый алкогольный психоз. И почему Дарлинг не пошла в медицину, ведь мама так хотела этого!.. Врач в семье – всегда хорошо, и это могло бы привлечь серьезного и положительного молодого человека: такие среди прочих равных потенциальных кандидатов обязательно выберут врача. Серьезные и положительные молодые люди всегда просчитывают свое будущее и легко, одной лишь силой мысли телепортируются в те времена, когда от молодости не остается и следа. И врач на этом отрезке жизненного пути просто необходим. Не говоря уж о мелких и крупных неприятностях со здоровьем, которые могут случиться и раньше. В семейной жизни врач...

В семейной жизни, да.

Семейная жизнь Магды – удручающая. Потратить годы на человека, посвятившего свою книгу совсем другой женщине, и на

протяжении нескольких дней наблюдать за павлиньим флиртом своего избранника с той самой женщиной... Такое не всякий выдержит – отсюда и алкоголь, и черные коты, восстающие со дна бутылок из-под виски.

Бедная Магда!

– Пойдемте отсюда. – Дарлинг старалась говорить с Магдой как можно мягче. – Пойдемте, я уложу вас. Вам нужно немного поспать. А когда вы проснетесь – все образуется, вот увидите.

– А кот?

– Его здесь нет. Наверное, он ушел. Когда вы бросили в него бутылкой.

– Я в него попала...

– Тем более.

– Я в него попала – и знаешь что? Он не шелохнулся. Пялился на меня своими желтыми глазами. Глаза у него были желтые, я говорила тебе?

– Нет.

– Желтые глаза и желтые круги на теле. Я в него попала, и звук был такой... металлический, понимаешь?

– И бутылка при этом не разбилась?

– Она как будто пролетела сквозь него... Во всем виновата эта сука *Даша*. Это она насылает всякую дрянь! Хочет свести меня с ума.

– Зачем ей это надо?

– Затем, что она ведьма... – Тут Магда приложила ладони к голове, словно у нее нестерпимо болели уши, и начала раскачиваться. – Господи, пусть она сдохнет! Провалится в свой ад! Сделай так, господи...

Смотреть на это было невыносимо, и Дарлинг решительно приподняла легонькую Марту за подмышки:

– Вы идете со мной или нет, чертова вы дура? Или предпочтете остаться здесь? Будете ждать вашего чертова кота? Он ведь может вернуться в любой момент.

– Мне нужен Тео...

– Я уложу вас и позову Тео.

– Хорошо. Его точно нигде не видно?

– Кого?

– Кота.

– Нет. Кроме вас и меня, здесь никого нет.

– Тогда идемте.

– Где ваша комната?

– На той стороне гостиной, крайняя дверь... А еще это платье. – Магда неожиданно начала хвататься за ткань, пытаясь отделить платье от тела. – Вдруг оно отравлено...

– Не говорите чушь.

– Никакая не чушь! Эта сука могла пропитать его ядом.

– Ну да. – Дарлинг не смогла удержаться от улыбки. – Именно этим она и занималась сутками напролет. Пропитывала ядом все платья в доме. А как насчет виски?

– А что – насчет виски? – насторожилась Магда.

– Влить яд в виски намного проще, чем мудохаться с платьями.

– Ты шутишь?

– А как еще реагировать на ваш бред? Считаете, что платье отравлено, – снимайте его к чертовой матери и ходите по дому голой. Кстати, мой друг сейчас в холле, и своим обнаженным видом вы его развлечете. Ну что, готовы?

Магда притихла, а потом, махнув рукой, поднялась с пола. И даже сделала несколько неверных шагов по направлению к двери, но тут же остановилась:

– А если он там, кот? Сидит под дверью?

Проклиная все на свете, Дарлинг распахнула дверь настежь:

– Нет здесь никакого кота. Убедились?

В том, что плод больного воображения Магды отсутствовал, не было ничего удивительного. Но и Костас отсутствовал тоже, хотя они договорились встретиться здесь, в холле. Скорее всего, кошачья эпопея Магды заняла намного больше времени, чем оговоренные пять минут, и он просто спустился вниз.

– Кошки. – Завидев кошек на диване, Магда ткнула в них пальцем.

– Действительно кошки. А я уж было подумала, что это утконосы.

– Эти – обычные. А тот был кошмаром. Видишь, я совсем не дура и нисколько не пьяна и все понимаю...

– Вы просто молодец.

Комната, которую занимали Магда и Тео, находилась за лестницей, на той же стороне, что и спальня с детской. Скорее всего, она была гостевой, и, к большому облегчению Дарлинг, африканский

след в ней не просматривался. Напротив, здесь доминировал местный камбоджийский колорит: две позолоченные статуи Будды по бокам широкой кровати с балдахином, несколько больших литографий на шелке с теми же буддистскими сюжетами и резная, хорошо отполированная мебель. Ножки кровати, кресел и платяного шкафа были стилизованы под драконов. В углу стояли три чемодана – два огромных и один совсем маленький: Магда и Тео приготовились к поездке основательно.

– Хочешь, кое-что покажу?

Громко прошептав это, Магда подошла к шкафу и распахнула створки: на вешалке висело не меньше полдюжета совершенно одинаковых белых костюмов.

– Меняет по три раза на дню. А со мной мог неделями ходить в одной и той же рубашке. Грязные носки приходилось стягивать, чтобы не истлели прямо на ногах. Зачем мы только приехали!

– Чтобы ваш муж наконец приучился менять белье.

Магда неожиданно покачнулась и упала бы, если бы в самый последний момент не ухватила за дверцу.

– Ты ведь на ее стороне? – спросила она севшим голосом. – Все в этом проклятом доме на ее стороне...

– Нет. Можно мне остаться на своей?

– Пусть придет Тео.

– Хорошо. Я скажу ему... А пока вам лучше прилечь.

– ...И пусть захватит чего-нибудь выпить.

– Думаю, что на сегодня вам будет достаточно.

– Я сама решу, что достаточно, а что нет.

– Не знаю, обрадуется ли ваш муж, увидев вас в таком виде...

– Знаешь, что я скажу тебе? Ему наплевать. Наплевать! Если бы я сейчас сгнула, если бы меня сожрал этот ужасный кот, он бы даже не заметил. – Сказав это, Магда опустилась на пол и глухо зарыдала.

Смотреть на плачущую нетрезвую женщину было невыносимо, но и успокаивать Магду у Дарлинг не осталось сил.

– Ладно. Я пошла за Тео, – объявила она и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Возвращаться через черный ход Дарлинг не решилась (из опасений нарваться на английский дуэт), а прошла через центральный. Стараясь не особенно присматриваться к расставленным по гостиной

африканским богам. В том, что это боги, и не самые миролюбивые, она не сомневалась: слишком уж грозно они выглядели. Даже перенесенные на чужую почву, даже окруженные вполне невинными и обыденными вещами. К тому же снова пошел ливень: он стоял стеной за окнами дома, и дождевые потоки бросали отсвет на отполированное веками дерево. Зрелище было величественное и пугающее одновременно, и Дарлинг поспешила покинуть гостиную. Ничего удивительного, что Магде что-то там померещилось в таком антураже. И даже странно, что ее воображение ограничилось котом, а не каким-нибудь жаждущим человечины зулусом. Тут Дарлинг неожиданно вспомнила о своих недавних ночных кошмарах, в которых тоже фигурировал кот.

Связаны ли ее кошмары с кошмаром, который настиг Магду?

Лучше не думать об этом. Лучше решить для себя, что ночные гости Дарлинг (их было двое, в отличие от Магдиного людоеда-одиночки) – всего лишь проекция милых диванных созданий без имени. И тогда кошмар автоматически превратится в несколько не опасный сон-вещун, а Дарлинг просто неправильно считала его посыл. Но это уже ее проблемы.

Быстренько задвинув мысли о котах в самый дальний угол, она приободрилась и толкнула входную дверь уже в самом замечательном расположении духа. И тут же наткнулась на Анн-Софи. Спрятавшаяся от дождя Анн-Софи стояла у дверей и с кем-то разговаривала по мобильному телефону.

– Она не согласна. Да, я уже использовала все имеющиеся методы убеждения. Не смешите, такой вариант не прокатит. Это обоюдоострое оружие. Выпустив джинна из бутылки, мы не впихнем его обратно. Да... Времени мало, но оно есть.

Английский Анн-Софи был просто великолепен. Ничего общего с тем детским лепетом, который она демонстрировала в саду, ни одного словечка из экзотических малотиражных языков. Дарлинг почувствовала себя неловко, как будто услышала то, чего не должна была слышать. Но правильный английский несколько не разрушил образ женщины-легенды, совсем напротив – добавил в него несколько ярких красок. И все же Дарлинг посчитала за лучшее обнаружить свое присутствие и хлопнула входной дверью чуть громче, чем следовало.

Анн-Софи обернулась, продолжая разговаривать по телефону:

– Да, если что-то изменится, хотя я не уверена... Я перезвоню.

Дарлинг приветливо улыбнулась Анн-Софи и получила в ответ такую же лучезарную улыбку. Но глаза француженки остались серьезными и миллиметр за миллиметром ощупали лицо Дарлинг.

– Деловой разговор, – извиняясь, произнесла она. – Не дают расслабиться даже на отдыхе. Ну вы уже освоились здесь, маленькая русская крошка?

– Осваиваюсь потихоньку. У вас хороший английский.

– А еще у меня хороший немецкий и фарси. Неплохие испанский и португальский, недурной китайский... И я владею японской каллиграфией, а это, согласитесь, дорогого стоит.

– Пожалуй. Правда, мне трудно представить ситуацию, в которой бы понадобились знания японской каллиграфии...

– Вы не романтик, моя дорогая. Или вам слишком мало лет...

– И то и другое.

– Наверное, мне следует извиниться за недавний розыгрыш...

– Нет, что вы... Было очень мило.

– Это все *Даша*. Иногда мы с ней практикуем такую лингвистическую игру. Практиковали раньше. Так, шутки ради.

– Шутка удалась. А где Зазу?

– Его экспроприировала маленькая Лали. А Зазу любит малышей, вот они и нашли друг друга. А как вы... находите наше общество?

– Симпатичным.

– Вряд ли все эти люди собрались вместе, если бы не *Даша*.

– Мужчины?

– Мужчины, да. Конечно же, мужчины. Если где-то поблизости находится *Даша*, других женщин мужчины, как правило, не замечают. К Зазу это не относится.

– Я это уже поняла.

– Зазу – счастливое исключение, подтверждающее правило.

– Именно поэтому вы его и выбрали?

– Я выбрала его совсем по другим причинам, а вы – зубастая маленькая крошка. И вы чем-то напоминаете мне *Даша* в молодости.

– Вы знали ее в молодости?

– В тот самый период, когда она увела у меня первого мужа.

Неожиданная новость. До самого последнего времени Анн-Софи оставалась для Дарлинг очаровательной, немного нелепой

француженкой – какими и положено быть женщинам-легендам с естествоиспытательским пустынным уклоном. Глупейший тюрбан на голове и уйма легкомысленной бижутерии это подтверждают. Но под тюрбаном спрятано чеканное, обветренное лицо, умные глаза и жесткие, властные морщины у губ. А среди бижутерии, если присмотреться, можно обнаружить пару по-настоящему ценных старинных браслетов. Наверняка они стоят целое состояние. И телефон у Анн-Софи, насколько успела заметить Дарлинг, не из дешевых: айфон самой последней модели. Все это как-то не вяжется со спальниками у террасы. Или это тоже элемент игры?

– ...И вы все равно остались подругами?

– Шшш-ш... – Анн-Софи приложила палец к губам и поморщилась. – Ненавижу это слово!

– Простите...

– Мы не подруги, но стараемся по возможности держать друг друга в поле зрения. А история с мужем – дело прошлое. Я не сержусь на нее, я не сердилась на нее даже тогда. Я понимала, почему он ушел к ней...

– Почему?

– Вэри дэнджорис. – Анн-Софи без всяких усилий перешла на свой опереточный ломаный английский. – В ней есть ощущение опасности... Опасной женщины, живущей не совсем обычной жизнью, и мужчины не могут этому противостоять.

– Все так просто?

– Все намного сложнее, но это первое, что приходит в голову. Кстати, *Даша* его бросила через три недели.

– Кого? Вашего первого мужа?

– Да. И, думаю, она бы пригласила его сюда, если бы он был жив. Ну так, повеселить меня. Ей нравится меня веселить.

– Он умер?

– Погиб на Филиппинах лет десять назад при невыясненных обстоятельствах. Вернее, это я не захотела их выяснять. Та же участь постигла еще нескольких любовников *Даша*...

– Филиппины?

– Гибель при невыясненных обстоятельствах. Если бы этого не случилось, наш сегодняшний маленький праздник оказался бы куда как масштабнее. И занимательнее.

– Вы считаете, что сюда приехали... не самые интересные экземпляры?

– К вашему боссу это не относится.

– Он и не получал особого приглашения.

– Я знаю. Приглашение получили вы.

– Да. Только я не могу понять, зачем ей это понадобилось.

– Ну уж точно не затем, чтобы насолить ему. Не только мне кажется, что вы похожи на *Даша* в молодости.

– Все так просто?

– Все намного сложнее, но это первое, что приходит в голову. Вы ей интересны. Как и я ей была интересна когда-то. Только знаете что? Будьте осторожны. И помните, – *Анн-Софи* подняла указательный палец, – *вэри дэнджорис*.

По спине Дарлинг пополз неприятный холодок.

– Я думала, это относится только к мужчинам.

– Это не имеет никакого отношения к сексу или к чему-то там еще... В этом духе. Я бы аплодировала вам стоя, если бы вы исчезли из этого дома в самый разгар вечеринки. Но вы ведь не сделаете этого...

– Я хотела.

– Что же помешало?

Магда! Увлечшись беседой с *Анн-Софи*, Дарлинг и думать забыла про несчастную пьянчужку и про свое обещание прислать к ней мужа. Она не должна простаивать здесь, теряя драгоценные минуты, – вдруг Магду опять атаковал белогорячечный кот?.. Она не должна, но и отлипнуть от *Анн-Софи* не так-то просто.

– Мои вещи. Они заперты в гардеробной.

– *Даша* всегда была предусмотрительной. И история запертых дверей мне знакома. Правда, тогда это не относилось к вещам...

– Вот как?

– Я многим обязана *Даша*. – *Анн-Софи* улыбнулась, и улыбка показалась Дарлинг горькой. – Вернее, я обязана ей кое-чем. И это кое-что – самое важное.

А ведь ты ее ненавидишь, неожиданно подумала Дарлинг. *Ненавидишь*, но в свободное от пустынь время постоянно держишь ее в поле зрения. Интересно, почему? И чем таким нужно быть обязанным, чтобы оставаться рядом с человеком, даже ненавидя?

- Когда-то она спасла мне жизнь.
- Вот и ответ!
- До того, как увела у вас мужа?
- Позже. И я всегда помню об этом. Хотя иногда так и тянет забыть... Что-то я разболталась с вами.
- Это потому, что я похожа на *Даша* в молодости?
- О да! Когда-то она умела развязывать языки, не прилагая к этому никаких усилий.
- Она и сейчас... не потеряла навыков.
- Вэри дэнджорис! Не забывайте, моя дорогая.
- Мне-то бояться нечего. Я ведь не фигура, равная Черчиллю.
- Пара мастер-классов, и она слепила бы из вас такую фигуру. Или ей придется ждать, пока подрастет Лали. А это очень долго.
- Лали – чудесный ребенок.
- Да.
- И Исмаэль. Он очень милый. И очень привязан к семье.
- Даже слишком привязан. Амаку может спокойно умирать, его собачья преданность перейдет в надежные руки.
- Вы считаете преданность не слишком выдающимся качеством?
- Я считаю, что мальчику в пятнадцать лет нужно проявлять больше самостоятельности.
- И поэтому вы пригласили его отправиться в путешествие с вами и Зазу?
- Вам и это известно? – *Анн-Софи* удивленно приподняла бровь. – Положим, это не было приглашением. Пожеланием, так будет вернее. Пусть не мы, пусть другие... абстрактные *Анн-Софи*, *Зазу* и *Гоби*... Или *Нью-Йорк*, или ваша *Москва*... Но они ему необходимы. Иначе он никогда не отлепится от матери. Увы, я знаю финал.
- И каков финал?
- Он не отлепится. А ведь он необыкновенный мальчик. Другой бы никогда не заинтересовал *Даша*...
- Мне неловко спрашивать...
- Хотите узнать его историю?
- Просто интересно...
- Я тоже не знаю ее в подробностях. Или, скажем, знаю только то, о чем мне рассказала *Даша*. *Исмаэль* – конголезец, его настоящий отец был довольно влиятельным человеком у себя на родине. Его убили во

время очередного военного переворота, то же случилось со всей семьей. Выжил один Исмаэль. *Даша* нашла его в одном из приютов, тогда он был года на два старше Лали...

– Значит, она его спасла.

– В каком-то смысле. Но нужно всегда помнить, что за спасение рано или поздно придется платить.

– Я не думаю, что это тот самый случай.

– Я и не утверждала, что это тот самый случай. При болезненной привязанности к матери, которую испытывает Исмаэль, любая плата будет для него смехотворной. А вообще, – тут *Анн-Софи* улыбнулась *Дарлинг* хорошо срежиссированной улыбкой, – он большая умница. Хороший математик, немного философ, и у него прирожденный дар к языкам.

– Саксофон, – не удержавшись, подсказала *Дарлинг*.

– Еще и саксофон!..

– Жаль, что они не ладят с *Шоном*. Он тоже показался мне милым.

– Исчерпывающая характеристика. И я бы не смогла сказать о *Шоне* большего, чем только что сказали вы.

– И почему только *Даша* выбрала именно его?

– А вы спросите!

– А вы спрашивали?

– Я никогда ни о чем не спрашиваю *Даша*, потому что боюсь получить правдивый ответ. А что касается того, что они не ладят... Это всего лишь банальная мужская ревность.

– Все так просто?

– Все намного сложнее, но это первое, что приходит в голову, – в который уже раз повторила *Анн-Софи*.

– А второе?

– Второе похоже на первое, разница лишь в нюансах. Возможно, когда-нибудь они просто убьют друг друга или убьют ее... Такое тоже случается.

В голосе *Анн-Софи* зазвучала легкая мечтательность – или это только показалось *Дарлинг*? Скорее всего, показалось. При всей своей жесткости (побочный продукт жизнедеятельности пустынь) *Анн-Софи* не производит впечатления кровожадного человека.

– Или им придется ждать, пока она постареет и потеряет свою женскую привлекательность.

– Я думала, вы умнее. – Анн-Софи подмигнула Дарлинг и от души расхохоталась. – Старость – ничто, *Даша* справлялась с проблемами и пострашнее старости...

Вот ты и попалась, голубушка! Говоря о гипотетической старости *Даша*, ты подразумеваешь свою собственную старость, от которой не скрыться ни в одной пустыне. Но, взглянув на Анн-Софи пристальнее, Дарлинг тут же устыдилась своих жалких мыслей. Ни грамма косметики на лице, никаких ухищрений, чтобы замаскировать морщины, бесстрашные, молодо блестящие глаза. Если старость застигнет Анн-Софи где-нибудь между Гоби и Сахарой, она просто примет ее к сведению, выдаст спальник и всучит фотоаппарат с хорошей оптикой – для скрупулезного изучения морфологических и видовых особенностей пустынных обитателей. Или что там является основным профилем женщины-легенды? Что бы ни было – профиль *Даша* интересует Дарлинг гораздо больше.

– Должно быть, жизнь у *Даша* была довольно насыщенной.

– Более чем.

– Большой дом, коллекция артефактов, свободное перемещение по миру... Чем она занимается?

– А как вы думаете?

– Трудно даже предположить...

– Тогда не предполагайте. Лично я уже давно не строю никаких версий. Но даже если бы знала наверняка, все равно бы ничего не сказала...

Ливень, сопровождавший весь разговор Дарлинг и Анн-Софи, кончился. И почти сразу же из-за угла дома появились Тео и *Даша*.

– Легка на помине, – шепнула Анн-Софи Дарлинг. – Теперь все интересующие вас вопросы вы можете задать напрямую.

– Вот вы где! – улыбнулась *Даша*, приблизившись. – Уже успели подружиться?

– Я рассказывала нашей русской секси о пустынях, – не моргнув глазом соврала Анн-Софи. – Она заинтересовалась.

– Это было чрезвычайно любопытно. – Дарлинг решила подыграть француженке.

– Ты несправима. Единственное, о чем я прошу: не агитируй в пользу пустынь хотя бы Лали.

– Подожду, пока она подрастет. А пока пойду покажу ей, как охотятся вараны. Я обещала. Они с Зазу еще в саду?

– Ждут обещанного варана.

Послав всем воздушный поцелуй, Анн-Софи упорхнула, а Дарлинг, некоторое время понаблюдав за ее удаляющейся прямой спиной, обратилась к греку:

– Магда неважно себя чувствует и просила вас подняться к ней наверх, Тео.

При упоминании о жене лицо Тео исказила гримаса раздражения, которую он даже не попытался скрыть:

– Скажите прямо – она напилась. И теперь устраивает пьяные истерики.

– Я сказала то, что сказала. – Дарлинг вдруг почувствовала к этому бородатому псевдо-Хемингуэю глухую неприязнь.

– Тебе стоит подняться, – поддержала Дарлинг *Даша*. – Твоей жене здесь не очень уютно, и это меня расстраивает.

– Она сама захотела приехать...

– Она твоя жена, и вполне логично, что она приехала сюда.

Логичнее было бы, если бы она умерла. Растворилась в пространстве, подорвалась на полпотовской мине, зарытой в саду; была загрызена насмерть Амаку, без следа исчезла в складках постели, как паук, подброшенный Лали, – именно это было написано на холеной физиономии Тео. Но вслух он сказал:

– Хорошо. Я оставлю вас ненадолго.

– Можешь не торопиться. – *Даша* даже не посчитала нужным скрыть, что ей хочется побыстрее отделаться от Тео. – А я пока займусь другими гостями.

Когда дверь за Тео захлопнулась и они остались одни, *Даша* тут же внесла в последнюю реплику коррективы, не понравившиеся Дарлинг:

– Гостьей. Не возражаешь?

Вэри дэнджорис, помни об этом, Дарлинг! Помни и будь начеку!..

– Нет.

Снова пошел дождь, принесший с собой запахи большого и не слишком благополучного города. Город с его мусорными кучами был там, за глухим забором, а здесь цвели лотосы и капли дождя блестели на листьях аккуратно подрезанного кустарника. Почему после

стольких африканских лет *Даша* выбрала Камбоджу? Можно спросить у нее напрямую, но...

«Я никогда ни о чем не спрашиваю *Даша*, потому что боюсь получить правдивый ответ».

– Чудовищный климат, чудовищная влажность, – сказала *Даша*. – И тем не менее она благотворно влияет на кожу.

– Это и было причиной вашего переезда сюда?

– Одной из. Хочешь узнать, почему мы здесь?

– Нет.

Летний костюм, запертый в гардеробной, был бы предпочтительнее свободно болтающегося на теле африканского платья: Дарлинг чувствует себя абсолютно не защищенной перед *Даша*, а ей бы хотелось быть застегнутой на все пуговицы. Пуговицы, ха-ха!.. Нет таких пуговиц, которые не срезал бы этот пронизательный, острый, как бритва, взгляд. Скафандр космонавта и радиационный костюм тоже не спасут – против радиации, которую излучает *Даша*, любые средства защиты бесполезны, держись, Дарлинг! Вот когда бы пригодился самолетик-камикадзе Паоло или папочкин сухогруз, огромный, как остров Фиджи, надежный, как мобильное подразделение МЧС!.. На папочкином сухогрузе полно укромных уголков, где можно спрятаться от *Даша*. Переждать опасность и потихоньку вернуться к своей прежней жизни.

Для *Даша* не существует укромных уголков. Она везде просунет щупальца своего взгляда.

– Признавайся, говорили с Анн-Софи обо мне?

– О пустынях. – Насколько правдиво звучит голос Дарлинг?

– Это одно и то же. Старая сплетница!.. Нет-нет, я нежно люблю Анн-Софи. И ее любит моя дочь... Хотя Анн-Софи и называет меня преступной матерью.

– Разве?

– Она считает, что я слишком люблю себя, чтобы отдавать любовь кому-то еще. Впрочем, не так уж она не права – Анн-Софи. И знаешь что? – она такая же.

– Слишком любит себя?

– Слишком любит пустыни, а это одно и то же. Просто ей хватило мужества не заводить детей, а мне нет.

– Я думаю, детей заводят не из соображений мужества. Я думаю, их вообще заводят не из каких-либо соображений.

– Я учту это на будущее. – *Даша* снисходительно улыбнулась. – А ты еще не задумывалась о детях?

– Нет.

Еще секунда – и Дарлинг разочаруется в *вэри дэнджорис*, пропихивающей темы, принятые в среде маминых коллег по ведомственной больнице плавсостава; теперь *Даша* не хватает только медицинской шапочки и накрахмаленного халата.

– Как принято говорить – не встретила подходящего мужчину?

– Не всем дано такое счастье.

– И слава богу, потому что потом не знаешь, как от него избавиться.

– Шон?

– Всего лишь отец моего ребенка и приятный молодой человек.

– Всего лишь? – Дарлинг удивлена. – Зачем же ты живешь с ним?

– Это как Камбоджа после Африки. Благотворно влияет на кожу.

– Но ностальгия по Африке все равно мучает по ночам?

– По ночам я крепко сплю, но ностальгию ни в какую задницу не засунешь, ты права.

– Тогда зачем?..

– Он забавный, он предан мне... И он знает границы, переходить которые не стоит ни при каких обстоятельствах.

– А остальные? Пытались перейти?

– Снаряжали целые экспедиции.

Костас – из тех, кто снаряжал экспедиции. И Тео с Янеком тоже. И еще некоторое количество мужчин, о которых Дарлинг не знает. Кто-то готовился к экспедициям основательно, подолгу оставаясь в приграничных городишках и составляя подробные карты местности; кто-то пытался вторгнуться на сопредельную территорию с наскока, но итог всегда был один.

Неутешительный для потенциальных завоевателей.

И лишь слабосильный английский мудрец Шон поступил совсем не так, как остальные: он приблизился к черте, но не перешел ее. И теперь пожинает плоды. Не слишком уж сладкие, если судить по его разговору с Кристианом на кухне.

– И он любит Лали.

Даша говорит это таким тоном, каким сказала бы «он любит бейсбол» или «он любит горячий шоколад», а ведь речь идет о дочери и ее отце.

– *Анн-Софи* тоже любит *Лали*. Не проще ли тогда жить с ней? Тем более что она уж точно не посягнет на священные границы.

– Тогда придется жить еще и с *Зазу*. А семейные идиллии меня удручают.

– Так и хочется их разрушить?

– Что-то вроде того.

– А что касается преданности... Для этого у тебя есть *Исмаэль*.

– Ты уже познакомилась с ним?

– Да.

– И уже сделала выводы о его преданности?

– Их и делать не пришлось. Все лежит на поверхности.

– И всегда найдутся те, кто ловко подтащит к поверхности то, что вроде бы должно там лежать.

– Кого ты имеешь в виду?

– *Анн-Софи*.

– Мы говорили о пустынях.

– Конечно. Ни секунды не сомневаюсь. Так что там случилось с драгоценной женушкой *Тео*?

– Думаю, что это нервный срыв на почве неумеренного потребления алкоголя. Хотя алкоголь здесь вторичен.

– Что же тогда первично?

– Первичен *Тео*. – *Дарлинг* пожала плечами. – Тебе следовало бы подумать, прежде чем приглашать его с женой.

– С какой радости я должна об этом думать? – *Даша* почти зеркально повторила жест *Дарлинг*. – И кстати, я даже не знала, что он женат.

– Вернее, тебе и в голову не могло прийти, что он женат. Ведь женятся обычно только на тебе.

Стоя под навесом, посреди дождя, *Дарлинг* испытывает кружащий голову драйв, какого не испытывала никогда раньше. Все дело в *Даше*, в ее разительной непохожести на других людей, которые на ее фоне кажутся лишь бледными тенями. Все до единого, включая брата-близнеца *Кристиана* и роскошную пустынную отшельницу *Анн-Софи*, *пардон муа, Анн-Софи!*.. Устоять удастся лишь *Паоло* (его занесенный

лепестками сакуры самолетик вовремя исчез в бумажном небе) и папочке с его сухогрузом. Только они способны составить конкуренцию *Даша*, но по-джентльменски сходят с дистанции: слишком они далеко.

А Даша близко. Очень близко. Рядом.

Пикироваться с ней – сплошное удовольствие, в случае с Костасом это называлось «хамить». Хамить *Даша* намного приятнее, чем мрачному, озабоченному только своими энергосберегающими чувствами Костасу. Ответы Костаса априори будут унылы и лишены изобретательности, другое дело – *Даша*. *Даша* уж точно не оставит без внимания ни одной вызывающей реплики Дарлинг, она обязательно вернет брошенный в физиономию торт, да еще украсит его марципановыми сердечками и розочками из лакрицы. Останется только слизывать крем и удивляться кулинарному вероломству *Даша*, подсыпавшей кайенский перец в сладкую массу.

К губам *Даша* тоже подмешан кайенский перец.

Иначе ее поцелуй не обжиг бы Дарлинг щеку, а он обжигает. Под навесом, посреди дождя, она целует Дарлинг, и это совсем не дружеский поцелуй (они не подруги, и это не радостная встреча на перроне вокзала после долгих лет разлуки; и не грустное прощание на годы – на том же перроне). Это – поцелуй-признание, поцелуй-благодарность. *Даша* признательна русской соплячке за легкие уколы: иногда они просто необходимы, чтобы проткнуть непомерно раздувшийся шар всеобщего удушающего обожания, в котором она плавает.

– А тебе палец в рот не клади, – шепчет она, не отрывая губ от щеки Дарлинг.

– Этого я не позволяю даже своим парням.

– Вообще-то замужем я никогда не была. За исключением последних нескольких лет. Что же касается преданности – ее никогда не бывает достаточно.

– Даже если она абсолютна?

– Абсолютная преданность одного человека ничего не значит. Этого слишком мало, чтобы чувствовать себя в безопасности. К тому же всегда хочется большего, чем абсолют. Потому что большего хочется в принципе.

– Разве есть что-то, чего ты до сих пор не получила?

– Конечно. Я хочу заполучить тебя на эту поездку в Ангкор-Ват. Идем, я кое-что покажу тебе...

«Кое-что» находится в доме, и они снова возвращаются в гостиную.

– Подожди минуту.

Сказав это, *Даша* скрывается в недрах коридора, ведущего на кухню, и Дарлинг сильно надеется, что Шона с Кристианом она там не застанет. Ей же самой не хотелось бы, чтобы ее застал Костас: тогда придется оправдываться и нудно объяснять, почему она еще здесь, в чужом платье, а не в своем костюме – у калитки, ведущей на улицу. А вдруг Костас, не дождавшись ее, покинул дом в гордом одиночестве? И сейчас едет по направлению к гостинице? Такая мысль до сих пор не приходила ей, а ведь она тоже имеет право на существование.

Теперь Дарлинг очень хочется, чтобы все сложилось именно так.

Костас уехал, уверяет она себя. Хотел уехать – и уехал. Вспомнил наконец, что он мужчина, а не тряпка, – и уехал. А она осталась здесь еще на какое-то время. Раз уж все пошло наперекосяк и она собралась увольняться, почему бы не остаться? Если Костасу будет нужно – он позвонит. И Дарлинг в момент соберется и уедет в «Интерконтиненталь»...

Или нет.

Она сама позвонит Костасу. Не сейчас, спустя какое-то время – достаточное, чтобы увидеть «кое-что», о котором говорила *Даша*.

Вот и решение проблемы.

Даша возвращается с блюдцем, полным нарезанного дольками лайма, двумя бокалами и бутылкой коньяка.

«Камю Кюве» – пойло победителей.

Надо бы удивиться и вскинуть брови под самые корни волос, но Дарлинг почему-то не удивлена.

– Н-да... Не хватает только сигар.

– Держи. – *Даша* протягивает Дарлинг блюдце с лаймом. – А сигары можно поискать у Шона. Кажется, у него завалилась парочка.

– Вообще-то я не курю. А сигары курит Костас. Ты нашла его подарок?

– Нет. Да никуда он не денется. Я спрошу потом у Исмаэля, он тщательно отслеживает все, что появляется в доме.

– Все?

– И всех тоже. Идем наверх.

* * *

...Они сидели в кабинете.

Прямо на полу, у раскрытого настежь окна, на диванных подушках, принесенных *Даша* из холла. Правильнее было бы назвать окно балконной дверью, но за ней не было никакого балкона. Вид из окна немного портила москитная сетка, но подробности пейзажа были не особенно нужны Дарлинг, запаха и звуков дождя оказалось вполне достаточно. Иногда к острой и жаркой дождевой свежести примешивались и другие запахи – слишком тонкие, чтобы понять, хороши они или плохи.

Так и с *Даша* — не хватает какого-то нюанса, штриха, чтобы понять, хороша она или плоха.

– И где же обещанное «кое-что»? – спросила Дарлинг, грея в руке бокал с коньяком.

– Чуть позже. Когда все стихнет.

«Все стихнет» относилось к глухим раскатам скандала за дверью Магды и Тео. Расслышать его в подробностях мешали плотно закрытые двери, которые изредка прошивал острый, как игла, визг писательской жены.

Минут через десять громко хлопнула дверь, и холл опять погрузился в тишину. И Дарлинг снова начала искать недостающий нюанс:

– Анн-Софи сказала мне, что когда-то ты спасла ей жизнь. Это правда?

– Ну я бы не стала так драматизировать...

– Анн-Софи не из тех, кто драматизирует.

– Ты хочешь знать, как это произошло?

– Я хочу знать, произошло ли это в действительности.

– Это было давно... И не потребовало от меня особенных усилий.

– А если бы потребовало?

– Я бы не ввязалась.

– А Костас?

– Это было давно... И не оставило во мне особенного отпечатка.

- А если бы оставило?
- Я бы попыталась его стереть. Если ты спросишь меня о Яне и о Тео, я скажу тебе то же самое.
- Были ведь и другие?
- Анн-Софи, старая сплетница! – *Даша* разлила по стаканам очередную порцию коньяка. – Она, конечно же, рассказала тебе о своем первом муже?
- Без подробностей. Как эпизод из жизни.
- Это был совсем крошечный эпизод. Тот, который занимает в кино не больше минуты и идет перед титрами с названием фильма.
- Так это было ее кино? Или твое?
- Конечно, мое. В кино Анн-Софи эпизод с первым мужем занял чуть больше времени, но тоже оказался проходным.
- Анн-Софи сказала, что ее первый муж, тот самый, которого ты увела... что он погиб.
- Все может быть. Я не особенно слежу за судьбой второстепенных героев.
- А... как его звали?
- Зачем тебе это?
- «Первый муж Анн-Софи» – слишком длинный титр, его и прочесть никто не успеет.
- Его звали Виктор.
- Виктор. Звучит убедительнее, чем Зазу. И наверняка в нем было что-то особенное, иначе бы *Даша* им не заинтересовалась. Но сейчас ее лицо абсолютно безмятежно, как будто и не было времени, проведенного с Виктором, в одной постели с Виктором; ни один мускул на лице не помнит о нем, ни одна морщинка не вспоминает. «Погиб» – звучит грустно, «погиб при невыясненных обстоятельствах» – еще грустнее, чья угодно смерть (если это не смерть кровного врага) заслуживает хотя бы сочувственного подрагивания ресниц, но ресницы *Даша* бестрепетны.
- А Тео хороший писатель?
- Все может быть... Если между мужчиной как писателем и женщиной как любовником существует обратная пропорциональная зависимость...
- А она существует?
- Говорят, что да... То Тео должен быть хорошим писателем.

– Он ведь прислал тебе свою книгу?
– Что-то такое он присылал.
– И ты даже не открыла ее?
– Я не читаю книг в принципе. Почему я должна делать исключение для Тео?
– Ну... Я не знаю... Вдруг эта книга о тебе?
– Не смейся. О чем бы ни писал писатель – он пишет только о себе.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь не читаешь книг!..
Но поймать *Даша* не так-то просто. Она все подливает и подливает коньяк в бокал Дарлинг и почти не сводит с нее взгляда – какого же цвета у нее глаза?

Уловить его Дарлинг не в состоянии.

В коротких промежутках затишья между дождями они кажутся Дарлинг светлыми, почти прозрачными, когда же в москитную сетку начинают бить капли, глаза *Даша* темнеют. Цвет в них не главное, понимает наконец Дарлинг. Тогда что главное?..

– Ты ведь не читаешь книг! Я тебя поймала.
– Потому и не читаю.
– Зато теперь ее читает Иса. Он сам сказал мне.
– И как? Ему нравится?
– Не особенно.
– Он обязательно дочитает ее до конца.

Даша хорошо знает своего приемного сына. Но это то же знание, которым обладает и Дарлинг. На него и минуты не потребовалось, и в нем нет ничего сокровенного. Чего-то такого, что доверяют лишь однажды и очень немногим людям... Вот чего хочет Дарлинг – откровений! До сих пор она спокойно обходилась без них, даже находясь в состоянии влюбленности. До сих пор она довольствовалась необязательным скольжением по поверхности отношений и даже не стремилась нырнуть глубже – туда, где к вискам начинает приливать кровь, а в груди ворочается готовое разорваться сердце. Теперь все изменилось. Теперь ей хочется туда, в глубины или высоты, предназначенные исключительно для нее одной, а не для кого-то еще.

Остается только ждать – откроют ли ей воздушный коридор или нет.

– Потом, если у него будет настроение... он перескажет книгу, изменив сюжет. Или героев. Скроит из нее сказку для Лали.

– А тебе... он пересказывает книги?

– Как правило, это всего лишь одна книга и один сюжет. Вне зависимости от первоисточника.

– История про мальчика и его маму?

Дарлинг и не заметила, как стемнело. Хотя и замечать было особо нечего, сумерки наваливаются внезапно, словно падает невидимая заслонка, отрезающая небо от земли. В сумерках звук дождя перестает быть монотонным, он распадается на множество самых разных звуков, снующих между дождевыми струями: далекий треск мопедов, обрывки телепередач и радиотрансляций, чей-то смех, чей-то одинокий крик, несмолкаемая приглушенная дробь – это капли молотят по пальмовым листьям своими маленькими пятками.

В сумерках вечная сигарета *Даша* то гаснет, то вспыхивает яркой точкой, освещая нижнюю половину лица. Верхняя надежно скрыта от Дарлинг, но так даже лучше, теперь ничто не отвлекает ее от мысли о глазах матери Лали и Исмаэля. Любимой женщины Костаса, Янека и Тео. Недостижимой мечты Кристиана, наверняка он мечтал о *Даша* хотя бы пять минут, хотя бы минуту – в тот самый момент, когда цеплялся за дверцу «Лендровера». Кому, как не сестре-близнецу, знать об этом?..

Зачем Дарлинг пьет коньяк – бокал за бокалом? Ведь она не любит коньяк, терпеть его не может, она в жизни не пила ничего крепче безалкогольного мохито. Но теперь она давится коньяком – только потому, что так захотела *Даша*.

Еще полчаса – и Дарлинг, чего доброго, стрельнет у нее сигаретку. Нет.

До этого дело не дойдет, надо сохранить хотя бы крохи самостоятельности, а не повторять скорбный и до неприличия банальный путь всех ушибленных *Даша*. Всех, из кого она вьет веревки, которыми потом привязывает к себе на всю жизнь. Так они и стоят – лодками у заброшенного пирса: нежилыми, покрытыми ржавчиной, с налипшими ракушками на сухих якорях. Так они и стоят – в ожидании, что, может быть, *Даша* вернется. Расчехлит мотор, сотрет ржавчину, распустит слежавшиеся паруса. Ничего этого не случится, *Даша* не из тех, кто возвращается на старые пирсы.

И курить Дарлинг не начнет. Разве что... Портсигар!.. С волшебной картинкой, пусть и не африканской, а арабской... Жаль, конечно, что картинка не африканская... А почему жаль? Потому что *Даша* любит Африку, вот почему! И подарить ей привет из Африки было бы куда как круто. Ведь Дарлинг уже подумывала о том, чтобы всучить портсигар при случае. Так черт возьми! – у *Даша* сегодня день рождения, и случай уместнее вряд ли представится. Единственное, что останавливает Дарлинг, – это не то, что *Даша* женщина, а она собиралась подарить портсигар мужчине своей жизни. А то, что *Даша* отнесется к ее подарку так же, как и ко всем остальным.

Она его просто не заметит.

Так устроены глаза *Даша*, чей цвет – дело второстепенное. Глаза *Даша* — два слуховых окна, в которых притаилось по снайперу. Их винтовки с оптическим прицелом приведены в готовность, их пальцы поглаживают спусковой крючок, а жертвы, которые они выбирают, никогда не бывают случайными.

– ...Да. Это всегда история про мальчика и его маму, ты права. – *Даша* затягивается и выпускает из ноздрей две ровные струи дыма. Дым не виден в темноте, но Дарлинг точно знает, что он есть.

– Есть еще истории про девочку и ее папу.

– Как вариант. Только эти два варианта и существуют, по большому счету. Все то, что случается с людьми после детства, не имеет никакого значения.

– Это просто фраза. Фигура речи. Ты ведь так не думаешь, – смеется Дарлинг.

– Нет, – в голосе *Даша* нет и тени улыбки, – я думаю именно так.

– У тебя было какое-то особенное детство?

– Обычное.

– Откуда ты?

– Ты же знаешь откуда.

– Россия – слишком широкое понятие.

– Я не собираюсь его сужать.

Воздушный коридор все еще закрыт для Дарлинг. Заперт наглухо.

– А истории любви? Истории про мужчину и женщину – они не интересуют Исмаэля?

– Спроси у него сама.

– А тебя?

- Интересуют ли меня любовные истории?
- Интересует ли тебя любовь.
- Как средство достижения цели – да.
- Звучит слишком цинично.
- Зато правдиво.

«Я никогда ни о чем не спрашиваю *Даша*, потому что боюсь получить правдивый ответ».

- Ты обещала кое-что показать мне...
- Чуть позже...

Чуть позже – это когда? За дверью кабинета тихо, как будто и нет никаких гостей, как будто они не озабочены отсутствием виновницы торжества. Не слышно даже Лали, а ведь отличительная черта маленьких детей заключается в том, что их всегда слишком много. И что они появляются в самых разных местах и в состоянии достать родителей из-под земли. Наверное, Лали уже откопала Шона из позднемезозойских наслоений тоски по жене. Или *Анн-Софи* не ограничилась только демонстрацией варана, а плавно перешла на других обитателей пустыни. Время от времени *Дарлинг* обращается в слух: не звонит ли *Костас*? Звонок на *Дарлинговом* телефоне достаточно громкий, и если бы он зазвонил, то она обязательно услышала бы: переборка, отделяющая кабинет от гардеробной, достаточно тонка. А первые такты заглавной темы к старому английскому сериалу «Мстители» (на него *Дарлинг* когда-то подсадил *Паоло*) услышит и мертвый.

Но *Костас* не звонит.

- Не хочешь остаться здесь? – неожиданно спрашивает *Даша*.
- Где это – здесь? В Камбодже?
- У нас. Пока в Камбодже, но, возможно, мы скоро переедем.
- Куда?
- Пока не знаю.

– И что же я буду делать у вас? – Странно, что *Дарлинг* удивляет не само предложение остаться, а то, что она включилась в его обсуждение.

- Кое-что поинтереснее, чем твоя нынешняя работа.
- Меня вполне устраивает моя нынешняя работа.
- Неужели?
- Я не амбициозна.

– Речь идет не об амбициях.

– О чем же тогда?

Красный огонек сигареты на мгновение вспыхивает и гаснет.

– О деньгах.

– Меня вполне устраивает...

– Ты не поняла. Речь идет о больших деньгах. И еще кое о чем. Ты любишь рисковать?

– Хочешь предложить мне ограбить казино?..

С этим предложением *Даша* следовало бы обратиться к Янеку. Это он – друг Оушена, пятнадцатый или шестнадцатый по счету. Или двадцать второй. Он, а совсем не Дарлинг. Для риска сгодилась бы Лерка с ее навыками альпиниста и дайвера со стажем, но не Дарлинг. Дарлинг ненавидит гонять адреналин по малому кругу кровообращения, она никогда не понимала людей, прыгающих с крыши на крышу, переплывающих Ла-Манш в холодное время года или пытающихся вбить крюк в отвесную скалу. Едва заведя по телику передачу об экстремальных видах спорта, Дарлинг тут же переключает канал. О каком риске говорит *Даша*!

– Казино я бы ограбила и сама, без посторонней помощи.

– Прекрасно. Только я не люблю рисковать. И ни разу в жизни не совершала необдуманного поступка.

– Мне показалось...

– Тебе показалось.

– Ладно, забудем об этом. Бутылку из-под виски оставила здесь Магда?

– Бутылку?

– На полу валялась бутылка. Я ее подняла.

– А-а... Да. Я как-то не догадалась забрать ее, прости.

– Ничего страшного. А что она делала тут? Тупо напивалась?

Стоит ли рассказывать *Даша* о видениях писательской жены, о странном коте и о том неподдельном ужасе, который он вызвал у Магды? Может быть, владелица всех здешних артефактов прольет свет на природу Магдиных галлюцинаций?

– Сидела в углу и тряслась от страха. Что-то ей там померещилось. Пришлось применить силу, чтобы вытащить ее отсюда.

– И что же ей померещилось?

– Кот.

- Одна из наших кошек зашла ее проведать?
- В том-то и дело. Это не была одна из ваших кошек. Это был черный кот, который собирался перегрызть ей горло.
- Вот как?
- Черный кот с желтыми глазами и желтыми кругами на теле. И с клыками.
- У котов не бывает клыков.
- Я сказала Магде то же самое.
- Странно...
- Что ты имеешь в виду? – Только теперь Дарлинг замечает, что они сидят в полной темноте. Сигаретный огонек больше не вспыхивает.
- Ничего.
- Вот она и бросила в него бутылкой. В клыкастого кота.
- Это возымело действие?
- Как видишь. Она жива и относительно здорова. Настолько, что в состоянии закатить скандал собственному мужу.
- Странно, – снова повторяет *Даша*.
- Да что же странного?
- Что ей явился кот.
- А должны были – зеленые человечки? Думаю, это все из-за твоих африканских идиолов. Бедная женщина насмотрелась на них, вот ей и привиделся черный кот.
- Надеюсь, к утру она придет в норму и успокоится. Если Лали снова не подбросит ей в постель какую-нибудь живность.
- Кошки. Мне нравятся ваши кошки. Исмаэль сказал, что у них нет имен.
- Каждый называет их как хочет.
- А ты? Как называешь их ты?
- Эта наша общая с кошками тайна.

Голос *Даша*, чуть ослабевший после рассказа Дарлинг о Магде и коте, снова набирает силу. В него возвращаются краски и полутона, Дарлинг бы тоже хотелось обладать таким гибким, глубоким и хорошо тренированным голосом. И таким смехом – чтобы подбрасывать в ладони разноцветные камешки и пускать солнечных зайчиков, даже когда нет солнца, даже в сезон дождей. Дарлинг хотела бы стать владелицей кинжальной обезболивающей улыбки, но все это уже

принадлежит *Даша*. Также *Даша* принадлежит некоторое количество преданных ей людей, но на них Дарлинг как раз и не претендует. *Даша, Даша, Даша...* Что, в сущности, она успела узнать об этой странной русской? Она не любит цветов (сведения получены от Костаса), она не суеверна (сведения получены от Исмаэля), она не спит с мужем (из подслушанного), она ведьма (из навязанного); вопросы ей лучше не задавать, чтобы не нарваться на неприятную правду (из рассказанного в доверительной беседе).

Она могла бы в одиночку ограбить банк.

Но она не могла бы спасти Джин, потому что до Джин ей нет никакого дела. Потому что любовь для нее – всего лишь манипуляция.

Кажется, Дарлинг изрядно нагрузилась коньяком.

Во всяком случае, ей хочется позвонить папочке на его сухогруз и сказать, как она любит его: истории детей и родителей – самые единственные, самые нежные и самые страшные на свете, это как повезет, а Дарлинг повезло. Ей хочется позвонить Паоло на его самолетик-камикадзе и сказать, как она любит его, – ведь если бы не было Паоло, друга, пусть и виртуального, она никогда не узнала бы о Джин, не прислушалась к Джин... Ей хочется позвонить самой Джин – в любой год, в любой месяц до семьдесят девятого, когда Джин еще можно было спасти.

Всем этим звонкам не суждено сбыться. Все те, кого она любит, – вне досягаемости, временно или навсегда. А позвонить можно только Костасу. Чтобы узнать, как он чувствует себя после побега в «Интерконтиненталь». В том, что Костас смылся по-английски, Дарлинг почему-то не сомневается.

– Мне нужно позвонить, – говорит она *Даша*.

– Конечно.

– Телефон в сумке. А сумка у тебя в гардеробной...

– Сейчас.

Даша легко поднимается с пола и идет в сторону гардеробной, на ходу включая настольную лампу. По комнате разливается мягкий свет, он отбрасывает на потолок разноцветные тени (купол лампы – мозаичный, состоящий из красных, желтых, бордовых и фиолетовых пластин). Теперь комната выглядит даже уютной, если не смотреть в сторону стены с книжным шкафом, приспособленным под хранилище шаманских штучек.

Заполучив сумку и вынув из нее телефон, Дарлинг бросает взгляд на дисплей: Костас ей не звонил, зато есть четыре пропущенных звонка. Один от Лерки (что странно, ведь Лерка звонит ей раз в столетие, справедливо считая, что общения по скайпу вполне достаточно). Три других пришли с неизвестного Дарлинг, но явно не российского номера, с интервалом в двадцать минут. Настойчивость анонимного абонента требует от Дарлинг ответных действий – но стоит ли звонить незнакомому человеку сейчас, после выпитого коньяка? Если это касается рабочего графика Костаса...

Ей плевать на рабочий график Костаса.

Мысль, которой она устыдится, как только действие спиртного пройдет, – Дарлинг знает точно. К черту рабочий график, но позвонить самому Костасу необходимо: для того чтобы поддержать его, хотя он вовсе не нуждается в поддержке. А звонок – это так, чтобы он чувствовал, что его одиночество не тотально и совсем не абсолютно. И что существуют люди, готовые по первому его зову...

Телефон Костаса находится вне зоны действия Сети, и Дарлинг испытывает чувство облегчения. Она выполнила свой долг, хотя бы формально, – и Костас будет знать об этом, как только включит телефон. Ее совесть чиста, убеждает себя Дарлинг, но даже сейчас, после коньяка, это звучит сомнительно.

Айфон снова отправляется в сумку. Он падает на дно не бесшумно, как обычно, а с легким металлическим звуком, наткнувшись на невидимое препятствие.

Портсигар.

Фелюга, подгоняемая мистралем; сирийский город Алеппо (он тоже нанесен на импровизированную карту, как еще десяток других городов), маршрут в неизведанное с биваками, разбитыми у Т.2, К.3 и Н.5, – давай, Дарлинг, другого случая не представится!..

– Совсем забыла, – говорит Дарлинг. – У меня для тебя тоже есть подарок.

– Подарок? – Даша удивлена.

– Ну... Раз такая дата... Вот, держи.

Жестом фокусника Дарлинг вынимает из сумки свое берлинское счастье, стоившее ей сто шестьдесят евро, а это даже дороже костюма. А если брать не денежный эквивалент, а ментальный и эмоциональный, то несопоставимо дороже. Об этом портсигаре

Дарлинг собиралась сочинить легенду не хуже семейного предания о посещении папочкой африканского племени. Этот портсигар она собиралась подарить мужчине, в которого влюбится сразу и навсегда, а теперь готова отдать его женщине, с которой знакома всего лишь сутки. Женщине, которую она больше не увидит, когда кончится этот долгий день. Так и не выяснив, ангел она божий или исчадие ада, не исключено, что то и другое вместе.

Или – не то и не другое.

– Что это?

– Портсигар. Ты ведь куришь... Вот я и подумала... Почему бы и нет?

– Портсигар! Мне и в голову не приходило... Здорово!

– Тебе нравится?

– Здорово, говорю же!..

Она не откладывает подарок Дарлинг, как отложила подарок Костаса и непрочитанную книгу Тео. Совсем напротив, крепко держа его в руках, подходит к столу, отодвигает один из ящичков и вынимает из него лупу на длинной ручке.

– Вот такая безделица, – приободрившись, говорит Дарлинг. – Он довоенный. Видишь, там еще нет Израиля, только Палестина.

– Я вижу. – Вооружившись лупой *Даша* внимательно рассматривает портсигар. – Он серебряный?

– Что-то вроде того.

– Ценная вещь.

– Ну вот так. Пользуйся, пожалуйста... Я, правда, не совсем разобралась в карте. И это не Африка, но... все равно.

Отведя взгляд от портсигара, *Даша* устремляет его на Дарлинг. Снайперы зачехлили винтовки и покинули свой пост у слуховых окон: теперь там гуляет теплый ветерок, и ласково воркуют голуби, и умиротворяющие солнечные блики лежат на пыльных балках. И все, что можно найти там, среди балок, будет радостной, а не опасной находкой. Умилительные детские сокровища в жестянках из-под монпансье, забытые гербарии, старинные книги, стопки писем, перевязанные бечевой, – совсем как на картинах Саорина.

Глаза *Даша* улыбаются, и они нежны.

Дарлинг вдруг вспоминает фотографию из спальни: *Даша* с еще не родившейся Лали под сердцем. Сейчас на нее смотрят те же глаза.

Это все чертов коньяк.

– Чудесный подарок. Но, наверное, я не могу принять его.

Такого поворота Дарлинг не ожидала:

– Почему?

– Такие вещи не дарят спонтанно. Это ведь было спонтанное решение?

– Нет. Я давно думала. В смысле – еще с утра.

– С утра?

– В смысле, когда мы пришли сюда. К тебе... в гости.

– Ты ведь купила его не здесь.

– В Берлине. Перед Камбоджей у нас был Берлин. И пара свободных часов в Берлине. Я нашла его там, в одной антикварной лавке.

– Но ты ведь не куришь.

– Нет. Но отказаться от него я не смогла. Я подумала...

– Я даже знаю, о чем ты подумала. – *Даша* улыбается. Совсем простой улыбкой, а вовсе никакой не кинжальной. – Ты подумала, что подаришь его тому человеку, которого принято условно называть мужчиной жизни. Нет?

– При условии, что он будет курить, – сдается Дарлинг.

И каким это образом *Даша* удастся вытянуть из нее правду? Ведь Дарлинг могла прикрыться историей про фамильные ценности или прикрыться молчанием.

– Я ведь не мужчина твоей жизни.

– Нет, конечно. Но ты куришь...

– И ты готова вот так запросто расстаться с вещью, от которой не смогла отказаться?

– Это всего лишь вещь, а мужчина жизни... Когда он еще случится!

– Я тронута. Спасибо.

Даша опускает портсигар в карман платья (оказывается, в этих африканских платьях есть карманы) и берет Дарлинг за руку:

– Теперь я покажу тебе обещанное.

– Надо куда-то идти? – Язык пока еще слушается Дарлинг, но ноги ощутимо выходят из-под контроля.

– Эй? Ты как себя чувствуешь?

– Нормально. Я чувствую себя нормально.

– Никуда идти не нужно.

Никуда. Всего-то и надо что сделать несколько шагов в сторону книжного шкафа, где спрятаны сомнительные африканские сокровища. *Даша* жмет на какую-то кнопку, вмонтированную в боковую панель шкафа, и внутри, за стеклами, начинают вспыхивать невидимые лампы. Через минуту все полки оказываются освещенными ровным и холодным голубым светом.

Но ровным, холодным и голубым он остается не больше минуты.

Достигнув фигур, соприкоснувшись с их полем, свет видоизменяется: некоторые из них он нежно обволакивает, и тогда возникают сферы и купола разных оттенков спектра. С другими вступает в конфронтацию, прошивая их прямыми белыми или красными лучами, похожими на стрелы. Дарлинг снова слышит неясные шорохи, астральные лепетания и шепот, похожий на шум морского прибоя. Вызванные из темноты, фигурки как будто оживают, кажется, еще секунда – и они придут в движение. Животные присядут на задние лапы, готовясь к прыжку; змеи совьют кольцами длинные тела, охотники поднимут давно исчезнувшие во тьме времен копья. А из огромного чрева грудастых безголовых женщин выйдут младенцы.

– Ничего себе Лас-Вегас, – выдыхает Дарлинг. – Это все местные африканские божества?

– Вообще-то у африканцев не особенно принято изображать богов, хотя встречаются и они. Это родовые статуэтки предков. Обереги, амулеты, алтарные фигуры для обрядов и жертвоприношений. Некоторые относятся к двенадцатому веку, есть еще более раннее.

– Круто...

В некоторых из статуэток человеческие черты едва просматриваются, другие поражают своей натуралистичностью – вплоть до мельчайших деталей оружия, татуировок и складок на одежде. В сознание Дарлинг проникают странные сочетания звуков – киси, менде, киконго, шербро, мбомбо... Последнее слово могло бы рассмешить, но смеяться почему-то не хочется. В какой-то момент Дарлинг даже впадает в легкое подобие транса: теперь она кажется себе терракотовым кувшином, украшенным геометрическим черно-красным орнаментом. И этот кувшин теперь набивают абсолютно ни к чему не применимыми знаниями. Что такое «саса»? – то, что

происходит с человеком сейчас, когда идет дождь на другом конце света. Что такое «залгани»? – то, что происходило давно и происходило всегда, когда и самого человека не было, но дождь все равно шел в его отсутствие. Его можно вызвать в памяти, хотя это будет чужая память, память кого-то еще. Воплощенного теперь в терракотовую фигуру или бронзовую голову... В данный конкретный момент, в своем нынешнем *саса*, Дарлинг пребывает в каком-то странном оцепенении. И лишь случайно оброненное *Даша* словосочетание «антропоморфная скульптура» приводит ее в чувство:

– Если кто сейчас и ан... антропоморфен, то это я.

– Прости, я увлеклась, – извиняющимся голосом говорит *Даша*.

– Ничего. Я понимаю... Я вот тоже часами могу говорить о...

Дарлинг замолкает. Нет ничего, о чем бы она могла говорить часами. Зато она часами может размышлять о всякой ерунде, которую-то и озвучить неприлично. Но знать об этом *Даша* вовсе не обязательно.

– О чем? – Интерес *Даша* выглядит совершенно неподдельным.

– Ни о чем. Правда. Наверное, я скучный и неинтересный человек, без всяких увлечений, без всяких страстей.

– Ну это сложно назвать увлечением.

– Что же тогда все это? Вся эта коллекция, все это собрание артефактов?

– Она имеет и прикладное значение.

Упс-с-с. Придется-таки выковырять из только что забитого терракотового кувшина кое-какие сведения. Они лежат под толстым слоем сливок, взбитых из малопонятных Дарлинг Дагомеи, Ифе, Ашанти и Бакуба. И заключаются в том, что большинство из этих фигурок кого-то или что-то оберегает. Дома, дороги, перекрестки, подступы к алтарю и входы в святилища. И наверняка среди них найдутся и те, что приносят удачу, помогают решению самых разных проблем и призывают дождь. Из крупных купюр, вынесенных через вскрытые вентиляционные шахты ограбленного казино.

– Прикладное – это как?

– Всегда можно озвучить свою просьбу любому из духов, нужно только уметь выбрать, кому именно.

– Ты правда веришь во все это? – изумляется Дарлинг.

– Я слишком долго прожила в Африке, чтобы в это не верить.

– А Исмаэль сказал мне, что ты не суеверна.

– Паршивец! – смеется *Даша*. – Хотя я не имею права так называть его. Возможно, со временем в нем проявится сила боро мангу.

– Это еще что такое?

– Не сегодня, не сейчас. Может, позже я расскажу тебе, кто такие боро мангу.

– Это хотя бы не очень страшная история?

– Не страшнее, чем про мальчика и его маму.

Интересно, о каком «позже» идет речь? Дарлинг вовсе не собирается оставаться здесь, пора бы подумать о такси, чтобы отправиться в гостиницу. Но мысль о гостинице убита влет разноцветными камешками смеха *Даша*.

– Конечно же, это шутка. Насчет попросить о покровительстве. Но вот это – совсем не шутка. То, что я хотела показать тебе... Того, кого я хотела показать. Лали зовет его Мик.

Мик – всего лишь одна из фигурок. «Мик» звучит совсем не столь впечатляюще, как ухув-элао (ухув-элао – набор голов с торчащими из них слоновьими бивнями, они окружают Мика). У Мика тоже имеется бивень: самый маленький, самый невзрачный и совсем не впечатляющий. Желтоватый, как зубы курильщика. Разглядеть Мика в подробностях весьма проблематично: в отличие от всех других экспонатов импровизированной выставки, он спрятан в тени. Свет не доходит до него, отражаясь от невидимой сферы; Дарлинг временами кажется, что по округлым границам этой сферы то и дело проскакивают крошечные молнии и разряды электричества.

– Гордость моей коллекции, – сообщает *Даша*. – Когда-то, если верить преданию, он принадлежал дагомейской жрице Хванджиле.

– С ума сойти, – изрекает Дарлинг.

– Даже не буду озвучивать тебе его рыночную цену. Но говорят, что в этой скульптуре заключена невероятная сила разрушения и невероятная сила созидания.

– А она ее уже демонстрировала? Невероятную силу?

– Пока, слава богу, до этого не доходило. Так что от нее я пока получаю только эстетическое удовольствие. И испытываю вполне понятную коллекционерам радость от обладания редкой вещью.

– Я не коллекционер, так что разделить эту радость с тобой я не смогу. А этот самый Мик... не вырвется наружу и не покрошит здесь всех в капусту? – невольно иронизирует Дарлинг.

– Я смотрю, ты относишься ко всему скептически.

– Я атеистка... И не верю даже в летающие тарелки.

– Я тоже. Но, живя в Африке, невозможно не поверить в сверхъестественное, хотя бы на пару минут в день. А на какого-нибудь бога, лукавого и ленивого, легко наткнуться прямо на улице.

– И часто такое случается?

– Наверное, частенько. К сожалению, они не представляются и не заводят с тобой разговор.

– А есть о чем поговорить?

– Всегда есть о чем поговорить.

– А я вот никогда не заговариваю на улице с незнакомцами. Это к вопросу о риске...

– Да-да, я уже поняла. Друг Шона, Кристиан... Вы ведь встречались с ним сегодня?

– Провели несколько часов, осматривая достопримечательности.

– И... как он тебе?

– Милый парень. Немного странный, как и все англичане...

Прости, я не имела в виду...

«Не имела в виду Шона», хочет добавить Дарлинг. Но Шон – самый обычный парень. А эмоциональные выхлопы в ресторане и сегодня на кухне вполне объяснимы: его счастье оказалось иллюзорным, в его семью пытаются вторгнуться люди из прошлой жизни жены, – любой мужчина потерял бы покой и попытался спасти положение всеми доступными способами. Но как объяснить интерес *Даша* к Кристиану? *Даша* вспомнила о нем, когда разговор зашел о ленивых и лукавых богах; ни одно из определений явно не подходит плохому саксофонисту Крису.

– Ты не имела в виду Шона, я знаю. Он говорил мне, что они старые друзья.

– С Кристианом?

– Да. Вот Шон и пригласил его как старого друга. А в чем... заключаются странности?

Стоило ли говорить *Даша* о детском крике, который преследует Кристиана? Но тогда придется признаться, что этот крик звучал и в

голове Дарлинг. В истории мальчика и его мамы тоже много неясностей, Дарлинг знает только то, что мать Кристиана умерла. Сказать о том, что Кристиан ищет русалку, влюбленную в джаз? Это сошло бы за странность, но... беседа была доверительной, а Дарлинг не из тех, кто разглашает чужие тайны.

– Ну не знаю... Он привез саксофон.

– Что же в этом странного?

– Ты слышала, как он играет?

– Еще нет.

– Зачем, отправляясь на другой конец света, брать вещь, которая может и не понадобиться?

– Я поступаю так всегда. Неизвестно, как все обернется с необязательными вещами в самый последний момент. Я видела у него кольцо.

– Кольцо?

– Он носит его на цепочке, на шее. – *Даша* испытующе смотрит на Дарлинг. – Оно показалось мне женским.

– Ну... может быть.

– Значит, ты видела его?

Кольцо. Старинная монета, впаянная в серебро; оно выпало из кармана Кристиана, когда они с Дарлинг сидели в индийско-тайском ресторане и ели рыбу под соусом «Амок». И Кристиан выглядел не просто смущенным, когда Дарлинг попыталась расспросить его о кольце.

Он разозлился.

Как будто его уличили в чем-то постыдном или недостойном. Но ни постыдного, ни недостойного в кольце не было. Значит, все дело в отношении к нему самого Кристиана.

– Видела. Да.

– Он ничего не рассказывал о нем?

– Он сказал, что расскажет... Как-нибудь потом.

– Потом – значит никогда?

– Я подумала то же самое. Возможно, это кольцо его девушки...

– Шон говорил мне, что у него с девушками... не все так гладко.

– Вот видишь!

Разговор о кольце начинает тяготить Дарлинг. Серебра в кольце несопоставимо меньше, чем в чудесном портсигаре, подаренном

Дарлинг. Оторванном от сердца. Но *Даша* как будто забыла о подарке. Сунула в карман – и забыла.

– Вижу – что?

– Парни, у которых не все гладко с девушками, иногда бывают излишне сентиментальны. Даже если на горизонте кто-нибудь появится, пусть и ненадолго, они потом еще сто лет цепляются за этот мираж. Стараются сохранить малейшую память о нем. Хотя бы такую – в виде кольца. Так они чувствуют себя увереннее.

– Ты говоришь со знанием дела.

– Вовсе нет. – Дарлинг закусывает губу. – Просто я немного разбираюсь в психологии парней...

«В психологии брата-близнеца», хочется добавить ей. Но нет, она не будет добавлять. Иначе они снова начнут кружить над Кристианом и его дурацким кольцом, а это совсем не улыбается Дарлинг. Рассказывать друг другу о себе, не примешивая к этому абсолютно посторонних людей, – вот что было бы здорово!..

– Если тебя так интересует это кольцо, ты могла бы спросить о нем сама.

– Просто оно показалось мне занимательным. Не более.

В следующую секунду Дарлинг забывает о кольце. Все из-за звука, идущего из холла.

Саксофон.

То, что выходит из-под пальцев невидимого саксофониста, даже трудно назвать мелодией. Во всяком случае, Дарлинг она незнакома. Зато хорошо знакомы чувства, которые прячутся на дне прозрачного звукового потока. Эти чувства она испытала однажды, в ту свою ни с кем не разделенную поездку в Аликанте. С самого начала поездки выглядела настоящей авантюрой: был март, а не жаркий июль. Но Дарлинг как раз меняла работу, и образовалась целая свободная неделя. Тратить ее на депрессию и самоедство показалось ей неконструктивным, а на Барселону, до которой она всегда мечтала добраться, денег явно не хватало. Вот и пришлось выбрать приморский город поменьше и поплоче. Приехав в Аликанте, Дарлинг сразу же обнаружила, что депрессия и самоедство никуда не делись, они пересекли границы вместе с ней, причем не затрачиваясь на паспорта, визы и страховку. Целыми днями Дарлинг шаталась по набережной, глазела на яхты, чаек и испанских стариков в кофейнях. И

самым выдающимся событием считала покупку умопомрачительных штанов с лейблом «Ангелы и демоны» и огромного киноплаката «Почтальон всегда звонит дважды» – в маленьком магазинчике, где продавалась всякая занятная мелочь с логотипом старенького мотороллера Vespa.

А потом случился карнавал.

И оказалось, что в Аликанте живет множество маленьких детей и множество забавных и нелепых подростков – в забавных и нелепых карнавальных костюмах. И множество взрослых, чьи карнавальные костюмы были еще нелепее и забавнее, чем у подростков. Но самой нелепой оказалась Дарлинг в своих новых умопомрачительных штанах. Она шла по кромке ночи вдоль нескончаемого карнавала и больше всего мечтала хоть на секунду стать одной из тех, кто веселился на набережной и прилегающих к ней улицах. Хоть на секунду присвоить себе жизнь этих людей, снова стать ребенком, которого несут на руках. Или девочкой в костюме губки Боба, переживающей первую острую влюбленность в мальчика в костюме пчелы Майи с забавно торчащим плюшевым жалом. Или кем-то из взрослых, чья отличительная черта состоит в том, что он не один. Что рядом старики, которых он любит, и дети, которых он любит, и – кто-то единственный, кого он любит больше всего на свете. И кто так же любит его.

Стать другим.

Стать тем, кого любят.

Именно это страстное желание чувствуется сейчас в грустных и щемящих саксофонных звуках. И Дарлинг хочется плакать.

– Если это Кристиан... – говорит *Даша*, но Дарлинг перебивает ее:

– Я не думаю, что это Кристиан.

– Мы можем пойти посмотреть.

– Только тихо.

На противоположной террасе стороне холла, у эркера, стоит Исмаэль с саксофоном в руках. Это из-под его пальцев льется мелодия о несбыточном, а вовсе не из-под пальцев Кристиана. Света слишком мало, чтобы рассмотреть лицо Исмаэля, но Дарлинг и не хочется вглядываться. Потому что главное – руки, обволакивающие

инструмент. Если кто-нибудь, когда-нибудь... обнимет ее так же, как Иса обнимает саксофон...

Наверное, она будет счастлива.

– Мама? – При виде *Даша* Исмаэль резко прерывает мелодию. – Я думал... здесь никого нет. Все внизу. И все интересуются, куда это ты запропала.

– Никуда. Мы разговаривали.

Исмаэль рассеянно машет Дарлинг рукой.

– Здорово, – не может удержаться Дарлинг. – Ты просто здорово играл.

– Только слишком уж откровенно, – неожиданно замечает *Даша*.

О чем это она?

– Ты настоящий талант, Исмаэль. – Дарлинг пытается подыскать для саксофона Исы нужные слова, но ничего, кроме банальностей, на ум не приходит.

Исмаэлю совершенно все равно, что там думает Дарлинг, хоть бы она и назвала его Станом Гетцем наших дней. Он смотрит только на мать.

– Для начинающего очень недурно. Очень, – вынуждена признать *Даша*.

– Правда? – Исмаэль польщен, и голос его подрагивает от волнения. – Ты правда так думаешь, мама?

– Придется купить тебе собственный инструмент.

– Это было бы... здорово. Мне нравится саксофон. Если ты, конечно, не против.

– Конечно, нет. Я же сама предложила. Ты даже можешь поехать учиться...

На долю секунды Дарлинг кажется, что саксофон в руках Исы обмякает и съеживается.

– Зачем мне куда-то ехать?

– Я просто сказала. Вдруг тебе захочется...

– Нет.

Это самое твердое «нет», которое когда-либо слышала Дарлинг. Даже красивая женщина не отказывает назойливому и малопривлекательному поклоннику с большей убедительностью. Неожиданно перед лицом Дарлинг всплывает тот, кого Лали назвала Миком: в кабинете *Даша*, стоя перед книжным шкафом, она не сумела

или не смогла разглядеть его в подробностях. Но, оказывается, в подобного рода созерцании неизвестных богов задействованы не глаза.

Что-то совсем другое.

Иначе Дарлинг не увидела бы того, что видит сейчас: лицо Мика забрано решеткой, которая только кажется крепкой и неподвижной. Но на самом деле ее прутья находятся в постоянном движении: они подрагивают и шевелятся, их гладкая поверхность идет волнами, и на ней возникают маленькие воронки – множество воронок. Еще мгновение – и место воронок занимают бугорки, похожие на нарывы или фурункулы, которые вот-вот прорвутся. Но этого не происходит, а оцетинившиеся прутья дрожат и извиваются все сильнее.

Щупальца осьминога – вот на что это похоже!..

Голова таинственного Мика укутана осьминожьими щупальцами, за которым скрывается лицо. Наверное, хорошо, что Дарлинг не видит его.

Но хорошо видит совсем другие щупальца, протянутые от *Даша* к Исмаэлю: одно, другое, третье... Их все больше и больше, они возникают прямо из воздуха и почти сливаются с ним. Этим щупальцам подвластно все, они в состоянии задушить юного конголезца, отнять саксофон и смять его беззащитное металлическое тело. Но почему-то не делают этого.

Они ведут себя деликатно и полны нежности, если щупальцам вообще знакомо это чувство.

Едва коснувшись кожи Исмаэля, они отступают, сворачиваются в кольца и исчезают так же внезапно, как и появились – одно за другим.

Это всего лишь женщина из плоти и крови, убеждает себя Дарлинг. Это всего лишь женщина и всего лишь мальчик.

Мальчик и его мама.

Мальчик и его мама стоят друг против друга, и в этом нет ничего необычного, миллионы мам стоят против своих сыновей, родных или приемных. Они просто разговаривают о самых обыденных вещах. Выясняют планы на ближайший вечер, и планы на будущее, и что приготовить на завтрак, и... что подарить девушке, которая нравится, на день рождения. А еще сестры! Дарлинг как-то забыла о маленьких сестрах мальчиков!..

– Лали еще не собирается спать?

– Попробуй уложи ее в такой день!

– И все-таки нужно попытаться загнать ее в кровать.

– Хорошо, мама.

– Пусть Шон ее уложит.

– Я сам это сделаю.

– И не больше двух сказок, обещаешь?

– Конечно. Ты идешь к гостям?

– Сейчас спущусь.

Исмаэль уже подходит к лестнице, когда *Даша* окликает его:

– Я горжусь тобой, сын.

Он не оборачивается, только кивает всеми своими дредами сразу. И больше нет никаких щупалец, их и не было, это все коньяк. Хорошо еще, что Дарлинг не такая истеричка, как Магда. Не стала устраивать сцен и забиваться в угол, под ближайшую штору. Но кот все же предпочтительнее, чем щупальца осьминога, – даже в качестве галлюцинации. Изгнав их из сознания, Дарлинг пытается заполнить его грустной музыкой Исмаэля. К этому не приходится прикладывать никаких дополнительных усилий, музыка все еще звучит и будет звучать долго. К ней можно вернуться в любой момент, пока Иса не придумает другую музыку. Что там говорила *Даша* о верности одного человека?

Ее никогда не бывает достаточно.

Верности такого мальчика, как Исмаэль, хватило бы с головой.

– Он удивительный, – говорит Дарлинг.

– Да.

– Ты ведь расскажешь мне о нем?

– Может быть. Ты не передумала? Насчет остаться здесь?

– Я не понимаю, зачем.

– Все те, на кого я могу положиться, еще не выросли. Или уже состарились и потеряли хватку. Но об этом мы поговорим не сейчас. На трезвую голову.

– Я не могу остаться.

Дарлинг только кажется, что она произнесла это. На самом деле губы ее плотно сжаты, и никакая сила не способна их разлепить. Если, конечно, помощь не придет со стороны, в виде всемогущих и всюду проникающих щупалец, – от одной мысли о них к горлу подкатывает тошнота. Но ничего такого больше не возникает, *Даша* — всего лишь женщина, хотя и очень необычная. Она – женщина. А не всемогущий

африканский бог. И – кто знает? – может быть, здесь, в Камбодже, на другом конце земли, вырванные из привычной среды обитания африканские боги не опаснее бродящих по тротуарам куриц.

– Ну что же, идем к гостям?

– Да. Только мне нужно... отлучиться.

– Конечно. Вон та дверь. – *Даша* понимающе улыбается. – Крайняя справа. Жду тебя в саду.

Крайняя справа дверь находится на той же стороне, что и кабинет, прямо напротив комнаты Магды и Тео. Запершись в санузле, Дарлинг некоторое время рассматривает свое отражение в зеркале. От выпитого коньяка щеки ее покраснелись, черты лица расплылись, а глаза блестят нездоровым блеском. Только теперь она вспоминает, что последнее, что она ела сегодня, – рыба в индийско-тайском ресторане, а коньяк и немного лайма трудно назвать едой.

Надо бы закинуть что-нибудь в топку, и вообще вернуться туда, где есть люди, а не только запертые под стеклом бронзовые и терракотовые уродцы. Хотя... не мешало бы еще раз взглянуть на Мика, присмотреться к нему повнимательнее.

Поймав себя на этом странном желании, Дарлинг пугается.

Все это *Даша* и ее шаманские штучки. И еще неизвестно, кого и с кем она хотела познакомить: Дарлинг с Миком или наоборот. Шаманские штучки, вудуизм чистой воды, и в этой воде барахтаются все, кого Дарлинг успела узнать за сегодняшний день. И даже тот, кого она знала и раньше. Все они производят впечатление вполне нормальных людей, никаких не зомби. Зомби не стали бы писать книги, соваться в горячие точки, играть на грустном саксофоне или показывать варана маленькой девочке. Ну да, Лали – маленькая девочка. Чуть лучше говорящая и чуть парадоксальнее рассуждающая, чем большинство других маленьких девочек. Она подбрасывает дохлых ящериц в постель тому, кто ей не нравится, и это выглядит очень по-детски. Ее отец Шон – самый обычный тридцатилетний мужчина, остро переживающий нелады с женой. Зомби не стал бы жаловаться другу на отсутствие понимания с любимой женщиной. Друг Шона Кристиан – тоже вполне нормальный парень, со вполне объяснимой любовью к саксофону и нелюбовью к тем, кто играет лучше его, не прикладывая к этому никаких видимых усилий. Янек – симпатичный и здравомыслящий человек, Зазу – миляга из миляг. Об

Анн-Софи и говорить нечего – женщина-легенда, и точка. А Магда – вообще апофеоз здравомыслия, несмотря на алкогольный психоз. Если принять во внимание Магду, то от теории тотальной власти *Даша* над людьми камня на камне не остается. Магда не только не прониклась пиететом к бывшей любовнице мужа – она страстно ненавидит ее. А богов, чьими бы они ни были, не принято ненавидеть из подсознательных соображений безопасности. Вывод, достойный великих философов прошлого: *Даша* — не бог и даже не ведьма, иначе она бы давно нейтрализовала Магду. В бараний рог бы ее скрутила, а не стала бы пускать в дело сомнительных клыкастых котов.

Щупальца куда продуктивнее.

Нет, Дарлинг вовсе не хочется рассматривать застекольного Мика в подробностях, это желание было секундным, а теперь от него и следа не осталось.

Сейчас она спустится вниз, съест чего-нибудь, а потом...

Потом – вызовет такси и уедет.

Так что план *Даша* поговорить с ней на трезвую голову вряд ли осуществим.

Вообще-то голова Дарлинг в полном порядке и сейчас, и в ней наблюдается несколько не потерянная ясность. А легкая раскоординация движений... Ну что ж, она не настолько велика, чтобы не спуститься по лестнице.

– Ты подумала?

– Да.

– Ты все взвесила, и ответ прежний?

– На каком языке тебе его озвучить еще, чтобы ситуация прояснилась окончательно?..

Даша и Анн-Софи. Они разговаривают на площадке между этажами, хорошо, что Дарлинг не успела занести ногу над лестницей.

– Они не оставят тебя в покое.

– Есть масса людей, которые не собираются оставлять меня в покое. Несколькими больше, несколькими меньше... Принципиального значения это не имеет.

– Тебя не устраивает сумма? Назови свою.

– Дело не в сумме, ты же понимаешь.

– Я знаю этих людей. Они не остановятся.

– Ты мне угрожаешь?

– Стараюсь предупредить.

Ни в голосе *Даша*, ни в голосе *Анн-Софи* нет и намека на враждебность. И сам разговор, если не вслушиваться в слова, выглядит буднично. Как будто две подруги обсуждают достоинства оторванной на распродаже тряпки.

– Я всегда была на твоей стороне, дорогая. – В искренности *Анн-Софи* невозможно сомневаться.

– Я знаю.

– И всегда... оказывала тебе услуги, не интересуясь конечной целью.

– Я ценю это.

– И я искренне люблю тебя. И очень привязана к детям. Именно поэтому говорю сейчас с тобой. Я могла бы устраниться, ты понимаешь.

– Понимаю. Мы в расчете, *Анн*. Ты давно заплатила по всем счетам, если они и имелись. Не стоит так волноваться. Просто каждый теперь за себя.

– Но это же невозможно.

– Невозможно – что?

– Ты. Ты невозможна. Подумай о детях. *Лали* подрастает, *Исмаэль* становится мужчиной...

– А ты теряешь хватку, *Анн*.

«Все те, на кого я могу положиться, еще не выросли. Или уже состарились и потеряли хватку». Неужели речь шла об *Анн-Софи*? Конечно, *Анн-Софи* сильный и незаурядный человек, но... Как можно, имея в запасе мужчин, каждый из которых готов в лепешку для *Даша* расшибиться, не сделать ставку на них?

– Мне хочется покоя. – И снова *Анн-Софи* неподдельно искренна.

– Я понимаю тебя.

– А тебе? Если все снова пойдет не так, куда ты сбежишь в следующий раз?

– Я дам тебе знать.

– Ты должна остановиться. Хотя бы ради *Лали*.

– Если бы я хотела – остановилась бы десять лет назад. Если бы могла – пять.

– Тогда у тебя не было *Лали*.

- Ты думаешь, ее появление что-то изменило?
- Должно было изменить... Я надеялась...
- И напрасно.
- Теперь и я вижу, что напрасно. А мне просто хочется покоя.
- Даже если бы мне захотелось того же самого... никто не оставит меня в покое. Ты ведь сама только что это провозгласила.
- Как раз эта проблема решается легче всего. Тебе стоит лишь сказать «да».
- Если я скажу «да», у меня будет всего лишь одной проблемой меньше. А в моей ситуации это не значит ровным счетом ничего.
- Исмаэль, Лали и этот несчастный Шон ни в чем не виноваты. Подумай о них.
- Ты это уже говорила.
- Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, ты знаешь.
- От твоего желания ничего не зависит, но спасибо.
- Кто эта девушка? Эта русская?

Кажется, Анн-Софи имеет в виду ее. Дарлинг вжимается в стену: сегодня странный день. День подслушанных разговоров, каждый из которых затягивает ее в тину отношений малознакомых ей людей. Или лучше назвать это зарослями в чаще? Заросли полны колючек, сквозь них не продрасться, не поранившись; за шиворот то и дело сыплются насекомые двойных и тройных смыслов. А в спину смеются ленивые и лукавые африканские боги, которым больше пристало охранять кладбища, а не жить в нормальных человеческих домах. И где-то впереди, вся залитая солнцем, блестит лужайка. Там расположились на пикник понятные до последнего волоска мама с Леркой, и Коко с Вассилисом, и еще уйма знакомого Дарлинг простодушного народа, живущего совершенно обыденной жизнью. Даже Костас, каким она знала его до Камбоджи, легко бы вписался в эту лужайку. Даже виртуальный Паоло смог бы посадить на ней свой самолетик. Даже папочка...

Папочка с его сухогрузом – последнее прибежище Дарлинг.

Сколько уже раз бывало, что она в самые тяжелые и неприятные минуты жизни хотела к папочке. Просто поговорить с ним и немного поплакать, а папочка... Папочка всегда находит самые нужные и единственные слова. И Дарлинг становится легче от одной только мысли о нем.

Но папочка далеко.

Он уплывает все дальше, а вместе с ним уплывают мама с Леркой, и Коко с Вассилисом, и уйма простодушного народа, взбежавшего по трапу прямо с лужайки. Над сухогрузом папочки кружит самолетик Паоло – и когда только они успели стать союзниками?..

Как бы то ни было, но теперь они там – в морях здравого смысла, ясности и спокойствия. Кажется, так называются и моря на Луне. И папочка, и все остальные теперь не ближе, чем Луна. И впервые Дарлинг не хочется бежать к папочке, все сказки про выросших девочек и их пап заканчиваются именно так.

– ...Так кто она? – не отступает Анн-Софи.

– Случайный гость.

Случайный гость? Даже обидно.

– Что-то не припомню, чтобы случайным гостям уделялось столько внимания. Хочешь втравить ее в историю, как когда-то... втравила меня?

– Разве это был не твой выбор?

– Тогда ты не оставила мне выбора.

– Будем ворошить прошлое, Анн?

– Нет.

– Ну и отлично.

– Мне жаль, что мы не смогли договориться.

– Мне тоже. Но ты с самого начала должна была знать, что вся эта затея обречена на провал. Когда вы с Зазу уезжаете?

– Если ничего не изменится, то сразу после Ангкор-Вата.

– Думаю, что ничего не должно измениться. Хотя Лали будет скучать по тебе.

– Я тоже буду по ней скучать. В любом случае будь осторожна, дорогая.

– Когда зло уже в доме, от осторожности ничего не зависит.

– Зло? Надеюсь, ты не считаешь злом меня?

– Ну что ты... Максимум, что ты могла сделать, ты уже сделала. Доставила мне пару неприятных минут. Но они оказались на удивление быстро проходящими.

– Ты не меняешься.

– У меня нет на это времени. Ладно. Надо все-таки показаться гостям, а то они уже забыли, по какому поводу собрались. Ты еще

спустишься?

– Скорее всего. Хочу переодеться.

Только этого не хватало!.. Анн-Софи собирается подняться наверх. И первой, кого она увидит, будет Дарлинг, простоявшая за углом все то время, пока она разговаривала с *Даша*. Вряд ли мизансцена получится изысканной, а значит, нужно ретироваться, пока не поздно. Вернуться в туалет и переждать смену нарядов Анн-Софи. А потом...

Потом она попросит *Даша* заказать ей такси. И уедет. Чтобы ее не втравили в историю, как когда-то втравили Анн-Софи. Жаль, что нельзя расспросить ее, что это была за история. И что это за таинственные люди, от лица которых она выступает.

На цыпочках прокравшись обратно в туалет, Дарлинг заперла за собой дверь. Но даже не успела перевести дух, как дверная ручка несколько раз дернулась и застыла.

– Момент! – для убедительности она спустила воду в сливном бачке и еще раз заглянула в зеркало. Румянец немного поутих, но так и не исчез со щек окончательно. Теперь еще надо ополоснуть лицо и придать взгляду выражение легкой бессмысленности – и тогда она точно сойдет за жертву алкогольного отравления.

– Простите, пожалуйста! – С этими словами Дарлинг широко распахнула дверь и едва не зашибла ею Анн-Софи, ожидавшую своей очереди с джинсами и льняной рубахой в руках.

– Ничего. – Анн-Софи была сама кротость.

– Отвратительно себя чувствую.

– А что случилось?

– Коньяк. Его оказалось слишком много. Вообще-то я не пью...

– Но *Даша* невозможно отказать, так?

– Не то чтобы...

– Уезжайте отсюда, девочка.

Анн-Софи произносит это шепотом, который отдается в голове Дарлинг многократным оглушающим эхом; слова то приближаются, то удаляются, но смысл их остается неизменным.

– А что случилось? – теперь уже спрашивает Дарлинг.

– Пока ничего. Но лучше вам исчезнуть, прежде чем что-то случится.

– Собственно, я уже собиралась.

- Я могу вызвать вам такси.
- Я как раз хотела попросить об этом *Даша*.
- Не стоит.
- Почему?

Возможно, *Анн-Софи* и хотела бы объяснить почему. Но что-то удерживает ее от объяснений. Она лишь не отрываясь смотрит в глаза *Дарлинг*, стараясь что-то разглядеть там. Уж не саму ли себя – до того, как ее «втавили в историю»?

- Лучше вам уехать, ни о чем не спрашивая.
- А вы бы уехали?
- Нет. Я и не уехала. В свое время. И не было дня, чтобы я об этом не пожалела. Просто поверьте мне – и уезжайте.
- А других вариантов нет?
- Все остальные варианты будут намного, намного хуже.
- Я думала, вы подруги.
- Ненавижу это слово.
- Простите...

Еще несколько минут назад *Анн-Софи* демонстрировала искреннюю привязанность к семье *Даша* и была чрезвычайно в этом убедительна. Теперь же она тычет в зубы *Дарлинг* безвольными намеками на то, что лучше держаться подальше от хозяйки дома. Сказала бы прямо, что имеет в виду!.. Но *Анн-Софи* молчит и даже закусывает губу, чтобы ничем не нарушить молчание. Как далеко могут простираться границы благодарности за спасенную когда-то жизнь? В случае *Анн-Софи* они уходят напрямик в пустыню Гоби – с одной стороны. И в Сахару – с другой.

А может, молчание женщины-легенды вызвано чем-то совсем иным?

Дарлинг вглядывается в пространство вокруг *Анн-Софи* – не появились ли там всемогущие осьминожки щупальца?

Нет.

Но где-то там, за спиной француженки, все же возникает легкое движение: это *Исмаэль* поднимается по лестнице, неся на руках *Лали*. Черный брат и белая сестра, прижавшаяся к нему, – картинка полна приглушенной сентиментальности и умиляет *Дарлинг* едва ли не до слез. Крохотные розовые пятки *Лали* сразу делают бессмысленным весь предыдущий диалог. У песчаной отшельницы *Анн-Софи* и в душе

пустыня. Ее живот тоже всегда был пустынным, в нем не рисовали девочки, похожие на Лали, в нем не играли на саксофоне мальчики, похожие на Исмаэля.

– Спасибо за участие. – Дарлинг кивает Анн-Софи, давая понять, что разговор закончен. – Я пойду.

Анн-Софи досадливо машет рукой и скрывается за дверью ванной комнаты. А Дарлинг как зачарованная следует за Исмаэлем и Лали.

Когда она заглядывает в детскую, Лали уже лежит в кровати, а Исмаэль, присевший в изголовье, укутывает ее легким одеялом.

– Ничего, если я посижу с вами? – шепотом спрашивает Дарлинг. – Можно?

– Мо! – Лали встречает Дарлинг, как старую знакомую. – Где ты пропадала, Мо?

– Ну у меня были кое-какие дела...

– А теперь ты пришла рассказать мне сказку?

– Боюсь, что нет, Лали.

– Ты не знаешь сказок? Вот Иса знает много-много сказок. Правда, Иса?

– Правда, – подтверждает Исмаэль.

– Пусть Мо останется.

– Хорошо. Ну про что тебе рассказывать сегодня?

– Про то, как один человек из племени ашанти убил змею...

– Нет, – морщится Исмаэль. – Это дурацкая сказка.

– Хорошо, – легко соглашается Лали. – Тогда про то, как один человек из племени киконго позавтракал жуком...

– Еще одна дурацкая сказка.

– Ну вот, – любительница насекомых Лали приподнимается на кровати, – про жука как раз очень интересная.

– Мо не понравится.

– Откуда ты знаешь?

– Давай я лучше расскажу про Акаломбе.

– Нет, тогда расскажи про принцессу Афрекете.

– Я уже сто раз ее рассказывал.

– А Мо не слышала. А это хорошая сказка.

– Ладно. Жила-была маленькая принцесса...

Дарлинг даже не подозревала, что Исмаэль такой хороший рассказчик. Его голос, мягкий и вкрадчивый, обволакивает ее со всех

сторон и тут же распадается на сотню других голосов, на шепоты и крики животных в бруссе (все они любят Афрекете). На шелест волн и шорох песка (все они расступаются по первому требованию Афрекете), на дождь...

Или дождь идет за окном?

Где бы он ни шел, он убаюкивает Дарлинг. Глаза ее слипаются, и она не в силах приподнять веки – как будто на них уселась маленькая принцесса и теперь болтает ногами, и без остановки рассказывает что-то, и забрасывает Дарлинг разноцветными камешками смеха. Вот она и вспомнила! – когда ей было столько же лет, сколько Лали, папочка покупал ей такие глазированные камешки-конфетки с орешками и изюмом внутри.

Мне так не хватает тебя, папочка!..

* * *

...Дарлинг проснулась внезапно, как от толчка чьей-то невидимой руки.

А проснувшись, не сразу сообразила, где находится. Последним воспоминанием был Иса, сидящий в изголовье кровати Лали. Кто такой Иса? Исмаэль – черный мальчик с дредами, прекрасно говорящий по-русски. А Лали – девочка трех лет, любящая сказки про жуков и змей, но в качестве альтернативы готовая снисходительно выслушать сказку про принцессу.

Афрекете.

Принцессу звали Афрекете, а мать Лали и Исмаэля зовут *Даша*. И это самая удивительная женщина, когда-либо встречавшаяся Дарлинг в жизни. Весь вчерашний вечер прошел в ее доме, и, кажется, Дарлинг находится в нем и сейчас. Не в самом удобном месте и не в самой удобной позе – в кресле. Достаточно уютном, чтобы просидеть в нем какое-то время, но мало приспособленном для того, чтобы провести в нем целую ночь.

Она провела здесь ночь?

Понять это невозможно: плотные шторы почти не пропускают свет, не ясно – утро сейчас или глубокая ночь, тело затекло, а голова

раскалывается так, что кажется – вот-вот разорвется на части. Она пила коньяк с *Даша* в ее кабинете, но это явно не кабинет.

Детская.

Масса игрушек, кукольный домик в углу, ночник с Винни-Пухом, стоящий на маленьком столике. По мере того как глаза Дарлинг привыкают к темноте, Винни-Пухи на ночнике множатся, их уже около десятка.

И ни одной Лали.

Кровать девочки пуста, только в ногах валяется смятое одеяло.

Кто-то накрыл пледом саму Дарлинг – не потому, что холодно, а потому, что решил позаботиться о ней. Куда же подевалась Лали?

Несколько минут Дарлинг сидит неподвижно, собираясь с силами, чтобы встать, и прислушиваясь к дому. В нем царит тишина, а едва слышный монотонный звук (то ли дождь за окном, то ли работающие кондиционеры) – всего лишь часть этой тишины. На него не стоит обращать внимание. Никаких других звуков нет, ватная тишина окружает Дарлинг со всех сторон. Значит, она никуда не уехала, осталась здесь, вопреки заклинаниям *Анн-Софи*. Нет-нет, Дарлинг не хочет думать об *Анн-Софи*, стоит сделать лишь шаг в ее сторону, как голова начинает болеть сильнее.

Подслушанный разговор на лестнице, смысл которого не ясен. А потом ее собственный разговор у ванной комнаты, когда с руки женщины-легенды безвольно свисали джинсы и рубашка. И сама железобетонная *Анн-Софи* выглядела безвольной и подавленной чем-то. Но лучше не вспоминать об этом, хватит с Дарлинг и ее собственной подавленности.

Нужно выбираться отсюда, найти Лали, найти *Даша*, найти хоть кого-нибудь, и только с *Анн-Софи* ей встречаться не хочется.

В холле оказалось чуть светлее, чем в детской, и свет шел от террасы, перед которой были расстелены два спальника. Спальники не были пустыми, сквозь плотную ткань просматривались очертания фигур, и Дарлинг тут же вспомнила, что говорил ей *Кристиан* о двух эксцентричных французах. Значит, *Зазу* и *Анн-Софи* еще не проснулись.

Двери во все комнаты, выходящие в холл, были закрыты, и Дарлинг не решилась открыть ни одну из них. Лишь мельком бросила

взгляд на большие напольные часы в простенке между спальней и детской.

Шесть часов и почти пятьдесят минут.

Наверное, речь идет все-таки об утре. Потому что в шесть часов пятьдесят минут вечера (прошлого вечера!) они с Костасом как раз подъезжали к вилле за глухим забором.

Костас, вот черт!..

Мысль о Костасе вызвала очередной приступ головной боли. Видимо, его на время придется задвинуть в тот же угол, что и Анн-Софи. До тех пор, пока не пройдет голова.

В тайной надежде кого-нибудь встретить Дарлинг спустилась на первый этаж, но дом как будто вымер. Сколько человек сейчас находится здесь или должно находиться? Шон и Кристиан, *Даша* с детьми, Янек и писательская чета. Еще Анн-Софи и Зазу в спальниках. А двух нянек, домработницу и охранника (все они камбоджийцы) *Даша* отпустила еще вчера днем, она сама сказала Дарлинг об этом.

Наверняка все разошлись по комнатам поздно, едва ли не к утру, и только Дарлинг проспала все на свете... Ах да!.. Она забыла кошек и Амаку! Амаку уж точно должен быть где-то здесь, взбираться на второй этаж ему довольно трудно, об этом тоже говорила *Даша*. Обычно пес ночует на первом этаже, под лестницей, следовательно, встреча с ним неизбежна. Как и встреча с экспонатами импровизированного музея африканской скульптуры, еще неизвестно, что хуже: экспонаты или бесшумно подкрадывающийся пес.

План на ближайшие десять минут возник сам собой: для начала Дарлинг отправится на кухню и выпьет хотя бы воды, чтобы нейтрализовать сухость во рту. Затем выйдет в сад – подышать воздухом. Затем... Что делать после того, как она надышится, было не ясно. Но можно принять душ (хотя полотенце ей никто так и не выдал), переодеться и подождать, пока проснется кто-нибудь из хозяев – *Даша*, Шон или Иса. Поблагодарить за вечер и удалиться восвояси. Хотя, если первой проснется *Даша*, последний пункт плана может быть с лету переписан.

Дарлинг почему-то хочется, чтобы первым человеком, которого она увидит сегодня утром, была *Даша*.

...Кухня, в которой она оказалась впервые, встретила Дарлинг тихой музыкой, доносящейся из стоящей на окне крошечной

магнитолы. Под старую песню группы R.E.M. Losing my Religion Дарлинг распахнула огромный холодильник, вытащила оттуда банку тоника и осушила ее в три глотка. Ей сразу же полегчало, и теперь можно было осмотреться.

Кухня показалась ей какой-то старомодной, как будто перенесенной из середины прошлого века. Или позапрошлого, потому что точно определить возраст кухонной мебели Дарлинг так и не смогла. В этой мебели не было никакого винтажного обаяния, она была просто старой, и все. А холодильник, посудомоечная машина, микроволновка и даже плита смотрелись здесь инородными элементами. На одном из разделочных столов стояли две огромные вазы с фруктами, а другой был наполовину завален зеленью и овощами. Поднос с маленькими кошачьими мисками обнаружился на полу у холодильника; еще один – с большой плошкой воды – стоял у окна.

Покопавшись в вазе с фруктами (большинство из них она никогда не видела прежде), Дарлинг выбрала то, что показалось ей наименее экзотическим: банан и манго. И снова полезла в холодильник за очередной банкой тоника. А потом стала рассматривать разноцветные стикеры, приклеенные к передней панели. Стикеров было около двух десятков, и все они относились к повседневной жизни семьи *Даша*: списки продуктов, которые нужно закупить; обмен короткими репликами, если кому-то не удалось увидеться с утра, камбоджийские адреса в английской транскрипции, номера телефонов, просьбы, пожелания и напоминания. Почерк на всех стикерах был разным, а кто-то из домашних набрасывал заметки печатными буквами и прищипливал к ним неизменное густо заштрихованное сердце.

Дарлинг решила, что сердце принадлежит Исмаэлю.

Она уже собиралась отойти от холодильника, когда заметила эту запись. Вернее, не запись – адрес, показавшийся ей смутно знакомым.

COTONOU, RUE DU RENOUVEAU, 34.

Где-то она уже видела этот адрес, это сочетание букв и цифр, вот только где? Возможно, в одном из писем Костасу, присланном по электронке, или на какой-нибудь официальной бумаге, пришедшей вместе с заказной почтой... Нет, этот адрес не связан с работой, перед глазами стоят буквы, которые никто не набирал на клавиатуре. Так же, как и стикеры на холодильнике, он был написан от руки чернилами,

которые местами расплылись. Дарлинг так и видит перед собой эти расплывшиеся чернила, последняя цифра почти не прочитывалась, теперь она знает, что это четверка. Но продвинуться дальше чернил не удается, словно кто-то блокирует участок памяти, отвечающий за этот адрес. Словно кто-то не хочет, чтобы она отправилась по нему ранним утром, когда все улицы еще пустынные и тихи.

Черт с ним, с адресом. Когда-нибудь он всплывет сам.

А пока о ногу Дарлинг трется один из ориенталов, с требовательным мурлыканием прибежавший на кухню, как только хлопнула дверца холодильника.

– Ну привет! – говорит Дарлинг. – Хочешь есть? А где твой брат? Или у тебя сестра?..

В холодильнике Дарлинг находит кошачьи консервы и щедро вываливает их на блюдце. Кошек снова две, смотреть, как они едят, – сплошное умиление. Никакой толчеи, никакой борьбы за кусок – сплошная деликатность и аристократизм.

Но в какой-то момент кошки прекращают есть, и это не связано с насыщением. Они синхронно поднимают морды, к чему-то внимательно прислушиваясь.

– Что, кто-то еще проснулся?..

Даже если и проснулся – на кухню он не спешит. Шагов поначалу тоже не слышно, во всяком случае человеческих. И лишь мгновение спустя, когда Дарлинг уже решает вернуться к недоеденному банану, раздается этот звук.

Как будто по коридору несется крупное животное.

Оно намного крупнее кошек; кошки легкие, почти невесомые, и пришли на кухню совершенно бесшумно. А в доме, кроме них, есть только одно четвероногое – Амаку. Предстоящая встреча с Амаку нервирует Дарлинг: совершенно неизвестно, как поведет себя пес на этот раз. До сих пор он не выказывал дружелюбия, и Дарлинг всякий раз приходилось спасать кому-нибудь из домашних. С другой стороны, и откровенной агрессии он не проявлял, просто подкрадывался незаметно и щерил клыки. Амаку, пропади он пропадом, – такой же бесшумный, как и кошки. Но может, по утрам, когда дом еще спит, его поведение меняется?

Он становится подвижнее и позволяет обозначить свое местоположение.

Бег по коридору продолжается, хотя Дарлинг трудно определить, с какой стороны движется Амаку: из гостиной в сторону кухни или, наоборот, к кухне со стороны маленького предбанника перед черным ходом. Это расстояние можно покрыть за несколько секунд, но секунды накапливаются и складываются в минуту, а на пороге кухни так никто и не появился.

Животное – любое животное! – не будет гарцевать на месте.

– Что за хрень! – вслух произносит Дарлинг, чтобы хоть как-то подбодрить себя. А потом обращается к кошкам: – И часто у вас проходят такие марафоны?

Кошки смотрят на Дарлинг своими удлинёнными прозрачными глазами (до чего же они похожи, прямо братья-близнецы, или сестры-близнецы, или – Дарлинг и Кристиан в своей прошлой/будущей животной ипостаси) – и не отвечают. Но и им не нравится происходящее в коридоре. Уши, прижатые к черепам, и вздыбившаяся короткая шерсть на холке явно на это намекают. А магнитола на окне, до этого работавшая совершенно исправно, начинает шипеть и потрескивать: музыкально-ностальгическая виниловая волна ушла безвозвратно.

– Эй! – Голос Дарлинг предательски дрожит, и это не нравится ей. – Эй, кто там развлекается?.. Может, пойдём посмотрим?

Вопрос снова адресован кошкам, но те вовсе не горят желанием покидать кухню. Они напуганы не меньше Дарлинг. И это совсем не вяжется с их всесилием и особым знанием, которое не дано простым смертным. Кошки оказались самыми обычными, хотя и породистыми, а истории про них – миф, придуманный *Даша*, чтобы ее дети не скучали. И сколько еще мифов было вывезено из Африки вместе с кошками – одному богу известно.

Наверное, он также в курсе того, что происходит сейчас в коридоре. Но и Дарлинг больше не хочет оставаться в неведении. На цыпочках подойдя к двери и еще раз оглянувшись на кошек, она осторожно выглядывает в коридор.

Пустота.

Ни намёка на чье-либо присутствие. Дарлинг уже готова вздохнуть с облегчением (и чего только не померещится с перепоя!), как звук, стихший на долю секунды, снова появляется. Он идет со стороны черного хода и становится явственнее: так и есть – кто-то

мчится прямо сюда, перебирая мягкими лапами. Это не пес. Не Амаку. Это вообще никто.

Пустота.

Шаги невидимого зверя неумолимо приближаются к Дарлинг. И, приблизившись, замирают. А у нее в руках нет ничего, чем можно было бы защититься: только банка с тоником и нелепый кусок банана. Этим дерьмом не отобьешься!.. Этим дерьмом нельзя было бы отбиться и от самого настоящего пса, из плоти и крови, что уж говорить о...

О ком?

Дарлинг вдруг с тоской вспоминает Коко и ее потрясающее умение хлопаться в обморок при одном только намеке на неприятные или страшные события в окружающем ее мире. И приходит в себя только тогда, когда последствия этих событий – самым чудесным образом – оказываются сведенными к нулю. Вот бы сейчас счастливо отрубиться! И быть возвращенной к жизни кем-нибудь абсолютно реальным (она согласна даже на Анн-Софи; даже на малышку Лали, водящую дружбу с пауками и ящерицами). Она согласна перетерпеть чувство неловкости, которое в таких случаях неизбежно возникает. Она согласна на все, кроме невидимки, остановившегося напротив нее.

Но все спасительные обмороки, судя по всему, экспроприированы Коко. А Дарлинг вынуждена пребывать в постылой ясности сознания. И оно фиксирует, что бег зверя начался снова. Но не в сторону Дарлинг. Звук удаляется по коридору и стихает где-то в районе гостиной со скульптурами.

Неужели пронесло?

Дарлинг чувствует, как по ее вискам струится пот, а пальцы так сжали банан, что он превратился в маловразумительную кашу и прилип к ладони. *Пошли вы к черту с вашими шаманскими штучками!*

Теперь, находясь в относительной безопасности, она может позволить себе обернуться. Кошки переместились к окну, одна из них даже прыгнула на подоконник и сидит теперь рядом с магнитолой. Магнитола тоже вроде бы пришла в себя – во всяком случае, шум и неприятное потрескивание исчезли, и из нее снова льется музыка. Знакомая Дарлинг – и это гораздо более близкое знакомство, чем знакомство с адресом на стикере.

L'amour, la mort^[10].

Клочок из саундтрека к *A Bout De Soufflé*, заглавная тема предательницы Пат из пятидесят девятого.

Это уж слишком!

Дарлинг пробкой вылетает из кухни, в два прыжка достигает маленького предбанника и, едва не содрав с двери москитную сетку, оказывается на улице. Здесь ее встречает раннее камбоджийское утро – без привычной прохлады, но с бесцветным и таким сильным дождем, что, кажется, он не только падает с неба, но и брызжет фонтанами из земли и из стен. То, к чему она успела привыкнуть за почти двое суток пребывания в Камбодже: дожди здесь заканчиваются очень быстро. Просто промежутки между ними короткие, вот и получается один сплошной тропический ливень.

Маленький сад еще хранит воспоминания о вчерашнем торжестве, на котором Дарлинг так и не удалось поприсутствовать толком: несколько бутылок шампанского разной степени наполненности так и остались стоять на столах. Тарелки с остатками бутербродов и тарталеток никто не убрал. Столы засыпаны конфетти и разноцветными лентами, на креслах валяются пледы и несколько больших мягких игрушек Лали.

И – саксофон Кристиана.

Или лучше теперь называть его саксофоном Исмаэля?.. Инструменту повезло больше, чем игрушкам, кто-то укутал его в плед, так же заботливо, как и саму Дарлинг – там, наверху, в детской. Видимо, вчера состоялось первое выступление Исмаэля перед гостями, а Дарлинг все прошляпила.

Впрочем, она тут же забывает о саксофоне. Теперь ее внимание привлекла стена, примыкающая к садику. Так же, как и все остальные стены, окружающие виллу, она покрыта светлой штукатуркой. Отличие состоит в том, что садовая стена испещрена рисунками. Видимо, это и есть рисунки маленькой Лали, которыми все здесь восхищаются.

Они и вправду хороши, насколько вообще могут быть хороши рисунки трехлетнего ребенка. Это не каракули, не точка-точка-запятая, а вполне осмысленные изображения животных и людей. Животных все же больше, и это африканские животные. Жирафы, львы, зебры и антилопы. Они отделены друг от друга полосками геометрического красно-черного орнамента, который в сознании Дарлинг всегда ассоциировался с Африкой. А ведь Лали покинула Африку в лучшем

случае младенцем и не может помнить ее по определению. Но кто знает, что помнит Лали? И не вступила ли она на бесконечное поле «залгани», где потрескивают переспелые маковые коробочки чужой памяти? Кажется, так называла необъятный массив всеобщего прошлого *Даша*, которая тоже представлена на стене. И, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что это именно *Даша*, – имеется и подпись **MUMMY**.

DADDY Шон представлен крохотным приложением к подобию фотоаппарата с длинным, комично клюющим носом объективом. Собственно, никто из нарисованных на стене не одинок: *Даша* окружают кошки, у палочкообразных черных ног Исмаэля сидит Амаку, сама Лали нарисована в обнимку с улыбающимся солнцем-черепашкой, и только черный кот...

Кот.

Как же Дарлинг не увидела его раньше?

Но теперь, когда кот обнаружен, Дарлинг начинает казаться, что именно он и является центром всей композиции. Основой мира, нарисованного на стене. Конечно же, это весьма условный кот, с вытянутой мордой и вытянутым хвостом. По телу кота разбросаны желтые спирали, желтые глаза с черными точками зрачков прищурены, толстые усы раскинуты веером. И кот улыбается. Довольно жутковатой улыбкой, обнажающей неровные треугольники клыков. Единственное отличие от настоящих кошек, оставшихся на кухне, состоит в том, что уши рисованного кота заметно скруглены.

Нет-нет, Дарлинг не позволит мелким страхам снова сковать ее несчастный, уставший от всей этой африканистики разум.

По сути, он ничем не отличается от всех остальных животных на стене – он такое же сказочное, фантазмагорическое существо. Но теперь, во всяком случае, можно будет успокоить Магду. Она видела рисунки Лали, потому что была в саду. Вот черно-желтый кот и отложился в ее мозгу, чтобы потом всплыть в виде галлюцинации.

Только и всего.

Только и всего, только и всего, повторяет Дарлинг про себя, ничего страшного. Просто рисунки. Их рисовала маленькая девочка, обладательница милых розовых пяток, которая очень любит сказки. А то, что с самого раннего утра ее не оказалось в постели... Что ж, это тоже имеет свое объяснение: иногда дети просыпаются среди ночи или

перед самым рассветом. И бегут в комнату родителей, чтобы забраться к ним под одеяло и еще ненадолго провалиться в свой самый счастливый сон. Дарлинг в далеком детстве поступала так неоднократно, потом то же самое проделывала и Лерка. А Дарлинг оставалось лишь ревниво наблюдать из-за дверей, как она нежится в родительской постели, на руке у папочки.

...Крик, который слышит Дарлинг, не имеет ничего общего со счастьем: он исполнен отчаяния и слез. Кричит ребенок, девочка, Лали – потому что других детей здесь просто нет.

– Мамочка! Мамочка!..

От захлебывающегося голоса Лали у Дарлинг едва не останавливается сердце. Лали попала в беду? Но какая беда может случиться в доме, полном людей, пусть и спящих? Что так напугало ее, что привиделось?

Дарлинг со всех ног бежит на крик, но, завернув за угол и оказавшись на площадке перед домом, никого не обнаруживает. Две пальмы остаются за спиной, а впереди – пустое пространство уложенного плиткой двора, пышный кустарник и «Лендрровер».

Кажется, крик идет от кустарника.

– Лали? Где ты, детка?

– Мамочка-а-а-а!..

Обойдя машину, Дарлинг наконец-то обнаруживает девочку. Она стоит на широком порожке «Лендрровера» и, ухватившись одной рукой за зеркало, пытается заглянуть в салон. Руки и ноги Лали целы, на них нет никаких видимых повреждений. Пижамка с Винни-Пухами (точно такие украшают ночник в детской) не порвана, а только слегка помята и испачкана грязью с крыла машины.

– Ну что случилось, малыш? – Дарлинг приходится задержать дыхание, чтобы унять бешено колотящееся сердце.

Появление Дарлинг успокаивает девочку ровно на секунду, после чего она снова начинает подпрыгивать и колотить свободной рукой в стекло, до которого едва дотягивается.

– Успокойся и объясни мне, что случилось. Пожалуйста, Лали.

Дарлинг и понятия не имеет, как обращаться с маленькими плачущими девочками. Наверное, нужно обнять их, и взять на руки, и подуть в волосы, охлаждая разгоряченный лоб. Но для этого как минимум нужно, чтобы Лали обратила на нее хоть какое-то внимание.

Но все внимание Лали сосредоточено на стекле – что же там такое происходит, за стеклом?

– Мама-мама-мама. – Устав кричать, девочка переходит на хрипящий шепот.

– Что там?

– Мама-а...

– Я не понимаю тебя, Лали...

Дарлинг прижимается к пижамке с Винни-Пухами и пытается сквозь стекло заглянуть в салон «Лендровера». Водительское и пассажирское сиденья пусты, что же так взволновало Лали?

– Там мама...

– В машине?

– Мама...

От бесконечно повторяющегося отчаянного «мама» у Дарлинг вот-вот лопнет голова, она готова встряхнуть тельце Лали, зажать ей рот рукой – только бы она замолчала. Передние сиденья пусты, но на заднем... Приблизив лицо к стеклу, она видит брошенное одеяло.

Нет, не так.

Кого-то, накрытого одеялом.

В большом доме достаточно места, он полон комнат, полон дверей, – кому пришло в голову ночевать здесь, на заднем сиденье машины? Но даже если пришло – почему это так испугало Лали и довело ее до самой настоящей истерики? Надо покончить с этим. Прямо сейчас. Заткнуть девчонку, пусть даже и придется прервать чей-то утренний сон. Сейчас Дарлинг хочет только одного: чтобы Лали наконец замолчала. Только поэтому она осторожно стучит в стекло костяшками пальцев.

Никакого эффекта. Человек под одеялом не шевелится, и Дарлинг, наплевав на деликатность, начинает стучать сильнее. Она колотит по стеклу ладонью и сжатым кулаком, не отрывая взгляда от равнодушного одеяла, а потом начинает дергать ручку.

Машина заперта.

Плохо. Совсем-совсем плохо. Совсем.

Запираться в машине, стоящей посреди закрытого для посторонних и совершенно безопасного двора, – верх идиотизма. А ведь *Даша* совсем не идиотка, даже эксцентричной ее не назовешь. Это определение скорее подошло бы *Анн-Софи*, когда она, нахлобучив

тюрбан и потрясая килограммами браслетов, изображает варана для маленькой Лали. Хотя Дарлинг и не видела варана в исполнении француженки, но ей почему-то кажется, что браслеты должны трястись и издавать легкий звон, стучаясь друг о друга. Писательскую жену Магду тоже можно назвать эксцентричной: один взятый напрокат для психоза рисованный кот чего стоит!.. Любитель русалок Кристиан – парень со странностями, у прилепившегося к подолу Анн-Софи тихого Зазу наверняка имеется в заглавнике пара-тройка чудаковатых фобий. Шон... О господи, что она делает? Пытается проникнуть в спальник Анн-Софи, о которой, проснувшись сегодня утром, даже вспоминать не хотела. Пытается забиться в спальник Зазу, куда ее никто не приглашал. Пытается влезть в русалочий хвост. Пытается заслониться от правды всем тем, что под руку подвернется, что только в голову придет. Можно еще подумать о пропавшем Костасе, о Тео и его книге. И о его посвящении в книге. Оно начинается банальным «Моей единственной», как выглядит продолжение? Все в нем должно быть художественно преувеличено – иначе зачем вообще писать книги?

Ради эффектных посвящений, ага.

Еще можно подумать о русалках: так же они немые, как рыбы, так же не способны выдать из себя ни звука, оказавшись перед лицом страшной правды? Дарлинг – не русалка, и, для того чтобы подавить в себе вопль ужаса, ей приходится прилагать усилия, забивать рот спальниками, книжными посвящениями и рыбьей чешуей.

Даша совсем не эксцентрична, нет. И она не осталась бы спать в запертом «Лендровере», на неудобном заднем сиденье, если бы...

была жива.

Но *Даша* мертва.

Именно эту правду пытается сообщить ей собственный разум вот уже несколько минут, которые прошли в попытках защиты от очевидного факта: *Даша* мертва. Если бы Дарлинг была такого же роста, как Лали, она бы не увидела этого, не поняла. Но Дарлинг взрослая и потому видит. Она видит голову *Даша*, скрытую одеялом лишь наполовину. Край одеяла доходит до середины скулы, но и этого вполне достаточно, чтобы понять —

Даша мертва.

Вчера вечером, когда они сидели у окна и огонек сигареты освещал нижнюю часть ее лица, – верхняя была в тени. Теперь все наоборот. Теперь Дарлинг во всех подробностях видит чистую линию лба, прямой аккуратный нос, закрытые глаза и залитый кровью правый висок. Кровь вытекла из зияющей на виске раны подобно лаве из жерла вулкана, и эта рана не оставляет никаких надежд, никакого исхода, кроме одного:

Даша мертва.

В это невозможно поверить, и Дарлинг пытается ухватиться за невозможность, как за канат, висящий в школьном спортзале. Но руки у Дарлинг слишком слабы, ведь она не альпинистка и не дайвер, как Лерка; руки Дарлинг слабы, и канат, пропитанный кровью *Даша*, скользит под ними.

Надо увести отсюда Лали, все остальное потом. А сейчас надо просто увести Лали, чтобы она не увидела того, что видит Дарлинг.

– Успокойся, детка.

– Там мама...

– Да. Она спит.

– Мама никогда не спит в машине.

– Ну вот, а сегодня решила остаться здесь.

– Мама не спит здесь. Никогда, – продолжает упрямствовать Лали.

Но она хотя бы перестала кричать.

– **Я... я** тоже никогда не сплю на креслах. А сегодня заснула. Пойдем в дом, не будем мешать маме.

– Я хочу к ней.

– Конечно. Но не сейчас, а когда она проснется. Не будем ее будить. Вчера был трудный день, и она устала...

– Я хочу к ней.

– Пойдем, пожалуйста.

Не так-то просто отодрать руку Лали от зеркала. Не так-то просто снять ее с подножки «Лендровеера». Как в этом случае поступил бы Иса, какими словами он бы уговаривал сестру? А как поступила бы *Даша*?

Даша мертва.

Это всего лишь слова. Они вертятся в голове Дарлинг – абсолютно стерильные, ни к чему не относящиеся, на них нет ни

одного пятнышка, в них нет ни одной занозы... нет, одна все-таки есть. Джин тоже нашли в автомобиле.

Она подумает об этом потом, а сейчас нужно поскорее увести Лали. «Увести Лали» – тоже слова, но в них гораздо больше смысла. «Увести» предполагает действие, а мертвые (*Даша* мертва, мертва!) не могут совершать никаких действий. Им остается только лежать на заднем сиденье джипа и ждать, когда их обнаружат.

Джин нашли через одиннадцать дней, *Даша* повезло гораздо больше.

– Сейчас мы пойдем и найдем Ису... – Дарлинг продолжает бороться с закаменевшими руками девочки. – Где его комната?

Где комната Исы, где сам Иса и где все остальные? Почему никто, кроме Дарлинг, не услышал крика? А ведь она находилась с другой стороны дома. Зазу и Анн-Софи спят у террасы, и они первыми должны были услышать душераздирающее «мамочка». Они уже давно должны были спуститься, ведь вчера на лестнице француженка несколько раз повторила, что любит Лали. Что любит саму *Даша* — или это относилось только к живой *Даша*?

А что делать с мертвой?

И что делать с Лали?

Она не может орать и биться в истерике вечно, маленькие дети быстро устают. А Дарлинг хочет лишь одного – чтобы Лали замолчала и дала себя увести: а это означает, что можно будет наконец отлепиться от проклятого лендроверского склепа. Уйти, убежать. О-о-о, поздно!

Слишком поздно.

Бежать нужно было вчера вечером, как и советовала мудрая Анн-Софи, знающая о жизни *Даша* намного больше, чем Дарлинг. Как было бы чудесно, если бы она уехала на такси в гостиницу, а потом благополучно улетела и по прошествии времени вспоминала о *Даша* как о ярком и занимательном эпизоде. Тогда бы она, возможно, никогда не узнала бы о мертвой *Даша* и в ее памяти осталась бы только освещенная нижняя половина лица. А не освещенная верхняя – с размозженным виском. Господи ты боже мой, почему одна она должна знать сейчас об этом виске?! Где те, кто посвящает ей книги и до сих пор расплачивается за оказанную когда-то услугу, хотя все счета давно аннулированы? Где все они, где?!

Дарлинг наконец удается оторвать Лали от машины.

Теперь быстрее в дом!.. Она почти бежит, хотя Лали довольно тяжела, а до сих пор ей казалось, что маленькие дети ничего не весят... Нет... Дарлинг ни разу в жизни не задумывалась, сколько весят маленькие дети. Наверное, чуть больше, чем две кошки, но намного меньше, чем Амаку (Амаку – крупный пес), – и где сейчас Амаку? Почему нет и его, ведь собаки все чувствуют, а этот еще и убивает бесшумно. Он не дал бы приблизиться к хозяйке ни одному человеку с дурными намерениями. Рана на виске *Даши* и есть воплощение дурных намерений. Рана на виске не относится к смерти, которую обычно называют естественной.

Не сейчас.

Сейчас лучше задвинуть эту мысль подальше. Сколько весят маленькие дети?..

Вот и дом. Остается только толкнуть дверь. Но пока Дарлинг раздумывает, как бы сделать это, не потревожив притихшую Лали, дверь распаивается сама. Первым показывается Кристиан (он в темно-красной пижаме с неуместными для этого времени года рождественскими картинками). За Кристианом выскакивает Исмаэль в спортивных шортах и белой майке. *У мальчика хорошая фигура*, отстраненно думает Дарлинг, он обещает вырасти в настоящего красавца. А Кристиан уже вырос, но красавцем его не назовешь. Интересно, что заставляет взрослого парня, мужчину, носить такие нелепые детские пижамы с Санта-Клаусами, оленями и рождественскими шарами? В рождественском шаре Дарлинг, когда-то подаренном Коко, сидела русалка, а в рождественских шарах с пижамы Кристиана сидят маленькие птички в красном колпаке Санта-Клауса.

Вчера днем они с Кристианом выпускали птиц в том буддистском храме, название которого благополучно вылетело у Дарлинг из головы. Ей нужно немедленно вспомнить название. Ей нужно вспомнить, что она загадала, когда птицы вылетали из клетки: наверняка какую-нибудь романтическую ерунду. Абсолютно никчемную – но было ли в этом загаданном желании хоть что-то, что могло предотвратить рану на виске *Даши*?

Нет.

Иначе она была бы сейчас жива, но она – мертва. И Дарлинг предстоит сказать об этом прямо сейчас. Сказать мальчику, что его мамы больше нет и сказка кончилась. Мальчик Исмаэль – самый

преданный сын на свете, вечный пленник осьминожьих щупалец любви, еще вчера Дарлинг страшно хотелось подружиться с ним. Но стоит сказать ему, что его мамы больше нет, – и она навсегда останется гонцом, принесшим страшную весть. И больше никем. А за такие вести когда-то убивали.

Даша не просто мертва – она убита.

Дарлинг пообещала себе не думать об этом – и все равно думает. Куда бы засунуть эту проклятую мысль? Хорошо бы в пижамные рождественские шары, но они уже заняты птицами.

– Привет! – Кристиан сонно щурится и старается подавить зевок. – Что-то случилось? Вроде бы я слышал крик...

– Возьми Лали. – Дарлинг обращается только к Исмаэлю, полностью игнорируя своего английского брата-близнеца.

У Исы вид не менее заспанный, чем у Кристиана, но он послушно вынимает тело девочки из рук Дарлинг.

Господи, какое облегчение!..

– Что с ней? – В голосе Исмаэля звучит неподдельное беспокойство.

– Лучше будет, если ты отнесешь ее наверх.

– Что-то произошло? А мама...

Нет, Дарлинг не в состоянии сказать Исе, что произошло с его мамой. Может быть, чуть позже. Но не сейчас. Да и как сделать это в присутствии Лали, и какой именно будет эта скорбная речь? «Ты знаешь, Исмаэль, твоя мама лежит в машине. Мертвая».

– Отнеси Лали в детскую и побудь с ней немного. Она просто испугалась.

– Чего?

– Я не знаю.

Самый лживый ответ из всех возможных, и Дарлинг понимает, что Иса не простит ей эту ложь. В тот самый момент, когда страшная правда о ране на виске *Даша* всплывет на поверхность. Но – здесь и сейчас – другого ответа у нее нет. Конечно, страшная правда может приблизиться, если Лали снова начнет плакать и звать мать.

Но Лали молчит. И все крепче прижимается к брату: если бы было можно, она забралась бы ему под кожу и укрылась ею, как одеялом... *Даша* тоже укрыта одеялом. Ее гибель заботливо укутана одеялом, скорей бы дети ушли.

Наконец Исмаэль и Лали скрываются в гостиной. Последнее, что видит Дарлинг, – маленькие пятки. Но не розовые, как вчера, а перепачканные землей.

– Так что все-таки случилось? – Позабытый было Кристиан снова выходит на передний план. – На вас лица нет...

– Вы знаете, где ключи от машины?

– От какой машины?

– От «Лендровера».

Кристиан вовсе не обязан знать, где находятся ключи от чужого джипа, логичнее было бы спросить об этом Исмаэля. Но спросить – означало бы приблизить к Исе правду на расстояние волоса, и эту правду услышит еще и Лали. А Дарлинг просто защищает ее, пока сказка про то, что мама просто забралась в маленькую маковую коробочку на поле *залгани*, не придумана в подробностях.

Вранье.

Она не защищает Лали, а хочет защитить себя.

– А зачем вам понадобились ключи?

– Понадобились, и все.

– Обычно Шон кладет их в раковину. Ту, что стоит на стеклянном столе в гостиной.

Дарлинг знает эту раковину. Она полна керамических бус, и *Даша* время от времени стряхивала туда пепел. Теперь пепел там больше не появится.

– Принесите.

– Хорошо, сейчас.

Кивнув, Кристиан исчезает за дверью. Надо бы сказать ему, чтобы он переоделся, снял свою идиотскую пижаму, вряд ли *Даша* понравилось бы, что ее нашел человек в рождественском исподнем, о-о... нет! – ей теперь все равно. Это Дарлинг не хочет, чтобы *Даша* была найдена типом в пижаме, слишком комичной для разразившегося кошмара.

– Их там нет, – сообщает вернувшийся Кристиан. – Странно, я сам видел, что Шон положил их туда...

– Запасные?

– Я не знаю, есть ли запасные...

– Тогда придется будить Шона.

– Это проблематично. Он напился вчера ночью, и вряд ли мы сможем его поднять.

– Тогда придется будить всех остальных. Кто не напился.

– Что, в конце концов, произошло?

– Идемте.

Обратный путь к «Лендроверу» дается Дарлинг легче, чем бег от него с Лали на руках. Снова начинается дождь, а притихшие утренние краски сменяются более яркими дневными. «Лендровер» блестит под дождем, как новенький, и поверить, что там, в его чреве, находится мертвое тело, все труднее и труднее.

Кажется, Кристиан что-то говорит ей.

– Я не видел вас вчера...

– Я тоже не видела вас.

– Жаль, что вы не попали на фейерверк. Ян устроил фейерверк в саду, было красиво.

– Жаль, что не попала, – согласно кивает Дарлинг.

– Наверное, я последую вашему совету... Подарю саксофон этому парню, Исмаэлю. Он играл вчера. Жаль, что вы не слышали, было красиво.

– Жаль, что не слышала.

– А Шон напился и чуть-чуть испортил ночь. Но не сильно.

– Помните тот крик? – Дарлинг наконец-то решается.

– Какой?

– Детский. Вчера, в ресторане. И за день до этого.

– Наверное, мне нужно извиниться. Я вел себя как дурак.

– Не нужно извиняться. Мы не могли найти ребенка, который кричал, помните?

– Я ведь извинился...

– Не нужно извиняться. Я нашла ребенка. Сегодня утром.

– Да?

– Это Лали.

– Дочка Шона? – на всякий случай уточняет Кристиан.

– Да.

– Но ее не было в том ресторане, где мы сидели... И за день до этого тоже не было.

– Я знаю. Все произошло сегодня. Вы ведь проснулись, потому что вам показалось – кто-то кричал. Вы сами сказали...

– Ну может быть...

– Вы сказали.

– Допустим. Да. Я не очень хорошо спал. Из-за Шона, его пришлось успокаивать. Я не буду вдаваться в подробности. Но в конечном счете все обошлось.

С Шоном все обошлось. А с его женой все закончилось печально, если дырка в виске вообще подходит под определение «печально». Чертов «Лендровер» никак не хочет приближаться, вот и приходится мостить к нему дорогу воспоминаниями о детском крике, которого не слышал никто, кроме Дарлинг и Кристиана. И вот теперь Дарлинг и Кристиан снова вместе, хорошо, что это Кристиан, а не кто-то другой.

– Я просто проснулась. Я не знаю, как я спала, но просто проснулась. Спустилась вниз.

– Сюда?

– Сначала в сад. Я прошла через черный ход возле кухни. А потом услышала, как кричит Лали. И прибежала сюда.

– Надеюсь, ничего страшного не произошло?

– Я нашла ее возле машины.

– От которой вы просили ключи?

– Да.

– И... что там такого в машине? Зачем понадобились ключи?

– Она заперта.

– Машина?

– Да.

– И вам зачем-то нужно ее открыть? Вы могли попросить ключи у мальчишки. Наверняка он знает, где лежат запасные.

– Не могла.

– Почему?

Тянуть дальше невозможно. Сейчас она обо всем скажет Кристиану, ткнет его носом в стекло, и на поездке в Ангкор-Ват можно будет поставить крест. А ведь Кристиан так хотел отправиться в Ангкор-Ват!.. Но загубленный Ангкор-Ват Кристиана – ничто по сравнению с тем, что ждет Лали и Исмаэля. И Шона. И только кошек можно не принимать в расчет.

– Загляните в салон.

– Зачем?

Лицо Кристиана за какую-то долю секунды становится бледным. Нет-нет, оно белое как бумага, а ведь он еще не видел одеяло на заднем сиденье. И *Даша* под одеялом.

– Загляните в салон.

Кристиан приникает лицом к стеклу, теперь Дарлинг видит только его спину с фланелевыми оленями и рождественскими шарами.

– Я не понимаю. – Бумажно-шелестящий голос Кристиана под стать его бумажному лицу, которое сейчас вдавлено в стекло. – Я не понимаю. Там кто-то есть...

– Да.

– Кто-то лежит. Человек.

– Да.

А ведь она попыталась открыть не все дверцы! Только сейчас до Дарлинг доходит, что она дергала водительскую и пассажирскую дверь с той стороны салона, где покоится пробитая голова *Даша*. Но чуда не происходит: все дверцы закрыты, да и трудно было бы предположить иное, если сработал центральный замок.

Кто щелкнул им в последний раз?

Тот, кто запер тело *Даша* в «Лендровере». Тот, кто унес ключи. Тот, для кого не будет потрясением известие о том, что *Даша* умерла.

А Кристиан... Кристиан потрясен:

– Я не понимаю... Она спит? Ее, наверное, надо разбудить...

Теперь Кристиан делает то же самое, что делала Дарлинг пятнадцать минут назад: он колотит в стекло, сначала ладонью, потом кулаком. И дергает дверцу, и снова колотит. Чтобы перестать биться в двери, Дарлинг хватило несколько секунд, а Кристиан все колотит и колотит. Он делает то же самое, что делала и Дарлинг: пытается хоть как-то заслониться от очевидного.

– Ее надо разбудить... Разбудить...

Причитания Кристиана еще невыносимее, чем пронзительный крик Лали.

– Прекратите! – не выдерживает Дарлинг. – Разве вы не видите, что она мертва?

– Нет-нет-нет... Надо просто открыть дверь. Просто открыть.

– Надо позвать кого-то еще. Позвать всех.

Кристиан снова начинает рвать ручки, тонкая фланель трещит по швам. Рождественские шары вот-вот разлетятся на куски, и маленькие

птички выпорхнут на волю. Нужно только успеть загадать желание. Чтобы не было этого ужасного утра, а снова был вчерашний вечер, без раны на виске и потемневшей крови.

– Нет-нет-нет... – как заведенный повторяет Кристиан.

– Возьмите себя в руки, Крис.

– Хорошо. Хорошо.

Он наконец перестает цепляться за «Лендровер».

– Что я должен делать?

– Идите в дом. Разбудите Яна. Анн-Софи... Я не знаю...

Разбудите Яна. И нужно как-то открыть машину. Взломать... Идите, Кристиан.

– А вы?

– Я побуду здесь.

– Шон... Он умрет, когда узнает... Боже мой... И мальчишка...

Почему вы не сказали ему?

– Кто-то должен оставаться с девочкой.

– Да, конечно. Конечно. Она... видела?

– Я не знаю, видела или нет. Она кричала, вот и все.

– Кричала, как... тогда? – решается спросить Кристиан.

Ничего невозможно изменить, даже тысяча птиц не помогут, даже миллион. Все было предрешено задолго до того, как они с Кристианом поднялись по ступенькам буддистского храма. Они оба слышали крик, и теперь Дарлинг почти уверена, что тогда, в ресторане, это был крик Лали, мистическим образом прилетевший из будущего. Теперь будущее стало настоящим – и это самое кошмарное настоящее, какое только можно представить.

– Погодите, Дарлинг... Я хочу сказать... Давайте забудем про тот вчерашний крик. Иначе...

– Разбудите Яна.

– Да. Что ему сказать?

– Пусть придет сюда.

– Наверное, надо позвонить в полицию... или куда там еще?

– Да. Это придется сделать в любом случае. Но сначала пусть придет Ян.

Поляк кажется Дарлинг самым вменяемым и уравновешенным из всех гостей *Даша* и Шона. У него есть опыт горячих точек, и он наверняка не раз сталкивался со смертью, с тяжелыми ранениями, с

изуродованными телами, с пробоинами в висках. Неизвестно, как он поведет себя, когда увидит пробитый висок некогда любимой женщины. Но надеяться больше не на кого. Есть еще Анна-Софи, но... с ней-то и связаны самые большие странности. У женщины-легенды, всю жизнь кочующей по пустыням, должен быть достаточно чуткий сон. Тем более что спит она у террасы, а это самая ближняя в доме точка к «Лендроверу». Из всех, где могут находиться люди.

– Погодите, Кристиан...

– Что? – До сих пор Кристиан не сделал ни одного шага в сторону дома.

– Тео. Позовите и его. Чем больше взрослых рассудительных мужчин, тем лучше.

– А Зазу? Тоже позвать?

– Идите, Кристиан.

– А если я встречу мальчишку?.. Я... я не смогу сказать ему...

И снова Кристиан повторяет Дарлинг, во всем – самый настоящий брат-близнец!..

Так и не дождавшись ответа, он идет к дому, и Дарлинг снова остается одна. Она могла бы вернуться в дом вместе с Крисом, но боится того же, что и он: встретить Исмаэля. Встретить сейчас Исмаэля – еще хуже, чем находиться в полуметре от мертвой *Даша*. К мысли о том, что она мертва, еще надо привыкнуть, приручить ее, как приручают собак. Но собачий опыт Дарлинг плачевен – она так и не перестала бояться Амаку...

Куда подевался пес?

Он должен был защитить *Даша* — и не защитил. Он не поднял тревогу, хотя псы чутко реагируют на все, что связано с их хозяевами, не убил (совершенно бесшумно) того, кто нажал кнопку на пульте центрального замка «Лендровера».

Почему?

Один из вопросов, не самый важный, но Дарлинг по-прежнему цепляется за необязательные мелочи.

Ответ обнаруживается, когда она в полном опустошении садится на кирпичный бордюр, который отделяет некое подобие клумбы с кустарником от вымощенного плиткой двора. До сих пор Дарлинг не приближалась к кустарнику, ограничиваясь беглым созерцанием огромных, похожих на лилии цветов. Вблизи цветы еще больше

похожи на лилии, хотя пахнут не так остро и одуряюще. Они вообще не пахнут, почти – есть лишь легкий, постоянно исчезающий аромат, но определить, насколько он приятен, сладок, терпок или отталкивающий, Дарлинг не в состоянии.

Она сидит на теплом мокром кирпиче уже несколько минут, а вестей из дома нет и нет. Неужели так сложно разбудить Янека, окликнуть Анн-Софи, поднять на ноги Тео? Дом наполовину скрыт тушей «Лендровера», но и по оставшейся половине понятно: там ничего не происходит. Куда же подевался Кристиан?.. И что-то еще, кроме пропавшего Кристиана и запертой в машине мертвой хозяйки, беспокоит Дарлинг. Темное пятно на периферии зрения, слегка прикрытое десятками низко свисающих ветвей. Пятно никуда не движется и не изменяет конфигурации, и лишь когда Дарлинг оборачивается, проступает во всех подробностях.

Амаку.

Он лежит неподвижно в метре от Дарлинг, уткнувшись мордой в лапы. И смотрит на нее остекленевшими глазами. Пес мертв. Шерсть, которая еще вчера казалась Дарлинг гладкой и блестящей, уже успела потускнеть и местами свалиться. Какой масти был Амаку? Дарлинг пытается вспомнить – и не может, но какой бы ни был – теперь она изменилась. Теперь доминирует черно-коричневый, слегка припорошенный мелкой пылью, – и это напоминает Дарлинг цвет большинства африканских статуэток из кабинета *Даша*.

Дарлинг вглядывается в остекленевшие, остро блестящие глаза мертвого пса – до чего же неприятное зрелище! Но оторваться от него невозможно, потому что с глазами Амаку что-то происходит. Они не тускнеют, как шерсть, и не гаснут – они просто меняют цвет. И снова Дарлинг не успела зафиксировать, каким он был еще несколько секунд назад, но теперь зрачки темнеют, становятся черно-коричневыми. Их присыпает мелкой пылью или песком – и вот уже Амаку кажется Дарлинг одной из скульптур, вынесенных из гостиной на пленэр.

Ее вдруг пронзает мысль об остальных скульптурах: какие из них были созданы людьми (высечены из камня, вырезаны из дерева, обожжены в керамической печи), а какие повторили судьбу Амаку. Когда-то живого пса, а теперь – не мертвого и не живого.

Другого.

Спасет ли Амаку его новая оболочка от разложения и тлена? Или это будет не спасением, а лишь видимостью спасения? – как если бы ядро грецкого ореха благополучно сгнило под не потерявшей свой товарный вид скорлупой. А если то же самое случится с телом *Даша!* И, поднявшись прямо сейчас и заглянув в машину, Дарлинг не увидит там женщину (пусть и мертвую), а увидит статуэтку? Ее отнесут в дом и поставят на полку за стеклом – рядом с тем, кого Лали зовет Миком. Возможно, Лали станет называть статуэтку Афрекете. Или придумает ей другое имя, как она обычно делает с именами людей, которые ей нравятся.

А новая *Даша* обязательно понравится ей, потому что *Даша* нравится всем. Все влюблены в *Даша*, или почти влюблены, или находятся под гипнотическим воздействием ее обаяния. Все – кроме того, кто закрыл машину и унес ключи.

Дарлинг уже готова вскочить на ноги, чтобы проверить свою догадку немедленно, но что-то мешает ей подняться. Аромат цветов, который казался ей настолько ненавязчивым, что его не было слышно вообще, теперь удушает. Забивается в ноздри, в каждую пору на теле, перехватывает горло молодыми побегами так плотно, что они не выдерживают, рвутся, и из них начинает сочиться млечный сок. Возможно, эти невидимые травянистые плети, перехватившие горло Дарлинг, и источают аромат. Не цветочный – плотский. Так пахнет свежеразделанное мясо, Дарлинг помнит это со времен не частых священнодействий папочки на кухне.

Запах сырого мяса неприятен.

И предназначение цветов – отбить его, сделать незаметнее. Сделать так, чтобы жертва не подозревала ничего до тех пор, пока ловушка не захлопнется. Декоративная смерть Амаку выглядит менее трагично, чем запертая в машине смерть *Даша*, но от этого она не перестает быть смертью. *Кустарник ни при чем*, убеждает себя Дарлинг; Амаку был стар – об этом говорили ей обитатели дома. Он должен был умереть – и умер. Просто это случилось сегодня, а могло случиться вчера или завтра, несколько часов или даже дней и недель ничего не решают. Все просто совпало в одной точке пространства, на которой растет кустарник и стоит автомобиль.

Сверхъестественным здесь не пахнет.

О сверхъестественном можно задуматься в доме, если обладаешь соответствующим буйством воображения. Но никак не на улице – с пальмами (совершенно обычными), забором (совершенно обычным, хотя и высоким – под стать крепостной стене), самыми обычными деревянными воротами с калиткой. На улице идет банальный тропический дождь, его отвесные струи лупят сейчас по плитке и бурлящими ручьями устремляются к нескольким стокам. Ни одна краска не выбивается из общей гаммы, все пребывает в обычной для этих широт гармонии. Кустарник – тоже часть вполне гармоничного пейзажа, ведь не перевезли же они из Африки еще и кустарник, в самом деле!.. Его мясные запахи, присыпанные ванилью и кориандром, – плод почти свихнувшегося воображения Дарлинг, что неудивительно после увиденного в машине.

Приходится признать – в данный конкретный момент, прямо посередине ливня, Дарлинг не совсем адекватна. Сидит на кирпичках, между двумя смертями, и пытается рассуждать о цветах. Будь Дарлинг адекватна – потрескивание веток и шорохи прямо за спиной испугали бы ее, а ведь сейчас она слышит именно это: шорох и потрескивание! Это не восставший Амаку (она по-прежнему видит его тело) – кто-то другой.

Там, в глубине зарослей, у самого забора, спрятался кто-то еще.

Не тот ли человек, который запер машину, но так и не смог уйти? Появление Лали напугало его – вот он скрылся за ветками и тонкими переплетающимися стволами. И сидит здесь до сих пор, и сидел все то время, пока Дарлинг билась в дверцы машины, отрывала Лали от крыла «Лендровера», несла ее в дом и разговаривала с двумя только что проснувшимися парнями. Это заняло не слишком много времени, но его было достаточно, чтобы выбраться.

Или достаточно, чтобы забраться.

– Кто здесь? – Дарлинг старается говорить спокойно.

Кажется, вчера она уже задавала этот вопрос: в кабинете у *Даша*. И тогда за шторой обнаружилась Магда, вот и сейчас...

Дарлинг видит Магду, сидящую на земле у стены.

Она выглядит еще плачевнее, чем выглядела вчера; бледная тень своей вчерашней бледной тени себя самой. Грязные пятки Лали ничто по сравнению с тем, как изгваздалась писательская жена. Вчера вечером она была в платье, сегодня – в спортивных штанах и легкой

белой футболке с надписью **GOD SAVE THE QUEEN**^[11]. То есть о том, что футболка именно белая, можно только догадываться по отдельным островкам сохранившегося в первозданности цвета. Подбородок Магды вымазан глиной, локти и колени черны от земли, глаза прикрыты, а губы мелко трясутся.

– Что вы здесь делаете?

– Он опять приходил...

– Кто?

– Кот.

Магда как будто не замечает мертвого тела Амаку, ее воображением владеет только кот. Что еще творится в воображении Магды, и какова картинка окружающего ее мира, и какое место там занимают Дарлинг и «Лендровер» – не догадаться, сколько ни пытайся.

– Вы узнаете меня, Магда?

– Что?

– Вы узнаете меня?

Магда уже давно открыла глаза и теперь пытается сфокусировать взгляд на Дарлинг. Выглядит это несколько пугающе: как будто часть ясного и незамутненного разума спряталась за сплошной стеной безумия и время от времени высовывает голову из-за угла.

– Ты та русская. Подруга парня в Бриони.

– Точно. Что вы здесь делаете?

– Здесь безопаснее, чем в доме. Здесь он меня не найдет.

– Кот?

– Кто же еще... Он ходил вокруг, но так меня и не нашел.

– И давно вы здесь сидите?

– Не знаю, – хихикает Магда. – У меня нет часов.

Чертова дура!..

– Принеси мне выпить.

– И не подумаю. Вы пришли сюда утром?

– А сейчас день?

– Вы пришли, когда было уже светло? – пробует зайти Дарлинг с другого конца.

– Какой-то свет был... Ну да, его глаза сверкали, как фонари.

– Кота? – Совершенно бесполезное уточнение. Естественно, кота, кого же еще, только он один и пасется в помраченном сознании Магды.

– Они сверкали, как фары. У нас с Тео прекрасная машина. «Мини Купер», настоящая очаровашка. И его фары сверкают точно так же. Они галогеновые.

– А что-нибудь, кроме кота и его глаз, вы видели?

– Принеси мне выпить.

– Хорошо, я принесу. После того, как вы скажете, что еще видели, кроме кота.

– Дождь. Здесь все время идет дождь. Я видела дождь и кота. Этого достаточно, чтобы принести мне выпить?

– Здесь еще была маленькая девочка. Лали. Совсем недавно. Вы ее видели?

– Маленькая дрянь, которая подбрасывает мерзости в постель? – уточняет Магда. – Я ее перехитрила. Я больше не сплю в той постели.

– Понятно. Вы провели ночь здесь?

– Какое тебе дело, где я ее провела? Лучше принеси выпить.

– Значит, вы не видели Лали. А хозяйского пса?

Не видеть Амаку невозможно. Его тело распласталось в метре от Магды, и это намного страшнее, чем периодически являющийся ей кот. Временами ее блуждающий взгляд останавливается и на Амаку, но с тем же успехом он может останавливаться на опавшем лепестке цветка или мелком насекомом, которыми кишит земля вокруг кустарника. Мертвый Амаку не значит для Магды равным счетом ничего.

– Если вы ищете пса – найдите его хозяйку-ведьму, он всегда держится поблизости.

Так и есть, Магда, так и есть! Он всегда держался поблизости, держится и сейчас.

– Он здесь.

– Он снова пришел? Кот? – Остаткам разума Магды, видимо, надоело высовываться из-за угла, и они, шмыгнув носом, отправились играть в какие-то другие игры.

– Ч-черт... Я говорю о псе. Он здесь. В метре от вас.

– Не смеди. – Магда снова хихикает. – Опять шаманские штучки? Она и тебя под это подписала? Окучивала тебя, показывала всю эту мерзость у себя за стеклом...

Так все и было. С той лишь разницей, что Дарлинг не относится к африканской коллекции *Даша* как к мерзости. И что Магда вкладывает в понятие «окучивать»? Какую цель преследовала *Даша*, так

настойчиво пытаюсь задержать Дарлинг в своем доме?.. Никто теперь не даст ответа, ведь хозяйка коллекции мертва. Как и пес, которого упорно пытается не замечать Магда. Осознание того, что *Даша* больше нет, всякий раз ускользает от Дарлинг, и приходится силой возвращать себя к этой мысли. А если Магда права и все это шаманские штучки? И ничего страшного не случилось, а Дарлинг просто попала в поле притяжения странного вудуистского дома и видит только то, что ей внушили. И нет никакого тела в «Лендровере», и мертвая собака – вовсе не собака, а лепесток цветка или насекомое. Или, на худой конец, одна из ритуальных скульптур, вынесенная на воздух. Если следовать этой логике, то получится, что полубезумная, полупьяная Магда прозорливее и трезвее, чем Дарлинг. В пользу этой версии говорит то, что из дома так до сих пор никто и не вышел.

И не выйдет.

И Кристиан, и Янек, и Тео появятся позже, когда проснутся. Они обязательно появятся, потому что на сегодня запланирована поездка в Ангкор-Ват.

Вот бы увидеть кота, который мерещится Магде! Но, возможно, для нее припасена совершенно другая галлюцинация: мертвый Амаку, мертвая *Даша*. А детский крик, который преследовал Дарлинг последние два дня? Это тоже сойдет за галлюцинацию, на этот раз – слуховую. Она не видела ребенка, но слышала, как он плачет. Она не видела зверя, но слышала его шаги в коридоре.

Шаги в коридоре. Невидимка, остановившийся возле нее на мгновение и пронесшийся мимо. Это был не человек – животное. Дарлинг совсем позабыла о нем, после того как заглянула в запертый «Лендровер». А теперь – вспомнила.

Шаманские штучки. Черная магия. Наверняка жертвой этой магии когда-то стала Анн-Софи. И все те, кто до сих пор влюблен в *Даша*, вопреки здравому смыслу.

О здравом смысле можно забыть, пока находишься здесь. А ведь где-то существует нормальная жизнь, и она намного ближе, чем Питер. Она – здесь, за стенами глухого забора, нужно только выбраться отсюда, и все встанет на свои места. Иначе разбитая голова *Даша*, едва прикрытая одеялом, никуда не исчезнет. Дарлинг слишком много думала о Джин, о ее растерянной, всеми забытой смерти, – вот она и получила свое воплощение.

О чем тогда думала Магда?

О котах?..

Ничего этого нет, убеждает себя Дарлинг, переводя взгляд с мертвого пса на «Лендровер», ничего нет. Янека, Кристиана и Тео нет тоже, хотя именно в этот момент они распахивают двери дома и бегут к автомобилю...

* * *

...Все это есть.

Смерть *Даша* — реальна, как и смерть Амаку. С той лишь разницей, что пес умер естественной смертью, а *Даша* была убита.

Кто первым произнес это слово – убийство? Кажется, Ян.

Еще когда они были на полдороге от дома к «Лендроверу», Дарлинг увидела, как машина мигнула фарами, а потом пискнул центральный замок. Если бы сразу после этого Дарлинг поднялась с бордюра, она бы успела подойти к джипу первой. Но она осталась сидеть: хватит с нее заглядываний в окна и дерганий дверей, пусть это делают другие.

Кристиан так и не вылез из своей нелепой рождественской пижамы, Тео предстал перед Дарлинг в белом атласном халате с черными отворотами, не менее щегольском, чем его костюмы. И лишь Ян выглядел так же, как вчера на дне рождения, как будто и не ложился вовсе: джинсы и жилетка на голое тело.

Ян оказался единственным, кто приблизился к машине. Тео остановился поодаль, достал из кармана мятую упаковку каких-то таблеток и сунул одну из них в рот.

– Вы нашли ключи? – спросила Дарлинг, безучастно разглядывая острые щиколотки подошедшего Криса.

– Они оказались на месте... Лежали в этой проклятой раковине.

– Там, где вы искали их с самого начала?

– Да. Я ничего не понимаю... Их там не было, я все перерыл. Да там и перерывать нечего. Но их там не было точно. А потом я пошел за Яном и Тео.

– Вас не было очень долго.

– Дом... Он большой. У меня из головы вылетело, где находится комната Яна. Я только потом вспомнил, что она на первом этаже, рядом с кухней. Но сначала пришлось подняться на второй. Встретил француженку на лестнице...

– И ничего не сказали ей?

– Вы просили разбудить только Яна и Тео. Я не стал говорить, пока все не прояснится. Я поступил неправильно?

Еще один чертов дурак!..

– Но раз я уже был на втором этаже... Тео узнал первым. А потом я спустился вниз, к Яну. А потом... не знаю почему... снова заглянул в эту раковину. И ключи лежали там. Сверху. Как я их мог не заметить, ума не приложу.

Кристиан слишком много говорит, захлебываясь и теряя окончания. Делает длинные паузы между словами – почему у Дарлинг возникло ощущение, что он юлит и изворачивается?

Потому что он юлит и изворачивается.

Но Дарлинг готова слушать его бессмысленное вранье про ключи вечно, лишь бы отвлечься от происходящего совсем рядом: обе задние дверцы «Лендровера» распахнуты, Ян стоит, зажав виски ладонями, а Тео...

Тео вырвало прямо на плитку.

Значит, все это – правда. Значит, там, в машине, на заднем сиденье, укрытая одеялом, лежит мертвая *Даша*. Женщина, которую любил каждый из этих мужчин, что они будут делать теперь? А в доме есть еще мужчины, которые любили *Даша*, которые любят, – что они будут делать теперь?..

Наверное, нужно подняться; иначе худые щиколотки Кристиана вопьются в память Дарлинг как репей и будут преследовать ее до конца жизни.

– Это вы... нашли ее?

Не зря Дарлинг понадеялась на Яна, он сумел собраться и теперь задает вполне осмысленные вопросы.

– Я нашла Лали. Она была здесь, возле машины. И так ужасно кричала... Вы не слышали крика?

– Нет. Моя комната на другой стороне дома. – Удивительно, но Ян вдается в такие же пространственные и необязательные объяснения, что и Кристиан. – И я достаточно крепко сплю. Я ничего не слышал...

– Она звала маму и пыталась дотянуться до стекла. Я заглянула в машину и все увидела. Нет... Сначала я увидела не все. Увидела, что кто-то просто лежит на заднем сиденье. Попыталась открыть дверцу, но машина была заперта. Потом... Потом все и обнаружилось.

– Значит, вы брались за ручки.

– А как еще можно было проверить? Это была естественная реакция.

– Конечно.

– Что бы вы сделали на моем месте? В первые секунды, когда еще ничего не ясно, кроме того, что плачет ребенок и что в машине кто-то есть. – Теперь и Дарлинг присоединяется к сообществу говорунов.

– Я поступил бы так же, – вынужден признать Ян.

– Я думала о Лали. О том, что ее нужно увести отсюда. Забрать. Раз уж... ничем нельзя помочь.

– Вы так сразу и решили? Что ничем нельзя помочь?

– Я видела ее... – Дарлинг старательно избегает имени *Даша*. Произнести его вслух означало бы окончательно признать: это случилось именно с ней, ни с кем другим. – И видела рану.

– Да.

Ян снова прижимает ладони к вискам, и этот его жест болью отдается в сердце Дарлинг. Но боль Дарлинг – ничто по сравнению с тем, что испытала *Даша* в последние минуты жизни.

– Возле дома я столкнулась с Кристианом и Исой. Сказала Крису, чтобы он позвал вас. Вот и все. Нет, не все. Еще собака.

– Собака?

– Она мертва. И Магда, жена Тео.

– Она что? Тоже мертва? – буднично спрашивает Ян. После апокалиптической смерти *Даша* все остальные смерти несущественны.

– Нет. Она жива и здесь, рядом. Но она... не совсем в себе.

– Что значит – не в себе?

– Сами увидите, если ее удастся вытащить из кустов.

– Она что-то видела?

– Я не знаю. Наверное, Тео нужно забрать ее отсюда. Увезти.

– Нет. – Ян пристально смотрит на Дарлинг. – Никто никого не увезет. Никто никуда не уедет. Потому что это – убийство. Ее... убили, понимаете? Я вызову полицию, а до этого ни один человек не покинет дом.

Убийство. Это гораздо серьезнее, чем лепет Магды о шаманских штучках.

– Местная полиция... Вот черт, я не знаю, что такое местная полиция.

Единственные люди в форме, с которыми до сих пор сталкивалась здесь Дарлинг, – полицейские на паспортном контроле. Темнолицые, маленькие, слишком суетливые, представить их расследующими серьезное преступление просто невозможно. К тому же их английский примитивен и сводится к нескольким дежурным фразам, а здесь все говорят по-английски. А Анн-Софи – еще на нескольких языках, но кхмерский она не упоминала. Или... на каком языке здесь говорят?

– Вы сомневаетесь в их профпригодности? – спрашивает Дарлинг.

– Я ничего не знаю об их профпригодности. О какой профпригодности может идти речь, когда здесь в недавние времена вырезали половину населения? Не самую худшую...

– Но... мы же не можем оставить все вот так...

– Нет.

В этот момент в глубине дома раздается пронзительный звонок.

– Что это? – Дарлинг вздрагивает.

– Кто-то пришел. Звонит во входную дверь.

– Кто это может быть?

– Не знаю. Возможно, прислуга. Вчера *Даша* отпустила всех. А сегодня они должны были прийти к восьми, насколько я успел изучить распорядок.

– Может быть, имеет смысл подойти посмотреть?

– Да. Стойте здесь, но к машине лучше не подходить. И ничего здесь не трогать. Это место преступления, понятно?

Ян направляется к калитке в воротах, но не открывает ее, а, вынув из заднего кармана джинсов носовой платок, осторожно подносит его прямо к центру двери. Вот чего не заметила Дарлинг: в калитку врезано маленькое оконце. Именно его приоткрыл сейчас Ян. Через несколько секунд оконце захлопывается, и Ян возвращается к «Лендроверу» и Дарлинг.

– Нянька Лали и охранник, – на ходу бросает он. – Я сказал, что на сегодня они свободны и что им перезвонят, когда нужно будет приехать снова.

– Это не показалось им подозрительным? Что их не впустили в дом и что к ним не вышел никто из хозяев?

– Даже если им что-то и показалось, по их улыбающимся физиономиям мало что поймешь. Так бы и врезал по ним... Чертовы косорылые...

– Вы расист?

– Нет, но иногда пробивает на ненависть. Особенно когда они улыбаются. Так и хочется смазать по морде. Это не относится к Исмаэлю, – тут же поправляется Ян.

– Надеюсь.

Он точно расист. Достаточно посмотреть на его надменную физиономию, когда он говорит о кхмерах. Достаточно увидеть его раздувающиеся ноздри и мечтательно затуманившийся взгляд, когда он говорит, что хочет смазать им по морде. Горячие точки не особенно располагают к толерантности, и что он делал там, в горячих точках? И почему упомянул Исмаэля? Может быть, они расстались с *Даша* из-за того, что Исмаэль – африканский мальчик, конголезец, а поляк – расист?.. Да какая разница, почему они расстались. Все, кто находится в этом доме, расстались с *Даша* — теперь уже навсегда.

– Вот что. Я позвоню своему другу. Он сейчас здесь, в Камбодже. И он долгое время работал в полиции в Ванкувере. А теперь консультирует местных тупых уродов.

– Это не отменяет официального расследования.

Вполне разумное замечание неожиданно вызывает у Яна вспышку ярости:

– Да, черт возьми, это не отменяет официального расследования! И оно будет проведено, это ублюдочное официальное расследование, мать его! Сюда завалится толпа недоносков-кхмеров, они станут мяукать на своем ублюдочном языке, и вы не поймете ни черта из тех вопросов, которые они вам зададут! И даже не отследите тот момент, когда они обвинят в убийстве вас.

– Меня? – Дарлинг потрясена. – Почему меня?

– Почему бы и нет? Они обвинят вас, меня, этого молокососа в пижаме, пьяного мужа, приемного сына, писателя... Почему бы не обвинить писателя? Почему бы не обвинить собаку?..

– Собака мертва.

– К несчастью. Теперь на собаку не повесить собак. А именно этим они и займутся. Вешанием собак на белого человека. Это их любимое занятие, если вы еще не в курсе. Они ненавидят нас. Но, конечно, официальное расследование будет проведено!..

– Успокойтесь, Ян.

– Я спокоен.

Дарлинг не может оторвать взгляд от лица поляка: из правой ноздри показалась темная струйка крови – совсем не такая прямая, как те дымные струйки, которые выпускала *Даша*. И Дарлинг никогда больше не увидит их, никогда...

– У вас кровь.

– Кровь?

– У вас пошла кровь носом.

– Простите. – Ян стирает кровь тыльной стороной ладони и запрокидывает голову. – Со мной такое случается.

– Звоните вашему другу. А что... делать всем остальным?

– Вернуться в дом. И не подходить к машине.

– Оставить... ее там?

– Оставить место преступления в неприкосновенности, насколько это возможно. Вы не приближались к воротам?

– Нет.

– А... кто-нибудь подходил?

– Не знаю. Но пока я здесь – никто. Кроме вас.

– Они заперты на электронный замок. Калитка закрывается на щеколду, она закрыта и сейчас.

– И... что это значит?

– Что никто не покидал территорию виллы. А если вышел, то кто-то другой запер за ним дверь.

– И что это значит?

– Я думаю, что тот, кто сделал это... он и сейчас здесь. Или они.

– Тот, кто сделал это?

– Убийца и его сообщник или сообщники. Если они есть. Так понятнее?

Преданный приемный сын, так часто произносящий слово «мама», что его можно раздать всем сыновьям на свете и никто не останется обделенным. И все мамы останутся очень довольны нежностью этого взятого напрокат слова. Маленькая девочка,

поразительно умная и хорошо говорящая для своих трех лет. Отец девочки, отчаянно влюбленный в свою жену. Ее подруга, демонстрирующая свою любовь и привязанность совсем не для протокола. Муж подруги, или скорее ее тень, не способная ни на одно самостоятельное решение. Изнеженный чистоплюй-писатель, по-детски прячущий наметившуюся лысину от женщины, которую когда-то любил. Жена писателя, полусумасшедшая алкоголичка, пребывающая в альтернативной реальности. Молодой, чувствительный англичанин, не способный справиться даже с саксофоном. Харизматичный бритоголовый поляк с лицом уставшего от походов крестоносца...

Кто из них?

– Я подумала... Больше всего на убийцу смахиваете вы, Ян.

На лице Яна застывает недоуменная улыбка:

– Вы шутите?

– Вы кажетесь мне сильным и хладнокровным человеком. Гораздо более сильным и хладнокровным, чем все остальные.

– То, что меня не стошнило, как нашего писателя, еще ни о чем не говорит. Вы тоже не выглядите особенно подавленной.

– У меня было чуть больше времени, чтобы осознать происшедшее. Вы слишком долго выбирались из дома.

– А вы оставались здесь, рядом с ней, и относительно нормально себя чувствовали. Не всякой женщине это по силам. Я любил ее... Зачем мне нужно было ее убивать? А с вами еще нужно разобраться... Никто не знает вас. Вы появились только вчера. Вы пришли с тем типом... Кстати, куда он делся?

– Я не видела его со вчерашнего вечера, – признается Дарлинг.

– Никто его не видел, но это не значит, что его здесь не было. Дом огромный, в нем масса мест, где можно спрятаться. Возможно, он и спрятался... А потом совершил... все это. А вам оставалось только запереть за ним калитку. И разыграть все последующие сцены. Вы ведь первая оказались на месте преступления. Может, это совсем не случайность?

У Дарлинг начинает сосать под ложечкой, а лицо поляка принимается раскачиваться перед ее глазами, как маятник.

– Вы подозреваете меня? Может быть, вы подозреваете меня, потому что я русская? А все русские априори – преступники, убийцы и

людоеды?

– Я всю жизнь любил русскую. – В голосе Яна слышится неподдельная горечь. – И я просто хотел сказать, что все мы в равном положении. За исключением детей, разумеется. Не я первый начал обвинять.

– Простите. Я, наверное, и впрямь неудачно пошутила. Я просто не знаю... Я не думаю, что кто-то из присутствующих здесь мог убить ее.

– Поэтому и нужен профессионал со стороны. Чтобы во всем разобраться. Нормальный белый человек, а не гребаные азиаты...

Можно ли назвать Пномпень мегаполисом? В любом случае это большой город, со множеством зданий, с тысячами жителей, с тысячами тарахтящих мопедов и стареньких мотороллеров «Веспа», с милыми тук-туками, с офисами крупных компаний и диппредставительствами; с гостиницами, среди которых встречаются и пятизвездочные; с симпатичным заведением FCC, где полно европейцев с ноутбуками. В Пномпене есть международный аэропорт, исправно функционируют Интернет и сотовая связь... Так почему у Дарлинг возникло стойкое ощущение, что вилла *Даша* и все в ней находящиеся полностью отрезаны от мира? Что они находятся на острове, добраться до которого – проблема из проблем? Что они сидят в старом английском доме посередине графства Йоркшир, и все подходы к нему завалены снегом, непрерывно идущим несколько суток?..

В Камбодже не бывает снега. Только сезоны тропических ливней, но легче от этого не становится.

– Хорошо. Вызывайте вашего профессионала. Надеюсь, потом он свяжется с полицией?..

– Естественно. А сейчас мы должны вернуться в дом, и я позвоню Йену. Кто-нибудь еще... в курсе происшедшего? Кроме тех, кто находится здесь?

– Не думаю. И вот еще что, Ян. Я не знаю, как сказать Исмаэлю, что его мамы больше нет. У них были очень близкие отношения, насколько я знаю.

– Вы очень многое успели узнать, как я посмотрю. Хорошо, мальчика я возьму на себя.

– А Шон? – Дарлинг наконец вспоминает о несчастном англичанине.

– Вон тот нетопырь в пижаме... Он ведь его друг? Кому, как не друзьям, быть рядом в трудную минуту?

– Шон так ее любит...

Эта фраза, до сих пор прятая под оранжевым зонтом с автостоянки у аэропорта, выскочила из Дарлинг совершенно случайно.

– Любой из тех, кто находится здесь, может сказать о себе то же самое. – Ян абсолютно спокоен, почти безмятежен. Даже вновь появившаяся под носом струйка крови не может поколебать эту безмятежность. – Во всяком случае, до сегодняшнего утра я думал именно так.

– Не любой.

– Я не говорю о женщинах. Хотя с Анн-Софи ее связывает очень близкая дружба. Связывала, – тут же поправился Ян и надолго замолчал. – Вы ведь слышали вчера то же, что слышал я?

– О чем вы?

– Об этой истеричке Магде. О том, что она говорила вам. Кажется, речь шла об очень неприятных вещах. Которые не принято озвучивать в приличном обществе. Нет?

«Проклятая сука. Чтоб ты сдохла». «Откуда взялась эта стерва? Я ее убить готова».

Ян слышал кусок их с Магдой вчерашнего разговора в саду и теперь выволок его на свет божий. Хорошо бы еще выволочь саму изможденную, страдающую галлюцинациями Магду из кустов и послушать ее версию.

– Неужели вы верите, что Магда... Вы видели ее?

– Имел несчастье.

– Я не спрашиваю, видели ли вы ее вообще. Вы видели ее вчера вечером? Сегодня? Двадцать минут назад? Вряд ли она понимает, что происходит.

– Вы психиатр, Дарья?

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете, понимает она или нет.

– Я с ней разговаривала.

– Она может сказать что угодно. И это не обязательно будет правдой.

– Наверное, то же можно сказать и о вчерашнем разговоре. Который вы подслушали.

– В любом случае – он был. И я не намерен его забывать.

Конечно, Ян ни за что не забудет этот разговор. Он предъявит его всем заинтересованным лицам и подчеркнет красным маркером каждое слово из него. Жирно подчеркнет. Одной линией будет недостаточно, а две или три – в самый раз. И побольше восклицательных. Желательно приставить их к каждой букве. А также снабдить каждую букву звуковыми сигналами всех возможных экстренных служб, чтобы уж наверняка. Магда – самое слабое звено и спасение для всех остальных. Обвинить во всем того, кто даже не в состоянии защититься, – вот чего хочет Ян.

– Вы ведь подтвердите, что угрозы были, не так ли? Думаю, это нужно сделать в интересах следствия.

– Которое еще даже не началось.

– И тем не менее... Вы говорили, что она где-то поблизости.

– Сидит возле стены. – Дарлинг машет рукой в сторону кустарника.

– И как давно она там сидит?

– Я пыталась узнать, но разговаривать с ней бесполезно.

Странно, что за то время, пока все они находятся здесь, Магда не давала знать о себе. Даже присутствие мужа не вынудило ее покинуть свое убежище. А может быть, она не видит его, как не видела мертвого Амаку.

– Ее нужно как-то выманить оттуда.

– Предлагаете сделать это мне? – Ян хмыкает.

– У меня не получилось.

– У нее есть муж. Может быть, у него получится. Кстати, куда он делся?

В нескольких метрах от Яна и Дарлинг маячит пижама Кристиана, а писатель исчез. Поляк жестом подзывает Крису и, когда тот послушно подходит, спрашивает:

– А где наш писака?

– Не знаю. Наверное, ушел в дом. Я могу пойти поискать его. Может быть, позвать кого-то еще?

– Никого звать не нужно. Чем меньше народу будет здесь околачиваться, тем лучше.

– Значит, искать Тео не обязательно? Там, в кустах... Кажется, я видел Амаку.

И Ян, и Кристиан стоят сейчас спиной к машине и не видят того, что видит Дарлинг: ветви кустарника раздвигаются, и из них показывается Магда. При свете дня она выглядит еще более ужасающе, чем в своей сумрачной берлоге у стены: грязные разводы на футболке и штанах, испачканное лицо, свисающие сосульками мокрые волосы. Бессмысленно поблуждав по окрестностям, глаза Магды останавливаются на распахнутых дверцах автомобиля.

– Магда! – окликает ее Дарлинг.

Магда как будто не слышит окрика. Не отрываясь, она смотрит в глубь салона, а потом подносит пальцы к правому виску и с силой вдавливают их.

– Проклятье, – шипит обернувшийся Ян. – Что это еще за представление?

– Кажется, ей нужна помощь. – Маленькие фланелевые птички в рождественских шарах просто обязывают Кристиана быть сердобольным.

– Помощь нужна всем нам, – отрезает поляк. – Не хватало еще здесь сцен сумасшествия к тому, что произошло. Черт бы ее побрал.

Нет, она вовсе не сумасшедшая.

Ее реакция на мертвое тело в машине (в том, что Магда увидела его, Дарлинг не сомневается) – это реакция самого обычного человека, внезапно столкнувшегося со смертью. Порезавшегося о ее острые края. Сейчас, глядя на Магду, Дарлинг неожиданно вспоминает хорватского морского ежа и рану на ступне, дававшую знать о себе еще долго.

Морской еж смерти *Даша* целит не в ступни Магды – он взрезает ее помрачившееся сознание. Выскабливает его, оставляя только беспощадную реальность, которая намного хуже всех шаманских котов, вместе взятых. Оторвавшись наконец от виска, пальцы Магды переползают к округлившемуся рту – только для того, чтобы захихнуть обратно готовый вырваться крик. Ни один из мужчин, любящих *Даша*, не был так потрясен ее смертью, как женщина, которая ее ненавидит.

Дарлинг же в эту минуту испытывает самую настоящую ненависть к Тео, мерзавцу-писателишке, втравившему свою несчастную жену в испытание, которое ей явно не по силам.

Кичеватый удод Тео упорхнул. Исчез в неизвестном направлении, оставив после себя мерзкую лужу блевотины. Вечная любовь Тео благополучно выблевана, теперь остается только ждать прихода очередного тропического ливня, чтобы он смыл рвотные массы в стоки.

А Магда...

Магда валится на колени как подкошенная, не отнимая ладонь ото рта. Смотреть на это невыносимо.

– Идите помогите ей, – бросает Ян Дарлинг.

Магду колотит дрожь, и оторвать ее от земли не так-то просто. Гораздо сложнее, чем вчера в кабинете, – тогда Магда казалась Дарлинг легкой, как пушинка.

– Что это? Что это? – безостановочно повторяет Магда. – Чтоэточтоэточтоэто?

– Вставайте.

– Что это?!

– Вы слышите меня?

– Что это?!

Нет, одной Дарлинг не справиться, не совладать со впавшей в истерику Магдой. Это понимает и Ян. И, подойдя, отвечает ей пощечину. Голова Магды дергается, как у тряпичной куклы, и едва не отлетает от шеи. Однако этот неоправданно жестокий, по мнению Дарлинг, удар все-таки возымел действие.

Магда перестает причитать и затихает.

– Ну, пришли в себя? – интересуется Ян спокойным голосом.

– Что это?

– А вы не понимаете? То, чего вы так страстно хотели вчера вечером.

– Нет. – Голова Магды снова начинает трястись, капли с кончиков волос брызжут на одежду. – Я не хотела...

– Что вы делали там, в кустах?

– Я плохо помню... Я плохо себя чувствую. Меня преследовали...

– Кто?

Теперь, когда сознание Магды прояснилось настолько, что она может отдавать себе отчет в происходящем, история с котом выглядит дурной шуткой. Неуместной и даже циничной. И Магда не может этого не понимать, вот и медлит с ответом.

– Кто преследовал вас?

– О господи. Это был... кот. Она, – Магда робко кивает в сторону Дарлинг, – она знает.

– Какой, к черту, кот? – Теперь уже Ян накидывается на Дарлинг: – Что за ахинею она несет?

– Она много выпила вчера. Возможно, это были последствия неумеренного приема алкоголя.

– Хотите сказать, что ей что-то там померещилось?

– Не у всех людей такая стойкая психика, как у вас. – Дарлинг понижает голос, чтобы ее мог услышать только Ян. – И не для всех ночи в музее древностей оказываются по силам.

– Намекаете, что здешние африканские статуи сдвинули ей мозги набекрень?

– Могу предположить, что они подействовали на Магду угнетающе.

– Лучшей отмазки и придумать нельзя. Музей ее достал, и она решила провести ночь на воздухе, так?

– Вы утрируете...

– Нет, это вы вешаете лапшу мне на уши. Легче всего отбояриться от убийства, сказавшись сумасшедшим. Придумав какого-то там кота.

– Если уж на то пошло... кот возник еще вчера.

– Скажите еще, что вы тоже его видели.

– Нет.

Дарлинг не видела его... но, возможно, слышала. До сих пор связь между утренним происшествием у дверей пустой кухни и Магдиными кошмарами не была столь очевидной; вернее, Дарлинг всеми возможными средствами камуфлировала эту связь. И все мысли, с ней связанные, старалась задвинуть подальше, в самый угол души. В дешевый, плохо меблированный хостел, который стоит на пустыре, отделяющем реальность от мира фантазий и снов. Среди его постояльцев – бесконечно повторяющиеся кошмары о котях (они преследовали ее последние полгода, но странным образом прекратились. Кстати, когда именно они прекратились? – Дарлинг не удалось отследить этот момент); история с полумистической лавчонкой «Мали Ба» и покупкой бронзового бенинского леопарда...

Стоп.

С самого начала, только увидев его, Дарлинг решила, что это кот. И у него... у него были такие же клыки и скругленные уши, как у кота, нарисованного на стене Лали. Магда тоже что-то говорила о необычных клыках, как бы подпиравших друг друга сверху и снизу... Животное-невидимка, пронесшееся мимо Дарлинг сегодня утром, было довольно крупным, судя по шагам, – вряд ли обычные коты достигают такой величины. Но другие представители семейства кошачьих... К примеру – леопарды... Господи ты боже мой, а дырка в брюхе бронзового бенинца? Приблизив ее к глазам, Дарлинг увидела насекомую смерть какой-то женщины, слишком крохотной, чтобы разглядеть их в подробностях – и женщину, и смерть. Видение в «Мали Ба» ужаснуло Дарлинг, так почему же она так быстро выкинула его из головы? Ведь гораздо менее ужасные вещи она способна помнить годами!.. Почему не вспомнила о берлинской покупке, когда Магда сообщила ей о коте и его клыках? Мертвая женщина из видения заселилась в тот самый дешевый хостел на пустыре и долгое время не покидала стен своей комнаты, исписанных словом «маву» (что оно означает и почему шепоты и крики из «Мали Ба» всплывают в памяти Дарлинг лишь сейчас?). Но теперь она вышла, и не одна – в сопровождении ручной бронзовой кошки. С зажатой в руке бумажкой с адресом:

COTONOU, RUE DU RENOUVEAU, 34.

Только теперь Дарлинг поняла, почему адрес со стикера на холодильнике показался ей знакомым: точно такой же, только со смазанной последней цифрой, украшал маленькую грязную бумажку, приклеенную к брюху леопарда.

Есть от чего прийти в отчаяние.

И вздрогнуть, и забиться в тонких липких нитях паутины совпадений и связи никак не связанных между собой вещей. А в самом центре этой паутины – *Даша*. Чья участь была предрешена в тот самый момент, когда Дарлинг сняла леопарда с полки в «Мали Ба». У Дарлинг почти не осталось сомнений, что та женщина из видения – именно *Даша*, не кто другой. Что она делала в тот самый момент, когда Дарлинг заглянула в глазок, вырезанный в бронзовой плоти? Рассказывала сказки Лали? (Нет, сказки для Лали – прерогатива Исмаэля!) Занималась любовью с Шоном? (Нет, она ведь давно не спит с Шоном, зачем только Дарлинг подслушала это откровение!)

Занималась любовью с кем-нибудь другим, кормила кошек, гладила Амаку, гладила божков из своей коллекции?.. Сидела за рулем того самого «Лендровера», в котором потом найдут ее тело? Что бы она ни делала в тот момент – ее участь была предрешена, или почти предрешена. Если бы Дарлинг была чуть поумнее, если бы она могла связать никак не связанные между собой вещи, если бы не напилась так постыдно и нелепо... Возможно, *Даша* можно было спасти.

Еще один бездарный вариант альтернативной истории, сочиненный на скорую руку и сохраненный на всякий случай в виде длинного поста в жежешечке.

У Дарлинг нет никакого желания копаться во всем этом, возможно, она подумает об этом позже, когда пномпеньская вилла перестанет быть островом, старым йоркширским домом...

Это никогда не закончится, никогда.

– ...Забирайте ее, – говорит Ян Дарлинг, выразительно глядя на Магду. – И пусть приведет себя в порядок. И вам тоже не мешало бы переодеться, молодой человек...

Последняя реплика адресована Кристиану, и он послушно кивает: ну да, все верно, негоже светить перед лицом мертвого божества пижамой, да еще рождественской.

– А вы? – спрашивает Дарлинг у Яна.

– Позвоню Йену и буду ждать его появления.

– Здесь?

– Да.

– Вы обещали... обо всем сообщить Исмаэлю.

– Я помню.

В этот момент Дарлинг начинает казаться, что весь дом пришел в движение – как будто в нем сработало мощное взрывное устройство, и стекла не вышибло только чудом, а колоннам удалось устоять в самый последний момент. Еще спустя мгновение входные двери распахиваются, и на пороге появляется Анн-Софи. Она босиком, в джинсах и наполовину застегнутой льняной рубаше (той самой, в которую собиралась переодеться вчера вечером), с плеча свисает забытое полотенце. Анн-Софи несется в сторону «Лендровера», полотенце соскальзывает на землю, но француженка даже не замечает этого. Выражение лица Анн-Софи постоянно меняется; за те секунды, что отделяют ее от автомобиля, она успела не поверить в

происшедшее, потом поверить и отчаяться – и снова не поверить. Но осознать, что все это правда, все же приходится, и Анн-Софи останавливается, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Все последующее может служить иллюстрацией к эпосу «женщина-легенда и редкие обитатели пустыни»: теперь Анн-Софи крадется, стараясь не вспугнуть распахнутые дверцы автомобиля. Если бы у нее был фотоаппарат, француженка бы молниеносно отщелкала целую серию снимков, с разных ракурсов. Но фотоаппарата при ней нет, и даже полотенце потеряно.

– О господи! Что произошло?..

– Убийство, – коротко отвечает Ян.

– Нет-нет... Этого не может быть! Не может, слышите? Что же вы стоите?!

– Вам бы я тоже советовал постоять. И не приближаться к месту преступления.

– Да пошел ты, – осаживает поляка Анн-Софи. И, добавив еще несколько быстрых гортанных слов на незнакомом Дарлинг языке, пытается залезть в машину и даже хватается за край одеяла, которым укрыта *Даша*.

– Уберите руки и отойдите! – В голосе Яна слышится угроза. – Это место преступления, понятно? А если вы будете проявлять излишнюю активность, то...

– Что?

– Часть важных улик может быть потеряна.

– Бред! Что за бред, господи! Убийство... Какое убийство?

– Какое есть.

– Думаешь, я позволю тебе оставить ее здесь? – «Ее» относится к *Даше*, все по-прежнему не решаются произнести имя вслух.

– Думаю, да. Никто не сдвинет здесь с места даже щепку, пока не появятся профессионалы. Профессионал.

– Вы вызвали полицию? – Раздраженное «ты» меняется на разумное и примирительное «вы» с завидной легкостью.

– Я вызову... полицейского. Прямо сейчас, если вы не будете вертеться под ногами.

Анн-Софи не стала падать на колени, как Магда. Ее не вырвало, как Тео. Она легко обуздала все свои эмоции. Даже слишком легко, если учесть долгие годы дружбы, которые связывали их с *Дашей*, а о

вчерашнем разговоре на лестнице Дарлинг предпочитает не думать. Не думать, не думать, не думать, но в этой – почти семейной – беседе на площадке между этажами было что-то такое... Что-то, что делает убийство не таким уж невозможным, инопланетным вариантом.

«Зло уже в доме», – сказала вчера *Даша*.

Что или кого она имела в виду? Вряд ли *Анн-Софи*: хоть разговор и был не слишком приятным для обеих, в голосах не слышалось враждебности. Наоборот – нежность, забота и тревога, во всяком случае, со стороны *Анн-Софи*. А *Даша*... *Даша* всегда жила как ей вздумается, невзирая на предупреждения об опасности.

И снова Дарлинг бежит по кругу, по опилкам цирковой арены, и где-то там, полускрытые темнотой, мелькают лица обитателей дома – может быть, не самых счастливых, но довольно милых людей. И никто из них не подходит под определение «зло». Даже *Тео* (и почему она так взъелась на *Тео*?). А по большому счету... по большому счету злом была сама *Даша*. Это она в разное время заставила страдать большинство этих милых людей... Вот если бы...

– Бедная малышка! – Дарлинг и не заметила, как *Анн-Софи* оказалась рядом с ней. – Бедный *Исмаэль*! Ума не приложу, как они будут теперь без нее.

– Да...

– Мне казалось, она будет жить вечно.

– Мне тоже. Хотя я совсем ее не знала.

– Я знакома с ней больше десяти лет, но могу сказать то же самое. С ней всегда так: знаешь только то, о чем она сама тебе хочет рассказать... Если она успела вам что-то рассказать...

Несмотря на то что губы *Анн-Софи* изогнуты скорбной подковой, глаза остаются холодными и карабкаются по лицу Дарлинг, обыскивают и ощупывают его.

– Ничего особенного она не рассказывала.

– Вы ведь провели вчера много времени вместе... Никто из других гостей не удостоился столь долгой аудиенции.

– Наверное, потому, что я русская. И ей хотелось поговорить по-русски...

– Она говорит по-русски с *Исмаэлем* и *Лали*. – *Анн-Софи* как будто хочет в чем-то уличить Дарлинг.

– Это не одно и то же.

- Может быть... Как будет «преданность» по-русски?
- Почему вы об этом спросили?
- Просто так. Надеюсь, в вашем языке это не синоним одержимости...

* * *

...Ровно через час с четвертью в дом, жизнь которого сломалась, как пружина в часах, прибыл бывший полицейский из Ванкувера и «консультант косорылых уродов» Йен Шанти. Именно так он представился еще спустя полтора часа, после того как облазил и обнюхал все пространство вокруг «Лендровера» и осмотрел дом.

На вид Йену было не больше тридцати пяти, и он представлял собой тип полицейского-плохиша. В принципе, Дарлинг не имела ничего против экзистенциальных плохишей из фильмов *noir* и гангстерских фетровых саг. Но экзистенциальностью от этого плохиша и не пахло, а пахло лишь трешевыми низкобюджетными киношками категории «В» и сортирным масскультовым чтивом. И это были не единственные запахи, идущие от Йена: к ним примешивалась стойкая вонь перегара и невыветриваемый табачный дух. Одного взгляда на него Дарлинг хватило, чтобы понять: Йен переживает не самые лучшие времена. По степени помятости его физиономия смело могла конкурировать с его же собственным летним пиджаком: когда-то вполне приличный, он превратился в тряпку, которой неоднократно вымыли пол в «Макдоналдсе», прежде чем надеть снова. Брюки, в отличие от пиджака, мятыми не выглядели, но вкуче с ним смотрелись нелепо: это был тот самый фасон, который Дарлинг уже видела на официанте из индийско-тайского ресторана.

Что-то навязчиво этническое.

Дополняли образ кроссовки на босу ногу и ярко-красная футболка, украшенная японскими иероглифами и головой ушастого покемона Пикачу.

– Этот клоун и есть профессионал? – спросила у Дарлинг Анн-Софи.

– Никого другого я здесь не вижу. Выходит, что он и есть, – ответила Дарлинг.

– Надо бы сказать Яну, чтобы он прекратил этот балаган. Я думала, и впрямь приедет компетентный человек, а он не в состоянии даже снять отпечатки с машины.

– Может быть, имеет смысл подсказать ему, что нужно делать?

– Может быть. – Анн-Софи не двинулась с места.

Они вдвоем стояли на террасе и наблюдали, как Йен копается вокруг «Лендровера», то и дело записывая или зарисовывая что-то в блокнот. Закончив осмотр машины, он переместился к кустарнику и исчез в нем минут на пятнадцать.

За то время, что они стояли на террасе, успели пройти два коротких ливня и дважды показывался Зазу. Но всякий раз Анн-Софи почти неуловимым взмахом руки отсылала его обратно в дом. И покладистый, как мул, Зазу тотчас пропадал за дверь, хотя находиться в огромном и погрузившемся в оцепенение доме было тяжело. Особенно после того, как о смерти *Даша* узнал Исмаэль. В самый последний момент казавшийся непрошибаемым, Ян струсил и обратился за помощью к Анн-Софи.

– Вы ведь знаете парня, – сказал он. – Нужно сообщить ему... о том, что произошло... помягче. Сказать нужные слова.

– Вы полагаете, что для таких случаев существуют нужные слова? И хоть что-то может смягчить ситуацию?..

Как бы то ни было, к Исмаэлю Анн-Софи все же отправилась, прихватив с собой Яна. Они вошли в детскую, плотно прикрыв за собой дверь, и оставались там довольно продолжительное время. Дарлинг все ждала, что дверь распахнется и выбежавший из нее Исмаэль скатится по лестнице вниз или – хотя бы – раздастся приглушенный крик отчаяния. Но ничего такого не произошло, за дверью было тихо. И лишь спустя десять минут, когда Дарлинг уже стала волноваться, не казнены ли гонцы, принесшие дурные вести, дверь наконец открылась.

Но на ее пороге не оказалось Исмаэля, лишь Ян и Анн-Софи.

– Я думал, все пройдет значительно хуже, – сказал Ян, дернув кадыком.

– Не стоит обольщаться. – Анн-Софи выглядела бледной, слабой и какой-то очень постаревший. Ничего от женщины-легенды, привыкшей проводить ночи в спальнике и умеющей показать маленьким девочкам варана.

– Что он сказал?

Судьба Исмаэля волнует Дарлинг намного больше, чем судьба несчастного Шона, напившегося ночью в хлам: привести его в чувство так и не удалось.

– Он спросил: «Можно ли мне увидеть маму?»

– И все?

– Разве этого не достаточно?.. Я сказала, что да, но только не сейчас.

– Мне кажется, он даже не понял, что мы ему говорим, – высказал предположение поляк.

– Еще раз повторю – не стоит обольщаться, Ян. Он понял все. Абсолютно.

– И при этом даже не вышел? – Удивлению Дарлинг нет предела. – Я думала, он привязан к матери.

– Он привязан к матери, – подтвердила Анн-Софи. – Хотя привязан – не совсем точное слово. Он предан матери.

Не та ли это преданность, которую француженка недавно связала с одержимостью? Если так – то реакция Исмаэля тем более странна. Как отреагировала бы сама Дарлинг, если бы жизнь кого-то – очень и очень любимого – была прервана насильно? О... нет, нет! Об этом лучше не думать, все равно предсказать, как поведешь себя, невозможно. Холодеющие пальцы, истерики, слезы, провалы в небытие – они бывают и по другим, гораздо менее страшным поводам. Дарлинг не может поставить себя на место Исмаэля или на место кого-нибудь еще, даже если бы захотела; пусть папочка плывет себе на своем сухогрузе и ничто дурное не коснется его.

Никогда.

В океане может случиться всякое, но там есть свет и есть линия горизонта, и спасательные шлюпки, и навигационные приборы, и всегда можно послать в эфир сигнал SOS – и быть уверенным, что кто-то обязательно получит его и придет на помощь. Но в том ужасном и мрачном океане, в котором очутился маленький плотик Лали и Исмаэля, нет никакого света. И линии горизонта тоже нет, и все приборы бессильны, и никто не сможет помочь, даже если окажется рядом. Из этого океана можно выбраться только самому. Или не выбраться.

Ей нужно поговорить с Исмаэлем, как-то утешить его, сказать слова поддержки и ободрения, пусть он и не услышит их. Но запустить маяки необходимо – вдруг ему когда-нибудь понадобятся их лучи?..

– Я пойду к нему, – сказала Дарлинг Анн-Софи.

– Не стоит.

– Я должна...

– Вы должны были сказать ему о случившемся с самого начала. Но вы не сделали этого, предпочтя устраниваться. Перевалив этот груз на плечи других людей.

Конечно же, Анн-Софи права. Жесткая Анн-Софи, жестокая. Но слабость еще не покинула ее, и резкие старческие морщины у губ так никуда и не делись, а мертвенную бледность сменили два лихорадочных красных пятна на щеках. Видимо, разговор с Исмаэлем дался ей нелегко. А Дарлинг предпочла трусливо отстраниться. Но никогда не поздно все исправить.

– Я все же пойду.

– Идите.

– Да... Как там Лали?

– Лали заснула. Исмаэль умеет уговаривать, утешать и усыплять, как и всякий боро мангу...

Второй раз Дарлинг слышит это слово, но никто не потрудился объяснить его значение.

– А что такое – боро мангу?

– *Даша* не рассказала вам? Странно. Она много лет носилась с идеей, что несчастный маленький Исмаэль – боро мангу.

– Хорошо бы еще узнать, что это такое.

– Боро мангу – колдуны, – говорит Анн-Софи.

– И все? Вы верите в колдунов? И она... в это верила?

– Я стараюсь не думать об этом. Иначе впадешь в дремучие предрассудки и начнешь бояться собственной тени. А это не способствует получению удовольствия от жизни. Но боро мангу – не просто колдун. Не совсем. Это человек, в котором заключена магическая сила, а она передается только по наследству. И редко направлена на добро. Ее стезя – зло и несчастья.

«Зло уже в доме» – не приемного ли сына имела в виду *Даша*? Поверить в это невозможно, Исмаэль – милый пятнадцатилетний мальчик. Идеальный сын, идеальный брат, идеальный читатель,

идеальный рассказчик и сочинитель сказок. Укротитель саксофонов и просто человек, с которым хочется подружиться.

– Все еще хотите его утешить, дорогая?

– Да.

– Похвально. А в оправдание боро мангу можно сказать только то, что сами носители редко подозревают об этой своей магической силе. Она проявляется спонтанно, вне зависимости от них самих. Но может и не проявиться. С этой силой, с этим даром легко прожить жизнь, ни разу ими не воспользовавшись. А эта сука... – Румянец на пергаментных щеках Анн-Софи становится еще ярче и лихорадочней. – Эта сука...

– Сука?

– Я сказала «сука»? Нет, конечно же... Некогда блистательная и завораживающая, а ныне покойная *Даша*... она всегда хотела вытащить силу из Исмаэля и подчинить ее себе.

Если кто и выглядит сукой – так это сама Анн-Софи. Писатель Тео слишком ничтожен, чтобы ненавидеть его. А вот колченогая лягушка-путешественница Анн-Софи – зверь покрупнее. Столько лет прикидывалась другом семьи, но стоило случиться несчастью – и пожалуйста: два красных пятна на щеках! Не иначе как от присосок, на которых крепилась карнавальная маска добросердечной подруги и человека, который помнит добро.

– Я смотрю, вы тоже успели подпасть под ее обаяние, моя дорогая. Этого не смог избежать почти никто, такова уж она была. Говорю вам так, потому что сама была привязана к ней долгие годы.

– А теперь, когда она мертва... все рассеялось?

– Все рассеялось, и морок спал.

– И сразу стало легче?

– Нет. Но кое-что встало на свои места. Теперь многие смогут распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Исмаэль в том числе.

Кто это там разговорился? Женщина, довольствующаяся немой собачьей верностью слабого мужчины? Женщина с пустым бесполезным животом, не рассказавшая на ночь сказку ни одному ребенку, а эпизодическая роль варана на детском утреннике в саду не в счет.

– Нужно отдать должное *Даша*, – продолжает разглагольствовать Анн-Софи. – Она никогда ничего не боялась и была практически лишена чувства самосохранения. А из зла тоже можно извлечь выгоду, если правильно его организовать. Перетянуть на свою сторону. Манипулировать им. Влюбить в себя. Этим она и занималась долгие годы.

– Но теперь она мертва.

– Да. Эксперимент не удался.

Дарлинг кажется, что Анн-Софи зевает, но это всего лишь беззвучный кошачий смех.

– Ужасно, что все случилось именно так, – отсмеявшись, продолжает француженка. – Но ее убийцу я могу понять как никого другого. Какие бы чувства им ни двигали.

Сказать или промолчать? Промолчать? Или все же сказать, что она слышала разговор на лестнице? Его смысл сводился к тому, что Анн-Софи хотела выудить из *Даша* что-то, а *Даша* не соглашалась это что-то отдать. А вопрос между тем был тесно увязан с безопасностью ее семьи. Анн-Софи не просто вела беседу – она увещевала *Даша*. И даже угрожала. Не напрямую, в лоб, а мягко, по-иезуитски. Но от этого угроза не перестает быть угрозой. И вот пожалуйста: суток не прошло, а *Даша* больше нет.

Сказать или промолчать?

Сказать – и кошачий смех будет повержен, Дарлинг абсолютно уверена в этом. Но стоит ли минутный триумф того, что может последовать затем? И если Анн-Софи каким-то образом причастна к убийству (это слово приходится выдавливать из себя, как полусохшую пасту из тубика), то все сложится для Дарлинг крайне печально.

Промолчать. Во всяком случае, пока.

– Вы можете понять убийцу, какие бы чувства им ни двигали? А как насчет чувств маленькой девочки, чьей мамы больше нет? И мальчика, которому больше не на кого будет опереться?

– Мне жаль детей. Не скрою, иногда и мне приходили мысли убить ее. Стереть с лица земли. Но ее детей я люблю. И еще... Я могу быть с вами откровенна?

– Да, конечно.

– Я не убивала. Поверьте.

– Я верю. Конечно.

Зачем Анн-Софи понадобилась вера Дарлинг, неясно. Дарлинг не следователь, не полицейский, и красной футболки с покемоном Пикачу у нее тоже нет.

– Возможно, вы кое-что случайно услышали. К примеру, телефонный разговор...

Вот черт! А ведь был еще и телефонный разговор. Теперь о нем вспомнила и Дарлинг: шел дождь, Анн-Софи стояла у одной из колонн перед домом и с кем-то разговаривала по мобильнику. Дарлинг уже успела забыть о нем, так зачем о нем напоминает сама Анн-Софи? Наверное, этот разговор был для нее важен, и важно было сохранить его в тайне от других людей, а тут подвернулась не вовремя хлопнувшая входной дверью Дарлинг. И теперь Анн-Софи думает, что она могла услышать его. Что такого было в том разговоре, что позволяет связать его с убийством?

– Телефонный разговор? Нет, ничего такого я не слышала. А кто говорил и с кем?

– Это не важно. Забудьте.

– Хорошо. Я все же загляну к детям.

...Сказать проще, чем сделать.

Отлепившись от Анн-Софи, которая тотчас отправилась на террасу, где уже маячил Зазу, Дарлинг остановилась перед дверьми детской, взялась за ручку и задумалась.

Что она скажет?

Что сожалеет (не слишком подходящее случаю слово); что скорбит вместе с Исмаэлем (чрезмерно пафосное), что...

Надо просто открыть дверь – и все.

...Здесь, в этой комнате, она провела всю прошлую ночь.

Избавленная от скульптур и сомнительных артефактов, комната не имеет ничего общего ни с гостиной, ни с кабинетом *Даши*: всего лишь детская, устроенная так, чтобы маленькая трехлетняя девочка чувствовала себя комфортно. Вчера здесь витал приятный, чуть сладковатый молочный запах; вчера здесь веяло прохладой, что совсем не лишне в жарком и влажном камбоджийском климате,—

но сегодня все изменилось.

Сегодня в детской царит полутьма (окна плотно зашторены), и прохлада сменилась почти арктическим холодом. Именно он сковал

Дарлинг, стоило только переступить порог. Как в таком холоде могут существовать два человеческих существа, два ребенка?.. А между тем – вот они, прямо перед ней, в ледяных чертогах вчера еще безопасной и уютной кровати: из-под одеяла виднеется светлая макушка Лали, Исмаэль сидит рядом, прижав колени к подбородку и обхватив их руками. На нем все те же спортивные шорты и белая майка – не самая подходящая одежда для Арктики, а ведь Исмаэль еще и африканец. И о чем только думает Дарлинг? О том, что африканцы переносят холод намного болезненнее, чем белые. Потому что думать о том, как Исмаэль переносит смерть матери, – невыносимо. Хорошо еще, что она не видит его лица: просто – черное пятно, украшенное бесформенными кляксами дредов.

Все заранее заготовленные слова сочувствия и скорби не то чтобы улетучились, нет: они малодушно сидят в горле Дарлинг, не решаясь выйти на мороз. Должно быть, сейчас они такие же африканцы, как и Исмаэль: в спортивных шортах и белых майках. Стараясь занять как можно меньше места, Дарлинг присаживается на край кровати и касается пальцами холодного колена Исмаэля. До сих пор его лицо казалось абсолютно черным, но теперь у черного появились оттенки, и она в состоянии различить линию губ, скулы и нос – немного приплюснутый, с широкими ноздрями. Не проходит и секунды, как черноту взрывают ослепительно-светлые белки, похожие на лопасти корабельного винта: Исмаэль приподнял веки в ответ на осторожное касание.

– Это ведь вы нашли... маму?

Голос Исы еще чернее, чем он сам. Так, во всяком случае, кажется Дарлинг: черный, без всякого просвета голос, похожий на чулан или кладовку, которыми обычно пугают маленьких детей. Дарлинг давно не ребенок, но и она смертельно боится оказаться лицом к лицу с чужим горем и отчаянием. Смертельно боится быть изрубленной на куски корабельными винтами

– Лали кричала во дворе так сильно. И сначала я нашла ее, а потом...

– Значит, все это правда.

– Я сожалею.

Оно все-таки вырвалось на свободу первым – это чудовищное, абсолютно непотребное, не соответствующее моменту слово.

Равнодушно-оскорбительное и вполне способное вызвать к жизни злую силу боро мангу. Но Исмаэль не спешит выпускать ее на волю, и в ответ следует неожиданно спокойное:

– Я знаю.

– Мы не успели познакомиться близко, но... она потрясающая. Самый удивительный человек, которого я когда-либо встречала в жизни. – Меньше всего это похоже на соблезнование. Скорее это запоздалая констатация того, что все было именно так. И *Даша* была именно такой, удивительной и потрясающей.

– Я знаю, – снова повторяет Исмаэль как заведенный.

– То, что произошло, ужасно...

– Вы говорите об убийстве?

Реакция Исмаэля – спокойная и отстраненная – пугает Дарлинг почище его чуланного голоса. Как будто речь идет не о смерти самого близкого ему человека, а об абстрактной гибели абстрактного кхмератаможенника или ящерицы, перекочевавшей в Магдину постель. Что именно сказали Исмаэлю Янек и Анн-Софи, бывшие в комнате до Дарлинг? Какие слова им удалось найти? Убийство – не просто случайно прерванная жизнь. За убийством всегда кто-то стоит, и этот кто-то – совсем не бог, не рок, не злосчастная судьба. Обычный человек, окутанный темнотой осуществленного преступного замысла. Как разглядеть его в этой темноте?

– Об убийстве?

– Ее убили, я знаю.

Это какое-то давнее знание, а не то, что принесли в детскую поляк и француженка. На это знание нужно гораздо больше времени, чем несколько часов, прошедшие с гибели *Даша*.

– Когда-нибудь это должно было произойти, – продолжает Исмаэль. – Мама говорила мне об этом.

– О том, что ее могут убить? – Дарлинг не верит собственным ушам.

– Да.

– И ничего не сделала, чтобы защититься?

Даша не производила впечатления человека, который опасается за собственную жизнь. И ее дом вовсе не похож на крепость: стены не укутаны колючей проволокой, у ворот не дежурят охранники, и ни одной видеокamеры Дарлинг не заметила. Но даже если она

предчувствовала что-то, почему не поделилась предчувствиями с кем-то взрослым? Почему доверилась только пятнадцатилетнему сыну, который сам нуждается в поддержке и защите? Ведь Исмаэль – всего лишь мальчик, пусть и необычный.

– Ты должен будешь сообщить об этом следствию, Иса. Это важная информация...

– А еще она сказала, что, если что-то случится... – Исмаэль никак не реагирует на замечание Дарлинг. – Чтобы я был готов. Чтобы был сильным и позаботился о Лали.

– Если тебе нужна будет помощь... ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Зачем Дарлинг говорит все это? Даже сострадательный порыв не оправдывает столь легкомысленных обещаний. Еще два дня назад она и ведать не ведала о *Даша*, ее странной жизни и странной семье; двое осиротевших детей для нее никто, к тому же у Лали есть отец, и он вполне может позаботиться о дочери, когда придет в себя. Есть и другие, способные позаботиться. А Дарлинг – всего лишь случайный эпизод в их жизни. Рано или поздно, когда закончится ужасная история, в которую она оказалась втянутой не по своей воле, ей придется улететь. В страну, слишком далекую и от Камбоджи, и от Африки для действенного участия в судьбе чужих ей людей. К тому же Дарлинг – наемный работник, не отягощенный заоблачной зарплатой. И почему она не ограничилась стандартными соболезнованиями, вот проклятье!..

– Я знаю, – снова заявляет Исмаэль.

Это знание – гораздо свежее предыдущего, и Дарлинг вдруг ощущает легкое посасывание под ложечкой.

– Знаешь?

– Об этом мама сказала мне вчера вечером.

– О том, что...

– О том, что я могу рассчитывать на вас. И что я могу на вас положиться. Вы все решите, так сказала мама.

– Я?

– Да.

Изумлению Дарлинг нет предела: если такой разговор и состоялся, то иначе как абсурдным его не назовешь. Пытаться всучить своих детей совершенно незнакомому человеку, прежде чем смыться в

вечность, – самый настоящий цинизм. Но с мертвой не спросишь, а как разгрести все это, Дарлинг не имеет ни малейшего представления.

– Мы поговорим об этом позже, хорошо?

– Да. Вы найдете того, кто... это сделал?

– Я не следователь, Иса. Это дело следователей и полицейских.

– Вы найдете? – снова повторяет черный упрямец.

И зачем только она вошла в детскую?..

– Я попытаюсь помочь. – Дарлинг хочется поскорее выбраться из ловушки, выкрашенной в фисташковый цвет. – Обещаю тебе.

Обещание, еще более невыполнимое, чем все другие обещания, которые Дарлинг успела надавать за последние пять минут. Но сейчас она готова пообещать все что угодно, лишь бы уйти отсюда. Красиво и элегантно слинять, не особенно задев чувства любящего сына, только что потерявшего мать. Но в том-то и загвоздка, что чувства не совсем понятны Дарлинг. Если бы Исмаэль плакал, бился в истерике или впал в оцепенение – это еще можно было бы объяснить. Но как трактовать его взрослое спокойствие? А вдруг это совсем не спокойствие? Что-то другое?

Нет.

Исмаэль – мальчик, убеждает себя Дарлинг. Он мальчик и до сих пор не может осознать до конца, что именно произошло. Он не принимает ту реальность, которая наступила со смертью матери. И он не принимает ее смерть как свершившийся факт. Отторгает ее.

– Ты обязательно должен будешь рассказать все, что знаешь, другу Яна. Он полицейский, и он уже здесь. Я схожу за ним...

– Хотите привести его сюда? – задает Исмаэль вполне разумный вопрос.

– Не в детскую, нет, – тут же поправляется Дарлинг. – Но тебе нужно поговорить с ним.

– Не хочу, чтобы Лали оставалась одна, когда проснется.

– Я понимаю...

...Оказавшись по ту сторону двери, Дарлинг испытала настоящее облегчение. К тому же в холле второго этажа она оказалась не одна. Ян и Анн-Софи с Зазу расположились на диване. В одном из кресел, сжавшись в комочек и подобрав под себя ноги, сидела Магда: чисто вымытые влажные волосы, белая легкая рубашка с длинными рукавами, белые бриджи. Рубашка была явно велика Магде, из чего

Дарлинг сделала вывод, что она принадлежит Тео. Сам же Тео пристроился на подлокотнике рядом с женой. А Кристиан, наконец-то избавившийся от красной пижамы и переодевшийся в мешковатые джинсы и вполне соответствующую моменту черную футболку, застыл у компьютерного столика рядом со свернутыми спальниками. Взоры присутствующих (за исключением Магды, которая прятала лицо в ладонях) были направлены на того самого нелепого типа в мятом пиджаке и этнических штанах.

– Еще одно действующее лицо, – с кривой ухмылкой заявил тип при виде Дарлинг. – Теперь, я надеюсь, все в сборе?

– Шон, – робко поправил типа Кристиан. – Муж... хозяйки. Но он...

– ...он еще не пришел в себя после ночных увеселений, мне об этом сообщили. С ним я поговорю отдельно, когда он проспится. А показания со всех остальных намерен снять сейчас. Меня зовут Йен Шанти, я полицейский...

Теперь уже криво усмехнулась Анн-Софи:

– Мы уже слышаны об этом. Очевидно, у вас и удостоверение имеется? Хотелось бы взглянуть на него...

– Имеется. – Порывшись в карманах пиджака, опереточный Йен извлек кусок светлого, закатанного в плексиглас картона и помахал им в воздухе.

– Вы позволите рассмотреть его поближе? – во все той же иронической манере продолжила Анн-Софи.

– У вас будет возможность это сделать. Когда мы останемся наедине, чтобы поворковать о произошедшем здесь убийстве.

При слове «убийство» до сих пор безучастная Магда судорожно всхлипнула, а Тео едва не свалился с подлокотника.

– Кого-то еще шокирует это слово? – удивился Йен. – Придется привыкать. И прежде чем обрисовать ситуацию, я хочу задать вам один вопрос. В доме имеется два выхода: калитка в воротах, условно назовем его центральным. И дверь в заборе с тыльной стороны дома. Сейчас обе они закрыты.

– Они закрыты всегда, – заметила Анн-Софи. – Насколько я успела понять за те несколько дней, что мы находимся здесь.

– Вторым выходом никто не пользуется вообще, – подтвердил Ян. – Но об этом лучше спросить у хозяев.

– Вчера ночью обе двери были закрыты? Никто не подходил к ним?

Ответом Йену было молчание. И лишь спустя несколько секунд Ян сказал:

– Утром. Я подошел утром, когда появились кхмеры, которые здесь работают. Но калитка была заперта на засов, я разговаривал с ними через окошко. Вот она, – тут Ян кивнул на Дарлинг, – может это подтвердить.

Перед глазами Дарлинг тотчас возникает белый носовой платок Яна, которым тот воспользовался, чтобы приоткрыть окно. Белый платок вырастает до размеров снежного сугроба, похоронившего под собой дверь и – что самое главное – засов на ней.

– Так и было. – Откапывать дверь из сугроба Дарлинг не собирается.

– Кто еще в течение ночи или сегодняшнего утра подходил к обеим дверям? – Настороженная тишина почему-то обрадовала Йена. – Никто? Отлично. Это упрощает задачу.

– Каким образом? – снова подала голос Анн-Софи.

– Если обе двери были в неприкосновенности в момент, когда произошло убийство, следовательно, никто посторонний не мог проникнуть в дом и совершить его. Следовательно, убийца сейчас находится здесь, среди вас.

Из настороженной тишина тотчас же превратилась в паническую: в основном из-за Магды – теперь она обхватила руками голову и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

– Не смешите. – Самообладанию Анн-Софи можно было только позавидовать. – На каком основании вы сделали этот вывод?.. Двери были заперты, подумаешь! Тот, кто совершил это, вполне мог перемахнуть через забор и тем же путем вернуться обратно.

Теперь пришел черед иронизировать Йену:

– Перемахнуть забор в два человеческих роста? Вы полагаете, это возможно?

– Я вполне могу допустить, что он... этот человек... воспользовался какими-то дополнительными средствами...

– Шестом для прыжков в высоту? Я исследовал забор по периметру и не нашел ни одного намека на внешнее проникновение. Ни единого следа.

– La pluie, – неожиданно произнес Зазу.

И Дарлинг вдруг подумала, что впервые слышит его голос. Этот голос показался ей намного более интересным и значительным, чем сам владелец: приятный, обволакивающий баритон, со множеством лежащих под спудом полутонов и оттенков.

– Что он сказал? – тотчас отреагировал Йен.

– Дождь, – перевела Анн-Софи. – Дождь вполне мог смыть следы.

– Дождь, безусловно, осложняет расследование всего этого дела, – поморщившись, вынужден был согласиться Йен. – Но мне представляется маловероятным, что некто со стороны вдруг решил штурмовать забор на глазах у почтенного сообщества.

– Почему же на глазах? – Анн-Софи, казалось, доставляет удовольствие во всем перечить полицейскому. – Быть может, все произошло глубокой ночью, когда гости отправились спать. Или вы уже знаете точное время убийства?

Йен нахмурился:

– Точное время убийства установят эксперты. Но по состоянию тела и без того ясно, что оно произошло около шести часов назад.

– И как вы это определили?

– Трупное окоченение. С поправкой на температуру окружающей среды, разумеется. Вам знаком такой термин?

Короткий всхлип Магды заглушил последнюю реплику полицейского, но Йен, апеллировавший к Анн-Софи, не обратил на него никакого внимания.

– О чем-то подобном я читала, – подумав, сообщила француженка. – В детективах.

– Так вот. – Йен снова сунул руку в карман и на этот раз вытащил оттуда ручные часы на потертom ремешке. – Сейчас одиннадцать часов десять минут. Отнимаем шесть, и получается что-то около пяти утра плюс-минус полчаса. Или час. Когда закончилась вечеринка?

– Я не уверена, но... возможно, в три ночи.

– Мы ушли оттуда примерно в это время, – подтвердил Ян.

– И кто же был в саду?

– Все, за исключением Магды, маленькой Лали и нашей русской гостьи. Естественно, кто-то периодически отлучался... Но, думаю, это несущественно. Поскольку *Даша* находилась среди нас, живая и здоровая. Вплоть до самого конца вечеринки...

– Она покинула сад вместе со всеми? – Йен перевел взгляд с Яна на Анн-Софи, которых почему-то выбрал своими главными собеседниками.

– Она еще оставалась там, когда мы с Зазу откланялись. Я хотела собрать посуду и отнести ее на кухню, но *Даша* сказала, что беспокоиться не стоит. Что в крайнем случае кто-нибудь из прислуги сделает это завтра утром. *N'est-ce pas, mon cher?*^[12] – обратилась Анн-Софи к мужу.

– *Oui, biensûr*^[13]. — Зазу закивал, как китайский болванчик.

– Надо полагать, он подтверждает все то, о чем вы сказали?

– Я тоже могу подтвердить это, – вклинился в разговор Ян. – Мы вошли в дом почти одновременно. С тыльной стороны дома, так было ближе. Анн и Зазу сразу же прошли наверх, а я на минуту задержался на кухне – взять себе банку джина на ночь.

– На минуту?

– Может быть, на две. Я еще успел перекинуться парой слов с молодым человеком...

Кристиан, к которому относились эти слова, поднял руку:

– Все верно. Я был на кухне, когда пришел Ян. Искал коньяк.

– Любитель коньяка?

– Не то чтобы... Это *Даша* попросила принести его. Сказала, где он стоит.

«Камю Кюве» или «Шабасс»? Дарлинг почему-то не сомневается, что диапазон коньячных пристрастий *Даша* лежит именно в этой плоскости. Все из-за Костаса, который только тем и занимался, что слепо копировал привычки своей бывшей возлюбленной. Совсем недавно Костас волновал воображение Дарлинг не меньше, чем виртуальный Паоло, но теперь... Теперь ее интересует лишь одно: если уж все они оказались запертыми изнутри – кто закрыл дверь за Костасом, когда тот ушел?

– Нашли?

– Коньяк?

– Да.

– Нашел. В буфете, на нижней полке. Там было еще несколько бутылок – виски, ром, какие-то настойки, – разразился ненужными торопливыми подробностями Кристиан. – Но я взял именно то, что нужно. Низкая полукруглая бутылка, «Шабасс-Империл».

«Шабасс», вот оно что! С *Даша* они тоже пили коньяк, но тогда это был «Камю Кюве», – видимо, настроение у хозяйки дома к ночи испортилось. Или возникли проблемы, связанные с разговором на лестнице. Или с тем, о чем успел поведать Дарлинг Исмаэль. Все это не более чем измышления, основанные на постулате «Костас есть отражение *Даша*».

Но отражение может быть и зеркальным.

Или вообще не просматриваться в зеркале.

– Выходит, там целый бар, в этом кухонном буфете? – В голосе Йена просквозили нотки личной заинтересованности.

– Что-то вроде того.

– Понятно. Вы вернулись с коньяком к хозяйке?

– Там... был еще ее сын... и писатель.

– Не только я, – возразил до сих пор молчавший Тео. – Не забудьте упомянуть ее ублюдка мужа... Он спал на детских качелях. Или делал вид, что спит. А я ушел. Почти сразу, как только прибыл коньяк. Мне нужно было вернуться к жене. Она плохо себя чувствовала... Да и сам я чувствовал себя неважно. Этот климат убивает.

– Ну да. Одна жертва у нас уже есть, – неуклюже пошутил Йен. – Значит, вы все продолжили пить коньяк?

– Что касается меня – я и рюмки не пригубил, – тут же открестился Тео. – Я пожелал всем присутствующим спокойной ночи и отправился восвояси. На лестнице столкнулся с Яном. Он как раз сидел на нижней ступеньке первого этажа и пил джин.

– Так и было, – подтвердил Ян. – Мы обсудили предстоящую поездку в Ангкор-Ват. Сверили часы...

– И?

– И я поднялся на второй этаж, к жене, – быстро проговорил Тео. – И не выходил из комнаты вплоть до сегодняшнего утра.

Странно, что все те, кто еще недавно стремился остаться с *Даша* наедине, урвать хотя бы несколько минут ее драгоценного времени, стараются сейчас держаться от нее подальше. Расползаются, как тараканы, Дарлинг так и хочется раздавить их, прихлопнуть первым подвернувшимся под руку ботинком – чтобы и следа не осталось.

– А ваша жена?

– Я застал ее в постели.

– Она спала?

– Да. Во всяком случае, мне так показалось... Впрочем, вы можете спросить у нее сами. – Тео говорил так, как будто Магда вовсе не сидела рядом, а все еще оставалась там – в постели, в окружениидохлых ящериц.

– Обязательно спрошу.

– У меня страшно разболелась голова, – занял Тео. – Все это чертов климат, да... Пришлось даже выпить таблетку, чтобы заснуть.

– Снотворное?

– Да.

– Оно не помешало вам проснуться в начале восьмого утра?

– Я всегда принимаю снотворное очень дозированно. И потом... Меня разбудили... Постучали в дверь. Стук был настойчивым. Собственно, тогда я и узнал о произошедшем...

– И вас не удивило, что вашей жены уже нет в комнате?

– Я не успел удивиться. Говорю же вам, я проснулся от стука в дверь. И когда молодой человек сообщил мне о случившемся... – Тео снова обратил свой взор к Кристиану. – Тут уже было не до анализа, почему моей жены не оказалось на месте. Вы должны понимать...

– Я понимаю. – Из своих бездонных карманов Йен извлек блокнот и сделал в нем какую-то пометку маленьким обгрызенным карандашом. – Теперь вы, Кристиан.

– Я? – почему-то испугался англичанин.

– Вы ведь остались с хозяйкой, когда все ушли?

– Там был еще ее сын, – вовремя вспомнил Кристиан. – И Шон.

– Который спал, сидя на детских качелях? Или делал вид, что спит?

– Он действительно спал. Он много выпил до этого.

– И доставил нам всем несколько неприятных минут, – заметила Анн-Софи.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Я бы назвала это сценой ревности. – Умению Анн-Софи подбирать слова можно было только позавидовать. – Шон попытался спровоцировать жену на скандал. При всех. А это всегда неприятно. Слава богу, его быстро успокоили.

– Значит, некоторое время вы оставались с хозяйкой...

– И ее сыном, – снова напомнил Кристиан. – Особенно задерживаться не было смысла. Мы ведь почти незнакомы...

Еще один таракан с оттиском винтажного кольца на брюхе!.. Почему Дарлинг вдруг вспомнила о кольце Кристиана? Потому что *Даша* живо интересовалась им.

– О чем вы говорили?

– Ни о чем существенном... О Шоне, да. Ведь он мой друг. Я сожалел по поводу всего произошедшего. Той не слишком красивой сцены, которую закатил Шон. Но *Даша*... Она отнеслась ко всему философски. А еще... Я сказал ей, что хочу подарить саксофон ее сыну.

– Вы саксофонист, что ли?

– В?..

Дарлинг видит насквозь своего несчастного брата-близнеца: ему так и хочется солгать, что он саксофонист. Губы Кристиана гарцуют, как скаковые лошади, ложь бьет босыми пятками по лошадиным бокам, понукая к аллюру. Но в самый последний момент Кристиан сдерживается и сообщает унылую правду:

– Нет. Я всегда хотел научиться играть на саксофоне, но получалось не очень хорошо...

– Понятно. Она не выглядела чем-то озабоченной? Хозяйка?

– Нет. Она была в отличном расположении духа.

– Даже после безобразной, по общему мнению, сцены, которую устроил ей муж?

– Я ведь говорил... она отнеслась ко всему философски.

– Допустим. А потом?

– Потом она попросила меня помочь Шону. Довести его до постели. Сказала, что лучше всего устроить Шона в маленькой комнате рядом с кухней.

– Устроили?

– Да. Ее сын, Исмаэль... помог мне. И мы бы справились с Шоном, если бы он не пришел в себя. Но он стал вырываться, когда мы уже вошли в дом. И никак не реагировал на увещевания.

– Он вернулся обратно в сад?

– Что вы. Ян подросел вовремя.

– Все так и было, – подтвердил Ян. – Я как раз допивал свой джин на лестнице и услышал возню в районе кухни. Пришлось вмешаться и

приложить бузотера.

– После этого он успокоился?

– Да. – Кристиан почесал переносицу. – Мы с Яном еще понаблюдали за ним некоторое время. Но все было спокойно. Он заснул мертвецким сном.

– А потом?

– Потом я поднялся наверх, в свою комнату.

– Ее окно выходит в сад?

– Нет. Комната на противоположной стороне. – Кристиан указал на дверь рядом с кабинетом *Даша*.

– И, естественно, не покидали ее до самого утра? Как и все остальные?

– Почему же... Я взял полотенце и отправился в ванную. А когда выходил... – тут Кристиан вздохнул, как бы раздумывая, стоит ли делиться информацией с красным покемоном, – то заметил Тео. Он вышел из своей комнаты и направился к лестнице...

– Я тоже видела Тео, – неожиданно поддержала англичанина Анн-Софи. – Я как раз устроилась в спальнике и собиралась прочесть пару страниц из Эльфриды Елинек... Я всегда вожу с собой одну из ее книг...

– Какую именно? – неожиданно спросил Йен.

– Э-э-э... «Перед закрытой дверью»... Если это о чем-то вам говорит.

– Ни о чем, но звучит символично...

– Не столько символично, сколько усыпляюще. Елинек действует на меня усыпляюще, почище любого снотворного.

– Вы спали здесь, у окна?

– Да.

– Насколько я понял, в этом доме можно было расположиться с гораздо большим комфортом, а не мучиться в спальниках.

– Привычка. Такая же давняя, как читать Елинек на сон грядущий.

– Не темновато было читать? Или здесь горел свет?

– Нет. Освещена была только лестница. Но для ночных книжно-терапевтических целей у меня имеется фонарик.

– Вы прямо бойскаут, леди!.. Ну да бог с ним, с фонариком. Итак, вы увидели Тео...

– Да. Он вышел из своей комнаты и направился к лестнице.

Все то время, пока раскручивалась полуабсурдистская тема с Елинек, Тео вздыхал, покашливал и промокал носовым платком вспотевшее лицо. А при упоминании лестницы сунул руку в карман, достал небольшой прямоугольный блистер с таблетками, надавил на него пальцами и демонстративно положил одну темно-рубиновую горошину себе под язык.

– Сердце? – участливо спросил Йен.

– Иногда пошаливает.

– Значит, вы спускались вниз, прежде чем полакомиться снотворным?

– Э-э... Я забыл пиджак в нижней гостиной.

– А зачем вам понадобился пиджак, если вы собирались лечь спать?

– В том-то и дело... Я думал, это несущественная деталь, потому и не упомянул...

– Когда речь идет об убийстве, несущественных деталей нет.

– Я понимаю. Но в пиджаке как раз они и лежали, таблетки.

– Эти?

– И эти тоже. Но я шел за снотворным.

– Вы всегда носите снотворное в кармане пиджака? Зачем?

– Ну что вы!.. Не всегда. Очень редко. Просто так получилось...

– И как долго вы пробыли в нижней гостиной?

– Какое-то время. Недолгое. Пока не нашелся пиджак.

– Вы не помнили, где оставили его?

– Почему же... Какой-то шутник водрузил его на одну из скульптур, я сразу его увидел. А потом вернулся к себе.

– И вы ни с кем не столкнулись внизу, в гостиной?

– Нет.

– А вы? – Йен снова обратился к Анн-Софи: – Вы можете засвидетельствовать возвращение писателя?

– Увы. – Анн-Софи пожала плечами. – К тому времени, как он вернулся, я, очевидно, уже спала...

– Судя по всему, – Йен обвел взглядом присутствующих, – после трех дом погрузился в сон. Все благополучно и очень крепко заснули.

И никак не хотели просыпаться утром, неожиданно подумала Дарлинг. Никто не желает оказаться тем последним, кто видел Даша живой. Впрочем, и так ясно, что последним ее видел убийца. Что там

сказал тип в футболке и смешных штанах? Убийца находится здесь, в гостиной, и это один из тех, кто был влюблен в *Даша*. Состоял с ней в дружеских отношениях, посвящал ей книги, предлагал помыть посуду после вечеринки; был настолько великодушен, что решился отдать ее сыну свой саксофон. Чувства этих людей безупречны, они не подлежат сомнению; убить *Даша* — все равно что убить божество, которому поклонялся много лет. Чтобы затем с легким сердцем избрать себе совсем другую религию или вовсе отказаться от нее.

– Ну хорошо, – подытожил Йен. – В нюансах мы разберемся позднее. А сейчас перейдем к сегодняшнему утру. Это ведь вы нашли тело?

Вот он и пришел, ее – Дарлинггов – черед.

– Можно сказать, что так.

– С вас и начнем. А всем остальным я рекомендую вернуться в свои комнаты. И постараться не покидать их до моего распоряжения.

– Вот как? Мы под арестом? – рассеянно поинтересовалась Анн-Софи.

– Пока еще нет. Но советую вам вспомнить вчерашнюю ночь в мельчайших подробностях и самых незначительных деталях. И если кому-нибудь придет счастливая мысль облегчить свою душу признанием, я не буду возражать.

– А если я захочу покинуть дом?

– Я буду рассматривать это как бегство с места преступления. Как обстоятельство, которое косвенно указывает на виновность. Или на соучастие в убийстве.

– Я могу связаться с адвокатом?

– Конечно. Вы даже можете пригласить его сюда, если по счастливой случайности у него оказались дела в этой дыре. Это касается всех.

По растерянным физиономиям присутствующих сразу стало понятно: никто из них не думал об адвокате, до того как мысль о нем была озвучена Анн-Софи. Они все еще никак не могут примириться с тем, что произошедшее в этом доме изменило их жизнь бесповоротно. Что последствия могут быть самыми непредсказуемыми, чтобы не сказать – ужасающими. Быть обвиненным в убийстве или хотя бы заподозренным в причастности к нему – испытание, которое выдержит не всякий. Быть обвиненным в чужой, незнакомой и малопонятной

стране – еще большее испытание, превращающее и без того неприятную ситуацию в форменный кошмар.

– ...Я хочу уехать отсюда! – неожиданно выпалила Магда.

– Сейчас это невозможно, дорогая.

В голосе непреклонной и ни на секунду не потерявшей самообладания Анн-Софи слышится едва ли не нежность, во всяком случае, он звучит обнадеживающе. На него можно опереться, как на стену, и даже прикрыть глаза. Но не окажется ли эта стена холодной и склизкой, затянутой плесенью и облюбованной мелкими неприятными насекомыми?..

– Я просто хочу уехать. Этот дом сводит меня с ума...

– Вы могли бы сделать это вчера. Или позавчера, если бы хотели. – В противовес голосу Анн-Софи голос Яна холоден и безжалостен. – Но теперь слишком поздно. Вам придется остаться вместе со всеми.

– Я знаю... Вы все думаете, что это я...

– Никто так не думает. Успокойтесь.

– Если я и позволила себе какие-то выпады накануне вечером... это ничего не значит... Не значит, поверьте! Я не имела в виду ничего дурного. Я не хотела этой смерти... Не хотела, нет!..

– Мы верим вам, успокойтесь. – Странно, что на истерику Магды реагирует только Анн-Софи, в то время как ее муж Тео, занятый собственным носовым платком, остается безучастным.

– Я не сумасшедшая!.. Многие здесь хотели бы объявить меня сумасшедшей и повесить эту проклятую смерть, но я не сумасшедшая! И я не убивала! Не убивала... О господи, почему мне никто не верит?

Скороговоркой произнося все это, Магда колотит худым кулаком по подлокотнику; лицо ее морщится, распадается на отдельные, плохо сочетающиеся друг с другом фрагменты, от его кукольной красоты не осталось и следа.

– Успокоит ее кто-нибудь или нет?..

Вопрос Йена адресован всем присутствующим, но первой снова откликается Анн-Софи:

– Попытаюсь, если вы не против.

Произнося это, Анн-Софи поднимается с дивана, подходит к Магде и осторожно касается ее острого, ходящего ходуном плеча.

– Идемте, милая. Вам нужно взять себя в руки, никто вас не обвиняет. Идемте. Умоем личико, встряхнемся, приведем себя в порядок и не будем так нервничать.

Легкое детсадовское присюсюкивание, ошутимо отдающее овсянкой и котлетами на пару, не произвело бы впечатления даже на трехлетнюю Лали. Но Магда неожиданно легко подчиняется – как будто только и ждала, что придет такой вот всепрощающий взрослый, способный избавить ее от проблем и дурных мыслей. Она хватается за пальцы Анн-Софи, вскакивает, и спустя минуту обе женщины скрываются в ванной комнате в самом конце холла.

– Что это было? – вопрошает Йен, как только дверь за ними захлопывается. – Я что-то пропустил?

– Ничего. Просто кое-кто не сумел вчера сдержать эмоций и теперь справедливо опасается, что все сказанное обернется против него.

Неужели Ян всерьез полагает, что убийцей может быть Магда?.. Он всего лишь сказал то, что должен был сказать. О чем не имел права не упомянуть, в этом деле не существует мелочей. Но Дарлинг почему-то неприятны сейчас и сам поляк, и его торопливое наушничанье. Никто из друзей Оушена не поступил бы так со слабой, не способной защитить себя женщиной. Самое время сбить пыльную конфедератку с бритой головы: Ян ведет себя не как благородный польский офицер (из тех офицеров, что бросались на танки с затупившимися саблями), а как подонок, по-бабьи трусливо – руками и ногами – отбивающийся от возможных обвинений.

– ...Чтобы ты не посчитал это утверждение голословным, скажу лишь, что угрозы слышал не я один.

– Кто еще?

– Наша юная русская.

– Это правда? – Теперь Йен обращается к Дарлинг напрямую.

Проклятье! Не то чтобы Дарлинг особенно симпатизировала Магде, и все же... Приходится признать, что Магда – самый искренний человек из всех, волею судеб собравшихся под крышей этого дома. Ее ненависть к живой *Даша* была прямодушной и бесхитростной, ее ужас перед мертвой *Даша* — неподдельным. Представить убийцей худосочную (в чем только душа держится!) Магду не легче, чем представить убийцей Исмаэля. Или – малютку Лали. Магда, выросшая

из куста, покрытая глиной и мокрой землей, до сих пор стоит перед глазами Дарлинг: испачканная футболка с беспечно-самонадеянной надписью **GOD SAVE THE QUEEN**, спортивные штаны в облипку; ни единого потайного кармана в одежде, куда можно было бы спрятать орудие преступления. Ни единого потайного кармана, куда можно было бы сунуть ненависть и страх.

Магда – вся на виду.

Вот, кстати... Орудие преступления! Покемон ни словом не обмолвился об орудии преступления. Нашел ли он его. И – если нашел – что это было?

– Это правда? – еще раз повторяет свой вопрос Йен.

– По поводу Магды?

– Да, черт возьми! Я неясно выражаюсь?

– Это было всего лишь замечание вскользь. – Дарлинг всеми силами пытается удержаться в рядах благородных друзей Оушена. – Не думаю, что к нему стоит относиться серьезно.

– Что серьезно, а что нет, решать здесь буду я.

– Ну конечно, конечно.

– Так к чему сводилась суть замечания вскользь?

– Я не помню дословно.

– А вы напрягите память.

– Мне бы не хотелось распространяться об этом сейчас...

– Сейчас вам лучше сказать все, что вы знаете.

– А орудие преступления вы нашли?

Дарлинг редко прибегает к тактике ответа вопросом на вопрос, но сейчас она срабатывает. По страдальчески сморщившемуся лицу Йена становится понятно: орудие преступления, чем бы оно ни являлось, не найдено.

– Ее застрелили? – говорит Дарлинг первое, что приходит в голову.

Она вовсе не горит желанием узнать, как именно была убита *Даша*, достаточно того, что ее больше нет в живых, все остальное – не важно.

– Нет. Судя по характеру раны, огнестрельное оружие не применялось. Скорее всего, речь идет о каком-то предмете, достаточно тяжелом. И удар был сильным.

– Вы полагаете, женщина способна нанести такой удар?

– Женщина способна на все.

«Способна на все самое плохое, низменное, отвратительное» – таков подтекст. А тон, которым были произнесены эти слова, выдает в Йене человека, когда-то сильно пострадавшего от женского вероломства. Он заставляет Дарлинг присмотреться к ванкуверскому экс-полицейскому повнимательнее. Из трех пуговиц, некогда украшавших пиджак, одна вырвана с мясом, а еще одна держится на честном слове. Любая женщина – будь то жена, любовница или подруга – не позволила бы своему мужчине щеголять в столь затрапезном виде, и лишь проституткам все равно, как выглядит тот, кто платит им деньги за удовольствие. Сто против одного, что чертов покемон шляется по пномпеньским борделям и за лишнюю пару тройку мятых баксов имеет возможность высказать местным жрицам любви, как он ненавидит женщин. Всех женщин, оптом и в розницу, – и хорошо, что крошечные кхмерские или вьетнамские уши малочувствительны к чужому языку. Они залеплены воском непонимания и гораздо менее податливы, чем тела...

С чего это Дарлинг решила, что Йен – завсегдатай борделей?

Фильмы категории «В», чьим главным героем горе-покемон является по определению. И нужно только радоваться, что этот герой явился в облике отставного полицейского, а не инопланетянина-зомби, по стечению обстоятельств оказавшегося еще и геем, практикующим секс с трупами. Но разве все то, что происходит сейчас в этом доме, – не фильм категории «В», не дурной сон?

Дарлинг жаждет проснуться.

Счастливо перенестись в какую-нибудь другую реальность.

Где нет бесконечного монотонного дождя, где нет кладбища невнятных и пугающих африканских скульптур, где нет всех этих людей, где нет животных – живых, мертвых и нарисованных на стене. Где пятнадцатилетние мальчики – всего лишь бестолочи, невинно мастурбирующие на картинки в мужских журналах, а никакие не колдуны боро мангу. Где трехлетние девочки – всего лишь куколки в рюшах, а не умницы, которые сражают наповал недетской рассудительностью и обширным словарным запасом. Где человеческие отношения ясны и понятны; где ненависть, какой бы сильной она ни была, никогда не трансформируется в тяжелый предмет и не приведет к смерти другого человека, женщины.

East of the Sun and West of the Moon^[14].

Эта область небес, несомненно, подошла бы сейчас Дарлинг. О ней она и думает – просто потому, что слышит сейчас первые такты этой джазовой композиции, грустные и светлые. В одном из плейлистов Дарлинг эту вещь исполняет знаменитый тенор-саксофонист Стэн Гетц, но здесь, в этом доме, не может быть умершего еще в прошлом веке Гетца, а звуки саксофона – есть.

Или ей только кажется, что они просачиваются сквозь толстые стены?.. И это всего лишь слуховые галлюцинации – как тогда, с плачем ребенка, спустя сутки оказавшимся плачем Лали? Идущие отовсюду звуки не несут никакой угрозы, не пугают, как тот захлебывающийся детский крик; они нежны и почти кристальны – и все же сердце Дарлинг сжимается. Ей хочется, чтобы они прекратились, оборвались на полуноте: джаз в доме, где только что было совершено убийство, – это уже чересчур.

Интересно, слышит ли кто-нибудь еще выжимку из лунного запада и солнечного востока?

Слышит, да.

На лица Янека и Йена осторожно вскарабкивается недоумение, обросший жесткими волосами рот писателя округлился, и лишь Кристиан позволяет себе не думать о том, почему на блестящем саксофонном горбу в дом вплыли луна и солнце: он просто слушает, и все.

– Что это еще за хрень? – нахмурившись, спрашивает Йен. – Тоже, нашли время для импровизаций. Здесь у вас не соскучишься, как я посмотрю...

– Наверное, это Исмаэль... Сын хозяйки.

– Еще один саксофонист?

Единственный саксофонист – но что заставило Ису взяться за инструмент в такое неподходящее время? Со стороны это выглядит едва ли не цинично, но Дарлинг не торопится с осуждением, она как будто видит перед собой полутемную детскую и черные руки Исмаэля, прижавшиеся к желтому саксофонному телу. И саксофон, словно дудка факира, укрощает и успокаивает маленькую светлобрюхую змейку Лали, высунувшую голову из-под одеяла. Разве так уж важно, на каком языке рассказываются сказки?.. А звуки продолжают обвивать и укутывать Дарлинг, сдавливать ей горло подобно... подобно

щупальцам осьминога. Нет-нет, это всего лишь не на шутку расшалившееся воображение, причуды африканских божков, общими усилиями искрививших реальность. Дарлинг стала ее частью совершенно случайно, но комок в полузадушенном горле не становится меньше. Ей жаль всех – мертвую *Даши* и ее несчастного мужа Шона, который станет еще несчастнее, когда проснется; мертвого пса и двух живых кошек-ориенталов, Кристиана с его недостижимой мечтой о русалке и джазе и даже оторванную пуговицу на пиджаке Йена Шанти. Но больше всего ей жаль осиротевших детей. Чувство настолько острое, что Дарлинг почти физически ощущает, как оно тонкими иглками впивается в вытертую бархатную подушку ее сердца. Теперь они будут торчать там всегда – рядом с другими иглками; рядом с булавкой смерти Джин, значком с изображением самолетика-камикадзе и просторным папочкиным наперстком.

Она просто не имеет права оставить несчастного Исмаэля и несчастную Лали!.. Она должна...

– Кому-нибудь из вас придется заткнуть этого виртуоза, – заявляет бездушный покемон. – Пока мы будем беседовать с юной дамой. А тебя, Ян, я попросил бы навестить двух других дам. Вынуть их из чертовой ванной. Мне кажется, они подозрительно долго ополаскивают лицо...

Но мелодия обрывается сама, без всякого постороннего вмешательства. И к Дарлинг вновь возвращается здравый смысл: при всем желании она не сможет взвалить на себя эту ношу – Исмаэля и Лали. Заботиться о ком-то, кроме себя, – большой и часто неподъемный труд, можно и надорваться без подготовки, а эгоистка Дарлинг даже кошку никогда не заводила...

Кошки.

Куда подевались кошки? Последний раз она видела их на кухне, у магнитолы, выплунувшей в пространство *L'amour, la mort*. Два ориентала-неразлучника, может быть, их так и зовут – *l'amour* и *la mort*? Было бы здорово, если бы Дарлинг угадала и поток вновь открывшегося кошачьего знания вынес бы к ее ногам имя убийцы *Даши*. Было бы здорово, но вряд ли кошки носят французские имена. И даже если бы они не были французскими, откликаться на имя «любовь», на имя «смерть» – что может быть банальнее? Все тайные

знания покоятся глубоко в мантии Земли или в ее ядре, и лишь любовь и смерть простодушно барахтаются на поверхности.

Куда же подевались кошки?

Что бы ни происходило с людьми, кошки останутся кошками, они будут требовать еды, внимания и ласки, но еда все же стоит на первом месте. Интересно, кто-нибудь кормил ориенталов после того, как ранним утром Дарлинг вывалила на блюдце кошачьи консервы из банки? И пока Дарлинг изучала стикеры на холодильнике, они успели вылизать блюдце едва ли не до блеска (что говорит об их отменном аппетите). Что делают кошки, если не голодны? Спят где-нибудь... Спят там, где привыкли. Весь вчерашний вечер они не покидали дивана, который занят теперь кучкой людей. Значит, они устроились где-то в другом месте, – но почему местоположение кошек и их судьба так беспокоят Дарлинг? Из-за мертвого Амаку, из-за мертвой *Даша!*..

Нужно немедленно найти кошек.

– Если позволите, – говорит Дарлинг Йену, – я отлучусь ненадолго. Мне нужно... покормить кошек.

– Что еще за кошки? Ваши?

– Нет. Здесь живут две кошки и...

– Ян. Ян покормит кошек. А мы с вами пока поговорим...

Приглушенный крик заставляет всех повернуться в сторону ванной комнаты. Спустя мгновение дверь распаивается, и из нее выпадает Магда (кричала она). Следом, держась за щеку, выходит Анн-Софи.

– Что еще случилось? – спрашивает Йен.

– Она напала на Анн-Софи!.. – стремительно приближаясь, вопит Магда.

– Кто?

– Кошка!.. Она сидела под раковиной и напала на Анн...

– Одна из тех, кого вы хотели покормить? – Вопрос адресован Дарлинг, но Йен даже не смотрит на нее, чешет пятерней в затылке.

– Все в порядке, – сообщает подошедшая Анн-Софи.

Но все совсем не в порядке, совсем. Это становится ясно, как только француженка отнимает руку от лица: ее ладонь красна от крови, щека тоже измазана. Четыре борозды, глубокие и длинные, начинаются едва ли не у правого века и обрываются только у кончиков

губ. Зрелище настолько устрашающее, что Магда снова начинает скулить и всхлипывать.

– Прекратите истерику, Магда! – Анн-Софи нисколько не потеряла присутствия духа. – Зазу, милый, принеси мне антисептик, пожалуйста, он в наружном кармане рюкзака...

Метнувшись к террасе, Зазу возвращается с темным флаконом и ватными дисками и осторожно, не проронив ни слова, начинает обрабатывать раны жены.

– Что произошло? – снова спрашивает Йен.

– Эта дрянь вцепилась в лицо Анн-Софи, – захлебываясь и глотая окончания слов, тараторит Магда. – Мы и опомниться не успели... как она бросилась... Чертов дом, пропади он пропадом!..

– Заткнитесь, дорогая. – Голос пострадавшей от нападения Анн-Софи исполнен достоинства. – И позвольте мне все объяснить самой...

– Но она же напала на вас! – Магда не может или не хочет уняться. – На пустом месте... Она даже не шипела!.. Таких агрессивных тварей нужно усыплять! Усыплять...

– Трудно требовать адекватного поведения от кошки, если даже люди ведут себя неадекватно. – Анн-Софи – сама кротость. – Возможно, ей передалось напряжение, которое здесь царит... И не следует забывать – это одна из хозяйских кошек...

– А вторая? – неожиданно спрашивает Йен.

– Не поняла?

– По моим сведениям, в доме обитают две кошки. Со второй все в порядке? Она не вышла из себя?

– Там была только одна, – неуверенно замечает Магда. – И я бы убила ее на месте, если бы Анн позволила мне...

– Осторожнее, дорогая. – Анн-Софи прикладывает палец к губам. – На вашем месте я бы держалась подальше от этого слова.

Раны наконец-то обработаны, пальцы отважного медбрата Зазу выпачканы йодом, щека Анн-Софи стала ржаво-коричневой – зрелище не из приятных, и все же... Дарлинг не может отвести от нее взгляд.

Царапины.

С ними что-то не так, и лишь спустя несколько секунд Дарлинг понимает, что именно: оставленные когтями параллельные борозды теперь вовсе не параллельны. Вернее, параллельными остались только два сукровичных длинных следа по краям. У двух других – тех, что в

середине, – концы сходятся у губ под острым углом. Параллельные никогда не встречаются, или встречаются не здесь – где-нибудь в другом, мало приспособленном для этого месте: у машины, где лежит мертвая *Даша*, или у другой машины, где лежит мертвая Джин, или в Африке, где маленькая принцесса Афрекете беспечно гуляет по бруссе. Но что-то нарушилось – и они сошлись. Здесь и сейчас, на щеке Анн-Софи, образовав... Образовав букву, да!..

Завалившаяся набок греческая сигма, или русская «М», или – заглавная английская.

Подсчитать количество имен на «М» – трудно, подсчитать количество слов – невозможно; первое, что приходит на ум, одолжено из саунда к A Bout De Soufflé:

La mort. Mort. Смерть, как она звучит по-французски, а Анн-Софи и есть француженка. Есть еще один вариант – murder: убийство, как оно звучит по-английски, и все здесь говорят по-английски, даже поляк, даже грек, даже русская Дарлинг. Магда тоже демонстрировала беглый и вполне сносный английский, и она единственная из всех, чье имя начинается на проклятую, заскорузлую от крови «М».

Магда, единственная из всех, не скрывала своей ненависти к *Даше* и своей неприязни к малышке Лали, а Лали частенько проводит время в окружении кошек – это Дарлинг видела сама. Но если уж ориенталам так нужно было указать на Магду – почему они выбрали не ее, а Анн-Софи?

Кошачья логика – вне зоны доступа, и видоизменившиеся царапины могут означать все что угодно. Даже флаг неведомой Дарлинг страны, где совсем недавно – по данным самой последней переписи – натурализовались *Даша* и Амаку. Неизвестно, играют ли там в футбол на безжизненных, покрытых коркой мертвого льда полях. Наверное играют и даже проводят чемпионаты, вот и Анн-Софи получила приглашение на vip-трибуну. И раскрасила щеку в цвета национальной сборной. Так, наверное, к ней и стоит относиться – как к человеку, который болеет за мертвых...

* * *

...По странному, хотя и вполне понятному стечению обстоятельств «комнатой для допросов» оказался кабинет *Даша*: именно сюда направились Йен с Дарлинг. Только оказавшись там, Дарлинг подумала, что до сих пор на ней африканское платье для вечеринки. Все остальные уже успели сто раз переодеться – даже Магда, слабо соображающая, что происходит. И лишь на Дарлинг болтается кусок ярко окрашенной ткани, в нем она чувствует себя особенно незащищенной. И она не успела умыться!.. Стоит подумать об этом, как во рту сразу возникает привкус вчерашнего коньяка.

Йен между тем расположился в кресле за письменным столом, вынул из кармана уже знакомый потрепанный блокнот и положил его перед собой. А потом кивнул Дарлинг, предлагая сесть.

– Начнем с формальностей, – заявил он. – Все, что будет сказано мною или вами... должно остаться в стенах этого кабинета. Во всяком случае – до окончания расследования.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что не стоит распространяться о характере и деталях нашего разговора. Кто бы ни спросил вас, в чем они заключались. Ясно?

– Теперь да.

– Ваши имя и фамилия, цель пребывания здесь, а также что связывало вас с покойной и каким образом вы оказались на вчерашнем торжестве.

Сообщив о себе краткие биографические данные, Дарлинг на несколько секунд задумалась. Проще всего сказать, что она здесь человек случайный и в ее жизненные планы дурацкая интернациональная вечеринка не входила, и это будет абсолютная, дистиллированная, без всяких примесей правда. Но здесь, в кабинете, где они с *Даша* провели час или, может, больше (наверняка больше!), где они сидели на полу, смотрели на дождь, пили коньяк и болтали как самые близкие подруги... здесь Дарлинг совсем не хочется объявлять *Даша* случайной знакомой. Это было бы несправедливо. Нечестно.

Это было бы предательством.

– В чем проблема? – довольно дружелюбно спросил Йен. – Высчитываете в уме, сколько лет вы знакомы?

– Что тут высчитывать? Мы познакомились позавчера...

Неужели только позавчера? Дарлинг кажется, что прошла целая вечность.

– Вот как?

– Все просто, я объясню... Мой босс и *Даша* — очень старые знакомые. Мы прилетели сюда на переговоры и в аэропорту случайно столкнулись с ней и ее мужем Шоном. Они... встречали Кристиана.

– Молодого англичанина?

– Да. Приглашение получил мой босс, я только сопровождала его сюда.

– Ну и где он теперь, ваш босс?

– Он уехал еще вчера.

– А вы остались?

– Да.

– Почему?

Вопрос самый простой из всех возможных. Самый невинный. И тем не менее он застаёт Дарлинг врасплох. Любой, а тем более правдивый ответ на него будет выглядеть странным: она осталась потому, что так решила *Даша*? Или потому, что ей самой не хотелось уезжать и Дарлинг зубами цеплялась за любые предлоги, чтобы задержаться здесь на подольше? Все это предполагает наличие особых отношений или особой доверительности, которые не могут возникнуть за час или даже за день. И тем не менее они возникли, но покемону этого не объяснишь.

– Наверное, было выпито слишком много, и... я оказалась нетранспортабельной. Какое это имеет значение?

– Когда речь идет об убийстве, имеет значение все.

– Я понимаю. Да. Я напилась и заснула в этом доме, о чем теперь очень жалею. Такое объяснение устроит?

– И часто вы напиваетесь в чужих домах? – Во взгляде Йена проскользнуло понимание и даже сочувствие.

– Я вообще не пью.

– Но как раз вчера решили расслабиться в компании малознакомых вам людей. Насколько я понял, большинство из присутствующих здесь вы увидели впервые?

– Да.

– И ни с кем из них не были знакомы прежде?

– Нет.

– Мне сказали, что вечером вы уединились с хозяйкой на весьма продолжительное время.

– Это правда. Мы болтали и пили коньяк.

– И о чем же вы... болтали?

– Обо всем. О жизни в Камбодже. О жизни вообще.

– Как две старинные подружки?

– Вы же понимаете... Мы не... подружки. Скорее всего, она просто соскучилась по всему русскому. По русским. Вот мы и разговорились.

– Ну да. Она рассказывала вам о себе? О том, чем занимается, как оказалась здесь?

– Нет.

– Какие-нибудь подробности из прошлой жизни?

– Она долго жила в Африке... и отзывалась о ней с большой теплотой.

– И, кроме абстрактных теплых отзывов, никаких других... конкретных фактов биографии озвучено не было?

– О господи! Я же не работодатель, не дознаватель, не полицейский... С какой стати она должна озвучивать мне факты биографии?

– Она не выглядела чем-то взволнованной? Обеспокоенной?

– Нет. Она была абсолютно спокойна. Раскованна. Мила. Давала забавные характеристики друзьям и близким. Много говорила о детях.

– Никто из гостей не раздражал ее? Не вызывал неудовольствия?

– Как могут раздражать друзья? Думаю, она не позвала бы тех, кого не хотела видеть.

– Вы правы. А что она говорила, к примеру... о писаке?

– О писателе?

– Да.

– Что он хороший писатель.

– И все? По мне – так он редкостное фуфло.

– Что? – Такого поворота в беседе (или лучше все-таки называть происходящее допросом?) Дарлинг не ожидала и во все глаза уставилась на Йена.

– Я не ясно выразился? Не знаю, как это будет по-русски... И существует ли эквивалент...

Bullshit – вот что сказал Йен, *фуфло, срань, дерьмо собачье*, сколько синонимов ни подбирай, уничижительная суть не исчезнет.

– Я поняла вас. Просто мне казалось что сыщик не должен быть предвзятым.

– А кто вам сказал, что я отношусь к писаке предвзято? Если бы это было так, я нашел бы другое словцо, более крепкое. А так – он и есть трусливое фуфло, которое не способно позаботиться даже о собственной жене. Вот, кстати, его жена... Вы говорили с хозяйкой о его жене?

– О Магде? Нет. Но... хозяйка сожалела, что она чувствует себя здесь не очень комфортно.

– Почему?

– Я не знаю... У Магды возникли трения с дочерью *Даша*.

– На какой почве?

– Мне сложно влезть в голову трехлетнему ребенку...

– А в голову Магды? Она ведь угрожала покойной, не так ли? Чем именно?

– Послушайте, это смешно! Обычная бабская ревность, не более...

До сих пор оборона крепости воспоминаний о *Даша* проходила вполне успешно и ленивые атаки Йена отбивались без труда. Но теперь сама Дарлинг случайно приоткрыла потайную дверь в стене, прямо перед носом противника.

– Значит, она ревновала своего муженька к хозяйке? Исходила злобой и желала сопернице сдохнуть побыстрее? Я прав?

– Что-то в этом роде. Но они не были соперницами. Просто сама ситуация оказалась не из приятных. И Магда много выпила вчера.

– Как и вы?

– Мне сложно сказать. Она была по-настоящему пьяна, вот и все. Отсюда эти необдуманные угрозы. Вы ведь не отнесетесь к ним серьезно?

– Отнесусь, – пообещал Йен. – И доморощенные адвокаты мне тоже ни к чему. Каждый в этом деле сам за себя. Кто-нибудь еще, кроме жены писаки, высказывал недовольствие хозяйкой?

– Нет.

– Мелкие дразги, сведение личных счетов, прошлые обиды?

– Я мало с кем общалась.

– Может быть, вы что-то услышали? Увидели... Что-то, что показалось вам необычным или странным...

– Хотите знать, не подслушивала ли я? Не подсматривала?

– Такое иногда случается, если учесть вполне понятное женское любопытство. И стремление влезть не в свое дело.

– Я не особенно любопытна.

– Пытаясь снять подозрения с других, вы автоматически навлекаете их на себя. Круг подозреваемых слишком ограничен. Колода тонковата.

– Вы мне угрожаете?

– Нет. Так почему вы остались здесь, а не уехали со своим боссом? И в котором часу он покинул дом?

– Я не знаю. В последний раз я видела его около восьми вечера. Может быть, чуть позже.

– Он сказал вам, что хочет слинять с вечеринки?

– Я сама предложила ему... слинять.

– Почему?

– Видите ли... Я не считаю себя вправе разглашать какую-либо личную информацию...

Йен откинулся на спинку кресла и закинул руки за голову. Темные пятна пота в подмышечных впадинах сделали его пиджак еще более непрезентабельным. И сам Йен в мгновение ока превратился в расплывчатое, дурно пахнущее пятно с выкристаллизовавшейся солью по краям – целыми горами, терриконами соли: Дарлинг вязнет в них, соль забивается в мелкие трещины на ступнях. Жжет, саднит и покалывает кожу – ощущение не из приятных.

Так и есть, Йен – ощущение не из приятных.

– Боюсь, вы не совсем понимаете ситуацию, леди. Произошло убийство, в котором мотивом может быть все. В том числе и скрытое в той самой личной информации, которую вы из ослиного упрямства...

– Это не ослиное упрямство!..

– ...Из ложно понятого благородства не хотите озвучивать. И оно может выйти боком не только вам, но и тем, кто действительно невиновен.

– Хорошо. Если это так важно...

– Важно.

– Я скажу. У Костаса, моего босса, и *Даша* были отношения. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да.

Брезгливая гримаса на лице Йена подтверждает: он все понял правильно, мир полон идиотов, которые пытаются строить отношения с дамочками вне стен борделя; сами виноваты, несчастные, страдающие идеализмом дураки!..

– Давно. Может быть, лет десять назад или больше. И вот когда они случайно... совершенно случайно встретились... мне показалось, что Костас до сих пор испытывает определенные чувства.

– А бабе все было по барабану?... Э-э, я хотел сказать, покойная, конечно же, и думать забыла о вашем Костасе?

– Ну, в общем, она была не в восторге от этой встречи, да.

– И тем не менее пригласила его на вечеринку? С прицепом в виде вас? Этот поступок не показался вам странным?

Еще более странной выглядит правда: прицепом шла вовсе не Дарлинг, а сам Костас. Но как раз эту правду Дарлинг не озвучит никогда, какими бы настоятельными ни были просьбы и призывы. Лучше вообще забыть о ней, зарыть в землю под кустом, где лежит тело верного пса Амаку.

– Костас был очень настойчив.

– И то, что покойная замужем, его не остановило?

– Разве это кого-нибудь когда-нибудь останавливало? Здесь полон дом таких, кого не остановило ее замужество.

– Хотите сказать?..

– ...Хочу сказать, что здесь собрались те, кто любил ее. Я имею в виду мужчин. Так что Костас не был исключением.

– Не похоже.

– Не похоже – что?

– Что все любили ее так уж страстно.

– Вы имеете в виду убийство?

– И это тоже, но я имел в виду реакцию на убийство. Никто не торопится проливать потоки слез, нет?

– Люди реагируют по-разному. Возможно, кто-то подсознательно отвергает наступившую реальность. А осознание придет позже.

– Возможно, что так оно и окажется впоследствии. Так почему вы решили уговорить вашего босса уйти?

- Мне было неприятно видеть его униженным.
- А его унижали?
- Его унижали демонстративным равнодушием. Она... хозяйка даже не взглянула на его подарок. И ему было больно, я видела.
- Вы хорошо относитесь к своему боссу?
- Конечно.
- И ничего, кроме отношений «начальник – подчиненный», вас не связывает?

Йен улыбнулся, и сквозь щель во рту блеснули неровные, посаженные вкривь и вкось зубы. И там, в глубине этого рта, намертво прилипшее к деснам, виднелось мерзкое: «А ведь твой босс потрахивает тебя, сучка! И не лепи мне горбатого, что это не так, все боссы потрахивают своих сучек!»

- Вы намекаете на то, что мы любовники?
- Почему же намекаю? Просто высказываю предположение, исходя из ваших же слов.
- Каких? Что я хорошо отношусь к своему боссу?
- Вы принимаете его личные проблемы близко к сердцу. Даже слишком близко. А это наводит на ненужные размышления...
- Мы не любовники.
- Допустим. Допустим, что вы просто идеальный помощник и преданный друг. Тогда почему, когда он смылся, вы вдруг решили остаться?
- Я не собиралась оставаться.
- Если бы не собирались, я бы сейчас с вами не беседовал. – Голос Йена зазвучал неправдоподобно ласково. – Вы задумали грязное дельце вместе с боссом или это была исключительно ваша инициатива?

- О чем вы?
- Могу допустить, что решение было спонтанным, но тяжести совершенного это не отменяет.
- О чем вы, черт возьми?
- Об убийстве.

Ей только кажется или этот хмырь пытается повесить на нее убийство? Вот так, походя, скалясь и воровато высовывая немытую всклокоченную башку из-за частокола кривых зубов. Кабинет плывет перед глазами Дарлинг, предметы теряют резкость очертаний, а фигура

самого Йена раздваивается. Так и есть, теперь их двое: канадская вонючка Йен и злобный покемон Йен, неизвестно, кто хуже.

Хуже оба.

Не добрый и злой следователи – злой и еще более злой, с иезуитскими наклонностями, с садистскими; два ничтожества, недалекие косноязычные людишки, почему-то решившие, что они вправе бросаться в кого ни попадя такими вот чудовищными обвинениями.

– Не смешите. – На глаза Дарлинг навернулись слезы.

– Я абсолютно серьезен, – сказал вонючка. А злобный покемон добавил: – Уязвленное самолюбие страшная вещь. Безответные чувства – вещь еще более страшная. От них рукой подать до преступления.

– Если бы все убивали из-за уязвленного самолюбия и безответных чувств, на земле остались бы только далай-лама, пара тибетских монахов и работники дельфинариев. Они хотя бы не амбициозны.

– А безответные чувства работникам дельфинариев не свойственны?

– Тогда придется вычеркнуть из списка и их.

Йен пометил что-то в своем блокноте и снова уставился на Дарлинг:

– Хотите, я расскажу вам, как все было? Ваш босс с помпой, у всех на глазах уехал, а вы остались. Только потому, что кому-то нужно было открыть ему дверь. Глубокой ночью, после того как дом погрузится в сон. А потом, когда дело было сделано, вы заперли за ним ворота. Оставалось только дожидаться утра и поднять всех на ноги. Что вы и сделали с известной долей изящества, как утверждают очевидцы.

«Очевидцы» – это, конечно же, Ян, близкий друг вонючки; только с ним вонючка шушукался во дворе, у «Лендровера», Дарлинг сама это видела с террасы. Несмотря на явную и абсолютную бредятину, которую изрыгает покемон, она чувствует, что соскальзывает в пролом на виске *Даша*. В зыбучие пески. Выбраться из них можно, только нащупав хоть какую-то опору под ногами. И опора находится – в самый последний момент, когда на зубах начинают скрипеть песчинки – «грязное дельце», «очевидцы», «тяжесть совершенного», пропади ты пропадом, канадский дуболом!..

– Если уж на то пошло... Муж *Даша* тоже был недоволен своей семейной жизнью, его выводило из себя ее отношение к нему. И отношение к ней других людей... мужчин. Он был в отчаянии, в ярости – я сама слышала его разговор на кухне с Кристианом... И француженка, Анн-Софи... Они с *Даша* ссорились на лестнице, и Анн-Софи открыто угрожала убитой скорой расправой.

– Угрожала?

– Ну я не знаю! Возможно, она просто пыталась предупредить об угрозе... Почему бы вам не спросить об этом у непосредственной участницы той беседы? А еще она звонила кому-то, и речь снова шла о строптивом характере хозяйки... И почему бы вам не расспросить еще и Магду, которую я нашла у стены, в кустах, в непосредственной близости от места преступления?.. Было не похоже, что она завернула в кусты за пять минут до меня. Было похоже, что она просидела там всю ночь!..

Вот Дарлинг и выбралась из песков! – а всего-то и нужно было, что упереться пятками в плечи Шона, Магды и Анн-Софи. Упереться и выпрыгнуть, утопив их, как котят в ведерке, да и пошли они!.. Вместе с покемоном, который довольно щерится и делает очередную запись в блокнот.

– Видите, как все просто, детка? Я всегда утверждал, что между языком и задницей существует очень тесная взаимосвязь. В самый неподходящий момент он туда влезает и сидит, окопавшись, и ничем его не выманить. Но стоит только заднице загореться, как язык моментально развязывается. Сам собой. Может быть, еще что-нибудь припомните?

Он развел Дарлинг как ребенка и теперь, счастливо улыбаясь, пожинает плоды своей низости, вот ведь сукин сын!.. Но и Дарлинг не лучше покемона, потому что она тоже совершила низость. «Угрожать» и «предупредить об угрозе» – совсем не одно и то же, воображаемые плечи Анн-Софи и остальных покрыты теперь синяками сомнительных обвинений, так просто их не смыть, так легко от них не отделаться.

– Не стоит думать, что я обвиняю Анн-Софи или Магду... Или несчастного Шона.

– Вы уже их обвинили, разве нет?

– Нет. Думаю, многое прояснится, когда вы поговорите с ними.

– Не сомневаюсь, что прояснится все. Надеюсь, они будут со мной так же искренни, как и вы. Так же откровенны. И вспомнят ваши собственные телефонные разговоры и беседы в укромных уголках. Почему вы остались?

– Я хотела уехать вместе с Костасом... но для этого нужно было переодеться... Это платье, – Дарлинг провела рукой по надоевшим ей до чертиков разводам на ткани, – мне выдали специально для вечеринки. А мои вещи находятся здесь, в гардеробной. Мы договорились, что Костас будет ждать меня в холле...

– Что же вы не переоделись?

– Я увидела здесь Магду.

– Она тоже переодевалась?

– Нет-нет... Она сидела за шторой. Она была пьяна и страшно напугана.

– Что же ее так напугало?

– Ей что-то там померещилось. Животное. Большой кот. По ее словам, кот пытался напасть на нее.

– Один из тех котов, что раскроил физиономию француженке?

– Не думаю. Скорее всего, это была галлюцинация.

– С чего вы так решили?

– Магда описала его. Ничего общего с реальными представителями семейства кошачьих. Словом, я возилась с Магдой, пыталась успокоить ее. И когда наконец добралась до холла, Костаса там не оказалось.

– И вы не стали его искать?

– Вместо него я нашла *Даша*. И она утащила меня пить коньяк. Вот и все.

– Ах да. Коньяк. Коньяк сделал свое черное дело. Надеюсь, обошлось без галлюцинаций, как у жены писаки?

– Никаких котов я не видела точно.

– Что было после коньяка и дружеских посиделок?

– Хозяйку кто-то позвал, я не помню кто. Я собиралась спуститься вниз вслед за ней, когда встретила детей. Исмаэль нес маленькую Лали в постель. Это было очень трогательно. И малышка обрадовалась мне...

– Поэтому вы увязались за ними в детскую?

– Лали сама попросила меня об этом.

– Та самая, у которой... трения с женой писаки? А к вам она сразу же прониклась симпатией?

– Да. Мы мило поболтали...

– С трехлетней девочкой?

– ...И с ее пятнадцатилетним братом. Он мастер рассказывать сказки.

– Фигурально выражаясь?

– Нет. Самая обычная сказка на ночь – вот и все. Вернее, сказка была не совсем обычной, а волшебной. Под нее я и заснула.

– Хотите сказать, что всю ночь провели в детской?

– Вы можете спросить об этом Исмаэля.

– Он тоже ночевал в комнате сестры?

– Я не знаю. Когда я проснулась... детей в комнате уже не было.

– Когда же вы проснулись?

– Около семи. Где-то без пятнадцати семь, если быть точной.

– Похвальная точность.

– Вы ведь видели большие часы в холле. Мимо них не пройдешь. Волей-неволей бросишь взгляд на циферблат. Так и случилось, когда я вышла из детской.

– Вы никого не встретили?

– Если не считать Анн-Софи и Зазу, они спали у террасы, в спальниках. Так что назвать это встречей сложно.

– Что было потом?

– Я спустилась вниз на кухню, потом вышла на улицу через заднюю дверь.

– Вы искали девочку?

– Нет. Я подумала, что она, скорее всего, отправилась в комнату родителей. Маленькие дети любят проделывать такие штуки – забираться в родительскую постель по утрам.

– Откуда вы знаете?

– Я сама была ребенком. И вы, наверное, тоже...

– Может быть. Но за собой я такого не замечал. Внизу вы тоже не столкнулись ни с кем из обитателей дома?

Стоит ли рассказать Йену о невидимом животном, так напугавшем Дарлинг? Пойди она по этой ирреальной тропинке, вслед за мягкими и вкрадчивыми шагами, место у стены во дворе, рядом с

полубезумной, испачканной грязью и галлюцинациями Магдой ей обеспечено.

– Нет. Внизу я встретила только кошек. Они были голодны, и я их покормила.

– Вы прямо одержимы идеей кормежки этих животных... Как вы нашли тело?

– Я вышла на улицу через черный ход, он рядом с кухней... Постояла в саду, у стены с рисунками Лали... Вы, наверное, их видели.

– Да.

– Я еще подумала тогда, что один из рисунков напоминает того мифического кота, которого описывала мне Магда...

– А потом?

– Потом я услышала детский крик. Такой, от которого все внутри переворачивается и в голову начинают лезть мысли одна кошмарнее другой. Собственно, все и вылилось в кошмар... Когда я подошла к машине и обнаружила там тело *Даша*...

– И вы сразу поняли, что это именно тело, а не просто спящий человек? И что хозяйка дома мертва?

– Кровь, размозженный висок... Что там было понимать?

– Вы открыли дверцу?

– Нет. Я пыталась, но машина была заперта. И я подумала о Лали. Девочка не должна была увидеть мертвую мать. И я решила, что самое правильное – отнести малышку в дом. А у дверей мы столкнулись с Кристианом и Исой.

– Она громко кричала, девочка?

– Честно говоря, у меня заложило уши от ее крика. Но допускаю, что это была лишь моя собственная реакция...

– Почему?

– Потому что Анн-Софи и Зазу даже не проснулись. А ведь они спят у террасы и должны были услышать детскую истерику первыми.

– Ну... В отличие от вас, все остальные легли спать намного позднее.

– Да-да, я понимаю. Я отдала Лали Исмаэлю и попросила Кристиана найти ключи. Но он не принес ключей... Они пропали.

– Когда я приехал, машина была открыта. Кто-то воспользовался запасными?

– Нет. Ключи впоследствии нашлись, но об этом вам лучше спросить у того, кто их обнаружил. У Кристиана.

Йен снова углубился в блокнот, а потом поднял глаза на Дарлинг:

– Что это за история с писательской женой?

– Я нашла ее в кустах, рядом с мертвым псом. Вы ведь должны были его видеть...

– Да.

– Отчего... он умер?

– Внешних повреждений нет, так что смерть выглядит вполне естественной. Вскрытие покажет.

– *Даша* говорила мне, что он очень старый...

Даша говорила и другое: «он убивает бесшумно», но лишний раз произносить слово «убийство» Дарлинг почему-то не хочется.

– Вернемся к относительно молодой Магде, если вы не возражаете.

– Да-да. Я не сразу ее обнаружила – так она была грязна и так сливалась с кустарником. Грязная одежда, грязные волосы, испачканное лицо... И она показалась мне абсолютно невменяемой.

– Показалась или так и было на самом деле?

– Так и было. Я бы назвала это очередным помрачением сознания. Еще более сильным, чем накануне. И она снова завела речь о коте. Кот преследовал ее и загнал в кусты, где она и просидела до утра.

– И вам не показалось, что она просто косит под сумасшедшую?

– Нет. Мне кажется, она не врала.

– Или врала чересчур изощренно. Знаю я таких красных, мать их, шапочек, вечно прикидывающихся овечками. А потом оказывается, что своими копытами эти овцы затоптали не один десяток человек... Тем более что у нее были личные счета с покойной...

– Полагаете, это она... стукнула копытом по виску?

– Пытаюсь понять, что скрывается за ее помутнениями – подлинными или мнимыми.

Все было бы просто, если бы Дарлинг не слышала шагов большой кошки в сумрачном коридоре. Но она слышала, и память об этих шагах мешает обвинить Магду во вранье. К тому же последние несколько минут что-то мучает Дарлинг. Странное чувство, которое возникает, стоит только оторвать взгляд от лица канадской вонючки, липкое от пота. Это какой-то особенный пот, очень специфический, больше

похожий на паучий секрет, который выделяется из пор на щеках, лбу и подбородке. В жарком и влажном воздухе кабинета секрет застывает, и невидимые нити тянутся к Дарлинг, стягивают и окукливают сознание. Ловчая сеть, которую раскинул Йен (о-о, этот негодяй только прикидывается простодушным!), намного опаснее, чем осьминожки щупальца материнской любви.

И вот сквозь прихотливый узор сети и проступает это чувство: что-то здесь не так. В самом кабинете, в его обстановке. Что-то неуловимо изменилось со вчерашнего вечера; с того момента, как *Даша* подвела ее к сияющим ирреальным светом полкам с артефактами. Теперь полки тусклы, в них нет ничего загадочного; ничего, что заставляло трепетать естество Дарлинг еще вчера. Очевидно, друг маленькой Лали, таинственный Мик...

Но как раз Мик-то и исчез!..

Дарлинг хорошо запомнила то место, где он стоял: иначе и быть не могло, ведь в скопище фигур и предметов, окружающих Мика, царил своеобразный, раз и навсегда заведенный порядок. Была выстроена целая иерархия, понятная лишь посвященным. Теперь же иерархия нарушена, ни головы ухув-элао, ни венценозные змеи, ни толстобрюхие африканские праматери не смогли уследить за своенравным Миком. Он покинул полку, быть может, для того, чтобы составить компанию принцессе Афрекете или по какой-то другой причине, – как же Дарлинг не заметила его исчезновения раньше? Почему не обратила внимания на зияющую полочную пустоту?

Потому что пустоты нет.

Место Мика занято.

Как если бы он сбежал из детской смятой постели, оставив вместо себя завернутого в одеяло медвежонок, обманку для строгих родителей.

Но тот, кто стоит сейчас на полке, – вовсе не медвежонок. Это старый знакомец Дарлинг, бенинский леопард, купленный ею в лавке «Мали Ба»!.. Вот оно и проявляется, счастливое свойство помнить детали! Несмотря на то что до совсем небольшого по размеру леопарда метра два, а то и целых три, Дарлинг отчетливо видит (вернее, вспоминает постфактум) маленький скол на груди, неровный и отличный от других завиток спирали на правом боку. И то, что одно скругленное ухо хоть ненамного, но больше второго.

Последний раз они виделись с леопардом в берлинской лавчонке – но как он попал сюда?

Наверное, это и есть подарок Костаса, который *Даша* так и не захотела распаковать. Хотя присутствие леопарда на полке говорит об обратном: любопытство перевесило, и она все же раскрыла коробку с подарком. И, видимо, он пришелся ей по душе, если уж занял место за стеклом.

Но куда в таком случае подевался Мик?

– ...вы не слушаете меня, леди!.. – В голосе покемона слышится обида.

– Простите.

– На что это вы там уставились?

– Ни на что.

– Я вижу! Вы уже целых три минуты не сводите глаз с этого африканского дерьма.

– Нет, ничего... Просто...

– Ну-ка рассказывайте.

Так просто он не отвяжется. Дарлинг снова чувствует, как липкая паучья сеть пеленает мозг, не дает высвободиться, заставляет делать то, что в данную минуту хочет покемон. А хочет он лишь одного: чтобы у Дарлинг не осталось никаких, даже самых мелких тайн, которыми она завладела, пусть и случайно. Но и самой Дарлинг до смерти хочется подойти к бронзовому четвероногому бенинцу, рассмотреть его поближе.

– Леопард, – торопливо поясняет Дарлинг и срывается с места.

– Что еще за леопард? – несутся ей в спину слова покемона.

– Вот эта маленькая скульптура. Мы купили ее вместе с Костасом в Берлине. Наверное, он подарил его *Даша*...

– Ну и что? Или этот леопард представляет особую ценность?

– Если он стоит здесь – конечно.

– А вам откуда известно?

– Вчера мы как раз говорили с *Даша* о ее коллекции... Здесь собраны произведения искусства, которые стоят немалых денег. Так она сказала.

– Сказать можно все что угодно...

Теперь Дарлинг находится в непосредственной близости от полки, на которой угнездился леопард, их разделяет не больше пятнадцати

сантиметров. Да еще стекло, в котором отражается физиономия Йена, он пристроился рядом и тоже пялится на скульптуру.

У Дарлинг не осталось никаких сомнений – это и есть их с Костасом берлинский трофей: не прошло и нескольких дней, как они увиделись снова. Остается только порадоваться за бронзового зверя: здесь он в привычном кругу соплеменников, а не в неудобном обществе чуждых ему католических святых Франциска, Януария и Блаженной Августины. Но что-то мешает Дарлинг радоваться. Как и тогда, в «Мали Ба», ее накрывает чувство неясной тревоги, которое перерастает едва ли не в панику. Ей кажется, что стекло звенит, тонко вибрирует и вот-вот разлетится на куски. Неясный гул, просочившийся сквозь щели, достигает ушей и снова складывается в «*Мавумавумавумаву*», уже слышанное Дарлинг когда-то. Это «маву» еще хуже, чем паучьи сети, раскинутые Йеном, еще опаснее.

...Кажется, Дарлинг на долю секунды потеряла сознание, а потом отшатнулась от полки и упала бы, если бы Йен не поддержал ее.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Да-да, простите...

– Не думал, что вы такая впечатлительная.

– Честно говоря, я начинаю понимать Магду... В доме, где полно штучек, выкопанных из могильников, у кого угодно поедет крыша.

– А они выкопаны из могильников?

– Не знаю. Вряд ли... Это просто мое неумное воображение. Но лучше держаться от всех этих вещей подальше, а то в голову начинают лезть всякие нехорошие мысли.

– Какие?

– Что любая из местных африканских безделушек способна убить...

– Угу. Ценное замечание. И не такое уж абсурдное, как кажется на первый взгляд.

– Шутите?

Нет, Йен вовсе не шутил, Дарлинг следовало понять это по его голосу. Еще минуту назад насмешливый и расслабленный, он моментально собрался, как будто готовясь к прыжку.

– Отойдите-ка.

Не дожидаясь, пока Дарлинг отступит, Йен сам отодвинул ее плечом, нагнулся и, аккуратно взявшись пальцами, приподнял

стеклянную переднюю стенку. После того как она была вдавлена в паз в верхней части полки, леопард и окружающие его ухув-элао предстали во всей своей красе. К ним можно было прикоснуться, их можно было погладить, более того – Дарлинг (несмотря на отзвуки «мавумавумавумаву», бившиеся уже где-то в затылке) испытала странное, почти непреодолимое желание сделать это немедленно.

– Не трогайте!.. – Окрик, остановивший ее, был таким властным, что Дарлинг вздрогнула.

В воздухе мелькнула лупа – совсем не такая изысканная, как та, что принадлежала *Даша*. Дарлинг хорошо запомнила ее, когда *Даша* рассматривала портсигар: длинная резная ручка, инкрустированная перламутром; латунный обод с затейливым растительным рисунком, голубоватое холодное стекло. Вещь ценная сама по себе, она как будто была предназначена для глубинного погружения в другие вещи, еще более ценные.

Лупа Йена оказалась самым настоящим отстоем, китайской дешевкой по цене два евро. Такие пластмассовые уродцы продаются в любом магазине, где торгуют одноразовой хозяйственной мелочью. И вот теперь этот уродец, зажатый в руке отставного полицейского, приблизился к леопарду. И бронзовая кошка несколько не оскорбилась – напротив, милостиво позволила разглядеть себя во всех подробностях. Исследование кошачьей плоти продолжилось совсем недолго, после чего Йен присвистнул, потер подбородок и тихо произнес:

– А вот и оно.

– Я не понимаю...

– Недостающее звено. Орудие преступления.

Странно, но это ошеломляющее известие не удивило Дарлинг. Зато возникло стойкое ощущение, что она падает куда-то в бездну. Не такую глубокую, как кажется на первый взгляд, дно бездны стремительно приближается, оно усеяно камнями и утыкано кольями слов, сказанных когда-то почти inferнальным хозяином «Мали Ба»: **«Для кого-то другого эта вещь была бы совершенно безопасной, но вашему боссу она принесет только беду. Им не стоит встречаться, поверьте».**

Они уже встретились. И Дарлинг сделала все, чтобы эта встреча состоялась.

А потом Костас встретил *Даша*...

Если Йен прав (почему прав? по каким признакам он решил, что бенинский леопард – убийца?)... Но если он прав, то беда настигла совсем не Костаса. Беда настигла женщину, от любви к которой он так и не смог, не захотел избавиться.

Пусть он и ошибся, этот берлинский парень в жилетке, – но ошибка лежит в рамках статистической погрешности. И сейчас Дарлинг почти уверена, что и парня-то никакого не существует, как не существует лавчонки на унылой улице Вильгельмшавенерштрассе. «Мали Ба» была создана судьбой именно для них с Костасом. Всего-то и нужно было – поменять декорации в каком-нибудь самом тривиальном мини-маркете, кебабной или агентстве недвижимости. Возможно, там продавались цветы, функционировал центр помощи жертвам домашнего насилия; возможно, там не было вообще ничего и помещение просто ждало арендатора.

И он явился – под личиной фатума.

Если принять эту точку зрения, многое становится понятным: потерянные и так и не найденные двадцать минут (судьба просто наводила фокус и выбирала ракурс), отсутствие стрелок в часах (судьба никогда не заморачивается вопросом «который час?») и даже то, что сам хозяин привиделся им обоим по-разному. Там, в абсолютно ирреальной «Мали Ба», судьба приоткрыта над ними полог, за которым спрятано будущее. И она была по-настоящему великодушна, она снизошла не только до подсказок, но и до прямых предупреждений о грозящей опасности. И все же позволила сделать окончательный выбор им самим.

И этот выбор оказался неправильным.

Неправильным.

Не...

– Почему вы решили, что это – орудие преступления? – Голос Дарлинг звучит на удивление спокойно. Он и есть подброшенная когда-то Паоло защитная рей-сеновская стекляшка. До сих пор стекляшка верой и правдой служила папочке и его сухогрузу. А теперь она оберегает внешний и такой понятный мир от сумасшедших мыслей, проносящихся в Дарлинговой черепной коробке.

– У меня есть глаза.

– И лупа...

– И лупа, да. Взгляните-ка на хвост вашего сокровища.

Йен сует лупу в руку Дарлинг, но и без лупы достаточно легко рассмотреть несколько смазанных темных полос: как будто испачканную какой-то едкой жидкостью бронзу хотели протереть, но так и не довели тягостную процедуру до конца.

– Что это?

– Полагаю, кровь жертвы.

– Вы шутите?

– Вы уже задавали этот вопрос. И чтобы впредь он не возникал, замечу: я никогда не шучу. Особенно если дело касается такой веселой штуки, как убийство.

– Эти полосы... Они могут быть оставлены чем угодно.

– Чем?

– Ну не знаю... – Дарлинг тотчас же вспоминается обработанная йодом щека Анн-Софи. И руки Магды, перепачканные землей. – Может быть, это просто грязь?

– Скажите еще – машинное масло. Или соевый соус.

– Тоже вариант...

Никакой это не вариант. Полка с леопардом начинает раскачиваться, ухув-элао округляют каменные и железные рты, высоко задирают брови, – *конечно же, все это ей только кажется*, уверяет себя Дарлинг.

Шаманские штучки.

Ей только кажется (кажется! кажется!), что полосы на остро заточенном хвосте леопарда стали... нет, не светлее и не темнее. Они просто поменяли цвет. До этого момента он был неопределенным, теперь же можно с уверенностью говорить о темно-красном. Темно-красное проступает маленькими каплями, словно кто-то невидимый надавливает на ставший неожиданно мягким и податливым хвост.

Это не может быть правдой, ведь хвост-то – бронзовый, как и сам леопард! И сжать бронзу, как сжимают губку, нельзя. Но леопарду, занявшему место Мика, глубоко плевать на физические, химические и человеческие законы, маленькие капли только множатся; теперь хвост выглядит абсолютно вымокшим, попавшим под дождь.

Видит ли все эти метаморфозы Йен – неизвестно. Он просто протягивает руку и аккуратно проводит пальцем по полосам. После

чего подносит выпачканный в темно-красное палец к носу, несколько секунд обнюхивает его и удовлетворенно хмыкает:

– Так и есть, кровь. Теперь что скажете? Я прав?

– Это может быть чья угодно кровь, – слабо сопротивляется Дарлинг.

Йен снова лезет в свой бездонный карман и на этот раз вынимает пару видавших виды резиновых перчаток. Ловко натянув их, он подхватывает леопарда большим и указательным пальцем правой руки и едва не роняет на пол.

– Тяжелый, вот черт!..

– Он тяжелый, да. Я забыла вас предупредить.

На детальный осмотр фигурки уходит около минуты, после чего она отправляется в небольшой прозрачный и очень плотный пакет. Осторожно переместив пакет на стол и оставив его там, Йен снова возвращается к полке и Дарлинг:

– На чем мы остановились?

– На том, что кровь может быть чьей угодно. Если это вообще кровь.

– Это кровь. И я обнаружил еще кое-что. Что делает вывод однозначным. Светлый волос, очень похожий на волос хозяйки. И мелкий осколок кости. Они прилипли к основанию хвоста. Экспертиза еще скажет свое слово, но и без нее, я думаю, все понятно.

– Но... как это может быть? – задает Дарлинг совершенно бессмысленный вопрос, ведь здесь, в поле притяжения полки, «может быть» все что угодно.

– Хотите, чтобы я объяснил вам механизм раскройки черепа тяжелым металлическим предметом?

– Я примерно понимаю...

– Да?

– То есть я хотела спросить совсем другое. Как может быть, что крови здесь слишком много? И что она до сих пор пачкается? Разве она не должна была подсохнуть?

– Хотите убедить меня в сверхъестественности происходящего? – Тон не предвещает ничего хорошего, и в следующий момент рука Йена, все еще облаченная в перчатку, сдавливая плечо Дарлинг.

– Нет. Я просто высказала предположение, вполне здравое.

Она пытается сохранять достоинство, хоть сохранить его, будучи окруженной бездушным пауком и срубленными под корень африканскими головами, довольно проблематично. И хорошо еще, что леопард-убийца не дышит ей в спину!

– Почему вы обратили мое внимание на эту дерьмовую железную кошку, а?

– Она бронзовая...

– Не важно.

– И я не обращала. Я просто случайно увидела... штуковину, с которой знакома. И мне показалось странным, что ее туда втиснули, вот и все.

– Что же в этом странного?

– На этом месте вчера стояла совсем другая вещь. И *Даша* рассказывала мне о ней...

– Что еще за вещь?

– Фигурка африканского божества по имени Мик.

– Не лепите мне горбатого, леди!.. Божество не могут звать Мик. Божество – не музыкант и не актер, и оно не играет в национальной хоккейной лиге.

– Наверняка у него есть другое имя, но я знаю его как Мика. Так зовет его Лали. А *Даша* утверждает... утверждала, что Мик – жемчужина ее коллекции. Что когда-то он принадлежал дагомейской жрице... вот черт, я забыта, как ее зовут...

– И куда же подевался... этот Мик?

– Не знаю. Возможно, его переставили...

– Подвинули, чтобы впихнуть орудие преступления?

– Да отпустите же меня! – не выдерживает Дарлинг.

– И не подумаю. Йен Шанти не из тех, кто отпускает преступников...

Снова он за свое!.. Снова его лицо становится похожим на паучье брюхо, из которого выползают на свет капли секрета, чья белковая основа обогащена глицином, аланином и еще массой фигни (знания, подцепленные Дарлинг из побочной ветви ЖЖ-дискуссии о властях предрержащих). Власть Йена над ситуацией и самой Дарлинг – иллюзорна, его умственные способности весьма сомнительны, его методы ведения расследования не выдерживают никакой критики, его выводы смехотворны. Давно пора послать этого пигмея куда подальше.

– Если бы я была преступницей, – медленно произносит Дарлинг, стараясь не смотреть на физиономию покемона, – стала бы я указывать вам на оружие, которым совершено убийство? Сами подумайте. Или закон «нет орудия убийства – нет преступления» больше не работает?

Йен ослабляет хватку, но посрамленным все же не выглядит:

– Хотел бы я знать, кто поставил сюда этого зверя...

– Кто поставил – тот и убил? – высказывает предположение Дарлинг.

– Может быть. А может быть, и нет. Говорите, Мик был ценным экспонатом?

– Чрезвычайно. Так, во всяком случае, утверждала *Даша*.

– И куда же он подевался?

– Понятия не имею. И, пожалуйста, не говорите, что это я его прикарманила... Иначе бы я...

– ...иначе бы вы не стали акцентировать внимание на его отсутствии.

– Именно.

– В том случае, если бы у вас не было сомнений, что на это отсутствие не укажет кто-нибудь другой, – вскользь, без всякого энтузиазма произносит Йен, и Дарлинг чувствует неприятное посасывание под ложечкой: отставной коп все еще не избавился от подозрений, а это неприятно. – Как он выглядит?

– Кто?

– Ваш божок.

Вспомнить, как выглядит Мик, – задача не из легких. И Дарлинг вовсе не уверена, что она ей по плечу. Проще всего воссоздать в памяти электрические заряды, окружавшие Мика, но дальше этого дело не идет. Мик стоял или сидел? Мик взирал на мир открытыми глазами или шурил их, чтобы никого не потревожить понапрасну?.. Так и есть – все связанное с Миком ускользает, если не считать желтого слоновьего бивня, вколоченного в его голову. Или – в грудь... Или...

– Мне сложно описать Мика. Вот если бы я увидела его снова...

– Так смотрите.

Несколько минут уходит на детальное изучение полок, и все это время Йен сосредоточенно сопит поодаль, глядя сквозь лупу на тихую музейную жизнь выходцев из Африки.

– Ну что? – спрашивает он.

– Мика здесь нет, – с сожалением сообщает Дарлинг, когда инспекция завершена.

– Вы уверены?

– Абсолютно. У меня хорошая зрительная память. Выходит, тот, кто поставил сюда кошку, и взял Мика?

– Может быть. А может быть, и нет. Не исключено, что между этими двумя хреновинами нет вообще никакой связи. Не исключено, что кошку просто сунули на первое попавшееся пустое место. А других пустот я здесь не вижу.

Так и есть: африканский мини-пантеон был продуман *Даша* намного тщательнее, чем кажется на первый взгляд. Сдвинуть или раздвинуть фигурки незаметно и безнаказанно не получится – каждая из них стоит на крошечном деревянном подиуме, намертво приклеенном к основанию полки. Йен между тем обшаривает пальцами внутренние полочные ребра, приподнимает и снова ставит на место каждую из голов ухув-элао. И даже постукивает по торчащим из них бивням. Звук глуховатый и не слишком приятный, царапающий не меньше, чем «мавумавумавумаву».

– Странно, – наконец произносит он. – Если вещи, которые здесь собраны, имеют ценность...

– Безусловную ценность...

– Почему тогда они находятся в открытом доступе? Почему здесь нет даже намека на сигнализацию, почему не установлены видеокамеры?

– Спросите об этом у тех, кто живет в доме... И... это же не музей!

– А мне вот кажется, что музей. Меня всегда тошнило от музеев. Сейчас вот тоже тошнит.

Дарлинг тошнит уже давно. Прежде всего – от самого Йена. И от его пальцев, скрытых под белым латексом: они похожи на копошащихся в гниющих телах червей – мерзость, да и только. Точно такие же черви живут в могилах заброшенных кладбищ, откуда перекочевала в бесхитростный пномпеньский дом большая часть коллекции. Точно такие же черви сожрали плоть бывшей владелицы Мика – дагомейской жрицы... как зовут чертову жрицу? Ваджана? Виджина?... Точно такие же черви сожрут и плоть *Даша*, нынешней

владелицы Мика, когда она будет похоронена. И лишь Мику ничего не делается – где бы он ни был сейчас... Мик будет жить вечно. Таков удел божеств, вне зависимости от материала, из которого они изготовлены. *Винджиле*, вот как звали ту жрицу!..

– Винджиле! – вслух произносит Дарлинг.

– Не понял?

– *Даша* говорила мне, что в Мике скрыта какая-то невероятная сила... И что прежней его владелицей была легендарная жрица Винджиле.

– Хорошо хоть не Адольф Гитлер, иначе мы никогда бы не выиграли войну. – Йен скептически хмыкает. – В детстве я тоже любил фильмы про Индиану Джонса и всякие там копыа судьбы.

– А я – нет.

– Ну конечно. Всем Индианам Джонсам дамочки предпочитают «Секс в большом городе».

Спорить с покемоном бесполезно, тем более что он снова отвлекся на внутренности полки. И даже сунул туда лупу.

– Вы говорите – Винджиле?..

– Да, а что?

– Может быть – Хванджиле?

О господи, так и есть!.. Ну конечно же, Хванджиле, как она могла забыть? «Хванджиле, дагомейская жрица», именно так отрекомендовала средневековую укротительницу Мика *Даша*. Вот только каким образом об этом догадался Йен?

– Верно. Откуда вы знаете?

– Ну читать я еще пока не разучился. Вы видели надпись?

– Надпись? Я не видела никакой надписи...

– Кто-то выцарапал это имя. Здесь, на задней панели... Погодите-ка...

Самым бесцеремонным образом Йен начинает свергать головы с постаментов, сбрасывать их в кучу. Ухув-элао стучаются друг о друга, и Дарлинг, инстинктивно зажмурившись, ждет немедленного наказания за подобное святотатство. Разряда молнии, который должен поразить Йена в самое сердце (на худой конец – в макушку), нашествия змей и гигантских кровососущих насекомых или... Или устрашающих клыков бенинского леопарда, одним махом способных перекусить святотатцу шейные позвонки. Но бенинский леопард,

упакованный в пластик, по-прежнему стоит на столе, не проявляя никакого интереса к происходящему. Между тем манипуляции Йена с задней стенкой полки подходят к своему логическому завершению: слышатся два сухих щелчка, шелест отодвигаемой заслонки и легкий свист. Этим свистом Йен приветствует открывшийся за стенкой черный пролом в стене. Запустив в нее руку, он извлекает на свет божий несколько тонких папок.

– Что это? – спрашивает Дарлинг.

– Очевидно, хозяйские тайны. – Йену не терпится сунуть нос в содержимое папок, и лишь присутствие Дарлинг сдерживает его.

– Не думаю, что хозяйке бы понравилось...

– Хозяйка мертва. А здесь может быть то, что прольет свет на ее смерть. Бумаги иногда бывают намного разговорчивее, чем люди. И с памятью у них обстоит порой гораздо лучше...

* * *

СОЛО

– ...Итак, леди, начнем с вашего знакомства с покойной. Буду признателен, если вы сообщите мне, где и когда это случилось.

– Это имеет какое-то отношение к произошедшему?

– Надеюсь, что нет. Но трудно вычислить убийцу, ничего не зная о жертве, вы согласны?

– Возможно. А... подвижки в вычислениях уже возникли?

– Скажем, кое-что сдвинулось с места. И я сильно надеюсь на ваши показания, Анн... Вы позволите мне так вас называть?

– Я все же предпочла бы полное имя. Анн-Софи.

– Хорошо.

– Мы познакомились лет пятнадцать назад или чуть меньше. В Судане...

– Это где-то в Африке?

– Где-то там, да.

– И что же вы делали в Африке?

– То же, что и всегда. Изучала пустыню. В данном конкретном случае это была Нубийская пустыня...

– *Вы ученый? Биолог? Зоолог?*

– Скорее натуралист самого широкого профиля. Последние два десятка лет я собираю материал для книги...

– *Тут, как я посмотрю, полно писателей...*

– Дураков тоже хватает. Так вот, мы познакомились с *Даша* в Судане. Тогда я была замужем за своим первым мужем...

– *Он тоже изучал пустыню?*

– Он работал в гуманитарной миссии, но это не имеет никакого отношения к сегодняшнему убийству, не так ли? Тем более что его самого давно нет в живых. Вы что-нибудь знаете о Судане, кроме того, что он находится «где-то в Африке»?

– Э-э...

– Так я и думала. Судан – довольно опасная страна, там очень беспокойно.

– *В каком смысле?*

– Локальные вооруженные конфликты, иногда перетекающие в полноценные боевые действия. Что-то отдаленно напоминающее войну Севера и Юга, если так вам будет понятнее.

– Э-э... *А я думал, что рабство уже отменили...*

– Не стоит понимать так буквально, но Север и Юг при этом остаются.

– *Ну а какое отношение к этой войне имела ваша покойная подруга? Чем она там занималась?*

– Я не знаю. Возможно, об этом знал мой покойный муж, они контактировали по линии гуманитарной миссии...

– *Надеюсь, эта миссия была благородной.*

– Вне всякого сомнения.

– *Но ваш муж уже давно умер, а вы виделись с покойной и после его смерти. Так и не удосужились спросить?*

– Да, мы виделись, и не раз, но уже совсем в других странах. А о Судане не хотелось вспоминать ни ей, ни мне. И на то были свои причины, которые я не собираюсь здесь озвучивать. Скажу лишь, что добровольное присутствие белой женщины в опасной стране говорит о выдающихся душевных качествах. Не так ли?

– *Каких, например?*

– Например, о личном мужестве и отваге. Вне зависимости от целей, которые она перед собой ставила.

– *Я бы назвал это бабской глупостью и безрассудством.*

– Искренне желаю вам, чтобы в ту минуту, когда ваша жизнь повиснет на волоске, рядом не нашлось ни одного безрассудного человека. Который не позволит вам сдохнуть в муках, ужасе и неизвестности. Уж тогда бы вы точно оценили бабскую глупость по достоинству. Вы просто молили бы о ней.

– *У вас была именно такая перспектива?*

– Была. И не стоит думать, что мертвых некому защитить.

– *Еще больше, чем в защите, мертвые нуждаются в справедливости. Но мы отвлеклись на ненужные философствования. Вы были привязаны к вашей покойной подруге?*

– Я любила ее. И всегда ею восхищалась. Как, впрочем, и все остальные. Даша магически действовала на людей.

– *На всех без исключения?*

– Если исключения и были, о них мне ничего не известно.

– *А жена писаки? Магда? Разве не она устраивала вчера безобразные сцены и грозилась расправиться с хозяйкой?*

– Я не была свидетельницей этих сцен. И не думаю, что к угрозам слабой, неуравновешенной и ревнивой девушки стоит относиться серьезно.

– *Я бы и не отнесся, если бы не было трупа. Но наличие трупа все меняет.*

– Вот что я вам скажу, милый мой. В жизни Даша случались ситуации гораздо более опасные, чем конфликт из-за мужика. И выходила она из этих ситуаций целой и невредимой. Так неужели вы думаете, что она не смогла бы защититься от экзальтированной идиотки, которая способна лишь сотрясать небеса бессильными проклятиями?

– *Так вы их все-таки слышали?*

– Нет. Но примерно представляю, как они могли выглядеть.

– *Имелись прецеденты?*

– Мне не хватит всех имеющихся в наличии пальцев, чтобы их пересчитать. Пришлось бы воспользоваться вашими.

– *А как насчет того, что ее любили все?*

– Все мужчины. Женщины отдавали ей должное, если, конечно, были умны.

– *А если не очень?*

– Если не очень – тихонько скулили в уголке. Ничего другого им не оставалось.

– *Вы как будто защищаете эту Магду.*

– Я просто не считаю ее способной на убийство. Ведь главное – найти убийцу, не так ли? И чтобы невинные при этом не пострадали. А убийца в нашем случае – человек очень сильный, очень умный, очень коварный и безжалостный. Если уж *Даша* не смогла его переиграть.

– *Например, вы.*

– Что?

– *Вы кажетесь мне умным и сильным человеком, Анн-Софи. Вы подходите на эту роль, да.*

– Я, конечно, польщена такой характеристикой, но... я любила *Даша*. Сколько раз мне нужно это повторить, чтобы вы поняли? Я многим ей обязана. Черт возьми, я обязана ей жизнью! Когда меня взяли в заложники в Дарфуре и надежды на спасение не было, она вытащила меня...

– *Это та суданская история, о которой вы не любите вспоминать?*

– Да. Но никто не запретит мне помнить о благородстве *Даша*. Каковы бы ни были жизненные обстоятельства, я всегда буду на ее стороне. Даже теперь, когда она мертва.

– *Позиция, достойная похвалы. Особенно теперь, когда она мертва. Вот только жизненные обстоятельства имеют обыкновение меняться.*

– О чем это вы?

– *Вы угрожали ей, несмотря на всю декларируемую вами любовь. И угрожали не далее как вчера вечером.*

– Что за бред вы несете?

– *Кое-кто стал свидетелем вашего нелюбезного разговора с хозяйкой.*

– Бред...

– *Вы готовы повторить это на очной ставке?*

– С кем?

– *Со свидетелем.*

– Погодите-ка... Что еще за свидетель? Русская девчонка, я права?.. Видимо, она недостаточно хорошо владеет английским.

– *Достаточно. Вы сами знаете. Что это был за разговор?*

– Ну хорошо. Речь шла об... одном старом архиве. Когда-то он принадлежал другу моего покойного мужа...

– *Того самого, из гуманитарной миссии?*

– Да. Но к Судану это не имеет никакого отношения. Скорее к Исмаэлю, это архив его отца. Настоящего отца. Исмаэль – приемный сын *Даша*, надеюсь, вы в курсе?

– *Наслышан.*

– Архив достался ей вместе с Исмаэлем, для европейца он не представляет никакой ценности. Но друзья моего покойного мужа... которые также являются и друзьями отца мальчика, крайне в нем заинтересованы.

– *Что это за архив?*

– Новым Уотергейтом он не стал бы, уверяю вас. Так, локальные африканские страсти, никому за пределами континента не интересные.

– *Значит, вы имеете представление о его содержании?*

– Весьма приблизительное. Говорю же вам, дело не стоит выведенного яйца.

– *И ваша подруга согласилась передать вам этот архив?*

– Это я согласилась передать ей запоздалую просьбу из Африки... Не более того. Ей даже были готовы заплатить.

– *Так она была согласна расстаться с бумажками – за плату или безвозмездно?*

– Я только озвучила просьбу, а договориться мы не успели. То же самое я скажу и на очной ставке. И пусть ваш свидетель, если он честный человек, попытается это опровергнуть.

– *Архив находится здесь, в доме?*

– Я не знаю. Знаю только, что до самого последнего времени он был у нее. Будете устраивать очную ставку?

– *Успеется. Вы или ваш нынешний муж были знакомы с кем-то из гостей прежде?*

– Мой муж – и есть я...

– *Я учту это на будущее. Так что с гостями?*

– Скажем, о некоторых я была наслышана... Я имею в виду Тео и Яна. Кажется, несколько лет назад *Даша* вскользь упоминала того

русского парня, который появился здесь вчера ненадолго и странным образом исчез...

– *Вы имеете в виду босса нашей русской?*

– Да, хотя... Может быть, это был совсем другой русский. Или не русский. Разбираться в мужчинах *Даша* — занятие бесперспективное.

– *Так их было много?*

– Так они были удручающе однообразны в своей любви к ней. Впрочем, об этом вам лучше спросить у вашего друга. Яна.

– *Обязательно, но пока что я беседую с вами. Хотите сказать, что никто из собравшихся не знал друг друга прежде, хотя с самой хозяйкой все были знакомы не один год?*

– Это может показаться странным...

– *Более чем...*

– Но такова была *Даша*. Она слишком стремительно жила, слишком стремительно вступала в отношения и так же быстро их завершала. И никто из ее любовников никогда друг с другом не пересекался. Им оставалось только сидеть в клетках своих воспоминаний о ней... И даже если эти клетки стояли рядом — разглядеть, что происходит в соседней, не представлялось возможным.

– *Это почему же?*

– Все дело в темноте. Подлинная жизнь *Даша* всегда была окутана мраком неизвестности. Ну или туманом. Это как вам будет угодно.

– *Книга, которую вы собрались написать, — художественная?*

– Нет. С некоторой натяжкой ее можно отнести к специальной литературе.

– *Я бы посоветовал вам писать романы. С вашей-то тягой к цветистым оборотам речи.*

– Вы позволите мне не воспользоваться советом?

– *А вы позволите мне не поверить тому, что вы здесь наплели относительно покойной и ее мужчин? По вашим словам выходит, что никто не мог перед ней устоять.*

– А вы спросите у вашего друга.

– *Так и сделаю... А теперь скажите мне вот что: если она взяла за принцип никого и ни с кем не знакомить... Как объяснить вчерашний анишлаг? С чего бы ей было отступить от своих принципов?*

– Для меня это такая же загадка, как и для вас.

- *И вы даже не попытались найти ответ на нее?*
- Отчего же, я спросила об этом напрямую. Но она отделалась шуткой. Что-то вроде: я подвожу итоги, Анн... Но я и представить себе не могла, что шутка окажется пророческой. Она, я думаю, тоже.
- *Среди гостей оказались и случайные люди...*
- Вы имеете в виду русскую?
- *И русскую тоже. А также Магду. Не думаю, что покойная так уж жаждала увидеть на своем празднике жену бывшего любовника.*
- Ей было все равно. В худшем случае она отнеслась к этому с иронией.
- *А молодой англичанин? Как он оказался здесь?*
- Кристиан? Он приехал по приглашению Шона. Вроде бы это его старый друг...
- *А что вы можете сказать о самом Шоне?*
- Только одно: маленький несчастный дурачок. Шон – единственный, кого я знала задолго до того, как приехала сюда. Кроме Даша и детей, разумеется... Он был представлен мне три года назад, уже как муж и новоиспеченный отец. Тогда еще вся семья жила в Гане...
- *Это где-то в Африке?*
- Где-то там, да.
- *А пустыни в Гане имеются?*
- В классическом понимании – нет. Саванны с засушливым климатом, но меня они интересуют мало.
- *А личная жизнь вашей подруги? Она вас интересовала?*
- В классическом понимании – нет.
- *И вы не были удивлены таким... эксцентричным выбором?*
- Что вы имеете в виду?
- *Только то, что супруг убитой был намного моложе ее...*
- Ну и что? Я нашла ситуацию пикантной, не более того. К тому же молодой человек казался мне искренне влюбленным. Что совсем не удивительно. Удивительным было другое... Шон – самый обычный парень, без особых талантов. На фоне всех прошлых любовников Даша он выглядел настоящим пигмеем.
- *Маленьким несчастным дурачком.*
- Именно.
- *И тем не менее она выбрала его...*

– Я скажу вам одну вещь, хотя это может прозвучать нелепо. И относится к области моих догадок... Думаю, в этом выборе участвовал еще кое-кто...

– *Кто же?*

– Возможно, местные ганские колдуны, *Даша* водила с ними дружбу.

– *Она была суеверна?*

– В привычном понимании этого слова – нет. Но она много лет прожила в Африке и любила ее...

– *Я это уже понял по дому.*

– А жить в Африке и не верить в сверхъестественное нельзя. Она сама мне об этом говорила.

– *Шон и есть сверхъестественное?*

– Без Шона Лали никогда не появилась бы на свет. Именно Лали, а не какая-нибудь другая девочка или мальчик...

– *Э-э... Так он был нужен только для зачатия этой супер-пупер-девочки? Подванивает цинизмом, вы не находите?*

– Я этого не сказала.

– *Вы намекнули, а я лишь продолжил вашу мысль.*

– Все намного сложнее...

– *Ну конечно.*

– Мне жаль Шона... Зимой в Гане дует харматтан, очень жаркий, сухой и пыльный ветер. Он несет песок из пустынь, и песок этот забивается в легкие, забивается в рот... Если харматтан застал тебя где-нибудь на открытом месте, без средств защиты – смерть от удушья почти неминуема. Боюсь, что *Даша* стала для Шона таким вот харматтаном...

– *А если отбросить ненужные красоты?*

– Шону встретила женщина, которая не могла принадлежать ему по определению. И он имел неосторожность полюбить ее... Вернее, я назвала бы это роковой страстью, справиться с которой может только смерть.

– *Чья?*

– Одного из двух. Что, собственно, и произошло. А если бы даже не произошло... *Даша* рассталась бы с ним в самое ближайшее время. Она сама сказала мне об этом несколько дней назад.

– *А ему?*

– Я не знаю.

– *А кому-нибудь еще?*

– Зазу тоже слышал наш разговор.

– *Зазу – который и есть вы? Не считается.*

– Возможно, он начал подозревать... Возможно, поэтому пригласил своего друга. Чтобы тот поддержал его...

– *В отношениях с женщиной, которая собирается его бросить? Маловероятно. Что за сцену Шон устроил вчера в саду?*

– Он напился и попытался выяснить отношения с женой.

– *Публично?*

– Они начали ссориться во время фейерверка, который устроил Ян. Фейерверк был прелестен, но слишком уж громок, так что большую часть скандала никто не слышал. До нас донеслись лишь отголоски.

– *До вас с Зазу?*

– Думаю, до всех остальных тоже. Шон даже попытался ударить *Даша*.

– *Попытался или ударил?*

– Все получилось крайне нелепо. Шон не из тех, кто выясняет отношения на кулаках. И он всегда казался мне уравновешенным молодым человеком. А тут... бездарная неврастеническая пощечина... Как будто в самый последний момент он передумал, сломался, но отвести руку не удалось. Удар получился совсем не сильным, у *Даша* он вызвал лишь улыбку.

– *Ничего смешного я не вижу.*

– Я тоже. Но Шон сам испугался не на шутку. Еще до того, как к нему подскочили Ян и Кристиан. И Иса... Если бы вы видели, как мальчик смотрел на своего отчима!

– *Могу предположить.*

– Не можете. Иса очень привязан к матери. Я бы тоже назвала это разновидностью роковой страсти...

– *Давайте не будем нагнетать.*

– Мальчик готов был испепелить Шона, какое уж тут нагнетание! Он выкрикнул что-то...

– *Что именно?*

– Как раз в этот момент разорвалась очередная петарда, так что я не расслышала, увы. Все вокруг искрилось и вспыхивало, и мне

почудилось, что из пальцев Исмаэля вылетела молния. Ощущение не из приятных.

– *Чем завершился инцидент?*

– Ничем особенным. Все затихло само собой, стоило только *Даша* улыбнуться и успокоить их обоих – мужа и сына. Но неприятный осадок остался.

– *Что было потом?*

– Потом, хвала всевышнему, фейерверк кончился. Шон продолжил тупо напиваться в дальнем углу сада. Во всяком случае, без бутылки я больше его не видела. На какое-то время он исчезал, но потом появлялся снова, пока не надрался окончательно. И не успокоился на детских качелях. Мы несколько раз сыграли в китайскую рулетку, затем в крокодила... Это такая игра, где показывают слова... Послушали игру Исы на саксофоне... Все было очень мило.

– *И покойная все время оставалась в поле вашего зрения? Не уединялась ли она с кем-нибудь из гостей? Или с мужем?*

– Периодически исчезали все. Кто-то отправлялся за спиртным, кто-то уходил по естественным надобностям, но тут же возвращался... Некоторое время отсутствовал Иса – он как раз укладывал спать сестру. Но на китайскую рулетку собрались все. За исключением Магды и нашей русской гостьи.

– *А ее спутник?*

– Он исчез еще до темноты.

– *Исчез?*

– Исчез для меня и для всех остальных гостей. Но думаю, что *Даша* была в курсе его ухода и сама закрыла за ним дверь.

– *Она сказала вам об этом?*

– Она сказала лишь, что он ушел. И что не стоит беспокоиться о нем. Особо расстроенной она не выглядела.

– *Китайская рулетка – это карточная игра?*

– Скорее психоаналитическая.

– *И в чем она состоит?*

– Довольно долго объяснять, но я попробую. Ведущий, а они постоянно сменяются, задумывает кого-то из присутствующих, после чего отвечает на довольно специфические вопросы.

– *Какие именно?*

– Ну, например, «если бы этот человек был деревом – каким бы деревом он был». Или – птицей, или животным, или зданием, или временем года. Или ножом. Ну и так далее. В результате выстраиваются цепочки ассоциаций с тем или иным персонажем. От точности и глубины этих ассоциаций зависит правильный ответ...

– *Звучит бредово.*

– Если бы вы были зданием, дорогой мой, вы были бы шатром гадалки на сельской ярмарке. Знаете, такие залепленные пожухлыми рекламными плакатами хлипкие сооружения...

– *Хотите оскорбить меня?*

– Нисколько. Просто озвучила первую пришедшую на ум ассоциацию...

– *И все играли в эту дурацкую игру?*

– С большим удовольствием, хотя реакции на ту или иную ассоциацию были не всегда адекватными.

– *Что, проскакивало что-нибудь еще более унижительное, чем шатер гадалки?*

– Так точно и не вспомнить. Если бы вы, мой друг, были игрушкой, какой игрушкой вы бы были?

– Э-э...

– Отвечайте быстрее!

– Э-э... *человеком-науком?*

– Я думаю, что радиоуправляемой машинкой. В которую вечно забывают вставить батарейки.

– *А вы... Вы были бы хеллоуинской ведьмой, внутри которой стоят аккумуляторы.*

– Bravo! Не забудьте еще вечный двигатель, встроенный в грудную клетку. Когда Даша сравнила Кристиана с длинноухим плюшевым зайцем... а Кристиан и был загадан... он очень расстроился. Покраснел и едва не заплакал. Ох уж эти мне мужчины, они такие впечатлительные...

– *Я хочу вам кое-что показать, Анн-Софи. Это не игрушка, хотя определенное сходство есть. Вот, взгляните.*

– Что это?

– *Как мне сказали, это... э-э... бенинский леопард.*

– *Изящная вещица. Обнаружили ее в запасниках африканской коллекции Даша?*

– Не столько изящная, сколько тяжелая. И этой тяжести хватило, чтобы бесповоротно раскроить башку... нанести увечья, несовместимые с жизнью.

– Хотите сказать...

– Это и есть орудие преступления, да. На хвосте и следы имеются.

– Какие?

– Кровь жертвы.

– Не стоит ли дождаться результатов экспертизы, прежде чем делать такие выводы?

– Экспертиза будет проведена, но и по косвенным признакам все понятно.

– И где вы нашли его?

– Здесь, в кабинете.

– Здесь?

– Стоял себе тихонько за стеклом, голубчик.

– Поздравляю. Кажется, я недооценила вас. Но таких голубчиков и голубок здесь не меньше сотни... Как вы смогли обнаружить его?

– Вы как будто взволнованны?

– Просто удивлена.

– Неприятно?

– Просто – удивлена. Я действительно недооценила вас.

– Вы когда-нибудь видели эту вещь раньше?

– Никогда. Но я не особенно присматривалась к коллекции Даша. Она меня... несколько нервировала...

– Почему?

– Я провела достаточно время в Африке, чтобы с опаской относиться ко всем этим штукам. Еще неизвестно, что в них заключено.

– Скажите еще, что в них заключена дьявольская сила. И что эта самая сила шмякнула несчастную по виску.

– Я не настолько наивна, чтобы верить в дьявольские козни. Но и не настолько глупа, чтобы совсем не верить в них.

– Вы снова выражаетесь туманно, *Анн-Софи*.

– Отнюдь нет. Я всего лишь хочу сказать, что эти вещи могут определенным образом воздействовать на человека. Диктовать ему свою волю...

– *Мракобесие какое-то. С тем же успехом можно обвинить в убийстве чизбургер. Вдруг он тоже диктует кому-нибудь свою волю?*

– *Наверняка, судя по тому, как раздаются вширь адепты чизбургеров. Вы когда-нибудь были в Африке?*

– *Как-то не тянуло.*

– *Тогда мне бесполезно убеждать вас в чем-то.*

– *Бесполезно убеждать меня в том, что убийство произошло без человеческого вмешательства. И когда этот очевидный факт отрицают и подсовывают мне бредни о колдунах и колдовских штучках, я начинаю сомневаться в невиновности... э-э... любителей колдовства.*

– *Вы опять за свое? Снова хотите обвинить меня в убийстве? Еще раз повторю: Даша была моим другом.*

– *Вот только не надо кормить меня баснями о женской дружбе. Все они подружки неразлейвода... ровно до первого мужчины.*

– *Бедный вы, бедный...*

– *Это вы так иронизируете?*

– *Это я так саркастически улыбаюсь.*

– *Не больно улыбаться? Рана на щеке не беспокоит?..*

– *Она доставляет мне гораздо меньше неудобств, чем вы.*

– *Ну конечно! Человек, который пытается докопаться до истины и прищучить преступника, всегда неудобен... Раньше кошки проявляли агрессию?*

– *Дались вам эти кошки! Нет, не проявляли. Но, думаю, это не единственный сюрприз, который нам здесь преподнесут.*

– *Вы имеете в виду кошек?*

– *Не только.*

– *Что вы можете сказать о писаке?*

– *О Тео?*

– *Да. Если бы он был... э-э... птицей, кем бы он был?*

– *Однако... Вы прямо...*

– *Отвечайте быстрее!*

– *Вымершей птицей додо.*

– *Той, которая не умела летать? И у нее была довольно глупая и бессмысленная физиономия, я видел на картинках...*

– *Несчастное создание... Вообще-то это не моя ассоциация. Это Даша сравнила Тео с додо, и все вдруг поняли, о ком идет речь.*

– *Все считают его глупым?*

– Возможно, все считают его смешным и безобидным. Но *Даша* имела в виду совсем другое. Додо только внешне похож на птицу, у него нет главного – крыльев. Вот и Тео... Только внешне похож на писателя, на любовника...

– *Но крыльев у него нет? Фигурально выражаясь...*

– Фигурально выражаясь – да.

– *Упс-с... Ваша покойная подруга была той еще сукой... Я бы расценил ее слова как публичное оскорбление.*

– Это всего лишь игра... Всем было весело.

– *Сомневаюсь. Кое-кому уж точно было не до веселья... Вы ничего не слышали сегодня на рассвете? Каких-то посторонних шумов, криков...*

– Нет. Сегодня я спала на удивление крепко.

– *На удивление?*

– Часть жизни мы с Зазу проводим в пустыне, в местах, далеких от цивилизации. И чуткий сон – одно из условий выживания. Иначе можно проспять опасность и прийти в себя уже на том свете.

– *Здесь не пустыня. И опасностей не больше, чем...*

– Вы полагаете? Покойная *Даша* с вами бы точно теперь не согласилась.

– *Пожалуй. Русская утверждает, что нашла труп только потому, что рядом с ним находилась девочка. И девочка кричала так, что можно было поднять даже мертвого... Извините за каламбур... Значит, вы не слышали никаких криков?*

– Я спала.

– *И не заметили никаких передвижений по холлу в ночное время?*

– Я спала.

– *Ваш муж спал так же крепко?*

– Надеюсь.

– *При таком супружеском единении вы вполне могли бы обойтись одним спальником.*

– Не ваше дело.

– *Конечно. Что же все-таки заставило вас проснуться?*

– Какое-то неясное ощущение тревоги. Я даже глаза толком не раскрыла, когда увидела Исмаэля. Он нес в детскую Лали.

– *Это они вызвали у вас ощущение тревоги?*

– Да.

– Почему?

– Потому что они были не такими, как всегда. Обычно они болтают без умолку и смеются. А в этот раз они молчали. И это было нехорошее молчание.

– *И даже несмотря на ваши предчувствия, вы не встали? Не заинтересовались у мальчишки, что случилось?*

– Я хотела. Но пока собиралась с духом, они уже исчезли в детской.

– *И после этого вы продолжили прерванный сон?*

– Нет, конечно. О сне не могло быть и речи, хотя я с трудом из него выбралась. И голова была какой-то тяжелой. Я встала и спустилась вниз, на первый этаж. Меня мучила жажда после ночных возлияний. Там, на первом этаже, я увидела этого англичанина, Кристиана.

– *Плюшевого зайца с длинными ушами...*

– Да.

– *И что же делал заяц?*

– Рылся в раковине, которая стоит на импровизированном журнальном столе. Большая раковина, вы должны были ее видеть.

– *Я помню эту раковину. Там валяется всякая всячина. И, как мне уже сообщили, обычно лежат ключи от «Лендровера». Он взял ключи?*

– Этого я не заметила. Но он кое-что положил...

– *В раковину?*

– Нет. Он все время оглядывался на двери, к чему-то прислушивался и выглядел довольно испуганным. А потом сунул руку под пиджаму, снял с груди цепочку с медальоном и забросил ее в открытый рот Ошумаре...

– *Что это еще за Ошумаре?*

– Большая каменная кобра. Вы наверняка видели ее.

– *Скульптура змеи?*

– Да.

– *Я не знал, что у кобр есть имена.*

– Это ведь не простая кобра – это одно из божеств в пантеоне йоруба.

– *Вы, я смотрю, разбираетесь в мифологии.*

– Тлетворное влияние *Даша*, хотя я всячески этому сопротивлялась.

– *И вы не окликнули англичанина? Не поинтересовались, чем он там занимается?*

– Вряд ли бы он обрадовался моему окрику. И мне хотелось досмотреть все это действие до конца.

– *Досмотрели?*

– Оно закончилось, толком не начавшись. После того как Кристиан избавился от медальона, он как-то сразу успокоился. Через минуту мы столкнулись с ним на лестнице.

– *Он решил подняться наверх?*

– Да.

– *И он ничего вам не сказал?*

– Только поздоровался. Хотя вид у него был неважный. Он был мокрый как мышь. И пижама тоже была мокрой. Дурацкая красная рождественская пижама. Теперь-то я понимаю, почему он выглядел так, что краше в гроб кладут. Он уже тогда все знал, но почему-то решил скрыть от меня правду.

– *И ничего дурного вы не заподозрили?*

– Я была всего лишь удивлена его манипуляциями с медальоном. Честно говоря, именно это волновало меня больше всего. И когда Кристиан поднялся наверх...

– *Вы ринулись вниз, к этой самой змее?*

– «Ринулась» – слишком громкое слово. Скажем, я просто подошла и извлекла спрятанное. И положила его в карман. У меня даже возник план разыграть Кристиана. Понятно, что позже стало уже не до осуществления плана.

– *Медальон до сих пор лежит у вас в кармане?*

– Это не совсем медальон... В общем, да.

– *Давайте его сюда... Странно. Это кольцо. Всего лишь кольцо на цепочке.*

– Довольно интересное кольцо. С монетой вместо камня. Такие в ювелирных не продаются.

– *Зато цепочка обыкновенная. Судя по размеру – кольцо женское. Интересно, зачем Кристиану понадобилось его прятать?*

– Вам лучше спросить у него самого.

– Да, конечно. Хотя я не думаю, что это имеет какое-то отношение к убийству. У каждого свои странности.

– Здесь полно людей со странностями. И тех, кого обуревают тайные пороки. Несчастливая жена писателя, например. Вчера утром я встретила ее около дома, она направлялась в импровизированную прачечную... Небольшая пристройка в саду, вы должны были видеть ее.

– Да, и что?

– На дорожке, после того как Магда прошла по ней, я кое что-обнаружила. Кое-что выпало из вороха одежды.

– Что же это было? Самурайский меч?

– Остроумно, но далеко от истины. Всего лишь упаковка из-под таблеток. И не просто таблеток. Мне кажется, Магда употребляет барбитураты.

– Кажется?

– Это точно были барбитураты. И достаточно сильные, насколько я знаю. Намного более сильные, чем то невинное снотворное, которое использует ее муж.

– Откуда вы знаете?

– Тео жаловался мне на плохой сон. Местный климат угнетает его, он часами не может заснуть. Так что проблему снотворного мы обсудили тоже.

– Оказывается, вы разбираетесь не только в пустынях.

– Я прожила долгую жизнь, дорогой мой. И прожила ее рядом с очень разными людьми. Страдающими от безответной любви, от болезненных амбиций, от неоправданных ожиданий. И от бессонницы в частности.

– Ясно. А вы всегда так внимательны к тому, что валяется на земле?

– Я натуралист. Я привыкла внимательно всматриваться в окружающий пейзаж. Ничего странного.

– И что вы сделали с найденной упаковкой?

– Подняла ее. Там еще оставалось несколько таблеток, и мне не хотелось, чтобы ее нашел кто-то из детей.

– Вы вернули утерянное Магде?

– Я собиралась это сделать, но, как всегда, на что-то отвлеклась. Потом решила, что отдам ей таблетки после праздника. Но после

праздника случилось убийство.

– Да, убийство перевешивает любую упаковку с таблетками. Если, конечно, между ними нет взаимосвязи.

– Не думаю. Интенсивный прием барбитуратов направлен на саморазрушение, но никак не на разрушение жизни других...

– Вы так выгораживаете Магду, как будто это она ваша близкая подруга, а совсем не покойная Даша. Вы не были знакомы раньше?

– Я понятия не имела о ее существовании.

– ...и в наркотических препаратах разбираетесь не хуже, чем в африканской мифологии...

– Вы меня демонизируете, милый. Я всего лишь скромный натуралист.

– Да, конечно. Но раз уж разговор зашел об этой самой мифологии... Что вы знаете о божестве по имени Мик?

– Ничего. Такого божества не существует.

– Возможно, я неточно выразился. Это дочка хозяйки зовет его Мик. Под именем Мика оно занимало место здесь, на одной из этих полок.

– Говорю вам, я никогда к ним особенно не присматривалась.

– Они вас нервировали, я помню. Но дело в том, что Мик исчез, а вместо него появился бенинский леопард, будь он неладен. Что скажете?

– Опять же ничего. У меня нет никаких версий относительно этой чудесной метаморфозы. А у вас?

– Леопарда поставил сюда убийца. Что вполне логично, поскольку зверь легко сойдет за часть коллекции. Орудие преступления никто бы здесь и искать не стал. И не нашел бы, если бы не случай... Ну и умение связать кое-какие звенья в единую цепь.

– Это реклама ваших профессиональных качеств?

– Констатация факта. Кроме того, русская сказала мне, что вчера здесь стояла совсем другая фигурка.

– Она так наблюдательна?

– Она просто отнеслась к увлечению вашей покойной подруги с интересом и без предвзятости.

– Рада за нее. Вот только до того, как сунуть леопарда в шкаф, убийце необходимо было разжиться еще и ключом от этого шкафа.

– Ключом?

– Да. Все полки запираются на ключ, вы же сами видите замочные скважины. Они, конечно, маленькие, но не настолько, чтобы их не заметить. А что, эта полка оказалась открытой?

– *Она была открыта, да.*

– Только эта или все остальные?

– *Я не проверял.*

– Ну да бог с ними. А вот ключ от них был только у *Даша*. Маленький фигурный ключ с головой льва. *Даша* называла его «ключом от всех дверей»...

– *С головой льва, так-так... Вы его видели, раз уж так подробно описываете?*

– Пару дней назад мне пришлось отнимать его у Лали. Она стянула ключ у матери, не девочка, а сущее наказание.

– *И что вы с ним сделали?*

– Вернула той, кому он принадлежал. *Даша* была опечалена фактом детского воровства и даже накричала на малышку, хотя таких вещей она себе не позволяет в принципе.

– *С чего бы это ей было так срывать?*

– Она очень дорожит своей коллекцией, и здесь наверняка есть ценные экземпляры...

– *Например, Мик.*

– Дался вам этот Мик!..

– *В разговоре с русской покойная упоминала о нем как о чрезвычайно дорогой вещи. Во всех смыслах.*

– Это русская вам поведала?

– *Да.*

– Просто удивительно, как много всего и сразу узнал человек, впервые попавший в дом.

– *На что это вы намекаете?*

– Мне кажется странным, что эта девушка проявляет такую осведомленность в вещах, с которыми раньше не соприкасалась. Насколько мне известно.

– *А где обычно покойная хранила ключ?*

– Не знаю. Может быть, там, где его никому не придет в голову искать. Кроме трехлетнего ребенка.

– *Но дверцы могли открыть и отмычкой...*

– Тогда это можно классифицировать как кражу со взломом. Никто из находящихся здесь не похож на взломщика...

– *На убийцу тоже мало кто смахивает.*

– *Даша* делала этот шкаф по специальному заказу, еще в Африке. Проблематично, чтобы кто-то мог вскрыть его шпилькой для волос.

– *Может, вы и правы... Вернемся к сегодняшним скорбным событиям. Что вы сделали после того, как извлекли кольцо?*

– Направилась туда, куда и собиралась. На кухню.

– *Вас мучила жажда, я помню. Никаких других жаждущих не было?*

– Нет. Кроме разве что Яна. Ян что-то застирывал над раковиной, в нижней ванной.

– *Вы и туда нос сунули?*

– Просто дверь была приоткрыта. На кухне я достала из холодильника джин с тоником...

– *И?*

– И выпила его. Потом... Потом мне попала на глаза книжка Тео, она лежала на стуле... С закладкой на триста девяносто второй странице...

– *Ого! Кто-то осилил предыдущие триста девяносто одну?*

– Скорее всего, Исмаэль. Он большой поклонник чтения.

– *И как называлась книга?*

– «Иллюзия Хесуса Галиано».

– *Мудрено.*

– Не столько мудрено, сколько скучно. Банальные переживания и псевдоэротические фантазии самца, такой себе душевный онанизм. Но посвящение меня позабавило. «Моей единственной...» – так оно начиналось.

– *Значит, вы углубились в чтение?*

– Просмотрела по диагонали пару глав. А потом появился и сам Тео, совершенно невменяемый. Он и сообщил мне горестную весть.

– *Она действительно горестная?*

– Я потеряла близкого человека. И пустота в сердце останется навсегда. Как и память о *Даша*, ее никто не заменит. И я собираюсь позаботиться о ее детях.

– *Если это так, то сиротам крупно повезет. Скажите мне, Анн-Софи... Если бы ваша покойная подруга была оружием, каким бы*

оружием она была? Отвечайте быстрее!..

– М-м-м... винтовкой «Стейер»...

* * *

...С домом происходит что-то странное.

Когда это началось, Дарлинг не знает, но точно не со смертью *Даша*. Даже лишившись хозяйки, дом долгое время сохранял нейтралитет. Он больше не пугал Дарлинг шагами, возникающими ниоткуда и в никуда уходящими. Он пропускал достаточное количество света и не пропускал потоки дождя, льющиеся с неба. Он исправно зажигал лампы, стоило лишь прикоснуться к выключателю. И, повернув кран, можно было надеяться, что из него польется вода.

С водой и светом и сейчас все в порядке.

Не все в порядке со стихией за окнами: на смену коротким мощным ливням пришел один-единственный дождь – теперь он идет, не прекращаясь ни на минуту. Стоит сплошной стеной, заливая «Лендровер» с телом *Даша*. Заливая покрытое куском светлой клеенки тело *Амаку*. Кто и когда прикрыл его – Дарлинг не знает. Вряд ли это сделал *Йен*: вот уже несколько часов *Йен* не выходит из кабинета. Время от времени там исчезают все по очереди – *Тео*, *Магда*, брат-близнец *Кристиан*, *Анн-Софи*... Они напоминают Дарлинг нерадивых студентов во время летней переэкзаменовки – все, кроме *Анн-Софи*. Лишь француженка сохраняет спокойствие. Она пробыла в кабинете дольше всех (очевидно, на правах ближайшей подруги *Даша*), но вышла оттуда едва ли не с улыбкой. Очевидно, ей удалось нащелкать по носу горе-сыщику.

Рана на ее щеке тоже морщилась в улыбке.

– Теперь ваша очередь, – сказала *Анн-Софи* безобразно потеющему, испуганному *Тео*.

Если и существует очередь, то выглядит она вовсе не так, как должна. Главное звено в ней упущено, и это звено – несчастный *Шон*. До сих пор все проявляют совершенно неуместную деликатность, никому и в голову не пришло разбудить *Шона*, растолкать его, вылить на него чайник воды. Да он и сам должен был уже давно очнуться.

Но *Шона* все еще нет.

Кошек тоже не видно, еще недавно Дарлинг думала о них едва ли не с нежностью, но после того, что одна из них сотворила со щекой Анн-Софи... Даже после этого она не перестает думать о них с нежностью, *не перестает думать*, – и эти мысли похожи на разбухающие в тарелке с кипятком овсяные хлопья. Они заполняют голову Дарлинг вязкой субстанцией, вытесняя все другие мысли, гораздо более актуальные: как долго продлится их заточение? что удастся выудить Йену из бенинского хвоста? из папок, найденных в шкафу? из свидетельских показаний, не факт, что правдивых.

Хотя сама Дарлинг и была правдива. Откровенна, возможно, даже излишне.

Это становится ясно, стоит только взглянуть на Анн-Софи. До того как покемон не свил паучью сеть в кабинете, они с Анн-Софи успели подружиться, но теперь Дарлинг постоянно ловит на себе неприязненный взгляд француженки.

Скрыться от него удастся, лишь спустившись на первый этаж. Это больше похоже на бегство, но еще одного допроса с пристрастием Дарлинг просто не выдержала бы. В конце концов, она все сделала правильно, рассказав то, что знает. И если эти знания выставили Анн-Софи в каком-то дурном свете, то это ее проблемы, а совсем не Дарлинг.

Как долго она пробыла наверху? – несколько часов: два, может быть, три. За это время ничего в облике музейной гостиницы не изменилось, теперь она выглядит даже уютно. Всему виной дождь – хотя он идет где-то там, за окнами, ощущение такое, что струи падают прямо с потолка, заштриховывая целые куски пространства и делая их невидимыми для глаз. За пеленой поочередно скрывались столик – зулусская лодка, входная дверь, колонны, скульптуры. Никакой системы в исчезновении и последующем появлении тех или иных деталей нет, где-то на кухне тихо играет магнитола.

Что-то американское, что-то очень старое, голос певицы незнаком Дарлинг, а песня, наоборот, знакома.

Perhaps, perhaps, perhaps.

Возможно.

Возможно, все еще образуется. Возможно, все закончится не так печально, как началось. Возможно, ей еще удастся увидеть какой-нибудь другой пейзаж, кроме дождя. *Возможно, возможно, возможно.*

На кухне следы дождя не так заметны, как в гостиной. Здесь ровным счетом ничего не изменилось с утреннего визита Дарлинг. Разве что прибавилось пустых банок из-под джина, недопитых чашек с кофе, а на столе стоит несколько тарелок с подсушенными бутербродами и блюдец, полное косточек от каких-то фруктов. Неужели кому-то еще лезет кусок в горло после случившегося?..

– Возможно, возможно, возможно. – Голос за спиной заставил Дарлинг вздрогнуть. – Возможно, всю оставшуюся жизнь вы будете жалеть о том, что не убрались отсюда вовремя. Ваш друг оказался намного прозорливее вас, дорогая моя.

Анн-Софи!

Анн-Софи, вопреки ожиданиям Дарлинг, вовсе не спешила с выяснениями.

– Дорис Дей, – меланхолично глядя на блюдец с косточками, сказала она. – Вам нравится Дорис Дей?

– А... кто это?

– Молодость, молодость!.. Та, кто поет эту песню. Дорис до сих пор жива, хотя большинство людей уверены, что она уже давно в могиле. Осталась где-то там, в пятидесятых. Может быть, в шестидесятых.

О нет, Анн-Софи, нет! Пятидесятые – время Джин, говорили ли они с *Даша* о Джин? Этого Дарлинг не помнит.

– *Даша* любила Дорис. У нее есть целая коллекция фильмов с участием Дорис. Никогда не разделяла эту ее страсть к замшелым музыкальным комедиям по-американски.

– Зачем вы все это мне рассказываете?

– Чтобы ваше представление о ней было как можно более полным.

– Теперь это не имеет никакого значения.

– Возможно, возможно, возможно. А возможно, и нет.

Джин, а теперь и незнакомая Дорис, и сама *Даша*, и Дарлинг (которая тоже – *Даша*, если отталкиваться от имени) – вот цепочка и выстроилась – *д-д-д-д*. Примерно ту же дробь обычно выбивают зубы – на морозе или от страха, так и есть: Дарлинг боится. Она боится Анн-Софи, ее делано грустного лица и делано меланхоличного голоса.

Дорис Дей и не думает умолкнуть, perhaps давно закончилась, ее сменила другая песня, – и все это похоже на концерт по заявкам,

который *Даша* было бы приятно послушать, где бы она ни находилась сейчас.

– Он не слишком мучил вас, дорогая моя?

– Этот дурацкий канадец? Нет. – Дарлинг и не заметила, как оказалась загнанной в угол, к самому окну с магнитолой.

– Хотите, сварю вам кофе?

– М-м-м... Если специально для меня...

– Для себя тоже.

– Да, пожалуй.

Анн-Софи блестяще ориентируется в многочисленных кухонных шкафчиках. За дверцей одного из них скрывается целая коллекция джезв разной величины: несколько медных, с ручками из гладкого отполированного дерева, и одна серебряная – с затейливым восточным орнаментом. По очереди подержав их в руках, как будто выбирая наиболее подходящую, Анн-Софи останавливается на самой невзрачной, самой закопченной.

Еще через минуту рядом с плитой выстраивается целая батарея жестянок – с кофе и какими-то специями.

– Кардамон? – не оборачиваясь, спрашивает француженка.

– Пожалуй.

– Корица?

– Да.

– Добавим еще немного лимонной цедры, и кофе получится отменным.

– Не много ли всего?

– В самый раз, – уверяет Анн-Софи. – Я не часто варю кофе... Но сейчас мне вдруг захотелось выпить с вами по чашечке. И поболтать, как старинные друзья.

«Поболтать, как старинные друзья», свесив ноги в пролом на виске *Даша*, – Анн-Софи ведет себя слишком цинично для человека, потерявшего близкого друга. И... неужели она еще не наболталась? Сама Дарлинг вышла из кабинета совершенно опустошенной. Вот и сейчас она рассеянно следит за манипуляциями Анн-Софи: та совершает массу мелких и совсем ненужных телодвижений, открывает и закрывает плотно притертые крышки жестянок, втягивает ноздрями воздух.

– Куда же она запропастилась?

– Кто?

– Цедра...

Наконец цедра найдена (в коробке из-под табака Rosebud), десять минут священнодействия над джезвой – и Анн-Софи ставит чашку перед Дарлинг. И сама устраивается напротив.

– Тяжелое утро. Тяжелый день, – говорит Анн-Софи. – Я беспокоюсь о Шоне.

– Давно пора было разбудить его, – вторит ей Дарлинг.

– Мы навестим его после кофе. Важно не дать ему впасть в отчаяние, иначе он совершит какую-нибудь глупость. Вы ведь приглядите за ним, дорогая?

– Я? Почему я?

– Вы – единственный человек, кто еще сохраняет спокойствие и ясную голову.

– Вы тоже кажетесь мне именно таким человеком.

– Будем считать обмен любезностями законченным. Хотите знать, что я действительно думаю о вас?

– Хочу.

В обращенном к окну лице Анн-Софи отражается дождь, оно идет полосами – темными и светлыми, и Дарлинг никак не может решить, хороша или плоха Анн-Софи. И чего же в ней больше – темного или светлого. Наверное, все-таки светлого: иначе от мысли, что из всех находящихся в доме на роль убийцы больше всего подходит старинная подруга *Даша*, не отделаешься.

– Вы появились слишком вовремя, чтобы назвать ваше появление случайностью. Вы должны были появиться – и вот вы здесь.

– Я не понимаю...

– Я тоже мало что понимаю. И вы не нравитесь мне. Вы вызываете во мне чувство беспокойства. Даже убийца *Даша* беспокоит меня гораздо меньше.

– Вот как? – Кофе, приготовленный Анн-Софи, горчит и обжигает, никогда еще Дарлинг не пила столь отвратительного пойла. – Вы знаете, кто убийца?

– Скажем, у меня есть предположения. Или, как говорит наш канадский идиот, – версии.

– Надеюсь, это не я?

– Не вы. К сожалению. Как кофе?

– Спасибо, отличный.

– Кофе – полное дерьмо. Единственная вещь, с которой я не могу справиться, сколько бы ни старалась.

Дарлинг чувствует, что краснеет: Анн-Софи заставила ее мелко солгать и тут же разоблачила, а быть уличенным во лжи – одна из самых неудобных вещей на свете. Уж лучше бы француженка обвинила ее в убийстве – тогда бы Дарлинг не выглядела так нелепо и смешно.

– *Даша*, кстати, в таких случаях всегда говорила правду.

– Я – не она.

– Теперь я это поняла. Вы – всего лишь воспитанная маленькая девочка. Чрезмерно деликатная и при этом – излишне любопытная, излишне болтливая. Но, в общем, ничего особенного.

– Спасибо за лестную характеристику.

Главное сейчас – не расплакаться на глазах у Анн-Софи, не дать ей насладиться собственным триумфом. Таким же ничтожным, как и кофейная ложь Дарлинг.

– Не обижайтесь, дорогая моя..

– И в мыслях не было. Если честно, сейчас я думаю совсем о другом.

– О чем же?

– О той вещи, которая стояла на полке за стеклом.

Еще одно мелкое вранье. Первое, что сделала Дарлинг, выйдя из кабинета, – постаралась выбросить из головы застеколье, забыть о бенинском леопарде и его предшественнике. Пусть о них переживает Йен Шанти. Или тот, кто натравил хищника на висок убитой женщины. А Дарлинг пока постоит в сторонке.

– Вещи? – Теперь Анн-Софи выглядит не такой расслабленной, какой была еще несколько секунд назад.

– Ну да. Орудие убийства. Йен ведь показал его вам?

– А... разве он не рекомендовал вам держать язык за зубами относительно бесед в кабинете?

– Что-то такое было, но... Вы же сами только что сказали: излишняя болтливость – моя родовая черта. Не вижу повода изменять себе. Так вам продемонстрировали леопарда?

– Допустим. – От секундного замешательства Анн-Софи не осталось и следа.

– Все это очень странно. Бронзовый леопард – не самая удобная штука для убийства, разве нет?

– А есть удобные?

– Ну... пистолет или нож я бы еще поняла... Или быстросействующий яд. Но ударить по виску статуэткой...

– Я знавала и менее приспособленные к убийству вещи, вполне себе невинные, если посмотреть на них со стороны. Пуговицы, газовые шарфики, пресс-папье...

– Пуговицы?

– Пуговица, застрявшая в дыхательных путях, убила одного моего давнего знакомого. А леопард из коллекции артефактов... Что ж, по моему, довольно изысканно. Как раз в стиле *Даши*.

– Так убийца – эстет?

– Эстет, точно рассчитавший силу удара. Или вложивший в него всю страсть, на которую был способен.

– А по-моему, он просто воспользовался тем, что первым подвернулось ему под руку.

Сегодня на запястьях *Анн-Софи* нет браслетов, и без этого отвлекающего фактора можно рассмотреть ее руки внимательнее. Их никак не назовешь миниатюрными: жесткие крупные кисти и жесткие пальцы с коротко постриженными ногтями. Под эти восхитительные ногти не забиться ни одному тарантулу, ни одной ядовитой змее и... чем там еще кишит мир пустынь? Скорпионы, многоножки, ящерицы – им тоже не найти прибежища под ногтями, дальновидная натуралистка *Анн-Софи* обезопасила себя со всех сторон. Руки *Магды* пребывают в постоянном нервическом треморе, руки *Тео* чрезмерно пухлы, чрезмерно влажны и кажутся анемичными. Руки *Кристиана* не могут справиться даже с безобидным саксофоном... У леопарда-убийцы не слишком богатый выбор, но на его месте... На его месте *Дарлинг* точно бы прыгнула в объятия *Анн-Софи*.

Темных полос на лице женщины-легенды становится все больше, а самые темные – не те, что сотканы из дождя, а те, что оставлены кошачьими когтями. Теперь *Дарлинг* кажется, что царапины стали глубже и упавшая набок буква «М» выглядит как вполне осмысленное послание.

Кому? От кого?

– Не исключено, что дело обстоит именно так, как вы говорите, детка. Но тогда выходит, что затея с убийством была спонтанной.

– Или убийство было хорошо спланировано, чтобы хватило времени замаскировать его под спонтанность.

– А вы делились этими своими выводами с нашим полицейским?

– Моим мнением никто особенно не интересовался. А как насчет вашей версии?

– Об убийце?

– Да.

– Ослепленная ревностью женщина, ослепленные любовью мужчины... Кого бы выбрали вы, дорогая моя?

– Только одна женщина была ослеплена ревностью?

– Вас и себя я в расчет не беру.

– В таком случае остается Магда.

– Этот вариант кажется вам сомнительным?

– Скорее слишком очевидным, чтобы принять его безоговорочно.

– Надеюсь, что ищейка думает точно так же. Иначе Магде несдобровать. Но надо сказать, что Магда устроила бы всех...

– Всех?

– Включая настоящего убийцу. – Анн-Софи улыбается. Вернее, это лишь подобие улыбки, подделка под нее. Мимикрия, принятая в среде обитателей пустынь. – Судите сами: у Магды проблемы с психикой, это успели понять все. У Магды провалы в памяти, и это тоже ни для кого не секрет. Найдите вы ее с окровавленной статуэткой в руках – вопросов бы вообще не возникло.

– Но в руках у нее ничего не было.

– Или она успела избавиться от леопарда. До того как появились вы.

Магда – испуганная, перепачканная землей; Магда – единственное желание которой заключалось в том, чтобы слиться с пейзажем, поглубже закопаться в перегной и никогда и никем не быть обнаруженной... Магда, убивающая соперницу, еще имеет право на существование, но Магда, хладнокровно заметающая следы!.. Представить такое Дарлинг не в состоянии, сколько бы ни старалась. И реакция Магды на мертвое тело – она была исполнена неподдельного ужаса. Сыграть так невозможно, или... Магда – хорошая актриса. Очень хорошая. Блестящая. Ничуть не хуже Анн-Софи, с десятков лет

изображавшей близкую подругу – да так искусно, что *Даша* верила в это и на пороге собственной смерти. И напрасно француженка поспешила вычеркнуть себя из списка снedaемых ревностью женщин, ее ревность – намного страшнее. Это ревность к человеку, гораздо более яркому и удачливому, окруженному преданными мужчинами, преданными животными и преданными детьми, которому не нужно отираться по пустыням, зарывая в песок собственные комплексы. Хотя... *Даша* больше нет в живых, о какой удачливости идет речь?.. И что заставило давнего знакомого *Анн-Софи* (судя по всему, совсем не ребенка, а человека взрослого) сунуть в рот пуговицу? Вопрос, не имеющий никакого отношения к странному и трагическому происшествию на вилле, готов слететь с языка *Дарлинг*. Но, озвучив его, она немедленно прослышет идиоткой, так что лучше не вынимать чертову пуговицу изо рта.

– ... Не думаю, что она успела избавиться. Для этого нужно было бы вернуться в дом, полный людей. Подняться на второй этаж, в кабинет. Пройти мимо вас и *Зазу*. А если бы вы вдруг проснулись?

– Этой ночью я не просыпалась, хотя сплю довольно чутко.

– Но ведь *Магда* же не могла рассчитывать на случайность? На то, что именно сегодня вы не проснетесь среди ночи. И вряд ли она вообще имела представление о характере вашего сна.

– Пожалуй, что так. – Царапины на лице *Анн-Софи* приходят в движение. – Такие тонкости мы с *Магдой* не обсуждали.

В коротких и совсем свежих воспоминаниях *Дарлинг* *Анн-Софи* предстает в компании своего собственного мужа, своего собственного мобильного телефона, своей собственной старинной подруги *Даша*, маленькой *Лали*, почти взрослого *Исмаэля*, дождей и самой *Дарлинг*, – и *Магде* в этих мелькающих перед глазами кадрах места не нашлось. На какое-то время они уединились сегодня утром, в ванной, – но сегодня как раз и не считается. Ведь это произошло уже после смерти *Даша*, а все, что происходит после смерти, не так уж существенно. *Анн-Софи* просто проявила человечность и милосердие, ей захотелось приободрить *Магду*, только и всего. Да-да, *Магда* кричала, и крик был царапающим и сухим, и необходимо было утопить его в воде, но никто, кроме *Анн-Софи*, не захотел взять на себя эту миссию. Даже *Тео*, слишком уж озабоченный демонстрацией своей непричастности к преступлению. Он еще сокрушался по поводу пиджака, неожиданно

оказавшегося на одной из скульптур первого этажа... И... было что-то еще, связанное с пиджаком.

В нем лежало снотворное.

Снотворное из кармана Тео почему-то волнует Дарлинг, еще секунда – и она обнаружит что-то важное, спрятанное на дне углублений в блистере: там, где когда-то лежали таблетки. И... Сколько их было, таблеток?..

– Вот если бы вы с Зазу принимали снотворное и Магда каким-то образом оказалась в курсе...

– Ни я, ни Зазу не принимаем снотворное, – говорит Анн-Софи с легким сожалением. – Но и этот вопрос мы с Магдой не обсуждали. А почему вы вдруг заговорили о снотворном?

– Просто вспомнила о Тео и его пиджаке...

Теперь уже сама Дарлинг как будто проваливается в дурацкий распакованный нетерпеливыми писательскими пальцами блистер – так ей и надо, идиотке! Нечего изрыгать из себя мысли, до конца не продумав их!..

– Тео оказался полным ничтожеством, – голосом, не терпящим возражений, заявляет женщина-легенда. – Трусливая дрянь – вот что такое Тео. Он даже не попытался вступить за жену... О-о... как же я ненавижу таких мужчин! И поверьте, мне бы несказанно полегчало, если бы в роли убийцы выступил именно он. Кропать свои книжонки в тюремной камере до скончания дней – вот чего бы я ему пожелала.

– Это вряд ли.

– Насчет книжонок?

– Насчет тюремной камеры.

– Да, – помолчав секунду, соглашается Анн-Софи. – Для убийства он слишком труслив. Слишком. Тео – слишком труслив, Магда – слишком не в себе... Молодой англичанин...

– Кристиан...

– Кристиан, да. Слишком эпизодичен как персонаж.

– Почему же? – Дарлинг чувствует настоятельную потребность возразить. – Он старинный друг Шона. Кстати... не пора ли нам навестить его?

Поднять с постели новоиспеченного вдовца они собирались еще пятнадцать минут назад, но Анн-Софи почему-то совершенно не торопится.

– Вам так не терпится разрушить чужую жизнь, дорогая моя?

– Она уже разрушена.

– Но Шон пока этого не знает. Подарим ему еще несколько минут счастливого неведения. Если это неведение вообще существует.

– Что вы имеете в виду?

– Хочу открыть вам маленькую тайну, детка. Правда, со смертью *Даша* она потеряла актуальность, и все же... Надеюсь, все сказанное останется между нами.

– Конечно.

– *Даша* собиралась оставить своего мужа. Она хотела сообщить ему об этом сразу после поездки в Ангкор-Ват.

Дарлинг оказывается совершенно неготовой к подобному известию. Живущие своей жизнью царапины на щеке Анн-Софи подрагивают и распадаются на отдельные полоски, и это служит косвенным подтверждением слов француженки: точно так же, в один момент развалилось счастливое **marriage**^[15] *Даша*. *А может, его никогда и не было – счастливое, и оставалось только прятаться от потоков льющей с неба безрадостной семейной правды под оранжевым зонтом.*

– Откуда... вы знаете?

– *Даша* сама сказала мне об этом.

Сказала или нет – теперь не проверишь. Но в любом случае *Даша* уже ушла от мужа, покинула его навсегда.

– И вот теперь я думаю, – неспешно продолжает Анн-Софи, – вдруг она не стала дожидаться поездки в Ангкор-Ват? И сообщила Шону о своих планах раньше, чем предполагала изначально?

– И... что тогда?

– Тогда мы имеем на одного несчастного ревнивца больше.

При желании Дарлинг тоже могла бы поделиться с Анн-Софи эксклюзивной информацией. Например, о том, что услышала вчера вечером на кухне, где скрылись от посторонних глаз Шон и его лучший друг Кристиан. О гневе и ярости Шона, о его отчаянии и о брошенной вскользь фразе: «Если она оставит меня – это будет конец всему». А еще... еще он сказал, что ударил собаку и неизвестно, кого ударит в следующий раз.

А если не ударит? Если совершит что-то совсем другое, гораздо более непоправимое?

Впрочем, непоправимое уже произошло. Собака мертва, и *Даша* тоже. Конец всему.

– Вы думаете, что Шон...

– Я могу это допустить, – говорит *Анн-Софи* вкрадчивым шепотом. – Шон не просто любил свою жену, он был...

– Одержим ею?

– Да.

– Тот самый синоним преданности, который так вам не нравится?

– Одержимость в данном случае – всего лишь синоним страсти. Одно дело – никогда не обладать человеком, и совсем другое – обладать и потерять в тот самый момент, когда меньше всего этого ожидаешь.

Судя по разговору на кухне, Шон вряд ли находился в абсолютном неведении, но всего сказанного *Анн-Софи* это не отменяет. И *Дарлинг* наконец находит в себе мужество проговорить всю фразу до конца:

– Значит, вы действительно думаете, что Шон способен на убийство?

– Я думаю, что страсть способна на что угодно. В том числе – и на убийство.

– Ну да, ну да... Оскорбленный мужчина проснулся среди ночи, быстренько убил жену и снова завалился спать? Это выглядит... м-м... сомнительно.

– Никто не видел Шона после происшедшего. Все только говорят о том, что он спит. Что он еще не проснулся. Что не стоит его будить. Все проявляют удивительную деликатность – вы не находите, дорогая моя?

– Почему же... *Кристиан* сказал мне, что заходил к нему утром. И что поднять его с кровати оказалось непосильным делом, учитывая то количество спиртного, которое он выпил накануне...

– *Кристиан* – лучший друг Шона, не забывайте.

– И что?

– Ради лучших друзей люди иногда совершают самые невероятные поступки. Я знаю, что говорю, поверьте.

– Я верю. Но... какой невероятный поступок мог совершить *Кристиан*?

– Соврать, что Шон спит в маленькой комнате.

– А он не спит? Бодрствует? Сидит как сыч в четырех стенах, боясь выйти на свет?

– Не исключено, что там его просто нет.

До сих пор эта мысль даже не приходила Дарлинг, ей достаточно было уверений Кристиана. Как достаточно было всех других его уверений: хотя бы относительно ключей от «Лендровера», которые чудесным образом пропали, а потом – таким же чудесным образом – нашлись. Как достаточно было уверений всех других временных постояльцев виллы, пытающихся повернуть ситуацию так, чтобы оказаться на максимально возможном отдалении от трупа хозяйки. Многие из них не удастся проверить никогда, но в том, что касается Шона... Проверить, есть ли Шон в комнате, можно прямо сейчас. Достаточно выйти из кухни – и через несколько секунд все станет ясно.

– Пойдемте взглянем?

– Конечно, взглянем.

Анн-Софи по-прежнему не трогается с места, она как будто выросла в проклятый кухонный стул. А кошачьи царапины претерпевают очередную метаморфозу: теперь они отделились от лица французенки, выросли в размерах и перегородили выход из кухни ржавым частоколом. Или это просто острые темные струи дождя, который никак не хочет заканчиваться? *Ну да, это дождь, всего лишь дождь*, уверяет себя Дарлинг, и он идет где-то там, за окном, а здесь – всего лишь его отражение. Пугающе реальное, но все же – отражение.

Анн-Софи тоже вполне реальна, ничего страшного не произошло, все в кухне выглядит так же, как и несколько секунд назад, впрочем...

Чего-то недостает.

Какой-то несущественной детали: настолько крохотной, что ее и искать не станешь. И Дарлинг бы не стала, но ее отсутствие почему-то беспокоит. Вот оно что! На холодильнике нет стикера с адресом; там, где он висел, зияет молочно-белый провал, но Дарлинг может восстановить утерянную информацию хоть сейчас:

COTONOU, RUE DU RENOUVEAU, 34.

Кому понадобилось срывать Cotonou? Вопрос мог бы показаться ничтожным, абсолютно праздным, если бы не бенинский леопард, которым была убита *Даша*. Cotonou успел наследить и на его брюхе – и таким же таинственным образом исчез. Связан ли пропавший адрес с

убийством, и если да – то каким образом? И кто снял стикер с холодильника? Не тот ли человек, что совершил подобные манипуляции с леопардом? Скорее всего. Значит, у этого человека, кем бы он ни был, имелись очень веские причины поступить именно так. Самое время поделиться своими *cotonou*-догадками с Анн-Софи, но делать это Дарлинг не торопится. Вдруг Анн-Софи и есть тот человек, который снял стикер с пластиковой панели. Конечно, процент вероятности этого ничтожен, но все же существует. Точно так же Дарлинг опасалась бы любого, за исключением детей *Даша* и приехавшего к шапочному разбору Йена Шанти, единственное достоинство которого состоит в том, что он уж точно не убийца.

– Вы как будто чем-то взволнованы, дорогая моя. – Голос Анн-Софи ласков до неприличия.

– Я?

– Вы напряжены.

– Э-э... Трудно ожидать от кого-то спокойствия в такой ситуации. Я думаю... о шкафе с артефактами.

– Я смотрю, вас чрезвычайно волнует этот шкаф. Вы провели возле него какое-то время, не так ли?

– Не то чтобы я как-то особенно долго задерживалась у полок... Просто *Даша* вчера показала мне коллекцию.

– И вас она заинтересовала?

– Немного напугала, так будет точнее. *Даша* сказала, что в этой коллекции есть совершенно выдающиеся экспонаты.

– Может быть. Но я всегда была равнодушна к ее африканским сокровищам. Я не археолог и не этнограф.

– Я помню. Вы – натуралист.

– Именно. Меня всегда интересовали только пески, которые уж точно переживут любую из статуэток. Пески изменчивы и подвижны...

– Статуэтки, как оказалось, тоже.

– Вы имеете в виду этого кровавого бенинского леопарда?

«Кровавый бенинский леопард» просочился в дом не без помощи Дарлинг, он – новейшее пополнение коллекции, жаль, что *Даша* узнала его не с самой лучшей стороны... Вот черт, неужели Дарлинг именно так и подумала только что? Так цинично, так отстраненно? Проклятье, это все Анн-Софи, ее тлетворное влияние. Но странно, что она не признала в леопарде новичка. Хотя... почему странно? Она ведь сама

только что призналась, что совершенно равнодушна к коллекции, а значит, не присматривалась к ней пристально. И спрашивать у нее о Мике так же бессмысленно, как спрашивать о Мике у Йена или у камбоджийских нянек Лали, которых Дарлинг и в глаза не видела, *они не в курсе дела*. Судя по всему, покемон (придерживающийся каких-то своих соображений) даже не сообщил Анн-Софи о том, что леопард появился лишь вчера. Иначе французенка обязательно пристала бы к Дарлинг с расспросами. Или – сообщил, но Анн-Софи молчит намеренно, тоже придерживаясь каких-то своих соображений.

Самой же Дарлинг соображать все труднее. Она чувствует себя совершенно вымотанной сегодняшним апокалиптическим утром, единственным правильным решением было бы удалиться в какой-нибудь укромный уголок, где бы ее никто не потревожил, захлопнуть за собой дверь и остаться одной, но... Дарлинг с самого начала не входила в число приглашенных, для которых предусмотрены отдельные комнаты. О чем они только что говорили с Анн-Софи?..

О подвижности статуэток.

– ...Нет, я не имею в виду леопарда. Там была еще одна. Которую *Даша* называла гордостью своей коллекции...

– Вот как? Я смотрю, она успела о многом вам поведать, детка.

– Просто к слову пришлось.

– Так что же произошло с этой таинственной архиважной статуэткой?

– Она исчезла, – просто говорит Дарлинг.

– А вы отслеживаете ее судьбу? – Анн-Софи выглядит не менее простодушной.

– Разве Йен не говорил вам о том, что на месте леопарда стояла совсем другая скульптура?

Анн-Софи растягивает губы в улыбке, больше похожей на гримасу недовольства, и проводит по ним сведенными вместе большим и указательным пальцами: «молчу как рыба, согласно полученным инструкциям». В случае с леопардом, гораздо менее безобидным, чем исчезнувший Мик, она не была такой несговорчивой!..

– Мик. Африканское божество Мик, так она его отрекомендовала. Именно его место занял леопард, а сам Мик исчез.

– Может быть, еще найдется? – Интересно, каким образом Анн-Софи удастся разговаривать, не разжимая стянутых молнией молчания

губ?

– Может быть.

– Такое иногда случается с африканскими божествами – они пропадают. Как дети, вдруг решившие дойти до горизонта.

– До горизонта?

– Да. Дойти до него невозможно, но ведь ребенок этого не знает.

Он идет и идет, пока не устанет...

– И? Что случится, когда он устанет?

– Он заснет где-нибудь на задворках незнакомого квартала, в картонной коробке у мусорных баков.

Дарлинг кажется, что Анн-Софи по-прежнему не разжимает рта. Но между тем ее голос звучит и звучит. И это странный голос – он лишен так свойственных француженке глубины и богатства полутонов. В нем есть что-то неестественное, сдавленно-механическое, как если бы Анн-Софи вдруг решила прибегнуть к чревовещанию и опыт оказался неудачным.

– А что будет потом, когда ребенок проснется? – осторожно спрашивает Дарлинг.

– Лучше бы ему не просыпаться самому, иначе он испугается. Лучше бы его разбудили добрые неравнодушные люди, взяли бы на руки и отнесли к родителям.

– Да, это был бы самый замечательный вариант. – Неожиданно проникнувшаяся судьбой гипотетического маленького странника, Дарлинг вынуждена согласиться. – И никто бы не пострадал, и ребенок был бы спасен.

Царапины на щеке Анн-Софи!

Это они разговаривают с Дарлинг, а вовсе не сомкнутые губы! – во всяком случае, звук исходит от кошачьих отметин, синхронно накладываясь на их подрагивание и кривляние. Альтернативный рот Анн-Софи пугает Дарлинг не меньше, чем картонная коробка, в которой может найти себя проснувшийся малыш. Она и сама чувствует себя тем самым малышом: ландшафт, окружающий ее, видоизменился до неузнаваемости, от кухни не осталось и следа. Почти не осталось, если не считать холодильника: но белый пластик теперь совсем не белый – грязно-желтый, с разводами грязи и какими-то темными подтеками. Никакая сила в мире не заставила бы Дарлинг подойти к холодильнику и дернуть за изъеденную ржавчиной ручку: ничего

хорошего – там, за обшарпанной дверцей, – она не найдет, это уж точно. Там ее могут ожидать лишь самые неприятные, самые пугающие открытия: отрезанные человеческие головы с пробитыми висками; плоски с копошащимися в них насекомыми, дохлые птицы, дохлые грызуны. Банки с физраствором, в которых плавают глазные яблоки... На большее воображение Дарлинг не способно, да и эти неприглядные картинки экспортированы прямым из второсортных фильмов ужасов. А Дарлинг никогда не любила фильмы ужасов.

И даже в страшном сне не могла представить, что окажется в одном из них.

Голова Анн-Софи теперь не слишком отличается от отрезанных голов из холодильника, хотя и плотно закреплена на туловище; по неровным шероховатым стенам, которые больше не подпирает кухонная мебель, сочится вода. Добротный дубовый стол, разделяющий Анн-Софи и Дарлинг, превратился в обложенный кафелем прозекторский, с желобом посередине. Но там все еще стоят чашки с недопитым кофе и лежат недоеденные бутерброды. К тому же сюда перекочевали неприкаянные жестянки со специями, не так давно вынутые Анн-Софи из навесного шкафчика. Жестянки теперь отличаются друг от друга не только величиной и рисунком, но и количеством ржавчины, которая на них осела. Некоторые она поглотила полностью, стерев рекламные надписи и марципановые сюжеты; другим повезло больше – и сюжеты все еще просматриваются, хотя и приходится прикладывать усилия, чтобы додумать их. И лишь одна жестянка так и осталась в неприкосновенности: на ней изображена темнолицая девушка с заломленными в экзотическом танце руками. Браслетов на них не меньше, чем на вчерашних запястьях Анн-Софи, – но это не Анн-Софи, какой она могла быть тридцать лет назад.

И не *Даша*, какой она могла быть двадцать лет назад.

И не Лали, какой она станет еще лет через пятнадцать, Дарлинг почему-то думает, что это принцесса Афрекете из сказки, рассказанной Исой. А сам прозекторский натюрморт вполне мог занять место в каталоге картин испанского художника Саорина, любителя такого вот тронутого коррозией *sadness*-ретро. Трезвая мысль о Саорине спасает от не менее *sadness* ощущения, что она сошла с ума. То, что происходит здесь и сейчас, – всего лишь иллюзия. На сей раз – не

Хесуса Галиано, а Дарлинг. Возможно, это дом, науськиваемый, понукаемый африканскими божками, хочет сказать ей что-то; так же, как и кошачьи губы, – нужно только все услышать правильно.

И все правильно понять.

Но понять Дарлинг так и не успевает: настоящий голос настоящей Анн-Софи поддевает ее на крючок и тащит в реальность, где кухня снова становится кухней с дубовым столом, шкафчиками, стульями, оконной магнитолой и холодильником, – он вернулся в свое первозданное бело-пластиковое состояние, и все стикеры при нем – за исключением *cotonou*.

И дождь.

Он больше не льется с потолка и не терзает ни кухню, ни лицо Анн-Софи. Все здесь выглядит обыденным и не вызывает никаких ненужных вопросов, даже царапины на щеке француженки. Они наконец-то успокоились, затихли и выглядят просто как царапины. Неприятный отголосок не самого приятного утра в жизни, не более.

– О чем вы задумались, дорогая моя?

– Ни о чем особенном.

– Вот уже несколько минут вы смотрите в одну точку.

Интересно, в какую именно? Взгляд с обратной стороны Иллюзии, накрывшей Дарлинг, уж точно не помешал бы.

– Просто представила себя ребенком, проснувшимся в картонной коробке.

– Какие странные фантазии. – В голосе Анн-Софи звучат нотки неподдельного удивления. – С чего бы это?

– Или лучше представить себя африканским божеством?

– Хоть папой римским, это уж как вам заблагорассудится, но... с чего бы это?

– Ну как же... Вы же сами рассказали мне эту историю про ребенка, который вознамерился уцепиться за горизонт.

– Я? – Удивление Анн-Софи сменяется самым настоящим изумлением.

– Или я что-то неправильно поняла?..

Или... история о малыше и картонных коробках была озвучена вовсе не Анн-Софи! Тогда кем? Тем, кто устроил перед опешившей Дарлинг танцы с переодеванием уважаемой кухни. Тем, кто попытался поговорить с ней кошачьими губами и донести какую-то

мысль. Или – какое-то знание, но знание, к немалому огорчению Дарлинг, так и не снизошло.

– Пора навестить Шона, – говорит Анн-Софи, поднимаясь со стула.

От недавней расслабленности француженки и следа не осталось, за какие-то несколько секунд она расставила по местам все джезвы, все жестянки; отнесла в раковину чашки, а недоеденные бутерброды выбросила в мусорное ведро. И теперь стоит у дверного проема, оглядываясь на Дарлинг:

– Вы идете, дорогая?

– Да-да, конечно.

...Комната, где – по всеобщим уверениям – до сих пор находился Шон, располагалась по ту же сторону коридора, что и кухня. Всего-то и нужно было, что пройти несколько шагов. Первой эти шаги совершила Анн-Софи, она же довольно настойчиво постучала в закрытую дверь.

Ответа не последовало.

– Шон? Как вы себя чувствуете, милый?..

И этот призыв остался без ответа, и тогда женщина-легенда решительно нажала на ручку. Тихонько скрипнув, дверь приоткрылась, и комната поглотила Анн-Софи. А спустя несколько секунд всосала и Дарлинг.

Она оказалась ничем не примечательной, эта маленькая, вытянутая, как пенал, комната. Самой банальной из всех комнат, гостиных и холлов виллы. Самой незатейливой. Кресло у окна, кушетка у правой стены; низкий, длинный, обитый железом сундук – у левой, прямо напротив топчана. Безликий платяной шкаф и прислоненная к нему сложенная ширма дополняли убранство.

Дарлинг вздохнула: ей редко приходилось видеть такие унылые и безликие, ничем не украшенные комнаты.

Шон никуда не делся, он лежал на кушетке, уткнувшись лицом в стену. А в ногах его... сидели кошки! Дарлинг обрадовалась им, как старым друзьям, чего нельзя было сказать об Анн-Софи. Остановившись в полуметре от двери, она нахмурилась и непроизвольно прикоснулась к царапинам кончиками пальцев.

– Вот и Шон, – шепнула Дарлинг. – Ваша версия оказалась несостоятельной.

– Я и не особенно настаивала на ней, просто высказала предположение. И рада, что ошиблась. Разбудите его.

– Я?

– Больше я к ним не подойду. – *Анн-Софи* кивнула подбородком в сторону флегматичных, никак не отреагировавших на их появление ориенталов. – Во всяком случае, сегодня. Утренней драчки мне хватило с лихвой. Разбудите его!..

– Ну хорошо.

Ничего сверхъестественного или опасного в том, что предлагала сделать *Анн-Софи*, не было – тогда почему ей так трудно сдвинуться с места? Уж точно не из-за кошек, с самого начала они были настроены к *Дарлинг* весьма благосклонно. Не из-за кошек, нет.

Из-за *Шона*.

Сейчас ей было жаль *Шона* ничуть не меньше, чем *Ису*, и он – свернувшийся клубком и неловко поджавший под себя ноги – казался *Дарлинг* едва ли не ровесником приемного сына *Даша*, а не взрослым тридцатилетним мужчиной, мужем и отцом. Еще один мальчик, которому предстоит узнать страшную правду о том, что теперь он одинок. И будет одинок всегда, сколько бы людей ни окружало его. Он пока не знает этого, но сейчас...

Сейчас, когда она потрясет его за плечо...

– *Шон*, просыпайтесь!

Бесцеремонно тряхи *Шона* (что наверняка сделали бы *Анн-Софи* или *Кристиан* на правах старого друга) *Дарлинг* так и не решилась – она всего лишь прикоснулась к его плечу. И тут же одернула руку: эффект был такой, как если бы она дотронулась до дерева или камня.

– *Шон*?..

В ответ не последовало ни вздоха, ни сонного бормотания, дерево и камень остались равнодушны к призыву, наверняка их звали как-то по-другому. Но их имен *Дарлинг* не знала, оттого и повторила еще несколько раз:

– *Шон*? *Шон*!

– Ну что там?! – в нетерпении воскликнула *Анн-Софи*.

– Н-не знаю...

– Трясите его сильнее!

– Трясите сами, – огрызнулась *Дарлинг*.

Одна из кошек наконец-то отреагировала на происходящее и, протиснувшись между телом англичанина и стеной, жалобно мяукнула. Вторая, так и оставшаяся сидеть у ног хозяина, мяукнула ей в унисон, и Дарлинг, понукаемая настойчивым мяуканьем, решилась. Резко дернув Шона, она перевернула его на спину. Вернее, Шон опрокинулся сам, как будто ждал этого толчка. Ничего пугающего в спокойном лице не было, все его черты смягчены, как у человека, благополучно преодолевшего жизненные невзгоды и решившего быть счастливым – несмотря ни на что. А на губах застыло легкое подобие улыбки. О чем же он думал, прежде чем умереть?..

Этот вопрос Дарлинг задала самой себе совершенно отстраненно, как если бы речь шла не о человеке, которому она искренне сочувствовала еще минуту назад, – об экранном или книжном персонаже второго плана, чье имя так же трудно запомнить, как имя прошлогоднего, внезапно активизировавшегося исландского вулкана. Пусть оно и не такое длинное и согласные в нем всегда уравновешены гласными, дела это не меняет. И только спустя мгновение до Дарлинг дошла чудовищная суть вопроса. А затем и чудовищная правда, вызвавшая к жизни этот вопрос.

Шон был мертв.

И по мере того как проявлялось истинное положение вещей, менялось и лицо Шона: оно больше не выглядело расслабленным. Оно каменело прямо на глазах, покрывалось серым налетом, – если и дальше все будет продолжаться такими ускоренными темпами, Дарлинг станет свидетельницей тотального разложения плоти. Но, слава богу, мертвому Шону хватило ума вовремя остановиться – на обострившемся носе и запавших щеках.

И лишь улыбка сохранилась в неприкосновенности.

Должно быть, Дарлинг вскрикнула, и это заставило действовать Анн-Софи. И секунды не прошло, как она оказалась рядом и склонилась над телом англичанина.

– Вот черт. – В ее голосе не было ничего, кроме легкой досады.

– Что это?

– Разве вы не видите, дорогая? Он мертв. Только этого не хватало!..

– Может быть, еще что-то можно сделать?

– Боюсь, что нет.

Несмотря на сказанное, Анн-Софи все же приложила руку к шее Шона – прощупать пульс. А затем расстегнула рубашку и приникла ухом к сердцу.

– Ну что?

– То же, что и раньше. Помощь ему уже не требуется. Нужно сходить за этим дураком Йеном.

– Вы... думаете, что Шона убили?

– Ничего такого я не думаю. И видимых повреждений на теле нет. Просто... раз уж здесь присутствует колченогий представитель закона... он должен знать еще об одной смерти. Это логично, не так ли, детка?

И как только Анн-Софи удастся сохранять хладнокровие? Рассуждать о том, что логично, а что нет, если сама смерть еще недавно цветущего и совершенно здорового парня – уже надругательство над логикой?..

– Я позову Йена, – спокойным тоном продолжила Анн-Софи.

– А я?

– А вы побудьте здесь, рядом с телом.

– Но...

– Утешьте кошек. Больше, я думаю, никто особенно не расстроится.

– Как вы можете так говорить!

– Бросьте, милая. Не станете же вы утверждать, что потрясены фактом смерти чужого вам человека?

– Потрясена, – помолчав, сказала Дарлинг. – Два трупа – это уже слишком.

– И один был совсем не ко двору. Но после случившегося утром уже ничто не выглядит преувеличением, не так ли? И кстати, вы спрашивали о том африканском божестве. Кажется, я кое-что вспомнила... Его зовут Маву.

Упоминание о Маву было совсем некстати, и с чего бы это Анн-Софи вдруг решила разоткровенничаться? И почему сделала это именно сейчас, находясь в одной комнате с покойником, а не сидя на вполне благополучной, далекой от потрясений кухне? Дарлинг ни секунды не сомневалась в том, что Анн-Софи знала это имя всегда, а фраза о каких-то там воспоминаниях – всего лишь уловка. Анн-Софи не из тех, кто хоть что-то может забыть, у нее цепкая память и ясный

ум, а присутствию духа можно только позавидовать. Но механизмы, которые приводят в движение эту память и ум, скрыты от глаз, засыпаны песком, и Дарлинг никогда не разгадать их, никогда.

Может быть, кошки помогут ей?..

Но кошки не проявляли к Дарлинг никакого интереса, они были всецело поглощены Шоном. Одна из них уселась англичанину прямо на грудь, а другая осторожно касалась лапой его подбородка. Зрелище оказалось настолько удручающим, что Дарлинг едва не расплакалась – и тут же поймала себя на крамольной мысли, что животных ей жаль даже больше, чем покойного мужа *Даша*. Что будет с кошками, в одночасье лишившимися своих хозяев? А что будет с детьми?.. Впрочем, о детях кто-нибудь да позаботится – та же *Анн-Софи*, неоднократно провозглашавшая свою к ним любовь. Но вряд ли *Анн-Софи* захочет присматривать еще и за ориенталами, особенно после инцидента в ванной.

Они ведут себя непочтительно — не по отношению к Шону, а по отношению к его смерти, и Дарлинг должна немедленно вмешаться и пресечь кошачьи контакты с трупом!.. Но подумать об этом было проще, чем сделать, – что, если кошки отреагируют на Дарлинг так же, как на *Анн-Софи*?..

– Кис-кис-кис. – Присев на корточки, Дарлинг поскребла пальцами пол – в тщетной надежде привлечь внимание кошек.

Ничего из ее заклинаний не вышло, животные так и остались на своих местах. И тогда, набравшись храбрости, она снова приблизилась к мертвому Шону и, перехватив за туловище все еще сидящего на груди ориентала, осторожно опустила его на пол. Опасения оказались напрасными: кошка и не думала ни нападать на Дарлинг, ни возвращаться обратно к Шону. Она так и осталась сидеть у ног. А вопрос со вторым ориенталом решился сам собой: спустя мгновение он присоединился к братцу, и теперь об икры Дарлинг терлись сразу обе кошки.

Анн-Софи права: никаких видимых повреждений на теле, смерть отнеслась к Шону намного милосерднее, чем к его жене. Обошлась без проломленных висков, пулевых отверстий и ножевых ран. Вот только... Небольшой синяк на груди, в той области, где расположено сердце. Дарлинг никогда бы не узнала о его существовании, если бы *Анн-Софи* не распахнула на Шоне рубашку в поисках отсутствующего

сердцебиения. Ничего особенного в этом небольшом синяке не было, и он – о счастье! – не складывался в знаки, которые необходимо прочесть. Над которыми придется ломать голову каждую минуту своего существования. Но стоило только Дарлинг, преодолевая страх, коснуться синяка, как кошки, до этого отделявавшиеся традиционным кошачьим мяуканьем, вдруг утробно заголосили:

– Маву! Маву! Маву!..

И Дарлинг вспомнила: именно это сочетание звуков она услышала в берлинской лавчонке «Мали Ба», когда впервые взяла в руки бенинского леопарда. Тогда звуки (*мавумавумавумаву*) оглушили ее; они оглушают и сейчас, и дело совсем не в том, что кошки орут благим матом, а в том... **что они на разные лады повторяют имя таинственного африканского божества.**

Все было predetermined заранее, и маховик закрутился, едва лишь бронзовая статуэтка оказалась в ее руках. Ничто уже не могло спасти *Даша* и – как оказалось – Шона: теперь Дарлинг окончательно уверилась в этом, есть от чего прийти в отчаяние!..

– ...Заткните им пасть! – Голос Йена, раздавшийся за спиной, заставил Дарлинг вздрогнуть.

– Как вы себе это представляете? – не оборачиваясь, сказала Дарлинг.

– Никак не представляю. Выпроводите их из комнаты.

– Сами и выпроваживайте.

– Терпеть не могу кошек, – заметил Йен, и Дарлинг тут же почувствовала себя кошкой. – Что они здесь делают?

– Кошки?

– Да.

– Я не знаю... Они сидели здесь, когда мы с *Анн-Софи* вошли. Мы просто хотели разбудить Шона...

– А будить оказалось некого, я уже в курсе. Если вы не заткнете этих тварей, я их пристрелю.

Но оба ориентала уже успокоились сами, хотя и продолжили тереться о ноги Дарлинг.

– Отойдите от тела, – скомандовал Йен. – И вообще... лучше вам покинуть помещение.

– Да-да, конечно. – Дарлинг машинально закивала, но сдвинулась с места всего лишь на несколько шагов, только для того, чтобы

пропустить покемона к кушетке с телом. – А где... Анн-Софи?

– Она проводила меня до кухни. Думаю, вы сможете найти ее там.

Возвращение на кухню совершенно не вписывалось в планы Дарлинг: нет никаких гарантий, что декорации не изменятся снова. И хорошо, если это будет просто комната с кровоподтеками дождя на стенах, а не какой-нибудь лабиринт, выпутываться из которого придется сотню лет, – от этого странного дома можно ожидать чего угодно. А на кошек как на проводников надежда не слишком велика.

Йен между тем опустил на корточки перед телом и поначалу совершил те же действия, что и Анн-Софи: приложил пальцы к шее Шона, а потом переместил ухо к его груди. После чего внимательно осмотрел кушетку и ее окрестности и, достав уже знакомый Дарлинг потрепанный блокнот, принялся что-то в нем записывать. В тишине, вдруг ставшей оглушительной, Дарлинг услышала, как ручка царапает бумагу, – и этот звук снова сложился в «мавумавумавумаву».

– Вы еще здесь? – спросил Йен, не отрываясь от блокнота.

– Его... убили?

– Смерть не выглядит насильственной. Впрочем, вскрытие покажет.

– У него синяк на груди. Вы видели синяк?

– Я смотрю, вы у нас самая наблюдательная. – Йен захлопнул блокнот и поднялся. – А вы сами... видели эту отметину раньше? Вчера вечером, к примеру?

– При всем желании... я бы не смогла ее увидеть. Здесь никто особенно не демонстрировал голые торсы. За исключением вашего друга Яна. Но вы можете спросить... у кого-нибудь еще.

Дарлинг чуть не сказала «у домашних», но вовремя сдержалась. Из домашних в живых остались лишь кошки, Иса и маленькая Лали, семьи больше нет: сначала ушли *Даша* и Амаку, потом наступил черед Шона. Не исключено, что последовательность ухода была другой, но теперь уже не так важно, какой именно она была...

Или – важно?

– ...Так я и поступлю, хотя не думаю, что кто-то даст мне вразумительный ответ. А тот, кто мог бы ответить... наверняка промолчит. Одно могу сказать точно: на след от электрошокера это не похоже. Возможно, кто-то ударил его. Или он сам ударился.

– Это... могло бы стать причиной смерти?

– Причиной смерти может быть все что угодно.

Ну да, ну да, даже пуговица в дыхательных путях! Проклятая пуговица, застрявшая в трахее неизвестного Дарлинг приятеля Анн-Софи, продолжает мучить Дарлинг. Зачем этот тип проглотил пуговицу?!..

– Ну что ж, – подытожил Йен. – Делать вам в этой комнате больше нечего. Да и мне тоже.

– В... каком смысле?

– В том смысле, что разгребать все это дерьмо в одиночку я больше не намерен. Оставшиеся неясными детали уточнят эксперты, и останется только связать концы с концами.

– Это... возможно?

– Надеюсь, что да.

– Маву, – неожиданно для самой себя выпалила Дарлинг. – Его зовут Маву, если это еще имеет хоть какое-то значение.

– Кого?

– То пропавшее африканское божество. Гордость здешней коллекции.

– Вот как? Вы вспомнили его имя?

– Просто узнала... Анн-Софи сказала мне.

– Мне она этого не говорила.

– Все дело в кошках. Они мяукали, и их мяуканье как раз и было похоже на «маву». Если воспринимать звуки на слух. Наверное, Анн-Софи уже слышала когда-то это имя от *Даша*. Но благополучно его позабыла. А благодаря кошкам оно всплыло в ее памяти. Кажется, так...

Все совсем не так, совсем. Все то время, что Анн-Софи находилась подле Шона, кошки молчали. Они молчали до тех самых пор, пока она не покинула комнату, отправившись за Йеном. Почему Дарлинг соврала? Ведь не затем же, чтобы выгородить Анн-Софи!.. Тогда почему?

– Ну раз теперь мы знаем имя... – Йен поморщился. – Может быть, крикнем и хором позовем этого божка-скитальца? Вдруг он объявится, ткнет пальцем в убийцу и с ходу объяснит нам мотивы его преступления?

– Вы шутите?

– Конечно. Плевать мне на то, как его зовут, единственное, что я хочу знать, – где эта чертова статуэтка находится сейчас. И чьи пальчики к ней прикасались. И прикасались ли те же пальчики к леопарду.

Кошки наконец-то отстали от Дарлинг и занялись гораздо более привычным для себя делом: они играют – друг с другом и... с чем-то еще. Это что-то было выужено то ли из-под шкафа, то ли из-под кресла и рассыпается теперь мелким горохом по полу. Ну да, звук именно такой: цок-цок-цок, горошины (судя по всему, их несколько) интересуют ориенталов намного больше, чем смерть хозяина. Теперь кошки – всего лишь кошки, *Даша* крупно ошибалась на их счет. И Иса ошибался, и маленькая Лали, и сама Дарлинг тоже: они вовсе не носители особого знания. Самые обыкновенные четвероногие, каких миллионы, миллиарды в любом конце света. А их *маву*-заклинания – всего лишь требовательное мяуканье, не больше, это Дарлинг захотела услышать то, что услышала. А потом пристегнула псевдоуслышанное к берлинской лавке и еще – к говорящим царапинам на лице Анн-Софи. Все это – плод ее не на шутку разыгравшегося воображения.

Иллюзия Хесуса Галиано, цок-цок-цок.

Цок-цок.

Кажется, Йен заинтересовался кошачьими забавами и даже попытался присоединиться к ориенталам. Йен – самый настоящий ловкач, как и положено постоянно эволюционирующему покемону: ему без труда удалось завладеть одной из горошин, после чего интерес к игре был моментально утерян. Разом позабыв о кошках, он вынул из кармана свою китайскую лупу и уставился на горошину.

– Любопытно, – промычал он.

– Что это?

– Сдается мне, что таблетка. И она здесь не одна. Три или четыре как минимум. Спасибо вашим кошкам, иначе мы бы их не нашли.

– А вы... искали эти таблетки?

– Нет, – после секундной паузы признался Йен. – Я искал совсем другое и совсем не здесь, но таблетки – тоже неплохо.

– Это яд?

– Не знаю.

– Шон мог отравиться ими?

– Конкретно этими? Не мог, раз уж они валяются на полу. Но, думаю, установить, что это за таблетки, не составит особого труда. А теперь забирайте кошек и выметайтесь отсюда.

На этот раз покемон проявил настойчивость, лично препроводив Дарлинг с ориенталами к двери. Когда дверь захлопнулась и Дарлинг оказалась в коридоре, первым, кого она увидела, был Кристиан. Кристиан сидел у стены, упершись подбородком в колени и уставившись в одну точку остекленевшим взглядом.

– Анн-Софи только что сообщила мне... Это правда? – Конечно же, он имел в виду Шона, своего лучшего друга.

– Да.

– Я не понимаю... Как это могло произойти? Еще сегодня утром...

– Он был жив?

– Когда я заходил к нему...

– Он был жив?

– Я не рискнул приблизиться... Вдруг бы он проснулся... и тогда бы пришлось сказать ему, что *Даша* больше нет.

– Но он был жив?

Дарлинг все повторяет и повторяет эту фразу – на разные лады. И фраза отскакивает от стеклянных глаз Кристиана, как футбольный мяч. И это противоречит всем мыслимым законам физики: стекло уже давно должно было разбиться, разлететься на тысячи осколков, но оно все не разбивается и не разбивается. Брат-близнец Дарлинг – бездарный саксофонист и обладатель красной рождественской пижамы – сидит за ним, скованный чувством вины, и Дарлинг не знает, как выволить его оттуда.

– Никогда себе этого не прощу...

– Вы не виноваты, Кристиан.

– Вы не понимаете... Я должен кое-что сказать вам... Я должен...

– Просто скажите, и все. Обещаю, что это останется между нами.

– Помните, мы говорили об одном неверном поступке? В том индийском ресторане, который оказался тайским, или наоборот... Не важно. Помните?

Индийский ресторан, да!.. Дорога к нему завалена телами *Даша*, и Шона, и мертвого пса Амаку. А еще есть крохотный, но всемогущий Мик-Маву, его изображение на дорожном указателе не отличить от

изображения леопарда или кота, каким его обычно рисуют маленькие девочки. Где-то поодаль маячат щегольская шляпа Тео, жилетка Яна и перепачканная землей футболка Магды (**GOD SAVE THE QUEEN**), а по краям дороги высится частокол, украшенный головами африканских божеств. Индийский ресторан, в котором они с Кристианом (возможно) обедали (возможно) вчера, стоит на самом краю поля всеобщей памяти «залгани», но Дарлинг не помнит о нем ничего.

Кроме того, что там плакал ребенок.

– Вы помните?.. – с надеждой переспрашивает Кристиан.

– Да, конечно.

– Мы говорили о поступке, на первый взгляд безобидном. Абсолютно невинном и никому не приносящем зла...

– Да. Что-то такое было. Вы совершили такой поступок, Кристиан?

То, чего так страстно желала Дарлинг, произошло: взгляд Кристиана снова стал живым. Но теперь он исполнен тоски, страха и невыразимой боли.

– Может быть.

– И это как-то связано с Шоном? Или... с кем-то другим?

Наверное, это все-таки связано с Шоном, но лучше бы Дарлинг не упоминала о нем: Кристиан сразу же замыкается и уходит в себя:

– Я не могу... Простите... Может быть, потом. Не сейчас. Простите меня, Дарлинг...

* * *

...Спустя сутки они все еще остаются пленниками виллы.

Им всем, включая Исмаэля, пришлось пережить довольно унижительную процедуру снятия отпечатков, вызвавшую к жизни несколько колких реплик Анн-Софи и спровоцировавшую очередную депрессию у Магды.

Магда – самое слабое звено в цепи.

Она либо плачет – и тогда выглядит совершенно нормальной, либо надирается виски в укромных уголках дома – и тогда из этих уголков ощутимо веет безумием. Но никто больше не обращает

внимания на бессвязные вопли и истерический смех Магды – никто, даже Тео. Тео старается нигде не пересекаться с женой, и в этом своем желании *не пересекаться* он совсем не одинок. Остальные ведут себя так же или почти так же. Исключение составляет лишь Анн-Софи: она единственная, кто еще сохраняет оптимизм и надежду на то, что весь этот кошмар когда-нибудь да закончится.

– Вы не можете держать нас здесь вечно, – заявила она Йену, перед тем как тот покинул дом.

– Никто и не говорит о вечности. Но вам придется потерпеть.

– Как долго?

– Недолго.

– Хотите сказать, что уже разобрались во всей этой кровавой и малоаппетитной истории?

– Не хватает нескольких важных деталей, чтобы картина сложилась целиком. Но это вопрос времени.

– Вечности?

– Времени, Анн-Софи. И в ваших интересах дождаться, когда последняя песчинка в часах упадет вниз...

– Чтобы снова перевернуть их? И снова ждать последнюю песчинку?

– Остроумно, да. Убийца тоже кажется мне весьма остроумным человеком. И очень хладнокровным.

– Под это определение из тех, кого я знаю... подпадают только двое.

– Кто же?

– Я сама и малышка Лали.

– У вас специфическое чувство юмора.

– А у вас – специфические методы ведения дел. И знаете что?.. Вы бы не могли изолировать Магду? Она угнетающе действует на всех. Клиника неврозов пошла бы ей сейчас на пользу, вы не находите?

– Может быть. И даже определенно пошла бы, находишь мы где-нибудь в Европе. Но это не Европа – это Азия, леди. И не самая благополучная ее часть. Так что придется вам потерпеть Магду еще какое-то время.

– Вечность?

– Все закончится даже раньше, чем выдумаете. Обещаю вам.

Анн-Софи и Йен стояли неподалеку от «Лендровера», наблюдая за тем, как тело *Даша* пакуют в черный пластиковый мешок. Не слишком густонаселенные проводы, но ведь и Дарлинг все это время провела за одной из колонн, прячась не столько от дождя, сколько от чужих, мало соответствующих скорбному моменту разговоров и посторонних взглядов. Все другие – она была уверена в этом – поступили так же. И скрываются сейчас за окнами, замочными скважинами и дверными щелями, почему-то не решаясь выйти к той, кто составлял смысл их жизни. Или – составлял смысл их ненависти и отчаяния.

Жалкие трусы.

Прежде всего это относится к двум засранцам – Яну и Тео, и уже потом – к путаному и несчастному Кристиану и не менее путаной Магде. И уже потом – к Зазу, чья человеческая значимость столь невелика, что вполне могла бы уместиться под коротко стриженными ногтями его жены. Удивительное дело – туда не влезут ни змея, ни скорпион, а Зазу – пожалуйста!.. Непонятно лишь, что происходит с Исмаэлем, который так любил мать, что это стало чем-то сродни роковой страсти. Непонятно, что происходит с Лали и ориенталами. Дарлинг снова пришлось пережить расставание с ними: кошки исчезли в тот самый момент, когда она встретилась в коридоре с застеколем Кристиановых глаз. Взяли и растворились в сумраке, но Дарлинг сильно надеется, что они сейчас где-то рядом с Лали.

Согревают малышку своими горячими телами. Или – наоборот – остужают ее пылающее тельце своей прохладной шерстью. Дарлинг так и не решила, какой из вариантов больше соответствует действительности, не исключено, что оба. Проверить это невозможно: сколько бы она ни стучала в запертую дверь детской, ответом ей служит молчание. А ведь ребенок, пусть и не по годам сообразительный, все же остается ребенком. И он нуждается в защите и внимании, не говоря уж о том, что его нужно кормить. Желательно – фруктами и чрезвычайно полезными для растущего организма кашами. Несколько раз у непрошибаемой двери детской Дарлинг сталкивалась с француженкой, которую тоже беспокоит судьба маленькой сиротки Лали.

– Может быть, стоит взломать дверь? – задала нелепый вопрос Дарлинг.

– Не стоит. Исмаэль позаботится о своей сестре. На него можно положиться.

– Но...

– Сегодня я уже видела его на кухне. Он варил овсянку. Вряд ли для себя.

– Вы говорили с ним?

– Разговоров он сейчас избегает. Это и понятно. Нужно дать ему время, чтобы хоть как-то справиться с ситуацией.

– Наверное, вы правы.

В отличие от Анн-Софи, Дарлинг не видела Исмаэля на кухне: просто потому, что старается не заходить туда, а если и заходит, то визит длится не больше нескольких минут, необходимых для того, чтобы утащить банку тоника или уже начинающий гнить банан. Воспоминаний о прозекторском столе ей хватит надолго, они уже сейчас преследуют ее, настойчиво лезут в голову и настигают в самых неподходящих местах. И всякий раз на этом столе хоть кто-то да оказывается. Чаще всего – *Даша*, чье тело сплошь состоит из височных проломов и черных, забитых глиной дыр. Зрелище, которое разыгрывается в воображении Дарлинг, явно не для слабонервных: на *Даша* нет живого места, как не было живого места на Джин, извлеченной из пыльного автомобиля на одиннадцатые сутки после смерти. Чуть лучше обстоят дела с Шоном: он всего лишь покрыт синяками. Но – в отличие от реальности, где синяк был расплывчатым и ничем не примечательным пятном на груди, – синяки, всплывающие в воображении, несут в себе массу смыслов. Они то и дело трансформируются в буквы и цифры, из которых легко сложить адрес, украденный вместе со стикером с передней панели холодильника:

COTONOU, RUE DU RENOUVEAU, 34.

Остался ли в доме хоть кто-то, кто побывал там, в таинственном *Cotonou*, на таинственной *rue*? Или собирался побывать и даже забронировал номер в ближайшей к *rue* гостинице, и это сочетание букв и цифр для него никакая не загадка?..

Время от времени прозекторский стол занимает третий из мертвецов: Амаку. Тот самый, который когда-то убивал бесшумно, но по прошествии лет потерял хватку и – так же бесшумно – был убит сам. Или умер от старости, или умер от отчаяния, потому что не смог защитить хозяйку, – к этой версии и склоняется Дарлинг, которой

гораздо проще строить догадки относительно животных, чем относительно людей.

Иногда, когда Дарлинг чувствует, что ужасы, толпящиеся в голове, вот-вот раздавят ее, прозекторский стол проявляет милосердие и остается пустым. Но то, что приносит облегчение в первую минуту, во вторую – удручает, да и выглядит неестественно: по большому счету мертвецки-белый кафель не должен пустовать. Вот и приходится, напрягая истончившееся воображение, заполнять его первым, что подвернется под руку: африканскими божками, бутылками коньяка Chabasse и Camus Cuvée, сигарными коробками и даже саксофоном, когда-то принадлежавшим Кристиану, а теперь принадлежащим Исе. И даже свежееизданной книгой Тео, прочитать название которой никак не удастся – она всегда лежит вниз лицом. Зато на задней странице обложки можно лицезреть самого Тео – в широкополой, вымокшей от пота шляпе и такими же мокрыми щеками и подбородком.

Тео особенно неприятен Дарлинг, вот уж кого она хотела бы видеть меньше всего, хотя бы и в своем воображении.

Да и с другими персонажами – людьми, животными и предметами – оно мирится с трудом. Достичь идиллии (какая, к примеру, обычно сопутствует испанскому певцу тлена и запустения Саорину) не удается, Дарлинг все время что-то мешает.

Реальность.

Реальность огромного дома, где можно бродить часами, а можно часами сидеть где-нибудь в углу, уставившись в одну точку. Наверное, этим все и занимаются за закрытыми дверями своих комнат. Все, за исключением вечных бодряков и оптимистов Анн-Софи и Зазу. Анн-Софи оккупировала террасу второго этажа; Анн-Софи увлечена чтением – или делает вид, что увлечена. У кресла, где она сидит, сложена целая стопка книг – одна толще другой. Зазу (если он не занят приготовлением прохладительных напитков для жены или вдохновенным ее созерцанием с разных точек террасы) околачивается у телевизора, который настроен на спортивный канал.

Звук у телевизора отключен.

Где прячется Кристиан – неизвестно, вряд ли там же, где коты-ориенталы. Со времен их так и не состоявшегося разговора о безобидном поступке, на поверку оказавшемся дурнопахнущим дерьмом, Кристиан избегает Дарлинг. Несколько раз она видела его

удаляющуюся спину, а однажды и вовсе застывшую. Все произошло в тот самый момент, когда Дарлинг намеревалась спуститься в кухню за очередным подгнившим бананом. И, спустившись, обнаружила Кристиана стоящим у большой каменной змеи: брат-близнец что-то искал в разверстой змеиной пасти (рука скрылась в ней едва ли не по локоть), но, так ничего и найдя, побрел под дождь, вон из дома.

Догонять его Дарлинг не стала. Вместо этого она дождалась, пока за Кристианом захлопнется входная дверь, и повторила все его манипуляции со змеиной пастью. Может быть, ей повезет больше?.. Может быть, там скрыты ответы на вопросы, которые так мучают Кристиана?..

Но ни ответов, ни чего бы то ни было другого, более материального, так и не нашлось.

Что же касается Яна, то большую часть времени он проводит в саду, на детских качелях. Странно, но плотный навес над площадкой у маленького фонтана оказался прорванным – прямо над тем местом, где стоят качели. И теперь Яна беспрестанно поливает дождь, но он как будто не замечает этого; тихонько раскачивается, прижавшись к мокрой железной стойке всем лицом. Пожалуй, Дарлинг оказалась не права, объявив его засранцем. Этого звания заслуживает лишь урод Тео, а Ян – никакой не засранец! Вот если бы бог услышал кухонные заклинания Анн-Софи и назначил на роль убийцы жалкого слизняка-писателя, вот если бы все оказалось именно так!..

Но все совсем не так.

И высеченный из кремня друг Оушена, отметившийся не в одной горячей точке, похож на убийцу гораздо больше, чем студенистый и дрожащий, как кусок желе, автор единственного романа. Который не читал никто, кроме Исмаэля, и вряд ли этот факт утешит Тео.

Детские качели тоже не принесут Яну утешения. Взрослый мужчина, угнездившийся на них, выглядит так же нелепо, как и... прозекторский стол, уставленный коньячными бутылками или оккупированный саксофоном, ожидающим вскрытия. Проклятые фантазии! – еще день, еще полдня, и Дарлинг вполне может составить компанию полубезумной Магде, и даже накачиваться виски ей не понадобится.

Все заканчивается в одночасье.

В тот самый момент, когда она вновь оказывается в кабинете *Даша*. До сих пор она не заходила сюда (слишком уж сильны воспоминания о вечере, проведенном здесь. А воспоминания об утре, истончившемся до размеров окровавленного бронзового хвоста, еще сильнее). До сих пор вещи, в которых Дарлинг приехала, висят в гардеробной, и странно, что за все эти долгие часы, успевшие сложиться в сутки, она даже не вспомнила о них. Так и проходила в африканском платье, которое поначалу раздражало и казалось неудобным, как дом без мебели, а теперь... Теперь кажется второй кожей. Как и когда произошла подобная метаморфоза? Может быть, прошлой ночью, которую она провела в детской: и это была почти безмятежная ночь. Может быть, этой ночью, далекой от безмятежности. Она застала Дарлинг в спальне, когда-то бывшей спальней Шона и *Даша*. Не слишком удачный выбор, но и альтернатива выглядела не лучше:

диван в холле второго этажа, по соседству со спальными местами Зазу и Анн-Софи;

раскладывающееся кресло в холле первого этажа, по соседству с каменной змеей;

каморка, где умер Шон, опечатанная и заклеенная кусками желтой ленты;

пустующая комната Исмаэля, перебравшегося в детскую.

Вторгаться в комнату Исмаэля Дарлинг не решилась: вдруг мальчику понадобится вернуться за чем-то, и наткнуться на постороннего было бы не слишком приятно. А вот в свою собственную спальню *Даша* и Шон не вернутся никогда.

Дарлинг кажется, что она ни на секунду не сомкнула глаз, но и быть уверенной в этом на сто процентов тоже нельзя. Слишком много шорохов окружало ее, слишком много неясных бормотаний – такое количество наползающих друг на друга звуков просто не может присниться!.. Солировал непрекращающийся дождь, сквозь который едва можно было слышать приглушенное металлическое лязганье (неужели Ян все еще качается на качелях?). И поскрипывание лестничных ступеней (неужели Тео вновь забыл внизу свой пиджак со снотворным и отправился за ним среди ночи?), и чьи-то быстрые легкие шаги (маленькая Лали? Магда? принцесса Афрекете?) – в этом коротком списке, сплошь состоящем из женских имен, нет только

имени Анн-Софи: Дарлинг почему-то уверена, что Анн-Софи передвигается абсолютно бесшумно, по щиколотку утопая в услужливых песках, которые она так редко покидала и которые никогда не покидали ее.

И саксофон.

В какой-то момент Дарлинг почувствовалось, что где-то совсем рядом заиграл саксофон, впрочем, мелодия тут же оборвалась.

А может, все эти звуки не имеют ничего общего с людьми – настороженными, испуганными и напряженными? Может быть, их производят оставшиеся без присмотра африканские боги? Странно, но эта мысль успокаивает Дарлинг, хотя еще совсем недавно, несколько часов назад, действовала угнетающе.

Так и есть – Дарлинг больше не боится их! Как и когда произошла подобная метаморфоза? Может быть, тогда, когда она узнала настоящее имя Мика?.. И вместе с этим знанием пришла уверенность: неприятностей можно ждать от людей, а укутанные в дерево и камень божества не обидят ее никогда.

Наверное, так же думала и *Даша*.

Но она чего-то не учла, что-то упустила и к чему-то не прислушалась, и вот теперь – мертва.

Ночь, какой бы длинной она ни была, кончается, а вместе с ней уходят и звуки – один за другим: сначала – металлическое лязганье, затем – поскрипывание ступеней и легкие шаги. Остается только дождь и еще —

мавумавумавумаву.

Именно «маву» – расходящееся, как круги на воде – вырывает Дарлинг из сна и выталкивает из супружеской спальни. Поначалу ей кажется, что это плачут брошенные на произвол судьбы ориенталы – и звук идет из-за плотно закрытых дверей кабинета (и почему кошки вечно оказываются запертыми где-то? и кто запирает их?).

Если бы не истово орущие кошки, Дарлинг не вернулась бы в кабинет никогда. Во всяком случае, еще какое-то время, достаточное для того, чтобы болтающееся на ней африканское платье успело испачкаться и истлеть.

Но кошки!

Она не может оставить их в одиночестве, она слишком нежно к ним относится.

...Конечно же, никаких кошек в кабинете не оказалось, да и звук, приведший ее сюда, исчез, стоило Дарлинг переступить порог и оглядеться. Со вчерашнего дня здесь не изменилось почти ничего, если не считать безнадежно разрушенной целостности африканской коллекции: там, где раньше обитали Мик-Маву, а затем ненадолго сменивший Мика леопард-убийца, теперь зияла пустота. Ничего удивительного в этом не было (орудие преступления унес Йен), вот только сама полка оказалась запертой на ключ.

А панель гардеробной, с которой Дарлинг не смогла справиться еще вчера (или – позавчера?), напротив, была открыта. Не настезь, но небольшого зазора между стеной и самой панелью хватило бы, чтобы просочиться кошке (и даже двум). Или – сунуть руку и отодвинуть панель до упора, что Дарлинг и сделала. И сразу же нашла свой костюм, аккуратно висящий на вешалке среди платьев и костюмов *Даша*. И свои туфли, и свою сумку, стоящую на полу.

Присев на корточки, Дарлинг достала из сумки телефон – жест скорее машинальный, чем осознанный: в той, прошлой жизни, где остались Россия (неужели где-то существует Россия?), дом, Костас и работа на Костаса, она и минуты не могла прожить без телефона, а вот теперь – пожалуйста! Они не виделись целые сутки, а Дарлинг вспомнила об этом элементарном средстве связи только сейчас!

Элементарном, но совершенно бесполезном, о чем свидетельствовал потухший дисплей: телефон сел безнадежно и бесповоротно, а зарядка осталась в гостинице. И теперь не узнать, звонил ли ей кто-нибудь, звонил ли Костас? Что, если звонил и беспокоился о ней?

Но теперь это не имеет никакого значения. И Костас тоже не важен. Уже не важен, ведь жизнь Дарлинг изменилась кардинально. Не из-за произошедшего вчера, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов. А из-за того, что произошло сейчас, ровно секунду назад, когда бесполезный телефон, брошенный обратно в сумку, издал этот резкий металлический звук, как будто натолкнувшись на какое-то препятствие.

Портсигар!..

Портсигар, подаренный *Даша* и исчезнувший в недрах ее платья, – каким образом он снова всплыл в сумке у Дарлинг? Неужели *Даша* отказалась от подарка, сделанного от всего сердца? Обида

кольнула Дарлинг в то самое сердце, и она даже на мгновение забыла, что *Даша* мертва. Но кто сказал, что на мертвых нельзя обижаться?..

И опять – скорее машинально, чем осознанно Дарлинг щелкнула замком портсигара и распахнула его. Внутри не нашлось ни одной сигареты, которые так любила курить *Даша*, но нашлась сложенная вчетверо записка. Трясущимися пальцами Дарлинг развернула ее и увидела знакомый до боли и уже выученный наизусть адрес:

COTONOU, RUE DU RENOUVEAU, 34.

Это можно было бы считать точной копией, снятой со стикера (да и почерк был тем же), если бы не приписка внизу, сделанная по-русски:

«Кажется, я собираюсь втравить тебя в историю, но ничего случайного не бывает. Надеюсь, ты не оставишь их. А значит, не оставишь меня. Кошек зовут так же, как и их, – Лали и Исмаэль».

Вот он, прощальный привет от *Даша*. Конечно, она не могла уйти навсегда и не попрощаться, это было бы слишком жестоко. Но и содержание записки было жестоким – вдвойне, втройне! Как будто предчувствуя свою скорую гибель, *Даша* решила доверить совершенно незнакомому человеку самое дорогое, что у нее было, – своих детей. «Надеюсь, ты не оставишь их» – речь идет о Лали и Исмаэле, ни о ком другом, ведь кошек зовут так же, как и «их», – Лали и Исмаэль!

Но почему, почему?

Почему Дарлинг должна брать на себя такую ответственность? Это нечестно, несправедливо и эгоистично, но...

Ничего случайного не бывает.

Во всем существует высший смысл, и тот разговор на лестнице – между *Даша* и *Анн-Софи*... Дарлинг и не подозревала, что помнит его почти дословно, он просто взял и всплыл в ее растерянном сознании. Сам собой.

«Хочешь втравить ее в историю, как когда-то... втравила меня?» – спросила *Анн-Софи* у *Даша*, имея в виду Дарлинг. И что на это ответила *Даша*?

«Разве это был не твой выбор?» – вот что.

«Тогда ты не оставила мне выбора» – еще один достойный ответ.

История повторяется. Не факт, что та же самая, но «втривить», увековеченное в записке, остается.

И, похоже, у Дарлинг, как когда-то у Анн-Софи, тоже нет выбора: все дело в *Даша*, в ее странном, почти мистическом влиянии на людей, которое не исчезло даже теперь, когда она мертва. И отсутствие выбора почему-то нисколько не пугает Дарлинг, если посмотреть на ситуацию под нужным углом: выбор *Даша* станет и ее выбором, все очень просто, очень.

Как имена кошек – Исмаэль и Лали. Лали и Исмаэль – интересно, кто из двоих изуродовал щеку француженке? Лали? Исмаэль?

Все было бы еще проще, если бы не стикер, исчезнувший с холодильника. Его сняла не *Даша*, кто-то другой, для которого таинственный *cotonou*, куда должна направиться Дарлинг, исполняя последнюю волю покойной, – не пустой звук.

Дарлинг очень хочется надеяться, что человек, снявший стикер, – не враг, а друг, – вот если бы этим человеком оказался Исмаэль!.. Лали слишком маленькая и не смогла бы дотянуться до приклеенной к пластику бумажки, кошки еще меньше, чем Лали, а Исмаэль...

Исмаэль бы подошел!

Так она и будет думать отныне. Так и будет.

Но думать только об Исмаэле не получается: мысли Дарлинг плавно перетекают от него к холодильнику, на котором висел адрес, а затем – снова к кухне и кухонному столу, который снова предстает перед ней в бездарном прозекторском виде.

Впрочем, не так уж он бездарен.

Бездарными были игры ее воображения, раз за разом укладывающие на кафель мертвые тела и никому не нужные предметы, а ведь первоначальная картинка (та самая, которую мог бы увидеть ребенок, неожиданно проснувшийся в картонной коробке у мусорных баков) была ясной и исполненной смысла, и только слепой мог не заметить этот смысл: все жестянки, в произвольном порядке расставленные на столе, казались ржавыми. И лишь одна выглядела новехонькой: та самая, на которой была изображена танцующая девушка с браслетами на запястье. Почему именно она, а никакая другая?

Догадка, забрезжившая в сознании Дарлинг, требует своего подтверждения. Но для этого нужно спуститься вниз, на кухню,

попутно моля бога, чтобы никого не встретить по дороге и – самое главное – у навесных шкафчиков, куда *Анн-Софи* составила жестянки накануне.

...Молитва оказалась услышанной: в пустой сумрачной кухне не было никого, кроме певицы *Дорис Дей*, вылезшей из магнитолы поприветствовать *Дарлинг* незатейливой и немного грустной песенкой *How Insensitive*^[16]. Обвинения в бесчувственности были совершенно напрасны: сердце *Дарлинг* ходило ходуном, а пальцы подрагивали все то время, пока она открывала нужный шкафчик и перебирала жестянки в поисках девушки с браслетами. Девушка нашлась в самом дальнем углу (и когда только *Анн-Софи* успела заставить ее всеми другими банками?) – и оказалась неожиданно тяжелой. Ни одна из специй не может столько весить, ни одна! Так могут весить камни... или бронза.

Бенинский леопард, чью тяжесть до сих пор помнили руки *Дарлинг*.

Но бенинского леопарда не могло быть здесь по определению: он унесен *Йеном* и вряд ли вернется сюда хоть когда-нибудь. И почему, почему *Анн-Софи* не смутил вес жестянки, ведь она умная женщина и не могла не догадаться, что что-то здесь не так?..

Плотно притертая крышка поддалась не сразу, а когда поддалась, *Дарлинг* едва не выпустила из рук жестяную коробку – и вовсе не потому, что устала держать ее на весу.

Вот оно, подтверждение догадки!

За узкой спиной девушки (принцессы *Афрекете* или кого-то другого), за ее худыми запястьями и двумя десятками браслетов прятался не кто иной, как *Мик*!

Вернее, *Маву*, гордость африканской коллекции *Даши*, самый ценный, самый важный ее представитель. Он не был бронзовым, как леопард-убийца, он не был каменным или деревянным, как многочисленные головы *ухув-элао*, он был... золотым!

Целый кусок золота, ослепляющий своим сиянием! Воздух вокруг *Маву* снова сгустился и приобрел ярко выраженный оранжевый оттенок, который сменился желтым, затем – изумрудным, затем – нежно-фиолетовым, в жизни *Дарлинг* не видела подобной красоты! Но теперь грозное великолепие *Маву* не пугало, как при первом знакомстве, напротив – утешало и успокаивало, как если бы *Дарлинг* снова стала маленькой и снова очутилась в объятиях папочки, на время

покинувшего свой сухогруз. Эмоции, овладевшие ею, были такими острыми и такими сильными, что она судорожно вздохнула, переводя дыхание.

И тут же почувствовала чей-то ответный вздох.

Он не принадлежал Маву и не принадлежал танцующей девушке; он вообще не шел от жестянки. Он шел извне, от дверей кухни. И в этом вздохе не было ни капли восхищения, одна лишь плохо сдерживаемая ярость и злость.

Обернувшись, Дарлинг увидела Анн-Софи. Она стояла в дверном проеме и пожирала глазами жестянку в руках Дарлинг. Так, как будто знала, что находится там, внутри.

А если и вправду знала?

Услужливая память тотчас подсунула Дарлинг калейдоскоп картинок из вчерашнего дня: вот Анн-Софи открывает дверцы шкафчика и достает оттуда джезвы. Вот в ход идут совсем другие дверцы, и на столе выстраивается целая батарея жестянок, где танцующая девушка – одна из многих, но Анн-Софи обращается с ней так, как будто в ее плоти скрыты невесомые корица или розмарин, а совсем не упитанный африканский бог. Вот Анн-Софи открывает крышки, проверяя содержимое, и снова закрывает их.

И... она не могла не увидеть спрятанного в утробе танцовщицы Маву!

Тогда почему она не удивилась? Не рассказала о находке Дарлинг?.. Впрочем, она могла и не рассказывать: кто такая Дарлинг, чтобы доверять ей жестяночные тайны? Но удивиться она была просто обязана!

А она не удивилась, нет!

Потому что нет ничего удивительного в обнаружении какой-то вещи там, куда ты сам ее положил.

– Доброе утро, – прошелестела Дарлинг едва слышно.

– Да. – Голос Анн-Софи был таким же тихим и осыпался как песок. – Я ошиблась в вас, детка.

– Я не понимаю...

– Лжете. Все вы понимаете. Я ошиблась в вас. А Даша — нет.

– Вы с самого начала знали о Маву. – Дарлинг сжала жестянку с божком так крепко, что побелели костяшки пальцев.

– Да. Это мой самый старый знакомый. – Песка, струящегося из рта Анн-Софи, хватило бы не на одну пустыню. – Мы познакомились с ним одновременно с *Даша*, но он выбрал ее. Ничего удивительного, так всегда и бывало.

– Но теперь *Даша* нет.

– Я думала, что мои мучения счастливо закончились, но появились вы, дорогая моя. Это неприятно. И мне нужно было присмотреться к вам повнимательнее, а я этого не сделала. Но никогда не поздно все исправить.

– И что же вы собираетесь исправлять?

– Ошибку, что же еще? Ошибки нужно исправлять, чтобы двигаться дальше. Устранять их с дороги, безжалостно вымарывать. А поскольку моя ошибка – вы...

– Придется устранить меня? Так же, как вы устранили *Даша*, свою самую близкую по-другу?

Анн-Софи неожиданно рассмеялась, обдав Дарлинг тучей песка – на этот раз мелкого и раскаленного.

– Ненавижу это слово!

– Слово или ту, кого вы убили?

– Значит, вы думаете, что это сделала я?

– А вы хотите убедить меня в обратном?

– Я и секунды не потрачу на убеждения. Тем более что у меня их не так много. Дайте сюда то, что вы держите в руках.

– То, что я держу в руках, не принадлежит вам. И никогда не принадлежало.

Дарлинг не чувствовала никакого страха, и если бы сейчас Анн-Софи достала из складок одежды револьвер и нацелила его на нее – это ровным счетом ничего бы не изменило. Наверное, все дело в Маву, это он придает силы. И даже если отбросить его мистическую составляющую, в сухом остатке у Дарлинг имеется тяжеленный кусок золота, который можно использовать как метательное орудие.

Но прибегнуть к таким кардинальным действиям не пришлось: и все потому, что за спиной Анн-Софи неожиданно забрезжило спасение. Оно пришло точно в назначенный срок, не раньше и не позже, секунда в секунду, – и в этом своем появлении вчерашний паук, вонючий покемон Йен (а именно он вырос за спиной ничего не

подозревающей француженки) на мгновение уподобился всесильному Маву.

– Доброе утро! – рявкнуло новоиспеченное божество. – Все секретничаете, девушки?

Анн-Софи вздрогнула и сникла, от недавней повелительницы пустынь и женщины-легенды не осталось и следа. Вернее, осталась жалкая кучка песка, заваленная сухой змеиной кожей и дохлыми скорпионами, а при желании здесь можно было бы отыскать и трупики ящериц, с которыми бесстрашно управлялась малышка Лали.

– Никаких секретов больше нет, – заявила Дарлинг и ткнула жестянкой в направлении Анн-Софи. – Это она – убийца.

Удивительно, но сенсационное разоблачительное заявление не произвело никакого эффекта. Йен, недолго побывший божеством и снова превратившийся в вонючку-покемона, шмыгнул носом, затем почесал его растопыренной пятерней и спросил у Дарлинг:

– К чему это вы там прилипли, леди?

– Маву! Анн спрятала его сюда после убийства, а я нашла. Думаю, и убийство затевалось для того, чтобы завладеть им...

– Думаю, вам лучше отдать его мне. – Йен перебил тираду Дарлинг самым бесцеремонным образом. – Во избежание эксцессов. Через пять минут жду вас в холле. Обоих. Но можете прихватить и всех остальных. Если случайно встретите.

...На этот раз все собрались не в холле второго этажа, а в нижней гостиной: так почему-то решил Йен. Очевидно, его подвела страсть к дешевым спецэффектам, охотно используемым режиссерами фильмов категории «В»: а Йен, без сомнения, и являлся именно таким режиссером. Актерский ансамбль почти не изменился, разве что к нему прибавился еще и Иса: он пришел в сопровождении ориенталов, молчаливый и подавленный, и занял место в углу, где стояло несколько напольных скульптур из черного пористого камня. Еще несколько минут заняло ожидание Магды. И когда она наконец явилась – в очередной щегольской рубашке из гардероба мужа и с неизменной бутылкой виски в руках, Йен прокашлялся, выдержал паузу и хорошо поставленным голосом произнес:

– Миляги!..

Реплика недотягивала даже до трешовой киношки – уж не сам ли покемон писал сценарий? Наверняка. И первой, кто отреагировал на этот сценарный ляп, была Анн-Софи. Успевшая взять себя в руки настолько, что Дарлинг, несмотря на всю ненависть к убийце *Даша*, с чистым сердцем вернула ей звание женщины-легенды.

– О ком это вы, дорогуша?

– Обо всех вас, о ком же еще? – немедленно парировал Йен. – Прекрасные люди, все как на подбор. Верные друзья, преданные любовники, нежные мужья и жены, образцы глубокой человеческой порядочности, что еще я забыл?

– Очевидно, вам стоит сказать несколько слов о нашей профессиональной состоятельности, – едко улыбнувшись, заметила Анн-Софи.

– Да-да-да! Всенепременно. Что там у нас имеется в обойме? Известный писатель – раз. Не менее известный журналист – два. Психоаналитик со стажем – три. А о такой величине, как исследователи пустынь, я вообще молчу. Джазовый саксофонист – это отдельная история.

– Я не саксофонист, – подал голос Кристиан, и Дарлинг поразила его обреченности и надломленности.

– Это не так уж важно, саксофонист вы или нет. Главное – вы верный друг покойного Шона Барбера. Это ведь он пригласил вас сюда, прежде чем умереть, не так ли?

– Да.

«Да» прозвучало из-за каменной скульптуры змеи, куда Кристиан неожиданно для всех переместился. И теперь цеплялся рукой за ее худое, вставшее на дыбы тело. Обнимал его с такой силой, с какой обнимал бы родного человека после многолетней разлуки. Как будто бы именно змея, а вовсе не какой-то там Шон, всегда была его верным другом. Как будто это она пригласила Кристиана в дом и взяла на себя всю ответственность за его здесь пребывание. И теперь пришла пора защитить лжесаксофониста, хотя вроде бы никакого нападения не было. И Йен, лишь на секунду высветив Кристиана пыльным софитом, тотчас же забыл о нем.

– Все остальные гости были приглашены женой покойного. Тоже ныне покойной. Все, включая нашу прыткую русскую.

Справедливости ради, она оказалась единственной, чьи отношения с убитой не были замутнены никакими сомнительными чувствами.

– Какими, например? – не выдержала Анн-Софи.

– Ну как же! Например, ревностью, которую очень трудно контролировать. Завистью к более удачливой сопернице и жадной мщенью ей. А есть еще такое чувство, как оскорбленная любовь. Это как кол в горле. Как раскаленный гвоздь в заднице. Врагу не пожелаешь.

– Должно быть, вы знаете, о чем говорите. – Француженка вложила в эту фразу всю иронию, на которую была способна.

– Речь не обо мне, а о вас...

– Обо мне? Почему обо мне? – Удивление Анн-Софи было абсолютно искренним.

– К мужчинам все мои слова относятся тоже. Даже больше, чем к женщинам. Джазового музыканта пока отодвинем и заменим его безвременно ушедшим Шоном Барбером. И Шон, и вы, Тео, и ты, Ян... – впервые Йен обозначил свое особое отношение к другу-полюку, – в разное время были любовниками хозяйки. Надеюсь, это мое откровение никого не задело?

– Ничего нового ты не сказал, – мрачно подтвердил друг Оушена, пятнадцатый или шестнадцатый по счету.

Тео промокнул носовым платком лицо, а Магда истерически захохотала.

– И всех своих любовников покойная в разное время бросала. Заметьте, никто не уходил сам. Все оставались у разбитого корыта, жрать баланду под названием оскорбленная любовь. Надеюсь, это тоже не новость?

– Не новость, – снова согласился Ян. – Но этой ненювости недостаточно, чтобы начать убивать. И оскорбленная любовь не всегда заканчивается преступлением.

– Далеко не всегда, – подтвердил иезуитский покемон-вонючка. – У большинства хватает мозгов вовремя остановиться. Жизненный опыт, умение справляться с поражением и все такое... Помните, вы говорили о пустынном ветре, Анн-Софи? Как он назывался?

– Харматтан, – помолчав секунду, сказала француженка.

– Да, харматтан. Надо бы выучить это слово наизусть, вдруг пригодится?.. И еще вы заявили, что покойная *Даша* стала для своего

молодого мужа таким вот харматтаном. И что эта женщина не могла принадлежать ему по определению. А он имел неосторожность полюбить ее... Или речь шла о страсти?

– О роковой страсти, справиться с которой может только смерть. Если уж цитировать себя дословно.

– Но покойной было плевать на чувства мужа. Она собиралась его бросить, не так ли? Что-то сломалось в их супружеской жизни, и Шон находился на грани отчаяния. Он готов был на крайние меры, а его угрозы разрешить ситуацию кардинально слышали сразу несколько человек. А некоторые даже стали непосредственными участниками этих весьма нелюбимых разговоров. Что скажете, джазмен?

– Я не джазмен, – устало огрызнулся Кристиан, все еще не оставляющий попыток полностью слиться с телом змеи.

– Дела это не меняет. Все было именно так?

– Да.

– А теперь представьте себе ситуацию, когда в этот милый и почти безмятежный дом вваливается некоторое количество мужчин, с которыми у до той поры добродетельной жены когда-то были весьма близкие отношения. И эти мужчины, вспомнив прошлое и еще на что-то надеясь в настоящем и будущем, начинают флиртовать с покойной, оказывать знаки внимания и вообще... вести себя самым паскудным и недвусмысленным образом.

Произнеся это, Йен уставился немигающим взглядом на Тео, который под аккомпанемент истерического смеха Магды снова полез за платком.

– Такое выдержит не всякий. Вот Шон и не выдержал, бедняга. Он терпел, пока еще можно было терпеть, но когда жена сообщила ему, что уходит...

– Интересно, откуда у тебя такие сведения? – До сих пор остававшийся невозмутимым, Ян впервые позволил себе искренне удивиться.

– *Анн-Софи*. – Йен торжествующе ткнул во француженку пальцем. – Наша вездесущая *Анн-Софи*, покорительница пустынь и лучшая подруга покойной. Ее наперсница и соратница. И кому же еще доверить свои тайны, как не лучшей подруге?

– Я не утверждала, что *Даша* сообщила Шону о том, что собирается расстаться с ним. – *Анн-Софи* нахмурилась. – Я просто

высказала предположение, что такой разговор мог состояться, не более.

– Ну да, этот разговор, произойди он в действительности, служил бы идеальным мотивом преступления на почве страсти. Если верить многочисленным свидетелям, скандал начался еще на вечеринке. Оскорбленный муж потерял над собой контроль и попытался ударить жену. Первая попытка оказалась неудачной, смутьяна быстро скрутили, и он отправился накачиваться алкоголем. После чего благополучно заснул и проснулся только тогда, когда праздник закончился. А вот ярость, да еще подогретая алкогольными парами, никуда не делась. И он отправился выяснять отношения с женой, которая убиралась в сад. Там скандал вспыхнул с новой силой, возможно даже, *Даша* издевалась над мужем и смеялась ему в лицо, такого поворота событий тоже нельзя исключить.

– И что произошло потом? – осторожно спросила *Анн-Софи*.

– Все просто. Шон перестал контролировать себя и ударил жену. Но это не была пощечина, которую видели все. Он схватил первое, что подвернулось под руку, и им оказался злосчастный бронзовый леопард. Последствия удара видели многие и знают все. Но не стоит забывать, что Шон безумно любил свою жену, а убийство было совершено в состоянии аффекта. И когда морок рассеялся, он немедленно осознал, что случилось непоправимое.

– И?..

– Дальше все просто. Уж не знаю, по каким сентиментальным соображениям, он переносит тело жены в машину, закрывает ее на центральный замок и возвращается к себе в каморку. Помните, мы нашли там таблетки?

Дарлинг не сразу поняла, что вопрос адресован ей. Для этого *Йену* пришлось взглянуть на нее пристальнее и даже щелкнуть пальцами: не зевайте, юная леди, пришел и ваш черед выйти на авансцену!..

– Да. Я помню.

– Анализ показал, что это сильнодействующее снотворное. *Фенобарбитал*. Шон выпил почти целую упаковку, и всего лишь несколько штук досталось кошкам. А уж от кошек перекочевали к нам. Вот и всё.

– Всё? – *Анн-Софи* недоверчиво покачала головой.

Всё?..

Дождь за окном усилился, а Дарлинг... Дарлинг не почувствовала ничего, кроме жестокого разочарования. Зато все остальные – по мере того как до них стал доходить полный и окончательный смысл сказанного Йеном – воспрянули духом и заулыбались. Улыбки плясали на лицах подобно лодкам, вдруг лишившимся якорей; все то, что крепко держало лодки – взаимные подозрения, настороженность, плохо скрытая ненависть и ревность и невозможность толком защитить себя от обвинений в убийстве, – разом исчезло. А на свободных концах якорных цепей парили теперь светлая печаль, всепрощение и даже сострадание злодею... Вернее, жертве нелепо сложившихся обстоятельств.

– Всё, – подтвердил Йен. – Произошло не два убийства, а убийство и самоубийство. История печальная, но довольно распространенная среди тех, кто иногда позволяет себе влюбиться без оглядки.

– Бедняга Шон, – вынесла общий вердикт Анн-Софи. – Но к этому все шло... Бедняга Шон, бедная *Даша*...

Проклятье!..

Убийство и самоубийство, вот проклятье! Они выглядят почти идеальными, слишком правильными, без единого изъяна, без единой складки, куда мог бы завалиться толстячок Маву. Прислонить его к кристально чистому и бесхитростному преступлению на почве страсти не получается, несмотря на все старания. Но не только это не дает Дарлинг покоя. А что-то в рассказе самого Йена. Маленькая нестыковка, маленькая ложь, которая разрушает конструкцию изнутри.

– Она не убиралась в саду, – неожиданно даже для самой себя заявила Дарлинг. – Я была там рано утром и не заметила следов уборки.

Йен отреагировал на эту реплику мгновенно и самым удивительным образом: он запрокинул голову и громко рассмеялся. А отсмеявшись, простер руки в сторону Дарлинг:

– Прыткая русская, я был прав! Конечно, покойная не убиралась в саду – это сделали бы горничные рано утром. И Шон не кончал жизнь самоубийством – он умер во сне от обширного инфаркта. Это показало вскрытие, и, боюсь, он даже не узнал, что его жена была убита.

– То есть версия с убийством и последующим самоубийством... –
Анн-Софи нахмурилась.

– Шутка. – Покемон-вонючка снова принялся хохотать. – Я пошутил, ага. То есть убийство, безусловно, произошло, и это вещь серьезная. А все остальное – шутка.

Лодки тонут одна за другой, скрываются в пучине: первым идет ко дну несуразный ялик Тео, затем – катамаран Кристиана и его верной змеи; затем – шикарная прогулочная яхта Яна, одолженная у кого-то из друзей Оушена из первого десятка, а может, даже у самого Оушена. И лишь где-то у самого горизонта сверкает в солнечных лучах непотопляемый «летучий голландец» Магды.

– Однако. – Ян покачал головой и посмотрел на дешевого канадского шутника с плохо скрытой ненавистью.

– Да ладно. То, о чем я рассказал, вполне могло случиться. И именно такой исход событий устроил бы всех.

– С чего ты взял?

– Ну хорошо. Скажем, такой исход событий устроил бы как минимум одного человека. – Тут Йен выдержал театральную паузу, в которую немедленно вклинился дождь. – Настоящего убийцу. И еще нескольких... Может быть, двоих... Кто знал, чем на самом деле занимается эта отчаянная домохозяйка.

Сказав это, Йен прошелся по гостиной, приблизился к каменной змее и побарабанил пальцами по ее морде. И подмигнул немедленно покрывшемуся испариной Кристиану. После чего обвел взглядом всех присутствующих и наконец остановил его на Яне:

– Ты ничего не хочешь сказать мне?

– Я? – Ян выдержал взгляд и даже попытался улыбнуться. – А что я должен сказать тебе?

– Что-нибудь. Что сам считаешь нужным.

– Я не убивал *Даша*. Я всегда любил ее. Всегда.

– Но это не помешало вам застирывать одежду в ванной, – неожиданно вклинулась Анн-Софи. – Я сама видела это.

– Ну и что? – Ян пожал плечами. – У меня частенько идет носом кровь. Ничего криминального.

– А в том бизнесе, которым вы занимались с добросердечной хозяйшкой этого поместья, тоже не было ничего криминального, а?

Никакой угрозы в голосе Йена не было, скорее мягкая укоризна. Как будто добросердечный отец поймал сына на ничтожном вранье и теперь собирается (не прибегая к насилию) популярно объяснить, что ложь не есть хорошо.

– О чем ты?

– Да ладно, Янек. Ко мне... опять же благодаря нашей приткой русской попали довольно интересные документы. Досье на многое и многих, покойная собирала его последние полтора десятка лет. Во многих из документов фигурируешь ты, друг мой.

– Вот черт. – Ян поморщился, но, казалось, не слишком-то и удивился. – Я должен был это предположить.

– Что ж не предположил?

– Вот черт, – снова повторил Ян.

– Может быть, кто-то объяснит нам, о чем идет речь? – не выдержал Тео.

– О торговле оружием, – просто сказал Йен. – Только и всего. Все те годы, что она прожила в Африке, *Даша* Барбер, урожденная Дариа Слуцки, занималась не только коллекционированием древностей. Но и таким вот весьма прибыльным бизнесом. Или лучше назвать это ремеслом?

– Пошел ты к черту, – устало бросил друг Оушена. Пятнадцатый или шестнадцатый по счету. Интересно, под каким номером он значился в документах *Даша*?

Поразительно, но Дарлинг несколько не ошарашена таким неожиданным поворотом сюжета. Напротив, она испытывает головокружение и странный душевный подъем. Какие еще открытия припасла для нее *Даша*, урожденная Дарья Слуцкая? Всему свое время, Дарлинг, всему свое время, нужно только потерпеть, нужно добраться до таинственного **COTONOU**, предварительно забронировав номер в ближайшей к **RUE DU RENOUVEAU** гостинице, – и все встанет на свои места.

– ...или лучше назвать это призванием, а, Ян? – продолжил покемон. – В чем еще мог найти отраду человек столь авантюрного склада души, как наша покойница? Делишки, которые она там обстрипывала, просто поражают воображение! Но и ты был молодцом. И вы, *Анн-Софи*.

Удивление накрывает Дарлинг только сейчас: оказывается, и Анн-Софи со своими пустынями не осталась в стороне.

– Не говорите ерунды. – Анн-Софи брезгливо поморщилась.

– Это не я, это документы. И потом... помните, я спросил вас об оружии? Если бы ваша подруга была оружием, каким бы оружием она была? И вы ответили не задумываясь. Винтовка «Стейер», не так ли? Непосвященному или слабо посвященному такое сравнение и в голову не придет, разве нет?

– Это были разовые поручения. – Анн-Софи наконец-то сдалась. – Я была обязана *Даша* жизнью и не могла отказать ей...

– Мелочь, пустяк... Сопроводить партию в Дарфур под эгидой миротворческой миссии. Проследить за движением каравана в Сомали под прикрытием экспедиции юных натуралистов. Масштабы впечатляют.

– Это были разовые поручения, – снова повторила Анн-Софи. – И потом, насколько я знаю, *Даша* в последние несколько лет отошла от дел.

– Не совсем так. Она не отошла от дел. Она свернула дела, кинув своих африканских компаньонов на кругленькую сумму. Речь идет о нескольких десятках миллионов долларов. Неплохое подспорье для начинающей домохозяйки.

– Я никогда не интересовалась состоянием ее личного счета. – Анн-Софи надменно улыбнулась.

– Вы, может быть, и нет. А кое-кто интересовался, и даже очень. Кое-кто искал ее по всему свету и, кажется, нашел. И вот теперь на авансцену выходит наш замечательный джазмен! – Канадский проныра так громко хлопнул в ладоши, что все присутствующие вздрогнули.

А Кристиан...

Смотреть на окаменевшее лицо брата-близнеца мучительно. Но он больше и не брат-близнец, во всяком случае, не Дарлингов, разве что змеи, от которой он все еще не может отлепиться. Сиамский, сросшийся телом с рептилией близнец – и сам теперь рептилия, с вытянутой овальной головой, на которой не осталось ни одной маломальски приметной выпуклости. Уши Кристиана вжались в череп, рот и щеки запали, и лишь в округлившись немигающих глазах блестит испуганная влага. Господи боже мой, хоть что-то человеческое!.. Но это человеческое отталкивает Дарлинг еще больше, чем змеиное.

– Я не убивал! – шепчет рептилия-Кристиан, распялив неожиданно ставший безгубым рот. И этот шепот оглушает Дарлинг почище любого истошного вопля.

– А разве я обвинил вас в убийстве?

– Я не убивал, не убивал...

– Но приехали сюда, чтобы убить.

– Нет... Все совсем не так... Не совсем так... Это Шон... Он мой старый друг, очень старый. Единственный... Он пропал, а потом нашелся... Прислал мне письмо, что счастливо женат. А потом прислал альбом с фотографиями... жены и дочери... Так я впервые увидел *Даша*, и она понравилась мне. Очень.

– Настолько, чтобы убить ее? – быстро спрашивает Йен.

– Да нет же... Настолько, чтобы влюбиться.

– Еще один идиот, – цедит Анн-Софи.

– Это было совсем невинно, совсем... Я просто отсканировал ее фотографию, я был так одинок... А потом в одном баре, совершенно случайно... я встретил женщину, тоже русскую и очень милую. Мы разговорились, и я показал ей фотографию...

– Зачем?

– Это сложно объяснить...

– И все же попытайтесь.

– Это было невинно. Невинная шутка, да. Невинное вранье. Я сказал... сказал, что это моя девушка. И сказал, что мы живем в Камбодже...

Фразы, которые изрыгает рот Кристиана-рептилии, сворачиваются тугими бессмысленными кольцами вокруг черепной коробки Дарлинг и вот-вот раздавят ее. О чем он говорит? – вернее, шипит? Какая-то странная, мутная, отдающая плохо диагностируемой детской шизофренией история. «Невинное вранье»... Кажется, именно о невинном вранье, тянущем в пропасть, и пытался сообщить Дарлинг Кристиан, когда еще был человеком, а не придатком каменной змеи. Теперь же выясняется суть этого вранья: *прикинуться другим человеком, чтобы украсть... не чужую жизнь даже, а всего лишь ее фантом.*

И Дарлинг вдруг становится до слез жалко бывшего брата-близнеца. Не *Даша*, не бедняга Шон, не осиротевшие дети – Кристиан, вот кто здесь самый несчастный!.. Он еще несчастнее, чем вечно

потеющий Тео, чем полубезумная, грустная Магда: в их жизни хоть что-то происходило, хотя бы ревность, хотя бы любовь. А в жизни Кристиана нет ровным счетом ничего, ничего, ничего! Лишь пустота, обклеенная крадеными фотографиями краденого чувства.

– А она?

– Она сказала, что мне очень повезло. Мы немного выпили, и она ушла. И только потом я заметил, что она забыла кольцо.

– Кольцо, ага. – Йен дергает подбородком и, порывшись в карманах, извлекает на свет божий серебряное кольцо со впаянной в него монетой. – Это?

– Но как вы... – Круглые глаза Кристиана становятся еще круглее, и подымающаяся с их дна вода пенится и образует водовороты. Он оглядывается на змею; он выглядит разочарованным, раздосадованным, разбитым – как будто змея, до сих пор исправно служившая его продолжением, вдруг предала его. – Это, да. Я взял его с собой...

– Еще бы. – Анн-Софи смотрит на новоиспеченную английскую рептилию с отвращением. – Если уж ты присвоил себе чужую жену, то о такой мелочи, как кольцо, и переживать не стоит.

– Я никому не хотел причинить зла, – шелестит Кристиан. – Это была невинная шутка, а потом я и думать забыл о той русской из бара. К тому же Шон попросил меня приехать, он сказал, что это очень важно. А в самолете, когда я летел сюда... ко мне подсел мужчина. И показал фотографию *Даша*. Но не ту, которую отсканировал я, другую. На ней *Даша* была гораздо моложе. И он сказал, что все знает про Камбоджу. И что ему нужно обязательно увидеться с моей девушкой... То есть... не с моей девушкой. С женой Шона, конечно же...

– А зачем ему нужно было увидеться, он вам не сказал?

– Нет. Сказал только, что они старинные друзья и что он искал *Даша* много лет, и вот подвернулся такой счастливый случай...

– Да уж. Счастливый.

– И еще, что я должен устроить ему эту встречу. Это будет приятный сюрприз для его подруги, именно так он и сказал.

– И что же вы должны были сделать, чтобы этот сюрприз состоялся?

– Открыть дверь.

– Вот так просто?

– Он должен был прислать мне эсэмэс, этот мужчина. Он назвался Алексом.

– И что, прислал?

– Да. Я могу показать...

– Еще успеете. Что было потом?

– Ничего. Хотя... несколько дней назад *Даша* увидела кольцо, оно висело у меня на цепочке...

– А разве этот Алекс... не потребовал кольцо обратно?

– Нет. Это ведь было не его кольцо, а той женщины из бара. И в самолете ее не было, а только она имела право на это кольцо по большому счету... Но когда *Даша* увидела его... мне показалось, что она огорчилась.

– Только и всего? Она не стала расспрашивать вас о кольце?

– Нет. Она просто немного огорчилась и о чем-то задумалась, вот и все.

– Почему же вы решили избавиться от кольца?

– Я не знаю. Оно разонравилось мне. И я не хотел больше расстраивать *Даша*...

– Которая была уже мертва к тому моменту, как вы сунули кольцо в змеиную пасть. Заметали следы, а, джазмен? В котором часу вы открыли дверь?

Теперь еще и змеиная пасть!.. Не та ли, что возвышается над Кристианом? Думать об этой пасти легко, намного легче, чем о Кристиане: от жалости к нему у Дарлинг не осталось и следа. Только презрение.

– Я не открывал дверь! – стонет и извивается рептилия-Кристиан. – Если уж на то пошло, я должен был открыть проклятую дверь не сегодня, а завтра! Я покажу вам эсэмэс, там указана дата!

– Ну хорошо, допустим, я вам поверил. – Йен дергает себя за ухо и смотрит на змеиноного братца с брезгливым сожалением. – Чуть позже и я вам кое-что покажу. Несколько фотографий из оружейного досье. Может быть, вы кого-нибудь на них узнаете.

– Все это замечательно, – задумчиво произносит Анн-Софи. – Осталось только узнать суший пустячок. Имя убийцы.

– Ну... Анн-Софи, Анн-Софи! – Йен подмигивает француженке обоими глазами сразу. – Уж вы-то знаете его наверняка.

– На вашем месте я бы не торопилась с выводами...

– А я и не тороплюсь. Поторопились вы, с вашим враньем о личном архиве настоящего отца Исмаэля. Или не было времени придумать версию поизящнее? Ведь речь шла совсем не об архиве, тем более что его не существует в природе... А, как я подозреваю... об одном артефакте? Золотой божок, не так ли? Именно его вы хотели заполучить?

– Канадская свинья, – в сердцах бросает Анн-Софи и надолго замолкает. – Даже если и так, это не делает меня убийцей. И этот артефакт нужен совсем не мне. Он нужен весьма влиятельным и богатым людям, которые готовы были предложить этой строптивнице любую сумму. Я выступала лишь посредником, я пыталась договориться с *Даша*. И не моя вина, что она отказалась. У нас с *Даша* случалось всякое, и в разные периоды жизни я ненавидела ее с разной степенью интенсивности, но... убивать ее из-за куска золота я бы не стала.

– Конечно. – Йен прикрывает глаза. – Охотно верю вам, леди. А как насчет того, чтобы воспользоваться плодами чужого преступления и заполучить божка совершенно бесплатно? Да еще и наварить кругленькую сумму, продав его тем людям, от лица которых вы вели здесь переговоры? А? Как вам такой расклад, старушка Анн?

Впервые Анн-Софи не находит что ответить. Как будто все те, кто долгое время были ее союзниками – все пески, все скорпионы, все ящерицы на свете, – вдруг ринулись в ее полуоткрытый рот и забили его. Запечатали, законопатили. И – для верности – заткнули еще и кляпом-Маву. Золотым божком, которого Анн-Софи так вожделела.

Спеленутая молчанием, Анн-Софи, кажется, больше не представляет для покемона никакого интереса.

– Ну а теперь начинается самое любопытное! – провозглашает он, плотоядно улыбаясь. – Кое-кто до сих пор оставался за кадром, но, кажется, пришла пора вытащить его на свет. А для начала я расскажу вам историю об одной птице по имени додо. О птице, которая только прикидывается птицей. Безвольной, сластолюбивой и неблагодарной. Писателишке средней руки, который всю дорогу корчит из себя Хемингуэя. Или кого там вы выбрали образцом для подражания, а, Тео?

Услышав свое имя, Тео вздрагивает, но взглянуть на того, кто обозвал его Хемингуэем, вылупившимся из последнего на земле яйца

ископаемой птицы додо, так и не решается. Вместо этого он трет и трет лицо мокрым носовым платком. И Дарлинг начинает бояться, что он сотрет лицо напрочь, до самого затылка, – чтобы уже ни у кого не возникло желания сравнить его с великим бородачом и строптивцем. Даже в шутку.

– Ну это и не важно. Важно то, что бедолаге Тео не слишком-то везло в жизни. Один-единственный заштатный романишко он писал лет десять, а то и больше. Алкоголь, депрессии, жажда славы, которая не торопится принять нашу птичку в свои объятия... Так недолго и пропасть, и Тео обязательно пропал бы, если бы не вытащил однажды счастливый лотерейный билет. Этим билетом оказалась... – тут Йен снова выдерживает театральную паузу. – Вовсе не покойная *Даша*, как могут предположить некоторые. Вовсе нет. Магда, вот как назывался этот счастливый билетик! Теперь, правда, она выглядит неважно, но мы не будем придираться к внешности, мы попытаемся проникнуть в суть. А суть состоит в том, что сильная и очень умная женщина полюбила самого настоящего дурака и ничтожество. Наверное, это и есть роковая страсть, которая всегда прогуливается поблизости от смерти, тут исследовательница пустынь права на все сто. Так вот, эта сильная и умная женщина бросает псу под хвост свою блестящую карьеру психоаналитика, становится сиделкой и домработницей и вытаскивает неудачника к свету, сама все больше погружаясь в темноту и прозябание... И вот, когда восхождение к вершинам состоялось, или почти состоялось... Когда сбылись все самые сокровенные мечты и посвящение в только что изданной книге начинается со слов «моей единственной»... Каково осознавать, что в этом посвящении речь идет вовсе не о тебе... Каково, а, Магда?

Маска безумия сползает с лица Магды, как старая облупившаяся краска, обнажая открытую, отважную и немного печальную красоту ее лица, которое больше не кажется Дарлинг кукольным.

– Когда вы решили убить соперницу, Магда?

Вопрос застаёт врасплох всех, но только не ту, к кому он обращен. Напротив, Магда встречает его с благодарностью, во всяком случае, черты ее смягчаются, а на губах начинает играть улыбка. Но не безумная и жалкая, к которой Дарлинг так привыкла за последние пару дней. Это – улыбка облегчения: ведь больше не надо хранить страшную детскую тайну, от которой не избавиться даже в

исповедальне, наскоро сплетенной из виноградных лоз где-то посередине летнего дачного дня. Там же, в летнем и длинном, как жизнь, дне маленькой Магды живут все ее чувства – такие же долгие: любовь и ненависть, ненависть и любовь. Там слишком много солнца. Его так много, что спрятать детский, выложенный стеклышками и потерянными птичьими перьями секрет убийства – почти невозможно. Солнце обязательно найдет его и высветит, сколько ни переключивай с места на место, сколько ни пытайся сунуть под помидорный куст, или куст смородины, или в кишашую кузнечиками траву. И маленькая Магда просто устала бороться с солнцем, просто устала.

Вот и все.

– ...Всегда. Я хотела убить ее всегда. Я не помню ни одного дня, в котором мне не хотелось бы убить ее. С тех самых пор, как Тео рассказал мне о ней на нашем первом сеансе.

– Вы приехали сюда, чтобы убить ее?

– Я не хотела ехать. И пыталась отговорить от этой поездки Тео. Но отговорить его было невозможно. И отпустить одного – невозможно вдвойне. Ничего бы не случилось, если бы Тео отказался от своей безумной затеи вернуть былые отношения с... этой женщиной. У меня не было другого выхода. Иначе бы этот кошмар продолжился до конца моей жизни. Одно время я думала, что все закончилось, и даже перевела дух, но... Она снова объявилась, эта его старая любовь. И выбор у меня был невелик. Убить ее и попытаться защитить свое счастье или...

– Убив ее, вы бы ничего не спасли. – В голосе Йена звучит самое настоящее сочувствие. – Тем более что той, кого вы так отчаянно ненавидели, Тео был совершенно не нужен. Проходной эпизод в череде пестрой жизни, не более. Мелкий, незначительный эпизод. Эпизодишко. Три секунды экранного времени, большего ваш герой не заслуживает.

– Может быть. Но Тео был нужен мне. Такой, какой он есть. И три секунды экранного времени я собиралась растянуть на целую жизнь. И у меня бы получилось, поверьте. У меня бы все получилось, если бы не это дурацкое приглашение в Камбоджу. Я знала, чем все закончится, еще в самолете.

– Именно там вы решили сыграть безвольную истеричную алкоголичку? Женщину, подверженную приступам безумия?

– Нет. Там, в самолете, я приняла окончательное решение убить эту женщину, чтобы навсегда избавиться от мук ревности. А детали пришлось уточнять уже здесь.

– Бронзовый леопард – тоже деталь?

– Он понравился мне. – Магда улыбнулась. – Он понравился мне в тот самый момент, когда Исмаэль вынул его из подарочной коробки.

– Но вы сказали, что Исмаэль только вертел коробку в руках.

– Я солгала, я видела, как он распаковал коробку, вынул леопарда и поставил на стол. Через минуту мальчик ушел, а мне лишь оставалось взять статуэтку и унести ее с собой.

– И вы придумали историю про кота, который преследует вас?

– На то, чтобы сочинить ее, я и пяти минут не потратила. Когда много лет работаешь психологом, такие истории начинают свисать с тебя гроздьями.

– Вы ведь не пьете?

– Нет. Но промачивать горло все же приходилось. Не будь запаха – никто бы не поверил в историю о полубезумной алкоголичке.

– И как же вам удалось оказаться с убитой наедине?

– Все очень просто. Окна нашей с Тео комнаты выходят в сад. И я видела все, что происходит там. Оставалось только дожидаться подходящего момента.

– Долго же вам пришлось ждать.

– Какое-то время, да.

– А если бы *Даша* оказалась в саду не одна? Если бы она сразу же пошла спать?

– Последние несколько дней она ложилась спать на рассвете, а ночь проводила в саду. Уж не знаю почему... Может быть, из-за той истории с кольцом. Так было и той ночью. Когда в доме все стихло, я спустилась вниз, и мы встретились.

– В саду?

– У задней двери, она оказалась там. Сидела на стуле и, казалось, чего-то ждала. Она была очень милой и отнеслась ко мне с сочувствием. Сказала, что у нее в машине есть косячок, и мы можем выкурить его и славно поболтать.

– О чем?

– О мужчинах, о чем же еще...

– И вы переместились в «Лендровер»?

– Да. Дождь стоял стеной, а в машине оказалось неожиданно уютно. Мы еще успели покурить.

– И после этого вы ударили ее тяжелой статуэткой в висок?

– Нет. После того, как она сказала гадость о Тео. Оказывается, это очень просто – убить. Особенно тогда, когда человек не ждет от тебя никакого подвоха. От кого угодно, но только не от тебя.

– Почему же вы остались на улице, а не вернулись в дом?

– Собака. Я наткнулась на нее, когда вышла из машины. Но справиться с ней оказалось проще, чем я думала. Она была слишком стара, слишком слаба, жаль, что я не поняла этого чуть раньше.

– Чуть раньше, чем...

– Чем слышала детский плач, не очень громкий. Из-за угла появилась Лали, и мне оставалось только затаиться в кустах. И ждать подходящего момента. Но он наступил намного позже и был не совсем подходящим. И мне ничего не оставалось, как продолжить играть полубезумную Магду. И мне это почти удалось. Если бы не Анн-Софи... Когда мы отправились в ванную, вы помните, да? Она сказала мне, что видела все, что произошло. Что она спит очень чутко, а в последнее время ее вообще мучает бессонница... И что она видела все. И еще она сказала, что не выдаст меня... и будет молчать. И она молчала до сих пор... Но, видимо, теперь молчание бессмысленно.

– Что скажете, Анн-Софи? – спросил Йен.

– Ну хорошо, – после непродолжительного молчания отозвалась Анн-Софи. – Это был мой единственный шанс заполучить артефакт без всякой головной боли. Я действительно видела все, что произошло. И видела, куда эта слабовольная дура Магда забросила леопарда. Оставалось только незаметно подобрать его, пока все почтенное собрание причитало у машины. И подменить одну статуэтку на другую. Тем более что я знала, где *Даша* обычно хранит ключ от шкафа, это укромное местечко показала мне Лали. Ключ я потом подложила в чей-то карман, уж не помню в чей, благо здесь масса тряпок, которые остаются без присмотра...

– Зачем вам нужно было подбрасывать кому-то ключ? – Йен вопросительно приподнял бровь.

– Просто так. Для усиления интриги.

– А снотворное в комнате Шона?

– Мне дала его Магда, на случай, если вы начнете трясти меня и Зазу. Тогда нашу глухоту и слепоту легко было бы списать на чей-то злой умысел. Снотворное нам просто подмешали, чтобы мы, старые натуралисты, заснули сном праведников и благополучно проспали убийцу.

– Удивительно, но именно так я и думал. До тех пор, пока не нашел таблетки. Не проще было бы спустить их в унитаз?

– Я бы так и поступила, если бы не кошка. А когда на тебя бросается разъяренное животное – тут уж не до снотворного в кармане. И – откровенность за откровенность: как вы догадались, что убийца – Магда?

Йен снова выдержал паузу, на этот раз – самую длинную. А потом поднял вверх указательный палец и произнес:

– Мужские рубашки. Зачем это женщине носить мужские рубашки, да еще с длинным рукавом, да еще в таком жарком климате? Чтобы скрыть искусанные собакой руки. Раны, нанесенные клыками, еще можно было спрятать под слоем грязи, глины и земли. Но вечно так не проходишь. Вот тогда и возникли спасительные рубашки с длинными рукавами. Поняв это, легко было понять и все остальное. Я ведь прав, Магда?..

Магда лишь улыбнулась в ответ. Не отрываясь, она смотрела и смотрела на Тео, бесполезную и бескрылую птицу додо, и с каждой секундой ее улыбка становилась все безумнее, и Дарлинг силилась понять – играет ли сейчас Магда, как тогда, в кабинете, сидя за шторой. Или сумасшествие, которое она мастерски разыгрывала все эти дни, настигло ее – теперь уже по-настоящему...

* * *

...Они стояли на террасе второго этажа и смотрели на «Лендровер», в котором умерла *Даша*.

– Это ведь не я убил его? Ведь нет? – спросил Исмаэль у Дарлинг.

– Конечно, нет. Ты же знаешь, Шон умер от инфаркта, и ты никак не можешь быть виноват в его смерти.

– Когда он ударил маму, что-то произошло со мной. Как будто огонь возник в пальцах. Мама рассказывала мне о колдунах боро

мангу...

– Мне тоже. Это такие же сказки, как и сказки о принцессе Афреките. Ты ни в чем не виноват.

– Мама сказала мне, что ты останешься с нами, со мной и Лали.

– И с кошками, – подтвердила Дарлинг.

– И с кошками, да, – согласился Исмаэль. – А еще она сказала, что мы должны отправиться в одно место, в Котону... Это в Африке. Ты была в Африке?

– В Котону я точно не была. Но мы обязательно туда поедем.

– Все втроем?

– Впятером. Ты забыл о кошках.

– Я никогда не забываю о кошках, ведь я до сих пор не угадал их имен. И Лали не угадала. А ты?

– И я. – Дарлинг улыбнулась и подставила ладони под льющиеся с неба струи. – Интересно, здесь бывает что-то еще, кроме сезона дождей?

– Пойди и спроси у кошек. – Исмаэль впервые за долгие дни улыбнулся и перехватил руку Дарлинг. – Так, значит, ты не уедешь от нас?..

...Хороший вопрос для огромного пустого дома, в котором они теперь остались только втроем. Все остальные покинули его: в наручниках, как Магда, не проронившая ни слова после своей исповеди; под конвоем, как Ян и Анн-Софи (вопросы относительно их участия в оружейных поставках в Африке заинтересовали не только отставного полицейского Йена, но и кое-кого из Интерпола). Об этом в последней, очень похожей на дружескую беседе сообщил Дарлинг сам Йен. Который больше не казался ей покемоном, вонючкой и треш-дешевкой. Умный, усталый и не слишком счастливый мужик – вот кем он был на самом деле. Чем-то похожим на исчезнувшего и так и не объявившегося больше Костаса. Что было бы с Йеном, встретиться он не с мертвой, а с живой *Даша*? Быть может, то же, что и с Костасом, а может, и нет. Дарлинг до сих пор не в курсе, знает ли Костас о смерти своей бывшей возлюбленной, но если он и узнает когда-нибудь, то точно не от нее. Дарлинг не намерена возвращаться, не намерена включать телефон: пусть этот телефон будет четвертым в списке умерших. А она – пятой: для тех, кто остался там, куда она не намерена возвращаться. Наверное, это слишком жестоко, наверное,

лучше объявить себя просто исчезнувшей. Исчезнувшей здесь и всплывшей где-то в Африке, в окрестностях Котону. Та, прежняя Дарлинг никогда бы не отправилась в Котону, а именно это и собирается сделать Дарлинг нынешняя. И ее прошлая никчемная жизнь вовсе никакое не подспорье, так что лучше просто забыть о ней. А помнить о *Даша*, великой авантюристке и женщине, которую все любили и все ненавидели. И эта любовь, и эта ненависть были так яростны и так прекрасны, что у Дарлинг захватывает дух. И еще больше захватывает дух от того, что *Даша* не оставила ей никакого выбора, кроме как заменить ее саму. Сначала подле детей, а там – кто знает...

Никто.

Возможно, об этом знает Котону, но время Котону еще не пришло. Но обязательно наступит.

Именно об этом рассеянно думает Дарлинг, пока Йен рассказывает ей о досье.

Досье, собранное когда-то *Даша* (очевидно, чтобы обезопасить себя), по выражению Йена, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Множество фактов, множество имен, подробные схемы, подробные маршруты – эта информация сама по себе стоила не меньше, чем стоил толстячок Маву, торжественно водруженный на свое место, но намного, намного больше. Теперь-то Дарлинг понимала, почему *Даша* проводила ночи в ожидании гостей. Не нервном, а достаточно спокойном. Возможно, она надеялась договориться, и наверняка бы договорилась. И осталась бы жива.

Если бы не Магда.

Даша была в состоянии просчитать абсолютно все, на двадцать, на сто шагов вперед. И лишь смертельно раненную ревностью женщину она не просчитала. И это делает живую *Даша* уязвимой, а мертвую – живой: той, кому свойственны роковые ошибки, нелепые и нежные. Это делает живой память о ней, и эта память останется с ней навсегда.

И Исмаэль, и маленькая Лали не дадут забыть. И кошки.

...Последним, уже вслед за Тео и Зазу, дом покинула змея-Кристиан. Тихо уползла, не выпустив ни единого слова из своего безгубого рта.

Но всякий раз, когда Дарлинг оказывается в кабинете, в поле притяжения Маву, в ее голове начинают звучать самые разные тихие голоса. И они нашептывают ей, что это не конец истории, а только начало. И что все они еще появятся в ее жизни: и Костас, и Анн-Софи, и даже гнусная рептилия с английским паспортом. Возможно, даже Йен, а мягкие шаги леопарда, которые она слышала в коридоре, – уж точно. Там, в этих осторожных шагах, скрыты самые главные тайны *Даша*. И тайны Шона, и тайны боро мангу, и множество других тайн.

И Дарлинг обязательно до них доберется.

– ...Ты ведь не уедешь, нет? – снова спросил Исмаэль.

Дарлинг посмотрела в небо и где-то в его сырой глубине увидела самолетик-камикадзе Паоло. Самолетик висел над любимым папочкиным сухогрузом, на капитанском мостике которого стояли юная коротко стриженная Джин и юная коротко стриженная *Даша*, а у их ног сидел совсем еще щенок Амаку.

Я не уеду от вас, нет. Теперь я дома...

Конец первой книги

notes

Примечания

1

Печальный (*англ.*) – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Аэропорт Пномпеня.

3

Ваши навигационные огни не видны (*англ.*).

4

Пожалуйста, подайте лоцманский трап с левого борта (*англ.*).

5

Парикмахерская (*фр.*).

6

Не прикасаться! (*англ.*)

7

Восхитительная (*англ.*).

8

Изумительная (*англ.*).

9

Удивительная (*англ.*).

10

«Любовь, смерть» (*фр.*).

11

«Бог хранит королеву» (*англ.*).

12

Не правда ли, милый? (*фр.*)

13

Да, конечно (*фр.*).

14

К востоку от Солнца, к западу от Луны (*англ.*).

15

Замужество (*англ.*).

16

Как бесчувственно (*англ.*).

Table of Contents

[Виктория Евгеньевна Платова Странное происшествие в сезон дождей](#)

[Часть первая](#)

[Часть вторая](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)